

С конца 1950-х годов и до начала перестройки российские социологи фактически не знали своих профессиональных предков. Так сложилось, что прошлое российской социологии не стало импульсом для развития ее настоящего. Но настоящее в силу разных причин заставляет нас обернуться назад. И осознать, что сначала хрущёвская «оттепель» позволила российской социологии родиться во второй раз, а затем горбачёвская перестройка создала предпосылки для ее возрождения. Обращение российских социологов к своему прошлому можно было бы описать тезисом: «К возрождению через второе рождение».

Б. З. Докторов

УДК 316(470)
ББК 60.51(2)6
Д63

Докторов, Б. З.

Д63 Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории / Борис Докторов. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 560 с.

ISBN 978-5-94380-146-4

В монографии доктора философский наук Б. З. Докторова анализируются широкий круг проблем, касающихся становления и развития социологии в СССР и новой России. Автор предлагает и аргументирует точку зрения, согласно которой современная социология — не продолжение, «возрождение» дореволюционной, но результат второго рождения этой науки в контексте хрущёвской политической «оттепели». Центральной теоретической конструкцией реализованного в книге историко-научно-ведческого анализа является понятие поколения советских/российских социологов. Эмпирическую основу работы составляют биографические интервью с социологами первых четырех поколений, значительная часть которых проведена автором по электронной почте. В целом им введена и обоснована новая биографоцентричная парадигма изучения истории современной российской социологии.

Книга может быть полезной исследователям, работающим в разных областях социологии, преподавателям истории российской социологии, студентам социологических факультетов. В то же время она адресована более широкому кругу читателей — историкам, культурологам, журналистам — всем, кто интересуется жизнью советского/российского общества во второй половине завершившегося столетия и в начале нового, XXI века.

УДК 316(470)
ББК 60.51(2)6

Содержание

От автора	8
Введение: как началось это исследование	10
Часть I. ИСТОРИКО-НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	18
Глава 1. Биографии для истории	18
История есть, только если она написана	18
Преемственность или возрождение?	26
Биография как источник историко-научной информации	50
Глава 2. Методолого-методические аспекты исследования	63
Электронное биографическое интервью	63
Биография и судьба	76
Об исторических поисках. Как это было	90
<i>Кто на фотографии? Задача с 42 неизвестными.</i>	90
<i>Кто перевел книгу У. Гуда и П. Хатта?</i>	93
<i>Как слово наше отзовется....</i>	98
<i>Первый Всесоюзный форум социологов. Как воссоздается прошлое.</i>	100
Глава 3. Генезис современной советской/российской социологии	104
В поисках свидетельств «возрождения»	104
Траектории преемственности: задача будущего	110
Не преемственность и не возрождение. Второе рождение	115
Второе рождение. Уточнение периодизации современной российской социологии	126
Глава 4. Лестница поколений российских социологов	135
Модель поколенческой стратификации российского социологического сообщества	135
От модели к реальности: социологические поколения	143
Матрица биографий	152

Часть II. БИОГРАФИИ В ИСТОРИИ	162
Глава 5. Начало биографий	162
О предбиографии и начале биографии	162
Память о ней — общая и одновременно у каждого — своя	166
Война не отпускает... ..	167
Воспоминания о школе и учителях. Чтение	172
Самоучки и цеховые ученики	179
«...Из обыкновенного, банального комсомольского активиста»	188
Смерть Сталина	195
Сфера свободы	197
Глава 6. Порождено историей. Один возраст — два поколения	206
Им было суждено начать	207
Это странное второе поколение: первые ученики первых учителей	230
Глава 7. Призванное помогать	254
Функции поколений: общие положения	255
Реализация функций третьего поколения	261
«Математики»	261
«Филологи»	273
«Философы»	280
Глава 8. Спасенные перестройкой	292
Перестройка открыла перед ними перспективу	294
Элементы нового пространства деятельности	309
Новый вызов: изучение общественного мнения и рынка	329
Часть III. ИСТОРИЯ В БИОГРАФИЯХ	343
Глава 9. Подсказано прожитым	343
Спонтанное рождение идеи	344
Б. А. Грушин: Концепция массового сознания	346
В. А. Ядов: Иерархия ценностей	349
С. В. Чесноков: Детерминационный анализ	352
Л. Е. Кесельман: Уличный опрос	355
Неотвратимость исследовательской темы	357
Экономическое сознание. Новосибирский манифест	358
«Сеть», как бы покрывающая всю жизнь в целом	363
Не терять преемственности	366
Б. М. Фирсов о своем разномыслии и разномыслии в СССР	369
Драматическая социология	373

Глава 10. История правдива, только если она полна	378
И все же проблема есть	380
Не пришедшие вовремя	386
<i>О книге, которой нет</i>	387
<i>Анатомия закрытия</i>	390
<i>40 лет спустя</i>	393
<i>Опубликовано через тридцать лет</i>	398
«Четверокнижие» Б. А. Грушина	403
Озабоченность сохранением прошлого	408
Глава 11. Повседневность	414
Методологические замечания	415
Некоторые грани повседневности	424
<i>Несколько слов о Советской социологической ассоциации</i>	427
<i>Присутствие КПСС в повседневности социологов</i>	431
<i>Присутствие КГБ в повседневности социологов</i>	444
Глава 12. Перестройка в судьбах социологов и социологии	456
Методологические рассуждения о времени и событиях	457
Поход во власть	460
Возникновение независимых социологических организаций	467
Независимое социологическое образование	476
Изменения в методологии социологии и предметно-объектной направленности исследований	481
Закключение	491
<i>Приложение. Б. З. Докторов: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...»</i>	496
Литература	525
Список цитируемых интервью с российскими социологами	537
Именной указатель	543
Список сокращений	552
Summary	556
Contents	557

От автора

*Владимир Александрович Ядов
оказал огромное влияние
на становление и развитие
современной российской социологии.
Ему посвящается эта книга.*

Эта книга содержит итог многолетнего, многопланового исследовательского проекта, который я в принципе не мог бы выполнить без поддержки и разнообразной помощи многих людей. Я отчетливо понимаю невозможность привести здесь имена всех, с кем я сотрудничал, задумывая эту работу, формируя ее методологию и инструментарий, собирая в течение восьми лет биографическую, документальную и иного рода информацию, и кто содействовал публикации проведенных интервью и аналитических материалов. Но я всех помню, уважаю, ценю сделанное ими и самым искренним образом всех благодарю.

Прежде всего, мне хочется сказать спасибо всем тем коллегам, российским социологам — их около 50 человек, — кто согласился на интервью со мной и поделился воспоминаниями о своей жизни, пути в науку, осуществленных исследованиях, непростых проблемах, которые приходилось решать. Рассказанное ими составляет основу данной работы, определяет ее структуру, содержание, тональность и стиль.

Уже почти два десятилетия я живу в США. Но судьба так распорядилась, что я смог сохранить профессиональные и дружеские связи с теми, с кем сотрудничал и тесно общался до отъезда. На протяжении четверти века я работал в коллективе ленинградских социологов, и мне приятно осознавать, что настоящее исследование возникло и во многих своих аспектах развивалось в контакте с этими близкими мне по духу и пониманию социологии учеными. На рубеже 1960–1970-х гг. Андрей Здравомыслов, Борис Фирсов и Владимир Ядов вводили меня в социологию, и они же в начале 2000-х определили направленность моих историко-биографических поисков. Многие в методологии проекта и в трактовке событий прошлого — настоящего дало мне регулярное эпистолярное общение с Андреем Алексеевым и Игорем Коном¹.

¹ Пока готовилась к изданию эта книга, ушли из жизни Андрей Григорьевич Здравомыслов (2009) и Игорь Семенович Кон (2011). Я воспринимаю это как потерю для российской науки и ощущаю как сужение круга друзей.

Преобладающая часть интервью с социологами и биографических очерков, которые составляют эмпирическую основу этой книги, исходно публиковались на страницах петербургского журнала «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Это — знак постоянного внимания его издателя и редактора Михаила Илле к настоящему историко-научковедческому исследованию, к которому, замечу, он же меня и побудил. За возможность активно публиковаться в «Социологическом журнале» я признателен Ларисе Козловой; также ценю ее советы по освещению слабо изученных сторон прошлого российской социологии. Появление серии биографических интервью в журнале «Социальная реальность» стало возможным благодаря Елене Петренко и Александру Ослону. Очень высоко я оцениваю вклад в развитие всего исследования Наталии Мазлумяновой: это точные критические замечания по поводу ряда концептуальных схем историко-биографического анализа и редактирование многих текстов на фазе их первой публикации².

При доброй поддержке Дмитрия Шалина на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (<http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>) был сформирован достаточно полный web-архив проведенных мной интервью и моих теоретико-методологических текстов. А в начале 2012 г. по инициативе Франца Шереги и благодаря огромной работе Елены Григорьевой увидело свет электронное издание моего трехтомника «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» (http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm). В нем заинтересованный читатель найдет все тексты интервью, проведенных мной в 2005–2011 гг.

Во многом эта работа выполнена в ответ на предложение Бориса Фирсова и при поддержке директора Издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге Милены Кондратьевой. Это их идея — опубликовать одновременно второе издание монографии Б. Фирсова «История советской социологии. 1950–1980-х годов» и настоящую книгу.

Конечно же, мне хочется поблагодарить редактора книги Елену Васьяковскую. Ей пришлось заниматься с рукописью не в ходе личного общения с автором, а через электронную почту. и хочу надеяться на то, что мое стремление максимально учитывать ее советы в определенной степени снимало эту проблему.

*Борис Докторов
Декабрь 2012 года*

² Наталия Яковлевна Мазлумянова (1952–2013) ушла из жизни незадолго до выхода в свет этой книги.

Введение: как началось это исследование

Интерес к биографиям ученых возник у меня на рубеже 1950–1960-х гг. и потом фактически никогда не исчезал. Летом 1959 г., после окончания школы, перед самым поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета, я случайно узнал о двух книгах, которые — как я теперь понимаю — породили мой интерес к изучению творчества ученых и к истории науки. Монография одного из крупнейших физиков XX в. Эрвина Шредингера (Шредингер 1947) стимулировала мои занятия прикладными разделами математики и использование математических методов в биологии и науках о человеке. В работе Леопольда Инфельда (Инфельд 1958) рассказывалось о гениальном математике Эваристе Галуа, погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп — раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга стимулировала мой интерес к изучению творчества ученых и к истории науки.

На третьем—четвертом курсах университета я увлекся математической статистикой и познакомился с работами Рональда Фишера и Карла Пирсона. Социологией я начал заниматься с 1968 г., но до конца 1970-х, уделяя больше внимания и времени разным социологическим темам, я одновременно изучал философию и математическое наследие Пирсона, думая когда-нибудь обобщить все это в книге.

Из-за отъезда с семьей в Америку в 1994 г. могло так случиться, что работа в сфере науки вообще оборвалась бы. Должно было произойти многое, чтобы лишь через десять лет мои интересы к социологии и истории науки встретились и возникла тема, расположенная в «точке» их пересечения. В иных обстоятельствах эта автобиографическая информация, возможно, могла показаться лишней, но в данном случае я счел необходимым ее привести, так как все изложенное во многом определило методологию и содержание предлагаемой работы.

Мой путь к изучению истории современной российской социологии начался в 2000 г. Тогда в российской и американской русско-

язычной прессе обсуждались возможные итоги предстоящих в России президентских выборов, в частности затрагивалась тема доверия к прогнозам, построенным на опросах общественного мнения. В связи с этим мне показалось интересным изучить статистику электоральных прогнозов Джорджа Гэллапа и написать заметку о том, что при выполнении определенных методических правил социологические прогнозы оказываются верными и точными. Небольшой очерк по итогам этого анализа был опубликован в марте 2000 г. в двух русскоязычных газетах (Сан-Франциско и Филадельфия). Тогда никакой установки на изучение истории опросов общественного мнения и биографии Гэллапа у меня не было, хотя с некоторыми из его работ я был знаком со второй половины 1970-х гг. И вообще, научный интерес звал к освоению не прошлого, а будущего; я наблюдал становление в Америке онлайн-опросов.

Потом захотелось узнать больше о Гэллапе; сквозь сухую информацию биографических справочников и энциклопедий проступала незаурядность его личности, множественность профессиональных интересов, высочайшая креативность и продуктивность, вера в то, что изучение общественного мнения служит развитию демократии в стране. Однако желание написать о Гэллапе возникло не в связи с осознанием некой научной цели, а лишь потому, что в 2001 г. — так совпало — исполнилось сто лет со дня его рождения. Написал, и, как это часто происходит, проведенная работа стала стимулом к новым поискам. Хотя в первой статье о Гэллапе (Докторов 2000) излагалось многое из того, что не было известно российскому читателю, она не была историко-научноведческой, скорее — юбилейной: в ней не обосновывалась концепция анализа биографии, а фактология ограничивалась почерпнутым из справочной литературы. Личностный и профессиональный оптимизм Гэллапа делали его привлекательным для углубленного исследования, что требовало более детальной методологической проработки и ориентировало на поиск новой информации.

До отъезда в Америку я свыше двух десятилетий занимался анализом методов измерения общественного мнения и участвовал в организации многих опросов. Тем не менее потребовалось несколько месяцев на поиск и обозначение общих рамок методологии изучения жизни и творчества Гэллапа, позволяющей синтезировать движение в исходном, давно знакомом мне методико-технологическом направлении и в новом для меня — историко-биографическом. В общих чертах эта методология сводилась к тому, чтобы при анализе становления гэллаповской процедуры опроса максимально учитывать «человеческий фактор», а при рассмотрении биографии Гэллапа по-возможности более детально изучать среду его деятельности, в частности его окружение.

Традиционно изучение творчества социологов сводится по преимуществу к анализу, цитированию и комментированию их текстов. Это

необходимо, но недостаточно; для того чтобы оценить наследие ученого, нужно исследовать генезис и мотивы его деятельности. Подобный «мягкий» подход успешно применяется при изучении творчества писателей и ученых-естествоиспытателей (М. М. Бахтиным — при анализе творчества Рабле, Д. С. Даниным — Бора и Резерфорда, Б. Г. Кузнецовым — Эйнштейна, Ю. М. Лотманом — Пушкина), но историки социологии, несмотря на синтетичность природы социологического познания, не воспользовались этим приемом во всей его полноте.

Начиная изучение истории гэллаповской опросной технологии, я не мог предположить, что мне сразу придется углубляться в прошлое американской рекламы. Но к такому повороту событий меня подвело обстоятельное интервью с Гэллапом о его жизни, которое мне повезло найти в самом начале знакомства с его творчеством. Гэллап сказал, что проведение опросов общественного мнения стало для него развитием опыта его многолетних исследований отношения к рекламе и что он продолжал разрабатывать эту проблематику, даже проводя регулярные общенациональные опросы.

Исходно мне казалось, что временной отрезок моей темы — первая половина XX в. — классический период американской рекламы и годы работы подлинных гигантов. Представлялось, что с уходом в более отдаленное прошлое изучение путей взаимообмена идеями и достижениями между создателями рекламы и наукой было бы затруднительным — ведь до начала XX в. реклама существовала лишь в ее простейших формах, а науки о рекламе вообще не было.

Однако после попыток заглянуть в будущее технологии изучения общественного мнения и стремления навести мосты между историческими и футурологическими сюжетами мне захотелось посмотреть на события в мире рекламы, имевшие место на рубеже XIX и XX вв., из настоящего. Тогда стал постепенно формироваться новый методологический принцип историко-биографического исследования, который можно назвать «восстановлением непрерывности» исторических процессов. Этот принцип — конкретизация общего культурологического подхода к анализу биографий, а его функция — высвечивание в творчестве, более широко — в деятельности людей, оставивших яркий след в истории, тех сторон, аспектов, фактов, которые в наибольшей мере раскрывают значение сделанного ими.

Постепенно накапливались опыт историко-наукovedческих исследований и некоторые навыки биографических изысканий. В июне 2004 г. я был в Петербурге, выступал на конференции по изучению общественного мнения и докладывал первые результаты моих биографических поисков. Пребывание в России заставило меня задуматься о необходимости расширить географию проводимого исследования и обратиться к истории изучения общественного мнения в СССР.

В том году исполнялось 75 лет Б. А. Грушину, инициатору первых опросов общественного мнения в СССР и автору давно признанных в нашей стране классическими книг по феноменологии массового сознания и методам его анализа. Поэтому мне показалось целесообразным, более того — необходимым прервать на несколько месяцев исследования истории американских опросов общественного мнения и подготовить статью о творчестве Грушина. Все его прежние публикации у меня были, а только что вышедшую тогда первую часть второго тома его «четырёхкнижия» он подарил мне, когда я был в Москве. Я позвонил ему из Америки и сказал, что буду писать о нем и обращусь к нему, если у меня возникнут вопросы. Работа оказалась очень трудной: мне впервые предстояло писать об активно действующем социологе, с которым меня к тому моменту связывали два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была «круглая» дата, материал ни по жанру, ни по стилю не планировался как юбилейный — это было историко-научное исследование биографической направленности. Да и Грушин был таким человеком, что ничего «юбилейного» о себе без сарказма никогда бы не принял.

В конце лета статья о Грушине (Докторов 2004а) была опубликована, и тогда же издатель «Телескопа» М. Е. Илле предложил мне подумать о создании рубрики по современной истории российской социологии. Эта идея показалась мне заманчивой, поскольку в целом она не противоречила моим научным интересам. Я согласился, хотя с моей стороны это было весьма легкомысленно, и написал небольшую заметку, в которой не столько очертил тематические границы нового раздела журнала, сколько объяснил самому себе, почему такая рубрика необходима. «Программная» заметка была опубликована осенью 2004 г., однако на тот момент исторический проект выглядел фантазией, возможно, даже авантюрой (Докторов 2004б). Никаких материалов для нового «департамента» журнала не было, и его наполнение казалось проблематичным по сути и далеким по времени.

Через пару недель после опубликования в Петербурге статьи я получил журнал по почте, перечитал текст и лишь тогда решился показать его Грушину. Я позвонил ему, чтобы узнать, как у него дела, и он сказал, что вскоре будет в Америке. Тогда мне захотелось сделать ему сюрприз, и я отправил журнал его дочери, живущей в Вашингтоне. Через какое-то время он мне позвонил, сказал, что прочел статью, нашел ряд неточностей, но в целом согласен с тем, что я написал о его жизни и работе. Услышав это, я вздохнул с облегчением... и разослал электронный вариант статьи социологам, лично знавшим Грушина на протяжении многих лет.

Вскоре ответил Б. М. Фирсов, поздравил меня и заметил: «Так мы друг о друге не писали...» Несколько позже откликнулся Ядов:

«...я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но о многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...»¹ На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я понял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Прежде всего, обратился с электронными письмами к ряду коллег из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и прислать мне материалы для публикации. Обращение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии интервью по электронной почте с российскими социологами, с которыми я находился в более или менее постоянной переписке и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я не думал целенаправленно ни о выборке, ни о тематике интервью.

Первым, к кому я обратился с предложением «поговорить о жизни» (это произошло 21 августа 2004 г.), был Б. М. Фирсов. Оснований для подобного обращения было много: многолетняя совместная работа и дружеские отношения, его видное место в советской социологии и целенаправленный интерес к истории науки; наконец, тот факт, что в 2004 г. ему исполнилось 75 лет, и были все резоны провести постюбилейную беседу. Эта «электронная беседа» продолжалась свыше трех месяцев, и в первом выпуске «Телескопа» 2005 г. она была опубликована (**И:** Фирсов 2005).

Фирсов многие годы занимался изучением средств массовой коммуникации и является одним из пионеров исследования общественного мнения в СССР; это обстоятельство в предметном отношении сближало интервью с ним и статью о Грушине. Интервью дало новый материал для анализа становления опросов общественного мнения в Советском Союзе, но при этом в беседе оказались затронутыми и другие важные темы. Так обозначилась необходимость проведения интервью со специалистами, работающими в разных областях социологии.

В начале 2005 г., сразу после новогодних праздников, я написал Я. И. Гилинскому и предложил провести с ним биографическое интервью. В тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего электронного письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного

¹ Электронное письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 11 декабря 2004 г.

нами и лично мною»². Работа продвигалась стремительно, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано в «Телескопе» (И: Гишинский 2005).

В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 г. московском исследователе общественного мнения Я. С. Капелюше (Капелюш 2005). Эта публикация продолжала освещение исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к публикации только интервью.

Появление в «Телескопе» подряд трех материалов по истории российской социологии свидетельствовало о том, что исторический проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решение этой задачи представлялось весьма трудным делом. Помог В. А. Ядов: в начале 2005 г. на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks»³. Работали мы споро, текст быстро увеличивался в объеме. В результате интервью с Ядовым было опубликовано в двух последующих номерах журнала (И: Ядов 2005а, 2005б).

Дальше было уже проще: сложилась практика параллельного опроса двух—трех респондентов и появилась возможность не торопить каждого, а форсировать лишь то интервью, которое было ближе к завершению, чем другие. Вскоре процесс интервьюирования оказался настолько отлаженным, что тексты стали публиковаться не только на «главной площадке», в «Телескопе», но и в «Социологическом журнале» и «Социальной реальности» — последний журнал несколько лет издавался Фондом «Общественное мнение». К концу 2009 г., т. е. за пять лет работы, вышло в свет свыше трех десятков интервью, несколько биографических и более 20 методолого-методических статей; общий объем публикаций составил порядка 85–90 печатных листов.

В начале 2012 г. при поддержке Ф. Э. Шереги было выпущено на диске электронное издание моего трехтомника с результатами описываемого историко-наукоедческого исследования. Том 2 включает в себя 44 проведенных интервью и несколько очерков о жизни и творчестве российских социологов (Докторов 2012).

² Электронное письмо Я. И. Гишинского Б. З. Докторову от 9 января 2005 г.

³ Электронное письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.

В 2005 году был создан онлайн-овый американо-российский проект «Международная биографическая инициатива», который концентрируется на истории российской социологии постхрущёвского периода и методологии биографического метода (Международная биографическая инициатива). Сайт создан и поддерживается бывшим ленинградцем, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и мной. Таким образом, проект, зародившийся на страницах «Телескопа», получил определенное международное развитие.

Многообразны цели биографического анализа, а также методы и дороги, приводящие исследователей к этой деятельности. Так, для Ю. А. Филипченко, основателя петербургской школы генетики, одного из первых русских биологов, применивших вариационную статистику, было естественным написать о Гальтоне и Менделе, которые заложили основы генетики (Филипченко 1925). Его ученик И. И. Канаев, биолог-генетик, посвятил свои историко-биографические исследования Иоганну Вольфгангу Гёте как поэту-естествоиспытателю (Канаев 1970), а также создателю евгеники и биометрики Фрэнсису Гальтону (Канаев 1972). В. Ф. Каган, известный своими трудами по неевклидовой геометрии, еще в студенческие годы увлекся мало известной тогда и недостаточно признанной геометрией Н. И. Лобачевского, а через полвека написал его обстоятельную научную биографию (Каган 1955). Работа Б. Г. Кузнецова началась в коллективе создателей плана ГОЭЛРО, она заставила его задуматься о будущем развитии электротехники; это послужило импульсом для обращения к истории и методологии науки — от эпохи Возрождения до рождения теории относительности и квантовой физики. И уже затем были написаны его известные книги о Галилее (Кузнецов 1964) и Эйнштейне (Кузнецов 1979). Д. С. Данин до войны закончил физический факультет МГУ и Литературный институт им. Горького. В 1960-х годах его заинтересовали «драмы идей», и некоторые итоги осмысления этого феномена отражены в его научно-художественных биографиях Резерфорда (Данин 1967) и Бора (Данин 1978).

Мой интерес к биографиям и наследию Гэллага и других американских полстеров, а позже и к истории советской/российской социологии — конечно же, продолжение, развитие моей работы в этой области научных исследований, которым я посвятил свыше сорока лет, и большая часть из них связана с изучением общественного мнения и проведением массовых опросов. На протяжении почти всех «нулевых» лет нового века мне казалось, что обращение к истории современной отечественной социологии было следствием анализа ряда страниц американского прошлого и стремлением применить накопленный опыт историко-научоведческих поисков для анализа знакомого, близкого мне предмета. Было чувство дискомфорта оттого, что я исследо-

вал прошлое, которого совсем не знал и к которому не имел никакого отношения, но проходил мимо мира, в котором жил, проблематики, которую знал не из книг. Однако главное — истории людей, которых знал многие десятилетия, к которым испытывал не только уважение, но и самые дружеские чувства, оставались неизученными и ненаписанными.

Результаты исследований методологической и историко-биографической направленности сгруппированы в трех частях книги.

В *первой части*, «Историко-научоведческие проблемы современной российской социологии» (гл. 1–4), обсуждается прежде всего круг общих вопросов о месте, роли биографической информации в изучении прошлого советской/русской социологии, а также излагаются теоретические принципы работы и особенности технологии сбора первичной информации — интервью с социологами по электронной почте. Далее обосновывается авторское видение генезиса современного этапа отечественной социологии — «второе рождение» — и выстраивается концепция профессиональных поколений.

Во *второй части*, «Биографии в истории» (гл. 5–8), показано, как история страны отражена в биографиях советских/русских социологов первых четырех поколений, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения.

Третья часть, «История в биографиях» (гл. 9–12), знакомит читателей с тем, каким в воспоминаниях социологов представляется прошлое российской социологии. Другими словами, история в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события они вспоминают, как они их оценивают, какими они видят те события и процессы сегодня, по прошествии десятилетий.

Синтез двух аналитических направлений, заданных названиями второй и третьей части, дает возможность решить главную задачу настоящего исследования: через биографии социологов погрузить историю социологии в историю страны. Таким образом, с одной стороны, описание становления и развития науки оказывается соотнесенным с «большой историей», прежде всего с особенностями политики, идеологии, образования, а с другой — несет в себе субъективное, пережитое людьми. И в целом выстраивается биографоцентричная парадигма изучения истории современной российской социологии.

Часть I

ИСТОРИКО-НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Глава 1

Биографии для истории

Наличие разработанной, обстоятельной истории того или иного раздела науки — свидетельство его развитости и одновременно устремленности в будущее. Ничто так не зовет вперед, как понимание достигнутого. Обращение российских социологов к изучению собственной истории — безусловно, одна из важнейших характеристик современного этапа развития российской–советской–российской социологии. История ставит вопросы, на которые не пытается ответить ни теория, ни методология социологии. В частности, это происходит потому, что лишь историко-наукovedческие исследования одновременно фокусируются и на динамике идей, и на деятельности ученых.

История есть, только если она написана

История вершится постоянно, непрерывно, и потому она должна изучаться и описываться тоже постоянно и непрерывно. Смысл сказанного прост. Пока прошлое, бывшее существует само по себе, пока оно не изучено и не описано — все состоявшееся пассивно и ничему не учит. Марк Твен говорил, что нечитающий человек ничем не отличается от того, кто не умеет читать. Аналогично, незнание российским социологическим сообществом своей истории почти равносильно отсутствию этой истории.

В книге пойдет речь о современной российской/советской социологии. В отдельных случаях можно обсуждать, что означает слово «современная», но в целом речь пойдет о социологии постхрущёвского периода развития СССР/России. Так что «современность» — это временной интервал, начинающийся более полувека назад и доходящий до наших дней.

Термин «российская социология» имеет, по крайней мере, три ипостаси.

Если говорить о периоде до 1991 г., то понятие «российская социология» во многом совпадает с понятием «советская социология», но они не тождественны. Внутри социологии, обозначаемой термином «советская», существовали национальные школы, развивавшиеся несколько иначе, чем российская социология доперестроечного времени. Во всяком случае, в будущем представляется важным выявить социально-культурные и собственно научные токи, течения, исходившие из республик бывшего Советского Союза (к примеру, из Украины, Эстонии, Литвы, Грузии, Армении) и влиявшие на становление советской социологии в целом.

«Российская социология» — это социология, создаваемая учеными, живущими и работающими в современной России. Это понятие охватывает и то, что создавалось и создается исследователями, жившими и живущими вне России, но воспитанными на российской культуре. Речь идет о достижениях так называемого Русского мира. Например, после революции значительная группа русских мыслителей, социологов жила и работала за границами СССР. Их творчество обязательно должно быть предметом исторического изучения, и это тем более важно, что современные российские ученые активно обращаются к трудам этого круга зарубежных социологов.

Парадоксально, но обращение к столь отдаленному прошлому может оказаться более полезным не для отыскания следов этого «былого» в работах недавнего прошлого, т. е. в исследованиях советских социологов, но для определения путей движения современной российской социологии в будущее. Разве российское социологическое сообщество не должно задумываться о том, каким будет лицо российской социологии через 20–30 лет? Будет ли это вестернизированная советская социология? Будет ли это русскоязычная версия европейской и американской социологии? Будет ли это нечто синтетическое, включающее в себя различные научные традиции, в том числе традиции русской дореволюционной социологии? Представляется также интересным поразмыслить о том, какими будут (могут быть) российская православная и мусульманская социология, в какие стороны света они будут смотреть.

Конечно, ответы на эти вопросы требуют очерчивания базовых допущений о социальном устройстве и развитии России, но наука должна видеть и свое собственное будущее; любая развитая наука сама определяет кардинальные направления своего развития. Каждое поколение ученых пытается решить проблемы, оставленные ему прошлым и обнаруженные им самим, но одновременно оно выдвигает новые задачи перед теми, кто придет ему на смену. Речь идет и об идеалах науки, о ее методах, об этике.

В общем случае история — это хронологически упорядоченная последовательность значимых для общества событий. В нашем случае —

это последовательность событий, определяющих, задающих, обуславливающих, детализирующих процесс развития российской социологии.

При этом имеет смысл выделить, по крайней мере, два класса событий.

Во-первых, события, определяющие «метрику», генеральные свойства социального пространства, в котором *существует и развивается* социология как наука и как определенное социальное образование. Одновременно это те события, которые детерминируют, корректируют социальный климат и нравственную атмосферу в стране. Во-вторых, события, процессы, протекающие *внутри самой социологии* и внутри социологического *профессионального сообщества*.

Учитывая коренные особенности политического устройства СССР, к событиям первого типа, безусловно, следует отнести появление документов КПСС и правительства, касавшихся развития идеологических процессов в стране и всего комплекса обществоведческих наук. Но это лишь видимая часть айсберга событий первого типа. В действительности существовало множество скрытых, латентных, не проявившихся, но активно действовавших по «умолчанию» механизмов управления развитием социологии в стране. И результатом действия или бездействия этих механизмов было множество событий, которые тоже должны изучаться историками российской социологии.

К событиям второго типа следует отнести создание и закрытие, формирование научно-исследовательских центров, коллективов, групп ученых; появление и развитие структур по подготовке кадров; проведение крупных, значимых исследовательских проектов, выход в свет книг, сыгравших заметную роль в истории советской социологии, и т. д.

События первого класса, вообще говоря, являются «оболочечными» по отношению к науке, они образуют некий постоянно меняющийся каркас, заключающий в себе социологию и регламентирующий жизнь социологического сообщества. Но эта оболочка не пассивна, и потому историк социологии не может не анализировать ее воздействие на происходящее внутри нее. Вместе с тем представляется, что история социологии как раздел истории и социологии должна прежде всего фокусироваться на изучении того, что находится внутри этой раскаленной социальной оболочки. По большому счету, определение состава, динамики, температуры и т. д. содержимого, или наполнения, этой оболочки и составляет предмет современной истории отечественной социологии.

Написание истории не сводится к созданию летописи событий — она нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время. По сути, сказанное означает, что история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, при-

частных к формированию государственной политики развития социологии и к выработке собственно социологического знания.

Биографический сюжет № 1. Т. И. Заславская

...История науки — это всегда в первую очередь история ученых. Советские ученые были погружены в тоталитарную, а позже — авторитарную среду, каждый из них по-своему сталкивался с ее ограничениями. Одни шли на компромисс, другие просто служили ей, единицы боролись с открытым забралом. Жизнь чрезвычайно многообразна, и если взять, к примеру, историю региональных социологических школ, то у каждой она окажется своею, особой.

Вот в Перми был Захар Файнбург, исключительно глубокий и талантливый человек. <...> Был лидером Пермской социологической школы, которая имела очень высокий авторитет и оказывала огромное влияние на интеллектуальную жизнь города. Они теми или иными путями сотрудничали со своим относительно прогрессивным обкомом партии — иначе их просто стерли бы в порошок. А в меру сотрудничая и в меру вольничая, они смогли создавать интересные работы. А совсем рядом, в Свердловске, развивалась ультраконсервативная и сугубо партийная школа М. Н. Руткевича... Но все же самое главное — люди. Да и в истории самое интересное, как они себя ведут в сложных условиях. А обстоятельства были очень сложными, сложнее, чем в большинстве других наук (**И:** Заславская 2007а: 3).

Идеология советского времени акцентировала значение роли государства и коллектива и явно принижала роль личности. Отчасти поэтому в российской исторической науке и советского и постсоветского времени оказалась недостаточно развитой методология и практика изучения биографий, в частности биографий социальных исследователей. Опубликованные в последние годы работы о Николае Бердяеве, Питириме Сорокине, Павле Флоренском и о небольшом числе других социологов и социальных мыслителей, на мой взгляд, скорее являются не научными биографиями, а анализом их работ, дополненным жизнеописаниями этих ученых.

Но все же сделанное за истекшие годы не только позволило ввести в научный оборот имена и идеи, долгое время мало известные широкому кругу российских социологов, но и является заметным продвижением на пути выработки методологии создания научных биографий социологов начала XX в. и наших современников.

Человеку, далекому от исторических поисков, может показаться, что история социологии — спокойная исследовательская область, которой можно уделить некоторое время, отойдя от активного изучения теории общества или реальных социальных процессов, институтов, коллизий. В действительности это совсем не так. Два десятилетия назад

Г. С. Батыгин говорил мне, что собственно социологические исследования включают в себя две области, два направления: методологию социологии и историю социологии; все другие социологические поиски приобретают статус научных только в том случае, если и когда они начинают оказывать влияние на характер методологии социологии и окажутся предметом исторического рассмотрения и сопоставления. Со многим в этом обобщении можно согласиться.

Одним из направлений истории социологии является изучение становления и функционирования коммуникационных сетей профессионального сообщества. К примеру, в 1960–1980-х гг. в стране было мало социологов, практически все знали друг друга, особенно внутри одного поколения. Институт социологических исследований АН СССР в Москве (в разные годы у него были разные названия) был головным, и там все часто встречались. Была ассоциация, объединявшая ученых. Книг издавалось немного, существовал всего один журнал «Социологические исследования». Все читали работы друг друга, и все (желавшие того) знали, кто и чем занимается. Исходная коммуникационная сеть имела относительно небольшое число ребер и обладала простой структурой. Таким образом, воссоздание и изучение коммуникационных сетей — один из эффективных приемов исследования становления научных школ в советской социологии и духовной атмосферы профессионального сообщества того времени.

Серьезным препятствием к созданию летописи важнейших событий российской социологии и выработке методологии написания научных биографий ее творцов является слабость соответствующей информационной базы. Указанное обстоятельство является следствием множества объективных и субъективных причин.

Под объективными причинами я подразумеваю, во-первых, крайне низкую культуру работы российских архивов и устарелость форм архивного обслуживания. Во-вторых, — недостаточную последовательность и замедленность процесса снятия секретности с материалов, направлявшихся в свое время в партийные органы и другие директивные структуры. Вследствие этого многие отчеты о социологических исследованиях, проведенных в 60–90-х гг. прошлого века, до сих пор недоступны историкам социологии. В-третьих, — отсутствие у большинства социологических организаций необходимого пространства для хранения собственных архивов, частые переезды из одних помещений в другие, расформирование социологических «команд». Есть и еще одно обстоятельство: на протяжении ряда десятилетий многие исследовательские коллективы не обладали своей электронно-вычислительной техникой, обрабатывали собираемую информацию в различных вычислительных центрах и потому не имели возможности для создания собственного информационного архива.

И последняя по порядку, но не по значимости объективная причина слабости информационной базы исследований прошлого отечественной социологии. Историк, как правило, имеет дело с опубликованными текстами, но почти каждая социологическая публикация была итогом длительного процесса редактирования текстов, их рецензирования и цензурирования. Мы можем судить о результатах социологии по тому, что было опубликовано, но сейчас невозможно сказать, какая в процентном отношении часть готовых социологических рукописей была издана.

Теперь о комплексе субъективных причин. На мой взгляд, многое в бедности информационной базы, содержащей сведения об относительно близком прошлом и настоящем, проистекает из-за того, что российское социологическое сообщество в целом не до конца осознает свое общественное назначение, свое место в культуре общества. Не сложилось убежденности в том, что результаты изучения общества должны становиться известными самому обществу.

Еще четверть века назад, т. е. в середине 1980-х гг., исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для этого совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня осуществлять историко-научные исследования было бы значительно проще.

В написании истории есть сложности технического, организационного, инструментального плана — ведь подразумевается коллективная работа по поиску и публикации информации о прошлом. Но не это главное. Специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап, скорее всего, следует называть *«вопрошающим»*: необходимо сформулировать вопросы, которые могли бы стать координатами историко-научных исследований, и обозначить направления в познании истории современной советской/российской социологии. По большому счету это проблема для всего нашего профессионального сообщества.

Четыре десятилетия назад историк и философ физики Б. Г. Кузнецов заметил: «История науки и философии присваивает себе право, в котором люди отказывают богам: она меняет прошлое» (Кузнецов 1972: 4). Это означает, что сейчас для социологического сообщества первостепенное значение приобретают вопросы, которые оно должно ставить перед собой при исследовании прошлого. В силу сквозного, вневременного характера таких исследований их вопрошающий аспект сейчас гораздо важнее, чем возможные ответы; последние будут многократно уточняться. Ретроспекция не бывает абсолютной, она

осуществляется в некоей системе координат, и наши вопросы должны образовать эту координатную сетку. Тогда они будут стимулировать поиски во всех областях историко-наукovedческого пространства и наше профессиональное сообщество сможет сформировать в себе готовность обсуждать разные выводы и принимать разные точки зрения.

Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-наукovedческого плана: каков генезис постхрущёвской социологии, каковы особенности ее возникновения? *Второй вопрос* — скорее научно-организационный: каковы критерии выделения разных поколений в нашей социологии, как происходило их становление? *Вопрос третий* — научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х гг. отражают то, что происходило в обществе и в сознании людей? И *последний вопрос-ориентир* — теоретико-методологический: внутри страны и для мирового научного сообщества советская социология позиционировала себя в качестве инструмента, главной силы развития марксистской теории общества. Какова судьба этого движения?

Сделаю одно краткое терминологическое уточнение относительно того, история какого периода в развитии российской социологии будет обсуждаться. В целом речь пойдет о советской и собственно российской социологии постхрущёвского (точнее — после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС) периода, в которой, как мне представляется, следует выделить два пласта. Первый охватывает период от рубежа 1950–1960-х до начала 1990-х гг., т. е. советское время; второй вмещает события, развивающиеся после распада Советского Союза; это тоже уже солидный временной отрезок.

При обсуждении реалий первого пласта вполне оправдан термин «постхрущёвская социология», так как, во-первых, он точно характеризует социальную атмосферу, в которой нынешняя отечественная социология возникла и развивалась, и, во-вторых, он составлял исторически неповторимую среду, в которой и действовали первопроходцы. Однако при обсуждении прошлого с некоторыми российскими коллегами, а также в ряде встречавшихся мне публикаций я обратил внимание на стремление некоторых социологов избегать определения «советский». С этим трудно согласиться.

Летом 2007 г. при встрече с Т. И. Заславской я спросил ее: «Как вернее называть недавний период развития нашей социологии: советской социологией или советским периодом (этапом) российской социологии?» Она ответила: «Мне кажется, что правильнее — советской социологией. Ведь этапы — это части целостного процесса: зарождение, созревание, зрелость... причем всё это должно быть непрерывным.

А в российской социологии был огромный разрыв между 1920-ми годами и началом 1960-х. В стране социологии 40 лет не существовало, она была разгромлена, называлась буржуазной лженаукой» (И: Заславская 2007б: 166). И далее Заславская пояснила это утверждение и очень кратко обозначила факторы, обусловившие возникновение современного этапа отечественной социологии.

Биографический сюжет № 2. Т. И. Заславская

...Хотя я не очень хорошо знаю историю дореволюционной российской социологии, но, по-моему, она была сравнительно слабой. Мы знаем всего несколько имен. Туган-Барановский, Ковалевский... Питирим Сорокин был яркой фигурой, но в российский период он еще был молодым и далеко не раскрылся. Только-только начинала развиваться социология, это был лишь бутон. Но его сорвали, и потом на том месте долго ничего не росло. А стимулами для возникновения или попыток оживления социологии в 1960-е годы стала действительность того времени, «оттепель» и желание ученых глубже, конкретнее понять, что именно происходит в социуме, общая неудовлетворенность историческим материализмом, знание, что на Западе существует такая наука, методология которой позволяет проникать в сущностные черты общества. Рождение нашей социологии стимулировалось этими факторами (Там же).

Примерно в то же время аналогичный вопрос я задал и Ж. Т. Тощенко. Он ответил следующим образом: «Сам я лично употребляю словосочетание “советская социология”, так же как по отношению к социологии XIX—начала XX века — “русская социология”. Нынешний этап для меня — “российская социология”... общим названием... является термин “отечественная социология” для внутренней аудитории и “русская” — и для внутреннего, и для внешнего потребления» (И: Тощенко 2007: 167).

Эта тема была затронута и в интервью с В. А. Ядовым. Приведу его ответ полностью, так как в нем содержится многое, о чем говорится далее.

Биографический сюжет № 3. В. А. Ядов

Мы с Игорем Коном по просьбе редактора Эдгара Боргатта написали большую статью о нашей социологии для второго издания Международной социологической энциклопедии (International Encyclopedia of Sociology 2000) и долго думали, как же ее озаглавить. Статья опубликована под титулом «Социология в СССР и в постсоветских странах». Создаваемое в период «оттепели» никоим образом не опиралось на дореволюционных гигантов отечественной социологии. На международных конгрессах мы выступали как советские («русские» в терминологии западных участников) и, прямо скажу, этим гордились — многие доклады

собирали изрядную аудиторию. Это — проблема самоидентификации. В науковедческом тексте, я согласен, шестидесятников следует именовать советскими социологами хотя бы потому, что немалый вклад внесли наши товарищи из ныне суверенных государств (Докторов, Ядов 2008: 49).

В дальнейшем, говоря о доперестроечных временах, я буду использовать термин «советская социология», о событиях второго временного периода (пласта) — «постсоветская», «российская».

Преемственность или возрождение?

Думаю, что необходимо предпослать изложению собственного материала и собственного понимания процесса становления современного этапа советской/российской социологии сжатый анализ работ по этой теме. Вообще говоря, пять десятилетий — примерно столько длится этот этап — промежуток, короткий для истории науки. Вместе с тем уже сейчас существует ряд книг и множество статей, целенаправленно рассматривающих определенный комплекс проблем, вопросов, касающихся нашего недавнего прошлого и генезиса современного этапа. При анализе содержания работ по истории мне хотелось бы придерживаться порядка, вытекающего из времени их публикации, однако иногда, в целях более компактного обсуждения тематики, этот принцип будет нарушаться. Кроме того, изложение траектории развития социологии будет прерываться вставками, передающими впечатления современников о событиях и людях, которые упоминаются историками. Такие «вживления» обогащают понимание сухих исторических сведений.

Заголовок данного раздела специально заостряет трактовку сложной историко-наукovedческой проблемы о природе современной, или постхрущёвской, российской социологии. Существует множество вопросов, относящихся к этой теме; некоторые из них уже многие годы обсуждаются в специальной литературе, некоторые — пока не сформулированы. Но есть один — главный: современная российская социология — это продолжение, развитие, приращение социологии, начавшей развиваться в России во второй половине XIX в., или это социология, имеющая свое особое начало?

В докладе на Учредительном съезде Союза социологов России в июне 2007 г. В. И. Жуков сказал:

В развитии отечественной социологии принято выделять три периода — досоветский, советский и постсоветский. По сути, каждый новый этап рассматривается как автономный и начинается с отрицания достижений предыдущего.

Я исхожу из того, что отечественная социология развивалась на основе принципа преемственности. При этом в общей логике научно-

познавательной преемственности не следует выводить за скобки «социологического бытия» советский период, особенно 70–80-е годы XX века (Жуков 2007).

В свое время В. А. Ядов писал, что «преподносить историю нашей социологии как продолжение русской традиции не совсем правомерно. Надо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет, что просто приписывалось».

В этих словах Ядова докладчик увидел попытку реанимировать большевистскую традицию отказа от прошлого, некое стремление противодействовать воссозданию истории отечественной социологии в добросовестном и объективном виде. По мнению Жукова, события 1917 г. стали своеобразной разделительной чертой для развития отечественной социологической науки, тем не менее цепь преемственности не прервалась.

Очевидно, что дилемма эта непростая, имеющая как собственно науковедческую составляющую, так и политическую, идеологическую, общеисторическую и т. д. В частности, она непосредственно связана с трактовкой массы сложных тем о сущности и корнях современного российского общества, о соотношении новой и старой (дореволюционной) России.

Следует отчетливо понимать, что кажущийся в последние полтора — два десятилетия естественным поиск нитей, связывающих наблюдаемую сегодня российскую действительность, культуру, ментальность людей с аналогичными атрибутами прошлой России, не был таковым в недалеком советском прошлом. Доминирующей концепцией в анализе общественного устройства СССР, политики страны, ее идеологии и морали, культуры, трудовой этики, социальной структуры и т. д. было «качественное отличие» от существовавшего в стране до 1917 г.

Проблематика и цели настоящей книги не предполагают детального обсуждения динамики в восприятии и оценке значимости и жизненности дореволюционного научного наследия, тем более что они различны для наук, развивавшихся в советское время относительно непрерывно, и наук, объявлявшихся в то или иное время ложными, враждебными, неприемлемыми для страны. Мой анализ будет ограничен рассмотрением вопросов, относящихся к развитию социологии как одной из наук, которая на протяжении длительного — по меркам истории науки и времени становления научных поколений — периода была объявлена вне закона.

Начну обсуждение с обращения к редко сейчас цитируемой книге историка русской философской и политической мысли Б. А. Чагина (1899–1987) «Очерки истории социологической мысли в СССР» (Чагин 1971). Безусловно, многое в ней устарело в методологическом отношении,

и в ней, конечно же, даже не мог ставиться вопрос о преемственности русской социологической мысли. Но она ценна тем, что отражает понимание специфики социологического знания, разделявшееся значительной частью советских социологов и идеологов во второй половине 1970-х гг. К тому же она написана человеком, который еще в начале 1920-х гг. получил историческое образование и начал преподавать философию в ряде Ленинградских вузов. В 1931 году он закончил Институт красной профессуры, в 1960-м стал членом-корреспондентом АН СССР. На его глазах и при его участии проходили все важнейшие события в стране, отражавшиеся на развитии философской и социологической мысли. Особый интерес книга Чагина представляет в связи с тем, что в ней, пусть и очень бегло, рассмотрена история предмета с 1917 по 1969 г., когда в СССР уже начали проводиться прикладные социологические исследования.

По мнению Чагина, социологическая мысль в СССР стала развиваться с ленинских постреволюционных работ. Ученые, признающиеся сегодня основоположниками русской (российской) социологии, упоминаются лишь в критическом контексте: «На кафедрах университетов продолжали читать курсы лекций по идеалистической философии. В Петроградском университете курс социологии читал П. Сорокин, генетическую социологию — К. М. Тахтарев, историю социологических учений — Н. И. Кареев» (Чагин 1971: 8). И далее: «В журнале “Русская мысль” П. Струве, Е. Трубецкой, С. Булгаков и Н. Бердяев поносили материализм, широко пропагандировали идеи мистика В. Соловьева. В журнале “Психологическое обозрение” подвизались идеалисты Г. Челпанов, Н. Лосский и др.» (Там же: 11). Кончилось все тем, что «в 1922 г. были отстранены от преподавания С. Л. Франк, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, вскоре после этого покинувшие Советскую Россию» (Там же: 15).

Так в конце 1960-х гг. излагалась одна из самых трагических страниц прошлого отечественной социологии и культуры в целом. Знал ли в тот момент Чагин, как в действительности все было? Ответ на этот вопрос — однозначно положительный. Во-первых, человек, изучавший в первой половине 1920-х гг. общественные науки и начинавший тогда же свою профессиональную деятельность, пребывал в среде, хранившей память о совсем недавнем прошлом. Не думаю, что все это открыто обсуждалось, но в какой-то форме присутствовало в разговорах людей, в понимаемых лишь посвященными взглядах. В одном из моих телефонных разговоров с И. С. Коном, состоявшемся в начале 2010 г., он вспомнил, что спрашивал Чагина о том, нет ли в его личной библиотеке выпусков журнала «Логос». Тот ответил, что были, но в ожидании ареста он все уничтожил. «Логос» — международный ежегодник по философии культуры, издававшийся в Москве и Праге (1910–1914, 1925), из русских ученых в нем публиковались А. С. Лаппо-Данилев-

ский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и другие социальные философы (Полная библиография русского издания 1991).

Философы поколения Б. А. Чагина — пуганого и поротого, одновременно писавшие доносы и страдавшие от них, — многое помнили, но и в оттепельные, и в постоттепельные времена предпочитали поменьше говорить о прошлом. Большого, чем сказано, Чагин, в ту пору — член-корреспондент АН СССР, не разрешал себе сказать. Теперь приведу ряд фрагментов из автобиографического романа Питирима Сорокина, в котором описаны эти события.

Биографический сюжет № 4. П. А. Сорокин

В мае 1922 г. я приступил к изданию книги «Влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества». Еще до публикации многие параграфы и даже целые главы были вырезаны цензурой. <...> Война, которую вели Советы на идеологическом фронте, и террор усилились снова. <...> Несколько часов спустя мы узнали, что в один день взяли более ста пятидесяти человек — выдающихся ученых, профессоров, писателей и кооператоров. <...> Как только стала известна судьба моих арестованных коллег, я решил, что высылка — это лучшее, что меня ждет. <...> Хмурым днем 23 сентября 1922 г. первая группа высланных собралась на московском вокзале. <...> На следующий день мы приехали на пограничный населенный пункт. Полчаса спустя промелькнул красный флаг. И Советская Россия осталась позади. Вечером мы впервые за пять лет легли спать, не задумываясь, придут ли за нами этой ночью (Сорокин 1991: 156–169).

Второе следствие, вытекающее из исторического анализа Чагина, — то, что, по его мнению, развитие марксистской социологической мысли протекало в стране не без противоречий, но в целом это был восходящий, прогрессивный процесс. Не укладывается в современную трактовку истории российской социологии его анализ состояния этой науки в период со второй половины 1930-х до середины 1950-х гг. Нет даже упоминания об отсутствии в стране прикладных разработок и об утрате опыта эмпирических исследований, проводившихся на рубеже 1920–1930-х гг. Применительно к теоретическим поискам автор писал, что в конце 30-х гг. произошло сокращение ленинской тематики и «большинство социологов переключилось на комментирование работ Сталина». Однако «в целом происходило дальнейшее развитие марксистской социологии...» (Чагин 1971: 179).

Происходившее на рубеже первой и второй половины XX в. Чагин обозначил следующим образом: «Новый этап в развитии марксистской социологии характеризуется творческим характером разработки проблем, выдвижением новых тем и вопросов, сближением их с практикой

жизни» (Чагин 1971: 193). Безусловно, автор не мог развернуто написать о сути нового этапа, он — абсолютно в логике своей книги — остановился лишь на теме динамики, изменчивости исторического материализма и на дискуссии о соотношении исторического материализма и конкретно-социологических исследований, начавшейся в 1957 г. По его мнению, первоначально некоторыми философами недооценивались конкретно-социологические исследования и их значение для марксистской социологии, более того, ставился вопрос о целесообразности их проведения. Тем не менее, отмечал Чагин, «конкретно-социологические и особенно социальные исследования проникали, подчас стихийно, в различные области познания, доказывая тем самым свою практическую необходимость» (Там же: 196).

Чагин констатировал, что в начале 1960-х гг. уже были опубликованы первые итоги конкретно-социологических исследований и научным сообществом начали осознаваться вопросы методологии, методики и техники подобных исследований, применения статистики, количественных методов и ЭВМ. Фиксировалось также появление работ по критике современной буржуазной социологии, в частности позитивно оценивались исследования в этой области Ю. А. Замошкина, И. С. Кона, Е. Д. Моржанской и др.

Отмечал Чагин и положительное значение конференции по проблемам социальной структуры советского общества, состоявшейся в 1966 г. в Минске. Действительно, эта тема привлекала внимание многих исследователей и таила в себе множество подводных камней. В статье одного из старейших советских социологов Г. П. Давидюка, озаглавленной «Беларусь: в муках, страданиях родилась социология», есть такая зарисовка:

В докладе на пленарном заседании (председательствовал директор Института философии АН СССР Д. И. Чесноков) я акцентировал, что мы изучали живой социальный организм общества, а не статистику и газетные данные, рассказывал о социологических методах, приемах обработки информации. Чесноков резко оборвал меня и начал поучать: «Социология — буржуазная наука. Вы пользовались буржуазными методами исследования советского общества. Вы забыли, что методологией такой работы является исторический материализм». Как начинающий научный сотрудник (я недавно защитил кандидатскую диссертацию), не скованный еще страхом перед начальством, я живо отреагировал: «Как хотите называйте наши методы исследования общества, но они дают возможность постичь реальные социальные процессы и получить правильную картину ее. Это и есть социология, какие бы эпитеты ей ни навязывали!» Ожидал вызова «на ковер» к президенту АН Белоруссии. Но Д. И. Чесноков в тот же день уехал в Москву, а директор института стал поговаривать: надо открыть сектор социальных исследований, предприятия готовы их вести на основе договоров (Давидюк 2008: 93).

Чагинский обзор развития российской социологии был написан в период отступления «оттепели» и начала брежневского времени. Новый этап изучения прошлого российской социологии начался позже, на рубеже XX и XXI вв. Тогда исследователи уже имели возможность описывать и обобщать происходившее в течение четырех десятилетий, которые включили в себя все стадии застоя, краткий период перестройки и ельцинское время.

Замечу, что по инициативе и при активной поддержке Чагина подготавливалась одна из первых в стране книг по истории дореволюционной российской социологии «Социологическая мысль в России», вышедшая уже после его смерти (Голосенко и др. 2003). Эта книга задала исходные координаты для анализа направлений развития социологии в стране во второй половине XIX—первых десятилетиях XX в., ввела в науку имена, до той поры мало известные, и принципиально расширила историко-ведческую базу историко-социологических исследований.

Закончу этот раздел кратким воспоминанием И. А. Голосенко о Б. А. Чагине в интервью, данном им более чем через десять лет после смерти Чагина. Для стремящихся понять особенности развития социологии в России в этих словах заключено очень многое, в них проступают черты Чагина-ученого и участника сложных исторических событий, в которых развивалась наша наука.

Биографический сюжет № 5. Б. А. Чагин

...Борис Александрович Чагин. Он был единственный тогда у нас в Питере член-корреспондент в области философии. Кона он спас от нескольких попыток антисемитов помешать его работе в университете, а со мной он вообще поступил очень любопытно.

После того как провалилась книга о Сорокине, я стал писать работу по русской социологии и потихонечку показывал ему главку за главкой. В итоге вышла такая несколько абортированная «Социологическая мысль в России». Вначале я был глубоко разочарован этими правками, он мог перечеркнуть целые страницы и писать: «Это типичный субъективный идеализм». Но я ему благодарен, что хоть что-то вышло, он ее только своим авторитетом пробил (И: Голосенко 2001: 88).

Интересен и рассказ Голосенко о пути Чагина в социологию.

Дело в том, что ранние его работы были построены на жонглировании словом «социология». Он был знаком с Серебряковым¹, и ему казалось,

¹ Михаил Васильевич Серебряков (1879–1959) — легендарная личность. Он рано примкнул к революционному движению, был сослан в Сибирь, бежал, жил в Берлине, в 1904 г. стал большевиком, в 1905-м вернулся в Петербург, в 1911-м

что все накатано. И социология — это вообще истмат, есть какие-то идеалистические, оппозиционные истмату течения, которые можно называть социологией. Вот так он рассуждал. Он не был чистым философом, он был истматчиком. Поэтому он легко сделал этот шаг, не понимая, что он делает, куда он идет. К эмпирической социологии он всегда относился с подозрением, у него не было ни опыта, ни вкуса, ни желания. Он никогда всерьез не знал математики, но обладал хорошим чутьем на факты и никогда не поучал. Правил тексты, но в действительности просто хотел меня подстраховать, чувствовал, что я, как молодой щенок, могу что-нибудь сделать не так. Человек он был очень славный. И не замарал рук во время всяких кампаний, хотя некоторые его брошюры по поводу выступлений Жданова производят грустное, прискорбное впечатление. Я спросил его, как он их писал. Он так грустно улыбнулся и не ответил. Кто из людей той эпохи может похвастаться чистотой и стерильностью? (И: Голосенко 2001: 88).

Чагин представлял «старую» философско-социологическую когорту, формировавшуюся в 1920–1950-х гг. Но пришло время высказаться представителям новой социологии. И они сделали это. Я имею в виду работу большого коллектива ученых, в которой были освещены достижения советских социологов в различных пластах и направлениях социологии за все истекшие годы, — «Социология в России». Редактором этого фундаментального труда, первое издание которого было осуществлено в 1996 г. (Социология в России 1996), а второе — через два года (Социология в России 1998), был В. А. Ядов — один из наиболее активных строителей здания советской/российской социологии. Авторы каждого раздела, описывая достижения в конкретной отрасли социологии, не только обсуждали различные концептуальные подходы к анализу соответствующей проблематики, но и кратко обозначали, как возникли и конституировались исследования в соответствующих предметных нишах. Некоторые из них говорили о непрерывности траектории движения российской социологии, но большинство отмечало 20- и 30-летние перерывы. Вместе с тем вводная глава, написанная Г. С. Батыгиным, уже своим заголовком — «Преемственность российской социологической традиции» — утверждала непрерывность развития социологии в стране.

закончил юридический факультет Петербургского университета, выполнив дипломное исследование под руководством М. И. Туган-Барановского. В 1920-е годы Серебряков становится одним из ведущих историков марксизма, специалистом по трудам Энгельса. В начале 20-х гг. был направлен партией в Петроградский университет. Стал деканом юридического факультета, проректором, принимал активное участие в создании факультета философии Ленинградского университета, в 1941–1947 гг. возглавлял его. Безусловно, добрые отношения Чагина с ним были не лишними в его историко-социологических исследованиях.

Отмечая существование в России более чем столетней традиции секулярной общественной мысли, Батыгин датировал начало научного направления в российской общественной мысли шестидесятыми годами XIX столетия. Одновременно с теоретическими поисками, базировавшимися на позитивизме, неокантианстве, на принципах русской религиозной мысли, а несколько позже — на марксистских социологических концепциях, земскими статистиками в то время проводились обследования имущественного положения и хозяйственной деятельности крестьян и фабрично-заводских рабочих, изучались социальная структура населения, жилищные условия, образование, санитарная культура. В первые десятилетия XX столетия в России создаются первые социологические учреждения. После революции 1917 г. на протяжении нескольких лет в стране продолжалось развитие марксистского учения об обществе и сохранялись традиции русской либеральной науки. В 1922 году возникли первые идеологические и теоретические институты новой власти, начались нападки на «бывшую» профессуру: сначала она была изгнана с кафедр, а затем одних выдворили из страны, других — репрессировали. Итог: немарксистская социология в России прекратила свое существование и начался период канонизации марксизма — ленинизма по версии, предложенной Сталиным.

В 1946 году, продолжал Батыгин, в Институте философии Академии наук СССР «появилось нечто похожее на социологическое подразделение — сектор, которым руководил профессор М. П. Баскин» (Там же: 31). При поддержке высших идеологов ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова и Ю. П. Францева это подразделение занималось изучением и критикой зарубежных социологических концепций. Активную позицию в этой команде занимали М. Т. Иовчук и В. С. Кружков. Позитивное значение деятельности этих философов Батыгин видел в формировании жанра «критики буржуазной социологии и рецепции западных идей в период, предшествовавший коренным изменениям в тематической программе советского марксизма». До начала 1960-х гг. рядом государственных структур собиралась информация о различных сторонах жизни населения, но подобная деятельность не носила научного характера, а полученные результаты обычно имели статус секретных.

Словосочетание «конкретные социологические исследования» возникло в философской литературе в 1950-х гг. В них видели некий материал для теоретических обобщений. В первое время использовались простейшие методы сбора данных: наблюдения, беседы с передовыми производственниками, с представителями хозяйственного и партийного актива, применялись элементарные, далекие от научных требований схемы опросов. Одним из итогов упоминавшейся выше дискуссии 1957 г. о соотношении исторического материализма и социологии стало конституирование в 1958 г. термина «социологическое исследование».

В конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. произошли события, указывавшие на значительный прогресс в области институционализации социологии. В частности, в июне 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация, и уже в октябре того же года ее принимают в Международную Социологическую Ассоциацию. Одновременно в стране возникают первые профессиональные исследовательские центры.

Время с начала второй половины 1960-х и до конца 1980-х гг. обозначено Батыгиным как социологический ренессанс. В 1966 году в Академии наук СССР был образован Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, в 1968 г. начал свою работу Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) Академии наук СССР, директором которого стал академик А. М. Румянцев. Исследования проводились по трем направлениям: 1) социальная структура и социальное планирование, 2) управление социальными процессами, 3) история социологии. Первое направление возглавил Г. В. Осипов, второе — Ф. М. Бурлацкий, третье — И. С. Кон. В 1972–1976 годах во главе ИКСИ стоял М. Н. Руткевич; стиль его руководства привел к тому, что Институт покинула значительная группа ведущих ученых.

В 1974 году начал выходить первый и до середины 1980-х гг. единственный в СССР профессиональный журнал «Социологические исследования», главным редактором которого с 1974 по 1986 г. был А. Г. Харчев.

В июне 1988 г. вышло постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». В номенклатуре научных специальностей «социология» была отделена от «философии», и Институт социологических исследований АН СССР получил новое название — Институт социологии АН СССР. Директором-организатором новой структуры назначили В. А. Ядова. В начале 1991 г. Институт социологии разделился; новое образование — Институт социально-политических исследований АН СССР — возглавил Г. В. Осипов.

В первые годы 1990-х система российского высшего образования еще предусматривала преподавание обязательного цикла обществоведческих дисциплин, базировавшихся на положениях марксизма — ленинизма. Одним из основных предметов этого комплекса был научный коммунизм. Но все происходившее в стране, крах марксистской идеологии привели к перепрофилированию многих кафедр научного коммунизма, истории КПСС и политической экономии в кафедры социологии и политологии.

Здесь представлена лишь часть событий, отмеченных Г. С. Батыгиным в предпринятом им анализе прошлого российской социологии, тем не менее можно считать, что в целом они передают особенности траектории длительного пути ее развития. Ниже этот хронологический

ряд будет постоянно дополняться, однако сейчас хотелось бы вернуться к заявленной Батыгиным цели его работы — показать непрерывность российской социологической традиции — и понять, в какой мере ему удалось реализовать задуманное.

По мнению Батыгина, непрерывность российской социологии просматривается в существовании унаследованной ею от немецкого интеллектуализма приверженности категориям диалектики, в духе отчаянного марксистского философствования, в тесной связи с идеологией и массовой пропагандой, в присущем ей всегда исключительном влиянии на общественную и политическую жизнь. К сказанному можно отнестись как к программе поиска признаков непрерывности, что, в свою очередь, предполагает выявление тех составляющих процесса развития социологических традиций, которые не прерывались с середины XIX в. и не подвергались качественной трансформации. Однако, к сожалению, сделать это невозможно.

Вступив в начало XX в. (используя современную терминологию — полипарадигмальной, полиметодологической), российская социология уже через два десятилетия стала воинственно марксистской, крепко сжатой объятиями власти и идеологии. Коридор для анализа категорий диалектики стал весьма узким, стремления к отчаянному философствованию пресекались не только партийными документами, но часто еще жестче — коллегами по цеху, боровшимися за чистоту — в их понимании — марксизма. Причем отступление от «эталона» наказывалось не просто отлучением от науки — зачастую применялись репрессивные меры воздействия на инакомыслящих. Существовала тесная связь социологии с идеологией, но их отношения не были партнерскими: идеология была хозяйкой, наука — служанкой. До конца 1920-х гг. в СССР проводились прикладные социологические исследования, использовались разные (не очень сложные) методы сбора информации и ее анализа; затем подобная практика была остановлена и — как следствие — культура эмпирических исследований исчезла. Существовавшие исследовательские структуры распались. Преподавание социологии было заменено курсами исторического материализма, философия была поделена на буржуазную и марксистско-ленинскую, немногие оставшиеся в живых прежние преподаватели сохранили работу, лишь встав под знамена новой идеологии. Им не надо было подсказывать, к чему из прошлого не стоило обращаться, — касалось ли это политики, образа жизни, повседневной практики общения или социальных построений. Действительность учила их этому весьма эффективно. Вследствие повторявшихся «чисток» с полок многих библиотек надолго исчезли философские и социологические книги и журналы дореволюционной поры. Правда, по воспоминаниям И. А. Голосенко (И: Голосенко 1998: 9), в 1960–1970-х гг. работы многих запрещенных авторов, в том

числе Сорокина, Франка, Тахтрева и др., можно было весьма недорого купить в букинистических магазинах.

Когда началось некоторое послабление, все, что сохранилось, было перенесено в спецхраны. Доступ к литературе стал возможным, но ограниченным и контролируемым. В результате лишь немногие выпускники философских факультетов, завершавших образование в первые послевоенные годы, знали о том, что до революции и в течение нескольких лет после нее в России велись теоретические и прикладные исследования по социологии.

Думаю, что если бы не ранняя и мгновенная смерть Батыгина, он и сам многое уточнил бы в своей концепции преемственности. Ведь одновременно с ее проработкой под его руководством создавался архив биографий советских социологов, внесших определяющий вклад в становление социологии в стране на рубеже 1950–1960-х гг. и многое в воспоминаниях этих ученых свидетельствовало о том, что они входили в науку, не отягощенные знаниями о прошлом социологии в дореволюционной России и в постреволюционном СССР. Приведу два примера из этого биографического фонда.

Ф. М. Наумова, поступившая в МГУ в 1949 г., очень кратко ответила на вопрос: «А когда вы учились на философском факультете, там возникала речь о социологии как таковой?» — «Нет. Слова такого не было» (И: Наумова 1999: 303). Если в годы студенчества даже слово «социология» невозможно было услышать в стенах философского факультета МГУ, то — скорее всего — о существовании дореволюционной социологии Наумова узнала спустя годы после завершения обучения.

В интервью с А. Г. Здравомысловым вопрос был сформулирован в виде сложного суждения: «Но ведь и вы начинали в 60-е годы, не обращая внимания, скажем, на 20-е. Многие ваши коллеги говорят, что не могли использовать то наследие, потому что время было другое, мировая социология вышла на новый уровень, и т. д.». Вот его комментарий: «Ну, что касается 60-х годов — это кто как. Я, например, считаю лучшей работой 20-х годов книгу “Очерки рабочего быта”, которую многократно штудировал и возвращался к ней именно в связи с проблемами молодежи и т. д. Я обязательно выделял этот период и в своих курсах по истории социологии, когда удавалось их читать» (И: Здравомыслов 1999: 173). В последние полтора-два десятилетия своей жизни Здравомыслов целенаправленно изучал прошлое российской социологии и им многое было сделано в области преподавания истории этого предмета. Однако в его публикациях 1960-х гг. я не нашел свидетельств того, что ленинградские исследования отношения к труду в той или иной мере продолжали работы дореволюционных социологов и тех, кто разрабатывал эту тему в первые послереволюционные годы. Полагаю, что в конце 60-х гг. Здравомыслов уже многое знал о социологии указанного

периода, но в его книге, опубликованной в конце 1969 г. и отражающей содержание его лекций, прочитанных в 1967–1969 гг. в Ленинградской высшей партийной школе, ни слова нет о прошлом российской/советской социологии (Здравомыслов 1969а).

Мое исследование имеет прямую — программную, методическую и духовную — связь с историко-биографической работой Г. С. Батыгина, и я неоднократно буду возвращаться к ней.

Сейчас же приведу некоторые выводы Здравомыслова, касающиеся временной линии Батыгина; они были опубликованы вскоре после выхода в свет второго издания «Социология в России». Здравомыслов отмечал, что Батыгин понимал непрерывность и преемственность как нечто само собой разумеющееся, требовавшее лишь внятного разъяснения (Здравомыслов 2000). На самом же деле, сначала следовало фиксировать проблему, подлежащую всестороннему изучению. Здравомыслов, обращаясь к содержанию тех разделов книги, в которых излагалась история различных отраслей социологии, делает вывод о том, что постулат непрерывности не подтверждается. Еще один момент: Здравомыслов не соглашался с Батыгиным в том, что советская социология 1960-х гг. была продолжением той линии социальной философии, которую представляли Г. Ф. Александров, М. П. Баскин, М. Т. Иовчук, В. С. Кружков и другие партийные философы. Наоборот, поколение, к которому принадлежал Здравомыслов, делало все, чтобы противопоставить свое понимание социологии тем, кто отождествлял ее с историческим материализмом.

Не принял в полной мере концепцию непрерывности и Б. М. Фирсов, рассмотревший ее в первом издании своей книги по истории советской социологии (Фирсов 2001). В частности, он не согласился с тем, что у Батыгина «непрерывность развития социологической традиции является чуть ли не заданным от рождения генетическим свойством, изначальной характеристикой» (Там же: 75–76). По мнению Фирсова, в выводе Батыгина о преемственности игнорируется факт «погребения» социологии в 1930-е гг. и не принимается во внимание длительный регресс социальной мысли в стране.

Для хронологии развития исследований, затрагивающих генезис современной советской/российской социологии, целесообразно отметить, что критические замечания по поводу концепции преемственности Г. С. Батыгина были высказаны Здравомысловым и Фирсовым после выхода в 1998 г. второго издания «Социология в России».

Книга С. С. Новиковой (Новикова 1996) содержит массу фактов из прошлого российской социологии и предлагает пошаговое рассмотрение темы. Сначала речь идет о созревании социокультурных предпосылок русской социологии (Феофан Прокопович, В. Н. Татищев, реформы Петра и т. д.) и возникновении предсоциологического

развития социальной мысли в стране (первая четверть XIX в., П. Я. Чаадаев, В. Н. Майков, К. Д. Кавелин и др.). Затем автор выделяет пять основных этапов развития социологической мысли в России: *первый этап* — 1860–1890 гг., *второй* — 1890 г. — начало XX в., *третий* — первая четверть XX в., *четвертый* — 1920–1930-е гг. и *пятый этап* — конец 1950-х — 1990-е гг.

Учитывая направленность настоящей книги, освещение Новиковой первых четырех этапов не будет здесь излагаться; кратко рассмотрим лишь ее трактовку двух последних временных интервалов. В теоретико-методологическом плане четвертый этап (во всяком случае, в начальный его период) характеризовался ею наличием различных точек зрения на предмет, теорию и структуру социологического знания, на соотношение социологии и марксистской теории общества. Вслед за Н. И. Бухариным значительная часть советских философов стала отождествлять социологию с историческим материализмом. Одновременно существовали группы ученых, не согласных с подобной точкой зрения, причем одни выделяли в историческом материализме философский и социологический аспекты; по мнению других, исторический материализм не был самостоятельной наукой, но лишь образовывал общую методологию истории, тогда как социологии вообще не находилось места в марксизме. Были и те, кто отождествлял социологию с идеалистической буржуазной наукой об обществе.

Помимо дискуссий, проходивших на платформе исторического материализма, в 1920-е гг. в СССР предпринимались попытки создания социологии, базировавшейся на достижениях психологии и ряда естественных наук: биологии, физиологии, зоологии. К примеру, разрабатывались концепции «социальная рефлексология», «физиологическая социология», «социальный энергетизм», «фитосоциология» и др. Все это в условиях быстрого распространения положений исторического материализма, становившегося теоретической и идеологической базой новой власти, не могло выжить, и к началу 30-х гг. все эти направления были свернуты.

В предложенной Новиковой периодизации истории российской социологии явно обозначен длительный — два—три десятилетия — разрыв в развитии этой науки. По ее мнению, в то время в области теории социального познания расцветал догматизм, а эмпирические методы оказались фактически выведенными за рамки научной практики. Потому первые опыты проведения прикладных исследований и поиски новой трактовки в соотношении исторического материализма и социологии были признаны ею «вторым рождением» социологии в стране; начинался новый этап институционализации социологии.

И. В. Василенко и В. А. Парамонова, авторы вышедшего в 2004 г. учебного пособия по истории российской социологии (Василенко, Па-

рамонова 2004), были знакомы с работами Батыгина и Новиковой, но предложили несколько иную периодизацию развития отечественной социологии и иначе «прописали» советский период. Ими были обозначены четыре основных этапа развития научной социологии в России. Прежде всего, десятилетие (1860–1880), для которого было характерно «тесное переплетение социологии с социальной философией». За ним следуют два этапа собственно становления социологии: 1890–1900 и 1900–1922 гг. В данном случае замечу, что представляется оправданным отсутствие 1917 г. в качестве особой реперной точки на временной оси развития социологии. Действительно, первые несколько лет после революции новая власть не обращала особого внимания на науку, социологию в том числе. Продолжали работать сложившиеся научные коллективы и институты, даже открывались новые исследовательские и образовательные учреждения.

Последний из выделенных и рассмотренных Василенко и Парамоновой этапов охватывает все происходившее в социологии в СССР/России после 1917 г. вплоть до начала 1990-х. Этот продолжительный период разделен ими на несколько более компактных временных интервалов. 1922 год признан моментом радикальных изменений в институционализации социологии; интервал между 1920-ми и до начала 1950-х гг. связывается с догматизацией марксизма и деформацией историко-социологической проблематики; в 1950–1970-х гг. главным признается историко-социологическое направление; в последнем интервале (1980–1990) в качестве наиболее характерных критериев принимаются методологические поиски. В отличие от Батыгина, назвавшего социологическим ренессансом двадцатилетие перед перестройкой, эти авторы используют термин «ренессанс» для обозначения процессов, происходивших в российской социологии в конце XX в. (Там же).

Хотя в явном виде Василенко и Парамонова не говорят о непрерывности российской социологической традиции, у изучающих историю отечественной социологии по их учебному пособию вполне может сформироваться именно такое представление. Во-первых, на это указывает тот факт, что вся история советской/российской социологии после 1917 г. анализируется ими в рамках одного, хотя и качественно неоднородного, этапа. И во-вторых, в отличие от Новиковой, они не видят в событиях 50–70-х гг. «второго рождения».

В 2008 году вышло обстоятельное историко-методологическое исследование А. Г. Здравомыслова. В частности, им специально рассматривалась проблема периодизации отечественной социологии и генезиса ее постхрущёвского периода, а также тема преемственности. Дискуссионность этого вопроса Здравомыслов передает суждениями двух социологов. Одна точка зрения принадлежит В. А. Ядову, по мнению которого постхрущёвская социология 1960-х гг. не опиралась на российские

традиции социологического мышления, а возникла как следствие переноса на советскую почву сформировавшихся в западной практике исследовательских концепций и методов. Вторая была высказана Г. С. Батыгиным. Не упоминая своей публикации 2000 г., содержащей возражения против теоретико-исторических построений Батыгина, Здравомыслов писал: «Анализируя материалы этой дискуссии, а также обращаясь к рассмотрению многообразия социологических направлений в современной российской социологии, автор данной книги пришел к выводу о том, что вторая позиция, представленная Г. С. Батыгиным, более конструктивна хотя бы потому, что она дает возможность глубже понять значение советского периода в становлении социологии» (Здравомыслов 2008: 107).

В чем видел Здравомыслов механизм поддержания преемственности, каким образом прошлое проникало, входило в современное? По его мнению, разрывы в преемственности были обусловлены прежде всего политическими причинами, а сама преемственность осуществлялась путем сохранения и воспроизводства культурного капитала, передаваемого от поколения к поколению «очень непростым путем, который отнюдь не всегда обеспечивается наличием кафедр и учебных дисциплин» (Там же). Сама преемственность при этом трактовалась им как «восприятие прошлых научных идей в их историческом, научном и культурном контексте, как выявление смыслов пережитых теоретических конструкций для современности» (Там же).

Не разделяя концепции преемственности, в наших беседах и переписке я обсуждал с А. Г. Здравомысловым аргументацию, высказанную им в ее защиту. Опуская детали, отмечу два главных моих возражения.

Первое заключается в необоснованности, на мой взгляд, рассмотрения политики как фактора разрыва преемственности российской социологической традиции, а культуры — как силы, поддерживающей сохранение научной традиции. Вряд ли можно вообще разделять политику и культуру общества, тем более если речь шла о тоталитарном или авторитарном государстве. Дело в том, что самой этой благодатной культуры долгое время в стране не существовало, она была разрушена той же политикой и в той же мере, как и социология. Не было людей, которые могли бы — пусть вне кафедр и учебных дисциплин — вспомнить и поведать новым поколениям ученых о дореволюционной и непосредственно постреволюционной социологии. С полок массовых и даже университетских библиотек были убраны многие книги и журналы социологической направленности, а домашние библиотеки подчистили сами их владельцы. Но это не главное: начиная со второй половины 1920-х гг. в советском обществе политика настолько довлела над человеком, что глушила те составляющие культуры, семейных традиций, образования, повседневного общения, которые могли бы повернуть несколько новых поколений к серьезному изучению общества. И Здрavo-

мыслов сам однозначно показал, что в обществе долго, до XX съезда КПСС, не существовало той культуры, которую он в своих теоретических построениях наделял способностью обеспечивать непрерывность развития социологии.

Биографический сюжет № 6. А. Г. Здравомыслов

Историю нашей области знания, так же как и историю нашей страны, невозможно представить себе на основе образа восходящей прямой. С какой бы точки зрения не начинать рассмотрение проблемы становления поля социологии, везде мы встречаемся с рытвинами и ухабами, как и на наших дорогах. Эти рытвины и ухабы определяются главным образом политической ситуацией, весьма радикальными изменениями политического климата в стране. <...> Но ведь каждое поколение строит свою судьбу в тех рамках, которые задаются наличными общественными и политическими отношениями, сложившейся системой институтов. <...> Поколения, родившиеся в годы коллективизации, в предвоенные и военные годы, не были созидателями советского общества, они были его собственным населением, связанным кровно с уже утвердившимися социальными структурами. В послевоенном поколении лояльность по отношению к сталинскому режиму была главным условием получения высшего образования и вообще какой-либо научной и исследовательской деятельности (Там же: 116).

Хочу обратить внимание читателя на схожесть/полярность образов развития российской социологии у людей разных поколений и различного социологического, да и не только, мировоззрения. Чагин говорил о в целом восходящем, прогрессивном процессе, Здравомыслов — о невозможности представления этого процесса в виде восходящей прямой.

Второе возражение касается нарушения, с моей точки зрения, Здравомысловым одного из принципов исторического исследования. Как мне кажется, в своих рассуждениях о преемственности он «переносит» себя в начало 1960-х гг. таким, каким он был во второй половине первого десятилетия нового века, т. е. уже знакомым с работами дореволюционных социологов и связавшим воедино многое из русской классической культуры, литературы шестидесятников и всего, что оседает в человеке в течение десятилетий серьезной теоретической деятельности и постоянной рефлексии по поводу происходящего. Ниже на основе интервью с социологами первых поколений будет показано, что, начиная свою работу в этой новой области социального познания, они *не знали прошлого* и потому *не могли* на него опираться. Причем имеется в виду не только то, что относится к профессии социолога, но и к культуре в целом. В начале 1990-х гг. И. С. Кон писал о себе: «Мальчишке, который не читал ни строчки Анны Ахматовой, а с Пастернаком был знаком

по одной-единственной стихотворной пародии, было нетрудно поверить докладу Жданова. Рассуждения Лысенко, в силу их примитивности, усваивались гораздо легче, чем сложные генетические теории. Дело было не в частности, а в самом стиле мышления: все официальное, идущее сверху, было по определению правильным, а если ты этого не понимал — значит, ты неправ» (Кон 1999: 110–111).

Если иметь в виду, что постхрущёвская социология возникла в атмосфере критики культа личности, то получается, что политика не только породила разрывы в непрерывности развития социологии в стране, но она же и обеспечила возврат к социологии. Отчасти — через культуру и искусство. Не об этом ли слова Здравомыслова, прозвучавшие в его интервью: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трем упоминаниям Ленина. Тогда Сорокин рассматривался как персона *non grata*, так как с 1922 г. где-то в архивах хранится его расписка о добровольном выезде из страны с обязательством невозвращения. Только позже Игорь Анатольевич Голосенко начнет открывать эту дверь и в конце концов откроет» (И: Здравомыслов 2006а: 4–5).

Замечу, эти слова — вообще ключ к пониманию движения А. Г. Здравомыслова — и не только его одного — в социологию; они многое говорят о генезисе современного этапа российской социологии. Ниже представлен фрагмент из его воспоминаний о начале 60-х, которые были написаны в 2009 г. в связи с 80-летием В. А. Ядова.

Биографический сюжет № 7. В. А. Ядов

Это время «оттепели». Для нас оно становится временем исследования реальности. И обоснования методов решения этой задачи. В течение почти семи лет коллектив социологической лаборатории работал на одном дыхании: общее коллективное дело и личные интересы переплетались и каждый вносил свой вклад и испытывал радость от признания своей части работы. Разумеется, мы продолжали ходить на демонстрации, но песенный репертуар обновился. Впервые я услышал песни Окуджавы от Володи. Первая песня была немудрящей историей про девочку, у которой улетел шарик. А вторая про синий троллейбус. <...> Мы уже нутром ощутили, что перед нами не один раз [и] навсегда начертанный путь, а многообразие различных вариантов. Перспективы общества во многом зависели от политического выбора, а наши собственные перспективы — от профессии, которую мы делали и с которой мы начали себя идентифицировать (Здравомыслов 2009: 134–135).

Аналогичное соображение, касающееся рассуждений Здравомыслова о преемственности, я обнаружил в одном из интервью В. А. Ядова,

которое у него брал Батыгин: «А. Здравомыслов утверждает, что есть некая преемственность традиций нашей советской и русской социологии. А была ли эта традиция? О Сорокине знали по “хихикам” Ленина. Был Гастев, конечно. Упоминается, скажем, Кистяковский. Да не знали мы о нем. Большинство не опиралось на русскую традицию, это реконструкция сегодняшнего дня» (И: Ядов 1999: 62).

Одновременно со Здравомысловым и Ядовым на философском факультете ЛГУ учился Василий Яковлевич Ельмеев, многие годы отдавший развитию марксистско-ленинской социологии и критике той линии в социологии, которая строилась на отказе от догматов истмата. Его точка зрения на преемственность российской социологии сформулирована в ответе на следующий вопрос во взятом мной электронном интервью: «У Г. С. Батыгина была статья с анализом преемственности российской социологической традиции. Может быть, обсуждая прошлое и настоящее российской социологии, справедливее говорить именно о трансформации российской социологической традиции, но не о непрерывности развития российской социологии как науки?»

Биографический сюжет № 8. В. Я. Ельмеев

Название «российская социология» вместо «русской социологии» возникло после реставрации капитализма в стране. Я не согласен с тем, что русская и советская социология трансформировались в современную российскую социологию, создателями которой объявили себя «шестидесятники», что якобы с них началась постсоветская социология. Я придерживаюсь мнения специалиста по истории русской социологии А. А. Галактионова относительно того, что никакой современной российской постсоветской социологии, тем более «новорусской», не существует. Не выработали собственной парадигмы (вместо нее — что угодно, любая парадигма), нет у нее никаких национальных признаков, имеются лишь фрагменты либеральных концепций столетней давности с большой дозой более или менее близких по времени идей западных авторов; идет приспособление к социологическому глобализму, диктуемому США.

В вопросах преемственности следует исходить из наличия разных наследств. У советской социологии наследством служили взгляды русских революционных демократов (Герцен, Чернышевский и др.), труды марксистов, в том числе отечественных (Плеханов и др.), а ее продолжением является ныне существующая, но официально не признанная марксистская (материалистическая) социология (И: Ельмеев 2007: 242).

Теперь вернемся к вопросу о периодизации российской социологии, сконцентрировав внимание на советском периоде. А. Г. Здравомысловым было выделено семь этапов, пять из которых приходится именно на период после 1917 г., в том числе три из них относятся к современной социологии (Здравомыслов 2008: 108).

- Первоначальные варианты социологического мышления (середина XIX в.).
- Противостояние народничества и марксизма в социологии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.).
- Переход от полемики к идеологической монополии (1917 г. — конец 1920-х гг.).
- Период сталинской догматики (1929–1953).
- Возрождение социологии в 1960-е гг.
- Институционализация социологии и ее распространение (1970–1980-е гг.).
- Плюралистическая социология 1990-х гг.

Хотя Здравомысловым не были описаны критерии этой периодизации советской социологии, с некоторой степенью условности ее можно назвать институциональной.

Б. М. Фирсов, в своем историческом исследовании советской социологии сфокусировавший внимание на периоде 1950–1980-х гг., не предлагает собственной периодизации, но считает обоснованным использовать подход В. Э. Шляпентоха, одновременно учитывающий действие внешних факторов на развитие социологии и сил ее саморазвития. Иными словами, периодизация Шляпентоха во многом соответствует восприятию всего происходившего в современной социологии значительной частью социологов первых поколений (Фирсов 2001: 36–40). Первый период (1958–1965) назван эмбриональным. Его содержание прежде всего связано с определением места социологии в системе социальных наук, с обоснованием ее самостоятельности и установлением связи социальных исследователей с населением. Представляется, что термин «эмбриональный» еще и потому удачен, что он передает первородность, изначальность развития социологии в СССР на рубеже 50–60-х гг., а не трактует происходившее как продолжение чего-то коренящегося в прошлом.

Следующий этап (1965–1972) признан «золотыми годами советской социологии». Это время активной работы молодых социологов, время их надежд на действенное участие в решении социальных проблем. Затем на протяжении нескольких лет (до середины 70-х) совершалось движение вспять: усиливалось недоверие власти к социологии, наблюдалось обеднение исследовательской практики и снижение качества исследований. Середину 70-х гг., по мнению Шляпентоха, и в этом с ним согласен Фирсов, следует обозначить как период серости — то была проекция начинавшегося застоя на сферу социологии. После 1976 г. наступил краткосрочный период умеренного оживления, который сменился временем стагнации общественной жизни, а в социологии — идеологизацией теоретических построений, потерей многими учеными социальных ориентиров и распадом профессионального единения.

Рассмотренная периодизация была разработана Шляпентохом в конце 1980-х гг. и не могла зафиксировать изменения, происходившие позже в российской социологии.

Примерно в то же время свой подход к этой проблеме был разработан А. Н. Алексеевым. Первоначально он изложил свои соображения по этому поводу в мае 1981 г. в дружеском письме к Т. М. Дридзе, пришедшей в социологию в середине 1960-х и хорошо знавшей, как все происходило. Значительно позже этот материал вошел в работу Алексеева «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Алексеев 2003, т. 1: 219–226).

Движение социологии как науки рассматривалось Алексеевым в двумерной системе координат, задаваемой четырьмя полюсами (направлениями); вертикальная ось «Идеология — Реальность», горизонтальная — «Наука — Управление» (см. рисунок; 1–4 — обозначения полюсов системы координат).

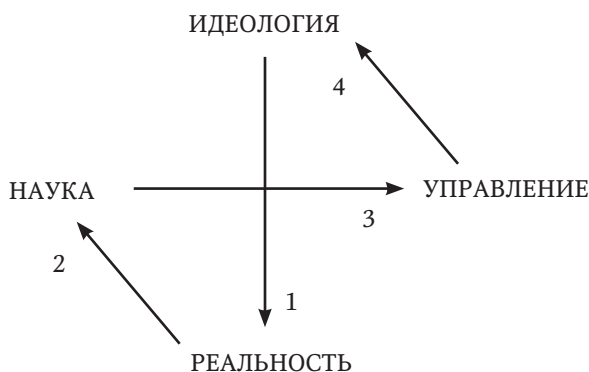

Рисунок. Пространство развития российской социологии: середина 1950-х — начало 1980-х гг. (из: Алексеев 2003).

Пояснения в тексте.

Автор пишет, что до середины 1950-х гг. «социология благополучно размещалась в “лоне” Идеологии и даже имени своего не имела («буржуазная социология» не в счет!)». Она родилась в конце 1950-х и стала двигаться «вниз», в область *Реальности* (1). После столкновения с реальными социальными процессами она направилась к полюсу *Наука* (2) — в 1960-е гг. происходило освоение методологии, методики и техники социологии. В следующем десятилетии обозначилось движение «вправо», ориентация на *Управление* (3); появились заводская социология, работы по хозяйственным договорам, возникло стремление формулировать управленческие рекомендации в различных сферах жизни общества. И здесь желание социологов «поручить» встретило сопротивление

со стороны власти и социология вынуждена была двинуться обратно по направлению к *Идеологии* (4).

По характеру движения социологии Алексеев выделил четыре этапа: первый — «секуляризация», второй — сайентификация, третий — прагматизация и четвертый — идеологизация (точнее, реидеологизация). Последний этап тогда лишь начинался. Эти же этапы автор переформулировал в терминах функциональных приоритетов науки: гражданственный, исследовательский, управленческий и идеологический. Общий вывод из анализа 4-этапного процесса был таков: сейчас «кто-то ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому» (Алексеев 2003, т. 1: 221).

Развивая одну из генеральных линий своего исследовательского проекта, Алексеев говорил об ожидании перемен. За четыре года до прихода к власти Горбачёва он, понимая необходимость «нового прорыва к реальности», предполагал, что это может произойти в 1980-х гг. под давлением хода общественной жизни, и при этом добавлял: «Правда, ей (социологии. — Б. Д.) для этого придется как бы “отказаться от самой себя”» (Там же: 222).

Обнаружив, что в целом прогноз Алексеева (особенно по части «отказа от себя») оправдался, я попросил его назвать периоды, которые он сегодня выделил бы в последних двух десятилетиях развития российской социологии. Приведу его ответ полностью.

Насчет периодизации российской социологии. Для советской — цикл в свое время завершился от «секуляризации» до «реидеологизации». Для последующей «жизни» нашей социологии был относительно недолгий период нового погружения в реальность, *публичная социология* (в смысле М. Буравого), далее — активное *освоение мирового опыта*, в значительной своей части эпигонское (тоже своего рода сайентификация) и — не последовательно, а, пожалуй, параллельно (в разных общественных секторах) — интенсивная *прагматизация*, с изрядной дозой очковтирательства. А в последнее время — опять *ре-идеологизация*, не менее крутая, чем на «закате застоя». Тут уж — «православие, самодержавие и народность», Союз социологов России, В. И. Добренков — В. И. Жуков — Г. В. Осипов².

Ниже рассматривается подход Д. Н. Шалина к прочтению процесса становления постхрущёвской социологии; ключевым понятием в его трактовке была «секуляризация». Очевидно, что он и Алексеев ввели этот термин независимо друг от друга. Шалин — уже потому, что де-

² Электронное письмо А. Н. Алексеева Б. З. Докторову от 11 августа 2008 г.

лал это раньше Алексеева; его статья была опубликована в Америке в 1978 г. Алексеев описал эту схему не в статье, при работе над которой был бы естественным поиск сделанного другими авторами, а в неформальном письме другу-коллеге. Можно добавить: в те годы никаких контактов между Алексеевым и Шалиным не существовало, более того, казалось, что их никогда уже и не будет. Так что введение двумя аналитиками одного и того же термина для описания одного и того же явления — показатель валидности этого понятия.

В середине 2007 г. свое видение процесса институционализации социологии в российском и советском обществе было изложено Л. Н. Москвичёвым (Москвичев 2006), автором ряда ценных историографических исследований в этой области. В его схеме первый этап охватывает период с 60-х гг. XIX в. до Октября 1917 г.; центральной фигурой этого отрезка истории Москвичёв называет М. М. Ковалевского. Второй этап — первые годы советской власти, более точно — с 1918 г. до середины 20-х гг. Ссылаясь на воспоминания П. А. Сорокина, Москвичёв пишет, что в те годы начался запрет на преподавание социологии, происходило увольнение социологов с работы, вводился новый предмет — «политическая наука» и «таким способом социология была изгнана из школ, и положение ее стало хуже, чем было до революции 1917 г.» (Там же: 5). Процессу ее институционализации был положен конец.

По мнению Москвичёва, непризнание социологии как науки продолжалось до конца 1950-х гг., в результате несколько поколений советских людей были лишены возможности заниматься социологией. Принципиально то, что в типологии Москвичёва нет этапа, лежащего в интервале между второй половиной 1920-х и концом 1950-х гг. Действительно для социологии время остановилось! Третий этап датируется концом 1950-х — концом 1980-х гг., его окончание не сопровождалось завершением институционализации социологии. Но и в последующие двадцать лет — скорее всего, это четвертый этап — «институционализация социологии в современном российском обществе в полном смысле пока не состоялась. Более того, по сравнению с 60–80-ми гг. прошлого века ряд позиций утрачен» (Там же: 12).

В 2008 году российское социологическое сообщество отмечало два юбилея. Во-первых, исполнялось 50 лет со дня образования первого профессионального отечественного социологического объединения — Советской социологической ассоциации. Во-вторых, к тому моменту прошло 40 лет со дня создания первого академического социологического института, который несколько раз менял свое название и в год юбилея назывался Институтом социологии Российской академии наук. Г. В. Осипов назвал те годы временем возрождения социологии в России.

Собственно рождение российской социологии он отнес к 1860-м гг., и все происходившее до революции рассматривал в рамках одного

периода. В эти годы, по оценкам Осипова, были заложены «прочные основы социологического знания, которые не смог разрушить даже Октябрьский переворот 1917 г.» (Осипов 2008: 20). Затем он обозначил двенадцатилетний период: 1917–1929 гг. В начале этого этапа наблюдались некоторые позитивные тенденции в развитии социологии; переломным оказалось издание работ Н. И. Бухарина, С. А. Оранского и их последователей, ставших импульсом к пересмотру всего сделанного ранее с позиций марксизма. Однако, по мнению Осипова, «социология продолжала сохранять гражданский и научный статус в российском обществе» (Там же: 21). Третий период (1929–1955) был назван Осиповым «социология вне закона». На все, относящееся к социологии, даже на сам термин, был наложен строжайший запрет. Социология была признана буржуазной лженаукой, не просто не совместимой с марксизмом, но враждебной ему. Оформила запрет на социологию дискуссия в Институте философии коммунистической академии по проблемам философии и социологии (1929), в ходе которой был сделан вывод: «Социология — это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом, само это слово (т. е. социология) не должно использоваться в марксистской литературе» (Там же: 22). В целом на смену научному знанию об обществе пришли социально-мифологические (утопические) построения.

Короткий период 1956–1957 гг. Осипов назвал «проторенессансом, за которым, согласно его историографии, последовало собственно возрождение и повторная институционализация социологии (Юбилейная научная сессия РАН 2008: 152). В начале 1960-х гг. слово «социология» формально еще было запрещенным, однако советские обществоведы стали появляться на международных социологических форумах, начали осуществляться первые социологические проекты и складываться научные коллективы.

Четкое указание Осипова на четвертьвековое положение социологии «вне закона», на мой взгляд, является однозначным индикатором того, что в этот период в стране не было науки, которая, в его понимании, могла бы признаваться социологией. Особое положение Осипова в советской/российской науке, его выдающийся вклад в ее становление и в решение многих организационных проблем побуждает внимательно изучать не только сказанное в его текстах, но и то, что было обойдено вниманием. В этом смысле мне кажется не случайным отсутствие в них упоминаний работ Г. Ф. Александрова и партийных философов из его окружения. Объяснение простое: они предлагали бесперспективный путь для становления в СССР социологии как самостоятельной науки. Согласно их представлениям, все должно было происходить в ограниченном пространстве марксистской социологии.

О весьма незначительном влиянии работ Александрова на формирование в СССР современной социологии свидетельствует крайне ред-

кое цитирование его произведений социологами первых поколений; не упоминаются они и в «Лекциях по социологии» Ю. А. Левады. Моя переписка по этому поводу с А. Г. Здравомысловым и В. Э. Шляпентохом подтверждает приведенный вывод. Следует прислушаться и к словам И. С. Кона: «...я его шапошно знал, ничего хорошего никогда не слышал. Чтобы писать о нем, нужно поднять философскую дискуссию 1948 г. В чем-то он был скорее продуктом и жертвой, чем инициатором... Никакого интеллектуального содержания в его книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал»³.

По мнению Осипова, даже Постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», вышедшее в 1988 г., не решило в полной мере проблемы институционализации социологии в СССР. В нем снова речь шла лишь о марксистско-ленинской социологии. Однако это Постановление не имело серьезного значения, потому что во второй половине 1980-х гг. для институционализации социологии уже не требовалось партийных решений.

Анализ развития социологии, сделанный Г. В. Осиповым, позволил ему выдвинуть и обосновать ряд положений, еще за два десятилетия до этого казавшихся невозможными, еретическими. Одно из них — о несовместимости социологии с теорией исторического материализма (Осипов 2008: 56). А ведь треть века назад, в учебнике по социологии (1976), сыгравшем значимую роль в подготовке социологических кадров в стране (речь идет о «Рабочей книге социолога», редактором которой был Г. В. Осипов), отмечалось, что создание научной социологии — историческая заслуга К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. При ссылке на работы последнего подчеркивалось, что социологию в разряд науки впервые возвела высказанная им мысль о роли материализма в истории. С формулировки этого же утверждения начинались второе издание этого учебника (Рабочая книга социолога 1983: 3), вышедшее за два года до перестройки, и книга, опубликованная через три года после ее начала (Марксистско-ленинская социология 1988: 3).

Обсуждая тему знакомства с прошлым с В. Э. Шляпентохом, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответ: «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно. Конечно, как прикрытие для социологии цитировал бесконечно ленинские группировки российских и американских хозяйств.

³ Электронное письмо И. С. Кона Б. З. Докторову от 3 марта 2008 г.

Однако влияние Ленина на нашу социологию в 60-е годы было равно, по моему мнению, нулю» (Шляпентох 2006: 624).

Когда в беседе с В. А. Ядовым я процитировал эти слова Шляпентоха, он сказал: «Это верно. Ссылки на ленинскую анкету для рабочих, его анализ становления капитализма в России на основе переосмысления земской статистики, упоминания исследований Энгельсом манчестерских ткачей непременно приводились в тогдашних учебниках, дабы показать, что классики марксизма не отвергали эмпирические методы. Но решающие инструктивные требования к построению опросов опирались на западные источники» (Докторов, Ядов 2008: 49).

Итак, в большинстве анализируемых работ, даже в случае детального прочерчивания траектории развития социологии в России/СССР/России, не делается явного вывода о преемственности российской социологии, но отмечается начало некоего нового качества в развитии этой науки на рубеже 1950–1960-х гг.; одни аналитики говорят о «ренессансе», другие — о «возрождении». В историческом и культурологическом отношении оба слова восходят к французскому слову Renaissance и означают переход от средневековья к Новому времени.

Полярны ли концепции преемственности и возрождения российской социологии, или просматривается некая система наукovedческих (культурологических) координат, в которых их можно было бы синтезировать? Мой ответ: четвертьвековое пребывание социологии «вне закона», т. е. длительное наличие некой иной сущности, лишь обозначавшейся термином «социология», указывает на нарушение непрерывности, преемственности. Тем не менее наличие разрыва в развитии социологии не означает автоматически а) признания справедливости концепции возрождения и б) отсутствия «зон», «ниш» справедливости концепции непрерывности. В математике в зависимости от ряда условий, наблюдаемых в точке нарушения непрерывности функции, т. е. скачка, выделяют устранимые разрывы (разрывы первого рода) и неустранимые (разрывы второго рода). Ниже будет показано, что концепция возрождения социологии может быть принята лишь в том случае, если она сможет стать базой, предпосылкой для определения областей устранения существовавшего разрыва. И инструментом такого устранения могут быть лишь историко-наукovedческие исследования.

Биография как источник историко-наукovedческой информации

Несколько лет изучая одновременно историю возникновения американской рекламы, рождение и развитие технологии изучения общественного мнения в США и историю современной советской/российской социологии, я не сразу осознал, что, по сути, все это — одна тема: творче-

ский человек в истории или история различных направлений социальной науки через биографии их создателей. При разработке тематики, относящейся к американской действительности (Докторов 2006, 2008), использовались различные источники сведений (книги и статьи по американской культуре, результаты исследований по методологии измерения в социологии, воспоминания людей, внесших существенный вклад в создание арсенала приемов изучения общественного мнения, и т. д.), и при этом главное значение придавалось поиску и анализу биографической информации. Другими словами, то было стремление восстановить процесс зарождения и совершенствования методов изучения установок населения, опираясь на исследование жизни и работы творцов этих методов.

Казалось бы, можно использовать методологический опыт, накопленный при анализе творчества и биографий выдающихся американских рекламистов и полстеров, в исследовании жизненных и профессиональных путей советских/российских социологов и, как следствие, перейти от изучения биографий к рассмотрению более общих историко-научоведческих проблем. Однако напрямую это сделать не получается: существуют сдерживающие обстоятельства, которые необходимо учитывать.

Во-первых, писать о тех, кого знаешь, кто жив и кто активно работает, а также о тех, кого знал, но кого уже нет, гораздо сложнее, чем о тех, кого не знал и кто давно умер. Я не знал никого из американских полстеров, работавших во второй половине и в конце XX в., и поэтому писал о них просто как о заслуживающих внимания исторических персонах. Могу утверждать: любой, кто в ближайшие годы будет исследовать творчество действующих российских социологов, столкнется со значительными сложностями профессионального и этического плана.

Во-вторых, приходится учитывать тот факт, что в России лишь начинает складываться традиция анализа и изложения истории современной отечественной социологии, постепенно формируется методология, учитывающая как особенности развития самой социологии, так и специфику понимания роли личности в обществе и в развитии науки. Принимая многое из сделанного российскими учеными в плане анализа становления постхрущёвской социологии, мне, однако, кажется, что в этих исследованиях слабо представлены создатели этой социологии, их жизнь и их творчество. История нашей науки в значительной степени остается «обесчеловеченной». Люди есть, но они — лишь лица, действующие на фоне едва заметно обрисованных обстоятельств, а не личности, профессиональное и гражданское поведение которых определено конкретными социально-политическими, идеологическими и нравственными императивами, нормами, обстоятельствами.

Отчасти эта ситуация скрашивается появлением в последние годы мемуаров (назову воспоминания Т. И. Заславской (Заславская 2007),

И. С. Кона (Кон 2008), С. А. Кугеля (Кугель 2005)), а также статей и сборников материалов о творчестве отдельных социологов. До сих пор остается уникальной по своему содержанию книга воспоминаний и биографических интервью, десять лет назад выпущенная Г. С. Батыгиным (Российская социология шестидесятых 1999). И несмотря на то что в созданном им «Социологическом журнале» и в ряде других изданий опубликовано немало интервью с российскими социологами, весь этот материал не обобщен.

В-третьих, работа с биографическим материалом — это всегда определенная форма общения человека, изучающего жизнь его героев, с «биографируемыми». Тем более это справедливо, когда историк пишет о деятельности людей, со многими из которых его связывают десятилетия совместной работы и дружеских отношений. Поэтому стиль, ритмика, язык такого произведения могут оказаться отличными от представлений многих о том, как должно быть написано научное произведение. Скажем, в отдельных местах изложение может казаться (может быть) излишне «громким», т. е. публицистическим, или слишком «тихим» — исповедальным.

Существуют разные типы биографических исследований, и можно построить континуум (непрерывное множество) жизнеописаний исторически значимых людей. На одном его полюсе будут располагаться различной полноты материалы, предлагаемые биографическими справочниками типа «Who is who?» или «Who was who?». Их цель — информировать. На другом — романтизированные биографии, в которых авторы разрешают себе описывать переживания своих героев, их диалоги с другими историческими личностями; это, по выражению Даниила Данина, «кентавры», совмещающие в себе научность и художественность. К удачным примерам подобной кентавристики относятся, в частности, его книги об Эрнесте Резерфорде и Нильсе Боре.

Когда я только начинал мои историко-биографические исследования, В. Б. Голофаст, долгие годы занимавшийся методологией анализа биографий, писал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-постмодернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков»⁴. Но мне представляется, что очень близко я к этой грани не подхожу, ибо ориентирован на изучение лишь «профессиональных биографий», т. е. описаний, показывающих человека в профессии и для профессии. Такая биография концентрируется на выборе человеком профессии, овладении ею и собственно на том, что им было сделано. Она также фокусируется на анализе отдельных сторон его деятельности и описании его профессионального окружения.

⁴ Электронное письмо В. Б. Голофаста Б. З. Докторову от 23 января 2004 г.

В течение определенного времени я думал о моих биографических интервью и статьях не как о чем-то самостоятельном, но как о заготовках для тех, кто будет писать «настоящую историю». Смотрел на них как на примеры, иллюстрации, рассказы о социологах; видел в них своего рода топливо для работы будущих историков нашей науки; называл их «Биографии для истории» или что-то в этом роде. Теперь я полагаю, с рядом оговорок и уточнений, что биографии социологов — это уже история социологии и в них отражена, содержится история. Конечно же, есть сферы развития науки, косвенно относящиеся к деятельности конкретных личностей, есть токи, исходящие из недр общества и замыкающиеся на науку как институт. Много чего есть. Но все равно ничто «внешнее», «далекое» не отразится на развитии науки, не войдет в нее, если оно не затронет интересов того или иного социолога или групп социологов. Ведь теоретические, методологические, технологические проблемы и решения в социологии есть не просто следствие состояния общества, эпохи, но результат преломления социологом (профессионалом, личностью) этого общественного, социального. Результаты прикладных социологических исследований — не исключение.

Все сделанное, написанное социологами, как и многое из несделанного и ненаписанного, есть функция понимания ими *своих профессиональных и личностных возможностей и общественно разрешенного*. В любом обществе одни чувствуют себя много свободнее в работе, чем другие, подходят к «обрыву» ближе других, делают кульбиты покруче, чем другие. В СССР действовала масса ограничителей, тормозов на пути познания общества и распространения информации о нем (организационные, идеологические, информационные, властные, финансовые, внутрицеховые, межличностные и т. д.), и большинством социологов это все очень остро воспринималось. И не могло не учитываться в их деятельности.

Свобода творчества есть функция общественного и личного, и *чувство свободы* не постоянно. Если проанализировать творчество, интенсивность работы социологов ряда поколений, то будут видны подъемы и спады, и они коррелируют с изменениями как в обществе, так и во внутреннем мире ученого.

Андрей Алексеев говорит о себе: «Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям» (Докторов 2009); возможно, в той или иной мере это присуще всем активно работающим современным российским социологам. Грушин говорил о чувстве невостребованности (Грушин 1999), но продолжал работать. Кон говорил о том, что «эпоху не выбирают» (Кон 1999), но много и плодотворно работал. Это все суждения одного рационального и эмоционального ряда. Скорее всего, оптимист по наблюдениям и пессимист по убеждениям просто не может стать профессиональным социологом.

Исходно постулируя возможность изучения истории социологии на базе рассказов социологов о себе и своей работе, а теперь понимая, что этот путь познания прошлого весьма эффективен и даже обязателен для всестороннего освещения становления и развития отечественной социологии, я вместе с тем признаю существование принципиальных различий в исследовании собственно истории социологии и в стремлении к пониманию прошлого через анализ биографий социологов. Во-первых, эти подходы различаются своими предметами и объектами: первая тема относится к истории становления науки как социального института, вторая — является областью социологии личности и социологии творчества. Во-вторых, история социологии может быть продуктом анализа историка, не обязательно работающего в социологии, в то время как изучение биографий и судеб социологов должен делать человек «своего» цеха. В-третьих, описание прошлого социологии предполагает известную масштабность, полноту. Биографический анализ может строиться на основе монографического подхода. В-четвертых, история социологии в принципе не может быть извлечена из биографий тех, кто создавал эту науку, поэтому биографический метод не может быть основным, ведущим в изучении всех аспектов прошлого, он — вспомогательный. Наоборот, при изучении судеб социологов биографический метод — основной. Наконец, история социологии — это описание того, как во взаимодействии государства, общества и ученых-социологов формировалась данная дисциплина: как возникали исследовательские центры, сколько людей в них работало, как создавалась и функционировала система подготовки кадров, география развития науки и т. д. Биографии здесь лишь дополнение, иллюстрация обнаруживаемых макротенденций. В биографическом анализе все извлекается из рассказов людей о себе и о своих коллегах, и здесь «макро» является не самостью, а фоном.

Анализ первых интервью с действующими российскими социологами потребовал заметного уточнения априорной программы исследований, и причины корректировки ясны: углублялась методология исследования, прояснялись логика и организация проекта и постепенно формировалось два его центральных направления: история в биографиях и биографии в истории.

История в биографиях — это то, каким в воспоминаниях социологов представляется прошлое российской социологии. Другими словами, история в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они сегодня, по прошествии десятилетий, видят те события и процессы. Постепенно прояснилось, что и пути вхождения ученых в социологию — это часть истории самой социологии, ибо они определяются не только биографией человека, но и степенью развитости социологии как инсти-

тута. Такой вывод непосредственно следует из анализа жизненных путей представителей разных поколений социологов.

Многое в книге уже было написано, но все равно — по-видимому, так происходит у любого автора — хотелось найти внешнее оправдание того, что в биографиях социологов видна история социологии, что они — больше, чем строительный материал для «большой истории». И я нашел его на завершающих страницах мемуаров Т. И. Заславской. В начале привлечшего мое внимание текста Заславская отмечает, что во второй половине 1990-х гг. она ежегодно публиковала одну — три работы по истории отечественной социологии, так что эта тематика стала самостоятельным направлением ее исследований. В частности, по-видимому, этим объясняется и ее интерес к книге по истории российской социологии 1960-х гг., подготовленной по инициативе и под руководством Г. С. Батыгина (Российская социология шестидесятых 1999). Особое значение я придаю цитируемому ниже тексту потому, что это не фрагмент отзыва Заславской на книгу Батыгина, а отрывок из ее личного письма сестре М. И. Черемисиной, языковеду, профессору филологии. Отношения между ними таковы, что фактически Заславская пишет это, как самой себе.

Читаю эту книгу, как роман, настолько она кажется интересной. Основную ее часть составляют воспоминания людей, с которыми вместе мы создавали (или восстанавливали) социологию в СССР: Ядова, Левады, Здравомыслова, Осипова, Руткевича, Пилипенко (куратора социологии в ЦК КПСС), Грушина, Шубкина, Рывкиной и др. Причем каждый автор рассказывает о своем детстве, юности, последующей жизни, о том, как он пришел в социологию, об основных событиях последующей жизни, об общей ситуации в социологии (как он ее видел), и получается необыкновенно живо и интересно. С одной стороны, из всей этой мешанины отчетливо выступает портрет поколения, пусть не до конца все понимавшего, но имевшего идеалы и в меру сил старавшегося служить им. Никто ведь не сговаривался представить историю так-то и так-то, а получилось очень много общего. С другой же стороны, каждый материал оригинален, каждый несет отпечаток личности человека, а личности эти такие разные! (Заславская 2007: 737–738).

Механизмы памяти таковы, что запоминается и при опросе всплывает из прошлого лишь важнейшее, а точнее — то, что тогда или по истечении многих лет представляется таковым. При стремлении ответить на вопрос «Что и как было?», человек прежде всего вспоминает факт, некую картину событий, свое эмоциональное ощущение происходившего, но далеко не всегда способен точно датировать запомнившиеся события и дать их «объективное» описание. Здесь вообще трудно говорить об объективности, ибо само восприятие происходившего было актом

субъективным, к тому же за прошедшие годы оно, осознанно или произвольно, могло еще более субъективироваться. Не просто прошли годы, но жил и действовал в том прошлом один человек — молодой, мало что сделавший, с неглубоким жизненным опытом, а вспоминает — совсем другой, ставший на 40–50 лет старше, зрелый профессионально, часто — с тяжелыми думами о прожитом. Потому в восприятии и описании того далекого одни аспекты, грани событий могли «потеряться», «исчезнуть», другие, наоборот, стать ярче, зримее. К тому, что было в действительности, могло «приклеиться» то, чего вообще не было или было, но присутствовало в другом событии, в другое время, в ином окружении.

Кроме того, в интервью человек не только рассказывает о прошлом, настоящем, рассуждает о будущем; благодаря не только сказанному, но и утаенному он в некоторых случаях, возможно, подает себя таким, каким представляет себя сейчас и/или каким он хочет, чтобы его видели. Причем не только сегодняшние читатели, многие из которых знают этого человека десятилетиями, но и социологи следующих поколений.

В то же время без этого личного, ауторефлексивного, «субъективного» историю социологии не узнать, не описать. Замечу: тех, кто будет знакомиться с биографиями, нередко это личностное в описании событий и людей будет интересоваться не менее, чем фактическая сторона дела. Так, при обсуждении одного из опубликованных интервью Л. Е. Кесельмана, которого я тогда опрашивал, заметил: «...какой-то момент я сообразил, что, по сути, в этих сюжетах ценна не столько информация о событиях, сколько видение этих событий твоими собеседниками»⁵.

Тем не менее и общее в биографиях, и уникальное, дополненное общим и другим уникальным, каким-то образом трансформируются в то, что может стать объективным и быть отражено в истории науки. Имеет смысл постоянно помнить также, что все представленное сейчас в биографиях и документах — всего лишь незначительная часть той информации, которой будут обладать следующие поколения историков российской социологии. Вполне возможно, что их изыскания подтвердят что-то из известного нам сейчас и «объективизируют» историю, а что-то — уточнят или полностью пересмотрят.

Биография — это некий уникальный, единственный и неповторимый синтез социального, физического и биологического, это история конкретного человека и одновременно некая в чем-то уменьшенная, но где-то и увеличенная копия того периода большой истории, в котором он жил. Автобиография, являющаяся продуктом, итогом биогра-

⁵ Электронное письмо Л. Е. Кесельмана Б. З. Докторову от 12 января 2007 г.

фического интервью, — это в той или иной мереотрефлексированное описание человеком своей жизни, несколько отретушированная самофотография, автопортрет, созданный художником в определенном интерьере и при продуманной им постановке света. Можно допустить, что автобиография социолога выстроена с более глубоким пониманием специфики социального времени, в котором ему было суждено жить, чем автобиография представителя иной профессии. Другими словами, в рассказе первого более зримо присутствуют дух, специфика среды его социализации и жизнедеятельности.

Опыт А. Н. Алексеева показывает, что ауторефлексия респондента-социолога всегда социологична. Поэтому с полным основанием можно говорить еще об одном, встречном, сопряженном направлении изучения полученных интервью — *биографии в истории*. Это исследование того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения. Безусловно, поколение социологов — это не группа людей, профессиональное поведение которых тождественно в силу детерминированности макросредой их социализации и деятельности. Вместе с тем жизненные траектории людей одного поколения расположены в относительно небольшом числе семантических ниш, и поэтому их можно сравнивать.

Если написать рядом «история в биографиях» и «биографии в истории», то легко заметить, что синтез двух этих направлений в принципе дает возможность решить главную задачу настоящего исследования: через биографии социологов погрузить историю социологии в историю страны. Таким образом, с одной стороны, описание становления и развития науки оказывается соотношенным с «большой историей», прежде всего особенностями политики, идеологии, образования, а с другой — оно (описание) несет в себе субъективное, пережитое людьми.

В рамках ряда теоретико-методологических проблем, в изучении биографий российских социологов Л. А. Козлова (Козлова 2007) выделяет два направления, различающихся по степени их обобщенности и характеру предметной фокусировки; она называет их индивидуально-биографическим и социально-биографическим. В первом случае индивид рассматривается в качестве исторической личности, исследования второго типа нацелены на общество, определенные социальные группы, «эпохи», но не на отдельных «героев». Это направление ориентировано на реконструкцию характеристик общества, а не жизни и облика отдельного человека. Козлова отмечает, что индивидуально-биографический — в ее классификации — подход близок к обозначенной мной «истории в биографиях», а социально-биографический родствен направленению анализа, названному «биографии для истории».

На определенном этапе моей работы В. А. Ядов, который во многом инициировал ее и проявлял постоянный интерес к исследованию, назвал три направления в современном науковедении и попросил меня указать, как мой подход соотносится с ними (**И:** Докторов 2008: 41): с куновской концепцией, связывающей движение знания с научными революциями и сменой исторически сложившихся картин мира; с построениями Роберта Мертона, в которых наука трактуется как социальный институт и акцентируется плодотворность изучения социальной среды ученого; с идеями этнометодологов, касавшимися наблюдений повседневной жизни групп ученых. Его интересовало также, предлагаю ли я новую парадигму, отличную от известных в науковедении.

В то время я не считал, и в этом отношении мало что изменилось, что в моих попытках изучить становление рекламы и опросов общественного мнения в США и дать анализ недавнего прошлого российской социологии на базе изучения биографий содержится новая парадигма. По моему мнению, сам термин *парадигма* слишком многозначен; на это еще в 1960-х гг. ряд теоретиков указывали Т. Куну, и нередко он используется некритически. За последние десятилетия в науковедении, социологии науки и знания сделано так много, что трудно предложить что-либо действительно новое. Даже в самых инновативных концепциях эксперты увидят продолжение построений, которые предлагались учеными еще в XIX в. или значительно раньше. К тому же все последние годы я был настолько погружен в собственно историко-наукovedческие исследования биографической окрашенности (решение здесь и сейчас конкретных методолого-методических проблем; сбор труднодоступной информации, совокупно заполняющей чрезвычайно обширное предметное пространство; наконец, анализ собранных материалов), что не мог «со стороны» посмотреть и оценить разрабатываемую методологию. Более того, создание целостной методологической программы изучения того или иного пласта истории российской социологии на основе биографий социологов исходно не обозначалось в качестве самостоятельной цели.

Однако я думаю, что характер задач, которые я ставил и продолжаю ставить перед собой, комплекс используемых аналитических приемов, разделяемые мной нормативы научности, стилистика, или риторика, изложения результатов — все вместе, возможно, содержит элементы новой методологии историко-биографического анализа. Некоторые ее положения я приводил выше, дополнительно о ней можно судить по научным школам и именам ученых, оказавших на меня наибольшее влияние. Однозначного ответа здесь нет, пристрастия менялись во времени — ведь мое ознакомление с историко-наукovedческой литературой началось в 1970-х гг., хотя тогда эта проблематика явно не вписывалась в круг моей повседневной профессиональной деятельности.

Если говорить о последних годах, когда происходило мое вхождение в собственно исторические штудии, то идеи Томаса Куна явно не довели надо мной. Но именно так было много лет назад при обстоятельном изучении мной истории физических исследований первой половины XX столетия, которые привели к появлению теории относительности, квантовой физики, другими словами — к совокупности фундаментальных теоретических и эмпирических открытий, изменивших картину мира. Там куновский подход к науке, на ее переходы из одного состояния в другое смотрится обоснованным. Но калибр орудия, сконструированного Куном, слишком крупный для использования в моих явно тактического уровня боях.

Что касается теоретических построений Мертон, то они настолько универсальны и настолько глубоко сидят в сознании всех современных социологов, что в той или иной степени всегда присутствуют в наших рассуждениях. Мне хотелось бы думать, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертон, ведь я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализированы. Да и анализируемая российская реальность в значительной степени относится к тому времени, когда отечественная социология лишь начинала институционализироваться, и поэтому рассмотрение науки в мертоновских координатах чаще вело бы к констатации отсутствия признаков социального института, чем к анализу институциональных аспектов российской социологии. Вместе с тем собранная биографическая информация, безусловно, может быть со временем рассмотрена в рамках науковедческого подхода, позволяющего описать историю постхрущёвской социологии с позиций становления социального института.

На мой взгляд, понимание полярности позиций «биографии в истории» и «история в биографиях», с одной стороны, и стремление к их синтезу при исследовании прошлого/настоящего отечественной социологии — с другой, во многом сближают предлагаемый здесь историко-науковедческий подход с рядом положений гуманистической социологии Томаса Лукмана. В частности, это признание весомости, во многих случаях — первичности самоорганизующего начала в становлении российской социологической науки как института. Самоорганизация — традиции, этические коды, особенности коммуникации и прочее — всегда была и остается ведущим фактором развития науки, тем более в период ее зарождения. Гуманистический подход к миру социальных отношений позволяет выявить то прошлое, в котором существовали и работали социологи, понять индивидуальные и коллективные представления о социологии 60–90-х гг. прошлого века.

В некоторых случаях мне казалось обоснованным говорить о целях данного историко-наукovedческого исследования как о создании истории «с человеческим лицом», или истории, написанной от лица тех, кто ее делал и делает. Если бы уже в начале разработки этого проекта я был знаком с парадигматикой Лукмана и тем, как он (проект) будет складываться под влиянием эмпирического материала, его можно было бы более прочно связать с собственно «гуманистической» методологией.

Использованный биографический метод входит в арсенал понимающей, феноменологической социологии, и в этом смысле мне близко многое из того, что делается науковедцами-этнометодологами, представляется привлекательной синтетичность этого направления исследований, сохраняющего в себе черты экзистенциализма и многих аспектов культурной антропологии. Однако их внимание, если говорить именно о науковедении, в большей степени сосредоточено на рассмотрении генезиса научного знания в процессе анализа смыслов, мне же более интересна личность и природа деятельности ученого.

В. А. Бачинин определил мой подход как синтез дескриптивно-аналитического и живого, теплого антропоцентризма — персоноцентризма. По его мнению, это «мощный противовес безликому социоцентризму, традиционно доминирующему в социологии. Он позволяет свести воедино методы объяснения и понимания, реабилитирует субъектно-субъективное начало, ставя его вровень с началом объективистским, удаляя из социологии тот ледяной, машинный холод, который отталкивает от нее очень многих» (И: Бачинин 2010а: 1). Мне импонирует такое видение и такая интерпретация моего исследовательского метода. Лишь замечу, что я не противопоставляю мой подход другим, но лишь ишу исследовательские ниши, где бы развиваемый метод был наиболее эффективным.

В целом то, что я пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности научного, и собственно к истории науки, развивающейся в рамках культурологических традиций. Мое понимание личности формировалось давно, в процессе участия в известном ленинградском семинаре Б. Г. Ананьева, при чтении работ Б. М. Теплова, А. Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и И. С. Кона. Если говорить о работах историко-наукovedческого плана, то это, прежде всего, исследования А. В. Ахутина, Л. М. Баткина. В. С. Библера, А. Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление в свое время оказали на меня историко-биографические книги Б. Г. Кузнецова, В. П. Зубова, А. З. Манфреда, У. И. Франкфурта, И. И. Канаева и некоторых других историков науки. Это одновременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения; в них через

анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показаны становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю «биографии в истории» и «история в биографиях». Именно эта литература обратила меня к чтению Куна и других науковедов.

Так что методология данного исследования является в полном смысле полипарадигмальной и междисциплинарной. Мне кажется, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая «чистота жанра».

Соглашаясь с этим моим выводом, Ядов все же отнес мой подход к мертонианскому, поскольку в нем выражена попытка уловить воздействие социальной среды на формирование и творчество ученого. Одновременно он фиксировал всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности, не без сожаления отметил увеличение разрыва между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. По его мнению, идеальным было бы совмещение макро- и микроанализа, и здесь он напомнил метафору Пера Монсона о том, что хорошо бы проплыть на лодке по аллеям парка (Монсон 1995).

Грешно отказываться от того, что я «стараюсь схватить воздействие социальной среды на творчество ученого», что мне близки идеи Мертона. Но в той же мере я отношу себя и к марксистам, хотя конструктивистский позитивизм Джорджа Пойи, Имре Лакатоса, Марио Бунге мне всегда был ближе. Вместе с тем замечу, что деятельность моих героев я вижу не как павловско-уотсоновское реагирование на социальную среду, но прежде всего как следствие их личностного отношения к данной среде. Трудно судить, чего в этом больше: мертонианства или следования взглядам этнометодологов.

Так что в свете сказанного двуединство ориентиров исследования — «биографии в истории» и «история в биографиях» — действительно можно рассматривать как синтез макро- и микроподходов. Движение в первом направлении должно выявить, как история, т. е. вся совокупность политических, экономических, социокультурных и иных обстоятельств, формирует, проявляется, отражается в биографиях ученых, творческих личностей. Продвижение во втором направлении должно показать, как эти люди, личности участвовали в создании постхрущёвской советской/российской социологии.

Очевидно, что настоящее историко-наукоедческое исследование формировалось как двухобъектное и является таковым. Первый объект — это история развития определенных разделов научного знания, второй — люди, создававшие эту историю. Каждый объект имеет сложную структуру, и если ядра этих структур могут быть локализованы достаточно четко, то обозначение их границ представляется затруднительным и малоперспективным. При изучении биографий необходимо

быть социологом-партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека. Здесь крайне сложно оперировать логическими конструкциями высокого уровня абстракции. Наоборот, лишь позиция универсалиста, или дженералиста⁶, позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в их единстве создающих историю. Некоторые философы науки отмечают конвергенцию партикуляризма и универсализма. Междисциплинарность и полипарадигмальность настоящего исследования удерживают меня от необходимости занять крайние позиции в этой дихотомии.

Теперь кратко коснусь проблемы стиля, формы, лексики, которая не рассматривается мной как внешняя, оформительская, оборотчая. Она касается выбора тональности повествования, поиска баланса между рациональным и эмоциональным, допустимости использования оценочных суждений, форм и объемов цитирования материалов биографических интервью. Дело в том, что цитирование — это всегда изъятие сказанного из определенного контекста, из того, что предшествовало цитируемой мысли или утверждению и что следовало за ними. Более того, это не просто изъятие из исходного контекста — это и размещение сказанного в новом контексте, который может менять исходный смысл цитируемого фрагмента. И элементом этого нового контекста становится чаще всего мое собственное повествование или прямое комментирование мысли, высказывания моего собеседника. Это очень сложная процедура, так как в ходе интервью я оставался почти «безмолвным», т. е., как правило, лишь фиксатором высказанного. Но здесь я обретаю (или присваиваю себе) право комментирования, не предполагающего обсуждение моего комментария с автором цитируемого текста. Формально все это можно делать, тем более что все интервью опубликованы и каждый исследователь, несомненно, имеет право рассматривать их как авторизованный документ; может соглашаться с положениями этого документа, может их критиковать. Но я, как интервьюер, оказываюсь в более сложном положении, в каком-то смысле человеком, априори согласным с тем, что было сказано интервьюируемым.

И еще о частных особенностях стиля текста, на которые я до поры до времени не обращал внимания и которым сейчас сопротивляюсь, но которые в полной мере победить не способен. В нашей беседе (**И**: Докторов 2008: 44) Ядов заметил: «Я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы («было выявлено» и т. п.). У Майкла Малкея (Гилбер, Малкей 1987) я вычитал такое наблюдение: естество-

⁶ *Дженералист* — от англ. *generalist*; термин введен представителями британской экономической школы для определения профессионального управленца, администратора широкого профиля.

испытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя “от имени самой природы”, тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь “моей”, “мною”. Некоторые коллеги избегают таких оборотов».

Скорее всего, использование безличных глаголов (сам я этого не замечаю) восходит к моему математическому образованию. Для математических текстов типичны обороты «как было показано», «как предполагалось», «что и следовало доказать», и т. д.

Желая пояснить Ядову использование в текстах местоимений «я», «моей», «мною», я вспомнил один разговор с ленинградским психологом Иосифом Марковичем Палеем. Очень давно он сказал мне, что человек, рассказывающий о чем-то личном, часто обращается к собеседнику, жестикулируя левой рукой, правая рука сопровождает суждения более общего типа. В одном из телефонных разговоров, состоявшихся в начале 2000-х гг., А. Г. Здравомыслов спросил, что мне особенно запомнилось из его лекций, которые я посещал в конце 1960-х и которые стали основой его книги по методологии социологических исследований (Здравомыслов 1969а). Я ответил, что «активная жестикуляция левой рукой», и пояснил: на языке жестов это означает, что человек размышляет вслух об очень важных для него вещах. Возможно, что использование личных местоимений это — аналог жестикуляции левой рукой, индикатор доверительного отношения автора к потенциальным читателям.

Глава 2

Методолого-методические аспекты исследования

В данной главе рассматриваются составляющие технологии проведения биографических интервью по электронной почте с целью изучения истории современной советской/российской социологии: комплектование выборки, организация диалога с респондентом, особенности редактирования текстов. Указываются методологические принципы исследования биографических материалов, ориентированного на познание процесса становления и развития отечественной социологии. Приводится ряд примеров воссоздания прошлого на базе работы с мозаикой индивидуальных воспоминаний.

Электронное биографическое интервью

Исследование биографий современных российских социологов было начато в середине 1990-х гг. Г. С. Батыгиным и его коллегами. Первый

опыт работы в этом направлении был обобщен в книге (Российская социология шестидесятых 1999). После его смерти это направление в изучении истории отечественной науки продолжили Л. А. Козлова и Н. Я. Мазлумянова. Значительное число биографий, прежде всего социологов, работающих на социологическом факультете Петербургского университета, в последние годы опубликовано на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии». Несколько биографий ученых, причастных к разработке проблематики экономической социологии, собраны в небольшой книжке В. В. Радаева (Экономическая социология 2008). Весь этот материал в той или иной мере используется в настоящей работе.

Однако центральное место в ней занимает биографический архив, созданный мной в 2005–2011 гг. Его основу составляют обстоятельные интервью, которые я проводил по электронной почте. Еще одним источником информации является значительный по объему — в несколько тысяч единиц хранения — архив моей многолетней электронной переписки с большим числом российских социологов разных поколений. Правда, замечу, что использование этой части архива будет крайне редким и ограничится приведением лишь фрагментов писем. Объясняется это двумя обстоятельствами.

Во-первых, в большинстве случаев эти письма не содержат интимных сведений, тем более нет в них и никакой секретной информации, однако, как правило, они носят личный характер, и с их отправителями не оговаривалась возможная последующая публикации написанного ими. Естественно, не используются письма, имевшие приписку типа «сообщаю только для тебя/Вас». Во-вторых, обычно содержание письма является развитием давно начатого разговора; таким образом, цитирование даже краткого фрагмента текста предполагает описание предыстории той или иной дискуссии, что невозможно по многим причинам.

Теперь опишу подробнее применявшийся метод сбора данных, в частности приемы формирования респондентского массива.

К рубежу 2004–2005 гг., когда настоящий проект начинался, я уже несколько лет наблюдал за развитием в США технологии онлайн-опросов при изучении общественного мнения, в том числе опроса с помощью электронной почты. В то время эксперты указывали на множество достоинств онлайн-опросов, но в качестве главных недостатков отмечались трудности в достижении репрезентативности опроса и незначительное число откликов потенциальных респондентов на предложение об участии в нем. Понятно, эти обстоятельства не могли серьезно осложнить схему задуманного исследования, поскольку оно априори не имело атрибутов массового выборочного опроса. И все же у меня и у ряда моих коллег, с которыми я неформально обсуждал начало работы и ее методический замысел, были сомнения в перспективности и каче-

ственности проведения интервью по электронной почте. Мне и сейчас не известны работы историко-биографической направленности, где использовалась бы эта методика, а в середине «нулевых» это было крайне новым и необычным. Прежде всего, высказывались опасения по поводу того, что электронная почта слабо освоена российскими социологами, в том числе — представителями старших поколений, и возникнут препятствия для поиска респондентов. Помимо этого, существовало и существует множество вопросов, касающихся организации электронного биографического интервью и главное — специфики общения, возникающего между спрашивающим и отвечающим. Так или иначе, но итогом анализа критических аспектов и достоинств этого метода (к примеру, простота, дешевизна) стало решение о начале проведения опроса.

Живя постоянно в крошечном американском городке, редко и ненадолго приезжая в Россию, я понимал ограниченность моих возможностей в изучении истории современной российской социологии. Очевидно было, что я не смогу в полной мере использовать такие традиционные и эффективные методы исторических поисков, как работа в российских архивах и библиотеках, посещение научных центров в различных частях страны и встречи с большим числом социологов, обсуждение «лицом к лицу» промежуточных результатов исследований со специалистами. Не было у меня долгих рассуждений по поводу технологии интервьюирования — использование электронной почты оставалось единственным способом получения новой эмпирической информации. Мои интервью, во всяком случае на первых порах, были продолжением неформальной переписки с моими коллегами, которые и стали первыми «респондентами». Накопленный к тому времени опыт историко-биографических исследований однозначно запрещал мне конструирование жесткой анкеты и ее массовую рассылку. Только подчеркнуто личное общение.

Беседа о жизни человека — всегда штучна, интимна, ее развитие во многом определяется тем, как мы слушаем этого человека, как реагируем на сказанное (в моем случае — написанное) им. Иногда по развернутому, детальному ответу чувствуешь, что попал в дорогую для собеседника «точку», нащупал то, о чем ему самому давно хотелось рассказать. По содержанию ответов, их аргументированности и детальности можно было попытаться понять, интересна ли респонденту та или иная тема или она не казалась ему заслуживающей обсуждения. Но бывает, что ответ явно (или скрыто) указывает на нежелательность обсуждения предложенной темы или конкретного фрагмента жизни интервьюируемого. В таком случае я не настаивал, переходил к новой теме.

В моем интервью с А. Г. Здравомысловым я задал ему два вопроса методического плана: каковы границы, которые не имеет права переступать интервьюер, и в чем «плюсы» и «минусы» интервью по элект-

ронной почте. Я полностью согласен с его ответом на первый вопрос: «Это зависит от многих обстоятельств. Прежде всего, от отношений между собеседниками и их заинтересованности в предмете разговора. Не надо идти против внутреннего такта, чувства меры» (И: Здравомыслов 2006а: 10). Проблема лишь в нахождении этой меры. Однако реакция Здравомыслова на второй вопрос была для меня не столь однозначной: «Я предпочитаю личный контакт: видишь выражение лица собеседника, можешь понять иронию и шутку. А по электронной почте нет одновременности действия, соучастия. Плюсы — лишь в экономии времени и затрат» (Там же). Во-первых, выражение лица собеседника может быть обманчиво. Во-вторых, никакой экономии времени — к сожалению — этот метод не дает. Наоборот, он значительно более трудоемкий — и для респондента, и для интервьюера, — чем личное интервью. В-третьих, «одновременность действия», т. е. непосредственная биографическая беседа, зачастую может быть менее комфортна для обоих собеседников, чем опосредованная.

Все электронные беседы строились примерно по одному плану, поэтому можно говорить о присутствии во всех интервью ряда общих информационных блоков. Однако все беседы были сугубо индивидуализированными по набору и последовательности вопросов, по динамике развития линий жизни, степени открытости обсуждаемых тем, ритмике и литературному стилю. Все это формируется в процессе интервьюирования и во многом определяется личностными особенностями респондентов, их жизненным и профессиональным опытом и, конечно же, особенностями их взаимоотношений. Это данность, которую нельзя не учитывать, и иного не могло быть. Более формализованная, жесткая схема беседы противоречила бы стремлению к максимальному раскрытию респондента и приданию интервью духа мемуарности.

Биографическое интервьюирование людей, достигших определенных успехов и признания в своей профессиональной деятельности, во многом отличается от других видов, форм, типов социологического интервью. Особенно если респонденты — социологи, десятилетиями использовавшие различные формы опроса населения и его отдельных групп. Ибо в таком случае беседа становится специфической, многошаговой рефлексией опрашиваемого и опрашивающего по поводу задаваемых вопросов. Это аналогично тому, что испытывают два опытных врача при обсуждении болезни одного из них.

Проблема отбора респондентов возникла сразу, но специфика сбора данных — личные и весьма продолжительные интервью по электронной почте — не требовала предварительного ответа на все просматривавшиеся на старте работы методические и организационные вопросы комплектования выборки. Интервьюирование можно было начинать сразу, поскольку границы изучаемой совокупности в целом

были ясны и несколько «жертв» для проведения первых опросов были намечены без особых затруднений.

Носителями информации о становлении постхрущёвской российской социологии являются люди, которые участвовали в этом процессе, задавали его основную конфигурацию и непосредственно наблюдали все происходившее. В начале работы предполагалось, что исследование прежде всего будет фокусироваться на рассмотрении процессов, протекавших в относительно узком временном интервале — конец 1950-х — начало 1980-х гг. В те годы, особенно в первой половине указанного отрезка времени, научных центров было немного и не существовало широкой системы профессиональной подготовки социологов, генеральная совокупность (здесь этот термин очень условен, так как он относится к методологии выборочных опросов) настоящего исследования виделась достаточно ограниченной. Однако ее границы были расплывчаты, и ее полный охват был невозможен. Многих участников этого процесса уже нет в живых; кто-то отошел от социологии. Ряд специалистов, внесших заметный вклад в развитие советской социологии, теперь живут в независимых постсоветских государствах, и хотя многие из них активно продолжают свою профессиональную деятельность и их воспоминания могли бы быть крайне ценными, на настоящем этапе работы я не включил их в изучаемую общность.

Весьма скоро обнаружилась ошибочность установки на интервьюирование лишь представителей первых поколений социологов. Сама логика исследования подвела к необходимости обращения к биографиям социологов следующих когорт.

Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием для отбора респондентов оказалось наличие у них электронной почты. Практика показала, что это не слишком жесткий критерий — в начале нового века электронная почта подавляющим числом социологов старших поколений уже была освоена. Вместе с тем то, что некоторые из потенциальных респондентов не пользуются электронной почтой, сделало невозможным проведение с ними интервью.

Второй критерий — возраст опрашиваемых. Ниже данная тема рассматривается подробно, сейчас лишь замечу, что первоначально это были ученые, возраст которых варьировал в узком возрастном промежутке: старшие приближались или уже отметили 80-летие, младшие перешагнули 60-летний рубеж. Ведь именно эти ученые могли многое рассказать о прошлом. Позже возрастной интервал был расширен, и я стал опрашивать более молодых социологов.

Третий критерий — успешность деятельности ученых. Она не связывается напрямую с наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом.

Сводная информация об участниках настоящего исследования приведена ниже (см.: гл. 4, разд. «Матрица биографий», табл. 3).

Безусловно, значимым фактором в выборе собеседников является характер моих личных отношений с потенциальными респондентами, особенно важным это было в начале работы. И я ценю их согласие — ведь решиться на биографическое интервью нелегко. Во-первых, это трудоемкое дело: приобретя некий опыт, я предупреждал, что беседа будет длиться не менее двух-трех месяцев. Во-вторых, говорить о себе — дело сложное. Это не просто воспоминания, но осмысление прожитого, тем более в «присутствии» множества потенциальных слушателей, т. е. будущих читателей.

Было естественным начинать изучение прошлого с анализа биографий тех, кто стоял у истоков советской социологии и кто шел непосредственно за ними. Именно они формировали социологическое знание о жизни советского общества во второй половине XX в., и позже — так распорядилась история — им пришлось закладывать основы социологического изучения современной российской действительности. Исследование биографий социологов-первопроходцев — это не некая периферийная тематика, изучение которой можно было отложить на будущее; оно — одно из центральных для понимания процесса зарождения современной отечественной социологии и многих особенностей ее развития. К тому же в памяти этих людей хранится уникальная информация о становлении социологического знания и функционировании нашего социологического сообщества.

Трое из уже названных выше ученых, с опроса которых начинался рассматриваемый процесс, — Я. И. Гишинский, Б. М. Фирсов и В. А. Ядов — известны специалистам России и многих стран; к тому же они обладают высшими учеными степенями и званиями, являются почетными докторами ряда университетов и членами международных профессиональных ассоциаций. Поэтому можно утверждать, что каковы бы ни были критерии формирования массива для проведения биографического интервьюирования, они были бы включены в него.

Затем было завершено интервью с Л. Е. Кесельманом, представлявшим поколение, которое в ходе исследования было названо третьим; в то время он работал в петербургском Социологическом институте РАН. Он не имел научных степеней и званий, но, благодаря разработанной и успешно применявшейся им оригинальной схеме уличных опросов, он приобрел в годы перестройки широкую известность среди социологов Ленинграда/Петербурга, Москвы и ряда других регионов. Первые четыре интервью были завершены мной в 2005 г.

Биографическое интервью я определяю прежде всего как специфическую форму коммуникации между доверяющими друг другу знакомыми (необходимо иметь в виду разную степень знакомства) людьми.

Интервью превращало наши отношения в определенном смысле в неравные (интервьюер — респондент), и, таким образом, каждый брал на себя новые коммуникационные функции. В настоящий момент, проведя свыше четырех десятков интервью и несколько раз выступив сам в качестве респондента, я отдаю себе отчет в том, насколько сложны и ответственны эти роли в диалоге, где предметом обсуждения является биография, профессиональная деятельность одного из участников беседы.

Таким образом, еще до начала опроса жанр задумываемых интервью трактовался как синтетический, соединяющий в себе черты мемуаров и исторического исследования. Историзм возникал уже постольку, поскольку темой интервью были значимые для человека события его профессиональной жизни (а у подавляющего числа опрошенных другой жизни фактически и не было), мемуарный аспект — поскольку не предполагалось ограничивать опрашиваемых в их праве освещать то, что они наблюдали, что с ними происходило, так, как это виделось им.

Фактор личного знакомства с большим числом социологов России на первых порах имел большое значение: дело было новым и, естественно, приходилось рассчитывать на дружеское понимание и поддержку людей, которых я давно знал и считал своими друзьями. Но на каком-то этапе в силу многих причин пришлось искать и других, новых потенциальных респондентов. Самый простой путь — в теории выборки он называется методом «снежного кома» — просить коллег называть тех, кого, по их мнению, следует опросить в рамках развивающегося проекта. Так, в ходе интервью Ядов дал очень высокую оценку работам А. Б. Гофмана, специалиста по истории западной социологии, известного мне тогда лишь по его публикациям. Отправленное Гофману электронное письмо, в котором формулировались цели биографического опроса и перечислялось уже сделанное, а затем короткий телефонный разговор с ним имели позитивный отклик. Так я начал опрашивать социолога, с которым лично не был знаком; познакомиться с ним мне удалось лишь в середине нашей беседы, когда я был в Москве. К настоящему моменту уже накоплен определенный опыт ведения биографического электронного интервью с людьми, с которыми я совместно не работал, и даже с теми, с кем никогда не встречался. Таким образом, личное знакомство — фактор, который упрощает коммуникацию и облегчает первые этапы проведения интервью, но не ограничивает область использования рассматриваемого метода.

Обращаясь с предложением об интервью, я всегда говорил не только о важности получения информации о жизни и работе моего потенциального респондента, но и об ответственности каждого, кто работает в социологии, за то, чтобы наша история была максимально полной, представительной. Тем не менее далеко не все мои обращения к коллегам — знакомым и незнакомым — имели положительный

отклик. Кто-то объяснял свой отказ занятостью, кто-то нерасположенностью к использованию электронной почты, кто-то отсутствием установки на рассказ о себе.

Были случаи, когда респонденты старались свести рассказ о себе к минимуму. Так, начав интервью с Б. И. Максимовым, с которым к моменту опроса мы были знакомы около четырех десятилетий, с ряда общих вопросов, я через некоторое время предложил перейти к собственно биографической тематике. Но он ответил: «Так-то так, но я не хотел бы выпячивать свою автобиографию, по крайней мере, начинать с нее. Во-первых, полная автобиография — это необъятно, во-вторых, я человек скромный. Разумеется, мне не обойтись без автобиографического стиля, но я хотел бы ограничиться приключениями в сфере социологии. Говорить хотя и о себе, но через социологию, и через себя о ней в основном, лично подавать через социологическое (или наоборот)» (И: Максимов 2007: 4). И затем, уже подходя к середине интервью, я еще раз попросил моего собеседника рассказать о родительской семье, обучении в школе и т. д. и после замечания: «Ты все же настаиваешь на автобиографических вопросах. Ну, что ж делать... только кратко!» он начал рассказ о себе.

Другая история случилась при интервьюировании В. А. Бачинина. Как обычно, я просил его рассказать немного о семье, школе, службе в армии, учебе в институте. Его первая реакция была такой: «...вопросы резонные. Однако есть одно “но”. Я сомневаюсь, что перипетии моей ранней биографии представляют интерес для кого-либо. Я не сторонник той социологии, которая ограничивается скольжением по внешним событиям и фактам. <...> Можно быть ходячей социологической энциклопедией, но если нет динамики внутренней жизни, то для истинной науки такой человек мертв» (И: Бачинин 2010б: 127). И все же затем он дал серьезное разъяснение этого ответа. (Речь шла об обстоятельствах, заставивших Бачинина обратиться к религии и кардинально пересмотреть свое прошлое.) «Для меня, — написал он, имея в виду одну из бифуркационных точек своей жизни, — такой точкой стало начало 2001 г., когда произошла некая встреча, изменившая меня, мое мировоззрение, мою душу, мои тексты, словом, всю мою жизнь. Так вот, тогдашний В. А. Бачинин, который существовал до 2001 г., внешне успешный, но еще не нашедший ни себя, ни Бога, мало, что смыслящий в жизни, несмотря на докторскую степень и профессорское звание, *мне не интересен*. Думаю, что столь же мало интереса он представляет и для других». И далее: «Не будь никому в обиду сказано, но люди, так и не добравшиеся в своей жизни до определенных рубежей духовного развития, при всей полноте моего юридического уважения к ним как к гражданам и личностям, не вызывают у меня биографического интереса. Не вызывает у меня такого интереса и В. А. Бачинин до 2001 г.» (И: Бачинин 2010а).

Замечу: отказ кого-либо от участия в интервью не означает, что информация об этом человеке, его жизненный опыт и профессиональный путь автоматически не были отражены в книге. При необходимости такие данные можно было найти в уже опубликованных интервью с ним или в мемуарной литературе. Сказанное относится лишь к представителям старших поколений (первого и второго) социологов, но оно практически не распространяется на биографические интервью с учеными третьего поколения; мне не были известны беседы подобного типа и с социологами четвертой когорты.

Условиями проведения интервью оговаривалась его последующая, причем скорая, публикация; этот факт имел серьезное, системообразующее значение как для характера общения «интервьюер—опрашиваемый», так и для результата электронной беседы. Каждый понимал, что, с одной стороны, сказанное вскоре станет опубликованным и заживет своей собственной жизнью. Пройдет время, какие-то факты, события, обстоятельства, приведенные в интервью, будут проверены и приняты профессиональным сообществом и, как результат, войдут в историю социологии; рассказы, воспоминания о людях помогут восстановить коммуникационные сети, существовавшие в разные периоды развития отечественной социологии, и лучше понять пути ее движения. С другой стороны, что-то окажется неверным, ошибочным с исторической точки зрения, противоречащим документам и воспоминаниям других участников описываемых событий. Это вполне возможно, ибо жанр интервью, характер общения не предполагает того, чтобы опрашиваемый при описании своей жизни постоянно сверял воспоминания с какими-либо записями, документами. Да чаще всего это и невозможно.

Как интервьюер и одновременно исследователь, я позволял себе — но каждый раз старался делать это максимально тактично — просить моего собеседника развернуть, детализировать тот или иной фрагмент описания и очень редко — снять какие-то факты или утверждения. Конечно, тем самым я вмешивался в ход повествования и препятствовал тому, чтобы то или иное событие прошлого стало публичным. Но я старался это делать только в случаях, когда предполагал, что оглашаемая критическая информация, особенно касающаяся умерших наших коллег, имеет скорее межличностный, чем общественно-профессиональный характер, и потому она мало существенна для описания и понимания процесса становления отечественной социологии. Это первая причина моего «редакторского» вмешательства в текст интервью. Вторая причина — технологическая: ограниченность журнального пространства, хотя оно немалое — два печатных листа. Что касается собственно редакторской правки, то она была минимальной: мне хотелось сохранить не только смысл высказываний моего собеседника, но и приущие ему особенности письма.

Довольно быстро сложился режим общения в ходе беседы: я старался высылать новые порции вопросов вскоре после получения ответов, понимая важность, необходимость использования «сегодняшнего» настроения моего собеседника на воспоминание и описание былого. (Речь идет об использовании инерции движения.) Но при этом мне не хотелось торопить моего собеседника с ответом, я делал это лишь в тех случаях, когда работа завершалась и подготавливалась к публикации. Обычно интервью продолжалось 3–5 месяцев, но были и рекорды обоих типов: быстрые — несколько недель и долгие — более года.

Вопрос редактирования текстов интервью имеет разные аспекты. Прежде всего, отмечу, что в процессе сбора биографической информации я выступал не как «киберинтервьюер», диктующий респонденту вопросы, сформулированные неким анонимным исследователем, но как аналитик, преследующий определенные научные цели. Потому я в той или иной мере ограничивал пространство высказываний моего собеседника и фокусировал его внимание на темы, интересные мне. Таким образом, редактировать тексты приходилось постоянно, но сложнее всего было готовить материалы к публикации. Дело в том, что, неспешно начинаясь и развиваясь, интервью с какого-то момента стремительно набирает темп и наращивает объем: человек осознает, что ему предоставлен редкий случай рассказать о прожитом и сделанном, и не известно, будет ли у него еще когда-нибудь подобная возможность, а если да, то как скоро. Таким образом, завершить интервью, прервать поток воспоминаний часто оказывается не легче, чем ответить на первые вопросы. Начинать страшно, завершать — грустно, а может быть, наоборот.

Теперь еще об одной стороне вмешательства в процесс интервьюирования, о которой приходится постоянно помнить и понимать, что это — неизбежно. Своими вопросами интервьюер провоцирует ответы собеседника, вынуждает его размышлять относительно тех событий и тех людей в его жизни, о которых в силу тех или иных обстоятельств ему не хочется вспоминать. И это не обязательно что-то неприятное или тяжелое. Может быть, наоборот, очень близкое человеку, но то, что он не хотел бы открывать другим. Безусловно, власть интервьюера весьма условна, тем более в избранной форме проведения интервью, и все же она существует. И не каждый из собеседников может напрямую отказаться от ответа на присланный вопрос или от размышления по предложенной теме. С одной стороны, сказанное высвечивает этическую сторону процесса интервьюирования. С другой стороны, интервью, о котором здесь идет речь, трактуется как инструмент исторического, наукovedческого исследования, и — возможно — такая его целевая ориентация «разрешает» интервьюеру проявлять некую настойчивость — не разрешаемую повседневной этикой общения — в его устремлениях к поиску информации о прошлом.

Опыт написания биографий людей творческого труда, в том числе советских/российских социологов, и биографического интервьюирования позволяет мне проводить аналогии этих процессов с тем, что мы наблюдаем и переживаем, знакомясь с людьми, совместно с которыми нам предстоит что-либо сделать. Сначала — встречаемся и взаимно представляемся, потом — выполняем задуманное, и наконец наступает момент расставания. И, как в реальной жизни, биографическое портретирование — создание биографий или беседа с человеком о нем самом — может быть легким или трудным, совместный труд может вызывать или не вызывать чувство удовлетворенности, а расставание может произойти, но может и не произойти. Очевидно одно: невозможно в процессе общения с человеком оставаться равнодушным к нему. Однако конкретика возникающих отношений детерминирована многими обстоятельствами, которые, по-видимому, можно объединить в две группы. Первая включает в себя личностные черты «биографируемого», которые могут импонировать биографу, но могут и не нравиться ему. Вторая группа складывается из параметров внешнего, оболочечного типа, например успешности профессиональной деятельности человека, тесноты его связей с другими действующими лицами историко-биографического исследования и множества других личностных и средовых обстоятельств.

Методология биографических интервью не дает однозначного ответа относительно права интервьюера-исследователя рекомендовать респонденту воздерживаться от резкостей. Есть точка зрения, согласно которой все произнесенное опрашиваемыми должно сохраняться, ибо эти оценки — часть жизненных реалий и характеристика сознания людей. Теоретически это положение мне импонирует, в нем есть логика, но на практике следование ему способно привести к появлению в печати массы заявлений, суждений, потенциально «напрягающих» наше и без того далекое от единства социологическое сообщество. Если бы собираемые сейчас интервью лишь «складировались» для публикации в середине XXI в. или позже, то, возможно, в них надо было бы все сохранять: пусть разбираются во всем следующие поколения социологов. Но тексты интервью публикуются сейчас, и потому мне не часто, но все же приходилось отдельные высказывания моих респондентов корректировать или просто не публиковать. Я благодарен всем, кто, осознавая ответственность за сказанное, воспринимал это с пониманием.

Интервью проводилось следующим образом. Получив первую порцию вопросов, респондент отвечал на них и высылал мне ответы. Я старался в течение нескольких дней все прочесть и выслать новые вопросы. По моему представлению, это должно было убедить опрашиваемого в том, что мне не безразлично, о чем он пишет, что я со всем знакомлюсь и жду его ответы. Одновременно это позволяло респонденту сохранять

инерцию воспоминаний, держать ритм общения. Представьте себе, что в живой беседе вы просите собеседника рассказать о себе, о своем детстве, о родителях, но когда он начинает отвечать, вы не слушаете его, часто отвлекаетесь. Будет он с вами откровенен?

Практика показала, что каждый набор высылаемых новых вопросов должен быть небольшим, два—четыре вопроса. Иногда я просил респондента дополнить сказанное им, привести иллюстрации его суждений, развернуть аргументацию. Респонденту предоставлялась полная свобода в работе над текстом, он мог отвечать на вопросы коротко или пространно; в этих случаях я иногда вставлял в текст респондента один—два дополнительных вопроса — иначе текст интервью воспринимался бы как монолог, а не диалог. Несколько раз были и такие случаи, когда уже перед публикацией текста респонденты просили меня изъять из него те или иные фрагменты, хотя это случалось не часто. Причин, как правило, было две: либо высказанное оказывалось, по их мнению, слишком личностным, либо не с лучшей стороны характеризовало тех или иных их коллег. Я считаю, что респондент имеет право на это.

Такова общая схема проведения интервью, однако встречались и некоторые отклонения от нее. Большинство из биографических бесед строилось в строго линейном порядке: от детства респондента до времени опроса. Но иногда сюжет интервью развивался в ином ключе. Как правило, это было вызвано тем, что я недостаточно знал моего собеседника до начала интервьюирования, и поэтому, прежде всего, приходилось более подробно знакомиться и с областью его научных поисков. Несколько варьировала и степень «мягкости» электронной беседы. В общем случае это было неформализованное анкетирование. И в целом такой прием эффективен — ведь общая историческая направленность исследования должна быть конкретизирована применительно к собеседнику: его научным интересам, поколенческой принадлежности, опыту работы по той или иной проблематике. Однако в ряде случаев развитие беседы свидетельствовало о том, что вопросы не столько помогают человеку, сколько сковывают его. Тогда я старался задавать более общие — стратегического плана — вопросы, а в работе с Е. А. Здравомысловой возникла схема, получившая название интервью-эссе. Были сформулированы лишь несколько тем для ее воспоминаний, а все остальное я оставил на ее усмотрение.

У каждого метода сбора информации есть позитивные и негативные стороны; это относится и к электронному интервью. Тем не менее, соотнося цели и характер проводимого историко-наукovedческого исследования и возможности онлайн-беседы, я склонен оценивать этот метод весьма высоко — в определенных отношениях он представляется мне более эффективным, чем живое интервью. Мне приходилось давать интервью «под диктофон» и отвечать на вопросы, получаемые

по электронной почте. И я отдаю предпочтение второму варианту. Этот метод оказался релевантным целям настоящего исследования, он комфортен для опрашиваемого и информативен для исторического поиска.

Во-первых, онлайн-беседа — это «мягкая» форма анкетирования, позволяющая респонденту обстоятельно ознакомиться с вопросами, настроиться на ответы, выбрать подходящее для работы время и отвечать на вопросы с той степенью развернутости, которую он считает необходимой. Он может спокойно подумать, вспомнить что-то, обратиться к документам или дневниковым записям, которые многими ведутся на протяжении десятилетий, уточнить кое-что по своим публикациям и лишь затем отвечать. У отвечающего есть возможность *многократно редактировать* свои ответы, дополнять их, вспоминая нечто важное.

Во-вторых, постепенно интервью превращается в диалог: спрашивающий и отвечающий имеют возможность уточнять вопросы и ответы. Случалось, что респондент возвращался к вопросам, на которые он уже ответил, и дополнял сказанное несколькими страницами текста. Обычно такие дополнения — о «наболевшем», давно хранившемся в памяти, но почти забытом — это более личностное, чем сказанное ранее. Это — мемуарность.

В-третьих, почти всегда переписка, относящаяся непосредственно к интервью (повторю, в целом оно длится несколько месяцев), дополняется, окаймляется обсуждением многих тем, выходящих за рамки предмета. И это придает самому интервью более неформальный, дружеский тон, сближает опрос с беседой. Нередко переписка — конечно, уже не с такой регулярностью — сохраняется и после завершения интервью.

В-четвертых, в этом методе интервью, в отличие, скажем, от беседы под диктофон, интервьюер не сидит напротив и своим присутствием (молчанием или взглядом, нетерпением или репликами, и т. д.) не влияет на мнение респондента. Нет ощущения цейтнота; напротив, у респондента нет необходимости отвечать слишком быстро и кратко на вопросы, требующие не просто размышлений, но точной датировки и развернутой аргументации. Человек остается сам с собой, он думает и пишет, отвечая даже не на сам вопрос, а на собственную версию этого вопроса. Мне не раз приходилось видеть, что мой собеседник понимал вопрос не так, как я предполагал. Вот эта свобода респондента в интерпретации вопроса, в выборе времени для ответа, а также пребывание в привычной для него (как правило, домашней) обстановке сближает ответы человека с тем, как если бы он просто записывал свои воспоминания.

После публикации текстов нередко люди, давно знающие человека, рассказавшего о себе, отмечали, что в интервью он — узнаваем, чувствуются его интонации. Значит, беседы были по-настоящему обстоятельны, исповедальны.

Биография и судьба

Существует некая сила, детерминирующая долгосрочные научные интересы ученых, удерживающая их десятилетиями в одном объектно-предметном пространстве, которое, конечно же, расширяется во многом благодаря их исследованиям, но которое вместе с тем хранит свое качественное своеобразие. Как они открывают для себя эту нишу? Как происходит ее освоение? Что не позволяет им покинуть ее и какие факторы или причины, наоборот, вынуждают ученых оставлять сделанное и обживать новые исследовательские пространства? В какой мере эти переходы плодотворны для ученого и науки? Это вопросы, на которые ищет ответы историческая наука.

Может быть описан набор внешних обстоятельств, которые влияют на поиски человеком своего жизненного пути, помогают или ограничивают выбор им главного в жизни дела, регламентируют характер и процесс его работы и возможности профессионального общения. Но практика показывает, что в сходных ситуациях одни творческие личности (в частности, речь идет о социологах) быстро находят «свою» область рационального и чувственного освоения и, несмотря на множество различных проблем и препятствий, которые им приходится преодолевать, чувствуют себя в ней комфортно, долгие годы неистово обследуют ее и добиваются заметных результатов. Другие, часто не менее одаренные, пробуют что-то, но, не испытывая удовлетворенности, пытаются найти себя в новой области. Иногда на определенном этапе поиск завершается успехом; человек находит свое дело и тем самым — себя. Третьи — так все время и мучаются, понимая, что жизнь уходит, а родное дело не найдено. Человек не распознал себя, не понял себя. Но бывает и так, что обстоятельства вынудили его отказаться от «себя».

В беседе с Л. Г. Иониным показалось естественным коснуться понятий судьба, зов судьбы. Мой вопрос звучал так: «Я начинаю думать, что понятие “знак судьбы” — не просто художественный образ... может, твоя переделкинская история с выходом на Пастернака и Канетти и история вокруг “Мастера и Маргариты” — это некие знаки судьбы, мимо которых ты не проскочил?.. Все выглядит слишком целостно, чтобы говорить о цепочке случаев». Ответ Ионина был весьма обстоятельным, очертившим многое из происходившего в его жизни. Приводимый ниже сюжет — лишь «каркас» позиции Ионина; иллюстративная часть его рассуждений здесь не представлена.

Биографический сюжет № 1. Л. Г. Ионин

Целостность возникает «потом», она есть результат интерпретации *ex post facto*, если вообще не *post mortem*. «Не проскочить» мимо «знаков судьбы» нельзя, нечто становится знаком судьбы лишь после того

и в результате того, что ты мимо этого не проскочил. Просто надо не сопротивляться жизни, состоящей из твоих собственных внутренних импульсов. Кажется, Сенеке принадлежит афоризм: соглашающихся судьба ведет, сопротивляющихся тащит. У меня в жизни было очень много начинаний-ответвлений в разные стороны — как в профессиональной области, так и во внепрофессиональной: к примеру, геология, попытка вступить в КПСС, работа на телевидении, игра на бирже, политконсультирование, журнализм, изучение Парсонса, искушение остаться за границей в 90-е годы и др. И не сказать, чтобы результат этих начинаний был катастрофическим, просто что-то как-то не получалось. Это как будто идешь по дороге, состоящей из постоянных развилок. Сворачиваешь направо, шагаешь и вот скоро чувствуешь, что либо грязь слишком много, либо в гору все время, что раздражает, либо вообще воздух какой-то не тот. Идешь обратно и поворачиваешь налево. А потом оказывается, что эта стрелка, указывающая налево, — «знак судьбы». Потому что идется легко и далеко. Поэтому я научился довольно легко отказываться от начатого, не сожалея о том, что не удалось, не пересчитывая написанного, не пересчитывая скрупулезно затраченные ресурсы (что, мол, нельзя, чтобы все это пропало, не принесло результата) и подчиняясь жизненному импульсу. <...> Стратегия подчинения судьбе содержательно всегда сугубо индивидуальна. Надо только следовать первичному жизненному импульсу и не пытаться силой «переломить» самого себя и тем самым судьбу. <...> Это жизненная философия, которую я не представляю в качестве образца для подражания. Тем не менее это и есть интуитивное нащупывание того, что потом и складывается как судьба, как предназначенность. Такая вот протестантская этика, хотя и в своеобразном варианте (И: Ионин 2007: 9).

Через три года после завершения этого интервью тема судьбы возникла в электронном разговоре с религиозным социологом-евангелистом В. А. Бачининым. Не зная реакции Ионина, он тоже вспомнил «телегу Сенеки».

Биографический сюжет № 2. В. А. Бачинин

...Убежден, что всё, что было в моей жизни, не было случайным. Случайностей вообще в мире не бывает. Иисус говорит: «У вас и волосы все на голове сочтены». Есть суверенная воля Бога и свободная воля человека. Из переплетений этих двух векторов складывается наш жизненный путь. Бог ведет того, кто Ему послушен. Но Он — не телега Сенеки и не тащит за Собой тех, кто упрямится, кто глух к Его призывам, кто не желает внимать Ему. Он оставляет таких людей (такие страны и народы) без Своего попечения, и те становятся легкой добычей темных сил. <...> Иными словами, Богу было угодно вести меня по жизни, вывести на главный духовный рубеж, организовать мне ту решающую встречу, о которой я упоминал выше, и поставить меня перед выбором: принять Христа

в свое сердце или отвергнуть. Я принял, и с этого момента всё изменилось, о чем, впрочем, я уже говорил. Почему я легко поступил в элитный университет, почему легко стал кандидатом наук (лишь за полтора года заочной аспирантуры в Институте философии АН СССР), почему затем без каких-то чрезвычайных усилий и затрат стал сравнительно молодым доктором и профессором, опубликовал семь сотен работ, в том числе 54 книги? Да просто потому, что Богу это было угодно. Он вел меня, открывал передо мной нужные двери, сводил с нужными людьми, поскольку готовил меня к определенному служению, чтобы я смог в конце концов поставить перед нашим ученым сообществом вопрос, который никому из его нынешних членов не приходит в голову: «Есть ли Бог в социологии?» Богу было угодно превратить для меня мою профессию в мое служение, поместить меня в ту среду, где это служение возможно, и изымать из той среды, где оно невозможно (**И:** Бачинин 2010а).

Итогом анализа интервью должна быть история советской/российской социологии как она видится ее создателям, но невозможно обойти вниманием темы более общего характера. Что такое биография? Как биография соотносится с судьбой? К какой области науки относится изучение биографий? Какие методологические принципы лежат в основе понимания личности ученого? Эти и подобные вопросы постоянно напоминают о себе в процессе интервью и при анализе собранной информации. Нередко сама практика «по ходу дела» подсказывает ответы на них. Но вряд ли имеет смысл останавливаться на описании процедуры поиска решений подобных прикладных, частных задач, можно лишь сказать, что в общем случае эти решения являются проекцией неких общих исследовательских представлений, установок и подходов на конкретную проблемную ситуацию. Вместе с тем имеет смысл определить, что в данной работе понимается под биографией и судьбой.

Историком и искусствоведом И. Ф. Петровской (Петровская 2003) обосновано научное направление «биографика», призванное дать методологию изучения биографий. Биографика как специальная область исторической науки включает в себя разработку теоретических проблем познания биографии и закономерностей человеческой жизни, а также собственно биографическое знание. Целостную биографию она понимает как повествование об истории индивидуального жизненного пути от его начала до конца; биография — больше, чем хроника жизни и творчества, в ней должно присутствовать понимание целостности прожитого человеком.

По мнению Петровской, воссоздание целостной биографии человека предполагает знание его жизненного пути, а также условий его жизни, включая быт, формы досуга и т. д. Внесоциального, внеисторического человека не бывает, познание индивидуального жизненного пути предполагает и изучение эпохи, в которой человек жил. Эпоха —

не «исторический фон», а партнер человека на протяжении всей его жизни. Следовательно, значимой оказывается личная позиция человека в исторических событиях: участие или неучастие в них, их восприятие и оценка. В изучение индивидуального жизненного пути входит изучение эпохи и среды. Жизнь — это не только события, но и их переживание, следовательно, большое значение имеет также область чувств человека. Вникая в характер личности, приходится учитывать, что в нем сосуществуют «ведущие» и «второстепенные» черты, которые могут дополнять друг друга или контрастировать друг с другом.

Аналогичный взгляд на биографию высказан социологом и культурологом Б. Н. Дубиным, но он жестче, на более высоком уровне обобщения выделяет в ней два неразрывных аспекта. С одной стороны, биография — это «схема упорядочения собственного опыта, авторегулятивная конструкция и в этом смысле компонент системы ориентации самого действующего индивида. С другой — это косвенное, так или иначе гипотетическое воспроизведение (дублирование) схемы самопонимания и самопредъявления индивида теперь уже другим действующим лицом в ходе его специфического смыслового действия — в ситуации и акте биографирования, биографической реконструкции, “внешнего” понимания, интерпретации апостериори» (Дубин 2001).

Традиционно ученых, изучающих жизнь и творчество выдающихся личностей, называют биографами, словом, производным от биография (описание жизни). Это представляется очевидным. Мне ни в коем случае не кажется необходимым нарушать сложившийся порядок, но полагаю важным указать на существование несколько необычной, хотя весьма плодотворной трактовки деятельности по восстановлению образа биографируемых людей. Она принадлежит известному специалисту в области истории и философии физики Б. Г. Кузнецову, автору научных биографий А. Эйнштейна, Г. Галилея, И. Ньютона и других выдающихся ученых и мыслителей. Во введении к своей небольшой автобиографической книге, являющейся коллекцией эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти (к примеру, Г. М. Кржижановский, В. И. Вернадский, И. Е. Тамм, Ф. Жолио-Кюри, Луи де Бройль), он отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть «биологом», нежели «биографом» (Кузнецов 1984). «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание* жизни в ее единстве с окружающим миром.

То обстоятельство, что история науки не сводится к анализу жизненных путей и творчества отдельных социологов, заметно усложняет использование в настоящем исследовании возможностей, вытекающих из «био-логической» интерпретации «био-графического» материала. И все

же именно биологическая «платформа» лежит в основании рассматриваемых ниже жизнеописаний.

Согласно Петровской, «биография — это всегда история, рассказ о прошедшем». На мой взгляд, это верно лишь в том отношении, что биография — это описание преимущественно уже того, что состоялось или не состоялось, но было возможным или вероятным, иногда — лишь желанным.

Однако серьезно написанная автобиография или биография, созданная профессиональным историком, не может быть лишь о прошедшем, само по себе отдаленное время интересно только узкому кругу специалистов. Биография как *био-логический* портрет личности, оставившей яркий след в той или иной области человеческой деятельности, значима только в том случае, если прошлое, присутствующее в ней, воспринимается современностью как значимое, и в этом смысле биография, даже человека, жившего много веков назад, — это и рассказ о настоящем. Другими словами, «чистого» прошлого в историко-биографических исследованиях не существует.

Когда я находился еще на ранней стадии изучения процесса зарождения опросной технологии и рекламы в США, осуществляемый мной поиск подвел меня к представлению (концепции) «толстого настоящего». Ниже она будет рассмотрена более обстоятельно, но суть ее заключается в понимании «современности» в рамках исторического исследования. Так, в заголовке моей первой статьи о Гэллапе (Докторов 2000) стояли два слова, которые во многом определили направленность дальнейших постоянных размышлений и детерминировали предмет исследований в его биографическом и внебиографическом аспектах. Эти слова — «наш современник». Тогда был приведен ряд аргументов в подтверждение того, что Гэллап — «наш современник», но они не касались интерпретации понятия настоящего как социально-исторической категории. Вскоре мне стало ясно, что временные границы пространства историко-биографических поисков не были очерчены. Оставалось множество вопросов: например, следовало ли, рассматривая становление выборочной технологии опросов общественного мнения, обращаться к генеалогии Гэллапа? к столетней истории соломенных (донаучных) опросов? к философии рекламы Финеаса Тейлора Барнума? к ранним исследованиям рынка Чарльза Парлина? Ведь формально все это «удалено» от прямых истоков гэллаповской процедуры опроса. Сегодняшний мой ответ однозначен: да, следует. В противном случае прошлое не открывается и человек, наследие которого изучается, не раскрывается.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утолщает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов

настоящее не ограничивается временными рамками, как-то: вчера, сегодня, завтра, но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от «сегодня» (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: «А что было раньше?», тогда как историческая тематика, встроена в «настоящее», добавляет к нему «А что будет потом?».

Так, в рамках исследования постепенно оформилось стремление к постоянному «утолщению» настоящего, переносу из прошлого в современность того, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Невозможно освободиться от мысли о том, что настоящее — лишь точка в развитии различных процессов. Пришло осознание того, что прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, что в каждой его клеточке существует «свое» прошлое, настоящее и будущее.

По мнению В. А. Ядова, «толстое настоящее» ассоциируется с «плотным описанием» по Клиффорду Гирцу (**И**: Докторов 2008: 44). Я не анализировал специально соотношение этих двух конструкций, но очевидно, что обе они проистекают из постмодернистского дискурса и ориентированы на преодоление одномерности, линейности в описании познаваемых фактов, явлений. Кроме того, оба этих понятия укладываются в современное движение истории к широкой рефлексии, к повышению роли субъективных смыслов. Однако я не нашел у Гирца установки на отказ в трактовке линейности самого времени. В моем понимании, «толстое настоящее» — это некая мысленная матрешка, в которой — парадокс! — каждая внутренняя кукла имеет в точности размер куклы, из которой она вынута, они различаются лишь нарядами и выражением лиц.

Обсуждаемая в этом исследовании тема судьбы, в полной мере соотносимая с концепцией «толстого времени» и вписывающаяся скорее в био-логический, чем в био-графический подход к анализу жизненных траекторий, появилась в поле моего внимания в конце 2003 г. после прочтения небольшой книжки Ю. М. Беспаловой о западносибирских предпринимателях (Беспалова 2002). Не сразу, но я обратил внимание на раздел работы, в котором трактовалось соотношение имени, биографии и судьбы. Поскольку речь шла о людях, живших во второй половине XIX—начале XX в., то мне показался естественным разговор об их судьбе. Тогда, по моему представлению, о судьбе было оправданно говорить лишь применительно к персонам прошлого. Но постепенно такое ощущение стало размываться, ему на смену пришло понимание

судьбы, которое, вообще говоря, можно распространить как на людей, жизненный путь которых уже завершился, так и на живущих и продолжающих работать.

Понятие судьбы и все, что его окружает, что с ним связано, восходит к глубокой древности и является предметом анализа, интерпретации, рассуждений религиозных и светских мыслителей, литераторов, исследователей культуры. Судьбу трактуют как рок, как книгу, в которой записана жизнь человека, как «звующие» или «предупреждающие» знаки, которым человек должен следовать, как нечто родственное предназначению каждого человека, цели и смыслу его жизни. Судьбу рассматривают как некую высшую силу, или меру, устанавливающую баланс между самостоятельностью человека и его зависимостью от высших сил, между выбором и заданностью, или предопределенностью. В некоторых работах биография рассматривается как приближение к заранее предначертанному, в других — как никому не известный абсолютный идеал.

Мой опыт изучения жизненного пути людей, оставивших заметный след в ряде областей науки и культуры, показывает познавательную и методологическую плодотворность разделения биографии и судьбы — понятий близких, но имеющих разную субстанциональность. Для меня биография — это совокупность всех действий и мыслей человека, проходящихся на годы его жизни. Все, что происходит после этого, — дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой человек работал, и прочее — не в силах изменить траекторию его жизни и окружавшее его некогда социокультурное пространство, ибо все это уже произошло, состоялось, ушло. Но время придает прожитой человеком жизни новый смысл, детерминирует, проявляет его судьбу. Судьба — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). У биографии есть начало и конец, судьба же теоретически бесконечна, точнее сказать — судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба — более многомерна, чем биография.

В рамках биографического анализа можно говорить о трех смыслах понятия судьбы. Во-первых, судьба — это то, с чем человек приходит в мир, каждому что-то дано от рождения. Одним дано воспринять и распознать этот дар, «зов» довольно рано, и тогда комплекс этих ощущений детерминирует ведущие жизненные ценности и установки человека, в частности выбор им профессии. Например, Т. И. Заславская так определила свое решение заняться наукой: «...посвящение жизни науке легко объяснимо: дед и отец были профессорами, и я с детства знала, что наука — самое интересное и достойное занятие» (И: Заславская 2007б: 150). С особенностями внутрисемейной атмосферы

связывает свою судьбу исследователя и А. Ю. Мягков: «Мама хотела, чтобы я стал преподавателем, ученым. Папа тоже никогда не возражал. Он и сам очень многие годы работал со студентами энерготехникума и энергетического института. <...> У нас в доме, как правило, в периоды вузовских сессий... часто бывали студенты с их неизменными тубусами, чертежами и папками. <...> Ко всему этому я за долгие годы настолько привык, что к моменту выбора профессии иной судьбы для себя я уже просто не представлял» (И: Мягков 2010: 5). Напротив, А. Е. Чирикова лишь благодарит родителей за их невмешательство в ее выбор: «Мои родители... были довольно далеки от той сферы деятельности, которую я себе выбрала как будущую профессию еще в 8-м классе... Я до сих пор благодарна им за то, что они всегда уважали мой выбор. Я была убеждена с 14 лет, что буду психологом» (И: Чирикова 2010: 5). Скорее всего, в ее предбиографии, в необычности истории ее родительской семьи были не замеченные ею или не упомянутые в интервью обстоятельства, определившие направленность развития ее интересов от биологии — что весьма распространено в детстве — к психологии, т. е. к человеку.

Но многим в силу объективных и субъективных обстоятельств не дано ощущение того, что он должен, призван что-то сделать для себя и других, возможно, для человечества в целом. К примеру, в одном из писем В. А. Ядов, характеризуя Б. А. Грушина и отмечая близость восприятия ими обоими социологии и жизни, писал о своем друге: «Он по природе человек ДОЛГА, но долга не только перед близкими и своим обществом, но как пророка — долга перед самой историей. Мессионерская черта»⁷.

Во-вторых, судьба, которую человек сам создает своей жизнью; это судьба рукотворная, не унаследованная, не «подаренная», но приобретенная, слепленная самой жизнью человека. В-третьих, судьба — это форма существования человека после его смерти, это жизнь того, что он оставил другим.

Я благодарен В. А. Бачинину, высказавшему после прочтения статьи о Б. А. Грушине (Докторов 2010а) ряд ценных социолого-культурологических замечаний о природе судьбы. Сейчас ограничусь рассмотрением лишь двух из них.

Прежде всего, мне представляется ценным суждение Бачинина о том, что понятие судьбы выведено из христианского лексикона. «В христианском сознании оно целиком поглощается представлением о Божьей воле. Однако религиозная и тем более секулярная мысль охотно пользуются им. Оно позволяет и атеистам учитывать, что очень

⁷ Электронное письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 10 мая 2009 г.

многое в мире не в их руках и не в их воле»⁸. На мой взгляд, это суждение знатока религиозных текстов оказывается своего рода защитой секулярной трактовки соотношения судьбы и биографии от возможных заявлений, что вся эта тематика находится вне научного дискурса.

В словарной заметке о природе судьбы (Бачинин 2003) Бачинин выделяет три группы, или три пласта, факторов, обстоятельств, формирующих судьбу человека. Прежде всего, отмечается *метафизическая, трансцендентная* составляющая, т. е. этот фактор является функцией высших сил, которым подчинено все мировое бытие, включая физическую, социальную и духовную жизнь людей. По сути, признается существование Творца, могущего распорядиться каждой человеческой жизнью по своему усмотрению. Затем указывается на существование факторов *онтологической* природы — речь идет о сплетении бесчисленных обстоятельств разного характера, сложившихся к моменту рождения человека. В этом нерасчленном целом человеку и предстоит действовать. Третий фактор — *антропный*: судьба зависит от действий и поступков, совершаемых человеком в процессе движения по предназначенному ему пути.

В предложенном выше толковании термина «судьба» присутствует онтологическая составляющая — в виде предбиографии и всей системы отношений, в которых действует личность, — и антропная. Сама биография и есть антропная составляющая судьбы. В то же время конструктивность такой интерпретации соотношения судьбы и биографии позволяет не рассматривать действие метафизического, или трансцендентного, фактора.

В своей давней книге (Кон 1984) И. С. Кон предпослал разделу, озаглавленному «Биография и судьба», слова И. А. Бунина: «Все человеческие судьбы слагаются случайно, в зависимости от судеб, их окружающих...» Пока наше общество было атеистическим, иногда воинственно антирелигиозным, оно так же формировало и все новые поколения. Соответственно обществоведы, в том числе и биографы, могли не учитывать (и не учитывали) фактора религиозности среды и приобщенности населения и личности к церкви. Тем более что большинство людей скрывало свою религиозность. Процессы, происходящие в последние годы в российском социуме, указывают на то, что эта исследовательская парадигматика в ближайшие годы будет трансформироваться.

В беседах с социологами, особенно при личных встречах, они не раз говорили мне о том, что были крещены в детстве или принимали решение о крещении самостоятельно в юности или в зрелые годы. Однако по договоренности эти факты не входили в финальный текст

⁸ Электронное письмо В. А. Бачинина Б. З. Докторову от 18 апреля 2010 г.

интервью. Лишь в двух интервью эта информация присутствует: в беседах с М. А. Тарусиным (**И:** Тарусин 2007) и В. А. Бачининым (**И:** Бачинин 2010б).

Мне кажется, что в историко-наукovedческих отечественных работах, касающихся становления современного этапа советской/российской социологии, сюжеты судьбо-биографического рода не рассматривались. Прежде всего, это может быть объяснено дальнoзоркостью истории, ей необходимо время, чтобы понять и оценить истинные масштабы сделанного тем или иным социологом. Второе: явно существующие методологические сложности в исследовании этой проблемы просматриваются уже на стадии очерчивания того, что такое судьба и как она может анализироваться. И третье: задумываясь, а тем более пытаясь заглянуть в судьбу человека, биограф испытывает определенный душевный дискомфорт; он взваливает на себя огромный груз, погружает себя в сложное нравственное пространство, ведь определение судьбы, если отвлечься от деталей, — это формулирование своего рода приговора. Прав С. С. Аверинцев, указывая на родственность слов «суд» и «судьба». К счастью, сама история, будущее наделены правом отмены, пересмотра решения о судьбе творческого человека, вынесенного его биографами.

В богатой постбиографической жизни исторических личностей невозможно отделить факты от мифов, и дело не в ограниченности информационной базы, а в психологии людей. Например, в уже написанных биографиях Владимира Высоцкого, умершего в 1980 г., сложно отделить правду от мифов, вымысла. И в будущем отфильтровать одно от другого будет невозможно, ибо каждый, кто возьмется за описание его жизни, будет не только читать его стихи, слушать его песни, но вынужден будет постоянно обращаться к тому, что уже опубликовано до него. Аналогичная метаморфоза произошла и с образом Андрея Дмитриевича Сахарова в течение двух десятилетий после его смерти. Одни фрагменты его жизни в силу закрытости тематики, по которой он работал, и сложности для неспециалистов исследовавшихся им научных проблем остаются практически не известными, анализ и освещение других сторон его жизни, в частности его правозащитной деятельности, нередко крайне субъективизированы, политизированы.

Лишь в исключительных случаях истории, биографы имеют дело с биографиями, как правило же, — с судьбами. И чем более продолжительный временной интервал разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. Обычно, к тому моменту, когда ученые, писатели берутся за изучение биографий своих героев, они уже давно пребывают во власти судеб этих людей, «околдованы» ими. В противном случае нет повода для всматривания в жизнь этих акторов. Ведь нередко проходят

десятилетия от момента первого знакомства будущего исследователя с именем, фрагментами жизни заинтересовавшей его исторической личности до принятия им решения о направленном познании жизни этой личности и создания ее жизнеописания.

В процессе работы над биографиями выдающихся людей мира рекламы: Финеаса Тейлора Барнума, Альберта Ласкера и Дэвида Огилви, создателей выборочной технологии изучения общественного мнения: Джорджа Гэллапа, Элмо Роупера, Арчиальда Кроссли и многих других я ощущал, что характер моего поиска во многом определяется моим знанием их постбиографий. Возможно, в еще большей степени я находился во власти судеб Б. А. Грушина и Ю. А. Левады, когда уже после их смерти писал о них (Докторов 2010б).

Мифологизация образа человека, «пропитывание» биографии судьбой происходит за несколько десятилетий, а часто и значительно быстрее. И есть моменты, способствующие мифологизации образа того или иного человека, ускоряющие ее. Во-первых, это бедность, неполнота информации о жизни человека, иногда — в силу стечения жизненных обстоятельств, например утраты «материализованного прошлого»: документов, следов деятельности человека; в других случаях это происходит в силу личностных особенностей человека, его стремления «закрыть» свою жизнь от других. К примеру, до недавнего времени весьма скудной была информация о жизни Ю. А. Левады, который добровольно отделил себя от «всех значимых социальных субъектов» (А. Левинсон), отводил друзьям роль не поддерживающих, а не мешающих (А. Левинсон), живший «наедине с собой» (Б. Фирсов). Он сам говорил о себе: «Я довольно одинокий волк всю жизнь» (И: Левада 2008: 165). Вышедшие в последнее время книги воспоминаний о Леваде (Воспоминания и дискуссии 2010; Памяти Ю. А. Левады 2011) позволяют по-новому увидеть его биографию.

Природа второго обстоятельства коренится в восприятии современниками личностей, оказывающихся в центре важных исторических событий. Так, все перипетии давления властей на Леваду, поводом для которых были его «Лекции по социологии», и его стойкое сопротивление этим акциям сразу внесли его биографию в историю становления советской социологии. Поэтому на протяжении значительной части жизни Левады его биография оказалась вплетенной в его судьбу. Существовал человек, и существовала легенда о нем.

Биографии исторических личностей, написанные в разное время, даже если они базируются на одном и том же фактическом материале, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы последнего, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями, часто — столетиями раньше. Во-вторых, данный автор и герой будут находиться

совсем в ином коммуникационном пространстве, у них будет иное общение, чем у тех, кто писал на эту же тему раньше. Так, к примеру, личное знакомство с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В общем случае *познание судьбы* предполагает изучение *предбиографии* человека, его *биографии* и *постбиографии*. Исследование предбиографии как части судьбы — мало разработанная тема, хотя в жизни родителей и более далеких предков, а также в достаточно консервативном мире традиций и культуры, в который человек входит сразу после своего рождения (или даже раньше), может быть обнаружено многое для понимания его деятельности. Часто именно это прошлое, не осознаваемое человеком в детстве, но окутывающее его, может оказаться доминирующим фактором его первичной социализации.

В нашей переписке В. А. Бачинин заметил, что «постбиография» — это есть, собственно говоря, мир биографических интерпретаций, мир свободных или тенденциозных текстов, возвышающих или принижающих героя⁹. Я не думаю, что постбиография — лишь множество интерпретаций. Если говорить о мировой науке, то ярчайший пример — судьба Грегора Менделя. Открытые им законы наследственности вошли в арсенал науки через несколько десятилетий после его смерти. Они стали и основой генетики, и причиной его посмертного признания. Нечто схожее произошло с трудами и судьбами А. Л. Чижевского и Н. Д. Кондратьева.

Сутью, ядром судьбы творца является отношение общества, профессионального сообщества к наследию, оставленному им. Во-первых, послежизненная фаза судьбы может быть много продолжительнее собственно жизненного пути человека. Во-вторых, как предбиография и биография, так и постбиография — это части культуры своего времени. Именно столкновение этих культур во многом и объясняет парадоксы судьбы исторических личностей. Подобных примеров масса: в науке, в изобразительном искусстве и музыке, в литературе. Объясняется все просто: человек, личность, творец — опередил время; в период его жизни сделанное им казалось ненужным, иногда даже чуждым обществу — отторгалось или замалчивалось. Но результат его труда оказался созвучен требованиям нового времени, ожиданиям, запросам новых поколений, и при неизменности биографии этого человека его судьба круто меняется.

Есть еще одно понятие, редко используемое в историко-наукоедческой практике, но отвечающее установке на био-логическое прочтение жизненного пути человека. Это — мания, свойство одновременно

⁹ Электронное письмо В. А. Бачинина Б. З. Докторову от 19 апреля 2010 г.

личное и надличное, его истоки иногда коренятся в предбиографии, но бывает оно и почти осознанно самоформируемым. Это свойство творческой личности, во многом определяющее ее биографию и — как следствие — постбиографическую часть ее судьбы.

Слово «мания», нередко с негативной коннотацией, используют как категорию психопатологии, но мне хотелось бы вернуться к его базовому греческому значению: страсть, влечение, одержимость, неистовство. В моем понимании, мания — это комплекс разнообразных идей, возникающих у исследователя под воздействием какого-то сложного взаимодействия внешних обстоятельств и внутренних переживаний и детерминирующих его суперактивность в разработке представляющих ему важными проблем. Обычно это множество идей захватывает сознание человека целиком, порождает его высочайшую сосредоточенность, концентрацию на выделенных им самим познавательных проблемах и заставляет его отказываться от многого, почти от всего ради достижения поставленной научной цели. Естественно, речь может идти как о теоретических проблемах, так и о программах прикладной направленности. Историками культуры и науки нередко подмечаются элементы маниакальности в творчестве великих музыкантов, художников, поэтов, математиков, ученых-естествоиспытателей и изобретателей.

Анализ процессов зарождения рекламы и технологии массовых опросов в США, а также изучение большого числа биографий выдающихся американских бизнесменов, рекламистов и полстеров позволил мне наблюдать пути становления и характер деятельности большого числа творческих личностей, зажженных своими идеями, совершавших то, что противоречило существовавшим традициям нормального ведения бизнеса или сложившимся представлениям об изучении рынка и массовых политических установок. Каждый из них вошел в историю как «отец» инновации, изменившей жизнь людей и общества. В своем деле они видели некое предназначение, ответ на вызовы прошлого и запросы будущего. Они могли быть одержимыми и были таковыми. Они чувствовали себя свободными и — главное — независимыми от власти, от государства. Они не ждали от него помощи и не выстраивали свои дела, согласуя их с интересами государства. Их жизнь — это торжество личности. В старости у людей всегда много печальных мыслей и тяжелых воспоминаний, но вряд ли все эти люди с грустью думали о том, что государство, власть противодействовали им.

Изучение биографий российских социологов дает иную картину взаимоотношений творца и власти: здесь стремление что-то сделать постоянно осаживалось сверху. Те, кому историей было уготовано в конце 1950-х — начале 1960-х гг. начать новый этап в развитии российской социологии, шли в университеты, познав тяготы войны, пережив гибель родных, испытав огромную радость Победы. Они гордились своим

государством, верили в могущество, силу социализма, были заботливо ограждены родителями, старшими от знания дореволюционной жизни и событий конца 1930-х гг. Они осознанно шли учиться, чтобы лучше узнать мир и чтобы улучшить жизнь людей. То была юношеская одержимость; они прекрасно учились, многие были сталинскими стипендиатами и получали «красные» дипломы, искренне занимались общественной работой по линии комсомола, рано начинали самостоятельные научные исследования.

В период еще сохранявшегося «оттепельного» тепла эти молодые ученые, тогда 30-летние, боролись за конституирование социологии как самостоятельной науки и смогли провести исследования, признанные сегодня классикой советской социологии. Но прошло несколько лет, и многое стало меняться. Планы — разваливались, надежды — улетучивались, возможности для работы и публикации результатов — сокращались, и т. д. Одержимость ученых в познании общества и их предложения по коррекции социальной политики начинали пугать власть, поддержка властными структурами социологии сменилась подозрительностью к ученым и созданием условий, в которых творчество активно подавлялось.

Усиление цензуры и распространение самоцензуры имело следствием выхолащивание из публикуемых результатов наиболее ценного, нового, могущего будоражить сознание. Высокой степени драматизм присутствует в суждениях Левады, высказанном им в начале 1990-х гг., о возможности заниматься интеллектуальной деятельностью во второй половине 1970-х: «Она [возможность], на самом деле, у всех есть. Если кто захотел бы, она бы сохранялась, потому что сплошной завесы не было, стена была дырчатая» (**И:** Левада 2008: 165).

Власть еще обращалась к социологам, но одновременно ограничивалась семантика пространства, в котором им было разрешено работать. Выход за «флажки» грозил приостановкой проекта или отлучением строптивых от него. Перед ученым возникали следующие альтернативы: изучение иных ниш социологической проблематики, либо переход в смежные области науки, либо уход из науки вообще. Обращение к биографическому материалу дает массу примеров подобной эволюции жизненных траекторий социологов нескольких поколений. Лишь единицам удавалось, претерпевая множество неудобств и идя на жертвы, не отступить от своих замыслов, демонстрируя некую маниакальность или следование предначертанию судьбы. Одной из отличительных черт хрущёвского и более поздних советских режимов было стремление к унификации поведения личности, и — безусловно — это оборачивалось сокращением допустимых стилей творческого поведения.

Наука развивалась в ненормальных условиях, бессмысленно было думать о реализации своих планов познания общества и участия в его

трансформации. Неистовство не могло быть востребовано, обстановка в стране глушила его. Перестройка показала, что молчание и пассивность социологов первых поколений в 1970-х—начале 1980-х гг. была вынужденной; они были резко ограничены в правах и возможностях.

Об исторических поисках. Как это было

Содержание данного раздела составляют четыре сюжета. Каждый из них показывает, насколько сложным и одновременно захватывающим является историко-биографический анализ, как много скрывается за высказываниями людей и как быстро, казалось бы, недавнее прошлое «закрывается», «захлопывается», и его трудно вытащить на свет. Эти сюжеты конкретизируют методологию настоящего исследования и раскрывают некоторые аспекты его технологии.

Кто на фотографии? Задача с 42 неизвестными

События, давшие толчок этому поиску, происходили свыше сорока лет назад и детально описаны, т. е. приближены к настоящему, их участником — профессором Тартуского университета Л. Н. Столовичем в начале 2000-х гг. Речь идет об известных в свое время, но сейчас, к сожалению, почти забытых семинарах в поселке Кяэрику (Kääriku), недалеко от эстонского города Тарту. В 1966–1969 гг. там собирались социологи, изучавшие теорию и практику массовой коммуникации. Тема первой встречи в октябре 1966 г. была «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации»; второй, в 1967 г., — «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация»; на третьем семинаре в 1968 г. обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация». В 1969 году состоялась четвертая и последняя встреча социологов. Итоги работы первых трех семинаров отражены в сборниках, но публикацию материалов четвертого запретили партийные органы республики. Как недавно написал Л. Столович, «пустыня уже грозно надвигалась на оазис» (Столович 2010: 14).

В тех встречах участвовали молодые ученые, имена которых вошли в историю отечественной социологии: В. А. Ядов, И. С. Кон, Б. М. Фирсов, А. Г. Харчев из Ленинграда; московские социологи Ю. А. Левада, Б. А. Грушин, Л. А. Седов и философы П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов и Г. П. Щедровицкий; свердловчане Л. М. Архангельский и Л. Н. Коган со своими сотрудниками; из Новосибирска приезжал В. З. Коган, из Латвии — А. Милтс. Одно из заседаний вел Ю. М. Лотман. Активнейшую роль в организации встреч и в обсуждениях играли эстонские социологи — Юло Вооглайд и сотрудники возглавляемой им лаборатории социологии при Тартуском университете: Марью Лауристин, Яак Аллик, Пеэтер Вихалемм, Ассер Муруттар, Пауль Кенкман, Миик Титма.

Впоследствии они стали видными социальными аналитиками и политическими деятелями независимой Эстонии, представляющими разные политические течения.

В начале 2010 г. Столович любезно согласился предоставить написанный им ранее и опубликованный лишь в Эстонии материал о Кязерику для переиздания в петербургском журнале «Телескоп». Текст сопровождался групповой фотографией с изображением 61 участника одной из этих встреч. Он не знал, когда точно был сделан снимок, и сам смог указать лишь имена 16 человек.

Готовя эту статью Столовича для «Телескопа», я подумал, что хорошо было бы указать имена и тех, кого он не знал. При первом взгляде на фото стало ясно, что трех человек будет очень сложно определить: были видны лишь небольшие фрагменты их лиц. Значит, предстояло идентифицировать оставшихся неопознанными 42 человека.

Какова была цель этой работы? Прежде всего, я считал, что это отвечает требованию исторического анализа. Пройдут годы, и если не зафиксировать сейчас многое из происходившего 30–40–50 лет назад, но еще хранящегося в памяти участников этих событий, то оно вообще исчезнет из истории. И априори сложно определить, что подлежит поиску и анализу, а что — нет. Во всяком случае, естественным было идентифицировать на фотографии как можно большее число людей. Кроме того, имея опыт исторических поисков, я полагал, что подобное исследование может привести к неожиданным результатам. И действительно, в какой-то момент эта задача трансформировалась из «арифметической» (определить как можно большее число людей на фото) в историко-научную.

Вторая причина, давление которой на меня возрастало по мере уточнения деталей группового портрета, — возникшее в процессе работы желание проанализировать в будущем биографии людей, запечатленных на фотографии. Их вместе свел случай, но поскольку отображенный момент был квантом того социального времени, то он был и частью закономерного. Мне представлялось, что в совокупности жизнеописаний этих людей можно будет нащупать некие *общие тенденции, коллизии* становления и развития жизненных траекторий ученых, входивших в советскую социологию в первом десятилетии после ее второго рождения. Ведь на фото представлены не только авторы ставших классическими для отечественной социологии книг, люди, внесшие большой вклад в социологическое образование СССР/России и Эстонии. На нем — и лица менее известных исследователей, но они — среди первых, кто в советской социологии начинал разрабатывать новые для своего времени предметные области. Наконец, на нем — студенты, аспиранты, только входившие в науку, но к настоящему времени ставшие крупными специалистами. Запечатлены лица социологов, умерших и не успевших

сделать всего того, на что они были способны. Есть среди них подвергавшиеся позже жесточайшему давлению со стороны властных структур и в сопротивлении им продемонстрировавшие верность своей профессии и гражданским убеждениям; есть и ставшие в годы перестройки политиками новой волны; наконец, есть и вынужденные эмигранты.

Размышления относительно перспективы создания биографического портрета группы тогда советских, а теперь — российских и эстонских социологов подвели меня еще к одной проблеме, которая в последние годы заявила о себе в исследованиях по истории советской/российской социологии и которая также обсуждается в ряде проведенных мной интервью. Речь идет о проникновении идей, концепций, методов западной социологической науки в постхрущёвскую советскую социологию. Говорят о влиянии функционализма, позитивизма и феноменологических схем, о присутствии в построениях советских социологов влияния работ американских, французских, немецких, польских авторов. В рамках этой тематики имеет смысл обсуждать роль семинаров в Кяэрику более широко — эффект близкого сотрудничества, даже некоторого единства ленинградской и эстонской социологических школ.

Присмотревшись внимательнее к фотографии, я понял, что знаю некоторых ленинградцев, которых не отметил Столович, но одновременно стало ясно, что одному мне не решить задачу идентификации. Здесь была необходима помощь тех, кто изображен на ней, а также тех, кого я не увидел на снимке, но кто, по моим сведениям, участвовал в семинарах. Мои письма с позывными SOS ушли сразу по ряду электронных адресов. Первой ответила Л. Н. Федотова (ее нет на снимке), ныне профессор МГУ. В одной из девушек она опознала Рениту Тимак, тогда студентку Тартуского университета, многие годы работающую в области социологии массовой информации; я знаком с ней более четверти века. Э. В. Беляев, живущий в США с 1977 г., узнал в одном из молодых людей бывшего сотрудника сектора Ядова, три десятилетия назад эмигрировавшего в Америку.

Вскоре написал О. Б. Божков, он добавил к списку Столовича 15 человек (весьма значимый вклад!) и указал, что снимок сделан 1 апреля 1969 г. Однако, по мнению Столовича, эта дата — ошибочна¹⁰. Прежде всего, социологи не собирались в Кяэрику в апреле, а обычно осенью — в октябре или ноябре. Так, Столовичу запомнилось, что присутствовавший на одном из семинаров поэт Игорь Губерман, узнавший, что дискуссией будет руководить социологический Сенат, спрашивал у него: «Леня, где у вас тут Сенатская площадь? У меня есть планы на декабрь!» Столович датирует фото осенью 1967 г.

¹⁰ Электронное письмо Л. Н. Столовича Б. З. Докторову от 21 декабря 2010 г.

Один из участников группового фото мне показался похожим на Андруса Саара, выпускника Тартуского университета, создателя и руководителя Saar Poll Ltd — известной в Эстонии и за ее пределами организации по изучению общественного мнения и рынка. Я несколько десятилетий знаю Саара и написал ему. Я ошибся, его нет на снимке, но он прислал мне электронный адрес Тимака, которая, как мне и представлялось, могла помочь в идентификации эстонских участников семинара. Действительно, она указала 14 имен членов «эстонской команды», не названных ни Столовичем, ни Божковым. Некоторых из них я знал когда-то, но признать на фото не смог.

В процессе проведенного поиска из 42 «неизвестных» было идентифицировано 32 человека, т. е. вдвое большее число, чем было приведено Столовичем. Итого, из 61 участника семинара определено 48 имен. Другие детали поиска и все найденные имена приведены в моей статье, в которой комментируются материалы Столовича (Докторов 2010в).

Кто перевел книгу У. Гуда и П. Хатта?

Входившие в социологию во второй половине 1960-х гг., не только ленинградцы, помнят перевод книги У. Гуда и П. Хатта (Goode, Hutt 1952) по методам эмпирической социологии. Этот неизданный текст многим помог в овладении азами социологических методов. Через четыре десятилетия после описываемых ниже событий на мой вопрос В. А. Ядову, знакомили ли студентов в годы его обучения на философском факультете ЛГУ с основами тестирования и опросными методами, он ответил: «Конечно, о тестах, эксперименте в психологии я знал, но впечатления это не произвело. Гуд и Хатт — совсем другое, так как я понял, что есть эмпирическая социология» (И: Ядов 2005а: 9). По мнению А. Г. Здравомыслова, Гуд и Хатт вооружили первое поколение социологов методами, т. е. грамотными средствами реализации идей, которые сформировались у них самих (И: Здравомыслов 2006а: 4).

Тогда отечественных книг по этой тематике не было, и потому перевод играл роль введения в предмет, своего рода учебника для тех, кто делал первые шаги в области сбора и анализа социологической информации.

В моем проекте тема перевода этой книги возникла в 2005 г. в продолжительной беседе по электронной почте с В. А. Ядовым. По его воспоминаниям, все началось с того, что однажды И. С. Кон сказал: «Волею, мне попала книга Гуда и Хатта о методах социологического исследования. Посмотри, я думаю, тебе будет интересно». «Почему он так решил, — продолжал Ядов, — не знаю, хотя догадываюсь. В отличие от него, в полном смысле академического ученого, который все время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее»

(И: Ядов 2005а: 4). И далее Ядов отметил, что книга произвела на него сильное впечатление. В то время они вместе с А. Г. Здравомысловым создавали первую в стране социологическую лабораторию, и одним из ее первых сотрудников стал Э. В. Беляев. По тогдашним воспоминаниям Ядова, «Андрей (Здравомыслов. — Б. Д.) перевел гудов-хаттовский учебник, который долго ходил по рукам в машинописном виде» (Там же). Но из сопровождавшей интервью переписки с Ядовым у меня возникло чувство некой неопределенности относительно того, кто же переводил книгу. Иногда он говорил об участии в переводе не только Здравомыслова, но и Беляева. К моменту проведения интервью с Ядовым Беляев уже почти три десятилетия жил в США, но в 2005 г. мне не удалось получить от него развернутого ответа по поводу состава переводчиков книги.

Завершив интервью с Ядовым, я обратился за комментариями к Кону. Он написал, что видит свою заслугу лишь в том, что раньше «других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал ее тем, кому она была реально нужна» (Там же: 11; дополнение И. С. Кона). Получив книгу, он, по его воспоминаниям, «...отдал ее ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев. Они немедленно начали ее осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт». Здесь «ребята» — это, прежде всего, Ядов и Здравомыслов, отчасти и Беляев, ведь в то время в лаборатории было лишь несколько сотрудников.

В 2005–2006 годах я интервьюировал Здравомыслова. В моем архиве сохранился текст интервью (от 4 июня 2006 г.), в котором есть фрагмент, касающийся перевода книги Гуда и Хатта. В полном виде он не вошел ни в одну из опубликованных версий.

Из лабораторной жизни помню такой эпизод. Я занимался переводом книги Гуда и Хатта «Методы социального исследования». Этот учебник приобрел тогда на свои деньги Игорь Кон, Володя (В. А. Ядов. — Б. Д.) передал мне книгу, и я работал в основном дома. Раз два в неделю я приезжал к машинистке и надиктовывал ей переведенный текст. И вот, когда дело уже подходило к концу, Володя вдруг начал читать мне мораль на тему о том, почему я не бываю в лаборатории и чем это я там вообще занимаюсь? Причем, как это иногда с ним водилось, он стал разговаривать со мной на повышенных тонах. Я напомнил ему, в чем состоит моя работа на данный момент и о чем мы с ним договаривались. Разговор закончился ничем, а через несколько дней я принес всю рукопись книги в распечатанном виде и представил в лаборатории. Каждую из глав мы обсуждали на семинарах. Особенно много времени уделяли вопросам выборки и проверки достоверности ответов респондентов. К сожалению, все экземпляры рукописи после смерти Веры Николаевны (сотрудница В. А. Ядова. — Б. Д.) оказались утерянными (И: Здравомыслов 2006в).

Складывалось впечатление, что основным переводчиком был Здравомыслов, но участие в работе принимал и Беляев. Казалось, что тема исчерпана, в том числе и в связи со смертью многолетней сотрудницы Ядова Веры Николаевны Каюровой, создававшей архив ядовской лаборатории, позднее — сектора, и прекрасно помнившей, что, кто и когда делал.

Однако на рубеже 2009–2010 гг. в интервью с Эдуардом Беляевым вопрос о переводе Гуда и Хатта возник снова. В одном из писем Беляеву я привел отрывок из процитированного выше воспоминания Здравомыслова и получил ответ: «Не помню ничего, кроме того, что я уже сказал. То, что Здравомыслов перевел Гуда и Хатта, для меня, откровенно, открытие. Но, повторяю, я, может быть, просто не помню» (**И:** Беляев 2010: 8).

Тогда я полагал, что книга Гуда и Хатта была опубликована в виде ротاپринтного издания; помнилось, что я читал ее именно в таком виде, но поиски в электронных каталогах ведущих российских библиотек не привели к желаемому результату — работу обнаружить не удалось. Я и писал в Москву Л. А. Козловой и попросил ее посмотреть книгу в библиотеке Института социологии РАН. Оказалось, что в библиотеке книги нет, более того, она вообще не была опубликована; этот факт ей лично засвидетельствовал В. А. Ядов.

Опять не легче. Тогда я обратился за помощью в Петербург, к О. Б. Божкову, давно работающему в социологии и заботливо относящемуся к прошлому. Я допускал, что у него может быть один из перепечатанных экземпляров перевода. Так оно и оказалось. В его электронном письме от 4 февраля 2010 г. я прочитал: «Держу в руках машинописный вариант книги Гуда и Хатта... Титульный лист: Лаборатория социологических исследований (для внутреннего использования). Вильям Гуд и Поль Хатт. Методы в социологических исследованиях. Сокращенный перевод выполнен А. Г. Здравомысловым, главы 11, 12 и 13 переведены В. А. Ядовым».

Я был бесконечно благодарен Козловой и Божкову за их помощь, но полученная от них информация еще более запутала ситуацию. Ядов никогда не говорил мне о своем участии в переводе. Что же произошло? Возникла гипотеза, которая базировалась на общем понимании ситуации, складывавшейся в советской социологии вокруг человека, который эмигрировал на Запад в 1970-е гг., и на одной фразе Беляева из нашего интервью. По поводу его участия в известном исследовании Ядова по ценностным ориентациям личности (Саморегуляция и прогнозирование 1979) Беляев заметил: «Я участвовал в “ценностных ориентациях” полностью в построении концепции и вплоть до окончания сбора эмпирического материала. Я был уволен из института в 1973 г. В предисловие к книге Ядов включил упоминание обо мне, назвав меня Черняевым

(по его собственному объяснению в личной беседе мне и другим). Это понятно, поскольку я был *persona non grata*» (И: Беляев 2010: 7).

Я подумал, что, может быть, титульный лист рукописи перевода был изменен после отъезда Беляева и вместо его фамилии был указан Ядов. Звоню Владимиру Александровичу, объясняю ему сложившуюся ситуацию. В моем письме Беляеву так описан итог разговора: «...только что говорил с Ядовым... конечно, его память не лучше твоей... он не помнит, как и почему на титуле появилась его фамилия и отсутствует твоя, но — его слова: “В моей памяти Эдик — главный”»¹¹.

Можно было бы и закончить поиск, ведь оставалось лишь ходить «по кругу». Но одно из замечаний Беляева, которое он внес в ранее написанное, дало надежду на прояснение ситуации. Мне вдруг открылось, что Ядов и Здравомыслов имели в виду один этап перевода, а Беляев — другой. Прошу его указать, когда он переводил, сам ли перепечатывал текст, докладывал ли на семинарах свой перевод, видел ли финальный текст перевода. Вот его ответ:

Последовательность событий была такая:

- 1960–1963: я работаю в лаборатории, и мы все учимся. Андрей (А. Г. Здравомыслов. — Б. Д.) должен был присутствовать на этих семинарах. При этом я не переводил (насколько помню) формально весь текст, но делал устно его выжимки и анализ, которые готовил дома. Я ничего не печатал на машинке (насколько помню), но писал все от руки. Никаких формальных записей этих семинаров, по-моему, не велось.
- 1963–1966: я — в аспирантуре. Иногда прихожу в лабораторию, но далеко не каждый день. Вот в это время Андрей и мог делать формальный перевод. Я еще раз повторяю, что я никогда не знал об этом переводе, для меня это полное открытие, я его никогда не видел. Я узнал об этом переводе впервые от тебя. Почему я думаю, что этот перевод был сделан, возможно, в эти годы? Потому что: а) был один экземпляр книги (по крайней мере, в 1960–1963-м), и он был в моих руках; б) я ничего не знал о формальном переводе; в) ты упоминал, что перевод был найден в архиве Веры Каюровой, которая пришла в лабораторию несколько позже нас первых пятерых (Ядов, Здравомыслов, Водзинская, Орнатский, Беляев), когда проводились семинары; г) Здравомыслов уезжал на год в Африку (не помню год), и, возможно, этот перевод был ему подспорьем в языковой подготовке или в том, ради чего он уезжал в Африку...
- 1966, осенью: я снова в лаборатории.

¹¹ Электронное письмо Б. З. Доктрова Э. В. Беляеву от 8 февраля 2010 г.

Итак, Беляев первым начал осваивать содержание книги Гуда и Хатта. Он более других был подготовлен к этому благодаря хорошему знанию английского и владению основами математической статистики. Скорее всего, его доклады и обсуждение их на семинарах привели к принятию решения о письменном переводе книги. Это было осуществлено в основном Здравомысловым. Книгу читали многие приезжавшие в лабораторию из всех уголков СССР, Ядов активно использовал материалы книги при подготовке его лекций по методологии социологических исследований, опубликованных в Тарту в 1968 г. (Ядов 1968).

Такова история восстановления одного важного факта, показывающего, какими были первые шаги советских ученых по освоению методов эмпирической социологии.

Дополнение. По следам написанного. Поиск ответа на «простенький» вопрос, кто же перевел книгу Гуда и Хатта, продолжался пять лет. Конечно, это не был ежедневный, непрестанный поиск, но все равно он потребовал значительных усилий и участия многих моих коллег. Поскольку итог этих поисков оказался неожиданным, я разослал еще даже не вполне завершенное описание «расследования» тем, кто был так или иначе вовлечен в изучение содержания книги, ее перевод, кто читал книгу во второй половине 60-х. В ответах были ценные предложения, которые учтены в настоящем издании, но они не касались общего вывода. Особо выделяю реакцию И. С. Кона — и потому, что с его «подачи» начался перевод книги, и потому, что Э. В. Беляев был его аспирантом. Вот ключевая фраза мемуаров Кона: «Андрей Здравомыслов ее перевел...» (Кон 2008: 211), однако в ней не отражена роль Беляева. Это было сделано в коротком письме Кона по поводу описанного выше «социолого-детективного» сюжета:

...мне кажется, что картина сложилась. И было так. Я купил книгу (до того, как это сделать, я просматривал ее в какой-то московской б-ке и она мне понравилась; она была довольно дорогой), дал ее Ядову, Беляев там больше всех разбирался в методологии и методике, поэтому не мог ее не читать, потом они подробно докладывали и обсуждали ее по главам (я там не участвовал, но они рассказывали), причем основой были какие-то беляевские заметки. А потом Андрей (А. Г. Здравомыслов. — Б. Д.) сделал полный перевод, который стал доступен и другим социологическим группам. Ядов и его ребята не были собаками на сене и охотно делились информацией с другими. Так поступали не все. <...> Эдик (Э. В. Беляев. — Б. Д.) вообще человек скромный и много из того, что он делал, может не помнить. Для него это не имело особого значения¹².

¹² Электронное письмо И. С. Кона Б. З. Докторову от 9 февраля 2010 г.

Как слово наше отзовется...

Выше я уже отмечал, что в отдельных случаях мне приходилось просить респондентов смягчать слишком резкие оценки деятельности или высказываний их коллег; иногда просил опрашиваемых не настаивать на публикации их негативных высказываний о людях, с которыми они работали, даже если я не сомневался в наличии поводов к таким суждениям. В отдельных случаях воспоминания касались ситуаций, имевших место десятилетия назад, и все эти годы негативная реакция жила в душе человека, и теперь у него появилась возможность высказаться. Если речь шла об уже умерших социологах, то я руководствовался словами И. С. Кона: «Если ты кого-то пережил, это не значит, что за тобой осталось последнее слово» (Кон 2008: 9). В том случае, когда сказанное относилось к живущим и действующим коллегам, я избегал публикации «негатива», ибо тогда — по логике вещей — я должен был бы дать возможность высказаться и критикуемому человеку. Но мне не хотелось превращать публикации биографических интервью в дискуссионные площадки. Таким образом, в нескольких ситуациях — все их можно пересчитать по пальцам одной руки — мне приходилось играть роль «адвоката».

В нашей электронной беседе Э. В. Беляев достаточно резко отзывался о декане философского факультета ЛГУ Василии Павловиче Рожине (1908–1986). Я не был с ним знаком, но знал, что благодаря и его активности была создана первая в стране социологическая лаборатория, которую возглавлял В. А. Ядов, и увидела свет книга «Человек и его работа». Я попросил Беляева пояснить причину этой резкости, что он любезно сделал, и при этом заметил: «Я судил, конечно, как студент, и, может быть, Володя Ядов и Игорь Кон знают совсем другого Рожина».

Обращаюсь к давно проведенным интервью с Ядовым и Здравомысловым. Оба многие годы знали Рожина. Ядов, отвечая на мой вопрос, почему они со Здравомысловым включили Рожина в соавторы книги «Человек и его работа», заметил:

Василий Павлович Рожин не был «крышей», мы не думали, что надо что-то «крышевать». Но в издательстве цензура выкинула из книги главу о сравнении отношения к труду молодых американцев и ленинградцев — глава по дубль-исследованию Фредерика Херцберга в США. Здесь никакой декан не смог бы помочь.

Когда Игорь Кон обратил меня в социолога, Рожин энергично поддерживал и пробил через Совет ЛГУ создание первой в стране вузовской социологической лаборатории. Мы включили его в соавторы не для «крыши», а из благодарности (И: Ядов 2005а: 3).

А вот история, рассказанная Здравомысловым.

...Марксистская философия и наука рассматривались как познание законов общественного развития, действующих объективно, «независимо от воли и сознания людей». Я же обосновывал необходимость обращения к реальным социальным интересам. При этом доказывал, что именно так и мыслили классики марксизма. Таким образом обосновывалась необходимость обновить категориальный аппарат социологии. Моим научным руководителем был В. П. Рожин, продемонстрировавший мне максимум либеральных отношений между аспирантом и руководителем (И: Здравомыслов 2006а: 3).

После ответа Беляева я написал И. С. Кону и В. А. Ядову и попросил их поделиться своими впечатлениями о Рожине. Вот ответ Кона:

Текст Эдика, как всегда, серьезен и точен. Насчет Рожина он по-своему прав. Студенты его лекций не выносили. <...> Когда Родину присвоили звание мастера педагогического искусства, все дружно смеялись. Книги его тоже читать было невозможно. Почему же другие мемуаристы, включая нас с Ядовым, оценивают его положительно? Это не только вопрос политеса.

Во-первых, у него было много аспирантов (тот же Здравомыслов). А о человеке, который тебе чем-то помог, даже если учителем он был неважным, грех отзываться плохо. «Благодарность — ничтожнейшая из добродетелей, неблагодарность — тягчайший из пороков». Во-вторых, он не был злодеем и ничего плохого не инициировал. Наоборот. Как администратор, он многие вещи поддерживал, даже если зачастую не понимал их сути. А мы ведь оцениваем не его личность, а результаты его деятельности. Если серость была нормативным требованием эпохи, зачем винить отдельно взятого декана?¹³

Письмо В. А. Ядова было короче:

С большим интересом читал. Как, оказывается, по-разному разные люди воспринимают общую для них реальность! Насчет Рожина его мнение есть его мнение, и он верно говорит, что у меня, возможно, мнение было иное¹⁴.

Я послал Беляеву отзывы Кона и Ядова о Рожине и попросил его учесть их позиции; для нас обоих это были люди, к мнению которых мы привыкли прислушиваться. И для меня было абсолютно ожидаемым и естественным, что он откорректировал свое высказывание, сохранив, однако, его тональность, направленность. В таком виде оно и было опубликовано.

¹³ Электронное письмо И. С. Кона Б. З. Докторову от 24 марта 2010 г.

¹⁴ Электронное письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 24 марта 2010 г.

Были те, к которым я просто не испытывал никакого уважения, например В. П. Рожин, заменивший В. П. Тугаринова в должности декана. Рожин был удивительно серым бюрократом, у него не было ни одной светлой мысли, даже в неофициальной обстановке от него несло жуткой скукой. Мы все (студенты) хорошо понимали, что в истмате (который он преподавал) не особенно разойдешься, но ведь Игорь Кон тоже читал истмат! и у него это было даже очень интересно! Тугаринов, который был деканом факультета до Рожина, тоже был номенклатурный работник, отвечавший за факультет, но все-таки у него работала голова (И: Беляев 2010: 4).

Является ли описанная процедура формой вмешательства интервьюера в реакции респондента? Думаю, что да. Однако это не нарушило целостного освещения прошлого. Для истории сохранился факт существования различного отношения к одному из свидетелей и участников процесса становления социологии в СССР, и одновременно произошло некоторое уточнение этических аспектов исторического поиска.

*Первый Всесоюзный форум социологов.
Как воссоздается прошлое*

Не раз мне приходилось наблюдать процесс образования из разрозненных обрывков воспоминаний, всплывших в памяти моих собеседников, нечто цельного о событиях, значимых для освещения истории современного этапа российской социологии. Приведу один пример подобного «коллективного восстановления» прошлого. Замечу, все воспоминания были спонтанными. Я не участвовал в описываемом событии, до последнего времени не знал о нем и, соответственно, никого не спрашивал о нем.

В конце февраля 2010 г. в ходе интервью Э. В. Беляев заметил, что в 1966 г. у него была заметка в журнале «Вопросы философии», подготовленная совместно с В. В. Водзинской. Мое обращение к ряду электронных каталогов не выявило этой публикации, и я попросил Беляева уточнить выходные данные. Через пару дней получаю ответ: «ВФ. 1966, № 10. “Несколько лет эмпирических социологических исследований в СССР. Заметки с Всесоюзного симпозиума по социологии, октябрь 1966 г.”. Это название — перевод с английского. Статья была написана в соавторстве с Верой Водзинской». Продолжение поисков не дало результата; тогда я попросил Беляева поискать этот выпуск журнала в библиотеке Колумбийского университета, в котором он работает. К счастью, этот номер сохранился. Оказалось, что (прошло более четырех десятилетий и в силу двойного перевода) Беляев неточно указал название статьи: «Всесоюзный симпозиум социологов» (Беляев и др. 1966) и имена соавторов. В действительности ими были: Г. И. Саганенко,

Ю. А. Дмитриев и С. И. Голод. Приведу некоторые данные из этой публикации, присланные мне Беляевым; это важная статистика и фактология о начале развития социологии в стране — ведь то был первый форум подобного масштаба, и на нем подводились первые итоги в разработке проблем социологических исследований.

Первый Всесоюзный симпозиум социологов состоялся в Ленинграде с 16 по 19 февраля 1966 г., и в нем участвовало 600 человек, 380 из которых представляли различные города страны. В его подготовке участвовали разные организации, в том числе лаборатория социологических исследований при ЛГУ. Согласно анкетированию, среди социологов, участвовавших в симпозиуме, 25 % имели философское образование, 27 — бывшие историки, около 5 % — инженеры и математики. 75 % заявили, что знакомы с методологией и техникой социологического исследования. В выступлении А. А. Зворыкина сообщалось, что в течение 1960–1964 гг. было опубликовано 10 000 работ, значительная часть которых была выполнена в области социологической теории и методов.

Работали четыре секции: методология, методики и техника, математические методы (под председательством В. А. Ядова); технический прогресс и трудовая деятельность (Г. В. Осипов); духовная жизнь общества и личность (Ю. А. Замошкин) и быт, градостроительство, досуг (А. Г. Харчев). Отмечались доклады Т. И. Заславской, О. И. Шкаратана, В. В. Водзинской, А. К. Уледова, И. С. Кона, А. В. Баранова и других социологов по разным исследовательским направлениям. Была в той заметке и критика некоторых работ за их непрофессионализм. Отмечался разрыв между общей теорией (истмат и научный коммунизм) и конкретными исследованиями, а также указывалось на отсутствие системы профессиональной подготовки кадров.

Оценивая тот форум в начале 2010 г., т. е. более чем через четыре десятилетия, Беляев заметил, что с точки зрения сегодняшнего дня социология в тот момент еще не вышла из объятий истмата и научного коммунизма; большинство докладов по теории и методологии были в рамках этих дисциплин. Лишь несколько эмпирических исследований были действительно профессиональными.

Мне показалось важным больше узнать о первой встрече социологов СССР, о том, где она проходила, об обстановке на ней. Но Беляев не мог вспомнить этого.

В те же дни я интервьюировал Т. З. Протасенко. Ниже приведен ее ответ на вопрос о том, почему она — в тот момент стенографистка философского факультета ЛГУ — решила учиться там, а затем начала заниматься социологией (замечу, вопрос никак не соотносился с конференцией).

...К социологии интерес появился позже, когда я уже поступила на философский факультет. По-моему, в феврале 1966 года при активном участии факультета и декана факультета В. П. Рожина в Ленинграде на территории главного здания АН СССР состоялся первый Всесоюзный социологический конгресс. Мне это слово — социология — как-то нравилось гораздо больше, чем философия. Приехали любопытные люди. Мне удалось с ними познакомиться, поскольку я частично стенографировала, частично отмечала командировки. Кое-что я послушала. И это меня заинтересовало (И: Протасенко 2011: 4–5).

Еще одну дополнительную краску в описание форума (замечу: постоянное расхождение в датах) внес В. В. Колбановский.

В январе 1966 г. в Ленинграде состоялось фактически первое крупное совещание социологов страны. Вслед за ортодоксальным вступительным словом вице-президента П. Н. Федосеева с крупными докладами поднялись на трибуну Конференц-зала Ленинградского филиала АН СССР В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов (о структурном функционализме), Р. В. Рывкина (о социальном эксперименте). Уже тогда все эти доклады отличались своей непохожестью на кондовый истмат (Колбановский 2009: 285).

А вот воспоминания Б. И. Максимова, подобно большинству участников симпозиума начинавшего знакомиться с основами социологии.

Новые изыскания так и назывались: конкретные социологические исследования. И в эту отдушину ринулись несметные массы обществоведов; энтузиазм конкретного познания охватил всех, многие стали называть себя социологами. Я помню первый социологический симпозиум, проходивший в Ленинграде, в здании Академии наук в 1967 (или 1968) г. Огромный конференц-зал был набит до отказа, люди — часами! — стояли в проходах, толпились в примыкающих помещениях. Атмосфера была почти праздничная. Доклады и выступления, в которых сообщалось, например, о реальном составе читателей библиотек, слушались как откровения, сопровождались аплодисментами, бесконечным числом вопросов, необъятным количеством желающих самим выступить (И: Максимов 2007: 4).

Крайне ценны воспоминания о симпозиуме Т. И. Заславской, на котором, по ее словам, она «приобщилась к собственно социологии»¹⁵. Сказанное ею интересно и тем, что показывает, как быстро, легко складывались тогда отношения между людьми, строившими социологию.

¹⁵ Электронное письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 12 марта 2010 г.

...Когда делегаты были уже в Ленинграде, партийные органы устремились своей смелости и решили срочно переименовать конференцию из *социологической* в *социальную*. В течение ночи общими усилиями пришлось переделывать все растяжки, лозунги, объявления. Даже напечатанная и наполовину розданная участникам программа конференции, содержавшая опасное слово «*социология*», была перепечатана заново. Но какой блестящей и невиданно интересной показалась нам сама конференция! Как интересно было слушать «наших первопроходцев», среди которых, как звезды первой величины, выделялись Ядов, Грушин, Кон, Здравомыслов, Харчев... <...> ...Где-то в кулуарах мы встречаемся с Ядовым, коротко знакомимся, и буквально через пять минут я чувствую себя с этим человеком так, словно знала его всю жизнь! Закончив какие-то неотложные дела, В. А. ведет нас... в какое-то небольшое кафе, и в центре нашего внимания сразу же оказались главные в ту пору вопросы развития социологии. В чем-то мы соглашались, в чем-то расходились и спорили, но главное — сразу стало понятно, что «мы одной крови», иными словами, одних ценностей и убеждений. Не случайно чуть ли не в первый день мы перешли на «ты» и стали обращаться друг к другу как Володя и Таня (Заславская 2009: 143–145).

В истории социологии, написанной в традициях институционального подхода, можно было ограничиться упоминанием времени первого Всесоюзного симпозиума, указанием количества его участников и перечислением секций. В рамках истории, пишущей с позиции тех, кто создавал социологию, оказывается важным отразить ее атмосферу. Именно она позволила почти полвека хранить в памяти впечатления о той встрече. Многие помнят, как они впервые в жизни, возможно — единственный раз за всю жизнь, оказались на Стрелке Васильевского острова, шли по набережной Невы вдоль старинного здания Ленинградского (Петербургского) университета или мимо величественной петровской Кунсткамеры. Как входили со стороны Невы в здание, выстроенное в конце XVIII в. Джакомо Кваренги, и поднимались по широкой лестнице, украшенной фреской Ломоносова с изображением Полтавской баталии. Как под портретами известных ученых обсуждали проблемы социологии в комнатах, обшитых деревянными панелями с романтическими орнаментами. Эти люди, читая через много лет статьи и книги Заславской, Здравомыслова, Кона, Осипова, Ядова и других участников того форума, вспоминали их совсем молодыми и чувствовали и свою причастность к становлению социологии в СССР.

Так, «пошагово», и воссоздается картина прошлого.

Глава 3

Генезис современной советской/российской социологии

В настоящем разделе продолжается рассмотрение генезиса современного (постхрущёвского) периода российской/советской социологии. Итог анализа дилеммы «преемственность или возрождение», осуществленного в гл. 1, по сути, формулировался так: не преемственность и не возрождение. Признание преемственности было бы возможным, если бы 1) исторический анализ указывал на то, что постреволюционные и дореволюционные ученые проводили исследования в рамках сходных воззрений на социологию; 2) существовали преимущественно внутринаучные — не идеологические, не политические — факторы динамики, смены парадигм; 3) наиболее яркие представители российской/советской социологии, работавшие на рубеже XIX–XX вв., лично передали свой опыт следующему поколению, а оно — новым, т. е. лестница социологических поколений не прерывалась бы. *Но ничего этого не было.*

В поисках свидетельств «возрождения»

По воспоминаниям Н. И. Лапина (**И:** Лапин 2007), социологи-шестидесятники не имели непосредственных предшественников, поэтому многие из них стали основателями, а в дальнейшем — лидерами российских социологических школ. Напротив, социологи следующих возрастов входили в профессию, когда такие школы уже возникли.

Возможно ли вообще говорить о непрерывности развития науки, о преемственности в науке при отсутствии непосредственных контактов между старшими и младшими, учителями и учениками? Если можно, то тогда в каком аспекте и как ее искать? Поиском ответов на эти вопросы и установлением связи научных поколений я смог заняться лишь несколько лет назад, когда в беседах с представителями всех когорт российских социологов стали звучать имена их учителей, руководителей, наставников, консультантов. Однако ничего подобного не было в воспоминаниях социологов первого поколения. В статье 2004 г., посвященной творчеству Б. А. Грушина (Докторов 2004а), я писал, что он все начал с «нуля», без опоры на ранний отечественный опыт. Позже в беседе со мной А. Г. Здравомыслов, когда речь зашла о возникновении современного этапа российской социологии, заметил:

Можно было бы сказать, что весь этот проект возник «из ничего», как ты говоришь про Бориса Андреевича Грушина; можно сказать, что он возник «из ничего» при помощи Гуда и Хатта! Но с этим я не могу согласиться. Что дали нам Гуд и Хатт? Вооружили нас методами, то есть гра-

мотными средствами реализации идей, которые сформировались у нас самих. Эти идеи были подготовлены нашим предшествующим образованием, они выкристаллизовались в качестве некоего сухого остатка из того, чему мы учились на факультете, а усваивали мы определенную версию марксизма. <...> Я убежден, что и Зиновьев, и Грушин, да и Мамардашвили, на слова которого ты ссылаешься, произошли из атмосферы «оттепели». Только поняв этот момент, можно продолжать дискуссию о традициях. Возникла ли «оттепель» как феномен культуры из ничего, или у нее были некие культурные предпосылки в российской истории? Это... самый главный вопрос! Для того чтобы на него ответить, необходимо проанализировать духовную атмосферу того времени и показать ее связь с движением наших чувств и мыслей. <...> Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х годов не было: сталинские репрессии прервали эту связь, но все же сохранился некий культурный капитал, который передается и осваивается вместе с переживанием и осмыслением опыта становления личности. Это сохранение капитала не институционализировано, оно, если угодно, невидимо и выражено в загадочной формуле М. Булгакова «Рукописи не горят!» (И: Здравомыслов 2006а: 4–5).

В статье, на которую ссылался Здравомыслов, была процитирована лишь пара суждений, высказанных М. К. Мамардашвили. Приведу более развернутый фрагмент интервью, данного им М. Хромченко в 1990 г.

Мы были людьми, лишенными информации, источников, лишенными связей и преемственности культуры, тока мирового, лишенными возможности пользоваться преимуществами кооперации, межличностной кооперации, когда ты пользуешься тем, что делают другие, когда дополнительный эффект совместимости, кооперированности дан концентрированно, в доступном тебе месте и мгновенно может быть распространен на любые множества людей, открытых для мысли. <...> Понимаете, мы же ничего другого не имели!.. И здесь другой очень важный вопрос: кем же мы тогда являемся?.. Вот ты по ту сторону пропасти. Между тобой и миром, между тобой, как субъектом культуры, разверзлась пропасть, называемая 1917 год и все, что за ним последовало. То есть прошлого не существует. И никакая попытка, которая, по сути дела, окажется охаизирующей, восстановить прошлое, приблизиться к нему и посредством этого развиваться дальше — она бессмысленна. Все это ушло. Можно ностальгировать по этому поводу — вот, все, что было до 17-го г., — философия, тысяча вещей, условно назовем это культурой, даже сама жизнь, — все ушло!.. Нету! Можно изводить себя попыткой восстановить это, но это чистая ностальгия, нет этого ничего. Ни-че-го этого нет! (Мамардашвили 1991).

Теперь, возвращаясь к сформулированной выше дилемме относительно генезиса современного этапа отечественной социологии,

зададимся вопросом: можно ли — если не обнаруживаются признаки непрерывности — говорить о том, что конец 1950-х — начало 1960-х гг. можно рассматривать как проторенессанс и ренессанс. В моем понимании, это могло быть так лишь в том случае, если бы советские социологи, начинавшие работу в то время, одновременно с разработкой собственной методологии и собственного арсенала эмпирических методов, с освоением теорий и методов западной социологии *осознанно обратились* к тому, что делали русские и советские социологи до них. Если бы *возникли программа освоения прошлого* и стремление к использованию существовавшего ранее в стране опыта. Если бы сразу была объявлена установка на преемственность.

Умерших и расстрелянных не вернешь. Но еще были живы Г. Д. Гурвич, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев, и многое помнили люди, работавшие с Н. И. Кареевым, знавшие П. А. Флоренского, А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева. К примеру, в относительно недавней статье Р. Г. Яновского (Яновский 2004) отмечается, что в архиве семьи Кондратьева хранится свыше ста писем от него из Суздальской ссылки, куда он был отправлен в 1932 г. и где был расстрелян в сентябре 1938 г. Они многое приоткрывают в его исследовательской методологии и рассказывают о его личностных качествах. Наверное, можно было бы записать воспоминания об А. К. Гастеве — его сын, логик, математик Юрий Алексеевич Гастев (1928–1993), был ровесником первых советских социологов и работал в Институте конкретных социальных исследований в секторе Ю. А. Левады.

Из Англии можно было получить ценнейшую информацию о жизни и творчестве С. Л. Франка, из Франции — С. Н. Булгакова, из США — Е. В. Спекторского, из Израйля — Б. Д. Бруцкуса, из Швейцарии — С. Н. Прокоповича, из Праги — С. С. Маслова.

Однако более или менее целенаправленно наследие русского зарубежья стали осваивать лишь в начале 1990-х гг., а до этого времени работы опальных социологов, экономистов, социальных философов цитировались крайне редко и преимущественно в критическом ключе. Их труды не переиздавались.

Многие факты могли вспомнить представители поколения Б. А. Чагина. Можно было приступить к анализу прошлого и готовить методические пособия и учебники, включить курс истории дореволюционной социологии в программу подготовки кадров, подключить к разработке этой проблематики молодых ученых. Но подобные шаги не просто не были сделаны. Принципиально то, что они и не могли быть сделаны.

Политические и идеологические обстоятельства, характер культуры того времени, установки, сформированные пропагандой и школой, реже — семьей, препятствовали зарождению такого отношения к прошлому. По историческим меркам оно было совсем близко, отсто-

яло менее чем на полвека. Но люди не знали истории своих семей, того, что было с их родителями (если родители были живы), тем более — истории государства. Все, что было до 1917 г., по умолчанию не могло оцениваться позитивно.

В беседе с Т. И. Заславской я высказал предположение, что ее поколение имеет в целом более долгую историю, чем мое. Их дедушки, бабушки, родители помнили многое из прошлого России и могли многое рассказать о нем. Но Революция, Гражданская война, индустриализация и коллективизация, события 1937 г., Отечественная война сделали семьи маленькими, а семейные истории — короткими. Вот что она ответила:

Наше поколение в этом отношении было промежуточным. Наши деды и родители действительно хранили память о дореволюционном прошлом, но вынуждены были таить ее от нас. Ведь дедушка до революции был настоящим «буржуем», ему принадлежал 4-этажный дом № 44 по Столыпинской улице Киева, ныне улице Олеса Гончара. Этот дом сохранился во время войны, в двух комнатах дедушкиной 12-комнатной квартиры и сейчас живет мой двоюродный брат. Но мы узнали, что дом, где прошло наше детство, был дедушкиной собственностью, лишь через много лет после войны, от папы. В школе же нас учили, что до 1917 г. было что-то темное и ужасное, все только томились и ждали революции, после которой началась «настоящая жизнь» (И: Заславская 2007а).

Таким образом, вероятность того, что на рубеже 50–60-х гг. могло спонтанно, снизу оформиться движение по возрождению дореволюционной социологии, была крайне мала. Более того, если бы кто-нибудь и задумался о разработке программы возрождения русской социологии, т. е. обращения к прошлому, к «корням», то можно утверждать, что это намерение не было бы поддержано «верхами». Работы пассажиров «философского парохода», высланных в 1922 г. из России по распоряжению правительства РСФСР (Н. И. Бердяев, Н. О. Лосский, И. А. Ильин, С. Л. Франк, П. А. Сорокин и ряд других социальных мыслителей), попали в разряд запрещенных, хотя в некоторых библиотеках они хранились и их можно было прочесть. Помимо этого, действовал запрет на контакты советских граждан с этими учеными и людьми из их окружения. Так, Г. В. Осипов (Осипов 2004) вспоминает, что в 1962 г. во время работы V Всемирного конгресса социологической ассоциации в Вашингтоне к нему подошел Питирим Сорокин и сказал, что давно хотел поговорить с советскими учеными, но они его избегают. Далее Осипов поясняет, что советским участникам форума было категорически запрещено по собственной инициативе вступать в контакт с иностранцами, а тем более с Сорокиным, высланным из страны и приговоренным к смертной казни. Без разрешения руководства делегации нельзя было

разговаривать один на один с зарубежными участниками конгресса — только в присутствии третьего лица. На свой страх и риск Осипов не откался от знакомства, и все сложилось благополучно.

В любом случае принятие концепций, развивавшихся дореволюционными социальными мыслителями и социологами, в то время было невозможно, поскольку они не отвечали положениям марксизма-ленинизма. С целого ряда социологов, которые работали в России в первые послереволюционные годы и в 30-х гг. подверглись репрессиям (Н. И. Бухарин, А. К. Гастев, Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов), еще не было снято клеймо «врагов народа» (это произошло значительно позже — в конце 80-х)¹⁶. Связь с учеными, жившими за границей, была чрезвычайно затруднена. И. С. Кон вспоминает:

В 1968 г. я основал сектор истории социологии в ИКСИ, а в 1970 г., во время Всемирного социологического конгресса в Варне, — Исследовательский комитет по истории социологии Международной социологической ассоциации, в состав которой вошли крупнейшие социологи мира, начиная с Парсонса и Мертонса. В течение 12 лет я был сначала его президентом, а затем вице-президентом; поскольку советские власти ни разу за эти годы не выпустили меня для участия в его работе; меня выбрали заочно (Кон 2008: 215).

Еще меньше шансов было на возрождение в СССР того немалого по объему и важного по содержанию пласта русской дореволюционной социологии, который был образован религиозными социальными учениями. Вне зависимости от того, что и кому в этом наследии представляется значимым, оно в любом случае должно быть заново проанализировано и осмыслено. Вот что считает в связи с этим В. А. Бачинин:

Я бы сказал так: слухи о возрождении российской социологии весьма преувеличены. Это похоже на разговоры о возрождении демократии в современной России. Есть отдельные интеллектуальные всполохи и гейзеры, но в целом приходится пока жить надеждой на грядущее возрождение.

Мы должны помнить, что уже сама семантика понятия возрождения предполагает хотя бы частичное восстановление чего-то ранее уже существовавшего, потом отринутого, забытого и теперь вновь обретшего ценность в глазах новых поколений ученых. Годится в данном случае и термин *деконструкция*, дополняющий понятие возрождение новыми смысловыми оттенками (И: Бачинин 2010а).

¹⁶ Н. И. Бухарин был реабилитирован в 1988 г., Н. Д. Кондратьев и А. В. Чаянов — в 1987-м. Только А. К. Гастева реабилитировали в 1956 (1957?) г.

Столь же пассивно — возможно, даже еще пассивнее, чем дореволюционный этап, — исследовалась советская послереволюционная социология. Ф. Э. Шереги, который начал обучаться в аспирантуре ИКСИ АН СССР в 1973 г. и стал разрабатывать вопросы использования различных методов в прикладной социологии 20-х гг., «был приятно удивлен открытием для себя богатой практики прикладной социологии в СССР в те годы» (И: Шереги 2007б). В его статье 1978 г. перечень цитированных публикаций того периода содержал около семидесяти источников (Шереги 1978).

В первое послереволюционное десятилетие работало немало социологов, однако биографическая информация, причем весьма скудная, существует лишь о мизерном числе ученых. Так, лишь в начале 90-х гг. была написана обстоятельная статья об А. С. Звоницкой (Голосенко, Зверев 2006). Незадолго до смерти известный советский экономист А. А. Конюс (1895–1991), который посещал лекции Прокоповича, считал себя учеником Чаянова, работал с Кондратьевым и слушал на семинарах Бруцкуса, вспоминая начало 20-х гг., сказал в заключение своего интервью: «На старости я сызнава живу, минувшее проходит предо мною. <...> Хочется поблагодарить Вас и Ваших коллег, взявшихся всерьез за изучение закрытых прежде или односторонне освещавшихся страниц истории нашей экономической науки. Думаю, многое из того, что было давно и несправедливо забыто, может стать полезным сегодня. Я всегда прекрасно сознавал цену тем обвинениям, которые послужили основой для осуждения Н. Д. Кондратьева и его сотрудников. Я рад, что дожил до того времени, когда этот выдающийся ученый реабилитирован» (И: Конюс 1989).

Во *Введении* я упоминаю о моей небольшой заметке 1987 г., призывавшей не терять преемственности в развитии постхрущёвской социологии. Сегодня меня удивляет то, что мои рассуждения о прошлом не шли дальше рубежа 50–60-х гг., но ведь пару фраз всегда могли дописать те, кто редактировал текст?! Через два десятилетия в ходе нашего заочного диалога (Докторов, Козлова 2007в) Л. А. Козлова, многие годы занимающаяся изучением разных этапов российской социологии, резонно заметила, что предлагавшийся тогда столь близкий горизонт исторического анализа объясняется отсутствием в то время у меня и у тех, кто готовил ее для публикации, ощущения прошлого, осознания связи с предшественниками. Похоже, что в начале второй половины 1980-х гг. советские социологи просто не видели себя «продолжателями дела предыдущих поколений российских социологов».

По мнению Козловой, действительно в середине 1980-х гг. тематика исследования дореволюционной и советской социологии 1920–1930-х гг. не считалась актуальной, тем не менее определенные исследования проводились. Они велись в Институте социологии РАН в отделе

теории и истории социологии под руководством Г. В. Осипова (З. Т. Голенкова, Ю. В. Гридчин, А. И. Черных; немного позже к ним присоединился В. В. Сапов), в Ленинграде работали И. А. Голосенко, В. М. Зверев и др. Там же еще в 1970-е гг. вышло несколько фундаментальных книг о послереволюционной социологии, написанных Б. А. Чагиным и В. И. Клушиным. Именно в начале 1980-х гг. научный руководитель Козловой Л. Г. Ионин, занимавшийся историей и теорией западной социологии, посоветовал ей написать диссертацию о социологических концепциях личности, существовавших в СССР в 1920–1930-е гг. По прошествии многих лет она считает, что на рубеже 70–80-х гг. работы по истории российской социологии проводились довольно активно и их общая направленность соответствовала парадигматике и духу социологии того времени. Однако затем нормальные, основанные на документах исследования в этой области фактически прекратились.

Возвращаясь к фрагменту статьи А. Г. Здравомыслова, приведенному в начале этого раздела, отмечу, что его замечание о сохранении культурного капитала было воспринято мной не как вывод, а как историко-наукovedческая проблема: если такая трансформация культурного капитала в весьма специальные профессиональные концепции и навыки действительно происходила, то предстояло попытаться выявить какие-то социокультурные или внутрипрофессиональные механизмы данного процесса. Эта задача, при всей сложности операционализации ее формулировки, стала одной из сквозных для всего исследования, стремление к ее решению во многом объясняло содержание проводившихся интервью. Отмечу, что методологические трудности усиливались процедурными особенностями технологии проведения интервью. Его подчеркнутая неформальность, установка на максимальный учет атмосферы диалога с собеседниками ограничивали возможность обсуждения с каждым из них всего комплекса изучаемой историко-биографической тематики.

Траектории преемственности: задача будущего

Иным было отношение к той части рассуждений А. Г. Здравомыслова, где говорилось о разрыве связей с предшественниками. Возражать против этого невозможно, здесь все ясно, но хотелось понять, как в принципе можно было искать эти связи, переходы от одного поколения ученых к другому. Ведь историко-наукovedческие изыскания, затрагивающие российскую социологию, лишь начинаются, и подходы к изучению коммуникационных сетей еще малоизвестны. Сейчас в отечественной социологии работают представители семи поколений, и уже родились те, кто вскоре сформируют восьмое (табл. 1). Эти люди начнут входить в социологию в середине текущего десятилетия

и — в случае нормального, без продолжительных разрывов развития науки — будут находиться в самом активном и плодотворном возрасте в момент столетнего юбилея постхрущёвского этапа социологии. Возможно, тогда (если не раньше) задача связи поколений станет весьма актуальной. И в те кажущиеся сегодня далекими дни можно будет значительно полнее и объективнее, чем сейчас, оценить, что из сделанного советскими социологами в 1950–1990-х гг. двадцатого столетия прошло испытание, а что — нет.

Поначалу представлялось, что достаточно предложить лишь некую абстрактную, модельную схему решения задачи поиска нитей, связывающих ученых разных поколений. Однако прошлое опросов общественного мнения, которое я исследовал в то время, и прежде всего изучение жизни и творчества Джорджа Гэллапа, позволили мне реально начать такие поиски.

Проводя в 2006–2007 гг. интервью с Н. И. Лапиным, я попросил его вспомнить, как он работал над своей известной книгой «Молодой Маркс». Рассказ Лапина начинался словами: «На первом этапе исследований мне удалось реконструировать начальные фазы формирования взглядов Маркса. Вникая в логику текстов его ранних произведений, я обнаружил нестыковки отдельных фрагментов. Возникли вопросы, затем гипотезы относительно неполной аутентичности публикаций. Для проверки гипотез я выполнил кропотливый, подчас полудетективный текстологический розыск» (И: Лапин 2007: 145). В моих биографических исследованиях тоже было множество научно-детективных сюжетов, некоторые из них я уже приводил выше. Вот еще один пример «расследования», описанного мной достаточно подробно (Докторов 2008а, гл. 8); здесь я изложу лишь общую схему и главный результат.

В начале моей работы над биографией Джорджа Гэллапа обнаружилось несовпадение данных разных энциклопедических словарей о том, когда он учился в Айовском университете (США) и какие ученые степени им были получены. Для выяснения этого я отправил запрос в архив университета. Ответ был неожиданным и в значительной мере определил дальнейшее исследование жизни и творчества этого ученого. В конверте находилась ксерокопия 3-страничного «Личного дела» студента Гэллапа. Поступил в университет в 1919 г., закончил обучение в 1928-м. В «Деле» содержалась также информация о том, какие курсы и в какие годы он изучал и как были оценены его знания.

Вскоре стало очевидным, что мало знать, какие предметы изучал Гэллап, важно было и то, кто их преподавал. Составив список интересующих меня предметов, я отправил новый запрос в архив и вскоре получил документ с указанием фамилий и инициалов преподавателей. В ряде случаев по фамилиям и инициалам можно было отыскать в справочниках и в Интернете базовые данные о заинтересовавших

меня преподавателях, но когда имеешь дело с распространенными фамилиями, найти релевантную информацию практически невозможно. Пришлось вновь обращаться в архив.

Опишу описание поисков данных о преподавателях журналистики (Гэллалп сначала предполагал стать журналистом), экономики и политических наук и опишу изучение состава преподавателей психологии, ибо именно в этой области он получил степени магистра и Ph. D.

После долгих поисков удалось собрать биографическую информацию обо всех преподавателях, вводивших студента Гэллала в избранную им специальность, и на ее основе сформировать три группы. Первую составили наиболее зрелые по возрасту профессора, получившие широкую известность в американском сообществе философов и психологов на рубеже XIX–XX вв. Следующая группа — 35–40-летние ученые, за плечами которых к началу 1920-х гг. был солидный опыт научной и педагогической деятельности. Третья группа преподавателей — молодые, но уже опытные психологи, опубликовавшие до середины 1920-х гг. свои первые книги. В будущем некоторые из них стали признанными специалистами.

Результаты этих поисков сведены в табл. 1. В ней представлены как преподаватели Гэллала, так и те, кто учил их и кто оказал наибольшее влияние на их профессиональное становление. С некоторой степенью условности, всех тех, чьи имена внесены в эту схему, можно разделить на пять поколений ученых, участвовавших в процессе развития психологической науки, а применительно к становлению именно американской психологии можно выделить четыре таких поколения.

Таблица 1

Учителя Гэллала и учителя его учителей

Поколение	Ученые, преподаватели (объекты влияния)	Их преподаватели, наставники (агенты влияния)
<i>Первое</i>	Густав Фехнер (1801–1887)	
	Герман Гельмгольц (1821–1894)	
	Фрэнсис Гальтон (1822–1911)	
	Жан-Мартен Шарко (1825–1883)	
	Вильгельм Вундт (1832–1920)	Г. Гельмгольц, Г. Фехнер
<i>Второе</i>	Джордж Ладд (1842–1921)	Немецкий философ и логик Рудольф Лотце (1817–1881), на которого сильное влияние оказал Фехнер.
	Уильям Джемс (1842–1910)	Обучался в Америке и Европе.
	Стэнли Холл (1844–1924)	У. Джемс, В. Вундт, Г. Гельмгольц, Г. Фехнер

Поколение	Ученые, преподаватели (объекты влияния)	Их преподаватели, наставники (агенты влияния)
Третье	Альфред Бине (1857–1911)	Ж.-М. Шарко
	Джордж Патрик (1857–1949)*	С. Холл
	Джон Дьюи (1859–1952)	С. Холл, У. Джемс
	Джеймс Кэттелл (1860–1944)	Ф. Гальтон, В. Вундт, С. Холл
	Эдвард Скрипчур (1864–1945)	В. Вундт, С. Холл, Дж. Ладд
	Карл Сишор (1866–1949)	Дж. Ладд, Э. Скрипчур, ученые из лаборатории В. Вундта, Германия, преподаватели Сорбонны, Франция
	Эдвин Старбук (1866–1947)	У. Джемс, С. Холл, ученые из лаборатории В. Вундта, Германия
	Эдвард Титченер (1867–1927)	В. Вундт
Четвертое	Роберт Вудворт (1869–1962)	У. Джемс, С. Холл, Дж. Кэттелл
	Эдвард Торндайк (1874–1949)	У. Джемс, Дж. Кэттелл
	Льюис Терман (1877–1956)	А. Бине, Ф. Гальтон, С. Холл
	Мейбл Кеммерер (1878–1981)	К. Сишор
	Уорнер Браун (1882–1956)	Р. Вудворт, Дж. Кэттелл, Дж. Дьюи
Пятое	Кристиан Ракмик (1886–1961)	Э. Титченер
	Макс Шоен (1888–1957)	К. Сишор
	Фредерик Найт (1891–1948)	Дж. Кэттелл, Р. Вудворт, Э. Торндайк и другие преподаватели отделения психологии Колумбийского университета
	Джайлс Рач (1892–1943)	Л. Терман
	Норман Мейер (1893–1967)	К. Сишор
	Джордж Стоддард (1897–1981)	ученики А. Бине (Франция, Сорбонна)

* Жирным шрифтом выделены имена и фамилии преподавателей Джорджа Гэллага.

Первое поколение (Фехнер, Гельмгольц, Гальтон, Шарко и Вундт) — европейские ученые, создатели современной теоретико-экспериментальной психологии. Ко второму поколению относят «отцов-основателей» американской психологии (Ладд, Джемс и Холл); они учились под руководством европейских ученых. Третье поколение представлено значительным числом психологов, родившихся в период с 1857 по 1869 г. К нему принадлежат и три преподавателя Гэллага:

Патрик, Сишор и Старбук. Они учились и у американских профессоров, и в европейских университетах и лабораториях. Четвертое поколение (ученые, родившиеся в интервале между 1874 и 1886 гг.) в основном осваивало психологию, обучаясь у американских психологов двух предыдущих поколений, но многое узнавали и в Европе. То же самое можно сказать о пятом поколении (1888–1897).

В таблице 1 показаны связи Гэллапа с создателями психологии и с «отцами-основателями» американской психологической науки. Такие цепочки можно назвать *«траекториями преемственности»*, они описывают строение коммуникационных сетей в научном сообществе и существенные особенности процесса передачи накапливаемого в науке опыта от одних поколений к другим. Безусловно, такой опыт передается по различным каналам, но наиболее эффективными в течение столетий были и до сих пор остаются прямые контакты учителя и ученика. Преемственность в науке имеет множество аспектов и составляющих, она не сводима лишь к прямым формам коммуникации между учеными разных поколений. Вместе с тем трудно говорить о преемственности, если ученые новых поколений оказываются плохо или вообще не знакомыми с работами своих предшественников и если нет постоянных тесных профессиональных контактов между входящими в науку и теми, кто уже давно работает в ней.

Важнейшими характеристиками траекторий преемственности являются их *направленность* (кого и с кем она соединяет) и *длина*, т. е. число сегментов, из которых она состоит. Так, траектория Гэллап–Старбук–Джемс имеет два (Гэллап–Старбук и Старбук–Джемс) «звена», или «сегмента», а траектория той же направленности Гэллап–Браун–Вудворт–Джемс — три. Траектории одной направленности образуют *пучок* траекторий. К пучку указанных двух траекторий принадлежат также траектории Гэллап–Найт–Вудворт–Джемс и Гэллап–Браун–Дьюи–Джемс. Наличие столь «богатого» пучка траекторий, замыкающихся на Джемсе, закономерно; данный факт отражает принципиальную роль этого ученого в становлении американской психологии.

Для нормального развития науки характерно, во-первых, существование многих траекторий преемственности разной направленности и, во-вторых, одновременное существование коротких и длинных траекторий.

Завершая описание процесса поиска траекторий преемственности, отмечу, что этот метод может оказаться плодотворным не только в будущих историко-наукovedческих исследованиях, затрагивающих устройство лестницы поколений внутри российской социологии. Можно предположить, что предложенный аналитический аппарат окажется эффективным и для построения траекторий преемственности, включающих в себя российских социологов и зарубежных.

Не преемственность и не возрождение. Второе рождение

Теперь вернемся к дилемме «преемственность или возрождение» и попытаемся ответить на вопрос: если не то и не другое, то что? Как можно обозначить, интерпретировать начало процесса становления в СССР нового этапа социологии?

Несколько парадоксально, но подход к разрешению этой дилеммы возник не при анализе собственно исторической проблематики, а при желании понять, каким образом весь комплекс реформ, происходивших в СССР/России на рубеже 1980–1990-х гг., повлиял на историческую науку в целом и в том числе на исследование прошлого российской социологии.

Главный логический посыл был следующим: реформы, которые являются следствием глубочайших изменений в обществе, сложившемся в тоталитарной среде с крайне жесткими идеологическими императивами, позволяют по-новому проанализировать и оценить события, развивавшиеся в течение последних десятилетий. Новая реальность не только по-своему формирует проблемный и организационный аспекты современной отечественной социологии, но порождает и новые взгляды на ее прошлое. Конечно, российская социология развивалась в течение полутора веков, но только *реформирование общества дало российским социологам их историю*.

Отсутствие преемственности в развитии российской социологии было очевидным. Однако изучение содержания примерно полутора десятков интервью, работу над которыми я завершил к середине 2007 г., анализ биографического материала, собранного Г. С. Батыгиным и его коллективом, а также другими исследователями, не позволяли обнаружить признаки или даже следы той совокупности явлений, которые можно было бы описать понятием «возрождение». Этот термин представляется слишком неопределенным, не имеющим конкретного наполнения, и поэтому его закрепление в историко-научных исследованиях может стать основой мифа или ложной интерпретации генезиса российской социологии, а значит, и всего последующего развития современной отечественной социологии.

Так, просматривая материалы состоявшегося в сентябре 2007 г. Учредительного съезда Союза социологов России (ССР), одну из подобных тенденций в освещении недавнего прошлого выявил В. Э. Шляпентох. Он назвал ее «умолчанием имен» (Шляпентох 2007). Эта система, отмечает Шляпентох, начала складываться в СССР в конце 1920-х гг., когда авторитаризм достиг достаточно высокого уровня. Количество людей, вычеркнутых из истории, продолжало расти до середины 1930-х гг. и практически никогда не снижалось до начала перестройки. Воскрешение имен стало одним из ее чудес.

Однако в основном докладе на открытии Учредительного съезда ССР, сделанном В. И. Жуковым, среди 45 упомянутых ученых были те, кто внес значительный вклад в развитие отечественной социологии, но были и имена, малоизвестные в социологическом сообществе. При этом были забыты Б. А. Грушин, Ю. А. Левада, А. Г. Здравомыслов — ученые, работы которых входят в золотой фонд российской науки.

Детальное рассмотрение явлений, составлявших суть процесса становления советской социологии в постхрущёвские годы, и поиск соответствующей терминологии позволят принципиально обогатить спектр и содержание исторических изысканий, а также ориентировать их на восстановление той атмосферы — внутрицеховой и внешней, — в которой все это происходило.

Испытываемые тогда молодыми учеными — сегодня они составляют первое поколение современных социологов — прилив активности, напористая агрессивность, кураж не были и *не могли быть порождены* ощущением себя *преемниками* дореволюционных социологов. Что за удовольствие быть вторыми по отношению к тем, кого давно нет и к кому в стране существует устойчивое критическое отношение? Хотелось делать нечто свое, а не выглядеть лишь соучастником некоего долголетнего научного и культурного проекта. Решение задачи возрождения, при всей значимости этого начинания, также могло казаться им чем-то вторичным — это было бы движением вперед, с головой, повернутой назад. Молодое поколение стремилось создать нечто по-настоящему новое, объективно они не были отягощены наследием прошлого, им никто ничего не завещал, никаких ключей к кладовым и сундукам не передавал. В профессиональном отношении — именно как социологи — они были бедны, но они надеялись на свои силы, а не на ренту от старого капитала.

Сказанное позволяет предложить иную версию, модель возникновения социологии в годы «оттепели». Скорее всего, речь должна идти не о подключении к существовавшему (преемственности) и не о возрождении, что непременно предполагает знание, точнее, признание былого. Происходившее было *вторым рождением* социологи в России/СССР. Этот процесс лишь формально можно трактовать как возрождение: по своей внутренней логике, механизму зарождения, мотивации деятельности первопроходцев социологии это совсем иной феномен; это процесс иного строения, принципиально иной энергетики. Молодые философы, историки, экономисты, которые на рубеже 1950–1960-х гг. стали называть себя социологами, не были готовы (да у них и не могло возникнуть такого желания) возводить свою социологию на руинах фундамента дореволюционной и ранней советской социологии.

Концепция второго рождения российской социологии впервые была мной изложена в тезисах для конференции, проходившей в Тюмени в конце октября 2007 г. (Докторов 2007). Но к тому времени уже

существовало некое эмпирическое подтверждение возможности рассуждать подобным образом. В интервью с Т. И. Заславской, начатом в апреле 2006 г. и опубликованном через год, мной был задан вопрос: «Мои беседы с социологами Вашего поколения показывают, что точнее говорить, что в 1960-е годы происходило не возрождение советской социологии, но ее второе рождение. Она родилась и, осматриваясь, естественно, задалась вопросом: а что было раньше? Тогда И. А. Голосенко по инициативе И. С. Кона начал заниматься творчеством П. Сорокина, Ф. Э. Шереги, будучи аспирантом В. Э. Шляпентоха, изучил работы советских специалистов, в основном — статистиков 1920-х годов, в области выборки. Но это все не шло под лозунгом возрождения российской дореволюционной или ранней советской социологии...» Ответ Заславской был кратким: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» (И: Заславская 2007б: 166).

В состоявшейся в то же время «электронной беседе» я спросил Ж. Т. Тощенко: «Не кажется ли Вам, что точнее говорить не о возрождении, но о втором рождении социологии? На мой взгляд, возрождение предполагает осознанное соединение нового с тем, что было ранее, поиск в прошлом опыте стимулов для создания чего-то нового. Однако освоение советскими социологами достижений предшественников началось довольно поздно и было настолько слабым, что говорить о возрождении у нас нет оснований». Тощенко заметил:

Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. Но в то же время в определенной степени это оправдано. При такой формулировке вопроса мы подчеркиваем некоторую преемственность, дань традициям, призыв не забывать предшественников. Но есть и другая сторона вопроса. В реальности русских социологов XIX века, 20-х годов XX века вспоминали скорее по форме, чем по существу. О том, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы (И: Тощенко 2007: 166–167).

А вот итог рассуждений Тощенко:

Конечно, в 1960–1980-е годы перед отечественной социологией стояли иные задачи. Поэтому все крупные исследования 1960-х годов — «Научно-технический прогресс» (Г. В. Осипов), «Человек и его работа» (В. А. Ядов), «Таганрог» (Б. А. Грушин) и другие — отвечали на волновавшие науку и практику вопросы именно этого периода, не учитывая то, что делалось в 1920-е годы. Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо современный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за рубежом в этот период (Там же: 167).

Мне представляется, что все сказанное Ж. Т. Тощенко является кратким и вместе с тем аргументированным и иллюстрированным утверждением в пользу концепции второго рождения. Кроме всего прочего, здесь четко и честно отмечено: исследователи стремились решать проблемы, которые диктовало время, их интересы были сфокусированы на настоящем, поэтому прошлое их не привлекало. Однако и это не совсем так: классика социального познания — давняя и относительно новая — не отвергалась и, более того, весьма тщательно изучалась.

Вспоминая начало своей работы в социологии в первой половине 60-х гг., Н. И. Лапин писал: «Работу в социологии я начал с интенсивного изучения теорий социальных групп: от Гоббса и Маркса до Мэйно и Левина, Хоманса и Парсонса. Собрал гору материалов и стал систематизировать их» (Социальная организация промышленного предприятия 2005: 9). Но указаний на изучение работ российских социологов до- и послереволюционного времени здесь нет, хотя различные аспекты организации труда в старой России и в послеоктябрьское десятилетие разрабатывались весьма активно.

Определенная точка на рассуждениях о том, освоено ли современными российскими социологами наследие их дореволюционных предшественников, была поставлена Г. В. Осиповым в год полувекового юбилея постхрущёвской социологии: «“Русский период” отечественной социологии еще не изучен в должной мере, недостаточно известен не только за рубежами страны, но и в самом Отечестве» (Осипов 2008: 18).

Обсуждалась концепция второго рождения и с Ф. Э. Шереги. Вот его слова:

Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов (И: Шереги 2007б: 13).

Затрагивалась тема возрождения и второго рождения российской социологии и в интервью с В. И. Ильиным — представителем четвертого поколения социологов, историком по базовому образованию. В своем ответе он вышел за рамки узкой трактовки этой темы и затронул общую проблему отношения к прошлому нашей науки.

Я согласен, что в период «оттепели» не было речи о возрождении отечественной социологии. Она рождалась в закамouflированной попытке

интеграции тогдашней западной социологии в прокрустово ложе советского марксизма–ленинизма и реалий политической и духовной жизни СССР. Нет возрождения и в современной России. И я не уверен, что такое возрождение возможно и имеет смысл. Мы ведь живем в XXI веке! Правда, П. Сорокин в своих работах российского периода показал методологию изучения социальной стратификации, но он не остановился на этом, став американским социологом. Его классическая «Социальная мобильность» — это чье наследие? И эта методология пришла к нам не из его «Системы социологии», а из американской социологии XX века. Но сказанное не исключает необходимости знать наследие. Нередко совершенно неадекватные времени теории могут подтолкнуть к совершенно современным вопросам. Однако я не стал бы углубляться в эту тему по одной простой причине: я плохо знаю это наследие, чтобы компетентно судить о возможностях его использования в качестве современного ресурса. Стратегия развития современной науки, опирающаяся на поиск национальных корней, мне кажется, противоречит самой логике науки как системы знания, индифферентной к национальности и языку. Там, где начинается копание в родословной, наука тихо умирает (И: Ильин 2010: 159).

В первом полугодии 2007 г. было завершено интервью с Л. Г. Иониным; оно состояло из двух частей. Начало — это беседа Ионина с В. В. Козловским, вторая часть — мое интервью с ним. Мнение Ионина относительно природы обсуждаемого момента в истории отечественной социологии важно потому, что он многие годы работает в социологии и, кроме того, история социологии — одно из направлений его собственных многолетних исследований. Отвечая на один из вопросов Козловского, Ионин сказал: «Разумеется, есть интересные статьи и книги, есть отдельные направления, последовательно реализующиеся и достойные внимания, например экономическая социология. Но в целом нынешняя российская социология не радуется. От своих корней (до 1917 года) она отрезана, и эту связь вряд ли можно восстановить» (И: Ионин 2007: 5). Принимая во внимание сказанное Иониным, я попросил его прокомментировать еще одно суждение: «Многим нашим “отцам-основателям” я задавал вопрос о том, знали ли они, начиная свои социологические исследования, работы дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-е годы. Нет — не знали. Я согласен с твоими словами: “От своих корней (до 1917 года) она отрезана, и эту связь вряд ли можно восстановить”. Получается, что постхрущёвская советская социология возникла из ничего, лишь из атмосферы “оттепели”. Так ли это?» Приведу некоторые фрагменты его развернутого ответа.

Нет, она получилась из духа «оттепели» и американской социологии — Беккера–Боскова, например. Ну, и существовали не совсем еще забытые работы 20–30-х годов, С. Струмилина, например, Б. Бруцкуса и других

экономистов с мощным социологическим интересом. Эти последние работы имели приемлемую в общем для начальства мотивацию (быт рабочих, демография, другие социальные вопросы) и не входили в конфликт с идеологической установкой. Поэтому я бы сказал так: в области теории базой становился функционализм, достаточно легко сочетавшийся с системным вариантом марксизма, а в области эмпирии — социально-экономическая проблематика, связанная с отечественной наукой 20–30-х годов. Поэтому нельзя сказать, что постхрущёвская социология возникла из ничего.

Что же касается того, что «отцы-основатели» не знали», то я не очень в это верю. Они, конечно, «не знали» эти работы с точки зрения того, что они составляют особый период в институционализированной истории социологии, но имена эти им были знакомы, как вообще была знакома технократическая культура ранней советской общественной науки. Что, они про НОТ, ЦИТ и Гастева не знали? А с В. Подмарковым, например, они не были знакомы? Судя по его работам, он знал. Я думаю все-таки, что они знали. Это не было глубоко рефлексированное знание, может быть, даже они не рассматривали себя как продолжателей их дела, но в атмосфере все это присутствовало (И: Ионин 2007: 10).

Прежде всего, Ионин однозначно указывает обстоятельства, определившие становление современного этапа советской/российской социологии: «оттепель» и американская (скорее — западная) социология; русские дореволюционные ученые не упоминаются. Что касается значения работ С. Г. Струмилина (1877–1974) и Б. Д. Бруцкуса (1874–1938), то здесь мы имеем разные ситуации. Экономист и статистик Струмилин, несмотря на свое меньшевистское прошлое, смог сотрудничать с большевиками, многие годы занимал высокие посты в государственных плановых органах, в 1931 г. был избран академиком, стал Героем Социалистического Труда и лауреатом Ленинской премии. Его труды не входили в конфликт с идеологией, постоянно издавались, однако никто из современных социологов — в том числе заложивших основы российской экономической социологии — не отмечал серьезного влияния работ Струмилина на свое творчество. Бруцкус, почти ровесник Струмилина, считающийся одним из крупнейших специалистов по сельскому хозяйству России, был вывезен из страны на «философском пароходе» в ноябре 1922 г.; ему, как и всем другим «пассажирам», под угрозой расстрела было запрещено возвращаться на родину. Взгляды Бруцкуса на социализм, в отличие от излагавшихся Струмилиным, были «перпендикулярны» идеологическим установкам власти не только в 1920-е гг., но и много позже (Сорокин 2007). В свете сказанного, скорее всего, в начале 1960-х гг. социологи не знали работ Бруцкуса и уж точно не могли основывать свои теоретико-эмпирические поиски на его концепциях.

Теперь относительно того, знали ли «отцы-основатели» исследования А. К. Гастева (1882–1939) и В. Г. Подмаркова (1929–1979).

В 2005 году, в интервью с Ядовым, я поинтересовался, изучали ли они в период осуществления проекта «Человек и его работа» результаты дореволюционных исследований по социологии труда. Приведу некоторые из высказанных им суждений.

...Сильно сомневаюсь, что до 1917 года были публикации в этом именно плане — отношение к труду. <...> Реально все началось с Гастева и Центрального института труда. Цитовцы адаптировали Тейлора и его последователей к советским условиям. Нам было особо важно ухватить различия в мотивации полуграмотных работниц и рабочих массового производства вскоре после Октября и тех, с кем мы имели дело в шестидесятых. Один из ключевых выводов нашего исследования — эффект «излишнего» образования ленинградских молодых рабочих. Этот ресурс они в большинстве своем использовать не могли.

<...> Вообще, эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 гг. и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относящихся к нашему исследованию, не представлялась высокой. Главная проблема состояла ведь в том, чтобы понять, становится ли труд первой жизненной потребностью, как декларировалось в 1960-е. <...> Бригады коммунистического труда в хрущёвское время — вот что нам было интересно (И: Ядов 2005б: 2).

Что касается В. Г. Подмаркова, то, естественно, с ним были знакомы и дружили многие из представителей первого поколения российских социологов, к тому же он был их ровесником. Фрагмент из интервью со Здравомысловым — свидетельство того, что в тесной группе первопроходцев социологии нового этапа Подмарков был своим.

...В самом начале своей административной практики М. Н. Руткевич пригласил Ядова и меня к себе домой. <...> Михаил Николаевич повел разговор о том, что хорошо было бы нам втроем написать учебник по социологии, в котором так нуждается страна. Мы обещали подумать и через пару дней сказали, что такой учебник должен быть создан более широким коллективом с участием Г. М. Андреевой, Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, Н. И. Лапина, В. Г. Подмаркова и еще некоторых авторов из числа тех, кто, по сути, и составлял в то время советскую социологию. Руткевича такая позиция не устраивала... (И: Здравомыслов 2006б: 171).

Зная многих из этих людей и представляя спектр проблем, интересовавших социологов как профессионалов и граждан в 1960–1970-е гг., мне трудно допустить, что они могли углубленно обсуждать нечто, связанное с прошлым российской социологии. В те годы ни для кого из них эта тематика не была предметом собственных исследований.

Тема преемственности в социологии была затронута и в интервью с Э. В. Беляевым, который работал в первой в СССР социологической лаборатории В. А. Ядова с начала ее существования. Вопрос формулировался так: «В последние полтора-два десятилетия некоторые авторы, говоря о становлении на рубеже 1950–1960-х гг. социологических исследований в СССР, используют термин “возрождение”. Имеется в виду то, что это было продолжение социологии, возникшей в России во второй половине XIX в., и исследований, проводившихся в первые полтора послереволюционных десятилетия. Мои интервью показывают, что скорее было “второе рождение” — т. е. к социологическим исследованиям приступило поколение, которое не знало работ российских и советских социологов, работавших до них, а часто и не подозревало о том, что все это было. Ты застал время рождения современной советской социологии, что ты мог бы сказать о происходившем?» Вот ответ Беляева:

Полностью согласен с тобой. Как бы это ни называлось, но не было никакой преемственности, именно потому, что мы не знали, что было в этой области до революции и вплоть до 1930-х годов. Мы только знали, что что-то было. Да, иногда мы делали открытия, что кто-то из европейских или американских социологов [был] русского происхождения. Но они не занимались Россией или Советским Союзом, поэтому какое значение имеет, что они были «русские»? Советские же социологи и психологи были нам совсем не известны. Если я вынужден был читать в спецхране книгу А. Раппопорта (математика), которую он мне прислал на мое имя, как я мог знать, что было и кто был и что советские социологи и психологи 1920–1930-х делали, поскольку их имена были уничтожены из советской памяти и библиотечных каталогов? Например, это был, по моему, Игорь Кон, кто принес к нам в лабораторию имя Л. С. Выгодского. Что касается эмпирической социологии, то даже если бы мы знали раннюю советскую эмпирическую социологию, как она могла бы нам помочь с ее устаревшими методами? (И: Беляев 2010: 11).

Приведу обстоятельный ответ В. А. Артёмова, многие годы отдавшего изучению бюджетов времени и хорошо знающего историю развития этой отрасли социологии. Мой вопрос был сформулирован следующим образом: «Вы — один из тех, у кого на глазах происходило становление постхрущёвской социологии, одновременно — Вы занимаетесь историей дореволюционной русской социологии и работами ранних советских социологов. Сейчас говорят, что на рубеже 50–60-х годов происходило возрождение советской социологии, я же полагаю, что точнее говорить о ее втором рождении. Уже позже, встав немного на ноги, советские социологи обратились к изучению своего прошлого... какая точка зрения в этом вопросе Вам ближе?» Сначала была сформулирована суть ответа: «Вопрос не простой и даже несколько “провока-

ционный”. Если коротко, то мне ближе вторая позиция. И то, что “обратились, встав на ноги”, считаю очень точным выражением» (И: Артёмов 2008: 14). Затем последовала аргументация этого суждения.

...Обследования-исследования использования времени были наиболее распространенным направлением социологических исследований 20-х — начала 30-х гг. Хотя так они тогда не назывались: мне не встретилось ни разу такое определение, кроме одной ссылки без точного адреса. Они носили чаще всего прикладной характер, были связаны с получением знания для каких-то конкретных решений-действий или для оценки реальной ситуации, которая тоже нужна была для выводов о результатах уже предпринятых действий. В большинстве своем проводились весьма профессионально — статистически или социологически. И если в других прикладных областях были единицы исследований-обследований, то здесь они носили почти массовый характер.

И все равно, обратились к ним уже после того, как были проведены первые обследования сотрудниками НИИТруда и сибиряками. Если не считать публикаций С. Г. Струмилина (1957 г.) и первых послевоенных обследований в вузах. По большому же счету многие обследования 20–30-х гг. продолжали оставаться «неизвестными».

Мне также представляется, что в 20–30-е гг. социология понималась прежде всего как теоретическая наука. И в этом качестве о «возрождении» говорить нет достаточных оснований, так как наработок тогда было маловато, чтобы давать такую оценку — «о возрождении» или «о втором рождении». А в итоге получается, что современная социология родилась уже в послевоенной стране. <...> Если же отвечать именно на поставленный вопрос, то склоняюсь «ко второму рождению». К моей исследовательской области этот ответ больше подходит (Там же).

Косвенным, но вписывающимся в общий фон свидетельств об отсутствии какой-либо связи исследований советских социологов первого поколения с разработками их российских предшественников дает анализ авторефератов докторских диссертаций В. А. Ядова, защищавшегося в марте 1967 г., и А. Г. Здравомыслова, сделавшего это двумя годами позже. Эмпирической базой обеих диссертаций был проект «Человек и его работа», но внимание Ядова фокусировалось на методологии социологического исследования (Ядов 1967), а у Здравомыслова центральными были проблемы изучения социальных интересов (Здравомыслов 1969б). Безусловно, в авторефератах цитировались работы Маркса и Ленина, отмечалось сделанное в соответствующих направлениях советскими социологами; кроме того, оба диссертанта называли ряд фамилий американских социологов (к примеру, П. Лазарсфельд, Р. М. Мак-Ивер, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.), но не было ни слова об исследованиях дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-х гг. Таким образом, во второй половине 1960-х гг. знание

работ американских — в тогдашней лексике буржуазных — социологов считалось нормальным и свидетельствовало о современности теоретических и методических построений советских ученых, но заявлений и действий, указывавших на преемственность российской социологической традиции, не было. Скорее всего, их и не ждали.

Теперь процитирую начало статьи Б. М. Фирсова под названием «Две жизни одной науки: история и роль социологии в России от XIX века и до наших дней», подготовленной в начале 2010 г. для сборника, публикуемого во Франции.

На фоне общемировых трендов развития социальных наук история российской социологии может показаться запутанной, а роли, в которых ей приходилось выступать, — амбивалентными. Достаточно сказать, что она дважды рождалась. Первый раз в середине XIX века. Тогда своим появлением на свет она была обязана Огюсту Конту, чьи идеи почти мгновенно перешагнули границы Франции и стали достоянием Старого и Нового Света. Успешное развитие науки прервалось в конце 1920-х гг. вследствие того, что Сталин не признавал социального знания, если его было нельзя привести к присяге на верность марксизму–ленинизму. Социологию объявили буржуазной «лже-наукой» и предали насильственному забвению на несколько десятилетий.

Второе рождение состоялось в конце 1950-х гг. Послесталинская социология возникла буквально на пустом месте. Отцы-основатели «нового научного направления» скопили его по западным меркам и образцам и только лишь какое-то время спустя обнаружили, что социология в России *была* и даже обладала статусом самостоятельной науки. Вина за этот парадокс лежит на власти, которая вплоть до середины 1980-х гг. видела в социологии источник нарушения общественного спокойствия и потенциальную угрозу своему существованию (Фирсов 2011).

Выше уже отмечалось, что понятие «второе рождение» применительно к 50–70-м гг. было использовано в работе С. С. Новиковой, но оно промелькнуло лишь раз в заголовке соответствующего раздела книги и не получило какого-либо анализа. Какие еще названия этого периода, помимо «возрождение» и «второе рождение», встречаются в российской историографии? Не претендуя на исчерпывающий ответ, укажу некоторые из них.

В статье 1978 г., т. е. задолго до начала обсуждения рассматриваемых здесь вопросов, Дмитрий Шалин говорил о секуляризации («secularization») советской социологии в 1960-е гг., обозначая этим термином то, что на Западе к тому времени называлось «новая социология в Советском Союзе» (Shalin 1978). Значение термина «секуляризация» не раскрывалось, поэтому в начале 2010 г. я спросил его, какой смысл он вкладывал в него. Вот его пояснение:

Я использую термин «secularization» метафорически. Марксизм позиционировал себя как антирелигиозное учение, и потому он вряд ли был открыт секуляризации. Но поскольку марксистская идеология пронизывала всю советскую повседневность, то она воспроизводила существенные особенности религии, если не культа. Советская социология пыталась сопоставить советскую идеологию и действительность, и это угрожало священному статусу марксизма. Отсюда и моя ироническая ссылка на институционализацию социологии в СССР как на «секуляризацию»¹⁷.

Сегодня, более чем через три десятилетия после публикации статьи Шалина, его метафорически-ироничный термин представляется точным и обоснованным. Однако он скорее отражает качество, свойство, направленность новой в то время науки, но не ее генезис.

В солидной хрестоматии по социологии, вышедшей в 2006 г., есть серия кратких биографических очерков об авторах текстов, включенных в книгу. Очерки написаны А. Г. Здравомысловым и Н. И. Лапиным (Общая социология 2006); в них говорится о вкладе того или иного ученого в «восстановление социологии как самостоятельной науки в СССР».

Когда Лапин завершал работу над хрестоматией, в интервью с ним я задал вопрос: «Интервью по электронной почте и личные беседы с социологами первого поколения (Грушин, Заславская, Здравомыслов, Кон, Шляпентох, Ядов) все же не позволяют понять, из чего произросла советская социология. <...> Из ответов моих собеседников получается, что земские социологи на нее никак не влияли, работы Ленина по развитию капитализма не влияли, работы Маркса — мало влияли. А что же повлияло?» Отвечая на вопрос о том, что побудило его заняться социологией, Лапин говорил о «возобновлении советской (российской) социологии в конце 1950-х — 1960-х годов XX столетия» (И: Лапин 2007), т. е. не о возрождении.

Еще одна трактовка научного и политического процесса, обозначаемого здесь как «второе рождение», была предложена в нашей переписке с В. А. Бачининым.

...Зная Вашу привязанность к термину «второго рождения», осмелюсь возразить: я бы все-таки отнесся к нему осмотнительнее. Дело в том, что само по себе это словосочетание противоречит основам здравого смысла. Рождение бывает всегда один раз. Второе рождение как таковое невозможно в физическом смысле. Но оно возможно в смысле духовном. <...> Если говорить о советской социологии, то получается, что ее второго рождения не было, то есть не было той генеалогической онтологии, когда она уже существовала ранее, затем перешла назад в зачаточное

¹⁷ Электронное письмо Д. Н. Шалина Б. З. Докторову от 16 апреля 2010 г.

состояние и затем родилась еще раз. Не было и ее духовного возрождения как трансформации наличного интеллектуального капитала во что-то духовно более зрелое и более совершенное.

Что же было? На мой взгляд, было то, что Деррида называет *деконструкцией*. То есть был эпохальный акт вычленения из мирового социологического интертекста его, условно говоря, смысловой субстанции. Последняя была подвергнута переформатированию, демонтажу, доведена рядом деструктивно-аналитических (т. е. сугубо деконструктивистских) процедур до состояния утраты самотождественности и превратилась в нечто, хотя и внешне напоминающее социологическую науку, но по сути ею не являющееся.

Таким образом, Деррида дает нам не только методологический ключ к пониманию того, что произошло в 1960-е гг., но и предлагает сравнительно аутентичное обозначение этого непростого феномена, который Вы в своих исканиях назвали «вторым рождением» социологии¹⁸.

Суждение Бачинина весьма интересно и настраивает на специальные исследования как сути деконструкции, так и реальных процессов, проходивших в советской социологии в 1960-е гг., пока же ограничусь двумя замечаниями. С одной стороны, мне представляется, что использование в данном случае термина, введенного Жаком Дерридой, может сдвинуть центр изучения вопроса генезиса постхрущёвской социологии из области истории и науковедения в сферу постмодернистской философии. С другой стороны, анализ результатов специальных исследований показывает, что на рубеже 1950–1960-х гг. состоялось — отчасти в метафорическом смысле — именно «физическое» второе рождение. Но не советской, а российской социологии, ряд достижений которой в начале XX в. уже приняты Западом (Кукушкина 2006). В краткий послереволюционный период советская социология явно не успела конституироваться и институционализироваться; уже в то время начался процесс разрушения дореволюционного наследия, «успешно», с точки зрения властей страны, завершившийся в 30-е гг. И однозначно можно говорить о духовном возрождении социологии, ибо она возводилась, особенно если иметь в виду процесс ее строительства «снизу», новыми людьми — «шестидесятниками».

Второе рождение. Уточнение периодизации современной российской социологии

Принятие концепции «второго рождения» и анализ ее в рамках понятия «толстого настоящего» позволяют предложить несколько иную, чем приводились выше, периодизацию современной, постхрущёвской

¹⁸ Электронное письмо В. А. Бачинина Б. З. Докторову от 18 апреля 2010 г.

советской/российской социологии. Вместе с тем в ней учтено многое из ранее описанных подходов А. Н. Алексеева, А. Г. Здравомыслова, Г. В. Осипова, В. Э. Шляпентоха и других авторов.

Вся совокупность приведенных рассуждений может интерпретироваться как обозначение, даже акцентирование антагонизма между «вторым рождением» и «возрождением». В действительности принципиальное различие между ними существует, но не все сводится к их противопоставлению. Значительно точнее и полнее суть обращения российских социологов к своему прошлому можно было бы описать тезисом: *«К возрождению через второе рождение»*. В 1950–1960-х годах такой программы не могло быть — тогда состоялось лишь второе рождение. Однако теперь, когда обозначилась установка российской социологии на то, чтобы действительно продолжить и развить сделанное во второй половине XIX и в начале XX в., необходимо *манифестировать* программу Возрождения и систематически двигаться в этом направлении.

На мой взгляд, концепция возрождения российской социологии должна найти место в широкой и многогранной, но пока слабо артикулированной политической, идеологической и социально-культурной программе согласования и соединения с дореволюционной историей страны тех путей развития России, которые открылись для нее после распада СССР и становления нового постсоветского общества. Так сложилось, что прошлое российской социологии не стало импульсом для развития настоящего этой науки. Но настоящее в силу разных причин заставляет нас обернуться назад и осознать, что сначала хрущёвская «оттепель» позволила российской социологии родиться во второй раз, а затем горбачёвская перестройка создала предпосылки для ее возрождения.

Я уже писал о том, что с конца 1950-х гг. и до начала перестройки российские социологи фактически не знали своих профессиональных предков и не знали также многого о жизни своих родственников.

В жизни В. А. Ядова было, по его словам, два важных момента. Об одном из них он вспоминал:

Биографический сюжет № 1. В. А. Ядов

...Поворотным моментом, который затронул и мои научные интересы, было исключение меня из партии в 1952 г. Исключили за то, что при вступлении в КПСС я «не написал правду», не сказал, что отец в 1928 г. был в зиновьевской оппозиции. При разбирательстве дела в областной парткомиссии я говорил, что отец никогда мне об этом не рассказывал. Когда я вступал в партию (на втором курсе ЛГУ), отец был не только членом партии, но преподавал в вузе историю КПСС. К тому же я родился на год позже его «фракционной деятельности». Расследование вела женщина по фамилии Сталева (запомнил на всю жизнь). Она именовалась

«партследователем». Очень по-доброму меня слушала, а потом, как в дурных детективах, ударила кулаком по столу и заорала: «Будешь говорить правду?» Короче, нас вместе с отцом в Смольном с интервалом в десять минут из партии исключили (И: Ядов 2005а: 2).

Б. М. Фирсов свой рассказ об аресте отца в 1938 г. и его скорой смерти после освобождения завершил следующими словами:

Биографический сюжет № 2. Б. М. Фирсов

Моя мать, подобно родителям большинства моих сверстников, тщательно оберегала меня от страха перед массовыми репрессиями и их неисчислимыми личными и общественными бедствиями. Судьба и смерть отца были окружены тайной, которая была открыта мне только перед поступлением в институт. Мама берегла мою душу, но ценой собственных глубочайших страданий и внутренних переживаний. О них не принято было говорить с ребенком, с другими членами семьи, не говоря уже о более широком окружении (И: Фирсов 1999: 5).

В. Э. Шляпентох в своих воспоминаниях писал, что сокрытие от детей информации о прошлом семей было весьма распространено; также при них не говорили ничего антисоветского.

Взгляд назад показывает, что новыми социологами могли стать и стали люди не просто талантливые, хорошо образованные и работоспособные, но готовые годами выдерживать суровые идеологические и жизненные испытания и сохранять социальные идеалы молодости. Отсутствие у этих людей социологической подготовки в конце 1950-х—начале 1960-х гг. компенсировалось их стремлением к совершенствованию социализма, детьми которого они были и в возможность улучшения которого искренне верили. Безусловно, в те годы были ученые, знавшие философию, историю, экономику лучше, чем их тридцатилетние коллеги, но они были многократно биты. В прямом и переносном смысле.

Наступало время людей, чувствовавших, угадывавших в социальной атмосфере, в едва намечавшихся общественных преобразованиях новые научные задачи, а в себе — силы, амбиции, желание, кураж заняться поисками их решений. Нужен был некий романтизм и значительный запас социального оптимизма. Необходимо было пусть умеренное, допустимое бунтарство, стремление к поиску новых социальных если не горизонтов, то технологий. И эти новые люди должны были уметь сотрудничать с либерально настроенными представителями властной элиты.

Может показаться странным, но новым людям нужно было именно *незнание*, точнее — лишь частичное знание истории своей страны и даже прошлого своей семьи. Знание могло оказаться тяжелейшим интеллек-

туальным и душевным грузом для тех молодых, которым историей было предназначено создание советской социологии, оно могло «придавить» их думы, лишить воли. И очень точно сказал И. С. Кон (Кон 1999: 114): свободомыслие его поколения отчасти было выстрадано молчанием их предков.

Опасения относительно погружения в прошлое своих семей и своей страны привели к тому, что социологи долго не интересовались по-настоящему тем, что росло раньше на огороде, который они начали вспахивать. Поначалу различные обстоятельства не позволяли им внимательно посмотреть в прошлое, потом, т. е. в 1970–1980-х гг., это стало более безопасно, но пространство научных интересов основной части социологов уже определилось, и прошлое занимало в нем незначительную нишу. Прошлое приблизилось к настоящему, или настоящее «утолилось» за счет «подплыва» к нему прошлого лишь на рубеже 80–90-х гг.

В ходе исторического анализа ученым еще предстоит уточнить, какой круг научных поисков может быть очерчен с опорой на программу возрождения. Но очевидно, что она должна включить в себя восстановление исторической справедливости и возвращение в науку имен ученых, создававших российскую (русскую) социологию во второй половине XIX и в начале XX в. Заслуживает всяческого внимания и поддержки установка группы ученых на определение специфики формирования русской (российской) ментальности с целью уточнения особенностей развития страны в XXI в. Вместе с тем излишнее акцентирование особенностей [общественных] отношений в российском обществе и российской ментальности с целью обоснования «особого» пути страны, в частности стремление внести элементы религиозных учений в парадигматику современной российской социологии, может привести к тому, что новая социология окажется вне магистральных направлений движения мировой научной мысли.

Периодизация любого процесса — в данном случае развития современной социологии — начинается с выбора «нулевой точки», т. е. стартового момента.

В недавно вышедшую в Екатеринбурге книгу о жизни и творчестве Л. Н. Когана включена его статья 1990 г. (написанная вместе с соавторами) по истории социологических исследований на Урале. В работе освещается столетний период, с конца XIX в. до 1985 г., но в данном случае хотелось бы сконцентрироваться на датировке авторами начала послевоенных исследований. Сказано все однозначно: «Развитие социологии в регионе с 1949 г. связано с именем член-корреспондента АН СССР М. Т. Иовчука. Хотя в Свердловске он был фактически в ссылке (до этого он занимал руководящие посты в Москве и Минске), но имел гражданскую смелость и мужество начать большую работу по

возрождению социологических исследований. С сентября 1949 г. Иовчук являлся заведующим кафедрой философии Уральского университета» (Коган и др. 1990: 194). С 1950 года исследования стали проводиться на Уралмашзаводе, Первоуральском и Синарском трубных заводах. Изучалась заводская статистика, материалы партийных и общественных организаций, заводская печать, проводились беседы с рабочими. Анкетных опросов и массовых интервью в те годы не было. Книга «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» (Подъем культурно-технического уровня 1961), вышедшая в свет в 1961 г. и включившая в себя итоги многолетних исследований большой группы ученых, по мнению авторов статьи, «явилась первым в стране в послевоенные годы крупным монографическим исследованием по конкретной социологии. Ее появление вызвало немало откликов в советской печати и за рубежом» (Коган и др. 1990: 194).

Отмечая значение поисков уральских ученых для оживления социологической науки в стране, Коган и его коллеги одновременно указали на серьезные недостатки проводившихся ими исследований.

- Они были написаны прежде всего на основе материалов заводской статистики, очень неточных, а подчас и фальсифицированных, и обильно иллюстрированы высказываниями рабочих. Однако беседы проводились только с рекомендованными руководством предприятий «знатными» новаторами производства. Мнения рядовых рабочих игнорировались. Отсюда и общий тон изданий: они говорили преимущественно о победах, о создании человека «нового типа», о достижениях в культурно-техническом росте рабочих. <...> Их главная цель состояла в обосновании известных тезисов партийных документов того времени.
- Из всего арсенала методов социологических исследований лишь в незначительной степени использовались методы неформализованного интервью и анкетного опроса. При этом обоснованной выборки исследователями не делалось. Анкеты раздавались по случайному признаку, обсчитывались вручную, их результаты выдавались в виде «слепой» процентовки.
- Совершенно некритически производился отбор источников исследований. В частности, широко использовались изданные рабочими книги и статьи, многие из которых фактически писались знающими конъюнктуру журналистами.
- Таким образом, эти исследования не только не учитывали накопленный в стране в 1920–1930-е гг. опыт, но и представляли существенный шаг назад по сравнению с ним. Сам этот опыт уральскими социологами в те годы обобщен не был. Не учитывался ни в коей мере и опыт мировой зарубежной социологии (Там же: 194–195).

Тема начала социологических исследований на Урале оказалась одной из центральных и в автобиографическом эссе Л. Н. Когана, напи-

санном, скорее всего, через десять лет после цитированной статьи. Оно содержит многие дополнительные детали и новые суждения, оживляющие сказанное выше. Коган работал с Иовчуком с 1949 г. и с 1952 г. руководил всей работой на предприятиях, так что его воспоминания представляются крайне ценными.

Посмотрим, что стоит за фразой «таким образом, эти исследования не только не учитывали накопленный в стране в 1920–1930-е гг. опыт, но и представляли существенный шаг назад по сравнению с ним». Какой опыт имелся в виду и почему был сделан шаг назад, а не вперед? Сначала о названной книге.

Биографический сюжет № 3. М. Т. Иовчук — Л. Н. Коган

Ни я, ни Иовчук, откровенно говоря, не имели понятия о методике и технике социологических исследований. Никакой литературы по социологии в Екатеринбурге не было. К счастью, я нашел изъятую в свое время, но сохраненную моим отцом книгу его коллеги В. И. Величкина «Производственные и бытовые условия рабочих Верх-Исетского металлургического завода»¹⁹, изданную маленьким тиражом в Свердловске в 1936 г. Эта, к сожалению забытая ныне, монография заслуживает того, чтобы войти в историю российской социологии. Крупный организатор здравоохранения на Урале, врач-гигиенист В. И. Величкин, провел сплошной анкетный опрос рабочих сравнительно небольшого (в то время) завода. Результаты вызвали резкое недовольство руководства предприятия, городских и областных партийных органов. <...> Автор называл свою работу санитарно-гигиеническим исследованием, но на самом деле она освещала все стороны жизни предприятия и сразу же была строжайше запрещена; упоминать ее было невозможно, а почти весь тираж уничтожен. Эта книга стала для меня первым учебником социологии. Иовчук, бегло просмотрев ее, категорически запретил мне какие-либо ссылки на нее даже в разговорах с аспирантами (Коган 1999: 284–285).

Руководство «Уралмаша» выделило для опроса лучшие цеха и участки, однако уже первые результаты привели в ужас заводское начальство. Несмотря на заявления о «всеобщем походе за знаниями»,

¹⁹ Биографическая справка, найденная в Интернете (<http://1biografia.ru/medicina/prepodavateli/4586-vladimir-ivanovich-velichkin.html>), показывает, что книга, по которой Коган осваивал азы методики и техники социологии, была написана опытным специалистом. Владимир Иванович Величкин (1890–1953) окончил МГУ в 1915 г. и с 1927 г. работал на Урале, занимая весьма ответственные позиции в сфере гигиены труда. В 1941–47 годах был директором Свердловского медицинского института. Был награжден орденами Ленина и «Знак Почета» (см.: Величкин). Когда коллектив Иовчука начинал свой проект, Величкин был жив и, вообще говоря, мог консультировать начинавших социологов.

обнаружилось, что чем ниже образование группы рабочих, тем меньшая доля в ней учится. В парткоме завода возникло недовольство, социологов обвинили в искажении облика рабочего класса. Все таблицы были изъяты и сданы в спецотдел. Иовчук заверил партком, что «компрометирующие» завод цифры в книгу не войдут.

Несмотря на известность исследований уральских обществоведов, специалистов по социологии труда, их опыт не нашел широкого распространения в СССР и не оказал заметного влияния на становление социологии.

Г. В. Осипов характеризует и оценивает их следующим образом: «Формально первое социологическое исследование было инициировано группой свердловских ученых, в основном философов (рук. М. Т. Иовчук, члены исследовательской группы — Г. А. Пруденский, М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган и др.). Осуществлялось оно с теоретических позиций исторического материализма, с использованием традиционных абстрактно-дедуктивных методов...» (Осипов 2008: 25). Продолжая свой анализ полувекового развития социологии в СССР/России, Осипов отметил: «Первыми проведенными с позиций индуктивных методов, с использованием современного арсенала методического инструментария социологии стали исследования московских и ленинградских ученых. Их приоритет в данном случае бесспорен. И в первую очередь здесь надо назвать имена Владимира Ядова и Андрея Здравомыслова» (Там же).

Далее несколько раз будет упоминаться вклад Г. А. Пруденского в развитие социологии в СССР, в том числе — в становление ленинградской и новосибирской школ. Поскольку мне не удалось найти развернутых воспоминаний о его жизни и деятельности, я попросил рассказать о нем В. А. Артёмова, работавшего недолго в возглавляемом Пруденским институте. Безусловно, это весьма краткая зарисовка, но и такие материалы могут быть полезны в познании истории отечественной социологии.

Биографический сюжет № 4. Г. А. Пруденский

Я попытался посмотреть работы Пруденского, в которых есть ссылки на неопубликованные рукописи К. Маркса 1857–1858 гг., где идет речь о времени в «обществе коллективного производства». Он был, видимо, одним из первых, кто обратил внимание на эти положения, и пытался в своей исследовательско-прикладной работе опираться на них и эмпирически подкреплять, показывать их реальную важность. Кстати, К. Маркс высказал то, что стало реальностью в 20–30-е гг. в СССР: практика изучения использования времени и распределение времени общества в экономике. И от работы 1940 г. («Многостаночники») через брошюру 1946 г. («Опыт самофотографии рабочего дня») к книге 1954 г. («Внутрипроизводственные резервы (Резервы роста производительности труда)») ссылка на К. Маркса становится все более полной. На мой взгляд, это

тоже заметно повлияло на возобновление обследований бюджетов времени в 50-е гг. Да и сам Пруденский, возможно, непосредственно причастен к обследованиям НИИ труда Госкомтруда, заместителем председателя которого [Госкомтруда], он был в 1955–1958 гг. Но здесь я не могу опираться на факты-доказательства, а лишь предполагаю такие связи.

Пруденский сыграл важную и весомую роль в возобновлении обследований бюджетов времени, в т. ч. в участии СССР в международном исследовании бюджетов времени городского населения 1965 г. А «через свободное время» — стал одним из инициаторов развития социологических исследований вообще.

К сожалению, непосредственно о Г. А. Пруденском-директоре ИЭиОПП я почти ничего рассказать не могу. В первые месяцы я работал в Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР, после ее ликвидации в конце 1961 г. — в ИЭиОПП, но в секторе Аганбегяна. Перешел в сектор экономики труда в 1963 г. И, кажется, была лишь одна небольшая групповая встреча с Пруденским, где он говорил о значимости и перспективности изучения свободного времени. При подготовке двух записок в Идеологический отдел ЦК по результатам исследований бюджетов времени имел дело с его замом. Кстати, В. Н. Шубкин вспоминает, как его Пруденский агитировал заняться свободным временем. Мне не известна и роль-позиция Пруденского в конфликте «экономистов-математиков и иже с ними» и «традиционных экономистов». Похоже, он был как бы в тени: ведь он многих приглашал в институт. Но и здесь есть белые пятна, т. к. большую роль в привлечении кадров играл сам Лаврентьев, а Аганбегяну он, похоже, доверял в подборе кадров. Да и здоровье Пруденского быстро ухудшалось (И: Артёмов 2008: 12–13).

Принимая во внимание факт учреждения Советской социологической ассоциации (1958), создания первых социологических коллективов в Свердловске, Москве, Ленинграде и Молдавской ССР, завершение первых крупных социологических проектов и издание ряда книг, в которых обобщались результаты теоретико-эмпирических исследований, выход за рамки истмата и другие обстоятельства, вполне обоснованно можно считать, что второе рождение российской социологии состоялось на рубеже 1950–1960-х гг.

Именно тогда пошел отсчет времени развития современной отечественной социологии, и траектория этого зигзагообразного движения в конце 80-х гг. изменилась качественно, ибо само движение начало осуществляться в новой макросреде: брежневская эпоха завершилась и пришло время плюрализма мнений, гласности, смены идеологических императивов. Существовавшая в СССР социология внешне мягко переходила в иное состояние. Наступал период, который сейчас связывается не просто с выработкой новых парадигм и методов познания, но с глобальной социокультурной идеей возрождения российской социологии. Это произойдет, если одновременно с разработкой новых теоретических конструкций и эмпирических приемов, соответствующих

требованиям современности и позволяющих обновленной науке отвечать на важнейшие общественные вызовы, будет реализовываться программа изучения наследия, оставленного рядом поколений предшественников. И если раньше, говоря о преемственности, прежде всего подразумевалась необходимость знания и учета опыта социологов, работавших в дореволюционные и первые послереволюционные годы, то теперь перед российской наукой появилась еще одна непростая задача. Ей предстояло проанализировать, обобщить, оценить сделанное в период между «оттепелью» и перестройкой и выработать методологию использования наработанного. Если этого не будет сделано, то фактически возникнет новый разрыв непрерывности, т. е. еще одно нарушение преемственности в развитии российской социологии.

Принципиально, что принятие концепции второго рождения социологии, открывшего путь к ее возрождению, не требует кардинального пересмотра периодизационных схем, рассмотренных выше. Периодизация В. Э. Шляпентоха сохраняется в ее хронологическом членении процесса развития советской социологии, но период 1958–1965 гг. будет точнее называть не эмбриональным, а «младенческим». Ведь социология уже не вынашивалась, а родилась. Также сохраняется и схема А. Г. Здравомыслова, но в ней следует иметь в виду не просто «социологию», а «марксистско-ленинскую социологию».

Используя математическую терминологию, реализацию научной и социокультурной программы возрождения можно назвать «сглаживанием» процесса развития отечественной социологии, придания ему черт непрерывности. Однако в этой желанной единой, цельной, неделимой истории не будет одного *принципиального* для развития науки момента — человеческой, творческой, живой связи поколений, начавших работать после «оттепели», с их профессиональными предшественниками. Не будет передачи «тепла рукопожатий». Никто даже из советских/российских социологов первого поколения не мог и не сможет сказать относительно кого-либо из столпов дореволюционной русской социологии: «...нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Это — печальное следствие трагических событий начала XX в.

Итоги рассмотрения вопроса о генезисе постхрущёвской социологии и ее отношения к дореволюционной и ранней советской социологии могут быть проиллюстрированы с помощью простой «*двухконусной*» модели, которая, как мне кажется, отражает многое из сказанного экспертами. Замечу, что развитие науки, как и ряда эволюционных процессов, удобно и эффективно представлять в виде конуса, обладающего многими интересными математическими свойствами. К примеру, траектория движения сверху вниз по поверхности конуса, если это не падение по его образующей, дает расширяющуюся спираль. Наоборот, подъем от основания конуса к его вершине — сжимающуюся спираль.

Представим себе прямой конус, направленный вдоль оси времени, его основание расположено на уровне начала XX в., а вершина — конец 1930-х гг. Этот конус задает характер изменения дореволюционной русской социологии и ее перехода в раннесоветскую. В годы Гражданской войны резко сократилось число социологов, изменился их состав, произошло «сжатие» социологии как науки по всем критериям, принятым в науковедении и наукометрии. К концу 30-х гг. социология в СССР как самостоятельная наука *выродилась в точку*, этому ее состоянию отвечает вершина конуса.

На рубеже 1950–1960-х гг. стал формироваться новый конус, его вершина расположена над вершиной старого, а расширение происходит вверх вдоль оси времени. Пространство, прилежащее к новой вершине, указывает на существование небольшой группы социологов первого и второго поколения и на области их научной деятельности, которая быстро формировалась, но оставалась весьма ограниченной. Затем идет слой, отвечающий периоду формирования социологов третьего поколения и совокупной сферы деятельности трех когорт ученых. Над ними — еще более широкое пространство — это область активности представителей уже четырех поколений. И так далее.

Подобно любой знаковой модели, конструкция двух конусов имеет ограниченную объяснительную и эвристическую функции. Но она несет в себе *импульс* для содержательных, собственно историко-биографических размышлений и исследований.

Глава 4

Лестница поколений российских социологов

В настоящей книге проблема поколений в советской/российской социологии является сквозной, и поэтому многие методологические задачи исследования современного этапа отечественной социологии и результаты анализа ее прошлого в значительной степени определяются описываемой ниже поколенческой стратификацией российского социологического сообщества. Поколенческий подход трактуется как модуль, соединяющий институциональное прочтение истории и собственно (в узком смысле) биографическое. Этот модуль позволяет переходить от одного уровня исследования прошлого к другому.

Модель поколенческой стратификации российского социологического сообщества

Тема поколений в современной российской социологии относительно нова. Вместе с тем уже существуют некоторые подходы к подобной

структуризации нашего сообщества, фиксирующие наблюдаемое возрастное и статусное расслоение.

А. Г. Здравомыслов связывал успешность анализа внутреннего поля социологии с вопросами разработки поколенческого подхода. В его конструкции (И: Здравомыслов 2006а) было два поколения: первое — социологи-«шестидесятники», второе — «примерно на 20 лет моложе». Называя наиболее активных и известных представителей первой группы, Здравомыслов указал имена социологов, годы рождения которых укладываются в одиннадцатилетний и достаточно однородный в социальном плане интервал от 1923 до 1933 г. Но обозначая состав второй плеяды, он объединил в ней людей 1945–1961 гг. рождения, и промежуток этот, охватывающий уже разные в социально-историческом отношении времена, составил 17 лет. Таким образом, вторая плеяда оказалась весьма неоднородной, и это позволяет предположить, что она объединяет в себе представителей разных поколений. К тому же, и я обсуждал эту тему со Здравомысловым, недостатком предложенной им поколенческой стратификации является то, что в ней вообще не отражена большая группа социологов, родившихся с 1934 по 1944 г.

Л. А. Козлова обращается к рассматриваемой теме в связи с попыткой построения карьерно-профессиональной модели современных поколений российских социологов. Принимая во внимание ряд критериев развития карьеры, она выделила три поколения: «старшее» (родившиеся во второй половине 1920-х–1930-е гг.), «среднее» (1940–1960-е гг.) и «младшее» (год рождения 1970-й и позже). Первое поколение, в свою очередь, подразделяется на два пласта: социологи-«шестидесятники», составляющее исследовательское крыло российской социологии, и социологи партийно-идеологического направления, образующие идеологическое крыло. Два других поколения также расщепляются, но снова по возрасту: «среднее» — на старших, средних и младших, «младшее» — на старших и младших (Козлова 2010).

Козлова отмечает, что границы выделенных ею когорт достаточно размыты, и поэтому представители предыдущего по хронологии слоя имеют много общего с представителями последующего, и наоборот. На мой взгляд, подобная размытость типологий на границах — явление нормальное, она характерна для многих социологических классификаций вне зависимости от их предметно-объектных особенностей. Однако то обстоятельство, что расщепление автором второго и третьего поколения вновь осуществляется по возрастному параметру (такое расслоение можно повторять многократно), указывает на необходимость дальнейшего логического поиска координат карьерно-профессиональной модели.

Ниже под поколением социологов понимается достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям:

1) их первичная социализация происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Первое требование — очевидно, оно отвечает мангеймовской традиции включать в одно поколение совокупность людей, социализировавшихся в сходных условиях, и стало универсальным, базовым для когортного, поколенческого анализа. Второе проистекает из того, что в создаваемой системе *профессиональных* поколений необходимо учитывать особенности становления постхрущёвской социологии в СССР и своеобразие личной деятельности ученого. В частности, замечу, что в первые десятилетия современного периода российской социологии существовали принципиально разные пути вхождения в науку. Поэтому профессиональное становление ровесников (т. е. их дороги в социологию) нередко проходило в различных обстоятельствах, и, следовательно, из принадлежности к одной возрастной когорте не вытекает автоматически принадлежность к одному поколению социологов.

Поколенческое стратифицирование социологического сообщества трактуется как построение типологии, в каждую секцию которой по определенным правилам может быть занесен любой, кто в СССР/России занимался, занимается и будет заниматься в ближайшем будущем социологическими проблемами. В таком случае совокупность *всех* поколений — это идеальная конструкция, которая в историко-научно-ведческих построениях может служить *моделью*, или теоретико-эмпирическим описанием, возрастных страт этого профессионального цеха.

Существует большое число алгоритмов создания и анализа типологий объектов разной природы, и эти правила могут быть объединены в две группы, описываемые принципами Эйнштейна, которые предлагались им для установления верности теоретических конструкций: принципы *внутреннего совершенства* и *внешнего оправдания*. Согласно первому, создаваемые теории (типологии) должны базироваться на минимально возможном числе общих положений, т. е. следует отказываться от введения *ad hoc* допущений, порождаемых локальными, частными факторами. Другими словами, стремление к учету логического требования предполагает конструирование такой модели поколений, в которой существовала бы внутренняя «числовая» гармония, простым было бы правило продолжения типологии в будущее и, если надо, в прошлое, чтобы она легко выдерживала ее логически и математически оправданное дробление. Второй принцип утверждает, что новые типологии должны позитивно коррелировать с ранее выработанными и зарекомендовавшими себя классификациями и отвечать более широким требованиям среды, в которую погружены типологизируемые объекты. Критерий внешнего оправдания требует «простого

и очевидного»: интерпретируемости типологии, ее привязке к биографиям людей, образующих эти поколения.

В настоящей главе рассматриваются лишь два аспекта типологизационной процедуры: вопросы о *количестве поколений* в современной российской социологии и их *временных границах*. Не будем бояться присутствия признаков «пифагорейства» в алгоритме конструирования поколенческой стратификации; гораздо опаснее для устойчивости, жизненности любых типологий отсутствие подобных признаков. Математика не существует сама по себе, она отражает ядерные структуры мироздания и мышления.

Итак, поколения российских социологов — это, прежде всего, наделенные рядом социально-профессиональных характеристик возрастные группы, и потому их вычленение внутри профессионального сообщества в первую очередь связано с определением *хронограниц* этих поколений, с нахождением их временной протяженности, или продолжительности. Формально эту задачу можно рассматривать как количественную, или «арифметическую». Но уже смоделированные поколения должны хранить в себе следы реального процесса развития отечественной социологии, соотноситься с множеством глобальных социально-политических процессов, формировавших поколенческую структуру всего советского/российского общества.

Построение *поколенческой стратификации* российского социологического сообщества развивалось мной итерационно: делались некоторые количественные построения и проверялась их интерпретируемость; затем процесс продолжался. Ниже представлена лишь *логика* движения к модели, но не отражена вся последовательность шагов.

После долгих попыток определения хронограниц поколений я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления «монблана» частных — сделать все поколения *равной* продолжительности. Это важнейший, базовый принцип построения системы поколений; на мой взгляд, от него следует *отказаться* лишь при наличии весьма серьезных аргументов собственно исторической и конструктивно-методической природы. Причем речь непременно должна идти о построении *конкурентной* модели, т. е. предлагающей иную, но обязательно *полную* систему поколений.

На определенном этапе разработки типологии стало ясно, что для решения в будущем *конкретных* аналитических задач историко-биографической направленности эти *сконструированные*, или *модельные*, поколения часто придется *дихотомизировать*: выделять внутри них естественные для поколенческого анализа подструктуры: «старшие» и «младшие». Следовательно, временной интервал, заключающий в себе годы рождения членов одного поколения, назову его «длиной поколения», должен непременно задаваться *четным* числом.

Аналогичным образом часто возникает потребность в расчленении всего поколения на столь же очевидные три группы: «старшие», «средние» и младшие». Из этого, опять же сугубо логического, требования вытекало, что длина поколения должна быть *кратной трем*. Наименьшим числом, одновременно делящимся на 2 и 3, является 6. Таким образом, алгоритм конструирования поколений равной продолжительности включал в себя лишь одно требование: искомая длина поколения (на модельном уровне) должна быть кратной 6. Ничего «астрологического», таинственного в этих рассуждениях нет, как и отсутствует примат «числа» в собственно историческом анализе. Есть лишь понимание того, что типология поколений — не самоцель; это средство, *инструмент исследований* истории нашей науки, прежде всего — жизни и творчества ее создателей. И этот инструмент должен быть достаточно универсальным.

Итак, описанный алгоритм определения длины поколения сведен к двум простейшим и однозначно формулируемым правилам: *равная* длина временных интервалов и *делимость* длины интервала на 6.

Каждое поколение в науке рождается и существует для того, чтобы ответить на некий общественный *вызов*: в его отсутствии наука прекращает развиваться. Потому в общем случае научное поколение не может быть очень коротким — тогда оно автоматически становится малочисленным, слабым, не способным ответить на вызовы истории и решить задачи развития теоретического и методического аппарата науки. Но поколения не могут быть и слишком продолжительными; в нормально развивающихся обществах в науке постоянно рождаются проблемы, и решать их предстоит новым поколениям.

Понятно, что типология, базирующаяся на интервалах длиной в шесть лет, не отвечает *теоретическому* видению функции поколений в науке, они слишком короткие. Следовательно, длину интервалов необходимо увеличить, но при этом их искомая величина все равно должна делиться на 6. Следующим после 6 числом с таким свойством является 12. Оно и положено в основу предлагаемой ниже типологии поколений российских социологов.

Предложенное обоснование *равной временной* продолжительности поколений удовлетворяет требованию внутреннего совершенства. Ниже будет показано, что такие поколения удовлетворяют и требованию внешнего совершенства. Но, прежде всего, замечу, что 12-летние (или подобного порядка продолжительности) поколения в структуре населения СССР/России, выделяемые по разным основаниям, достаточно распространены в социологической и демографической литературе, т. е. *логически* найденная длина в 12 лет не выглядит странной, непривычной, слишком продолжительной или чрезмерно короткой.

Н. А. Головин, соединяя формативные периоды первичной и вторичной социализации когорт с важнейшими событиями в истории

СССР/России, выделил девять политико-поколенческих групп, родившихся в интервале с 1903 по 2000 г. (Golovin 1972). Приведу те из них, которые появились в период, охватываемый предложенной типологией социологических поколений. Когорта «первых советских людей» (1903–1918), военное и послевоенное поколение (1919–1933), поколения «оттепели» (1934–1952), «застоя» (1953–1964), «перестройки» (1965–1971), «кризиса» (1972–1980) и поколение периода «относительной стабилизации» (1981–1990). «Длина» этих возрастных когорт варьирует от 7 до 19 лет, и их средняя продолжительность составляет 12,5 лет.

В. В. Семёнова на основе субъективной самопрезентации респондентов выделила четыре поколения (околовоенное, доперестроечное, переходного периода и постпереломное) — каждое продолжительностью в десять лет (Семенова 2004).

Прежде всего, подчеркну два принципиальных обстоятельства. Первое: выше говорилось не обо *всех атрибутах* типологии социологических поколений, но лишь о *длине поколений*. Второе: как уже было показано, при обосновании *длины* социологических поколений я не обращался ни к каким *содержательным* (собственно историческим) реалиям их формирования. Другими словами, к настоящему моменту изложения эти выделенные поколения 12-летней продолжительности можно рассматривать исключительно как плод пифагорейских, или «арифметических», построений. Содержательная сторона этих конструкций обсуждается ниже.

Определение «длины» поколения — лишь первый шаг в создаваемой типологии. Далее необходимо было расположить на временной оси эти интервалы продолжительностью в 12 лет так, чтобы они оказались привязанными к жизненным траекториям социологов. И *a priori* не приходилось предполагать, что социологические поколения каким-либо естественным образом будут вписываться в основные социально-исторические типы советского населения.

Вот здесь началась эмпирическая фаза создания описанной типологии. Изучение биографической информации показывает, что значительное число ученых, с именами которых связано становление современной социологии в СССР, родились в узком четырехлетнем интервале между 1927 и 1930 гг., серединой которого являются 1928 и 1929 гг. Помещая именно *это двухлетие* в центр искомого (первого) временного интервала, в котором родились советские социологи-первопроходцы, и помня о 12-летней длине этого интервала, легко получить его левую границу — 1923 год ($1928 - 5 = 1923$) и правую — 1934 год ($1929 + 5 = 1934$). «Расположив» это базовое поколение на временной оси, мы, подчеркиваю, *автоматически* получаем положение на этой оси всех других поколений (табл. 2). Каждый раз «левая» граница очередного поколения

приходится на год, следующий за «правой» границей предыдущего поколения; при этом продолжительность каждого — 12 лет. *Исключением* из этого правила являются границы второго поколения.

Таблица 2

**Лестница поколений
в постхрущёвской российской социологии**

Поколение российских социологов	Годы рождения	Центр интервала рождения поко- ления	Социально-хронологи- ческое название поколения
Первое	1923–1934	1928–1929	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	Последние годы 1920-х–1934		«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	1940–1941	Военное
Четвертое	1947–1958	1952–1953	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	1964–1965	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	1976–1977	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	1988–1989	Дети перестройки
Восьмое	1995–2006	2000–2002	Первое поколение постсоветской России

Итак, вся эта «лестница» поколений — результат двухшагового процесса. Шаг первый: маркировка на временной оси эмпирически найденного двухлетия (1928–1929 гг., центр периода рождения социологов первого послевоенного поколения) и определение левого и правого концов этого 12-летнего интервала. Шаг второй: простое механическое расположение каждого следующего 12-летнего временного интервала встык с предыдущим. Замечу, что в момент определения границ интервалов *невозможно* было сказать, каким образом найденные *профессиональные* поколения будут соотноситься с *историческими* поколениями советского общества.

Напомню: при создании типологии поколений современной советской/российской социологии *не принимались* во внимание никакие макрообстоятельства, никакие веховые для истории СССР/России моменты. Это делалось преднамеренно как следование принципу внутреннего совершенства. Ибо стремление к привязке лестницы *социологических поколений* к истории страны фактически требовало бы априорного

выделения в прошлом СССР/России множества событий, детерминировавших процесс становления социологических поколений, т. е. надо было начинать весь процесс построения типологии с квантования истории страны. Очевидно, что это крайне сложная по своей природе задача, явно лежащая вне пределов рассматриваемой темы.

Обнаружилось, что выделенные профессиональные поколения мягко, естественно вписались в исторический контекст. Так, революционный 1917 г. ровно на 12 лет отстоит от одной из центральных точек интервала рождения первого поколения советских социологов (1929 г.). И ровно 12 лет отделяют большевистскую революцию от Первой русской революции 1905 г. Сам 1929 год вошел в историю России как момент «великого перелома». Далее, с интервалом в 12 лет, на временной оси «расположены» 1941 г. — начало Великой Отечественной войны — и 1953 г. — смерть Сталина. Еще через одиннадцать лет (1964 г., тоже являющийся центральным для поколения, вступившего в жизнь в 1959–1970 гг.) наступила эпоха Брежнева. 1977 год оказался переломным в том плане, что Брежнев занял все высшие посты в стране и началось формирование периода, иногда иронично называемого «культом без личности». Наконец, 1989 г. стал «пиком» перестройки, когда прошли реальные выборы народных депутатов СССР и был образован горбачёвский парламент.

Суммируя изложенное, можно утверждать, что действительно поворотные в истории страны события происходили именно посередине указанных в табл. 2 временных интервалов. Это означает, что сами интервалы оказались (еще раз повторю, что алгоритм построения типологии этого *не предполагал*) не произвольно «нарезанными» временными промежутками, не абстрактными математическими образованиями, а интерпретируемыми теоретико-эмпирическими конструктами, которые логично вписались в российский исторический контекст.

Здесь возникают два вопроса, касающихся интерпретации выделенных поколений. Первый из них: почему в российской истории наблюдается такая 12-летняя цикличность, т. е. почему именно с такой частотой в обществе возникают события, надолго задающие его изменения? Вопрос второй: чем объяснить тот факт, что поколения социологов столь естественно вписались в типологии когортной стратификации населения?

Начну с ответа на второй вопрос. Я утверждаю, что подобной «гармонии» *могло и не быть*. Но история распорядилась именно так. Сталин умер в 1953 г., и хрущёвская «оттепель» наступила в те годы, когда поколение родившихся в конце 1920 гг. набирало гражданскую силу и оказалось подготовленным к тому, чтобы через несколько лет по собственной воле и в силу собственных интересов начать социологические исследования в нашей стране. Во второй половине 1940-х гг. по личному указанию Сталина в Московском и Ленинградском университе-

тах стали преподавать психологию и начался процесс возрождения советской/русской психологии, прерванный в конце 1920-х—начале 1930-х гг. На социологию это решение не распространялось. Трудно сказать, как развивался бы послевоенный процесс становления социологии в СССР и какие поколения взяли бы на себя роль первопроходцев, если бы Сталин умер на несколько лет позже и если бы осуждение «культы личности» состоялось позже и происходило бы иначе, чем оно происходило. Одно ясно, система (лестница) поколений советских/русских социологов была бы иной.

Что касается 12-летних циклов в истории России, то это лишь проявление сложной циклической природы развития общества, и наряду с циклами такой продолжительности существуют более длительные и более короткие «регулярности».

От модели к реальности: социологические поколения

Важнейшим атрибутом предлагаемой модели поколенческой стратификации является *открытость* временных интервалов, обозначенных в табл. 2; другими словами, хронограницы трактуются как «мягкие». Отсутствие жесткого разделения между поколениями позволяет обоснованно решать два вида задач. Во-первых, при необходимости можно объединять, скажем, «младших» какого-либо поколения со «старшими» следующего. Во-вторых, при изучении творчества конкретного социолога, формально принадлежащего к одному из поколений, с учетом ряда обстоятельств его можно относить к поколению предыдущему или следующему. Это может происходить в тех случаях, когда годы рождения ученого оказываются в начале или конце выделенного для данного поколения интервала.

Значительная протяженность временного интервала, включающего годы рождения представителей каждого из семи обозначенных поколений, а также мягкость границ этих модельных представлений не позволяют сводить описание особенностей поколений лишь к указанию событий, произошедших в середине этих интервалов, в точках смены социальных смыслов. Эти моменты лишь передают квинтэссенцию всего происходившего, его главную окрашенность. Однако в каждом интервале существует множество латентных, подготовительных политических, социокультурных, идеологических событий, готовивших вскоре наступавший разрыв между главными смыслами «вчера» и «завтра». Затем наступали последствия этих, по терминологии Б. А. Грушина, «соцотрясений» общеисторического звучания. Кроме того, следует принимать во внимание, что все происходившее не могло восприниматься современниками тех событий одинаково, эти различия детерминировались множеством субъективных и объективных факторов. Когда мы

говорим о периодах возникновения поколений и о формировании тех ощущений времени, которые постепенно составляли основу чувства, ощущения своей принадлежности к определенному поколению, то, конечно же, подразумеваем прежде всего период первичной социализации, юности и ранней молодости. Естественно, что восприятие основополагающих для этого периода политических и социокультурных событий зависело от семьи и ее образа жизни, школы, каких-то случайных обстоятельств, определивших общие интересы, которые позже каким-то образом трансформировались в выбор социологии как профессии. При этом очевидно, что формирование поколения — тем более социологов, в силу своих гражданских и профессиональных особенностей остро реагирующих на происходящее в социуме, — не завершается в годы студенчества, а продолжается под воздействием событий, определяющих основные социально-исторические черты образов следующих поколений. Таким образом, процесс формирования поколений социологов многоаспектен, задается множеством факторов и весьма продолжителен.

Выше отмечалось, что в силу ненормального, искусственно прерванного процесса развития социологии в России профессиональное становление ровесников (их приход в социологию) нередко проходило при различных обстоятельствах. Следовательно, необходимо говорить о двух составляющих процесса формирования социолога-профессионала. Это не разделенные во времени этапы, фазы, а скорее качественно различающиеся, но одновременно развивающиеся процессы.

Один из них можно охарактеризовать как *социально-биологический*, здесь главное — взросление человека и становление его как личности под воздействием совокупности макро- и микрообстоятельств. В этом случае индивид рассматривается прежде всего как представитель определенной возрастной когорты, внутренний мир и профессиональные ориентации которого развиваются по общим правилам, законам первичной, ранней социализации. И, вообще говоря, этот процесс никак не соотносится с развитием социологии в стране как науки. Второй процесс — это собственно *социологическая профессионализация*, овладение знаниями и опытом, вхождение в профессиональную среду, освоение традиций и кодов науки. При нормальном, т. е. непрерывном, развитии научного знания и естественной смене научных кадров социально-биологическое и собственно профессиональное в становлении поколений ученых в целом соотносено, при нарушениях такого хода движения науки параллелизм оказывается ослабленным.

Изложенное можно представить в виде схемы, предусматривающей существование трех групп внутри каждой возрастной категории социологов. Вообще говоря, люди примерно одного возраста одновременно или в достаточно узком временном интервале входят в избранную ими науку и начинают делать профессиональную карьеру; при этом

последующее их развитие происходит по-разному и определяется множеством обстоятельств. Эта «типичная», обычно наиболее многочисленная группа специалистов расположена в центре схемы.

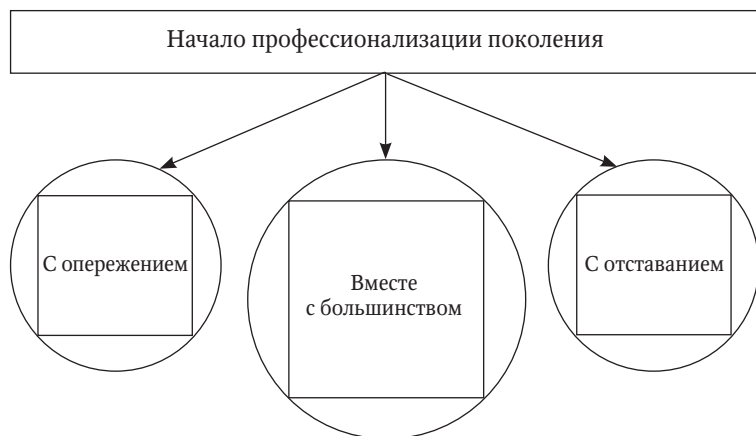

Схема. Вхождение в профессию представителей одной возрастной когорты

Однако во всех областях творческой деятельности, в науке в частности, есть люди, которые в силу удивительного сплава одаренности, трудолюбия, внутренней собранности, иногда — по причинам внешнего характера развиваются в избранной ими профессии быстрее других представителей своей возрастной когорты. Это делает их в социальном, профессиональном отношении старше своего биологического возраста. Со временем многое выравнивается, но «эхо» раннего стремительного профессионального, иногда и карьерного роста всегда сопровождает таких людей.

Итак, критерии отнесения конкретного исследователя к тому или иному поколению выстроены, теперь это уже почти автоматически решаемая задача. Сделаю, однако, принципиальное замечание: принадлежность к поколению — не титул и не звание. Система поколений — это лишь особый историко-научоведческий концепт, инструмент, позволяющий полнее описать становление отечественной социологии, ее коммуникационные сети, ролевые позиции ученых, соотнести «институциональное» и «человеческое».

Назову теперь основные события, происходившие во временные отрезки, полученные в результате описанной выше типологической процедуры.

Первое поколение советских социологов (1923–1934 гг. р.) вошло в жизнь после смерти Ленина, в годы свертывания нэпа и перехода

к развернутому строительству социализма; на рубеже 1920–1930-х гг. зарождался культ личности Сталина. На годы их детства/юности пришлось массовые репрессии конца 30-х, а затем — война. Старшие участвовали в ней, младшие испытали всю тяжесть военного времени, оставаясь на территориях, занятых немецкими войсками, в блокадном Ленинграде, в труднейших условиях эвакуации. Многих из них потрясла смерть Сталина (5 марта 1953 г.), казалось, что потеряны главные ориентиры жизни. Их поздняя юность и ранняя молодость прошли в период политической оттепели, наступившей после доклада Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.), десталинизации. Свою профессиональную (социологическую) деятельность они начинали на рубеже 1950–1960-х гг., практически «с нуля» самостоятельно осваивая современные для того времени теории и эмпирические методы социологии.

Второе поколение (вторая половина 1920-х—1934 гг. р.) — особое в предлагаемой типологии. Его «особость» состоит в том, что представители этого поколения по возрасту в среднем лишь немного моложе ученых, образующих первую возрастную когорту. Как личности, «вторые» формировались в том же социальном пространстве, что и «первые». Однако в силу разных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых». Возникновение именно такого второго поколения — прямое следствие, или индикатор, *ненормальности* развития социологии в стране. Аномалия заключается еще и в том, что представители второго поколения, фактически будучи ровесниками «первых», одновременно *были их первыми учениками*.

Пока сложно сказать, чем в своем мироощущении и творчестве второе поколение отлично от первого, об этом можно будет говорить лишь по итогам специальных историко-наукovedческих исследований, тем более что многие из «старейшин» нашего цеха продолжают активно работать. Оба этих поколения относятся к «шестидесятникам». Но «первые» — так сложились их судьбы — входили в социологию *азартно, горячо*, «вторые» — более трезво, взвешенно, они *отказывались* от ранее избранного ими профессионального пути (среди них были журналисты, партийные и комсомольские работники, юристы, учителя и т. п.). Некоторые из них приходили в социологию в результате глубокого пересмотра своих политико-нравственных воззрений.

Тот факт, что отнесенным мной ко второму поколению социологов уже было у кого учиться, чей опыт перенимать, является главным критерием для включения всех их во вторую когорту российских/советских социологов. Возраст здесь является вторым, сопровождающим критерием.

Все поколения после второго имеют свою *собственную* нишу на временной оси.

Детство *третьего* поколения (1935–1946 гг. р.) пришлось на годы войны; старшие в полной мере хлебнули ее тяготы и помнят нелегкое послевоенное время. Атмосфера «оттепели» осознавалась представителями этого поколения через песни Окуджавы, стихи поэтов-фронтовиков и поэтов евтушенковского «призыва». Общая социальная, идеологическая среда, в которой формировалась эта когорта, делала их менее политизированными, чем старшие социологи, менее скованными в своих рассуждениях об общественном устройстве, более критичными в отношении советской политической системы.

Одна из особенностей третьего поколения, которая обнаруживается в специфике его вхождения в социологию и определяет его роль в становлении советской/российской социологии, — характер базового образования значительной части его представителей. Так, среди них существенно выше, чем в первых двух и в следующем поколениях, доля пришедших в социологию с математическим, физическим или техническим образованием. По своим политическим взглядам, по общему мироощущению третье, «военное» поколение можно назвать младшими «шестидесятниками». Однако в своих философских представлениях многие из них скорее склонялись к позитивизму, чем к марксизму, а в отношении к окружавшему их социальному миру они были менее романтичными, чем их старшие коллеги.

Первое поколение, почувствовав время и ощутив свои силы, оторвалось от традиционного для тех лет теоретико-идеологического познания общества и перешло к его наблюдению и измерению. *Второе* поколение активно способствовало расширению предмета нового типа обществоведческих исследований и внесло в нарождавшуюся советскую социологию свой к тому времени уже немалый жизненный, практический опыт. В *третьем* оказалось много математиков, поскольку необходимо было налаживать обработку больших массивов первичной информации. К тому же именно социологами третьего поколения по инициативе и при поддержке «отцов» был сделан первый заметный шаг в сторону освоения феноменологических теорий и методологии мягких методов.

Четвертое поколение социологов (1947–1958 гг. р.) — послевоенное — формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, запуск первых спутников Земли и полет Юрия Гагарина в космос, «пражская весна» суть составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. По возрасту — это поколение детей социологов первого призыва.

Пятое поколение (1959–1970 гг. р.) входило в жизнь и взрослело вместе со становлением и трансформацией брежневской эпохи: строительство БАМа и начало войны в Афганистане, Хельсинкский мирный

договор и ссылка А. Д. Сахарова в Горький. Великая Отечественная война входила в сознание многих представителей этого поколения через чтение «Малой Земли» и вручение в 1978 г. ордена «Победа» маршалу Л. И. Брежневу.

Представители *шестого* поколения (1971–1982 гг. р.) в детстве тоже наблюдали все это, но их гражданское сознание формировалось уже в годы перестройки и реформ Б. Ельцина. О войне они узнавали уже не от родителей, но от дедушек и бабушек, песни Галича и Окуджавы были для них менее «свои», чем Высоцкого, Гребенщикова и Цоя.

О последнем — *седьмом* поколении (1983–1994 гг. р.) еще рано говорить, но следует помнить: они — скорее дети эпохи В. Путина, чем Б. Ельцина.

Необходимо осознавать, что на важнейшие социальные и внутринаучные вызовы отвечает не поколение, заставшее их уже в зрелом, «утомленном» возрасте, и не родившееся в период их возникновения (им еще предстоит созреть граждански и профессионально), а представители наиболее активной, подготовленной на момент этого «звонка» возрастной когорты. Первые два поколения — «шестидесятники» — родились во второй половине 20-х — начале 30-х гг., но вступили в дело, почувствовав и прочувствовав признаки хрущёвской «оттепели». Это были тридцатилетние люди, имевшие и достаточно богатый жизненный опыт, и знания в области философии, истории, экономики. Третье поколение входило в социологию преимущественно в конце 60-х — начале 70-х гг. В то время крайне актуальным для развития советской социологической науки как средства обнаружения и описания социальных противоречий было освоение методов сбора и обработки эмпирической информации и повышение надежности измерений. Не случайно тогда в очень короткий временной интервал в Москве и Ленинграде, а также в других крупных городах Советского Союза в социологические подразделения пришла значительная группа молодых людей с математической подготовкой. Им предстояло заниматься вопросами выборки, шкалированием, созданием программ для простейшей обработки больших массивов данных, освоением правил интерпретации результатов математической обработки. Прошло четыре десятилетия, и сегодня часть этих задач воспринимается как рутина. Но это произошло и потому, что третье поколение справилось с поставленными перед ним задачами.

«Шестидесятники» положили начало послевоенной российской социологии, и они же в годы перестройки внесли важнейший вклад в поиск новых путей ее развития. Это ненормально, но это — отражение того, как развивалась наша социология. Однако в первых рядах тех, кому предстоит участвовать в разработке проблем современной глобальной социологии и «путинского периода», будут сегодняшние 30-летние (шестое поколение).

Выше отмечалась «открытость» поколенческих границ, сложность отнесения тех или иных ученых, особенно родившихся в пограничных временных зонах, к тому или иному поколению. Это — объективная характеристика любой строго операционализированной типологии. Однако необходимо оговорить и наличие субъективного момента — понимание человеком своего места в поколенческой стратификации современного российского социологического сообщества. Мне не раз приходилось встречаться с суждением социологов о своем «промежуточном», межпоколенном положении.

З. Т. Голенкова (1939 г. р.) начала свое биографическое интервью словами: «Раннее детство моего поколения пришлось на довольно суровые годы, годы войны». И далее: «Дети очень быстро выросли, послевоенное поколение или военное поколение очень быстро понимали, что надо самим зарабатывать и надо какую-то профессию иметь...» Таким образом, в системе поколений населения она четко нашла свое место. Затем ей был предложен вопрос относительно принадлежности к профессиональным поколениям. Ее ответ: «К “промежуточному”. Я не попала в старшее поколение, мне не хватило десяти лет. И к молодому не могу уже себя причислить в силу возрастных особенностей. Поэтому я как-то между поколениями оказалась» (И: Голенкова 2009: 158).

В одном из писем Т. З. Протасенко (1946 г. р.) написала, что верхняя граница возрастного интервала третьего поколения (1946 г.) проведена неверно. Родившиеся в 1945 и 1946 гг. относятся к послевоенной когорте и поэтому существенно отличаются от родившихся несколькими годами ранее. По ее представлению, важнее учитывать не годы рождения, а время окончания вуза²⁰.

В. В. Семёнова (1950 г. р.), рассказывая о себе, заметила: «Я не могу сказать, что я, как социолог, отношу себя к какому-либо из поколений. Скорее есть ощущение, что я попала в некий “зазор” между ними. С одной стороны, я всегда ощущала идейную, да и административную близость с 60-десятниками, хотя по возрасту была значительно младше. Они считали меня “своей”... С другой стороны, в постперестроечное поколение тоже не попала, поскольку по возрасту уже не попала в число тех, кто проходил через учебу и стажировки в западных университетах» (И: Семёнова 2010: 3).

Представляется, что здесь мы имеем примеры, с одной стороны, упрощенного подхода к построению лестницы поколений социологов, с другой — акцентирования *ad hoc* допущений в алгоритмах создания такой типологии. В ответе Голенковой неявно проявился бинарный подход к стратификации поколений: «старшие» и «младшие».

²⁰ Электронное письмо Т. З. Протасенко Б. З. Докторову от 30 апреля 2009 г.

Ознакомившись с предложенной мной поколенческой организацией социологического сообщества, она написала: «По поводу “поколения социологов”, наверное, ты прав. Возможно, это “третье поколение”». И далее: «Я согласна, что от “промежуточного” поколения можно отказать. Я рада быть с Вами!»²¹ Крайне ценно и ее объяснение, почему она относилась к «промежуточному» поколению: «Просто я значительно раньше представителей третьего поколения пришла в социологию. Я уже в 1966 г. после МГУ... начала работать в секторе “Новых форм труда и быта” (зав. Г. В. Осипов) в Институте философии АН СССР старшим лаборантом, а потом плавно перешла в ИКСИ АН СССР в 1968 г., и в этом же институте работаю до сих пор». Действительно, многие из этого поколения пришли в социологию позже, однако есть и пришедшие раньше или в то же время.

Ощущение своей принадлежности к профессиональному поколению — это сложное чувство, определяемое многими обстоятельствами. Трудно сказать, какое из них важнейшее, но начать можно с численности людей, образующих поколение. Тех, кто составлял активную часть первого и второго поколения, всегда было мало, и значительная их часть жила в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске и еще в некоторых городах; во второй половине 60-х гг. практически все активно работавшие социологи знали друг друга лично или по публикациям. Потому в этих странах чувство принадлежности к поколению наиболее развито. Затем численность когорт стала расти, география деятельности социологов расширялась и возникло ощущение себя как части некой географической общности и группы специалистов, участвующих в разработке тех или иных проблем социологии. По мере институционализации социологии возникали новые формы отношений: «начальник — подчиненный», «преподаватель — студент», «профессор — аспирант», т. е. разные формы связей «старший — младший». При этом внутр поколенческие связи явно ослабевали. Тем не менее представители третьего поколения в целом неплохо знают друг друга лично или по публикациям. О масштабах и характере этих связей в четвертом и последующих поколениях известно мало. Развитость «чувства поколения» зависит и от личностных особенностей социолога, в частности от того, насколько активно он публикуется, участвует в различных научных форумах, от его общительности.

В чем эвристическая сила и аналитическое удобство поколенческого подхода? Скорее всего, в том, что он позволяет рассматривать влияние эпохи, социального времени на группы социологов; становится понятнее, что прорывы в науке делаются единицами, а сама наука — по-

²¹ Электронное письмо З. Т. Голенковой Б. З. Докторову от 11 января 2010 г.

колениями. Наука и время обращают требования ко всем или, по крайней мере, ко многим, но их «улавливают» далеко не все, скорее — единицы. Если речь идет о серьезных проблемах, то общность ученых, фиксирующая их (чаще всего — в силу существования собственных устойчивых научных интересов и загруженности), старается уклониться от поиска ответов на них и возложить эту обязанность на своих учеников: младших коллег, аспирантов и студентов.

То обстоятельство, что за решение новых задач принимаются молодые специалисты примерно одного возраста, с одной стороны, создает предпосылки для формирования групп ученых, которые потом в течение многих лет будут исследовать эту проблему. С другой стороны, именно это обстоятельство создает условия для возникновения внутригрупповых и внутрипоколенческих лидеров. Таким образом, отдельные ученые «обгоняют» свое профессиональное поколение. Но бывает и иначе: к решению новой проблемы подключаются — случайно или специально — люди, уже какое-то время поработавшие в ином направлении науки или вообще пришедшие из другой науки. Тогда они как бы «отстают» от своего поколения. Все это обнаруживается при анализе не модельного (лестница поколений), но реального строения поколений.

В книге предпринята попытка проанализировать становление и деятельность лишь *первых четырех поколений*. Но методология исследования, описания этих поколений может быть использована и при изучении следующих «волн» специалистов. Самые старшие из представителей пятого поколения отметили в январе нового века и тысячелетия свой полувековой юбилей, седьмое поколение еще только формируется. Некоторые из тех, кто родился в последние два предперестроечных года, уже имеют дипломы, где обозначена профессия «социолог», а кто-то стоит на пороге защиты кандидатской диссертации. Но среди тех, кто в ближайшее десятилетие вольется в это поколение, многие еще вообще не сделали своего профессионального выбора. Замечу, что каждое новое поколение вписывается в уже существующую схему поколений и принимает имеющуюся в ней систему профессиональной коммуникации и этики. Молодые в основном следуют стандартам своих учителей, наставников, университетских преподавателей, учатся по их книгам, участвуют в руководимых ими семинарах. При этом зачастую асимметрия отношений «учитель — ученик», «профессор — студент» сохраняется на всю жизнь, даже при наличии небольшой возрастной разницы между людьми.

Фокусирование внимания на первых четырех поколениях объясняется не только недостаточностью, скудостью информации для описания жизненных путей представителей более поздних когорт. Дело еще и в том, что профессиональные траектории молодых социологов складывались в послеперестроечное время, когда многое из того, что

принципиальным образом детерминировало сознание и поведение социологов предыдущих поколений (прежде всего, давление идеологии, цензура, ограничения на контакты с представителями западной социологии), стремительно исчезало. Все социологи первых трех поколений и преобладающая часть образующих четвертый «слой» сначала были советскими социологами, а затем стали российскими. Все последующие поколения — «чисто» российские; для старших из них советская действительность существует в воспоминаниях детства и ранней юности, младшие же вообще никогда не имели собственного опыта контактов с ней.

Матрица биографий

Все изложенное о структуре социологических поколений и о возникающих в ряде случаев сложностях с отнесением тех или иных социологов к конкретным поколенческим образованиям, а также некоторые другие обстоятельства уже на ранних стадиях анализа собранного массива биографий привели меня к мысли о необходимости разработать метод «сжатия» и упорядочения накопленной информации. Без этого было невозможно решение главных исследовательских задач — описание жизненных и профессиональных траекторий российских социологов и формулировка общих историко-наукovedческих заключений. Если принять во внимание тот факт, что почти каждое из проведенных по электронной почте интервью составляет около двух авторских листов, то становится понятным, что в совокупности это весьма значительный по объему и сложный по составу информационный массив. Сложность обуславливается как природой (тематикой) биографического дискурса, так и нестандартизованностью интервью.

Прежде чем продолжить изложение, обозначу общие параметры анализируемого ниже массива биографий. В первую очередь отмечу его неоднородность, что типично для любого рода исторических исследований. В общем случае представляется оправданным говорить о двух частях изучаемого материала: это, во-первых, *основной массив*, а во-вторых, — *дополнительный*. Основной массив является главным объектом исследования. Тем не менее необходимость расширения основной базы данных, усиления доказательной и иллюстративной составляющих проводимого историко-биографического анализа, а также стремление к более полному показу коммуникационных сетей, действовавших/действующих внутри советского/российского социологического сообщества, обуславливают обращение к дополнительному материалу.

Основной массив — это совокупность биографий социологов, имена которых приведены в табл. 3. Это 51 социолог, представляющие четыре поколения ученых: девять социологов первого поколения, 10 —

второго, 19 — третьего и 13 — четвертого. В приведенной «арифметике» нет никакой устремленности к репрезентации поколенческой структуры нашего профессионального сообщества; была лишь установка на формирование достаточно «объемных» групп для поиска того, что их роднит, а что — разделяет.

Этот массив биографий назван *основным*, поскольку он был сформирован в ходе работы над данным проектом. С большинством социологов этого массива (43 респондента) биографические интервью по электронной почте были осуществлены мной, одно личное интервью с А. В. Барановым было проведено Марией Алесиной, однако мной задавалось общее направление их беседы. В этот набор включена и информация, сообщаемая мной как респондентом. При освещении жизни и деятельности И. С. Кона активно использовались его автобиографическая книга «80 лет одиночества» и материалы нашей электронной переписки. Наконец, есть группа из пяти социологов, с которыми я не успел или не мог провести интервью: Г. С. Батыгин, Б. А. Грушин, В. Б. Голофаст, Я. С. Капелюш и Ю. А. Левада, но этих ученых я лично знал и их жизненные пути мной целенаправленно анализировались. Кроме того, я привел некоторые фрагменты из интервью, проведенных со мной.

Таблица 3

**Перечень социологов, биографии которых составляют
основной массив исследования (51 человек)**

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Ученая степень	Место жительства
Поколение 1			
Грушин Борис Андреевич	1929–2007	д. ф. н.	Москва, Россия
Заславская Татьяна Ивановна	1927	д. э. н.	То же
Здравомыслов Андрей Григорьевич	1928–2009	д. ф. н.	“
Кон Игорь Семенович	1928–2011	“	“
Лапин Николай Иванович	1931	“	“
Левада Юрий Александрович	1930–2006	“	“
Шляпентох Владимир Эммануилович	1926	д. э. н.	East Lansing, штат Мичиган, США
Ядов Владимир Александрович	1928	д. ф. н.	Москва, Россия
Ельмеев Василий Яковлевич	1928–2010	д. ф. н., д. э. н.	С.-Петербург, Россия

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Ученая степень	Место жительства
Поколение 2			
Алексеев Андрей Николаевич	1934	к. ф. н.	С.-Петербург, Россия
Артемов Виктор Андреевич	1938	д. ф. н.	Новосибирск, Россия
Баранов Альберт Васильевич	1930	к. ф. н.	С.-Петербург, Россия
Гилинский Яков Ильич	1934	д. ю. н.	То же
Максимов Борис Иванович	1934	к. ф. н.	“
Русалинова Алла Александровна	1931	б/с	“
Столович Леонид Наумович	1929	д. ф. н.	Тарту, Эстония
Тощенко Жан Терентьевич	1935	“	Москва, Россия
Тукумцев Будимир Гвидонович	1927	к. ф. н.	С. -Петербург, Россия
Фирсов Борис Максимович	1929	д. ф. н.	То же
Поколение 3			
Беляев Эдуард Викторович	1936	к. ф. н.	Нью-Йорк, США
Божков Олег Борисович	1941	б/с	С. -Петербург, Россия
Воронков Виктор Михайлович	1945	“	То же
Голофаст Валерий Борисович	1941–2004	к. ф. н.	“
Гофман Александр Бенционович	1945	д. с. н.	Москва, Россия
Докторов Борис Зусманович	1941	д. ф. н.	Foster City, Калифор- ния, США
Ионин Леонид Григорьевич	1945	“	Москва, Россия
Капелюш Яков Самуилович	1937–1990	к. ф. н.	То же
Кесельман Леонид Евсеевич	1944	б/с	С.-Петербург, Россия
Константиновский Давид Львович	1937	д. с. н.	Москва, Россия
Могилевский Роман Семенович	1938	к. ф. н.	С.-Петербург, Россия

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Ученая степень	Место жительства
Панова Людмила Васильевна	1938	к. э. н.	С.-Петербург, Россия
Петренко Елена Серафимовна	1940	к. ф. н.	Москва, Россия
Протасенко Татьяна Захаровна	1946	б/с	С.-Петербург, Россия
Саганенко Галина Иосифовна	1941	д. с. н.	То же
Смирнова Елена Эмильевна	1941	д. ф. н.	“
Толстова Юлиана Николаевна	1942	д. с. н.	Москва, Россия
Травин Виктор Иванович	1936	к. ф. н.	С.-Петербург, Россия
Шереги Франц Эдмундович	1944	“	Москва, Россия
Поколение 4			
Батыгин Геннадий Семенович	1951–2003	д. ф. н.	Москва, Россия
Бачинин Владислав Аркадьевич	1949	д. с. н.	С.-Петербург, Россия
Беспалова Юлия Михайловна	1955	“	Тюмень, Россия
Давыдов Андрей Александрович	1954	“	Москва, Россия
Здравомыслова Елена Андреевна	1953	к. с. н.	С.-Петербург, Россия
Илле Михаил Евгеньевич	1952	б/с	То же
Ильин Владимир Иванович	1950.	д. с. н.	“
Козлова Лариса Алексеевна	1956	к. ф. н.	Москва, Россия
Мягков Александр Юрьевич	1954	д. с. н.	Иваново, Россия
Семенова Виктория Владимировна	1950	“	Москва, Россия
Тарусин Михаил Аскольдович	1958	б/с	То же
Чирикова Алла Евгеньевна	1951	д. с. н.	“
Ядов Николай Владимирович	1957	к. п. н.	С.-Петербург, Россия

Годы рождения этих ученых приходятся на три десятилетия: от 1926 до 1958 г. На конец 2010 г. возрастное распределение респондентов было следующим: 15 человек — 75 лет и старше, 20 человек — от 61 до 74 лет и 9 человек — от 52 до 60 лет; 8 социологов, биографии которых рассматриваются, умерли в период с 1990 по 2010 г. Среди моих собеседников было 12 женщин и 39 мужчин.

29 человек из основного биографического массива имеют степени доктора наук, среди них один академик РАН — Т. И. Заславская — и два члена-корреспондента РАН — Н. И. Лапин и Ж. Т. Тощенко; 15 человек являются кандидатами наук; семеро не имеют научных степеней.

21 человек из представленных в табл. 3 — москвичи, 23 — петербуржцы, по одному человеку из Иваново, Новосибирска и Тюмени. Наконец, трое, бывшие советские социологи, к моменту интервью уже достаточно долго жили в США и один — в Эстонии. Вместе с тем отмечу, что в рассказах респондентов о прожитом отражен не только опыт их работы в городах, в которых они жили в момент опроса, — здесь дана более широкая география становления и развития советской социологии. Так, Заславская, Константиновский и Шляпентох много лет работали в Новосибирском академгородке, Тощенко — в Красноярске, Тукумцев — в Самаре. Прежде чем уехать в Москву, Кон, Здравомыслов и Ядов многие годы проработали в Ленинграде и создали ленинградскую социологическую школу. Травин родился, получил образование и начал работать как социолог в Москве и позже переехал в Ленинград.

Говоря об истории становления современной отечественной социологии, нельзя не упомянуть о многообразии процессов, протекавших при зарождении этой науки. Полнота исторического анализа предусматривает изучение жизни и творчества ученых, отстаивавших разные точки зрения на логику и предмет социологии. В связи с этим особо хочу выделить В. Я. Ельмеева²². Он родился и формировался как личность и ученый в тот же период, когда происходила социализация социологов двух старших поколений. Вместе с тем в доперестроечные годы Ельмеев был активным критиком той модели социологии, которую, при всем многообразии их подходов, создавали — прежде всего — социологи первых двух поколений. И в постперестроечное время он продолжал считать, что единственно верной является социология, построенная на принципах марксизма. Тем не менее в оценке деятельности Ельмеева для меня крайне значимыми являются слова, сказанные о нем Ядовым: «В плюсах — минусах оценки его роли в нашей питерской социологии плюсы, я считаю, преобладают. Я глубоко уважаю его преданность своим взглядам, хотя решительно их не разделяю. Он, опре-

²² Подробнее о В. Я. Ельмееве см. гл. 6.

деленно, личность, действует по убеждению, не марионетка» (И: Ядов 2005б: 7).

Дополнительный массив имеет два «пласта». Первый пласт — это в основном автобиографические интервью, вошедшие в подготовленную Г. С. Батыгиным книгу по истории российской социологии (Российская социология шестидесятых 1999), и ряд бесед, публиковавшихся в социологических журналах в последнее десятилетие. Второй пласт включает рассказы социологов, которых я интервьюировал, о своих коллегам и наставниках. Вспомогательный массив включает в себя свыше 40 биографий.

Таким образом, в целом в книге описаны и проанализированы с разной степенью подробности пути в социологию и исследовательская деятельность около сотни ученых.

Весь собранный биографический материал можно мысленно представить в виде матрицы, каждый столбец которой — это информация об одном социологе. Строки матрицы — это ниши, ячейки, обобщенные координаты семантического пространства, образованного содержанием, тематикой всех биографических интервью. В силу качественной неоднородности и многомерности этого пространства оно не может быть упорядочено по одному критерию, хотя здесь видны два главных предметных подпространства. Одно из них содержит характеристики биографий социологов; в него включены описания траекторий жизни: информация о ранней, первичной социализации, вхождении в социологию, собственной карьере. Другое хранит в себе мнения, рассуждения опрошенных о развитии и становлении советской/российской социологии, о событиях прошлого — настоящего, о людях, с которыми они работали.

Условно первое подпространство может быть названо «собственно биографическим», или просто «биографическим». Его анализ позволяет увидеть индивидуальные и коллективные (поколенческие) жизненные пути социологов, соединить собственно биографическое с макросредовым: политическими, идеологическими, социокультурными характеристиками времени. Второе подпространство — «историко-социологическое». Историко-институциональные исследования, в которых социолог рассматривается прежде всего и преимущественно как профессионал, как носитель и творец тех или иных теоретических конструкций, а часто — как функционер, по сути проводятся внутри этого подпространства. В то же время работа аналитика исключительно в «биографическом» подпространстве на выходе оказывается лишь серией жизнеописаний социологов, коллекцией портретов, но не показывает процесса развития науки. Сформулированные выше два исследовательских направления — история в биографиях и биографии в истории — реализуются в процессе перемещения между обозначенными семантическими подпространствами.

Свыше трех десятилетий назад, в 1976 г., И. А. Голосенко выделил три главных типа интерпретации истории социологической мысли; в определенном смысле его прием может быть использован и для обозначения различных подходов к истории социологии. Первый тип интерпретации был назван «биографическим», второй — «социологическая мысль как система». Третий не получил своего названия, однако он был охарактеризован как тип, в котором «социологические идеи анализируются не только в логическом контексте, но и в культурном, социальном, т. е. в более широкой системе отношений и связей» (Голосенко 1976: 169). Рассматриваемые типы исторических поисков с рядом оговорок представляют собой не что иное, как исследования в «биографическом» подпространстве (первый тип), в «историко-социологическом» (второй тип) и как подчиненное общей идее исследование в обоих подпространствах (третий тип). По мнению Голосенко, именно этот тип интерпретации истории наиболее важен и плодотворен.

Изучение и изложение истории становления современной американской опросной технологии шло по «столбцам», т. е. через рассмотрение творчества создателей этой технологии (Докторов 2008а). Движение, как правило, начиналось из биографической части семантического пространства и потом продолжалось сложным петлеобразным способом. Отчасти такой маршрут был производной от избранной методологии биографического анализа, но уточнялся он практикой исторического поиска. К примеру, иногда, через какое-то время, когда материалы о жизни и деятельности того или иного человека были проанализированы и описаны, обнаруживалось, что ранее не известный мне человек встречался с моим героем и оставил о нем ценные воспоминания. Этот новый сюжет мог не иметь четкой временной прописки, но значимо характеризовал как говорящего, так и того, о ком он говорил. Найти на уже созданном портрете место для новой краски иногда бывало очень сложно, но я стремился сделать это, поскольку дополнительная информация добавляла новые штрихи к сделанному ранее.

Второе важное условие применения «постолбцового» методологии в историко-биографическом исследовании — это непрерывность прошлого/настоящего, которая предопределяет возможность проследить динамику развития науки и профессиональной коммуникации на длительном отрезке времени. При этом имеется в виду, что непрерывность развития науки, особенно социальной, возможна лишь в эволюционно меняющемся обществе, в котором не происходит резкого изменения основополагающих социальных институтов.

Оба этих условия для использования «в чистом виде» «постолбцового» биографического анализа не выполняются при исследовании прошлого/настоящего советской/российской социологии. Конечно, можно говорить о ключевых фигурах постхрущёвской социологии, но

их, очевидно, больше, чем одна-две. Соответственно, выбор респондентов для проведения биографического интервью был принципиально иным, чем при изучении американской истории опросных методов. И последнее. Можно утверждать, что процесс развития социологии в России — принципиально прерывистый. Есть, по крайней мере, три точки разрыва: революция 1917 г., конец 1920-х — начало 1930-х гг., когда социологические исследования в СССР были прекращены, и вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг., включившая в себя перестройку, распад СССР и возникновение новой, постсоветской России.

Все сказанное объясняет, почему в настоящей книге предпринимается попытка описания истории советской/российской социологии с опорой на «построчный анализ» информации, заложенной в биографиях-столбцах. Работа становится *не серией биографических очерков*, а сюжетным, динамически организованным изложением истории социологии, какой она предстает в биографиях и воспоминаниях исследователей. Логика такого анализа обусловлена целями исследования и учитывает содержание проведенных интервью.

Методология стратификации «биографического подпространства» определяется особенностями интерпретации собранной информации. Биографические данные никогда не «отрываются» от индивида, сообщившего их, они всегда представлены как «именные». Однако весь материал рассматривается прежде всего как отражающий жизнь поколения, к которому принадлежит респондент, и профессионального сообщества в целом. Именно такой прием позволяет реализовать обозначенное исследовательское направление «биографии в истории». Аналогичным образом многое из сообщенного конкретным человеком о тех или иных явлениях, отражавшихся в его деятельности, трактуется как элементы среды, в которой формировался и действовал не только он, но в которой пребывало большинство представителей его профессионально-возрастной когорты. Легко понять, что использование описанного интерпретационного правила открывает путь для синтеза индивидуального, поколенческого и межпоколенческого, а также объективного (характеристик среды) и субъективного (отношения к среде).

Структура «биографического подпространства» включает пять блоков информации, обозначаемых как «память о родителях и детстве», «выбор жизненного пути», «вхождение в профессию», «годы застоя» и «перестройка в судьбах социологов». Если принять во внимание, что старшие из современных советских/российских социологов родились в конце 1920-х гг., то наблюдаемый период охватывает восемь десятилетий, так что история отечественной социологии, опирающаяся на беседы с ее создателями, вписывается в широкий социокультурный контекст развития страны. Первые два блока — собственно биографичны, особенно если иметь в виду годы детства и юности

представителей первых трех поколений. Поле массовой информации, в котором они существовали, их школьные программы, разговоры с родителями и друзьями фактически были свободны от слова «социология» и производных от него. И никто не мог говорить с ними о социологии как о профессии. Четвертое поколение оказалось уже в несколько иной ситуации: родившиеся в начале 1950-х гг., в 15–16 лет они в принципе уже могли слышать о социологии и социологах, особенно если это были дети первых социологов и друзья детей.

Другие информационные блоки являются одновременно биографическими и историко-социологическими. Анализ этой информации позволяет переходить от биографического к общеисторическому и связывать явления макрофона с траекториями жизни конкретных социологов. Эти информационные блоки, в свою очередь, определяют содержание второй и третьей частей книги.

Исследование начинается с краткого рассмотрения семей социологов четырех поколений, это сугубо личностная информация, но в ней отражена большая история страны. Хотя началу работы над книгой предшествовал предварительный теоретический анализ поколенческой тематики и просмотр собранной эмпирической информации, оставались серьезные сомнения относительно того, что изучение прошлого семей будущих социологов и их детства, т. е. обращение к их предбиографиям и самому началу биографий, — это обоснованный и необходимый старт для нашего историко-наукovedческого проекта. Могло, например, случиться так, что этот этап жизненной траектории людей отстоял далеко от их движения в социологию, т. е. не детерминировал их дальнейший профессиональный путь. Однако, как и предполагалось, этого не произошло. Среда, в которой формировались первые поколения социологов, не могла напрямую подталкивать их к социологии, но явно подводила многих к обществоведению; более того, она формировала их ценностный мир, позже повлиявший на их профессиональную деятельность. Итоги рассмотрения этой темы позволили гуманизировать изучение прошлого нашей науки, приоткрыть мир, из которого пришли создатели социологии и их младшие коллеги. Кроме того, оказалось возможным сформулировать новое направление в поколенческо-биографических исследованиях — генеалогию профессиональных групп.

Затем изучаются фрагменты жизни респондентов, предшествовавшие началу их работы в социологии: это годы формирования личности, ценностных ориентаций, интересов, которые — часто это хорошо видно — привели их в социологию. Конечно, центральное место здесь отводится воспоминаниям о школе и учителях, читательским пристрастиям. Еще один фокус анализа — события, обстоятельства, которые привели людей в социологию; для многих это произошло «абсолютно» случайно, но для значительной части респондентов стало осознан-

ным выбором. В жизни значительной части социологов, особенно двух первых поколений, заметную роль сыграло активное участие в общественной жизни. Собранный биографический материал выявил необходимость анализа включенности респондентов в те сферы жизни советского социума, в которых шел поиск менее идеологизированных форм культуры и поведения. Здесь же рассматривается отношение будущих социологов к двум событиям, во многом определившим нашу историю и менталитет значительной части россиян: Отечественная война и смерть Сталина.

Центральной темой следующих глав и, можно сказать, книги в целом является процесс формирования обозначенных четырех поколений советских/российских социологов. Исходно я видел в этом некий алгоритм сжатия, упорядочения собранной биографической информации; скорее всего, это объяснялось поверхностным пониманием логики и содержания профессиональных жизнеописаний. Не было осознания того, что для большинства моих собеседников социология является не просто совокупностью теорий и методов, которые они изучают, используют и развивают, не просто социальным институтом, задающим правила и нормы их труда, не просто сферой их профессиональной коммуникации, но существенно большим. Социология как наука, как социальный институт и как среда коммуникации для подавляющей части опрошенных — это главная, а для многих и единственная ниша пространства их жизнедеятельности, область концентрации их интересов, творчества, жизненных планов, радости и огорчений. Воспоминания каждого — это описание и анализ его вхождения в социологию и существования в ней. Но одновременно это и рассказ о людях, точнее — коллегах, которых он встретил и рядом с которыми прошла его жизнь. Так, переходя от одной биографии к другой, сопоставляя картины прошлого, «изображенные» разными очевидцами происходившего, я в итоге получил несоизмеримо больше, чем просто множество жизненных путей российских социологов разных профессиональных когорт: понимание и анализ виденного, пережитого индивидом, а также проявление поколенческого и межпоколенческого отношения к становлению и развитию социологии. Все вместе — это история людей, делавших науку, без воспоминаний которых нет и самой истории нашей науки.

Часть II

БИОГРАФИИ В ИСТОРИИ

Глава 5

Начало биографий

Проведенные мной интервью с представителями первых четырех поколений современной российской социологии содержат богатейшую информацию о родительских семьях моих респондентов, но я приведу здесь лишь общие выводы осуществленного анализа этих разделов их биографий. Более обстоятельно рассматриваются начальные этапы жизни моих собеседников. В целом полученный материал мог бы стать основой не одного романа о жизни советских людей.

О предбиографии и начале биографии

Биография человека начинается с его рождения, но ей предшествует *предбиография*, т. е. долгий процесс формирования семьи, в которой он родился и воспитывался.

Собранные данные показывают, что предбиографический мир первых поколений советских социологов — очень богатый и включает в себя множество социально-структурных и социокультурных образований, характерных для дореволюционной России и для всех периодов существования СССР. Генеалогические линии выходят из двух столиц, из крупных, средних и малых городов, из русских деревень и еврейских местечек; из Западной, Центральной, Южной, Северо-Западной, Уральской частей страны и из Дальнего Востока. Есть среди социологов «посланцы» семей, корни которых уходят в 16–17 вв., а есть — с небогатым прошлым. Среди предков социологов — представители большого числа сословий дореволюционного российского общества (дворяне, мещане, купцы и мастера, учителя, врачи, крестьяне, священники, военные, казачество) и всех социальных страт советского общества. Люди с прекрасным образованием, в том числе полученным в лучших европейских университетах, и малограмотные, и совсем неграмотные. Многие участвовали в войнах:

еще в царское время, в Гражданской войне — и на стороне «красных», и на стороне «белых», во Второй мировой. Практически по всем семьям прокатились волны послереволюционных репрессий.

Мне не известны работы по *генеалогии профессиональных групп*, хотя допускаю, что нечто подобное могло быть сделано применительно к музыкантам, священникам, военным, т. е. представителям профессий, для которых характерна преемственность. Поэтому невозможно было воспользоваться методологией такого типа исторических поисков, а также сопоставить полученные результаты с генеалогией других профессиональных образований. Изучение состава родительских семей современных российских социологов стало развитием, утилизацией концепции толстого настоящего и было порождено повышенным вниманием к предбиографиям. Это — теоретические предпосылки, но есть — общесоциальные, макрофоновые. Такое исследование стало возможным только в начале наступившего века и лишь благодаря изменениям в отношении к прошлому, произошедшим в последние десятилетия XX в. в стране и в сознании россиян.

В интервью, особенно в первых из них, я не просил моих собеседников вспоминать далекое прошлое их семей, спрашивал лишь о родителях. Так что появление таких рассказов — отчасти спонтанное. Просто наступившее время способствует воспоминаниям, да и возраст многих моих собеседников располагал к тому, чтобы поговорить о своих корнях; так и писали — останется детям, внукам. Даже 15–20 лет назад мало кто из россиян в рассказах о своих предках решался говорить об их службе при царском дворе, о белых офицерах, казачьих атаманах, дедах-немцах, бабках-польках, евреях-домовладельцах, репрессированных «врагах народов». Существовало несколько эталонных биографий советских людей, и все отличное от этого государством заданного «стандарта» на семейное прошлое явно не приветствовалось. Лучше было иметь неграмотных родителей или вообще быть сиротой, чем деда — профессора Императорского университета или дядю-наркома.

Своеобразным показателем валидности полученной биографической информации является то, что среди родителей первых трех поколений российских социологов часто указывались крестьяне; среди этих социологов было много таких, кто первыми в роду получили высшее образование. Родители старших по возрасту социологов родились на рубеже XIX–XX вв., т. е. еще в дореволюционной — преимущественно сельской — России. Представители четвертого поколения в основном оказываются выходцами из семей, в которых родители (а достаточно часто и родители родителей) являются обладателями высшего образования и нередко — ученых степеней.

Проведенный генеалогический анализ трактуется как *культурологический* поиск, направленный на понимание особенностей макросреды,

в которой формировались первые поколения современного социологического сообщества. Может ли собранный материал стать объектом «жесткого» социолого-научоведческого исследования, нацеленного на поиск влияния истории семьи на выбор человеком профессии «социолог» и на характер его профессиональной деятельности?

Вообще говоря, импульсом к проведению подобного анализа стали сами интервью. Так, А. Г. Здравомыслов завершил рассказ о своей семье словами: «Какое отношение это имеет к социологии? Моя гипотеза состоит в том, что с детства я жил в социально неоднородной среде и, возможно, это обстоятельство пробудило интерес и внимание к самым разным людям» (**И:** Здравомыслов 2006б: 154). Ю. А. Левада вспоминал: «Интерес к философии — наивный интерес, просто из домашней библиотеки. У нас были тома истории философии; первый я прочел в девятом классе, но на Аристотеле запутался — не сумел разобраться в его категориях. Однако было представление, что в МГУ чему-то научат» (**И:** Левада 1999: 82). Социолог-криминолог Я. И. Гишинский еще в школе начал читать Канта, Спинозу, древнегреческих философов, некоторые книги по истории философии. Он, в частности, писал: «У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков “Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)”». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?» (**И:** Гишинский 2005: 4). Когда А. В. Русалинова заканчивала школу, ее отец, в 20-х гг. работавший под началом В. М. Бехтерева, дал ей прочитать книгу своего друга Б. Г. Ананьева «Очерки психологи», и эта наука заинтересовала ее.

Тем не менее в силу ряда обстоятельств я смотрю без особого оптимизма на возможность обнаружения прямых, жестких корреляций между характерными чертами «поля» данной, конкретной семьи и будущей работой человека в социологии. Прежде всего, потому, что практически все социологи первых четырех поколений начинали свою деятельность, когда в стране не существовало социологического образования и не было проблемы выбора этой профессии. Многие пришли в социологию, имея базовое образование в областях, далеких от обществоведения; многих привел случай, внешние обстоятельства. Еще одна причина — методическая; эта задача не формулировалась в начале исследования, и поэтому информация о семьях не обладает должной полнотой, а иногда и полностью отсутствует.

Скорее речь должна идти о *выявлении влияния* интеллектуального и нравственного полей семьи и ближайшего окружения, прежде всего школы, на стремление к получению высшего образования, на формирование предрасположенности к восприятию социальной проблематики, на зарождение в человеке мечты о совершенствовании окружающего мира. Важны также семейные традиции отношения к труду и другие

характерные для мира, окружавшего человека в процессе ранней социализации, элементы трудовой этики. В частности, установка на достижение жизненных целей, поддержка самостоятельности и творчества. Другими словами, характеристики, типы, особенности родительских семей определяли состав почвы, на которой в условиях хрущёвской «оттепели» произросли первые послевоенные российские социологи.

Предбиография обрывается в момент рождения, и сразу начинается собственно биография. Если бы центром книги были судьбы одного-двух социологов, можно и нужно было бы обратиться к их детству, к поискам ранних истоков творчества. Но в этом исследовании фокус внимания направлен на социологические поколения, и это определяет специфику сбора и анализа информации. Вообще говоря, трудно однозначно определить, где завершается «начало» биографии, но в нашей ситуации подобное решение все же может быть принято: окончание института, т. е. приобретение человеком специальности. На этом пути есть два основных этапа: получение общего среднего образования и затем — высшего. Кроме того, в этот временной отрезок могут входить работа и служба в армии.

Начало биографии включает в себя многое, но мне показалось важным остановиться на четырех составляющих этого периода жизни человека.

Прежде всего, — *школа*, или, точнее, получение общего среднего образования. В одних биографиях этот процесс занял 7–8 лет, в других — 10–11, однако случалось и более. В старших поколениях этот период пришелся на годы войны, в младших — на те или иные этапы застоя.

Наиболее сложно было определить подход к анализу и описанию периода получения социологами четырех первых поколений *высшего образования*, и проблематичность этого коренится в особенностях времени, когда каждое из них училось в вузах, и в специфике развития социологии в СССР. Кроме того, необходимо было учитывать, что значительное число социологов второго и третьего поколения по базовому образованию были далеки от обществоведения и человекознания.

Третья составляющая начала биографии — *политико-идеологические установки*, с которыми входили в жизнь четыре профессиональные когорты, и *формы деятельности*, которые они демонстрировали. Не коснуться этой темы нельзя, ибо разговор идет о социологах, исследователях общества. Но осветить ее весьма непросто, ибо сам феномен политико-идеологического сознания и поведения сложен, многомерен, а при его изучении мы входим в интимные области прошлого человека. Не все модели поведения, казавшиеся четыре-пять десятилетий назад естественными, нормальными, общественно поощряемыми, смотрятся таковыми в начале XXI в. По ходу изложения к этой теме придется возвращаться не раз, но применительно к «началу био-

графии» остановимся на двух ее аспектах: *восприятие смерти Сталина* и *комсомольская активность*.

В определенном смысле и следующая, четвертая составляющая жизни в студенческие годы — *включенность в неформальную культуру общества*, или, по словам Б. М. Фирсова, в пространство разномыслия в СССР, — является частью, слоем политико-идеологической жизни общества и человека. Но эту составляющую целесообразно рассматривать отдельно. Ибо, во-первых, она — элемент не только политики и идеологии, но и многих типов культуры. Во-вторых, неформальная культура часто противопоставляла себя государственной идеологии и была направлена на изменение, значительно реже — на разрушение существовавшей политики.

Воспоминания социологов четырех первых поколений о годах обучения приводятся ниже, но я полагаю, что начать этот раздел, необходимо с цитирования фрагментов воспоминаний моих респондентов о войне. У одних она пришлась на школьные годы, у других — на дошкольные, третьи совсем еще маленькими переживали с родителями тяжелое послевоенное время; наконец, представители четвертого поколения подключились к событиям войны уже через воспоминания старших. Многих — особенно последних — я не спрашивал напрямую о войне, но она так или иначе присутствует во всех интервью.

Память о ней — общая и одновременно у каждого — своя

Т. И. Заславская значительную часть своих мемуаров (Заславская 2007) посвятила описанию ее жизни в годы войны, вместивших долгую и драматическую поездку из Киева в Узбекистан с родственниками, шок от сообщения о гибели матери в Москве при первой бомбардировке города, борьбу за выживание в Ташкенте, нищенскую жизнь по возвращении в Москву в 1942 г., завершение школы и начало обучения в МГУ. В нашей беседе она сформулировала то главное, что в самом общем виде оставила в ней война.

...Затем — война, когда формировались патриотические идеалы. И вот, скорее всего во время войны, я стала относить к своим важнейшим ценностям, даже сверхценностям, каких у меня не больше пяти и которые определяют всю жизнь, такую странную и необычную ценность, которую я называю — Россия. Россия как ценность — она многогранна, одно из ее проявлений — то, что я не представляю своей жизни вне России (И: Заславская 2007б: 139).

Б. М. Фирсов, вспоминая 900 дней блокады Ленинграда, сказал, что он вышел из того времени «с громадным запасом жизненного оп-

тимизма и желанием стать полезным обществу человеком» (И: Фирсов 2005: 2). В. Э. Шляпентох на всю жизнь сохранил то отношение к войне и победе, которые сложились в его сознании шесть десятилетий назад: «Я войну очень хорошо помню. И тогда, и сейчас я считаю, что это была действительно народная война против нацистской Германии. Никакие новые материалы не изменили моего отношения к войне, которое сложилось у меня тогда, когда я воспринимал каждый салют в честь освобождения города как мою личную удачу» (И: Шляпентох 2006: 2).

А. Г. Здравомыслов указывает на связь между пережитыми военными годами и выбором профессии социолога.

Думаю, дело вот в чем. Трудно представить себе что-нибудь более ужасное, чем блокада Ленинграда, голод, смерть окружающих, которые видишь в детстве. С этим может сравниться только Холокост, о котором я написал в своей книге «Немцы о русских». Что я вынес из блокады? Я остался без отца и без брата, потерял массу родственников и друзей детства, сохранил на всю жизнь воспоминание о свисте бомбы, летящей на наше жилище. И все это влияло на формирование сознания (И: Здравомыслов 2006а: 8).

В. И. Ильин — четвертое поколение социологов — воспринял войну через награды отца, они вызвали в нем сильные чувства; много позже осмысление поведения отца-фронтовика формировало в нем отношение к войне как к трагедии.

У отца за плечами была война от звонка до звонка и далее: с 1939 по 1947 г. Его ордена были для меня источником вдохновения, хотя он почти ничего не рассказывал о войне. Я тогда не мог этого понять. И только гораздо позже до меня дошло: война — это не то, что показывают в кино, это не романтические истории, которые свято хранят и лелеют в памяти. Это то, что нормальные люди стремятся забыть как страшный сон, ибо война — это извращение цивилизации (И: Ильин 2010: 134).

Война пришлась на раннюю юность и детство одних социологов и стала частью предбиографии других, но это событие для всех имеет одну и ту же временную прописку — первая половина 1940-х гг. Все остальное, что происходит в жизни человека в период взросления и приобретения профессии, имеет свою особую локализацию, определенную собственно поколенческим временем.

Война не отпускает...

Отношение к войне — это одно из немногих, возможно — единственное событие в истории СССР/России, объединяющее большинство россиян всех возрастов. Приведенные выше фрагменты интервью

фиксируют то общее, что переживают социологи разных поколений при воспоминаниях или просто при размышлениях о войне. Я планировал побеседовать с социологами — участниками войны, но не получилось. С. А. Кугель недавно опубликовал воспоминания о своей жизни, и ему не хотелось многое писать заново (Кугель 2005). В. Н. Шубкин в это время тяжело заболел, что сделало невозможным проведение с ним электронного интервью. В общем плане их отношение к войне очевидно, но все же какие-то события в их военном прошлом могли бы быть интересны многим.

Читая воспоминания социологов, не участвовавших в войне, но столкнувшихся с ее проявлениями, следует помнить, что они написаны более чем через полвека после ее окончания и первых послевоенных лет. Также не следует забывать, что все события той поры воспринимались детьми, а вспоминались уже «очень» взрослыми людьми. Хотя те впечатления были бесконечно яркими, сильными, и они остались в памяти этих людей навсегда.

Приведу сначала воспоминания трех блокадников: Б. М. Фирсов и В. А. Ядов — ровесники, они встретили войну школьниками; Э. В. Беляеву в 1941 г. было пять лет.

Биографический сюжет № 1. Б. М. Фирсов

...Важно сказать о том, почему мы не были эвакуированы. Причина всему — позиция мамы. Она сказала: «Умирать будем вместе. Сына, школьника 12 лет, не отдам, а мать-старуху в неизвестность не отпущу». <...> Принято думать, что главной бедой был голод. Но, на самом деле, едва ли не равноценных с ним угроз для жизни было больше. И каждую нужно было отвести, преодолеть. Блокада — это вынужденное, принудительное изобретение и освоение способов борьбы за жизнь — собственную и близких людей. <...> Дети-школьники особым распоряжением властей летом 1942 г. были направлены на сельскохозяйственные работы в пригородные совхозы. Причин было несколько. Надо было «вырвать» детей из неподвижного и тяжелого блокадного квартирного быта; переместить их в среду сверстников, от чего все дети отвыкли; настроить на другой образ жизни, приучить к мысли, что снова предстоит учиться в школе. Повторный выезд на эти работы состоялся в 1943 г. За это мы были награждены самой почетной для ленинградца тех лет наградой — медалью «За оборону Ленинграда» (Фирсов 2008: 209–212).

Биографический сюжет № 1. В. А. Ядов

К июню 1941-го я окончил четвертый класс. Немцы начали бомбить, но почему-то не фугасными, а зажигалками. Это термитные бомбочки, которые сбрасывались десятками. Мальчишки дежурили на крышах своих домов со здоровенными ухватами. Бомбу надо было сбросить вниз

во двор. Мне не повезло. Счастливчики получили медаль «За оборону Ленинграда».

В середине июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль — десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!» Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус, и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции все горит. Все же погрузились в эшелон, и я попал в интернат возле Вологды. Сестра отца тетя Клава нашла меня там и вывезла в Ярославскую область, где работала в детском интернате (сколько гробиков захоронили на сельском кладбище в Контево!). Зимой 1942-го бредем по снегу на станции встречать эвакуированных ленинградцев. Я ожидал свою объемистую маму и тощую сестренку, а из теплушки высадились сухая старушка и вполне нормальная девчонка. Мама до конца жизни не выбрасывала картофельную шелуху, варила ее для себя и говорила, что это самое вкусное в картофеле (**И:** Ядов 2005а: 9).

Биографический сюжет № 3. Э. В. Беляев

...И я летом, когда детсад не работал, проводил время с мамой на почте или на улице катался на самокате, уезжая иногда один довольно далеко от ее работы. Она работала в почтовом отделении на Московском вокзале. В те летние дни 1943 и 1944 гг. я был совсем один, только иногда со взрослыми, со-работниками матери, на почте.

Именно в это время, я помню, я начал задавать себе и окружающим вопросы естественнонаучного характера, если можно так выразиться о вопросах ребенка шести-семи лет. Я помню, что взрослые не могли ответить на мои вопросы, а читать я еще не умел: мать только тогда начала учить меня буквам. Я родился в 1936-м и пошел в школу в 1944 г., мне было 8 лет (**И:** Беляев 2010: 3).

История, хранящаяся в памяти Ж. Т. Тощенко, уверен, никого не оставит равнодушным.

Биографический сюжет № 4. Ж. Т. Тощенко

Жизнь моего отца завершилась в сентябре 1941 г., он был расстрелян после нечеловеческих истязаний немецко-фашистскими приспешниками. Все происходило в присутствии матери и нас, троих детей. Фашисты хотели получить сведения о партизанском отряде и местонахождении какого-то архива районных властей. Отцу припомнили и его участие в организации колхозов, и то, что он стал комиссаром партизанского отряда. <...> Когда отец потерял сознание, его расстреляли вблизи деревни, в небольшом лесу у истоков древней реки Трубеж.

Если обобщить мои детские воспоминания об этом периоде жизни, то стоит сказать о трех самых сильных впечатлениях. Первое — это страшная гибель отца. Второе — расстрел всех жителей, от малых детей до старух, трех соседних лесных деревень за содействие партизанам. <...> И третье — из нашей деревни ушли воевать 127 мужчин. После войны вернулись в деревню, считая и искалеченных, 21 (**И:** Тощенко 2007: 150).

«Трудовые будни» Б. Г. Тукумцева начались рано. Знакомство с его интервью позволяет предположить, что полученный им в юности опыт механизатора определил его профессиональный выбор: он получил инженерное образование, а позже социология труда стала главным направлением его многолетних исследований.

Биографический сюжет № 5. Б. Г. Тукумцев

Поскольку и отец, и мать к тому времени оказались безработными, а отец был «белобилетник» — инвалид по зрению, да к тому же ему было за 50, им было выдано предписание о эвакуации в Северный Казахстан. За двадцать дней до закрытия [начала] блокады мы выехали из Ленинграда в далекое степное село Иртышское Павлодарской области. <...> Там родители работали учителями в средней школе. Отец был завучем. Сестра и я учились. Но я учился заочно, потому что одновременно работал в местной школе механизации сельского хозяйства трактористом, а затем инструктором тракторного дела. В ту пору мне уже исполнилось 14 лет, и я был мобилизован по закону военного времени в «трудовую армию» (**И:** Тукумцев 2009: 5).

З. Т. Голенкова была совсем маленькой в начале войны, но в ее памяти хранятся картины жизни в оккупированной немцами деревне и первые послевоенные годы, когда «еда вилками» рассматривалась как признак экономического благополучия семьи.

Биографический сюжет № 6. З. Т. Голенкова

Когда началась война, мне не было 2 лет. Говорят, что дети обычно ничего не запоминают в таком возрасте, но я каких-то пару картинок очень хорошо помню. <...> Я родилась в Брянской области, в селе. Первая картинка, которая отложилась в памяти: ранним утром мама топит печку. Крестьяне всегда рано топили печку, и вдруг какой-то шум на улице, и тут соседи... Мама быстро заливает печку водой и выскакивает на улицу со мной на руках. А с железнодорожной станции идут колонны немцев. В конце наших огородов было колхозное поле конопли, и там крестьяне заранее выкопали землянки. Лето мы прожили в такой землянке, а осенью, когда стало холодно, вернулись домой. Помню, как немцы жили в нашем доме. <...> После войны вернулся домой отец.

На фронте он получил тяжелое ранение, потерял ногу. Но все-таки он вернулся, а у других отцы не вернулись. Поэтому наша семья считалась благополучной. <...> Может быть, кто-то жил и лучше. Но мои родители всегда любили работать. Поэтому в нашей семье по тем временам все было. Считалось, что у нас все есть. Даже в деревне говорили: «Да, у них вилками едят!» (И: Голенкова 2009: 141–142).

Родившиеся в начале войны М. Е. Позднякова и Ю. Н. Толстова рассказали о драматических последствиях войны, виденных и прочувствованных ими в первые мирные годы.

Биографический сюжет № 7. Р. Е. Позднякова

Родители преподавали биологию на биофаке МГУ. Началась война, и отец вместе со своими студентами ушел на фронт. <...> Отец пропал без вести, и мы о нем ничего не знали. Но в 1945 или 46 году мы с матерью стояли в очереди за какими-то продуктами на Павелецкой площади. Меня, еще совсем маленькую, мама посадила на какой-то колченогий стол, сама стояла рядом. Тут же притулились два инвалида, один без ног, другой на костылях. Они друг другу что-то рассказывали. И мама, случайно услышав их разговор, поняла, что это были студенты моего отца, с которыми он был отправлен на фронт (при этом он носил пенсне своего отца). Она ужасно закричала и вцепилась в них. Они рассказали, что попали в окружение в сентябре 1941 г., бежали к последней машине. Других машин уже быть не могло. Отец упал. Они пробежали мимо него и забрались в кузов. Я осознала эту историю много позже. Много лет я не могла понять, как можно было бросить своего командира. Кругом все говорили, как ценой своей жизни выносили своих командиров с поля боя. А тут... (И: Позднякова 2010).

Биографический сюжет № 8. Ю. Н. Толстова

Моей первой длинной и совершенно правильной фразой, произнесенной в начале 1944 г., было повторение сказанного Левитаном насчет того, что «войска первого Белорусского фронта...». Игры были соответствующие. <...> Папу демобилизовали в 1944 г. Контузия. Товарищи его не узнавали. Он всегда был очень веселым человеком, и я его знала именно таким. Но на войне он разучился улыбаться; и это не метафора. Не скоро пришел в норму. <...> ...Своеобразная обстановка была в Москве после войны. Я росла с мыслью о том, что люди без руки-ноги — это норма. И еще об одном своеобразном воспоминании. Когда в школе учителя спрашивали каждого ученика, кто у него родители, мне было очень неловко отвечать... что мой отец там-то работает. Моя фамилия была в конце списка, почти всех опрашивали передо мной, и ответы моих одноклассников об отцах были примерно одинаковы: погиб, погиб, погиб... А у меня — вдруг жив... До сих пор помню чувство неловкости (И: Толстова 2012: 3).

Безусловно, время и многое, с чем человек встречается в жизни, стерли картины военных лет, они перешли в глубинные ниши сознания и не влияют напрямую, непосредственно на восприятие человеком повседневности и на его профессиональную деятельность. Однако никто всех этих цепочек не просматривал, не «прозванивал». А ведь «те» военные и послевоенные события и впечатления не просто долго не отпускали людей, они вошли в глубь их сознания и — скорее всего — через сложную систему осознаваемых и не осознаваемых импульсов вели его все последующие годы.

Воспоминания о школе и учителях. Чтение

Семья создавала поле, в котором протекала, проходила первичная социализация человека, война — непосредственно и через семью — определяла макрофон его развития и его повседневную жизнь. Однако в этом поле и на этом фоне крайне слабо просматриваются истоки профессиональных интересов тех, кто позже стал социологом, но они (истоки) обнаруживаются в воспоминаниях о школе, о любимых учителях, о читательских предпочтениях. В свете всего, что говорилось выше о состоянии социологии в СССР в предвоенные годы и в первые послевоенные десятилетия, нет причин для поиска социокультурных и собственно образовательных факторов, или механизмов, подталкивавших учеников школ в сторону именно социологии. Тем не менее учебные программы включали в себя русскую классическую литературу, и поэтому у преподавателей была возможность для ознакомления учеников с творчеством Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Гоголя, Толстова и Тургенева, с литературно-критическими статьями и выступлениями Белинского, Добролюбова с целью стимулирования размышлений учащихся о человеке и обществе.

Вот, например, как А. В. Баранов соединил поэзию Лермонтова, которую он изучал в школе, с поисками смысла жизни: «...вот у меня это было где-то в 16–17 лет. Особенно остро — девятый класс школы. В то время я решал философские вопросы: в чем смысл жизни, что такое смерть... Эти вопросы были передо мной поставлены мною же, я сам их формулировал. На меня произвела очень сильное впечатление поэма Лермонтова “Мцыри”. Я до сих пор знаю наизусть оттуда огромные куски. “Старик, ты хочешь знать...”, в общем, мальчик говорит: “Ты жил. Я тоже мог бы жить”. И вот этот вопрос: “Что такое жизнь?” — провоцировался не просто психологией и возрастом, это [была] школьная программа» (И: Баранов 2008: 3).

Непременно следует подчеркнуть, что в 1940–1950-х гг. в школах еще работало много учителей, закончивших гимназии, учившихся на Бестужевских курсах, имевших европейское образование. Таким обра-

зом, в программе советской школы остались некоторые элементы дореволюционного российского гуманитарного образования с характерным для него отношением к прошлому России и к человеку. Это сохранилось в памяти моих собеседников. Приведу несколько воспоминаний, подтверждающих сказанное.

Биографический сюжет № 9. Н. И. Лапин

Мне неожиданно повезло с деревенской школой, в которой я учился в годы эвакуации в пятом-седьмом классах. <...> А повезло нам с директором этой школы. Его величали Дмитрий Иванович Петропавловский, но школьники и даже многие взрослые звали его просто ДИП. Он был из семьи священнослужителя, до революции учился в Оксфорде и Кембридже, готовился к работе и жизни профессора. После революции часть его родственников репрессировали, а самого направили «в глушь» школьным учителем. Затем ДИП стал директором, преподавал историю и заменял заболевших преподавателей по всем предметам; особенно любил рассказывать об эпохе Петра I и его подвигах. <...> После пятого класса я получил от него большой том «Илиады» и «Одиссеи» Гомера в переводе Жуковского и тем же летом запомнил значительную их часть наизусть. ДИП остался в моей памяти как Учитель с большой буквы.

По школьной программе и вне ее я зачитывался повестями, рассказами, поэмами Николая Некрасова, Глеба Успенского, позднего Льва Толстого, других русских писателей второй половины XIX столетия. Подспудно формировалась ориентация: полнее знать правду о жизни крестьян, простых людей своей страны. Позднее, не без влияния писателей-шестидесятников, эта ориентация оформилась сознательно (И: Лапин 2007: 143–144).

Застал преподавателей с европейским образованием и А. Б. Гофман, заканчивавший школу в конце 50-х в Кишиневе.

Биографический сюжет № 10. А. Б. Гофман

В средней школе, как и в высшей, у меня были прекрасные учителя. Достаточно сказать, что замечательная учительница Анна Сауловна Мундер, преподававшая мне французский язык до 8-го класса (а я, очевидно, был одним из любимых ее учеников), получила образование в Сорбонне (И: Гофман 2007: 11).

Конечно, были и не столь блестящие учителя, и откровенно слабые. Так, А. В. Русалинова, в годы войны учившаяся в сибирском селе Носково, помнит, что в пятом классе полуглухой старичок-бухгалтер, который вел уроки немецкого языка; перед каждым уроком сам готовился в школьной библиотеке по единственному учебнику. Но почти у всех моих респондентов было понимание важности образования,

стремление к знаниям, суперответственное отношение к учебе. Рассказ Ж. Т. Тощенко вводит нас в ситуацию, когда он, ученик восьмого класса, ежедневно ходил в школу, расположенную в восьми километрах от дома.

Биографический сюжет № 11. Ж. Т. Тощенко

Школьные годы были такие же, как и у миллионов сельских детей. До 4 класса я учился в своей деревне, с 5-го пошел в семилетнюю школу в соседней (она была расположена в 2,5 км). С 8 класса я начал учиться в районной средней школе и три года проходил ежедневно по 16 км (по 8 туда и обратно). Помимо учебы, которая давалась мне легко, был комсомол класса, посещал секцию по фехтованию, писал стихи, рисовал. <...> Моими любимыми предметами были математика и история. По математике я занимал первые места на олимпиадах, и учительница, Александра Федоровна Юрченко, ратовала за мое математическое будущее. Но не меньшее влияние оказала на меня и другая учительница — Людмила Федоровна, в устах которой история превращалась в живописное полотно действий людей, рассказ о знаменательных событиях, служении своему народу, верности Родине. Может быть, все это, а также пример родителей, участвующих в реальных делах преобразования деревни, желание быть деятельным именно сейчас и привели к тому, что я избрал социальную науку, хотя в последний год думал поступать на мехмат МГУ на отделение астрономии (И: Тощенко 2007: 151).

А вот воспоминания В. А. Артёмова, который жил в небольшом городке Муроме и все годы обучения в школе увлекался чтением.

Биографический сюжет № 12. В. А. Артёмов

В сентябре 1945 г. я пошел в первый класс в начальную школу № 3, которая была в 150 метрах от дома. Читать я научился немного раньше школы и даже написал печатными буквами одно или два письма дяде-летчику. А образцом были название и крупные заголовки газеты «Правда», которую выписывал отец. <...> Книг в доме не было, кроме «Стенографического отчета 17-го съезда ВКП(б)» и «Краткого курса истории партии». <...> Поскольку дома и в школе книг не было, то я стремился в детскую городскую библиотеку. Туда записывали не раньше окончания первого полугодия в первом классе. И вот после Нового года отец записал меня в библиотеку, заплатив в виде задатка 25 рублей — вполне приличные деньги по тем временам.

Я стал очень активным читателем. В начале каждого года в библиотеке была перерегистрация: заводились новые читательские карточки с новым номером — по очереди. И у меня возникло желание иметь первый номер. Для этого надо было прийти первым в первый день перерегистрации. Вот я и пришел рано утром и оказался первым. Но подо-

шли ребята постарше и лишили меня «первенства». Драться с ними я, конечно, не мог, а смог только заплакать. Но помогли «свидетели», подтвердив библиотечарше, что первым был я. Так и стал иметь карточку № 1. <...> Первый номер оставался за мной вплоть до седьмого класса, после которого мы «переходили» во «взрослую» библиотеку этажом выше (И: Артёмов 2008: 3–4).

Не у всех, с кем я проводил беседы, путь к получению образования был непрерывным и двухступенчатым: школа и сразу университет или институт. У некоторых, к примеру, была армия.

Приведу фрагмент воспоминаний А. И. Пригожина о Я. С. Капелюше, с которым он дружил в студенческие годы и позже. Служба Капелюша в армии не только была связана с одним важным в истории СССР событием, но и — судя по всему — оказала заметное влияние на формирование его личности.

Биографический сюжет № 13. Я. С. Капелюш

В 1960 г. он пришёл на философский факультет Московского университета из армии, где отличился в ракетной атаке на американского пилота-разведчика Пауэрса. Он уже был членом КПСС, убеждённым и весьма деятельным. В Московском университете тогда ещё не было ни психологического факультета, ни тем более социологического. Слово «социология» тогда употреблялось только в сопровождении эпитета «буржуазная», а если кто-нибудь хотел сочетать это слово с марксизмом, то приходилось применять единственную формулу «марксистская социология — исторический материализм».

На курсе он сразу проявил себя как человек с сильным характером и немалым жизненным опытом и был быстро и едва ли не навсегда избран парторгом курса. Его бескомпромиссность и прямолинейность делали его имя почти легендарным (Пригожин 2005: 14).

И еще небольшой фрагмент из воспоминаний о Капелюше С. В. Чеснокова: «Яша Капелюш. В середине семидесятых он меня от смерти спас. Я было уже утонул в бассейне “Москва”. Где сейчас храм. На шестиметровой глубине лежал без сознания и ногами дергал. Он вытащил меня» (И: Чесноков 2001: 81).

Приведу очередной биографический сюжет, включающий службу в армии.

Биографический сюжет № 14. Л. Е. Кесельман

В 1961 г., после завершения школы в Трускавце, Л. Е. Кесельман поступал в Ленинградский институт инженеров водного транспорта, но не добрал несколько баллов. Через год решил поступить туда же, но по болезни не

смог сдавать экзамены. Остался в Ленинграде, пошел в путевые рабочие, строил подъездные пути. На следующее лето поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. В библиотеке этого института он открыл для себя новый мир поэзии, потом от Монтескье перешел к Дидро и Вольтеру и, продолжая без особого восторга изучать «мосты и тоннели», начал посещать университетские лекции И. С. Кона и М. С. Кагана. Выяснив, что перевестись из «железнодорожного института» в университет нельзя, он забрал документы и пошел сдавать вступительные экзамены на отделение этики и эстетики философского факультета. Был убежден в «пятерке», но получил даже не «двойку», а «кол». Осенью 1964 г. настало время идти в армию; прослужил он три года и был демобилизован в ноябре 1967-го. Поступать в какое-либо высшее учебное заведение было поздно, приехал в Ленинград и устроился рабочим на одно из металлургических предприятий города. После прочтения случайно попавшей в его руки книги Т. Шибутани «Социальная психология» был готов идти на психфак. Но вечернего обучения на отделении социальной психологии тогда не было, и он подал документы на отделение политэкономии экономического факультета, ориентируясь на первую часть в названии будущей специальности. Это был уже 1968 г. В первые годы 70-х он вошел в группу интервьюеров, формировавшуюся в секторе В. А. Ядова. Началась его социологическая деятельность (И: Кесельман 2005: 4–5).

Нечто подобное просматривается в движении к высшему образованию А. А. Давыдова.

Биографический сюжет № 15. А. А. Давыдов

Я родился в Москве 29 декабря 1954 г. После 8 класса поступил в ПТУ — профессия — радиомонтажник.

В школе мне было просто неинтересно. <...> Единственный предмет, который меня интересовал — биология. По биологии всегда получал 5, по остальным 3–4. Любимый журнал в школьные годы — «Наука и жизнь». Практически каждый день ходил в районную библиотеку, читал научно-популярные журналы, книги по истории науки, об ученых и т. д. Художественная литература меня никогда не интересовала, как и сейчас. <...> Кроме того, не отличался примерным поведением (бездумно хулиганил по молодости и глупости), за что и был после 8 класса выгнан из школы в ПТУ. Одновременно пошел учиться в вечернюю школу, в 9 класс. <...> ПТУ я закончил с отличием, но знал, что это «не мое». Я всегда хотел заниматься наукой.

Затем, с 1973 по 1975 г. служил в Советской Армии связистом, в Среднеазиатском Военном округе (в Казахстане, под Алма-Атой), «от звонка до звонка». Сержант, командир взвода. В армии учился в вечерней школе в ближайшем поселке, закончил 11 класс и получил диплом о среднем образовании.

Единственное место, где я хотел учиться, — МГУ. <...> Чтобы подготовиться к экзаменам, поступил на фабрику-прачечную, монтером контрольно-измерительных приборов, поскольку по образованию ПТУ я был радиомонтажником, а по военной специальности — связь. <...> Целенаправленно готовился на факультет психологии МГУ, поскольку там нужно было сдавать биологию, математику, сочинение и историю. Эти предметы мне давались относительно легко. Накупил пособий по данным предметам для поступающих в вузы и каждый день на работе по 2–4 часа читал, конспектировал, запоминал, писал сочинения на время. На фабрике-прачечной отработал один год, подготовился и поступил... на дневное отделение факультета психологии МГУ (**И:** Давыдов 2012: 3).

Но, пожалуй, самый трудный, долгий путь к высшему образованию был пройден Б. И. Максимовым.

Биографический сюжет № 16. Б. И. Максимов

Еще до смерти мамы я покинул семью. В нормальной школе я учился всего пять классов, потом был набор на фабрично-заводское обучение, и в 1948 г. я уехал в «ремеслуху», ремесленное училище в Ленинграде. После РУ работал на заводе и предпринимал усилия (именно усилия) учиться в вечерней школе, в те годы это было распространено. Но те, кто прошел такие жизненные перипетии, знает, как было трудно одновременно работать и учиться. Вот и я — поучился, поучился и бросил. Спасибо великое учительнице (к сожалению, не помню ее имени-отчества), нашла она меня, вытащила, опекала так, что я окончил, кажется, восемь классов. Потом я решил, что буду учиться в заочной школе — была и такая, — не надо бегать по вечерам, сиди дома, занимайся. Но эта свобода не пошла впрок, да и трудно самостоятельно осваивать, например, алгебру.

Тут подошло время Родине служить. Поскольку у меня было какое-то образование, призвали в авиацию, но, увы, не летать, а прибористом. Замечательное было время, может, я когда-нибудь отдельно о нем напишу. <...> Вообще, жизнь была организованной, плотной, о чем я иногда только вздыхал на вольной гражданке (**И:** Максимов 2007: 7).

После армии Максимова пришлось возвращаться к обычной жизни. Аттестата об окончании школы у него не было, но из художественной литературы он узнал, что экзамены за 10-й класс можно сдать экстерном. Не менее полугода, находясь на содержании у сестры, он самостоятельно все изучал, а потом в обычной школе вместе с обычными десятиклассниками сдавал выпускные экзамены. И даже пятерки получил по некоторым предметам. И в 1956 году поступил в ЛГУ на философский факультет.

О завершении школы экстерном, правда, по иным причинам, упоминается и в интервью двух социологов первого поколения. Таня Кар-

пова, в будущем — Т. И. Заславская, пошла в школу в 1933 г., ей не было и шести лет. Вернувшись из эвакуации в Москву в 1942 г. она хотела побыстрее закончить школу. Ее отец узнал, что в сентябре 1942 г. в Москве начинает работать школа-экстернат, позволяющая выпускникам 8-х классов окончить два оставшихся класса за один год. Учиться было очень тяжело, выпускные экзамены продолжались два месяца и включали 12 или 14 предметов. Но в 16 лет школьное обучение было завершено.

И. С. Кон провел годы эвакуации в Чувашии. Поскольку его мать работала комендантом учебного корпуса Чувашского педагогического института, у него была возможность, еще учась в 6–7-м классе, пользоваться институтской библиотекой и общаться неформально с преподавателями. Один из них, заметив, что семиклассник явно перерос школьную программу, подсказал ему идею сдачи экзаменов за старшие классы экстерном. Так в 15 лет Кон стал студентом исторического факультета. Одновременно он самостоятельно занимался тремя иностранными языками (Кон 2008: 27).

Раньше обычного закончил школу и А. Н. Алексеев, но не потому, что экстерном прошел выпускные классы, а потому, что «проскочил» первые. В эвакуации его образованием занималась мать, и в 1943 г., ему было 9 лет, отвела его сразу в 3-й класс; в середине года его перевели в 4-й. В 1944 году они вернулись в Ленинград, и он стал учиться в 5-м классе. Мать учила его не только русскому языку, но также французскому и немецкому. Завершал обучение он в школе, в которой преподавался английский. В итоге оказалось, что экзамены на аттестат зрелости он смог сдать по трем иностранным языкам. Школу он закончил с золотой медалью, а при поступлении на филологический факультет ЛГУ представил в приемную комиссию уникальный аттестат зрелости с отличными оценками по английскому, французскому и немецкому языкам. При этом у него еще не было паспорта — он предъявлял свидетельство о рождении (И: Алексеев 2012: 257).

Я не подсчитывал, какое количество моих респондентов завершили школьное обучение с медалями, ибо кто-то упоминал этот факт, а кто-то нет. Но очевидно одно: подавляющее число моих собеседников блестяще оканчивали школу. В целом можно утверждать, что ученые, составившие первое поколение послевоенных советских социологов, и представители следующих профессиональных когорт в годы юности были интеллектуальной элитой в своих возрастных группах. Я уже писал о том, что они представляли разные социальные страты советского общества, но в школьные годы, благодаря способностям и настойчивости, самостоятельно приобретали достаточные знания для последующей успешной учебы в лучших университетах и престижных институтах страны.

Самоучки и цеховые ученики

Применительно к настоящему исследованию «начало биографии» — это период жизни человека от его рождения до получения высшего образования. Оба этих обстоятельства присутствуют в жизни каждого из социологов. Среди тех, с кем проводили интервью мои коллеги и я, не было социологов, не имеющих университетского или институтского образования. Хотя допускаю, что единичные случаи подобного могут существовать. Студенческие годы — феномен сложной природы и многообразного насыщения, здесь и собственно учеба, и общественная деятельность, и потребление культуры, и спорт, и личная жизнь. А у тех, кто учился на вечерних отделениях, — еще и работа.

При всей важности именно всестороннего рассмотрения процесса формирования личности ученого, изучение «биографии в истории» и «истории в биографиях», фокусированное на анализе становления советской/российской социологии, не может охватить всего. Это было понятно на стадии зарождения программы исследования, и это обстоятельство учитывалось в практике построения биографического интервью: вопросы о внеучебной деятельности я поначалу включал в интервью лишь с теми, кто сам обозначал эту сферу своих интересов, отвечая на вопрос о годах студенчества. Но позже я сам старался не упускать эту тему из поля зрения. Таким образом удалось собрать значительный материал, ранее не освещавшийся в историко-социологических исследованиях, но, как представляется, важный для понимания процесса вхождения представителей разных поколений в социологию. Две темы, относящиеся прежде всего к студенческой поре: участие в комсомольской работе — в те годы иной разрешенной формы политической активности молодежи не существовало — и поведение в сфере неформальной культуры, оказались затронутыми во многих интервью, и собранный материал анализируется в следующих разделах данной главы. Здесь рассматривается лишь информация, относящаяся собственно к учебе.

Основной посыл в обсуждении этой темы задан словами В. А. Ядова в данном им интервью Г. С. Батыгину, состоявшемуся в конце 90-х гг.

Биографический сюжет № 17. В. А. Ядов

...Это проблема моего поколения социологов. Мы все — самоучки в социологии. В английской «Times» было опубликовано интервью с Ядовым под заголовком «Self-made sociologists». Сначала я решил, что это обидно — «самоучки в социологии». А потом вник в семантику английского и понял, что это скорее комплимент и речь идет о человеке, который сам себя сделал таким, какой есть. Значит, наше поколение не должно стыдиться своей недообразованности. Нас не образовывали в своей профессии (И: Ядов 1999: 61).

Действительно, поколение Ядова никто не обучал социологии. Более того, в годы приобретения им высшего образования у студентов формировалась негативная установка по отношению к этой науке. Что касается следующих двух профессиональных когорт, то они познавали азы социологии «из рук в руки», как в средневековье: «от мастера к ученику». Лишь студенты-философы и экономисты, учившиеся в нескольких университетах страны и позже влившиеся в четвертое поколение социологов, получали некоторые представления о теории социологии и практике прикладных исследований. Некоторым из этих «самоучек» начиная с середины 60-х удавалось в течение нескольких месяцев поучиться на Западе, и они оказывались хорошими учениками. Но и не имевшие такой возможности старались самостоятельно осваивать по книгам европейский и американский опыт. Иными словами, первые поколения двигались в науку не только на изобретенном ими «велосипеде».

Факт многолетнего отсутствия в СССР социологического образования создает определенные сложности — методологического и практического планов — в освещении роли, места базового образования в процессе профессионального становления первых поколений советских/российских социологов. Тем более что многие ставшие успешными и известными социологи второго и третьего поколения не имели обществovedческого образования. Одни закончили технические вузы, другие имели дипломы физиков или математиков, третьи осваивали различные филологические специальности, и поэтому трудно представить, что в студенческие годы они знакомились с началами социологии — это происходило уже в аспирантуре или непосредственно «на рабочем месте». Большинство из них — если судить по интервью, да и собственный опыт подсказывает — в лучшем случае слышали про такую науку, но чаще не догадывались о ней.

Биографический сюжет № 18. Л. Г. Ионин

Делая свой профессиональный выбор, Л. Г. Ионин уже знал, что такое социология, но все равно видел в нем и элементы случайности. После школы он полтора года учился на геологическом факультете МГУ, потом три года работал на телевидении, затем поступил на вечернее отделение философского факультета и перевелся на дневное. В 1968 году в МГУ открылась кафедра методики конкретных социальных исследований, началась специализация студентов по социологии. Ионина, по его словам, привело туда «ощущение душевной и ментальной приспособленности именно к этой области мысли». Он закончил университет в 1970 г. и поступил в аспирантуру Института социологии Академии наук. Принятое тогда решение он комментирует так: «Думаю, что это довольно случайный выбор. Масса обстоятельств играет свою роль: отношение

к тебе на той или иной кафедре, выбор, который делают приятели, то, на какой кафедре работает преподаватель, у которого пишешь курсовые, сиюминутная увлеченность какой-то темой, и т. д. Не думаю, что выбор был принципиальным и глубоко продуманным» (**И:** Ионин 2007: 9).

Биографический сюжет № 19. Л. А. Козлова

Козлова прикоснулась к социологии сразу после школы, за три года до поступления на философский факультет МГУ: «Первой моей работой, куда я в 1973 г. попала чисто случайно (меня пригласил мой двоюродный брат), был отдел социологии и условий труда одной из организаций, находившихся в структуре Министерства бытового обслуживания населения СССР. Отдел вел прикладные социологические исследования социальных проблем на предприятиях службы быта, изучал текучесть кадров, а попутно и условия труда этих организаций. Второе направление было, пожалуй, ведущим, но в отделе работали не только гигиенисты, но и несколько социологов-самоучек, закончивших философский факультет».

В 1976 году она начала учиться на вечернем отделении философского факультета МГУ. Занимаясь многие годы историей советской/российской социологии, Козлова подробно остановилась на истории преподавания социологии в этом университете и на том, чему учили в ее студенческие годы: «...в годы моей учебы было несколько социологических подразделений на отделении научного коммунизма, главное из которых — кафедра методики конкретных социальных исследований, организованная в 1968 г. Г. М. Андреевой. При мне ею руководил В. Г. Гречихин. Ранее возникли межкафедральная социологическая лаборатория (1960, первый руководитель В. И. Разин) и социологическая группа по изучению проблем сельской молодежи (1967, первый руководитель И. М. Слепенков). Лаборатория существовала самостоятельно и занималась хозяйственной деятельностью. Во время моей учебы ею руководила А. И. Демидова (которая делала упор на идеологическом воспитании будущих молодых кадров). Именно с прикладной хозяйственной деятельностью у меня тогда в первую очередь ассоциировалась социология как таковая и социология на нашем факультете, в частности. Отделение социологии с несколькими кафедрами было организовано только в 1984 г. (первый руководитель Б. В. Князев), но я к тому времени закончила учебу на философском факультете.

<...> Лично у меня университетская социология не вызывала энтузиазма: я не считала, что смогу многому научиться, если буду ходить на соседнее отделение на занятия по социологии. <...> Но самое главное заключалось в том, что область моих интересов не была связана с эмпирической социологией, а социологическая теория или методология вообще не входили в учебные курсы. Что же касается возможности получить профессию, то с этой стороны философский факультет я вообще не рассматривала. Скорее это была для меня возможность просветиться, так сказать, получить широкое гуманитарное образование» (**И:** Козлова 2011: 8–9).

В биографическом интервью А. Г. Здравомыслова (**И:** Здравомыслов 1999: 159), состоявшемся во второй половине 90-х гг., отмечалось, что на факультете слово «**социология**» стали употреблять примерно в 1957–1958 гг. Он вспоминал, что в марте 1957 г. на факультете выступал М. Д. Каммари, главный редактор журнала «Вопросы философии», с рассказом о III Международном социологическом конгрессе в Амстердаме, в котором он участвовал. В частности, подчеркивалась необходимость развивать эмпирическую социологию. В нашей электронной беседе, начавшейся весной 2005-го и продолжавшейся чуть более года, Здравомыслов, который явно имел перед собой текст того интервью, предположил, что Каммари и выступал в 1956 г. Но не это самое важное; принципиальными были слова, которые он сам выделил курсивом: «Только здесь, в возрасте 28 лет, я впервые услышал слово “социология”» (**И:** Здравомыслов 2006а: 156). Зная многие годы Здравомыслова и его стремление к поиску точных формулировок, могу допустить, что раньше ему приходилось слышать лишь словосочетание «буржуазная социология».

На одном курсе со Здравомысловым учился А. В. Баранов, интервью «лицом к лицу» с которым провела Мария Алесина, работавшая с ним многие годы. Ниже приводится его ответ на вопрос «Читали ли вам что-либо, что сегодня можно было бы классифицировать как социология, а не как социальная философия марксизма?».

Биографический сюжет № 20. А. В. Баранов

Это — характеристика советской эпохи и ее идеологической составляющей. Когда я поступал в Ленинградский университет, ни о каких социологиях речи быть не могло. Социология была буржуазной лженаукой. Соответственно, ее никто не изучал, ее только изредка критиковали, как например, Игорь Кон в своих работах по истории. Словом, на философском факультете, где я учился в период с 1948 по 1953 г., таких ругательств, как социология или социальная психология, вообще не употреблялось. Строжайше запрещено. Я начал заниматься социальной психологией, когда поступил в аспирантуру, это была моя тема кандидатской диссертации. Мой руководитель сказал: «Очень новаторская тема». Потом неоднократно меня пытались исключить из аспирантуры за слишком смелое отношение к марксизму, но в конце концов я диссертацию защитил (**И:** Баранов 2008: 8).

Биографический сюжет № 21. Л. Н. Столович

В 1947 году, окончив школу с золотой медалью, на философский факультет ЛГУ поступил Леонид Наумович Столович, т. е. он учился на одном курсе с В. А. Ядовым, курсом раньше его училась Р. В. Рывкина, годом позже — А. Г. Здравомыслов и А. В. Баранов.

Вскоре после поступления в ЛГУ Столович понял, что философский факультет его ожиданий не оправдал. После речи Жданова 1947 г. там начались погромы. Покинул пост декана оригинально мысливший, честный и порядочный М. В. Серебряков. Один за другим изгонялись лучшие преподаватели — то за какие-то неведомые прегрешения, то просто за то, что родились «космополитами». Смрадной была и общественная жизнь факультета. Одно за другим проходили комсомольские собрания, на которых разоблачали студентов, скрывших при поступлении в университет, что у них были репрессированы родители или отец попал в немецкий плен. Провинившиеся изгонялись из комсомола (а значит, и с «партийного» философского факультета), или, в лучшем случае, наступал конец их общественной карьеры, как бы они потом не отличались на молодежных стройках или в пропагандистско-агитационной работе.

Атмосфера отчуждения пронизывала и отношения между студентами. Откровенность была наказуемой. Недоверие к ближнему стало нормой. Два наиболее близких сокурсника Столовича написали на него донос о том, что он скрывал свою национальность. Дело в том, что в его паспорте было написано «русский», он сам так определил свою национальность при получении паспорта в 1945 г., но при этом не скрывал, что оба его родителя евреи. Тогда им двигала убежденность, что нация, по ленинско-сталинскому учению, не биологическое понятие, а социально-культурное. Он был потомком в четвертом поколении кантониста, которому разрешили жить в Петербурге, был вне еврейской культуры и языка и, с детства серьезно занимаясь поэзией, хотел стать русским поэтом.

После такого рассказа о философском факультете ЛГУ конца 40-х — начала 50-х было естественным спросить Столовича, почему, несмотря на слабый уровень преподавания и атмосферу страха, факультет смог за короткий промежуток времени подготовить значительное число ученых, много сделавших для развития социальной философии, социологии и смежных наук. Прежде всего, Столович объясняет это тем, что они прошли «серьезную философскую школу — школу, в которой они учились сами, без учителей». Студенты быстро осознали, что отсутствие педагогов-философов можно компенсировать упорным самостоятельным трудом над первоисточниками, будь то Маркс, Аристотель или Гегель. И второе обстоятельство: очень сильные преподаватели по «непрофильным» предметам. Психологию преподавали Б. Г. Ананьев и В. Н. Мясищев, историю Древней Греции и Рима — Д. П. Каллистов, историю Средних веков — М. А. Гуковский, лекции по русской литературе читал Г. П. Макогоненко.

На мой вопрос, преподавали ли им то, что сегодня, пусть очень условно, можно было бы назвать социологией, Столович ответил: «...однозначно: нет. Социология рассматривалась только в историко-философском плане как порождение позитивизма, как изначально буржуазная отрасль философии». Говоря о тех годах, он вспоминает, что зарубежная литература по социологии если и пересекала государственную границу СССР, то надежно упрятывалась в спецхраны библиотек, и читать эти книги и статьи разрешалось только для критики, а спокойней было вообще не

читать ее. Однако в книжных антиквариатах можно было приобрести книги, казалось бы, с допотопным названием «Социология». Тогда Столович купил двухтомник П. Сорокина, известного студентам по критике его Лениным, «Система социологии», «с надпечаткой “авторский экземпляр”» (**И:** Столович 2010: 122–123).

Двумя годами раньше Здравомыслова и Баранова на философском факультете ЛГУ учился и В. Я. Ельмеев, многие годы отдавший развитию марксистско-ленинской социологии и критике той линии в социологии, которая строилась на отказе от догматов истмата. В 1998 году он иначе вспоминал свое знакомство с социологией.

Биографический сюжет № 22. В. Я. Ельмеев

Что касается преподавания социологии и социологического образования в нашем университете, то я могу сказать, что они начиная с 1917 г. не прерывались. Некоторые социологи с недавнего времени стали утверждать, что в советский период после 1920-х гг. и вплоть до 1960-х социологии не существовало. Они не признают за социолога К. Маркса и других сторонников исторического материализма, хотя в каждом западном учебнике по социологии марксистской социологии отводится довольно значительное место. Я, например, в 1948–1949 гг. слушал лекции по истории русской социологии Н. Н. Андреева, работавшего в университете еще с П. А. Сорокиным, читал книгу С. А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии», изданную в Ленинграде в 1929 г. Все преподаватели, читавшие курс по историческому материализму, знали нас и с западной социологией, особенно с позитивистской.

Социология, социологические законы развития общества не отрицались. Но у нас встречала тогда об историческом материализме и о социологии новой общественно-экономической формации — теории научного коммунизма, которую на современном языке можно назвать одной из отраслей исторической социологии, наряду с социологической теорией возникновения и развития капиталистической формации (**И:** Ельмеев 1998: 12–13).

Несколько удивленный этим фактом, я решил узнать у Здравомыслова и Ядова, помнят ли они эти лекции. Здравомыслов ответил, что был «доцент в военной форме, который читал лекции по русской философии (отнюдь не социологии — это было бы невозможно)»¹. Ядов в телефонном разговоре вспомнил лекции Андреева, но, по его мнению, это был не рассказ о русской социологии, а скорее критика дореволюционной социальной философии².

¹ Электронное письмо А. Г. Здравомыслова Б. З. Докторову от 4 января 2006 г.

² Телефонный разговор Б. З. Докорова с В. А. Ядовым 27 января 2006 г.

В первом квартале 2007 г. я провел электронное интервью с Ельмеевым и, естественно, не мог обойти вопрос о том, преподавали ли в годы его студенчества социологию. Первый вопрос формулировался так: «Вы вспоминали о лекциях по истории русской социологии Н. Н. Андреева в 1948–1949 годах. Это малоизвестный факт. Могут ли те лекции (и подобные им программы) рассматриваться как мост между дореволюционной и постхрущёвской социологией?» Приведу основные положения его ответа.

Если этот мост рассматривать как продолжение развития социологии после 1917 г. и до 60-х гг., то ответ будет утвердительным. У Н. Н. Андреева в 1925 г. вышла в свет монография «К вопросу о понимании закономерностей в истории» (Л., 1925), у С. А. Оранского — книга «Основные вопросы марксистской социологии» (Л., 1929), у Е. А. Энгеля — «Очерки материалистической социологии» (Л., 1933). В годы моей учебы эти книги можно было приобрести в букинистических магазинах города, они были завалены литературой довоенного периода. <...> К сожалению, некоторые представители «постхрущёвской» социологии не видят или не хотят видеть развитие социологии в этот период. А. Г. Здравомыслов, например, перепутав Н. Н. Андреева с Зайцевым (доцент в военной форме), утверждает, что читать лекции по истории русской социологии в то время «было бы невозможно». В. Ядов также сомневается в возможности чтения подобных лекций. Им могу лишь посоветовать ознакомиться со статьей А. А. Галактионова об Андрееве (Вестник Ленинградского университета. 1991. Сер. 6, вып. 3) и его статьей (в соавторстве) «Социология в Ленинградском университете. 1945–1985 гг.» (Вестник Санкт-Петербургского университета. 2001. Сер. 6, вып. 1. С. 64–78) (И: Ельмеев 2012: 241).

Далее обсуждение этой темы с Ельмеевым развивалось следующим образом.

[Б. Докторов:] Из моих бесед с социологами первой волны вытекает, что они, начиная свою работу, не знали советской социологии 20–30-х гг. Можно ли в этом случае говорить о том, что социология 60–80-х гг. была восстановлением советской социологии? Две другие альтернативы: а) «разрыва» не было и б) в конце 50-х все начиналось, практически, с нуля. Какой точки зрения относительно генезиса социологии 60-х Вы придерживаетесь?

[В. Ельмеев:] Я допускаю, что из перечисленных Вами социологов трех волн хрущёвской закалки многие действительно не знали или, вернее, не хотели знать историю советской социологии 20–30-х гг. Б. М. Фирсов, например, за историю советской социологии выдал историю подготовки антисоветской социологии, историю идеологической подготовки капитализма. Поэтому эту социологию никак нельзя считать восстановлением

советской социологии, она заимствована с Запада. Не все, конечно, ее приняли. Остались и продолжатели советской социологии, т. е. марксистской, но она теперь исключена из официальных учебных программ и стандартов по социологии, экономике, политологии (**И:** Ельмеев 2012: 241).

Так обстояло дело с преподаванием социологии на философском факультете второго по значению университета страны на рубеже 40–50-х гг. Эдуард Беляев закончил тот же факультет в 1959 г. На мой вопрос относительно преподавания им каких-либо социологических курсов, он ответил: «Когда я был студентом, и даже много позже, когда я был аспирантом, никаких курсов по социологии не существовало в ЛГУ, и, может, я ошибаюсь, но мне кажется, что в годы моей аспирантуры в 1963–1966 годах таких курсов не было нигде в стране» (**И:** Беляев 2010: 6).

Его слова подтверждаются воспоминаниями Е. А. Здравомысловой, учившейся там же в первой половине 70-х.

Биографический сюжет № 23. Е. А. Здравомыслова

Социологию у нас на факультете не читали в принципе. Тогда еще даже Вебер в инионовском «Для служебного пользования»³ не вышел. Азалия Алексеевна Киссель читала методы прикладного социологического исследования. Но без реального поля это понять и усвоить было невозможно.

Я поступила в 1970 г. и закончила в 1975. Это был «застой застоевич». Однако чтение классической философии не возбранялось, а рьяность в официальной публичной жизни шла на убыль. По русской философии был курс, но и преподаватели (П. Ф. Никандров и А. А. Галактионов), и их учебник были неинтересны. Казались дремучими. (Извините, пожалуйста!) Живых текстов еще не было. Бердяев, Шестов были доступны только в спецхране... (**И:** Здравомыслова 2009: 10).

Биографический сюжет № 24. М. Е. Илле

Пятью годами позже (с 1974 по 1980 г.) Здравомысловой на том же факультете ЛГУ учился М. Е. Илле, он застал почти ту же ситуацию: социологию в основном постигали через критику буржуазной науки, а с методами знакомились лишь в общих курсах анализа динамики населения: «На факультете я специализировался на кафедре истмата, где, хотя и не готовили социологов, некоторые курсы читались: современная зарубежная буржуазная социология, история социологических учений, проблемы личности в марксистской и буржуазной социологии, критика современной буржуазной политологии, социальная статистика, основы

³ Речь идет об изданиях Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР исключительно для научных организаций.

демографии. Несмотря на то что большинство курсов читалось под маркой критики буржуазной социологии, полезную информацию и введение в предмет они давали» (**И:** Илле 2007: 2).

В конце 1960-х гг. в социологию пришел Н. А. Алексеев, закончивший факультет журналистики ЛГУ и к тому времени ставший опытным журналистом, освещавшим многие актуальные социальные проблемы. Приведу небольшой фрагмент из нашей переписки.

Биографический сюжет № 25. А. Н. Алексеев

Ни Ковалевского, ни Сорокина мы в свое время не знали и даже не пытались соотнести со своими социологическими увлечениями. Хотя социологические пра-опыты 20-х гг. даже я, начинающий аспирант в конце 60-х, разыскал в библиотеках и старался применить к эмпирическому исследованию массовой коммуникации и т. п. Интересно, однако, что эти опыты не идеологически, разумеется, но теоретико-методологически были также ближе, пожалуй, к тогдашним западным (европейским, американским), чем к собственно российским корням. Замечу, это было в конце 60-х, когда уже вышли первые работы И. А. Голосенко о Сорокине и очень робко начиналось освоение наследия дореволюционных социологов⁴.

В интервью, биографических заметках никто из выпускников философского факультета МГУ, учившихся в первые послевоенные годы (в частности, Б. А. Грушин, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада), не упоминал, что в студенческие годы изучал те или иные социологические курсы. Не было социологии и в программе обучения В. А. Артёмова, поступившего на философский факультет в 1956 г.

Биографический сюжет № 26. В. А. Артёмов

В учебных курсах философского факультета ничего специально социологического, и тем более конкретно-социологического, не было, но в «воздухе» социология чувствовалась и в практике начала появляться. Мы имели хороший методологический марксистский фундамент («Немецкая идеология», «Капитал», «Философские тетради» и др.), эта база не устарела и донныне, если к ней относиться без догматизма и абсолютизма. Робкое соприкосновение с социологией состоялось на четвертом курсе, когда знакомый аспирант рассказал нам об одном из первых послевоенных социологических исследований (описанных в книге Г. В. Осипова «Автоматизация в СССР») — изучении социальных аспектов научно-технического прогресса (**И:** Артёмов 2008: 6).

⁴ Электронное письмо А. Н. Алексеева Б. З. Докторову от 19 апреля 2010 г.

М. А. Тарусин — представитель четвертой профессиональной когорты — первый в ряду моих респондентов дипломированный социолог. Его воспоминания интересны, так как передают понимание социологии студентами-философами в конце 70-х и немного раскрывают процесс подготовки специалистов.

Биографический сюжет № 27. М. А. Тарусин

Социология — это была, наверное, единственная... ну, или одна из немногих, скажем так, дисциплин на философском факультете, практически без идеологической подоплеки. Я выбрал кафедру «Методика конкретных социологических исследований». Специализация начиналась с третьего курса. Я поступил в МГУ в 77-м году, и с 79-го года я уже специализировался на этой кафедре. Мне друзья говорили: ты что, с ума сошел? Ну, какая у нас в стране социология? У тебя работы не будет, заработка не будет — у тебя ничего не будет. У нас же нет социологии, это так просто, для самых отбросов сделали кафедру. Действительно, кафедра считалась самой неперспективной в смысле будущей карьеры, и народ там был самый нечестостойчивый. <...> На кафедре люди были малоизвестные и в голове не отложились. В основном методику социологии и читали, знакомили с классиками западной социологии, хотя порой очень осторожно и с оглядкой — подобные вольности тогда были опасны (И: Тарусин 2007: 57–58).

Затем я спросил его, рассказывали ли студентам о дореволюционной и раннесоветской социологии. Вот фрагмент его ответа: «Я-то читал и Питирима Сорокина, и русских философов конца XIX—начала XX века: Соловьева, Леонтьева, Бердяева, но нам их, насколько помню, не читали, может, только советовали самим ознакомиться» (Там же: 58).

«...Из обыкновенного, банального комсомольского активиста»

Иллюстрируя свое утверждение о том, что революция и последующие события прервали развитие в стране культуры и потому все пришлось начинать сначала, М. К. Мамардашвили в беседе с М. Хромченко заметил: «Что же есть? Есть одно: ты должен понимать, что если что-то будет... и что то продолжится, то из того, что есть, то есть вот из этих комсомольцев... <...> Что, Зиновьев из Бердяева что ли вырос? Да ничего подобного — из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста» (Мамардашвили 1991).

Такова сила слов Мамардашвили, что сказанное применительно к частному случаю, к жизненной траектории Б. А. Грушина, имеет сущ-

ностное, общее значение. Два первых поколения, значительно реже — последующие, были активными комсомольцами, считали своим долгом честно, не ради карьеры работать в комсомоле. Они видели в этом свой долг перед обществом и возможность хоть немного улучшить окружающий их мир.

В. А. Ядов, которого с Грушиным связывали многолетние дружеские отношения, тоже вырос из «банального комсомольского активиста». В небольшой заметке по поводу 80-летия Ядова А. Г. Здравомыслов вспоминал их студенческие годы:

...Володя был одним из лидеров факультетской комсомольской организации. Комсомольские собрания были в наше время наиболее распространенной формой общения, и мое второе впечатление от встречи с Володией заключалось в том, что он, в качестве члена факультетского бюро, присутствовал на комсомольском собрании нашей студенческой группы, на котором я впервые в жизни решился на публичное выступление. Володя в своем заключительном слове его отметил как не самую большую глупость (Здравомыслов 2009: 128).

Это написано через шесть десятилетий после того комсомольского собрания.

Отвечая в начале нового тысячелетия на мой вопрос о запомнившемся в студенческие годы, Здравомыслов, в частности, рассказал:

Еще до своей болезни в эвакуации, я вступил в комсомол, поэтому присутствовал на всех комсомольских собраниях. На них обсуждали нетипичных, «девиантов»; их единогласно исключали из комсомола и, как следствие, лишали возможности продолжать учебу в университете. <...> Интересно, что самой главной характеристикой студентов у нас была не учеба, а общественная работа, прежде всего в комсомольской организации. <...> В отличие от значительной части моих сокурсников, в аспирантуру после окончания факультета я не попал (отчасти потому, что мне учеба за эти пять лет порядком поднадоела). И я, отдав пятый год обучения комсомольской работе на фабрике им. Желябова, после получения диплома поехал в Караганду. И комсомольская работа, и Караганда были своего рода продолжением учебы (И: Здравомыслов 2006б: 155).

Еще одна история о комсомольце Ядове. Ее описал И. С. Кон.

Биографический сюжет № 28. В. А. Ядов

...Ядов — мое самое ценное приобретение на философском факультете. <...> Началось наше знакомство крайне неприятно. В одном из первых своих выступлений на партсобрании философского факультета я, между прочим, упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой.

И вдруг поднимается аспирант, он же — секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление тов. Кона идейно ошибочно, комсомольская работа — серьезное дело, относиться к нему как к «увлечению» непозволительно.

Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Вскоре этот наглый парень попросил меня прочитать свою диссертацию... но в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной и самостоятельной, на таком уровне понятие идеологии у нас никто не анализировал.

Выяснилось, что Ядов — очень интересный, творческий и порядочный человек, с развитым чувством социальной справедливости, на его комсомольские закидоны просто не следует обращать внимания. <...> Вскоре мы стали близкими друзьями и единомышленниками (Кон 2008: 67–68).

А вот как сам Ядов вспоминал себя в те годы: «...я действительно очень активно занимался комсомольской работой в университете, знал многих людей, меня знали заводские активисты: район не очень большой, но университетская организация была самая крупная, на разных конференциях и т. п. я тогда был заметной фигурой в районе. И, кроме прочего, я был своего рода “хунвейбином” — восторженно преданный идее коммунизма» (И: Ядов 1999: 48).

Мемуары И. С. Кона позволяют предположить, что он имел в виду, говоря о юношеском увлечении комсомольской работой. Его первая кандидатская диссертация по истории была посвящена изучению общественно-политических взглядов Джона Мильтона и носила, по словам самого Кона, исключительно книжный характер. Но защищенная в том же 1950 г. философская диссертация — об этике Н. Г. Чернышевского — выросла из комсомольской работы. В студенческие и аспирантские годы Кон был внештатным инструктором по школам Куйбышевского райкома комсомола Ленинграда. Отказавшись от официальных отношений со школьниками, он проводил с ними диспуты на интересовавшие их моральные темы, и на одном из них возник вопрос об отношении к теории разумного эгоизма Чернышевского. Кон заинтересовался этой темой, начал ее разрабатывать, и в итоге появилась диссертация (Кон 2008: 41).

Проработав недолго первым секретарем Василеостровского райкома ВЛКСМ, Ядов смог уйти из этой системы и заняться наукой. В жизни Б. М. Фирсова все сложилось иначе.

Биографический сюжет № 29. Б. М. Фирсов

Я окончил Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина), один их самых престижных вузов города, в феврале 1954 г., получив диплом инженера-электrofизика с отличием.

Уже на третьем курсе я был избран секретарем институтского комитета ВЛКСМ и с головой ушел в общественную работу. Лекции «мотал», пользуясь правом свободного посещения занятий, но лабораторные, курсовые работы и экзамены сдавал в срок, не разрешая себе никаких поблажек. Иначе бы я утратил моральное право призывать студентов-комсомольцев быть примером в овладении знаниями. <...> На моих глазах ЛЭТИ стал «эстрадно-музыкально-спортивным вузом с небольшим электротехническим уклоном», Так, с оттенком «белой зависти», называли его студенты других высших учебных заведений города. Комитет ВЛКСМ вуза, надежно прикрытый парткомом... находился у истоков этого принципиального изменения — создания дружественной культурной среды. Эхо «Весны в ЛЭТИ», самостоятельного студенческого спектакля-обозрения, и сейчас, 50 лет спустя, греет души многих выпускников института, как и слава институтской баскетбольной команды тех лет, чемпиона СССР. <...> В итоге, вместо того, чтобы принять предложение кафедры — поступить в аспирантуру ЛЭТИ и заниматься электронной оптикой, я стал общественным деятелем, последовательно избираясь на должности секретаря райкома комсомола (1953–1956 гг.), секретаря обкома ВЛКСМ (1956–1959 гг.), а затем и первого секретаря Дзержинского РК КПСС Ленинграда (1959–1962 гг.). Эта эволюция требует объяснения. Я бы хотел только обезопасить себя от подозрений в карьеризме. <...> У меня никогда не было денег для поддержки разных инициатив, но идеи, высказанные другими людьми, часто не оставляли меня равнодушным. <...> ...Занимая различные посты, я старался делать акцент на поддержке и помощи... (И: Фирсов 2005: 1–3).

В 1956 году Фирсов уговорил Ядова стать «первым» в Василеостровском РК ВЛКСМ. Через много лет Ядов стал руководителем кандидатского исследования Фирсова, а их сложные отношения переросли в дружбу.

Работа в комсомоле сделала социологом историка по базовому образованию Ж. Т. Тощенко. Будучи студентом, он активно занимался общественной работой: был комсоргом, членом бюро курса, факультета. На 3-м курсе стал сталинским стипендиатом, по тем временам получал фантастически большие деньги — 780 руб. при минимальной зарплате в стране в 170–220 руб. Ему был открыт путь в аспирантуру, но он решил по комсомольской путевке ехать на строительство новых предприятий в Сибирь. С некоторыми сокращениями приведу его ответ на вопрос о причинах такого решения.

Биографический сюжет № 30. Ж. Т. Тощенко

Во-первых, я увидел, что глубина преподаваемых нашими преподавателями курсов напрямую зависит от их жизненного опыта. Ведь многие из них, прежде чем начать университетскую жизнь, работали в школах, издательствах, архивах, занимались общественной работой. Лек-

ции и семинары молодых преподавателей, недавних студентов и аспирантов, были более легковесными, малоубедительными. Во-вторых, хотелось продолжить деятельность родителей, которые мечтали о лучшей жизни и считали, что ее надо самим создавать, быть ответственными за происходящее. <...> В стране в эти годы активно осваивалась целина, строились новые города, предприятия, электростанции, прокладывались железные дороги. И вот мы троим — Юрий Афанасьев (один из основателей «Демократической России», до 2003 г. — ректор РГГУ), Василий Гришаев (ныне завкафедрой Красноярского университета) и я — по путевке ЦК ВЛКСМ поехали в Красноярский край. Мне досталось строительство железной дороги Абакан–Тайшет... Затем последовала комсомольская работа, которую я начал в 1957 г. в Абаканском горкоме комсомола и завершил в 1964 г. секретарем Красноярского сельского крайкома ВЛКСМ. Работа с молодежью, особенно на стройках, поставила предо мной вопрос: почему на первое место выходят производственные задачи, а социальные проблемы отодвигаются на задний план? На той же дороге Абакан–Тайшет я нередко слышал руководителей разных рангов: «Главное, ребята, построить дорогу. А потом будут вам и жилье, и клубы, и места для учебы, и все остальное». Но шли годы, появлялись молодые семьи, и сразу возникали проблемы с детскими садами и школами... Почему? Не видят, не знают? Или что-то другое? <...>

Я решил, что мне не хватает экономических знаний, и поэтому поступил на заочную учебу в Иркутский институт народного хозяйства. Но меня мучили вопросы, на которые я не находил ответа в экономических штудиях. Ибо тогдашняя экономика была, как и многие годы спустя, «бесчеловечной», то есть рассматривала человека как рабочую силу, носителя профессиональных навыков. <...> Так я приходил к выводу о важности и первостепенности анализа социальных факторов. <...> Таким образом, на вопросы студентов, что сделало из меня социолога, я отвечаю: «Сибирь» (И: Тощенко 2007: 152–153).

В более жарком климате и иначе, но и Л. Е. Кесельмана, призванного в армию после ряда попыток получить техническое образование, к социологическим поискам «подтолкнул» комсомол.

Биографический сюжет № 31. Л. Е. Кесельман

Мои «студенческие» замашки и привычка «все подвергать сомнению» сразу же стали объектом особо пристрастного внимания моего «взводного», который буквально засыпал меня нарядами вне очереди, количество которых явно превышало общую совокупность аналогичных наказаний, полученных всеми остальными новобранцами нашего взвода. <...> К концу первого года службы, получив десять суток «с прицепом» за то, что, будучи комсоргом роты, «увел» ее в полном составе в соседнюю станицу в самоволку с ночевкой, я неожиданно был «досрочно» (на двенадцатые сутки) освобожден из Владикавказской гауптвахты и выз-

ван в штаб части в Махачкалу, где мне предложили занять офицерскую должность освобожденного секретаря комсомольской организации воинской части. На мое замечание: «Я еще “молодой”, кто меня выберет?», мне было сказано: «Выборы — наша проблема, от вас требуется только согласие».

А через месяц после «избрания» я и провел свой первый *анкетный опрос* на тему «Чему научила тебя армия?». Свидетельством общей «надежности» полученных данных были повторяющиеся в разных вариациях ответы комсомольцев нашей части на итоговый открытый вопрос, воспроизводивший название анкеты: «Пить водку и врать» (И: Кесельман 2005: 5).

А. Н. Алексеев, о школьных годах которого рассказывалось выше, вспоминал, что вступил в комсомол в школе еще в 8–9-м классе и гордился этим — ведь некоторые из его одноклассников стали комсомольцами лишь накануне экзаменов на аттестат зрелости. Ему казалось, что он — «честнее их», так как вступал в комсомол по убеждению, а не для «улучшения своей анкеты». Активным комсомольцем он был и в университете, в течение одного года был даже «освобожденным» секретарем комитета комсомола. Позже назвал себя «слишком правоверным комсомольцем» (Алексеев 1997).

Но не у всех представителей социологов первых поколений было подобное отношение к комсомолу. Приведу в качестве примера слова В. Э. Шляпентоха: «Я вступил в комсомол в годы войны, работая на шарикоподшипниковом заводе в Куйбышеве, был горд этим событием. После войны я полностью отошел от официальной общественной работы, был беспартийным» (И: Шляпентох 2006: 3).

Все изложенное выше показывает, насколько серьезно в первые послевоенные годы относились студенты к званию комсомольца и к своим комсомольским обязанностям. Еще одно доказательство этого — рассказ Т. И. Заславской о том, как в конце 1946 г. — тогда она училась на 1-м курсе экономического факультета МГУ — ее принимали в комсомол.

Биографический сюжет № 32. Т. И. Заславская

Когда Заславская училась в 8-м классе, ее одноклассников принимали в комсомол, а она к тому времени еще не достигла необходимого для этого возраста; школу кончала экстерном, поэтому и поступила в университет, не будучи комсомолкой. На физическом факультете, где она училась в течение трех лет, это обстоятельство никого не волновало, но на идеологической специальности, где все студенты были членами партии или комсомольцами, она выглядела «белой вороной». За полгода учебы она узнала членов бюро ВЛКСМ, они знали ее, и потому думала, что все пройдет гладко. Однако ее заподозрили в корысти, признали

уровень ее политической грамотности недостаточным и не приняли в комсомол. Она восприняла это как личное унижение и отказалась писать новое заявление и проходить снова эту процедуру. Однако позже она все же подала заявление, и все прошло нормально (Заславская 2007: 307–309).

Понимание «надо» применительно к работе в комсомоле было присуще и студентам рубежа 50–60-х гг. По воспоминаниям Л. В. Пановой, в школе и в институте она училась хорошо, много читала, но ей казалось, что это для удовольствия, а работать нужно там, «где принесешь больше пользы». Она была «правоверной пионеркой и комсомолкой», считала, что это все чрезвычайно важно, и даже в студенческие годы на целину ездила не потому, что было интересно, а потому, что так надо» (И: Панова 2008: 3).

В школьные и студенческие годы четвертого поколения социологов видение комсомола было существенно приземленнее, расчетливее; для большинства молодежи вступление в комсомол было формальностью, действием «как все», многие просто уклонялись от участия в работе этой организации. Вот как, к примеру, о школьных годах вспоминает М. А. Тарусин.

Биографический сюжет № 33. М. А. Тарусин

Собственно, большая домашняя библиотека (около 5000 томов), составленная из книг дореволюционной печати, и испортила мои отношения со школой. Книги без ижицы и ятей казались мне голыми и простоватыми. Литературу и историю я знал хорошо, и школьная программа была мне неинтересна, а в естественных науках оказался полным дебилом, и учительница химии писала в дневнике, что голова моя набита соломой. В целом я был троечником, физически не мог учить то, что мне не нравилось, терпеть не мог пионерский галстук и даже сумел избежать комсомола (И: Тарусин 2007: 56).

А. Е. Чирикова, учившаяся на психологическом факультете МГУ, вспоминает: «Из студенческой жизни тех лет я помню только выезд на картошку всем курсом. Это было весело и интересно, мы сдружились, спелись и др. Никакой общественной работой я не занималась. Это не было обязательным императивом. Кто хотел — мог быть комсоргом или старостой, но никакого давления на нас с целью насильственного втягивания в общественную работу я не замечала. Сокурсники из общегития больше старались заявить о себе через общественную работу, а “москвичи” особенно не проявлялись» (И: Чирикова 2010: 7).

Историку А. Ю. Мягкову после окончания университета, работы в школе и службы в армии предстояло думать о трудоустройстве.

Биографический сюжет № 34. А. Ю. Мягков

Домой вернулся в конце 1978 г., и все пришлось начинать заново. Начал искать работу. Были разные варианты. Предлагали, помнится, инструктором обкома комсомола (в отдел культуры), секретарем первички в одном из техникумов, что-то там еще по комсомольской линии, но поскольку общественную, и особенно комсомольскую, работу я с детства не любил, то эти предложения серьезно не рассматривал (**И:** Мягков 2010: 4).

Смерть Сталина

Мангеймовская интерпретация формирования и функционирования поколения включает в себя анализ важнейших событий, которые наполняли, создавали среду жизни людей и в значительной степени определяли их сознание. Для родившихся в 1920-х — первой половине 1930-х гг. таким событием была смерть Сталина в марте 1953 г. Эмоциональное состояние, пережитое ими в тот момент, было, с одной стороны, производной от знания недавнего прошлого страны и ожиданий того, в какую сторону будут развиваться политические процессы в ней, с другой — отправной точкой для понимания природы начавшейся через три года политической «оттепели». Определение отношения к Сталину, его смерти — одна из тем исследования, но она не обсуждалась в каждом из интервью с представителями старших поколений. Тем не менее полученная информация позволяет сделать вывод, что большинство из них глубоко и по-настоящему переживало случившееся, считало это трагедией для страны; но были и такие, кто связывал с уходом Сталина из жизни ослабление чувства страха; была и растерянность: «Что дальше?».

Прежде чем процитировать тот фрагмент интервью с Т. И. Заславской, в котором она говорит о чувствах, вызванных в ней смертью Сталина, перескажу кратко своими словами два сюжета из ее мемуаров, раскрывающих отношение многих советских людей, в том числе — московских студентов, к вождю. Первый из них относится к декабрю 1949 г. — тогда в Москве открылась выставка подарков Сталину в связи с его 70-летием. По воспоминаниям Заславской, сотни тысяч людей стремились посетить эту выставку, и, несмотря на длинную очередь, она с друзьями побывала там не менее трех раз. Она пишет: «Было трудно вообразить, каким великаном, героем и гением должен быть человек, которому посылают подарки на день рождения люди всего мира» (Заславская 2007: 350). Второй сюжет — бытовой; начинается он словами: «Искренне любя и уважая Сталина, я купила и поставила в своей комнате небольшой его бюст» (Там же: 352). Но случилось так, что зимой 1949–1950 гг. кот сбросил бюст на пол, и он разбился на несколько кусков. К сожалению, таких бюстов уже не было в продаже. И потому

возникли проблемы. Первая: как объяснить друзьям исчезновение бюста? Ссылка на кота, по ее мнению, выглядела неубедительной. Вторая: что делать с осколками? Выбросить их на помойку было невозможно, мусорщики следили, и была вероятность, что они отнесут осколки в НКВД. Нельзя было выкинуть их и на чужую помойку, это могло повредить кому-либо. Она раздробила крупные осколки так, что невозможно было определить, что это была за скульптура, и тогда все выбросила...

Теперь — впечатления Заславской о смерти Сталина.

Биографический сюжет № 35. Т. И. Заславская

Мое сознание в этом отношении было совершенно четко разделено как бы на правую и левую половины. Когда на одной полочке находится твердое знание о том, что такое Сталин, а на другой, тем не менее, — скорбь и слезы. Ужас! Настоящее раздвоение личности, которое было тогда у большинства. Не так много было людей, которые не испытывали никакого горя и тревоги. Вот, например, наш дядя Степан — он был коммунистом, прошел войну на «катюше», работал трактористом в колхозе; когда умер Сталин и женщины стали плакать, говорил: «О чем вы ревете, радоваться надо, что изверг подох...» (И: Заславская 2007б: 141–142).

Описание событий и ощущений тех дней есть у В. А. Ядова (И: Ядов 1999: 47). Он вспоминает, что ходил по улицам и фотографировал «для истории» лица людей, собиравшихся возле уличных громкоговорителей, они слушали сообщения о болезни и смерти Сталина, они плакали, плакал и он. Его жена пришла домой и рассказала, что один офицер в автобусе спросил ее, отчего она плачет, и добавил: «Это счастье, что он умер». Ядов и его жена решили, что это был замаскированный антисоветчик.

Более определенным было отношение к смерти вождя 19-летнего студента философского факультета ЛГУ А. В. Баранова.

Биографический сюжет № 36. А. В. Баранов

Отец погиб на войне на Орловско-Курской дуге в 1943, мать умерла в 1953, по-моему, одновременно со Сталиным, то есть 3 марта. Она болела раком, жила у меня здесь, в Петербурге, я уже был женат. Здешние врачи не могли ее спасти, она поехала домой и там умерла. Я ездил на похороны. Когда я туда приехал, сообщили, что и Сталин умер. Когда я ехал обратно поездом, то в момент похорон Сталина — вынос тела и собственно захоронение — по всей стране была объявлена минута молчания. Поезд остановился, и непрерывный гудок. Все заводы и поезда гудели. Это было очень сильно, торжественно, эмоционально.

Я ехал в общем вагоне, и в соседнем купе, напротив, сравнительно молодые мужчины, трое, громко разговаривали, это в минуту траура, и даже вроде сказали: «Выпьем за то, что сдох усатый». По-видимому,

что-то такое было произнесено. Для меня Сталин был кумиром, естественно, у меня никаких интеллигентских штучек в голове не было... А это наложение двух смертей, мать и отец, именно так я воспринимал, и даже сказал, похоже, этим ребятам, которые выпивали, что мне не нравится, не надо так говорить, пожалуйста, все-таки траур. Они испугались, извинились. Я говорю: «Всё нормально, парни, не волнуйтесь». Они фактически провожали меня, как я выходил из поезда. Смотрели, не пойду ли я сдавать их в милицию. У меня таких намерений не было, мне просто было все это неприятно (И: Баранов 2008: 3).

Прозрение В. Э. Шляпентоха состоялось значительно раньше: «Я рано, уже на первых курсах университета — в 1947–1948 годах — вместе с моим покойным другом выработал резко отрицательное отношение к системе и к Сталину. Его смерть воспринял с радостью» (И: Шляпентох 2006: 3).

Сфера свободы

Принимая во внимание страх родителей за своих детей, в условиях тоталитарного общества, жесткого репрессивного режима, в период военного и послевоенного времени, *семья* — каким бы ее прошлое ни было и какие бы политико-идеологические и культурные представления в ней ни доминировали, — как правило, формировала в сознании детей позитивные взгляды на окружающий мир, на действующую власть, на Сталина. Приведенные выше фрагменты воспоминаний социологов старших возрастов однозначно свидетельствуют о том, что детей держали в неведении о генеалогии семьи и о тех сторонах жизни страны, которые взрослые разрешали себе обсуждать лишь вечерами и шепотом.

Школа — один из официальных воспитательно-идеологических институтов общества, и в ней, даже при наличии выдающихся преподавателей, старавшихся привить ученикам, говоря современным языком, общечеловеческие ценности, доминировали правила, предписания, которые диктовались временем и идеологией. Преподавали тенденциозно урезанный, политизированный курс истории страны, до минимума был сокращен перечень писателей, творчество которых изучалось, давалась классовая интерпретация русской классики.

Нет необходимости говорить о пронизанности идеологией всей *системы высшего образования* в СССР, тем более системы подготовки по обществоведческим, гуманитарным курсам и особенно программ соответствующих факультетов университетов.

Комсомол считался школой коммунизма. Нередко — в силу молодости или карьерных побуждений — комсомольскими организациями принимались по отношению к провинившимся решения более жесткие и бескомпромиссные, чем партийными структурами.

Безусловно, в пространстве каждого из этих социальных институтов за личностью сохранялась относительная степень свободы выбора, размышлений, допускались множественность интересов и некоторое разнообразие одобряемых обществом моделей поведения. Так, самостоятельно прочитанная классическая литература, целенаправленно проработанные в юношеские годы философские произведения, раздумья над страницами исторических произведений, рассмотрение семейных фотоальбомов, хранимых в глубинах шкафов, услышанные обрывки полупшепота взрослых, воспоминания слегка подвыпивших и потому ослабивших внутренний контроль фронтовиков позволяли людям в период юности и ранней взрослости встретиться со знаками той реальности, о которой им не говорилось в школе, которой не было в сообщениях газет и радио, в рекомендованной для чтения литературе. И все же эти четыре сферы были пространством весьма ограниченной свободы.

Суммируя сказанное, было бы ошибочным в концептуальном плане и в собственно историко-биографическом отношении рассматривать процесс социализации представителей первых послевоенных поколений советских/российских социологов лишь в координатах, задаваемых родительской семьей, школой, высшим учебным заведением и комсомолом. Каждый из них в той или иной степени соприкасался с информацией, отличной от той, что распространялась прессой, радио, позже — телевидением; слушал поэтов, которых многие годы не публиковали, музыку, распространяемую на отработанных рентгеновских пленках, «забугорные голоса»; читал «самиздат» и «тамиздат»; посещал «подпольные» концерты; многие участвовали в различных формах самодеятельности, пытались писать стихи о волновавшем их, и т. д. Другими словами, одновременно со следованием предписаниям, действовавшим в жестко политизированных и идеологизированных сферах жизнедеятельности социума, представители всех рассматриваемых поколений социологов встречались с разномыслием и инакомыслием, с образцами андеграундной культуры и не плакатного поведения.

Таким образом, представляется важным обсудить тематику, которая до недавнего времени не рассматривалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но разработка которой может серьезно углубить понимание генезиса нашей науки, ряда особенностей ее развития и характера деятельности некоторых социологов. Речь идет о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление советской социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры в 1950–1970-х гг. Эта тема периферийна, если вообще может быть вписана в рамки институционального изучения истории отечественной социологии, но она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов. Человек

на протяжении всей жизни в том или ином виде всегда соприкасается с различными формами неофициальной культуры, но очевидно, что для становления его, как личности, особое значение имеют контакты с этой культурой в ранней молодости.

В книге, посвященной истории разномыслия в СССР в 40–60-е гг., Б. М. Фирсов рассматривает две группы практик и сред формирования разномыслия: одна из них характерна для «отцов», другая — для детей (Фирсов 2008: 119–236). В его работе старшие — это люди, построившие социализм и победившие в войне, младшие — их дети. К набору отцовских практик относятся лагеря, в которых отбывали свой срок посаженные еще во второй половине 30-х, и вчерашние солдаты и офицеры, прошедшие через плен или обвинявшиеся в антисоветской деятельности; государственная политика, лишившая миллионы фронтовиков гордости за свою победу; нищета, бараки и перенаселенные коммуналки, выталкивавшие многих и многих в сарайчики, которые назывались «полбутылкой» и стали пространством «шалманной демократии», и прочее. В группу детей автор включает тех, кому в год Победы было 16–17 лет; они не знали по-настоящему страха конца 30-х, а их гражданские позиции формировались в годы политической «оттепели». Они учились в раздельных — мужских и женских — школах, смотрели трофейные фильмы, любили джаз, зачастую были рядом с полублатным миром и верили в комсомол. В своем стремлении к пониманию общества и его улучшению они создавали тайные объединения по изучению марксизма, конспиративные кружки культурологической направленности, пытались найти новые выразительные средства в области поэзии, театра и музыки.

Мне представляется, что возрастные рамки сообщества «детей» можно расширить, ибо даже встретившие Победу в значительно более раннем возрасте, они к моменту XX съезда КПСС уже достигли 15–16 лет и были способны многое понять. Они еще не были готовы к участию в тайных сообществах, но их формирование происходило в том же социокультурном пространстве, что и их старших братьев и сестер. В настоящей книге «дети», если иметь в виду типологию Фирсова, предстают в основном социологами первого—второго поколения и частично — третьего.

Отмечу и то, что дихотомия «приватного» и «публичного» не исчезла в 60-е гг.; она расширялась и в следующие два десятилетия, когда «дети» уже стали «отцами». Поколение их детей составляет значительную часть четвертой когорты советских/российских социологов. Но и в годы их первичной социализации, в начале их ранней взрослости, оставалось сосуществование—противопоставление жестко и относительно мягко идеологизированных областей жизни людей — изменилось лишь содержание пространства практик и сред формирования разномыслия.

Тема двух ниш, двух сфер реальности оказалась в поле моего зрения на фазе «предбиографии» настоящего историко-наукovedческого исследования, при работе над очерком о жизни и творчестве Б. А. Грушина. Так получилось, что траектория жизни Грушина всегда проходила через обе эти сферы, а в его отношении к своему делу, в языке его научных и публицистических выступлений, другими словами — в его творчестве, явно просматривается и понимание им необходимости выполнения требований «жесткой» среды, и стремление не покидать комфортную для него «мягкую» сферу, или сферу свободы. В ходе интервью почти все социологи разных поколений самопроизвольно или отвечая на мои вопросы касались этой темы; ибо в различной степени каждый из них был погружен в мир неформальной культуры.

Обращаясь к годам окончания школы и начала студенческой поры, Т. И. Заславская вспоминала о посещениях студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых поэты-фронтовики читали свои стихи. В нашем электронном интервью она писала:

Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи (И: Заславская 2007б: 141).

По словам А. Г. Здравомыслова, в его жизни огромную роль играл хор Ленинградского университета, в воспоминаниях его сокурсницы А. В. Русалиновой есть такие слова: «Я в студенческие годы буквально “пустилась во все тяжкие”, не в обывательском смысле этого слова, а в плане максимального использования имевшихся возможностей: ходила в студенческий хор, которым руководил Г. М. Сандлер...» (И: Русалинова 2009: 4). А для А. В. Баранова хор — самое светлое воспоминание об университетских годах.

Биографический сюжет № 37. А. В. Баранов

...От философского факультета и от учебы на философском факультете в Ленинградском государственном университете имени Жданова я вынес только одно приятное воспоминание: я поступил в хор. Туда меня привел Андрей Здравомыслов, который раньше меня вошел в университетский хор. Там я был до окончания университета. И это единственное позитивное воспоминание об учебе в Ленинградском университете. <...>

Меня избирают старостой хора. Причем — первым старостой университетского хора, до этого не было такой должности. Так, что еще про университет... По-моему, больше ничего хорошего я сказать про него не могу (**И:** Баранов 2008: 6).

Б. М. Фирсов, закончивший в 1954 г. Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), вспоминает широко известный в Ленинграде в середине 50-х гг. студенческий спектакль «Весна в ЛЭТИ», одним из создателей которого он был (**И:** Фирсов 2005: 3). Л. В. Панова, которая в те же годы была студенткой Ленинградского кораблестроительного института, пишет о полузапрещенных джазовых концертах и спектакле «Весна в ЛЭТИ» и замечает: «Мы на него ходили и удивлялись, что наконец с нами говорят тем языком, который нам понятен и близок... не было никакой тяжеловесности, вранья, вымученной идеологии, которой было так напичкано все вокруг» (**И:** Панова 2008: 4). И. И. Травин, учившийся на историческом факультете МГУ в конце 50-х, отмечал особое влияние на него Московского фестиваля молодежи и студентов (1957); то были две недели, которые потрясли его мир. Упоминает он и мастерские художников, и выставки, а также концерты и фестивали Московского джаз-клуба (**И:** Травин 2008: 2–3).

В интервью с представителем четвертого поколения социологов В. И. Ильиным открылась сфера жизни, которой не могло быть у его старших коллег.

Биографический сюжет № 38. В. И. Ильин

Ряд студенческих лет он провел в общежитии ЛГУ № 6 на Мытнинской набережной, так называемой шестерке. Это был своеобразный Ноев ковчег, в котором жили студенты со всех концов света. Его соседями по комнате были японский социалист, племянник крупного бизнесмена из Токио, иракский коммунист, бежавший из Ирака от преследований Саддама Хусейна, а также выходец из элитной цейлонской семьи. О мире он узнавал не из советских газет, а в бесконечных распитиях чая, вина и водки, из постоянных разговоров на кухне и лестничных площадках. Туда модные диски привозились из Хельсинки, Стокгольма и Парижа. Там ходили книги не из книжных магазинов, хотя Солженицын давался только совсем своим. Здесь он впервые прочел ахматовский «Реквием». В его комнате пару лет готовилась стенная газета «118-я Правда» (118 — по номеру комнаты), он был ее главным редактором. Когда газету закрыли, он начал издавать иллюстрированный журнал «Жизнь “шестерки”», но его он показывал только своим (**И:** Ильин 2010: 139–140).

Теперь опишу подробнее практику поведения в «сферах свободы» отдельных социологов, представляющих третье и четвертое профессиональные поколения.

Начну с отступления «регионального» характера, с пояснения термина *«сайгонская культура»*.

Ленинград всегда был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андеграундных субкультур, либо пресекаемых властью, либо частично разрешенных, но контролируемых идеологическими организациями и органами правопорядка. Кафе «Сайгон» открылось осенью 1964 г. и на протяжении последующих почти двух десятилетий было одним из заметнейших очагов андеграундной культуры. Оно располагалось в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов. Формально это было кафе от ресторана «Москва», но все, знавшие это место, называли его «Сайгоном». В настоящее время признается, что «Сайгон» (и еще несколько небольших кафе города) были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, определивших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К «сайгонавтам» относятся И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, «Митьки», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой. Приведу несколько реминисценций о «сайгонной» атмосфере людей, знавших ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал:

Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких), мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место, но и время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой легендой, продолжением петербургского мифа (у «них» — салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас — «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив — на расстоянии Литейного — официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как «сайгонский период русской литературы» (Пономарев 2004).

Виктор Кривулин:

В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его — так было удобней. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком — и вспоминаю его лицо — он у меня на обыске был...» (Невский до и после 1996).

Социолог четвертого поколения Т. З. Протасенко долгие годы жила в самом центре Ленинграда, в квартале от «Сайгона». Естественно, я не мог не спросить ее об отношении к этому «клубу».

Его обитатели меня не интересовали. Некоторых я знала очень хорошо — они жили рядом. Некоторых я встречала в компаниях мимоходом, и они меня не заинтересовали. <...> «Сайгон», с моей точки зрения, был, конечно, очень интересным местом для наблюдения социологов, но в плане личностного обогащения — вряд ли. Поэтому я там и бывала нечасто.

И тем не менее она дала неплохое, довольно точное описание пространства, в котором существовало это кафе.

«Сайгон» в то время был местом встречи для многих странников жизни — в отношении многих было известно, что он в такое-то время будет в «Сайгоне» или в книжном скверике на Литейном. И он туда в это время приползал, даже если совсем не держался на ногах. Потом в этот круг общения было включено еще несколько точек: подвал Дома актера «Советское Шампанское», где продавали коктейль «фифти-фифти» (коньяк пополам с шампанским), кафе «Эльф» на Стремянной и кафе «Ольстер» на Марата, когда открылся после ремонта ресторан Невский (И: Протасенко 2011: 5).

Если бы мне пришлось разрабатывать теоретическую схему погружения социологов второго—третьего поколения в мир неформальной культуры Ленинграда, то в нее был бы включен ряд кафе города, но прежде всего «Сайгон». Однако замечу, в моем историческом исследовании эта тема возникла стихийно: сначала она обозначилась при изучении биографии Г. В. Старовойтовой и полнее заявила о себе при написании статьи о В. Б. Голофасте.

Я давно был знаком с Голофастом, но лишь незадолго до его смерти узнал из его письма, что в юности он писал стихи. «На филфаке я учился в 1960–65, — писал Голофаст. — Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60–61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского⁵ (он теперь в США), мы были друзьями, и я

⁵ Константин Кузьминский — человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда конца 1950-х — начала 1960-х гг., обладает феноменальной памятью на стихи. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, был образцом нового богемно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир

частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам — меня завалили по языку — а это было хана пребывания в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Я ответил Голофасту, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекавшимся дружеским компаниям. После смерти Голофаста я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаста гениальными, и указал сайт, на котором размещены его воспоминания о Голофасте и несколько его стихотворений. Приведу небольшой фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаста как представителя одного из типов социологов третьего поколения.

...Стихи, с которыми он пришел, были — уже — написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность — вот философичность-то, по-моему, Голофаста и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаста не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем — дошел бы до полного самоотрицания. А так — хоть подышал. <...> Голофаста я встретил перед отъездом в «Сайгоне», поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он — потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания — у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?.. (Антология 2005: 260–266).

Если для Голофаста «Сайгон» был местом общения с представителями андеграундной поэзии, то для Г. В. Старовойтовой — одним из истоков ее будущей правозащитной и политической деятельности. Многие в ее гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» (И: Старовойтова 2007).

Е. А. Здравомыслова, говоря о пространстве, в котором проходило ее становление, отмечает прежде всего круг своей семьи и затем — литературный клуб «Дерзание», который позднее переселился в сегмент «Сайгонного сообщества». «Это были люди, — пишет она, — гораздо критичнее настроенные к советскому обществу, нежели мои родители. Они создавали контркультуру из материала собственной жизни с большими потерями для здоровья, не говоря уже о карьере...» (И: Здрavo-

литераторов и художников (Кузьминский 1998). Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения (Долинин, Северюхин 2003).

мыслова 2009: 10). У Бориса Гребенщикова есть строки: «Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...» По его воспоминаниям, «наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе “Дерзание” при Дворце пионеров» (Гребенщиков 1996). Среди активистов этой группы он называет и Здравомыслову. Ей принадлежит одно из наиболее интересных исследований природы «Сайгона» и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи или социальным пространством общения ленинградских маргиналов, системным протестом против существовавшей политической организации общества. По ее мнению, люди «Сайгона» создавали для себя гражданское общество, они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует (Здравомыслова 2010).

Изучение ранних этапов биографии не отдельного ученого, что типично для истории науки, но поколений исследователей, в нашем случае — социологов, — задача новая в методологическом и методическом отношении. Ее главная сложность заключается в необходимости обеспечения единства теории и опыта познания личности и анализа становления поколений. Первая из указанных проблемных областей традиционно разрабатывается на основе принципов и методов психологии, вторая принадлежит сфере социологических изысканий. При рассмотрении начала жизненного пути ученого биограф, безусловно, *учитывает* особенности *макросреды*, в которой рос и воспитывался его герой, но *прежде всего* он пытается погрузиться в его *микросреду* и его личный мир и выстроить систему гипотез, объясняющих, в силу каких обстоятельств он сформировался именно таким, а не иным. В историко-наукovedческой работе, в которой постулируется важность ролей как отдельных ученых, так и целых поколений исследователей, необходимо достижение *иного баланса* в описании макро- и микросредовых факторов и в трактовке их влияния на становление ученого и научного сообщества. При решении одного круга познавательных задач доминирующее значение следует придавать макрообстоятельствам, но одновременно может быть очерчено множество проблем, при разработке которых на первом плане оказываются элементы микросреды.

Все сказанное может быть изложено в ином ключе, в акцентировании не предметных особенностей историко-наукovedческого анализа, опирающегося на биографические материалы, а специфики деятельности исследователя, осуществляющего подобный анализ. Разрабатывая одни пласты очерченной им проблематики, он прежде всего оказывается *биографом*, при решении иного рода задач — *историком науки*. И результат историко-биографического исследования также зависит от нахождения эффективного метода достижения баланса стихий двух типов научных поисков — исторического и биографического.

Глава 6

**Порождено историей.
Один возраст — два поколения**

Летом 2009 г. В. А. Ядов так описал процесс появления в стране социологов: «У Салтыкова-Щедрина есть фраза: “Откуда берутся дворяне? Из дворян. Откуда мещане? Из мещан. А откуда крестьяне? Да так, сами по себе — из грязи”. Физики брались из физиков, химики — из химиков. А социологи — из философов, психологов, экономистов. Из разных прочих дисциплин. Из математиков тоже. Это самообразование» (И: Ядов В. 2009).

За редким исключением, социологи первых четырех поколений оказались в социологии случайно, они не готовили себя к работе именно в этой научной нише, а часто вообще не знали о ее существовании. Однако замечу, эта случайность различна по своей природе для разных поколений. Действительно, приход в социологию был случайным, но реализовывались эти случаи в разных полях случайности.

Профессиональный выбор социологов первых трех поколений не мог включать социологию уже потому, что в период их базового профессионального самоопределения такой науки в СССР не было. Тогда выпускники школ, отчетливо или смутно ориентировавшиеся на изучение общих принципов познания, социальной проблематики или человека, стремились получить философское, историческое или экономическое образование. Движение в сторону этих предметов оказалось для них первым шагом на пути в социологию.

Происходившее далее хорошо показал М. К. Мамардашвили, рассказывая о начале его собственных, а также его друзей, среди которых был и Б. А. Грушин, поисков новых подходов к философии. По его мнению, в 1950-е гг. философии в СССР не было, она возникала заново, и внутри нее люди делали разные выборы. Стремившиеся обслуживать «идеологические шестеренки» занимались историческим материализмом, теорией коммунизма и другими идеологически выдержанными темами. Не желавшие так поступать и не искавшие такой судьбы старались находить менее огосударствленные сферы философской науки, а значительная часть выпускников философских факультетов сама уходила или была вынуждена уйти в иные сферы деятельности. Аналогичное можно сказать об историках, экономистах, пытавшихся найти для собственных исследований менее политизированные и идеологизированные проблемы. Социология виделась в то время наукой, достаточно приближенной к практике, и в силу этого ее проблематика представлялась — и в известной степени была — более открытой, свободной, чем истматовская, политэкономическая и историко-партийная. Другими словами, их приход в социологию был, с одной стороны, исторически

обусловленным, а с другой — случайным. Мамардашвили сформулировал диалектику этих понятий весьма метафорично: «Начало всегда исторично, то есть случайно» (Мамардашвили 1991).

Первое поколение пришло в социологию «без приглашения», не дожидаясь его, даже наперекор строгому предупреждению — «входа нет». Будущее показало высокую пассионарность его представителей и верность избранному пути; их энергетики хватило на «зарядку» следующих поколений социологов.

Вошедшие во второе поколение, по сути — часто сверстники «отцов-основателей», уже получали приглашения от первооткрывателей: аспирантура под руководством «первых», участие в их семинарах, чтение их публикаций. Приходя в социологию, «вторые» имели большой опыт работы вне философии: партийная и комсомольская деятельность, прокуратура и адвокатура, журналистика, производство. Поэтому их приход в социологию принципиально расширил предметную сферу этой науки.

Во второй половине 1960-х гг. становящаяся советская социология остро ощутила потребность в специалистах, готовых к освоению методов обработки первичной информации, формированию выборов, освоению методологии феноменологических теорий. Поиск ответов на эти вызовы был возложен на вчерашних выпускников математических, физических факультетов, филологов с профессиональным знанием языков. Так происходило формирование третьего поколения социологов. Каждый из них появился в социологии случайно, но их совместный приход в эту науку был закономерностью.

Рожденные в 1950-е гг. уже могли избрать и избирали социологию как специальность либо при поступлении в вузы, либо в процессе обучения. И все же шансов для этого было немного — нужно было как минимум «случайно» оказаться в кругу, где были социологи (к примеру, родители) или люди, имевшие о ней представление. Оба этих канала формирования будущих социологов только начинали функционировать, поэтому в целом механизм рекрутирования четвертого поколения социологов мало отличается от сложившегося при образовании третьей профессиональной когорты.

Ниже приведены воспоминания представителей первых двух поколений социологов об их вхождении в социологию. Замечу, что здесь рассматриваются биографии ученых, которые составляют как *основной*, так и *дополнительный массивы* настоящего исследования (см. гл. 4).

Им было суждено начать

Если исходить из того, что мир — не хаос, то придется признать объективность многих процессов, происходящих в обществе и в социальных институтах. Объективно и развитие системы наук об обществе.

Политическая оттепель создала предпосылки для обращения представителей *разных* поколений советских обществоведов к возможностям социологии. О ее существовании в дореволюционной и отчасти постреволюционной России самые старшие помнили на протяжении четверти века, но предпочитали молчать. 30-летние узнавали о ней из зарубежной литературы, книг, издававшихся в стране до наложенного на социологию «вето», и редких отечественных публикаций, появлявшихся после смерти Сталина и разоблачения его культа.

Вот здесь на арене истории и должны были появиться новые люди, обладавшие двумя уникальными для той эпохи качествами: во-первых, более смотрящими вперед, чем назад; во-вторых, профессионально готовыми к *самостоятельному* овладению теорией, методологией и методами современной по тому времени социологии. По сути, речь шла о новых типах личности, которые были способны услышать пробивавшиеся из толщи социальных отношений вызовы, перевести их на язык науки, приступить к поиску ответов на эти вызовы и доказать обществу, что эта новая наука необходима ему.

Таких вперёдсмотрящих не могло быть много, но и нужны были единицы. Тем не менее трудно проанализировать путь каждого в область науки, новую не только для него, но неизведанную и другими. Для истории представляют особый интерес именно первые шаги людей в инновационную сферу: как случилось, что сегодня человек фактически отказывается от своих выношенных и, казалось бы, принятых планов и идет в том направлении, которого он вчера не видел. Понятно, что в одних случаях — это его реакция на некие внешние обстоятельства, в других — куммулятивный итог каких-то многолетних рассуждений, иногда — бегство от привычного, рутинного, и т. д. Наверное, в настоящем историко-научоведческом исследовании можно было бы попытаться отыскать подобные причины, но два момента препятствуют этому. Во-первых, здесь пришлось бы отойти далеко от фактов, от сказанного в интервью и перейти в сферу гипотез относительно мотивации поведения человека, что всегда рискованно. Во-вторых, фактически это требовало бы отказа от поколенческого изучения российского социологического сообщества и обращения к личностному анализу.

Одновременное рассмотрение биографической информации нескольких социологов первого поколения позволяет до определенной степени воссоздать процесс становления социологии в СССР. Безусловно, предлагаемая модель недостаточно детализирована, но она открыта для дальнейшего построения. Ниже представлены сведения о получении научных степеней представителями первого поколения (табл. 4).

Таблица 4

**Получение научных степеней представителями
первого поколения социологов (годы)**

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Год защиты диссертаций	
		кандидат- ской	доктор- ской
Грушин Борис Андреевич	1929–2007	1958	1967
Ельмеев Василий Яковлевич	1928–2010	1953	1963, 1977
Заславская Татьяна Ивановна	1927	1956	1965
Здравомыслов Андрей Григорьевич	1928–2009	1960	1968
Кон Игорь Семенович	1928–2011	1950	1959
Кугель Самуил Аронович	1924	1963	1974
Лапин Николай Иванович	1931	1960	1968
Левада Юрий Александрович	1930–2006	1955	1964
Осипов Геннадий Васильевич	1929	1955	1964
Харчев Анатолий Георгиевич	1921–1987	1952	1963
Шкаратан Овсей Ирмович	1931	1958	1968
Шляпентох Владимир Эммануилович	1926	1956	1966
Шубкин Владимир Николаевич	1923–2010	1958	1966
Ядов Владимир Александрович	1928	1959	1967

Начну с Ленинграда. Это оправдано с собственно исторической точки зрения и подкреплено наличием соответствующей информации. Центральным событием здесь будет рождение первой в стране Лаборатории социологических исследований Ленинградского государственного университета. Базой для этого повествования являются мемуары Игоря Семеновича Кона, интервью с Андреем Григорьевичем Здравомысловым и Владимиром Александровичем Ядовым, а также ряд других источников.

Похоже, все началось в 1960 г. — именно тогда, говоря словами В. А. Ядова, И. С. Кон обратил его в социолога: «Игорь сыграл решающую роль в моем, как говорят постмодернисты, проекте профессиональной жизни. Понятие “проект” здесь уместно, ибо возник он благодаря Игорю,

не был предначертан теми структурами, в которых меня формировали. Мы оба преподавали на философском истмат» (И: Ядов 2005а: 4).

Биографический сюжет № 1. И. С. Кон

В 1947 году И. С. Кон в 19 лет закончил исторический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (Кон 2008). В 1950 году он в течение трех летних месяцев защитил две кандидатские диссертации: одну — по истории, другую — по философии. Он готов был представить и третью, но мудрые люди объяснили ему, что этого делать не надо. В последующие годы его работы касались множества тем истории и методологии философии, социологии и социальной психологии, и в 1959 г. он защитил докторскую диссертацию по теме: «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли». За ней последовал ряд книг, которые сразу закрепили за Коном ведущее положение в проблематике истории социологии. Наиболее известными стали две его монографии: «Основные направления буржуазной философии и социологии XX века» (Асеев, Кон 1961), написанная с Ю. А. Асеевым, и ставшая классикой «Позитивизм в социологии» (Кон 1964).

Кон пришел к социологии, продолжая начатые им ранее исследования по истории социальной мысли и наблюдая трудности становления в стране эмпирической социологии. Он не предполагал сам заниматься этим, но знал, что в ближайшие годы такой тип исследований в стране появится. Как профессиональный историк, он исходил из того, что никакая наука не может развиваться, не зная своей истории, и поэтому сосредоточился на выявлении рационального в позитивистской социологии.

Приход Владимира Александровича Ядова в социологию был иным, он стал реакцией на предложение Кона.

Биографический сюжет № 2. В. А. Ядов

Принципиальное изменение траектории жизни Ядова произошло в результате его ознакомления с книгой Гуда и Хатта, на которую его внимание обратил Кон. Детали этой истории и то, как книга была переведена на русский язык, рассмотрены выше. В 1960 году декану философского факультета В. П. Рожину удалось провести через ученый совет университета решение о создании социологической лаборатории, которая начала свою работу в находившемся в страшном запущении Меншиковском дворце. Руководителем лаборатории был назначен Ядов, его заместителем — Здравомыслов.

В том же 1960 г. в журнале «Коммунист» (№ 15) вышла статья Г. А. Пруденского о свободном времени, которая произвела на Кона сильное впечатление. Он вспоминает: «Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию я считал в СССР абсолютно невозможной), и посоветовал это сделать

Ядову. Однако в то время Ядов был еще “чистым философом” и сказал, что эта тема и вообще любая эмпирия ему кажется мелковатой» (Кон 2008: 211). А вот запомнившееся Ядовым: «Он [Кон] меня просто душил: “Ну проведите же вы исследование бюджетов времени!..” И мы провели его на Кировском заводе» (И: Ядов 2008: 86). Это был дневник, в котором рабочие должны были фиксировать, что они делали в течение каждых десяти минут. По воспоминаниям одного из первых сотрудников лаборатории Э. В. Беляева, в результате семинаров по книге Гуда и Хатта через несколько месяцев была создана анкета и проведено исследование по использованию свободного времени среди рабочих и служащих Ленинграда. Выборка была небольшой: 100 человек, по 50 мужчин и женщин, но это было даже не начало, а «предначало» ленинградской социологии. Итоги исследования были опубликованы в 1961 г. (Ядов и др. 1961). На хранимом Коном оттиске этой статьи Ядовым и Здравомысловым написано: «Игорю Семеновичу Кону — покровителю конкретной социологии в ЛГУ».

Каков был социологический багаж руководителей первой в стране социологической лаборатории? В 1959 году Ядов защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Идеология как форма духовной деятельности общества», которая через два года была опубликована в книге под тем же названием. По его воспоминаниям, он был знаком с социологией по работам ряда западных авторов, которые он изучал при подготовке кандидатской диссертации. В интервью Ядов отметил, что Кон образовывал его по части истории социологии и многое он почерпнул из разговоров с Ю. А. Асеевым. «Времени на изучение трудов гигантов социологии решительно не было», — вспоминал Ядов (И: Ядов 2005а: 4) и затем: «Штука в том, что теоретические воззрения классиков социологии я кодировал для себя как социальную философию» (Там же: 9). Знакомство с учебником Гуда и Хатта было для него решающим. Все относящееся к эмпирическим приемам социологии, статистическим методам, он изучал самостоятельно.

В марте 1967 г. Ядов защищает первую в стране докторскую диссертацию по методологии конкретного социологического исследования. Работа базировалась на материалах его книги по этой проблематике, увидевшей свет в будущем в г. в Тарту (Ядов 1968), и опиралась на опыт уже завершеного исследования «Человек и его работа» (Человек и его работа 1967).

Защита вызвала огромный интерес, на философском факультете не нашлось аудитории, в которой могли бы разместиться все желавшие присутствовать на ней, перешли в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака, находившегося в том же здании. В заключение Ядов поблагодарил Хильду Химмельвайт, от которой он многое узнал, стажирясь в Лондонской школе экономики и политики. Возник скандал, здорово помогла Г. М. Андреева — оппонент его диссертации. Она объяснила Совету, что Химмельвайт — крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее, т. е. «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

Социологическое самоопределение Здравомыслова началось в аспирантуре — в 1956–1960 гг. По его воспоминаниям, студенческий и аспирантский периоды его жизни резко отличались друг от друга. Он начал изучать Парсонса, подошел к проблеме социальных интересов и в начале 1960 г. защитил диссертацию, в названии которой присутствовало слово социология — «Категория интереса в марксистской социологии» (Здравомыслов 1959). Вскоре вышла его книга «Проблема интереса в социологической теории» (Здравомыслов 1964), в которой социальные институты были названы им в качестве главного предмета социологии.

Биографический сюжет № 3. А. Г. Здравомыслов

Свое докторское исследование Здравомыслов представил к защите в 1968 г., в нем он продолжил исследование социальных интересов. В отличие от трактовок «интереса», которые предлагали другие советские авторы, Здравомыслов подчеркивал субъективный аспект этой категории, что, в свою очередь, позволяло включить в социологическую разработку проблематику изучения мотиваций поведения и ценностных ориентаций. К тому времени уже была опубликована книга «Человек и его работа», в которой иллюстрировалось, раскрывалось многое из его концептуальных построений (Человек и его работа 1967).

Здесь был рассмотрен уникальный для науки случай: трое ровесников и земляков, примерно в одно время вошедших в несуществовавшую тогда социологию, взаимодействуя друг с другом в разных формах, отыскивали для себя собственные исследовательские ниши, в которых затем десятилетиями успешно работали. Профессиональные интересы и личностные качества Кона, Здравомыслова и Ядова определили высокое место каждого из них в истории советской/российской социологии, способствовали становлению ленинградской социологической школы и конституированию социологии в стране.

Ряд ученых старшего поколения и историков советской/российской социологии не согласятся с включением мной в группу социологов первого поколения Василия Яковлевича Ельмеева. В течение многих лет он доказывал антимарксистский характер исследований В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, резко критически относился к положениям экономической социологии Т. И. Заславской и во многих своих работах скорее выступал с позиций научного коммунизма, чем социологии.

Ельмеев не принадлежит к группе социологов-первопроходцев, работы которых заложили базисные теоретико-методологические и методические основы новой, послевоенной советской/российской социологии. Вместе с тем полнота исторического анализа предусматривает изучение жизни и творчества ученых, отстаивавших разные точки зрения на логику и предмет социологии.

Биографический сюжет № 4. В. Я. Ельмеев

Ельмеев родился и вырос в мордовском селе, в семье колхозников, окончил в селе семилетнюю школу, а в 1942 г. поступил в Саранское педагогическое училище. В числе учеников-отличников после его окончания получил право на поступление в вуз без экзаменов и в 1945 г. стал студентом философского факультета Ленинградского университета (И: Ельмеев 1998).

Как личность и ученый, Ельмеев формировался в тот же период, когда происходила социализация социологов двух старших поколений. Он учился на философском факультете ЛГУ одновременно со Здравомысловым и Ядовым, а также с представителями второго поколения социологов (см. ниже) А. В. Барановым, Л. Н. Столовичем и А. А. Русалиновой. Однако в своих общеполитических и гражданских взглядах Ельмеев также расходился с основной группой социологов первого поколения. Приведу два фрагмента из моего интервью с ним:

Вопрос: *За Вашим поколением в целом закреплено коллективное имя — «шестидесятники». Складывается такое впечатление, что себя Вы не относите к этой плеяде, или я ошибаюсь?..*

Перефразируя известное высказывание В. И. Ленина, скажу, что в каждом поколении существуют два поколения. Это относится к «шестидесятикам». Я не тот из них, кто приветствовал горбачевский «рыночный социализм», который превратился в «рыночный капитализм», плачевные последствия которого испытывает ныне большинство «приватизированного» населения. Угрызения совести меня не мучают, не был среди тех, для которых «Иного не дано» (известный сборник других «шестидесятников»).

Вопрос: *Нельзя ли в современных понятиях, все же язык социологии заметно изменился с 60-х годов, сформулировать отличие Ваших взглядов на социологию от тех, что высказывались Вашими оппонентами?*

Я был и остался сторонником материализма в социологии. В этом отношении придерживаюсь монистического взгляда на историю общества. Плюрализм считаю умноженным дуализмом. История не знает сослагательного наклонения, первый применим к выбору будущего (И: Ельмеев 2012: 244).

В 1953 году Ельмеев защитил кандидатскую диссертацию, в которой был использован ряд эмпирических методов, что в то время было явно инновативным для философов: анализ документов, изучение биографий изобретателей и рационализаторов Кировского завода, беседы с руководителями предприятий. Через десять лет им была успешно завершена докторская диссертация, которая и по сути, и по названию относилась к тематике научного коммунизма; в ней человек трактовался как элемент производительной силы общества. В 1977 году Ельмеев защитил еще одну докторскую диссертацию, в которой им были рассмотрены проблемы экономики науки.

Мне не пришлось интервьюировать Овсея Ирмовича Шкаратана, ниже используются материалы бесед с ним Г. С. Батыгина (**И:** Шкаратан 2002) и В. В. Радаева (**И:** Шкаратан 2008).

Биографический сюжет № 5. О. И. Шкаратан

Шкаратан закончил школу в 1949 г. и поступил на исторический факультет ЛГУ, где блестяще учился. После окончания учебы он не мог найти работу, но, победив в конкурсе, в котором претендовали 28 человек на одно место, был принят в аспирантуру Педагогического института им. А. И. Герцена. Одним из условий зачисления в аспирантуру была защита им его дипломного исследования, рекомендованного в качестве кандидатской диссертации. Защита состоялась в 1958 г., работа называлась: «Изменения в составе фабрично-заводских рабочих г. Ленинграда (1917–1928 гг.)». Внимание Шкаратана к этой тематике определялось, по его словам, прежде всего его происхождением: родители были из рабочих и все его окружение было из этой среды; второй момент — интерес историка к архивным документам, прессе 20-х годов. Если обращение к социологии Кона, Здравомыслова, Ядова было продолжением, развитием их желания понять социальный мир в целом и открыть нечто новое в социальной философии, то Шкаратана вело стремление узнать, кто такой советский рабочий. Его кандидатскую диссертацию (по постановке проблемы, использованным методам) можно было трактовать как социологическое исследование, но в то время социологии в стране не было.

По воспоминаниям Шкаратана, до 1957 г. он никак не был связан с социологией, хотя слышал такое слово. В беседе с В. В. Радаевым он вспомнил следующий курьезный случай. В 1957 году один приятель-философ спросил его, знает ли он, что на Западе результаты социологических исследований используются в целях развития экономики. Шкаратан удивился и выразил сомнение в возможности подобного. Тогда его собеседник сказал, что он должен это знать, поскольку с сотрудниками С. Г. Струмилина изучал 1920-е годы. Шкаратану осталось только воскликнуть: «Так это и есть социология?» (**И:** Шкаратан 2008: 56).

Собственно, в социологию Шкаратан пришел через конкретные исследования, которые он проводил по заданиям партийных органов Ленинграда, начав работать в Военно-механическом институте. Этот учебно-исследовательский комплекс готовил кадры и вел разработки для космической и военной промышленности, и при его поддержке можно было делать существенно больше, чем в других вузах. В институте была создана одна из первых в стране хозрасчетная социологическая лаборатория, и иногда под исследования удавалось получить очень большие деньги.

В начале 60-х гг. Шкаратан познакомился с Ядовым и Здравомысловым, стал участвовать в семинарах по исследованию «Человек и его работа». В 1968 году, преодолев ряд организационных препятствий, Шкаратан представил докторскую диссертацию по теме: «Изменения в социальной структуре рабочего класса СССР. 1917–1965 гг.», в кото-

рой были продолжены некоторые поисковые линии, начатые в его кандидатском исследовании, и обобщены результаты большого числа новых опросов. Одним из его оппонентов был Ядов.

Объединяющим признаком истоков профессиональной деятельности пяти рассмотренных ленинградских социологов является то, что траектории их движения в науку и внутри нее, при наличии тех или иных флуктуаций, были «линейными»: школа, получение высшего образования, аспирантура, приобретение научных степеней. Существенно, что движение по этой лестнице не имело достаточно продолжительных остановок и что все развивалось в одном образовательно-исследовательском поле. В школе ведущим стал интерес к обществу, человеку, и поэтому был сделан выбор в пользу философского и исторического образования. Затем — успешное обучение по избранной профессии и раннее решение поступать в аспирантуру для подготовки к занятиям наукой и преподаванию. Быстрое выполнение и защита кандидатских диссертаций по новым, но все же вписывавшимся в традиции марксистского обществоведения темам. Спонтанное, порожденное вызовами времени перемещение — за исключением В. Я. Ельмеева — из классических ниш истмата, истории в область, предполагающую использование методологии и исследовательской технологии «буржуазной» социологии, и представление к защите докторских диссертаций, выполненных уже в этой парадигме. К 30 с лишним годам каждый из них определил поле своей деятельности и приобрел известность в профессиональных кругах.

Теперь обозначу кратко путь в социологию еще двух ленинградских исследователей, принадлежащих к первому поколению. Они несколько старше рассмотренной «пятерки», и это определило иную конфигурацию их движения в социологию.

Самуил Аронович Кугель родился в 1924 г. в Минске, через четыре года его семья переехала в Ленинград, и здесь он пошел в школу. За несколько дней до начала блокады он с матерью выехал из города и оказался в небольшом городке Шуя Ивановской области, где окончил школу и военное училище.

Биографический сюжет № 5. С. А. Кугель

Кугель прибыл на фронт, когда дивизия, к которой был приписан, форсировала Днепр. Потом были освобождение Украины, Молдавии; воевал в Румынии, Венгрии и Чехословакии. Первую награду Кугель получил, когда ему не было 20 лет. После окончания войны служил в Венгрии, Австрии, Эстонии, Ленинграде. В 1951 году, выдержав непростой конкурс, он поступил в элитный Высший военно-педагогический институт в Ленинграде (И: Кугель 2009).

В 1954 году, по болезни, полученной в период военной службы, Кугель был демобилизован. Он подал документы в аспирантуру Педагогического института им. А. И. Герцена, сдал хорошо экзамены, но ему, фронтовику, майору, намекнули, что его могут не взять «по пятому пункту». Лишь вмешательство замминистра, тоже фронтовика, разрешило ситуацию в его пользу. После завершения обучения в аспирантуре все повторилось: для него не нашлось места исследователя или преподавателя.

Райком партии определил Кугеля в «Ленкнигу», где он работал вначале директором книжного магазина, затем начальником отдела политической книги. Но он надеялся на лучшее и продолжал работать над кандидатской диссертацией. Изменения наступили в конце 50-х гг.: сначала он поработал преподавателем в Псковском педагогическом институте, а с 1961 г. — в Ленинграде, в Текстильном институте. Там он начал проводить социологические исследования.

Кугель разрабатывал проблематику социальной структуры, отстаивая концепцию существования внутриклассовых различий. В 1963 году он защитил кандидатскую диссертацию по философии по теме: «Изменение социальной структуры общества при переходе к коммунизму». В 60-х годах под его руководством проводятся крупномасштабные исследования подготовки и деятельности инженерных и научных кадров. В 1969 году он перешел в Академию наук СССР, где в Ленинградском отделе Института конкретных социальных исследований АН СССР (сейчас — Институт социологии РАН) создал первый в стране сектор социологии науки. Исследования в этой области были обобщены им в ряде книг и в докторской диссертации «Социально-профессиональная структура и мобильность научных кадров в условиях научно-технической революции» (1974). Это была одна из первых в СССР защит по социологии, но формально специальность называлась «философия (прикладная социология)». Кугель начал проводить теоретико-эмпирические исследования одновременно с Ядовым и Здравомысловым, тем не менее в области методологии он считает себя их учеником.

Нижняя граница интервала, отведенного для представителей первого поколения советских/российских социологов, — 1923 год. Анатолий Георгиевич Харчев родился чуть раньше, в 1921 г., в крестьянской семье в Калининской области и в 1939 г. поступил на исторический факультет МГУ. Обучение было прервано войной, в университет он вернулся в 1946 г. и закончил его через три года.

Биографический сюжет № 7. А. Г. Харчев

После завершения аспирантуры в Институте философии АН СССР в Москве он в 1952 г. переехал в Ленинград и стал работать на кафедре философии Ленинградского отделения АН СССР сначала преподавателем, потом — заведующим. Еще в «досоциологический» период, на рубеже 40–50-х гг., он разрабатывал проблематику брака и семьи

в СССР и в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «Брак и семья в социалистическом обществе». Работы следующих лет были обобщены им в 1963 г. в докторской диссертации «Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования».

Отсутствие биографических интервью с Харчевым оставляет лишь одну возможность полнее рассказать о нем — обратиться к людям, знавшим его. Приведу воспоминания социологов разных поколений; одни были знакомы с ним еще в период его работы в Ленинграде, другие — когда он уже работал в Москве, куда переехал в начале 70-х, став первым редактором журнала «Социологические исследования». Он возглавлял его на протяжении многих лет (1974–1987).

В начале марта 2010 г. я обратился к Ядову с просьбой поделиться воспоминаниями о Харчеве. Вот его ответ⁶.

Харчева я знаю достаточно хорошо. Он энергично ратовал за социологию. Именно его усилиями при поддержке Б. А. Чагина — заведующего кафедрой философии в Ленотделении АН СССР — была созвана первая общесоюзная конференция по социологии в парадном зале здания АН, где при входе фреска Ломоносова. Там Заславская, как она пишет, впервые приобщилась к собственно социологии.

Харчев звал меня на кафедру АН, но я отказался. В роли редактора «СОЦИС» он отличался «умеренной» смелостью, считал журнал важнейшим своим делом, следуя, как я подозреваю, ленинской формуле о газете («Искра») как не только пропагандисте и агитаторе, но и «организаторе». «СОЦИС» эту функцию и исполнял.

Много лет знал Харчева и И. С. Кон. В своем обстоятельном письме⁷ он указал на три бесспорные заслуги Харчева: возрождение социологии семьи, создание ленинградских социологических секторов АН СССР и создание социологического журнала. Харчев был официальным формальным лидером ленинградского социологического сообщества, был приемлем для Обкома и с этой работой справлялся достойно. Его отъезд в Москву резко ухудшил положение ленинградской социологии.

По воспоминаниям Кона, в Ленинграде Харчев оказался случайно, по решению ЦК его послали на укрепление философского фронта в Ленинград. Харчев был хорошим и доброжелательным человеком, был достаточно демократичен и в то же время старался и умел ладить с начальством. Однако в острый критический момент рассчитывать на него было нельзя. «Как главный редактор, — пишет Кон, — Харчев не

⁶ Электронное письмо В. А. Ядова Б. З. Докторову от 12 марта 2010 г.

⁷ Электронное письмо И. С. Кона Б. З. Докторову от 5 апреля 2010 г.

был особенно смелым, но можно ли его за это осуждать? Особенно, если сравнить с его преемниками».

В то время, когда Ф. Э. Шереги учился в аспирантуре, Харчев пригласил его в журнал ответственным секретарем, у двух его предшественников на этом посту возникали конфликты с цензурой, и их пришлось уволить. Он проработал в журнале полтора года. В интервью Шереги вспоминал Харчева как ученого с прагматическим стилем мышления, «железной» логикой и одновременно широким, системным видением мира социальных отношений. По его мнению, Харчев был блестящим главным редактором журнала: «Он не только поднял журнал на уровень, который после него не смог удержать ни один главный редактор, но, умело используя редакционную коллегию, при помощи журнала поддерживал достойный уровень советской социологии, по сути, формировал научную культуру советской прикладной социологии. Посредством журнала он стимулировал развитие социологической культуры не только в академических кругах, но и в вузах, в том числе в провинции. Он стимулировал советских социологов делать и писать *свою* социологию, а не только переписывать западные работы. <...> Он умел находить приемлемые решения с представителями партийной власти в том, чтобы журнал «Социологические исследования» сохранял свой научный облик и не оказался под давлением партийной идеологии» (И: Шереги 2007б: 9).

Позже, в письме, Шереги писал:

Харчев был сложным человеком, он держал дистанцию, но не в смысле честолубия, а просто был достаточно закрытым. На всю «научную суету» смотрел сверху; отвергал любые попытки втянуть его в дразги, по какой причине стоял над кулуарными конфликтами и пользовался равным уважением со стороны всех сотрудников Института, включая дирекцию; был достаточно гибким и толерантным, умел находить контакты и с социологами, и с партийцами; обладал огромной работоспособностью и исключительной научной интуицией, а также литературным талантом; умело внедрял социологию именно как науку в советскую научную и вузовскую практику, обходя «партийные заторы»⁸.

Представитель четвертого поколения социологов В. В. Семенова в начале 70-х гг. работала под руководством Харчева. В интервью она так вспоминает его:

Я думаю, что и при организации первого социологического журнала он очень удачно использовал свой партийный ресурс, хотя о «кухне»

⁸ Электронное письмо Ф. Э. Шереги Б. З. Докторову от 3 апреля 2010 г.

организации социологического журнала тогда я знала достаточно мало. <...> Теперь мне представляется, что сильное развитие социологии семьи сравнительно с другими направлениями социологии того времени произошло именно благодаря личности Анатолия Георгиевича (**И**: Семенова 2010: 5).

Итак, можно сказать, что в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Ленинграде до известной степени независимо друг от друга начали складываться несколько направлений социологических поисков, во главе которых оказались ученые, достаточно быстро завоевавшие лидерские позиции. Их взаимодействие осуществлялось в различных формах, в том числе в поддержке при прохождении диссертаций через научные советы. Одним из оппонентов Кона при защите его второй кандидатской диссертации был уже упоминавшийся в гл. 5 М. В. Серебряков, в то время специалист по истории философии. Оппонентом Ядова при защите им докторской диссертации был Харчев. Когда кандидатскую диссертацию защищал Кугель, его оппонентами были Кон и Ядов. Ядов же был оппонентом Шкаратана и Кугеля, когда они защищали свои докторские исследования.

Анализ вхождения в социологию семи ученых-ленинградцев, самостоятельно и вопреки многочисленным преградам идеологического и организационного порядка отстаивавшим свое право на занятия социологией, показывает, что все это могли преодолеть лишь внутренне достаточно свободные и уверенные в необходимости своего дела люди. Государство посредством своей кадровой политики старалось не «подпустить» этих людей к диагностике общества и поиску путей совершенствования общественных отношений. Внутреннюю свободу им давали общая гордость за победу в войне и надежды, порожденные XX съездом КПСС. Многие, с чем они встречались в то время и позже, было прямой реализацией государственной политики в сфере науки и образования, вместе с тем это имело и «локальный» колорит. Не удивительно, что ленинградская социология, быстро развивавшееся профессиональное сообщество вскоре потеряли пятерых социологов-первопроходцев. Они переехали в Москву в надежде более продуктивно заниматься наукой — там всегда было больше интеллектуальной свободы. В 1969 году уехал Харчев, в 1973–74-м — Здравомыслов, в 1977-м — Шкаратан. Кон еще в 1968 г. предполагал перебраться в Москву, но обстоятельства политического плана и его наблюдения за жизнью московской философской элиты приостановили этот переезд; с 1972 по 1974 г. он работал в Москве в Институте общественных наук при ЦК КПСС, но переехал окончательно в 1985 г. Через три года в столицу был призван Ядов. Социология других городов не знала такой миграции социологических кадров самой высшей пробы.

Модель «линейного» вхождения в социологию в целом просматривается и в большинстве биографий других представителей первого поколения. Но собранная информация дает возможность обогатить эту модель и показать новые грани формирования поколения, которому было суждено открыть социологию для себя и последующих профессиональных когорт.

Годы обучения Б. А. Грушина на философском факультете (он поступил туда в 1947 г.) были отданы детальному изучению работ Маркса и поиску новой логики познания. В 1952 году он завершил обучение, защитив дипломную работу «Проблема логического и исторического в “Капитале” Маркса».

Биографический сюжет № 8. Б. А. Грушин

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу. Его интересы не ограничивались анализом «Капитала»; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь посредством сопоставления и сравнения найти общие для них приемы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Он ввел представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приемов и способов мышления.

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки в ученом совете, и в 1955 г. диссертанта, за годы обучения имевшего исключительно отличные оценки, провалили на защите. В 1957 году он защищал работу во второй раз, обсуждение длилось пять с половиной часов, в нем участвовало 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться в третий раз, теперь — в ВАКе. Эпопея завершилась только в 1958 г. Через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии (Грушин 1961). После провала защиты диссертации для Грушина наступило трудное время. В соответствующих кругах философов его считали антимарксистом, он фактически имел «волчий билет», найти работу по специальности было невозможно. После массы неудач случайно в 1956 г. его приняли в «Комсомольскую правду» литсотрудником отдела пропаганды. Это побудило его заняться реальными общественными проблемами и сделало социологом.

Первые три года в газете были для Грушина тяжелыми от сознания, что он предал любимое дело. Уже став редактором отдела пропаганды,

он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащенным математически и пошел учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он все же вернулся бы к занятиям логикой, но к 1960 г. постепенно произошла смена его научных интересов: от изучения научного сознания он перешел к анализу массового сознания.

В мае 1960 г. возник Институт общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10–14 мая 1960 г. в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связана с первомайским инцидентом.

В январе — марте 1961 г. был проведен третий зондаж мнений, привлекший к себе внимание в стране и за рубежом. Вопросы публиковались в газете, на третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый — более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока — двадцать дней — их было свыше 19 тысяч. Многие в этой читательской активности объяснялись выбором темы опроса: «Что Вы думаете о своем поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать свое мнение. Люди впервые почувствовали, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет, и за это время было проведено 27 опросов: один — международный, 20 — всесоюзных и 6 — межрегиональных и региональных. Причин для прекращения деятельности было несколько, но главная — «оттепель» уходила, наступало время Брежнева. Бóльшая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной». Институт был обречен и в декабре 1967 г. закрыт.

Итогом теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная Грушиным в январе 1967 г. О ее содержании можно судить по книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений» (Грушин 1967). Для ряда поколений советских социологов она была учебником по изучению общественного мнения.

В 1949 году на философский факультет МГУ поступил Николай Иванович Лапин. На старших курсах он заинтересовался социальным устройством советского общества, писал курсовые и диплом о диалектике формирования базиса и надстройки и предполагал продолжить изучение этой проблематики в аспирантуре. Но его направили на кафедру истории зарубежной философии, и он стал вникать в проблемы формирования взглядов К. Маркса: почему и как он перешел от идеализма к материализму и коммунизму. Однако социальные проблемы и здесь оказались в центре его внимания.

Биографический сюжет № 9. Н. И. Лапин

В 1957 году Лапин начал работать в журнале «Вопросы философии» — сначала в отделе критики и библиографии, а затем в отделе критики зарубежной философии и социологии (тогда он иначе и не мог называться). За философское направление отвечал М. К. Мамардашвили, а Лапин — за социологию. Через пять лет ему было предложено перейти в издательство «Мысль» и организовать в нем новую редакцию — литературы по истории философии

Несмотря на огромный объем работы в журнале, где за год Лапину приходилось просматривать свыше сотни книг и сборников, рецензировавшихся на страницах «Вопросов философии», и в издательстве, он продолжал работу по изучению наследия Маркса. В 1960 году им была защищена кандидатская диссертация «Начало перехода Маркса к материализму», ставшая частью его фундаментальной работы «Молодой Маркс» (Лапин 1968), опубликованной в 1968 г. В том же году по этой книге Лапин защитил докторскую диссертацию «Начальные этапы формирования взглядов К. Маркса в цельное научное мировоззрение».

В 1966 году по предложению Г. В. Осипова Лапин перешел в сектор новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР, где ему предстояло участвовать в создании отдела социологии. Таким образом, область его научных поисков принципиально расширилась: анализ проблем истории и теории социологии стал дополняться проведением масштабных эмпирических исследований. В философии у Лапина были прекрасные учителя, наставники. В интервью я спросил, кто учил его социологии. Вот что он ответил:

Собственно социологии, теоретической и методической, я во многом научился у своих друзей и коллег. Это А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов... в 1965 г. я стал одним из первых читателей (в рукописи) и почитателей книги «Человек и его работа». В 1968–1970 годах в ИКСИ я слушал лекции Б. А. Грушина, И. С. Кона и Ю. А. Левады, постоянно общался с ними. Вспоминаю наши дебаты по проекту «Социальная организация» (1970–1972) с участием Н. Ф. Наумовой, А. И. Пригожина, В. Б. Ольшанского, Г. В. Осипова, О. И. Шкаратана и других сотрудников. В. Н. Шубкину я благодарен за его методологию изучения профессиональных ориентаций школьников, писательский талант и личное общение. <...> Можно назвать еще немало друзей-коллег, диалоги с которыми существенно повлияли на мою работу (И: Лапин 2007: 150–151).

Представители первого поколения активно учились друг у друга. В воспоминаниях Лапин пишет: «Одновременно шла и учеба: читали сами себе циклы лекций, не стесняясь учиться. Левада слушал Кона, Кон — Леваду. Я прослушал полный курс лекций Грушина по организации производства социологической информации» (Лапин 1999: 257).

Одновременно с Грушиным и Лапиным на философском факультете МГУ учился и Юрий Александрович Левада — он стал студентом в 1947 г.

Биографический сюжет № 10. Ю. А. Левада

В начале 2000-х гг., вспоминая факультет, он говорил: «Мне казалось, что там научат думать... хотя на самом деле отучали, но я этого не знал». Со студенческим окружением ему повезло: «В те годы через факультет проходил “сильный пучок” интересных людей — ни раньше, ни позже, кажется, такого “парада планет” не было» (Нарышкина 2006). Вспоминая студенческие годы, Н. И. Лапин замечает: «С Юрием Левадой, до конца дней просто Юрой, я познакомился в 1949 г., когда поступил на философский факультет МГУ. Он был всего на год старше меня, но я изначально воспринимал его как человека, который сразу и точно осмысливал суть происходящего, особенно сложных событий. Обстоятельность и проницательность его ума, надежность его характера ощущались чисто физически...» (Лапин 2010: 81).

Университет Левада закончил в 1952 г., в конце обучения он заинтересовался Китаем, по его воспоминаниям, «наполовину выучил язык», написал диплом и поступил в аспирантуру. Побывал в Китае, где впервые занялся социологическими исследованиями. Массовые обследования ему проводить не позволили, но что-то все же удалось сделать. В 1955 году он защитил кандидатскую диссертацию «Об особенностях народной демократии в Китае». В 1956–1960 годах был сотрудником Института китаеведения АН СССР. Но вскоре отношения между СССР и Китаем изменились, и работа по изучению китайского общества стала невозможной.

В 1960 году Левада перешел в Институт философии АН СССР, где продолжил начатые ранее работы по социальной природе религии. Так, еще в 1957 и 1958 гг. вышли его небольшие брошюры о «христианском социализме» (Левада 1957) и о борьбе науки с религией (Левада 1958). В 1962 году он опубликовал монографию по теме христианства и социального прогресса (Левада 1962), а еще через два года представил к защите докторскую диссертацию «Социологические проблемы критики религии». Интересно воспоминание Осипова, в те годы ученого секретаря Института философии: «В диссертации Юрий Александрович развивал мысль, что возникновение культа вовсе не обязательно связано с явлениями сверхъестественными, что объектами в процессе создания культа могут выступать вполне традиционные явления и личности, была бы сильна, напориста и правильно акцентирована воля творцов культа» (Осипов 2010: 108). Эти положения вызвали неудовольствие ряда членов диссертационного совета, историческая аллюзия сказанного Левадой была очевидна. Но все прошло хорошо. Исследования в этом направлении завершились книгой «Социальная природа религии» (Левада 1965), не потерявшей свое значение и в наше время. Думаю, что многое, о чем Леваде хотелось тогда сказать, в силу различных соображений высказано не было, но проросло позже в его других работах.

Интервью с Татьяной Ивановной Заславской и Владимиром Эммануиловичем Шляпентохом высвечивают еще две траектории движения в социологию, они тоже «линейны», но содержат в себе «скачок» из

экономики, где к тому моменту они были уже сложившимися учеными, докторами наук.

Биографический сюжет № 11. Т. И. Заславская

Экономический факультет МГУ Заславская закончила с отличием в 1950 г., руководитель ее дипломной работы заявил, что половина кандидатской готова (**И: Заславская 2007б**). Однако ее выступления против парторга факультета лишили ее даже направления на работу в вуз; замаячило распределение экономистом на провинциальный стекольный завод. По тому времени это было «вечной ссылкой», ибо она теряла московскую прописку. Благодаря твердости руководителя ее диплома, заявившего, что или ее направляют в вуз, или он увольняется и «кладет партбилет», она была направлена преподавателем политэкономии в Симферопольский сельскохозяйственный институт. Но там все вакансии были заполнены, и она получила свободный диплом. При поддержке ее университетских преподавателей она получила должность младшего научного сотрудника в секторе аграрных проблем Института экономики АН СССР.

Осенью 1953 года Заславская приступает к работе над диссертацией по теме «Трудодень и принцип материальной заинтересованности в колхозах». Эта тема относилась к самым закрытым областям экономики, официальной статистики об оплате труда в колхозах не было. Работать приходилось с данными первичного учета хозяйств: ездить в колхозы, приобщаться к сельскому быту. По воспоминаниям Заславской, в середине 1950-х, через десять лет после окончания войны, в деревнях Нечерноземья, побывавших «под немцем», люди все еще жили в землянках. Диссертацию она защитила в 1956 г., а через два года вышла ее первая книга (см.: Заславская 1958).

В начале 1963 г. А. Г. Аганбегян, тогда молодой кандидат наук, а позже — академик, пригласил Заславскую переехать в Новосибирск хотя бы на три года для работы в лаборатории экономико-математических исследований, которую он создавал в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Сибирского отделения Академии наук. Но эта «командировка» затянулась до 1988 г. В 1965 году она защитила докторскую диссертацию «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах» и стала заниматься проблемами села, которые находились на стыке экономики и социологии.

Биографический сюжет № 12. В. Э. Шляпентох

В. Э. Шляпентох, по его воспоминаниям, с детства тяготел к гуманитарным наукам, хотя с математикой у него было все в порядке. В 1949 году он окончил исторический факультет Киевского университета и в 1950-м — заочный Московский статистический институт. Он понимал, что в условиях борьбы с «безродными космополитами» аспирантура ему «не светила». Он работал в Киевском областном статистическом управлении

(1949–1951) и преподавал в статистическом техникуме в селе Елани Сталинградской области (1951–1954). Позже, в Саратове, он обучал статистике студентов зооветеринарного и сельскохозяйственного институтов; в 1962–1969 гг. преподавал статистику и историю экономических учений в Новосибирском университете. В аспирантуре Шляпентох так и не пришлось обучаться, тем не менее в 1956 г. в Институте экономики АН СССР он защитил кандидатскую диссертацию по экономике «Критика реакционных “теорий” современных мальтузианцев», а в 1966-м, в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, — докторскую по теме: «Эконометрика и теории экономической динамики».

Но эти исследования не приносили ему творческого удовлетворения. Вот фрагмент из интервью с ним.

Мне, конечно, доставляло удовольствие изучать эконометрику, ее математический аппарат, всевозможные теории западной экономической науки и излагать их советскому читателю с надеждой, что он поймет убогость советской политической экономии. Мне было приятно то, что в каких-то случаях мне удалось что-то понять в теории кейнсовского мультипликатора больше, чем некоторые западные авторы. И это все. <...> Никакого большого творческого подъема от моих научных занятий до эмпирической социологии я не испытывал, отдавая себе полностью отчет во вторичности того, что я делал (**И:** Шляпентох 2006: 3–4).

А вот «светлый» момент воспоминаний.

По настоящему моя творческая жизнь началась в Академгородке в начале 60-х, в котором Володя Шубкин, распознав мои гуманитарные склонности, толкал меня в социологию. Настоящее удовольствие от творческой деятельности я получил впервые, когда в 1965–1966 годах начал первые в стране всесоюзные опросы (их объектом были читатели центральных газет) и начал придумывать различные измерительные процедуры (Там же: 3).

В своих интервью два представителя первого поколения советских/российских социологов — Лапин и Шляпентох — отметили, что в их профессиональном росте им многое дал Владимир Николаевич Шубкин. Шляпентох, нередко высказывавшийся достаточно жестко в отношении коллег своего поколения, становится принципиально иным, когда пишет о Шубкине.

Володя был и остается для меня воплощением человеческого достоинства. Чувство собственного достоинства является — в моей теории Шубкина — тем базисом, на котором возвышается надстройка с большинством его личных качеств. <...> Я утверждаю, что Володины исследования

о профессиональных ориентациях молодежи в начале 60-х годов были самыми смелыми по сравнению с другими пионерскими работами отцов-социологов. Ни Грушина, ни мои опросы общественного мнения не создали данных, которые прямо (а не только косвенно) бросали вызов официальной идеологии. <...> Шубкин прямо и однозначно объявил полной туфтой фундаментальный тезис официальной идеологии о руководящей роли рабочего класса. Отмечу, шубкинское исследование было первым, вызвавшим бурную реакцию на Западе, где сразу прекрасно поняли его идеологический заряд (Шляпентох 2006: 635).

Я не раз замечал, что когда социологи этой когорты говорили о Шубкине, у них глаза теплели. Мне очень хотелось побеседовать с ним, однако его многолетняя и тяжелая болезнь не позволила этого сделать.

Биографический сюжет № 13. В. Н. Шубкин

Мой отец был преподавателем Барнаульской гимназии с 1907 по 1917 г., а потом преподавал русскую литературу в школах Барнаула. Можно бы рассказать о том, что мой дед был крепостным горнорабочим на демидовских рудниках здесь же, в Барнауле, и освобожден был в 1861 г. по реформе Александра II. Видимо, он был упорный мужик, потому что стал землемером — выучился сам. При освоении земель на Алтае в то время это была важная профессия, и через двадцать лет он был уже почетным гражданином Барнаула. <...> ...В 1937 г. мой отец был арестован органами НКВД по абсолютно липовым материалам, как мне удалось узнать совсем недавно. В официальном свидетельстве о смерти утверждалось, что отец умер в 1944 г. от сердечной недостаточности. Я раскопал материалы в КГБ и выяснил, что он был расстрелян 2 октября 1937 г. Это был важный фактор в моей жизни. Моя мать, учительница литературы, была уволена, а я, как сын врага народа, — исключен из школы без права поступления. Это продолжалось примерно восемь месяцев, потом, в 1938 г. (мы писали разные ходатайства, просьбы и прочее) из Москвы пришло указание о том, чтобы меня вернуть в школу, а Шубкину восстановить на работе. Все это наложило определенный психологический отпечаток, и я выпал, так сказать, из общего круга людей более или менее благополучных (Шубкин 1999: 64–65).

21 июня 1941 г. Шубкин окончил школу. Весной 1942 г. он добился того, чтобы его отправили на фронт. Оказался под Сталинградом, был контужен и ранен, но после лечения вернулся в свою дивизию. Потом был Перекоп, а в апреле 1944 г. под Севастополем он получил тяжелое ранение, после которого ему дали инвалидность и списали «вчистую». Вернулся в Барнаул и поступил в Ленинградский инженерно-строительный институт, который находился там в эвакуации. Вскоре с институтом он переехал в Ленинград, но через два года обучения понял, что инженерная специальность — не его, после всего пережитого ему хотелось узнать, как устроено советское общество. Поехал в Москву, собирался

поступать на философский факультет, но знакомая девушка сказала ему, что там вроде бы учат всему, а когда учеба кончается, человек ничего не умеет и не знает. В 1946 году (ему исполнилось уже 23 года) он поступил на экономический факультет. Закончил его в 1951 г. и стал преподавать политэкономии: сначала в техникуме, потом в вузе. В 1958 году он защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые вопросы внутрирайонного экономического анализа колхозов».

По воспоминаниям Шубкина, примерно в 1960 г. ему сказали, что в Институте философии АН СССР есть сектор со странным названием «Новые формы труда и быта». Он заинтересовался этим, и его взяли на должность старшего научного сотрудника. Вот та же история в изложении Г. В. Осипова, руководившего данным сектором.

Как-то приходит ко мне один человек, говорит: «Есть у меня сосед, вроде такой смысленный, работает в одном вузе на кафедре экономики». — «Давай, говорю, приводи его ко мне». Приводят (это просто как иллюстрация, таких примеров были десятки, сотни). Такой молодежливый, боевой. Беседуем — так, мол, и так. «Ну, хорошо, — заключает он, — только заранее предупреждаю: бригадами коммунистического труда заниматься не буду!» — «Ладно, оставь свое заявление». И я сразу его зачислил. Вот так было с Владимиром Николаевичем Шубкиным, как сейчас помню этот эпизод (И: Осипов 1999: 97–98).

По мнению Т. И. Заславской, Шубкин — один из первых обществоведов, а из экономистов, возможно, первый, кто в стране заинтересовался социологией. В начале 60-х Аганбегян предложил ему поехать в поработать в Сибирь, и он согласился. Началась работа Шубкина по изучению профессиональных планов старшеклассников и их реализации; одновременно его интересы сконцентрировались на проблемах использования математики в социологии. В 1966 году им была защищена докторская диссертация по философии «Методологические вопросы анализа общественных явлений. (Из опыта конкретных социальных исследований)».

Невозможно писать историю современной советской/российской социологии, в частности обсуждать темы ее рождения и становления первого поколения социологов, не рассматривая деятельность и биографию Геннадия Васильевича Осипова. Выше анализировалось его понимание природы возникновения нынешнего этапа отечественной социологии; из материалов этого раздела видно, что во многом по его инициативе социологией стали заниматься Левада, Лапин и Шубкин.

Биографический сюжет № 14. Г. В. Осипов

Осипов родился в 1929 г. в Рузаевке, Мордовии, его отец был сцепщиком вагонов, но в 1943 г. за организацию бесперебойного снабжения Сталинградского фронта оружием стал одним из первых в стране Героев социалистического труда. У него было незаконченное среднее образование,

но когда семья переехала в Москву, к нему прикрепили профессиру, он стал заниматься, и при защите диплома в 1945 г. ему присудили кандидатскую степень.

Отец хотел, чтобы его сын тоже стал железнодорожником, но он увлекся историей и в 1947 г. поступил в Московский государственный институт международного права, элитное учебное заведение, готовившее дипломатов, специалистов по международному праву, журналистов-международников. В 1953 г. Осипов закончил институт по специальности юрист-международник; предполагалось, что он будет направлен в консульство в Аргентину. Но дипломатические отношения с этой страной были разорваны, и он пошел в аспирантуру Института философии АН СССР. Обладая глубокими философскими знаниями, имея доступ к современной западной литературе, он быстро пришел к пониманию социологии как специальной науки. Тема его кандидатской диссертации «О технократических теориях в современной буржуазной социологии», защищенной в 1955 г., была междисциплинарной, на стыке философии и социологии. В конце 50-х — первой половине 60-х гг. им был опубликован ряд книг, получивших признание в СССР и за рубежом. Четыре года он возглавлял комсомольскую организацию Института, а после окончания аспирантуры, с 1956 до 1968 г., был его ученым секретарем.

Одним из основополагающих моментов в процессе становления современной социологии является 13 июня 1958 г., когда в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС Президиумом АН СССР было принято решение о создании Советской социологической ассоциации. Ее первым председателем был избран академик Ю. П. Францев, а его заместителем — Осипов. Через год он становится председателем.

В 1960 г. в Институте философии АН СССР создается первое в стране академическое социологическое подразделение — Сектор исследований новых форм труда и быта, руководителем которого назначается Осипов. Такое странное название было вызвано тем, что назвать социологическим это подразделение было в то время невозможно. Сектор занимался изучением трудовых коллективов в Москве и Горьком и подготовкой обзоров по социологии. В 1966 году сектор преобразуется в Отдел конкретных социологических исследований. В нем было семь секторов, руководителями которых стали, в частности, Грушин, Кон, Лапин и Левада (Осипов 2009). При создании Отдела возник естественный для Академии наук вопрос о том, что во главе его должен стоять как минимум доктор наук. По воспоминаниям Лапина, «Геннадий Васильевич разозлился, за несколько месяцев подготовил и издал книгу по критике буржуазной социологии, защитив по ней докторскую диссертацию» (Лапин 1999: 256–257). Работа называлась «Марксистская и буржуазная философия о месте и роли техники в современном общественном развитии» (1964). В 1968 году на базе этого отдела был открыт Институт конкретных социальных исследований АН СССР, Осипов стал одним из двух заместителей директора.

Можно называть еще множество принципиальных для становления и развития постхрущёвской социологии событий, акций, начинаний, в которых сложно переоценить сделанное им. И вместе с тем вклад Осипова, используя современную терминологию, в проект под названием «советская/российская социология» качественно иной, нежели других социологов первого поколения. Обратимся к хрестоматии по социологии (Общая социология 2006), составленной двумя видными представителями этой когорты, А. Г. Здравомысловым и Н. И. Лапиным, которые сопроводили публикуемые ими тексты большого числа зарубежных и отечественных ученых краткими биографическими справками. На протяжении полувека оба этих ученых наблюдали изнутри все процессы развития советской/российской социологии, участвуя во многих внутренних и международных форумах, в делах профессиональных ассоциаций, а также посвятили ряд своих работ истории дореволюционной и постхрущёвской социологии. Потому их мнение представляется крайне важным для оценки роли, вклада социологов-первопроходцев в становление нашей науки. Замечу, хрестоматия — не специальное историко-наукоедческое исследование, и потому в ней приведены лишь краткие справки о социологах, статьи которых включены в книгу. При упоминании фамилий удобнее следовать не логике хрестоматии, а алфавитному порядку: Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, О. И. Шкаратан, В. Н. Шубкин и В. А. Ядов. Каждый из названных специалистов был признан ученым-социологом, сыгравшим выдающуюся или ключевую роль в восстановлении социологии как самостоятельной науки в СССР и ее развитии в современной России. При этом отмечались те области социологии, в становление которых он внес наибольший вклад. Г. В. Осипов назван выдающимся организатором советской и российской социологии и отмечен его исключительный вклад в создание и институционализацию социологии в стране.

Пожалуй, наиболее развернутая оценка деятельности Осипова была дана в конце прошлого века в очерке В. В. Колбановского по истории «постсталинской социологии», который проработал с Осиповым свыше четверти века. Колбановский выделяет три главные составляющие вклада Осипова в развитие социологии. Первая из них — весьма значительная по объему и эффективная работа по созданию ядра московского центра социологических исследований. Вторая — теоретическая и просветительская деятельность по анализу и популяризации современной мировой социологии, организация переводов и изданий видных зарубежных социологов, книг по применению количественных методов в социологии, по методике и технике социологических исследований, в частности «Рабочей книги социолога» (1976, 1983).

Третья — организация обзорных выпусков и первых периодических изданий «Социология в СССР» (1966), «Социальные исследования» (1965–1970), Информационный бюллетень ИКСИ и ССА (1968–1972).

В целом Колбановский видит в Осипове лидера, «вокруг которого происходила интеграция социологов периода “бури и натиска”» (с начала 60-х до начала 70-х гг.) (Колбановский 1999: 27).

Это странное второе поколение: первые ученики первых учителей

Выше отмечалось, что возникновение «аномального» второго поколения социологов — по возрасту и по среде формирования близкого к первому, но ставшего первыми учениками первых — детерминировано «аномальным» развитием социологии в СССР.

Если отвлечься от того, что для некоторых представителей первого поколения социологов путь в науку проходил через войну, то движение всех остальных в социологию описывается одной линейной моделью: школа — высшее образование по одной из обществоведческих дисциплин — аспирантура (в некоторых случаях ей предшествовал непродолжительный период работы по профессии, или таковой отсутствовал) — защита кандидатской диссертации по приобретенной профессии — преподавательская и научная деятельность. Биографии представителей второго поколения более многообразны, и траектории их движения в социологию не столь прямы. Здесь и непростой путь к общему среднему образованию, и получение базового высшего образования вне сферы обществоведения, и продолжительная работа вне науки, и трудности с трудоустройством после вуза, и другие «аномалии», которые не наблюдаются ни в первом, ни в третьем, ни в четвертом поколениях.

Очевидно, что «чисто линейной» модели приобщения второй когорты к социологии здесь не может быть. Ибо притом, что по возрасту между представителями первых двух поколений нет большой разницы, именно наличие или отсутствие «линейности» траектории движения в социологию автоматически развело ровесников между этими профессиональными (социологическими) поколениями. Чтобы точнее обозначить тип траекторий, характерных для второго поколения, необходимо полнее раскрыть природу «линейности».

Во-первых, и это обязательное условие, линейная траектория полностью, начиная с момента выбора будущей профессии, а возможно и ранее, расположена в *том предметно-семантическом поле*, в котором находится и социология как наука. А именно предполагается, что индивид еще в юные годы связал свое профессиональное будущее с по-

знанием, исследованием общества или его фрагментов: с философией, историей, экономикой, психологией. Для всех, кто относится к первому поколению, это было именно так.

Во-вторых, линейность означает, что профессиональный опыт индивида в избранной им базовой профессии, более широко — в области обществоведения, человековедения, постоянно растет или, по крайней мере, не снижается заметно. Другими словами, накопление профессионального (в сфере обществоведения) опыта происходит монотонно, без разрывов. Проще говоря, индивид успешен в учебе, легко осваивает университетскую программу, как преподаватель постоянно обновляет содержание читаемых курсов и осваивает новые, как исследователь — активно публикуется, участвует в различных научных форумах. Условный среднегодовой прирост этого опыта фактически определяет скорость приобретения профессионализма. Обычно это отражается в росте признания среди коллег и в приобретении научных степеней. Таким образом, если начальная точка траектории профессионального развития личности лежит вне поля исследования социума или траектория выпадает из этого поля на достаточно продолжительное время, то движение личности в социологию не может признаваться линейным. Ниже будет показано, что для представителей второго поколения социологов характерно именно *нелинейное* вхождение в социологию, причем наблюдаются разные типы нарушения линейности, отклонения от нее.

Укажу на одно принципиальное различие в освещении жизненных траекторий представителей первого поколения советских/российских социологов и всех остальных, упоминаемых в книге. Так сложилось, и это естественно, что пионеры любого научного направления всегда интересны обществу. Их деятельность и страницы их биографии привлекают более пристальное внимание историков науки и журналистов, и потому уже сейчас о них написано больше, чем о следующих за ними. К примеру, в уже много раз цитированной книге по истории российской социологии 60-х гг. имеется лишь несколько интервью с социологами, относимыми в настоящей работе ко второму поколению, все остальные — из первого. В коллективном архиве о прошлом нашей науки пока относительно немного биографической информации о социологах второго поколения. Поэтому в настоящем разделе при рассмотрении пути в социологию каждому из героев отведено несколько больше пространства, чем в рассказах о социологах первого поколения, да и траектории их движения в социологию были более разнообразными. В таблице 5 приведены даты жизни и время защиты диссертаций для 13 социологов второго поколения. Их жизненные траектории дают представление о том, как формировалась эта профессиональная когорта.

Таблица 5

**Получение научных степеней представителями
второго поколения социологов (годы)**

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Год защиты диссертации	
		кандидатской	докторской
Алексеев Андрей Николаевич	1934	1970	Нет
Артемов Виктор Андреевич	1938	1966	1987
Баранов Альберт Васильевич	1930	1961	Нет
Барбакова Клара Григорьевна	1934	1970	1985
Гишинский Яков Ильич	“	1967	“
Гордон Леонид Абрамович	1930–2001	1960	1977
Максимов Борис Иванович	1934	1975	Нет
Русалинова Алла Александровна	1931	Нет	“
Столочич Леонид Наумович	1929	1955	1965
Тощенко Жан Терентьевич	1935	1967	1973
Тукумцев Будимир Гвидонович	1927	1985	Нет
Фирсов Борис Максимович	1929	1969	1979
Чеснокова Валентина Федоровна	1934–2010	Нет	Нет

Обратимся сначала к воспоминаниям Альберта Васильевича Баранова, они охватывают период его обучения на философском факультете ЛГУ и вхождение в социологию.

Биографический сюжет № 15. А. В. Баранов

Я учился в 48–53 годах. Итак, 48 год, последний год, так сказать, нормальной жизни; 49 год — начало «холодной войны». Наши грозят атомной бомбой, и вообще мы живем в преддверии войны, и ленинградское дело... Колеса крутятся, и все это идет через нас. На философском факультете не остается ни одного профессора. Только партийные агитаторы, которые выступают нашими учителями. Поэтому я их не очень любил, мягко говоря. Они мне отвечали примерно тем же. <...> После

окончания университета идет распределение: обязательные три года. Я решил, что сам себе делаю жизнь: «Вашей помощи мне не нужно, поэтому не надо меня куда-то распределять, я сам распределяюсь». — «Это не положено. В Воронеж». — «Ну, пишите направление в Воронеж». <...> Преподавателем философии в университет. Написали мне это распределение, я написал в Воронежский университет, есть ли у них место? Нет места. Я — свободен. Другие двое туда поехали, семейная пара, они стали учителями в сельских школах (И: Баранов 2008: 6).

Баранов нашел работу в Военно-морском инженерном училище имени Дзержинского, преподавателем его не взяли, но предложили должность завкабинетом марксизма-ленинизма; одновременно он начал преподавать. Наступает 1956 г., решения XX съезда КПСС разбудили его гражданскую активность. Сначала он организовал письмо от курсантов с обращением поехать в Алжир, чтобы защитить эту страну от французов. Руководство училища его не наказало, но предупредило: «Не надо». Потом — события в Венгрии. Он — на стороне венгров, но ничего поделать не может. Чувствует, что надо уехать из страны, жить в ней он не может. Начинается война Израиля с Египтом, он направляет письма в министерства обороны и иностранных дел с просьбой отправить его в Египет. Ничего не получается, в декабре 1956 г. он сам уходит из училища и начинает поиски работы: на заводах, учеником рабочего. Непросто это было, мешало высшее образование. Наконец повезло. Пришел он в отдел кадров одного завода, объяснил свою ситуацию, услышал: «Что ты, так не бывает!» Он ответил: «Ну что значит — не бывает? Я хочу работать. Чем я хуже других? Я умею и люблю работать физически». Начальник отдела кадров звонит директору: «Здесь такой вот случай необыкновенный, как мне поступить?» — «А ну-ка пошли его ко мне!» — директору стало интересно (Там же: 7).

Взяли его, но с условием, что он выучится и будет мастером цеха. Через месяц он закончил ученичество, получил шестой (высший) разряд. Через три месяца его назначили бригадиром.

Завершался 1957 год. Как-то Баранов встретил свою приятельницу по университету С. Н. Иконникову, ставшую к тому времени уже известным социологом, и она сказала ему: «Время другое, надо учиться, давай вместе поступать в аспирантуру». Он подал документы и поступил. В качестве диссертационного исследования он сам предложил своему руководителю, профессору В. П. Тугаринову, тему, относящуюся к социальной (тогда говорили — общественной) психологии, в ту пору объявленной, как и социология, буржуазной наукой. Свою цель он видел не в открытии социальной психологии, а в ее восстановлении после полувекового запрета. Осенью 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, тело Сталина было вынесено из мавзолея, наступил короткий период идеологического «потепления». В редакции журнала «Вопросы психологии» с 1960 г. лежала без движения статья Баранова о социальной психологии как науке, и после Съезда партии он получил письмо от главного редактора Б. М. Теплова со словами: «Альберт Васильевич, Ваша статья у нас слишком задержалась, на два года, — не по нашей вине. Теперь ее

можно печатать». Статья была опубликована во втором номере журнала за 1962 г. Она сыграла важную роль в восстановлении в стране социальной психологии и существенно помогла Баранову при защите его кандидатской диссертации.

Суть заключалась в том, что после XXI съезда КПСС (1958) многие идеологические процессы в стране пошли вспять, и Тугаринов, четко следовавший линии партии, отказал Баранову в доверии и хотел отказаться от руководства его диссертационным исследованием. Вмешательство кафедры конфликт погасило, на стороне Баранова оказался и декан философского факультета В. П. Рожин, который дал ему рекомендацию для защиты диссертации в Казани. Тогда действовало правило: аспирант не имел права защищаться в том институте, где подготавливалась работа. В июне 1961 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию под названием «О структуре общественного сознания», но его одиссея не завершилась. Оппонент ВАКа дал негативный отзыв на работу, и была назначена повторная защита непосредственно в ВАКе. Приехав в Москву, Баранов зашел в редакцию журнала «Вопросы психологии», получил экземпляр журнала с его статьей и представил журнал экспертному совету. Он сказал: «Я понимаю ваши вопросы, ваши сомнения, потому что тема нетривиальная, дискуссионная. А о том, что это дискуссионная, совершенно нормальная для дискуссии тема, свидетельствует этот журнал, в котором опубликована моя статья, видите: “В порядке дискуссии. Баранов, социальная психология”. После этого никаких возражений нет, единогласно» (И: Баранов 2008: 11). Вся это многолетняя история настолько вымотала Баранова, что он решил больше в подобные игры не играть и не писать докторскую диссертацию.

Знакомясь с воспоминаниями Леонида Наумовича Столовича о студенческих годах и о начале его профессиональной деятельности, мы встречаемся с теми же обстоятельствами, которые отмечались Барановым и будут присутствовать в жизненных траекториях других социологов второго поколения.

Биографический сюжет № 16. Л. Н. Столович

При поступлении на философский факультет Столович не предполагал в будущем заниматься философией, он хотел стать поэтом. Но, оказавшись в духовной атмосфере факультета, он перестал писать стихи, однако не потерял интереса к поэзии и искусству. Компромиссом между философией и искусством стала для него эстетика, которой он начал заниматься с первого курса. Большое влияние на него оказали лекции, которые читал на отделении истории искусства исторического факультета М. С. Каган.

В 1952 году Столович закончил университет с отличием; он имел право преподавать диалектический и исторический материализм, историю и эстетику. Однако в течение полугода ему не удавалось найти

работу ни в Ленинграде, ни в других городах, куда он посылал запросы. Единственным учебным заведением в стране, которое ответило положительно на более чем сотню его запросов-предложений, оказался Тартуский университет. Три года ему не разрешали преподавать философию, он читал лишь курс эстетики. Чтобы выжить, Столович форсировал работу над диссертацией по эстетической природе искусства и в 1955 г. успешно защитил ее в ЛГУ. В конце 50-х гг. им была выдвинута социокультурная концепция эстетического и ценности. Сделанное в этой области позволило ему в 1965 г. защитить докторскую диссертацию.

Некоторое время он был единственным доктором философских наук в Эстонии. Отчасти в силу этого, отчасти принимая во внимание факт его участия в работе социологической лаборатории Юло Вооглайда, Столовича, как он сам пишет, назначили на «генеральскую должность» научного руководителя социологических исследований в Тартуском университете. В то время он выступал с докладами по эстетике и теории ценностей, методологические положения которых использовались в конкретно-социологических исследованиях массовых коммуникаций, проводил социологические исследования эстетических и художественных вкусов школьников (возможно, впервые в СССР), изучал восприятие студентами спектаклей театра «Ванемуйне». Он руководил аспирантами, работавшими над диссертациями по социологии журналистики и искусства. Его аспиранткой была Марью Лауристин, которая одной из первых в стране стала изучать методологию контент-анализа; В.-И. Лайдмэз, опираясь на его концепцию аспектов и функций искусства, проводила конкретно-социологическое исследование восприятия изобразительного искусства. Столович был среди организаторов и активных участников конференций в Кяэрику в 1966–1969 гг.

Если говорить более широко, то проблему «эстетика — социология» Столович открыл для себя в начале своей теоретической деятельности; ибо марксистская эстетика 1920-х гг. выступала, прежде всего, как социология искусства. Притом и тогда, и после существовала социология искусства вне марксистской методологии. Но в 1950–1960-е годы вулгарный социологизм в виде принципа партийности стал определяющим началом официальной художественной критики и политики партии в области искусства.

Столович замечает, что не только он окунулся в социологию, но и социология окунулась в него. Его социокультурная концепция ценности переводила социальную сторону искусства и эстетического, а затем и ценности вообще из субъективной сферы партийности в объективную общественно-историческую практику, на основе которой образуются ценности, в частности эстетические. Социологизмом была пронизана и его докторская диссертация (И: Столович 2010).

Еще один выпускник философского факультета ЛГУ начала 1950-х гг. — Алла Владимировна Русалинова. Во второй половине 1960-х я помогал в применении многомерного факторного анализа ряду ленинградских психологов, разрабатывавших под руководством

Б. Г. Ананьева проблемы личности. Тогда-то я впервые услышал имя Аллы Русалиновой. В 1968 году я начал осваивать азы социологии и снова услышал о ней. В то время мы еще не были знакомы лично, и я думал, что это два разных человека, имевших одинаковые имя и фамилию. У меня в голове не укладывалось, что один человек способен столь активно и продуктивно работать в социальной психологии и социологии. Потом все стало на свои места; действительно, это оказался один человек.

Биографический сюжет № 17. А. В. Русалинова

Русалинова закончила психологическое отделение философского факультета, и ей предложили место преподавателя истории в Краснодарском крае. Перспектива отъезда из Ленинграда ее не радовала, да и стремления преподавать историю у нее не было. Поэтому она использовала возможность преподавать логику в одной из ленинградских школ и психологию еще в двух. Это ей нравилось, но через два года оба этих предмета в школе отменили. Пришлось опять искать работу, и она стала преподавать в начальных классах школы. Русалинова вернулась к своей старой идее — стать преподавателем русского языка и литературы — и поступила на заочное отделение педагогического института им. А. И. Герцена. Проучившись там три года, она была близка к цели, но по семейным обстоятельствам (она уже была замужем, и у нее было двое детей) занятия в институте прекратила. Продолжая работать в начальной школе и в комнате продленного дня, она поступила в аспирантуру по кафедре педагогической психологии. Сначала — на заочное отделение, а потом перевелась на очное (И: Русалинова 2009).

Аспирантуру Русалинова закончила без защиты диссертации, хотя многое было сделано; не получилось завершить это исследование и позже. В 1964 году она поступила на работу старшим лаборантом в лабораторию социальной психологии философского факультета ЛГУ им. Жданова, которая с 1 января 1966 г. вошла в состав Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ). Во время проведения интервью (2008–2009) она работала там же в должности старшего научного сотрудника.

Русалинова относится к небольшому числу советских ученых, разрабатывавших принципы и методы прикладных социально-психологических и социологических исследований в интересах крупных промышленных предприятий. На протяжении почти 20 лет она была ответственным исполнителем и научным руководителем хозяйственных договоров с известным ленинградским объединением «Светлана» — одним из гигантов электронной промышленности страны. Первый хозяйственный договор со «Светланой» был подписан в 1965 г., и со стороны НИИКСИ он подписывался В. А. Ядовым. Работы по тематике, которая определялась совместно высшим руководством объединения и учеными НИИКСИ, дали импульс для становления в 1970-е гг. такого важного

направления социологических исследований в СССР, как разработка планов социального развития предприятий, а позже — регионов.

По тематике планов социального развития предприятий многие годы работал и Борис Иванович Максимов, который, по его воспоминаниям, значительную часть своей социологической жизни носил «кличку заводского социолога», а потом, когда сама заводская социология канула в Лету, — «бывшего заводского социолога». Но до этого был период, когда он работал «просто социологом» или «вузовским социологом» и «шел за самыми первыми».

Биографический сюжет № 18. Б. И. Максимов

На психологическое отделение философского факультета ЛГУ Максимов поступил в 1956 г., до этого он учился в ремесленном училище, был рабочим, закончил вечернюю школу, служил в армии. Окончив дневное отделение университета в 1962 г., он по собственной инициативе распределился в технический отдел завода, рассчитывая стать производственным психологом. Он понимал, что эффективность производства определяется социальными факторами, но одновременно видел, что никто на производстве этим не занимается. Вот фрагмент из интервью с ним.

На заводе была первая в стране психологическая лаборатория на производстве. <...> Но в лабораторию мне попасть не удалось, поместили меня, как молодого специалиста, в отдел главного технолога, в группу механизации вспомогательных работ. И я, выпускник философского факультета ЛГУ, с упоением окунулся в механизацию, скоро даже обогнал в росте инженеров с техническим образованием, меня повысили в должности до старшего инженера и поручали самые сложные устройства. <...> В одном цехе я обнаружил допотопный сборочный стенд гидравлических цилиндров. Я тут же подал рацпредложение по его усовершенствованию; это было очередное из более чем десятка предложений, уже поданных мною. В ответ мне принесли пачку чертежей, составленных каким-то институтом, с полной механизацией сборки. За изготовление сложного агрегата никто не брался. Я тоже отставил чертежи и принялся за реализацию своего рацпредложения. <...> Освоил работу на станках, электросварку, не говоря уже о слесарном деле... можешь поверить?! — бегал по территории — настолько велико было мое нетерпение сотворить собственное детище. Я, конечно, действовал неправильно... но стенд стоял и действовал! Тогда только так и можно было двигать научно-технический прогресс (И: Максимов 2007: 5).

С таким опытом и настроением в 1964 или 1965 г. Максимов пришел в социологическую лабораторию В. А. Ядова. По его словам, он «стремился познать общество конкретно и что-то конкретное сотворить в области общественных отношений, доминирующих и крайне нуждающихся в переделке, подобно моему сборочному стенду». Ему дали лишь должность младшего научного сотрудника с месячным окладом чуть

более 60 руб., но он считал, что ему посчастливилось. Потом лабораторию Ядова ввели в НИИКСИ, вскоре многие перешли в ленинградские сектора московского ИКСИ АН СССР. Максимов перешел в службу социального развития Кировского завода — как говорили тогда, флагмана советской и ленинградской промышленности. Социологам удалось сделать там многое.

То был период высокой востребованности социологии. В 1975 году Максимов защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Промышленное предприятие как объект социологического исследования», его руководителем был В. А. Ядов.

Новую модельную ситуацию представляет биография Якова Ильича Гилинского.

Биографический сюжет № 19. Я. И. Гилинский

Еще в школе он заинтересовался общими вопросами бытия — физического и социального, но, не имея особой любви к математике, он выбирал между философским и юридическим факультетами; первому отдавалось предпочтение. Но и юридический, ему казалось, дает широкое гуманитарное образование, может помочь ему «определиться» с миром социального. Еще в школе он прочел некоторые работы классиков философии, вузовский учебник уголовного права и еще кое-что «правовое» (И: Гилинский 2005).

Он окончил школу в 1952 г. и отчетливо понимал, что еврейство его отца, наличие репрессированных и живущих за границей близких родственников не позволит ему поступить в ЛГУ. В то время в Ленинграде существовал Ленинградский юридический институт им. М. И. Калинина (ЛЮИ). Гилинский подал туда документы, но на экзаменах было все сделано так, чтобы по конкурсу он не прошел. Тогда он поступил на заочное отделение географического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена и проучился там два года. К тому моменту умер Сталин, чуть отодвинулось в прошлое «дело врачей», и случилось непредвиденное. Ему позвонили и предложили перейти на второй курс ЛЮИ. Он ушел из пединститута и был зачислен в ЛЮИ. Однако в том же году ЛЮИ был ликвидирован, и всех студентов перевели на юридический факультет ЛГУ. Через три года, досрочно, он окончил университет, получив диплом с отличием.

До 1970-х годов Гилинский оставался юристом, занимавшимся уголовными делами. Был стажером прокуратуры, секретарем народного суда, а с 1958 г. более чем 10 лет — адвокатом, в основном защитником по уголовным делам. Несколько лет был членом Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов, имел «допуск» к ведению дел, подследственных КГБ, и вел соответствующие дела: об измене родине, об антисоветской пропаганде и агитации. По уголовному праву была и его кандидатская диссертация: «Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса», защищенная в 1967 г.

В шестидесятые годы Гилинский начинает задумываться о девиантном поведении и читать появляющуюся социологическую литературу. Три книги произвели на него наиболее сильное впечатление: монография Беккера и Боскова (1961), «Социология сегодня» (1965) и «Социология преступности» (1966). В интервью он вспоминает, что определенной «вехой» на пути его движения в социологию оказалось присутствие на одной из конференций социологов, где выступали Ядов, Здравомыслов и Шкаратан, и знакомство с книгой И. С. Кона по социологии личности (Кон 1967).

В 1969 году он начинает работать в НИИКСИ, сосредоточившись на социологии преступности, иных девиаций, социального контроля. На рубеже 60–70-х гг. появились его первые публикации по девиантологии; монография, которая в те годы была обязательной для защиты докторской диссертации, была завершена в 1983 г. Но до перестройки она не могла быть опубликована, поэтому он депонировал ее в ИНИОНе. В этой работе он обосновывал преступность как вид девиантности, а криминологию — как элемент социологии девиантности. Докторская диссертация «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений» по юридическим наукам была защищена им в 1985 г.

Таким образом, хотя Гилинский в юности интересовался философией, многое читал, но все же при выборе профессии предпочел юриспруденцию. До начала 60-х гг. он оставался «чистым уголовником», но постепенно самостоятельно расширял поле своих научных поисков и в конце 60-х включился в разработку проблем социологии преступности, более широко — девиантного поведения. Другими словами, траектория его движения в социологию качественно отличается от «линий», описывающих путь в социологию представителей не только первого, но и второго поколения, получивших базовое философское (социально-психологическое), экономическое или историческое образование. Эта качественность заключается в том, что профессиональная жизнь Гилинского всегда протекала в двух пограничных семантических областях, но все же в разных. Он и остался человеком с двумя профессиональными гражданствами.

Предложу еще одну модель вхождения в социологию. Ее специфика заключается в длительности этого процесса и его старте из сферы деятельности, предполагающей анализ социального, но скорее с позиций идеологии, чем науки. Эта модель проистекает из рассмотрения траектории перехода из журналистики в социологию Андрея Николаевича Алексева.

Биографический сюжет № 20. А. Н. Алексеев

Алексеев окончил славянское отделение филологического факультета ЛГУ, но вскоре после начала обучения лингвистика показалась ему слишком скучной и сухой; его увлекли комсомольская жизнь, общественная

работа, студенческие стройки. Стремясь «приблизиться к реальной жизни», он воспользовался возможностью и одновременно закончил (1956) отделение журналистики; по этой второй, тоже записанной в его дипломе специальности он получил распределение. До 1965 года его профессиональная жизнь была связана с журналистикой. Работал в «Волжском комсомольце» (г. Куйбышев), ленинградской молодежной газете «Смена» и потом в «Ленинградской правде» — главном партийном издании города. Не только активно писал, но рос и в карьерном отношении. После пяти лет работы в молодежных газетах он предпринял первое трехлетнее (1961–1964) «хождение в рабочие». Работа вальцовщиком на одном из ленинградских предприятий, потом электролизником на Волховском алюминиевом заводе были его «рабочими университетами». После этого он ненадолго вернулся к штатной журналистской работе, но решил, что к 30 годам период «первоначальной» социализации можно было считать завершенным, и избрал новый путь.

Примерно в это время Алексева как подававшего надежды литсотрудника Обком партии утвердил на номенклатурную должность заведующего отделом промышленности главной ленинградской газеты, однако несколько месяцев спустя он «пригрозил» уходом по собственному желанию, если не будут защищены от расправы за критику авторы неопубликованного письма в редакцию, в котором обсуждался «порочный стиль руководства» директора того самого завода, где он в свое время трудился в качестве рабочего. За это его срочно разжаловали в спецкоры, но и тут он продержался недолго. Бывший сокурсник по ЛГУ, который стал к тому времени доцентом факультета журналистики, Валентин Соколов, предложил ему пойти в аспирантуру для занятий «социологией журналистики». Позже Ядов согласился быть соруководителем диссертационного исследования.

Из социологов Алексеев в тот момент знал лишь О. И. Шкаратана и А. Г. Здравомыслова, они и благословили его на исследование взаимосвязи прессы и общественного мнения. Таким образом, жизненная (в данном случае — профессиональная) перемена имела как внутреннее импульсы, так и внешние стимулы; личностная мотивация и стечение обстоятельств вместе породили этот «переход». По воспоминаниям Алексева, факультет журналистики в те годы был не лучшим местом для занятий социологией: доминировало представление о том, что журналистика — наука, а не род деятельности, являющейся предметом научного изучения. Он с этим не соглашался. Особенно он «прокололся»⁹, когда в докладе на одной из конференций поделился результатами своих разысканий в области советской социологии печати 20-х гг. Оказалось, что М. Гус, развивавший «газетоведение» (Проблемы газетоведения 1930) и В. Кузьмичев, автор книги об общественном мнении (Кузьмичев 1929), о которых он рассказывал, на факультете журналистики были под идеологическим запретом. К концу аспирантуры стало ясно: защищать диссертацию на своем факультете он не сможет и работу по окончании аспирантуры не получит.

⁹ т. е. выступил с неверными, по тем временам, идеологическими утверждениями.

Все это время он старался восполнить дефицит систематических знаний, обычно приобретаемых на философском факультете. Слушал лекции Ядова и Кона, изучал историю философии, диалектическую логику, статистику, даже линейную алгебру (т. е. слушал лекции на матмехе). Этакий «ликбез» себе устроил, только без сдачи экзаменов.

Дальше началась полоса везений. А. Г. Харчев, слышавший выступление Алексеева, согласился взять его на Ленинградскую кафедру философии АН СССР, и, когда он уже был принят туда, ему вдруг позвонили из Новосибирска. В. Н. Шубкин приглашал его в Академгородок заниматься социологией печати. Алексей сообщил об этом Харчеву, и тот ответил: «Если надумаете вернуться, учтите — два года я Вас жду». Так оно и вышло.

Исследования по социологии печати Алексей проводил в составе группы ученых, которую возглавлял В. Э. Шляпентох, автор и организатор первых исследований всесоюзных аудиторий газет «Труд», «Известия», «Литературная газета» и «Правда». Это была хорошая школа работы с социологической эмпирикой. Алексей руководил небольшой командой, занимавшейся контент-анализом.

В Академгородок Алексей приехал с чемоданом, набитым экземплярами 1000-страничной кандидатской диссертации. Шубкин заметил: «Если хотите, чтобы ее кто-либо стал читать, сократите хотя бы до 300 страниц». В 1970 году Алексей благополучно защитил в Новосибирском университете диссертацию «Некоторые проблемы социологического изучения массовой коммуникации (на примере прессы)» и вскоре вернулся в Ленинград к Харчеву. Теперь он уже был вполне социологом (И: Алексей 2012).

Из историков пришел в социологию Жан Терентьевич Тощенко, в биографии которого мы увидим новые «повороты», пока не встречавшиеся нам при рассмотрении траекторий жизни социологов первых двух поколений социологов. Но прежде стоит объяснить, почему Тощенко, родившийся в 1935 г., включен в эту когорту, а не в третье поколение, «левая» граница которого — именно 1935 г. Ответ прост: жизненный опыт, пережитое им в годы войны, сближает его именно с теми, кто родился до 1934 г., а не с более молодыми представителями третьего поколения. Выше приводились фрагменты интервью с Тощенко, где он рассказывал о том, как, будучи студентом-отличником истфака МГУ, отправился на стройки Красноярского края, работал на ответственных комсомольских постах и постепенно пришел к пониманию необходимости анализа социума. Социологом его сделала Сибирь.

Биографический сюжет № 21. Ж. Т. Тощенко

Как комсомольского секретаря, входившего в «номенклатуру», его дважды рекомендовали для обучения в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Первый раз, в 1962 г., не прошел, был слишком

молод. Через два года рекомендовали вновь, тогда образовалась новая кафедра — научного коммунизма с социологической лабораторией при ней. Поступивших с самыми высокими баллами (у Тощенко было 20 из 20) пригласил ректор, академик Г. П. Францев, и предложил им работать вместе с ним на новой кафедре. Тощенко согласился, так начался процесс превращения историка и экономиста в социолога.

Как-то ему попался на глаза словарь — приложение к только что выпущенному двухтомнику «Социология в СССР»; там приводилось краткое толкование понятия «социальное планирование». Социальное планирование было названо важной неразработанной темой, в ней он увидел путь к анализу проблем сибирской молодежи, для которой огромное значение имели условия жизни и удовлетворенность ею.

Его научными руководителями были доцент Г. Л. Смирнов (тогда сотрудник журнала «Коммунист», позже — директор Института философии, директор Института марксизма–ленинизма, академик) и академик В. Г. Афанасьев (в дальнейшем главный редактор «Правды»). Вначале они пытались отговорить Тощенко заниматься вопросами социального планирования, возможно — в силу абсолютной новизны и неясности этой проблематики. Но не настаивали. Афанасьев сказал что-то вроде «черт с тобой, занимайся этой темой, но чтобы она была написана на достойном для защиты уровне».

Принятию Тощенко окончательного решения — заниматься социологией — помогли В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов, приезжавшие в АОН из Ленинграда читать лекции и вести практикумы. Несколько позже он ознакомился с реальным планом социального развития ленинградского научно-производственного объединения «Светлана», беседовал с инициаторами этого почина В. Р. Полозовым и Б. Р. Рященко. В 1967 году им была защищена кандидатская диссертация «Социальное планирование в системе научного управления социалистическим обществом».

По требованию партийного руководства Тощенко вернулся в Красноярск, но отказался от предлагаемых ему партийных должностей. Он согласился стать руководителем краевой организации общества «Знание» и преподавать в вузе: сначала — в пединституте, затем в только что созданном университете, который ранее был филиалом Новосибирского университета. Там им была создана хозрасчетная социологическая лаборатория, которая к моменту его возвращения в Москву в 1975 г. насчитывала почти 50 человек. Сотрудниками лаборатории проводились огромные договорные работы со многими предприятиями края. Главным направлением исследований были социальные проблемы новых производственных коллективов.

Многочисленные исследования Тощенко на предприятиях, консультационная деятельность, расширение пространства рекомендаций социологов на города, районы и даже на весь край, установление контактов с производственными социологическими лабораториями и с научными центрами во многих городах позволили ему подготовить докторскую диссертацию под названием «Методологические проблемы социального планирования». Она была защищена в Уральском уни-

верситете в 1973 г. Ранняя защита докторской тоже, как легко понять, способствовала его вхождению в круг социологов первого и второго поколения; некоторые из них защищали свои докторские исследования позже него (**И:** Тощенко 2007).

Путь в социологию Бориса Максимовича Фирсова также включает в себя многолетнюю работу в комсомольском и партийном аппарате, в том числе — в должности секретаря одного из райкомов КПСС Ленинграда. Но его отношения с властью не были столь сбалансированными, как у Тощенко. Для Фирсова завершение этапа «освобожденной партийной работы» наступило в мае 1962 г., но все было предreshено раньше (Распятие 2000).

Биографический сюжет № 22. Б. М. Фирсов

Весной 1961 г. первых секретарей РК КПСС Ленинграда командировали на один день в ЦК партии. После некоторых формальностей всех отпустили, а Фирсова попросили задержаться. В коридоре он встретил одного своего старого знакомого, и тот сказал ему про ожидавшие его «смотрины» на кадровое продвижение. На все предложения остаться в партийном аппарате в Москве он отвечал, что хотел бы вернуться к профессии (электронной оптике), полученной в ЛЭТИ, защитить диссертацию и работать на этом поприще. По возвращении в Ленинград Фирсова пригласили к Первому секретарю обкома, и тот раздраженно заявил, что он должен был согласиться на переход в аппарат ЦК КПСС. Его оставили работать, даже избрали делегатом XXII съезда партии, где он голосовал за новую Программу КПСС и за перезахоронение тела Сталина у Кремлевской стены.

Фирсов уже думал, что «тучи рассеялись», однако партия ничего не забыла. Весной 1962 г. ему стали предлагать разные номенклатурные должности от директора Театра оперы и балета имени С. М. Кирова до заместителя начальника УВД. Кончилось тем, что в мае 1962 г. без предварительного обсуждения с ним, Фирсова назначили директором Ленинградской студии телевидения.

По мнению специалистов, годы руководства Фирсовым ленинградским телевидением (1962–1966) можно назвать «золотыми». Но я остановлюсь лишь на том, как закончился этот период для телевидения и для Фирсова.

Передача «Литературный вторник», состоявшаяся 4 января 1966 г., была посвящена проблемам топонимики и государственной политики, связанной с непрерывным переименованием городов и населенных пунктов, когда взамен исторически сложившихся названий городам присваивались имена деятелей советского государства, а затем эти новые названия отменялись, если деятель попадал под машину политических репрессий.

Высказывания участников дискуссии сводились к тому, что давление идеологии обедняет язык, стандартизирует устную и письменную речь, мешает культурной идентификации жителей городов и страны в целом. Эта социолингвистическая дискуссия взвинтила партийные власти. Вскоре появился документ, составленный в ЦК КПСС и венчавшийся словами: «Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу “Литературный вторник”, освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова... принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и телевидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской литературы».

Возвращаться в ЛЭТИ было поздно; необходимо было потратить пять лет, чтобы «войти снова в предмет», защитить диссертацию и стать преподавателем; но Фирсову уже было 37 лет. Многое в его жизни определилось предложением Ядова поступить в очную аспирантуру философского факультета ЛГУ и защитить социологическую кандидатскую диссертацию, в основе которой лежало бы эмпирическое исследование ленинградской телеаудитории. Бывший партийный функционер и директор ленинградского ТВ стал, по его словам, «аспирантом-переростком», перешедшим «на прокорм матери и жены». Московские друзья из Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР помогли Фирсову пройти обучение в качестве стажера факультета социальной психологии Лондонской школы экономики и обеспечили ему доступ к Службе исследований аудитории радиостанции Би-би-си. В начале 1969 г. он досрочно защитил кандидатскую диссертацию «Социальные проблемы телевидения», в основе которой лежали знания, приобретенные в Англии, а также результаты представительного опроса ленинградской телеаудитории.

После еще десяти лет работы по изучению различных аспектов развития средств массовой информации в мире и СССР Фирсовым в 1979 г. была защищена докторская диссертация (И: Фирсов 2005).

Общим в профессиональном развитии Ж. Т. Тощенко и Б. М. Фирсова является то, что социологами их сделала освобожденная комсомольско-партийная работа, т. е. практика анализа многих конкретных проблем, реально встречающихся в жизни, и стремление к поиску их решений. Сближает их и то, что они не работали по приобретенной в вузах профессии. Будимир Гвидонович Тукумцев тоже вошел в социологию через ответственную партийную работу, но при этом он многие годы работал как инженер и руководитель производства.

Биографический сюжет № 23. Б. Г. Тукумцев

После окончания Ленинградского института железнодорожного транспорта Тукумцев по распределению уехал в Сибирь (мы это уже встре-

чали в биографии Ж. Т. Тощенко). Он считал невозможным для себя остаться в стороне от больших, идеологически важных процессов.

Во время учебы в институте Тукумцев, по его словам, больше сил и времени уделял культурно-общественным действиям, чем углублению своих технических знаний. Учился вполне прилично, хоть и без особого энтузиазма. На завершающих курсах был отличником. Но диспуты, лекции видных деятелей культуры в Доме общества знаний на Литейном, студенческие «капустники», организация воскресников по восстановлению Ленинграда увлекали его значительно больше и занимали все свободное время. Последние годы учебы он избирался секретарем комитета комсомола, его приняли в партию. Но быть «беззаветным» «солдатом партии» у него уже тогда как-то не получалось. Именно в те годы Тукумцев начал впервые ощущать «двоемыслие» по отдельным идеологическим вопросам. Правда, это не мешало ему сохранять высокую идентификацию с господствующими в те времена общественными идеалами, что проявилось, в частности, в том, что он не считал для себя возможным, когда учеба была закончена, отказаться от направления на работу в Сибирь, на Омскую железную дорогу. И прибыл туда в срок — в августе 1948 г. (И: Тукумцев 2009: 13).

В течение двух десятилетий Тукумцев работал сначала по специальности, а затем стал освобожденным партийным работником. Начинать с должности линейного электромеханика, около 16 лет был руководителем двух линейных предприятий — автоматики и связи, избирался на различные партийные посты, работал в ранге секретаря районного комитета в г. Куйбышеве (ныне г. Самара). В конце 60-х он стал главным инженером одной из служб Куйбышевской железной дороги.

В 1970 году Тукумцев решил перейти на научную работу в Технический университет и заняться тем, на что он имел право рассчитывать, — теорией телемеханики. Он начал готовиться к сдаче кандидатских экзаменов и написал реферат по философии — «Социальные последствия научно-технического прогресса». В процессе своей профессиональной деятельности он многое прочел по этой теме, так что подготовка реферата не была сложной. Через пару дней после представления работы на кафедру философии его пригласил к себе заведующий — Е. Ф. Молевич. Ничего не говоря о содержании реферата, он предложил Тукумцеву подумать о переходе на кафедру философии для руководства большой социологической лабораторией, которая к тому времени была там создана. Предложение было неожиданным, он обещал подумать.

В возрасте 44 лет Тукумцеву предстояло принять сложное, поворотное в его жизни решение. Значительные сомнения возникли относительно достижимости успеха на новом для него поприще. Насколько он будет в состоянии усвоить за короткий срок основы социологического знания, методы и процедуры исследований? Ведь у него даже не было гуманитарного образования. Была еще одна проблема — переход в университет означал для его семьи заметное снижение уровня материального положения, но на семейном совете было решено не принимать в расчет эту потерю.

После длительных телефонных разговоров Тукумцеву повезло, его ленинградские друзья обратились к В. А. Ядову, и тот сказал им, что ситуации, подобные возникшей у Тукумцева, обычны. Он пояснил, что социологические исследования имеют перспективу, становятся прикладной частью большой научной дисциплины, которая будет играть важную роль в жизни общества. И он обещал проконсультировать Тукумцева, если тот придет в Ленинград.

Так постепенно лаборатория, которой стал руководить Тукумцев, превратилась в сильную научную организацию, а он сам — в известного специалиста по социологии труда и смежным вопросам. В 1985 году он защитил кандидатскую диссертацию по анализу проблем мотивации индивидуального труда в условиях конвейерного производства (И: Тукумцев 2009).

Виктор Андреевич Артемов, который родился в 1938 г., по возрасту, конечно, должен быть отнесен к третьему поколению советских/российских социологов. Однако траектория его вхождения в социологию более соответствует жизненным ситуациям представителей второй возрастной когорты.

Биографический сюжет № 24. В. А. Артемов

Артемов родился и вырос в небольшом старинном городке Муроме, рано пристрастился к чтению. С шестого класса для него ориентиром стал МГУ — в журнале «Техника — молодежи» он увидел проект нового здания. Мечтал учиться на физфаке, но трудности с математикой при вообще-то отличных оценках не давали ему уверенности в поступлении. К концу школы его привлек философский факультет, в первую очередь — разнообразием дисциплин в программе обучения. Все шло к медали, но не получилось. При первой попытке он недобрал баллы, но со второй — поступил. Это был 1956 год. По его воспоминаниям, в учебных курсах философского факультета ничего специально социологического, и тем более конкретно-социологического, не было, но в «воздухе» социология уже чувствовалась. Первое соприкосновение с социологией состоялось у него на четвертом курсе, когда знакомый аспирант рассказал ему об одном из первых послевоенных социологических исследований социальных аспектов научно-технического прогресса, проведенного Г. В. Осиповым.

Дипломную работу «Как решают немецкие правые социал-демократы проблему классов и классовой борьбы» он выполнял под руководством Г. М. Андреевой.

После окончания МГУ Артемову хотелось поехать туда, где городская цивилизация находится непосредственно в природной среде. Особой проблемы с распределением выпускников не было, существовала возможность выбора. Решение было сделано в пользу Новосибирска. Там, в рамках Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР,

дополнительно к кафедре философии и иностранных языков, группе историков, археологов и филологов создали социологическую группу.

Тематика, с которой Артемов начинал свои научные поиски и которая стала для него главной, была продолжением возникшей у него еще в седьмом классе любви к спорту. Он и в студенческие годы активно занимался лыжами и бегом и достиг в этом заметных успехов. Вскоре после приезда в Новосибирск он посмотрел научный журнал «Теория и практика физической культуры». Не обнаружив там никакой «социологии», он понял, что разработка социологических аспектов физкультурно-спортивной деятельности может быть делом пионерным и полезным. Он провел небольшое обследование на нескольких заводах Новосибирска, выступил на конференции молодых ученых СО АН СССР и в конце 1962 г. написал небольшую статью «Об изучении социологического аспекта физической культуры», которую опубликовал в упомянутом журнале в начале 1963 г. Потом еще одну, уже с использованием результатов обследований бюджетов времени в Красноярском крае. Оказалось, что обе статьи были включены в число десяти советских публикаций в первую международную аннотированную библиографию по социологии спорта, вышедшую при поддержке ЮНЕСКО в Париже в 1968 г.

Желание получить конкретную информацию для углубленного изучения этой темы привело Артемова к исследованию бюджетов времени. Прочувшись сначала в заочной, а потом в очной аспирантуре философского факультета МГУ, он в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию «Методологические и методические вопросы изучения бюджетов времени», а через два десятилетия докторскую — «Время в изучении и управлении социально-экономическими процессами» (1987) (И: Артемов 2008).

Так сложилось, что подавляющая часть моих респондентов — москвичи и петербуржцы по рождению или по основному месту работы. В. А. Артемов и героиня следующего биографического сюжета, Клара Григорьевна Барбакова, — своего рода «редкие примеры» социологов первых двух поколений, большая часть профессиональной деятельности которых связана не со столичными городами. Хотя их становление как социологов во многом было обусловлено обучением в Москве.

Биографический сюжет № 25. К. Г. Барбакова

Барбакова родилась в городе Клинцы, сейчас — второй по величине в Брянской области. В начале 30-х гг. численность населения города приближалась к 40 тысячам человек, четверть населения составляли евреи. Уже в 40-е годы XIX столетия в Клинцах стало развиваться кожевенное производство, родители Барбаковой были рабочими на одной из кожевенных фабрик.

В 1941 году вместе с эвакуированными родителями она оказалась в Казани. Окончив там школу с серебряной медалью, она поступила на

историко-филологический факультет Казанского университета. Через пять лет закончила его с отличием и была направлена на работу в школу учителем истории и литературы.

В 1965 году муж Барбаковой и она сама были приглашены на работу в недавно открывшийся Тюменский индустриальный институт, где Барбакова получила должность ассистента кафедры философии. Через два года она поступила в аспирантуру МГУ и под руководством Е. В. Боголюбовой подготовила и успешно защитила диссертацию «Неокантианская традиция и проблема общественной закономерности в западногерманском обществоведении /Критический анализ».

В 1974 году при поддержке Г. М. Андреевой Барбакова стала заниматься социологическими проблемами интеллигенции. Собственно, тогда и началась ее социологическая деятельность. В 1981 году в МГУ она защитила докторскую диссертацию, но тогда ВАК ее не утвердил. Все успешно завершилось лишь в 1985 г. (И: Барбакова 2010).

Историю с полным основанием можно отнести к тому небольшому числу областей обществоведения, из которых советская социология с самого начала своего развития рекрутировала кадры. Уже в первом поколении социологов были историки, к примеру И. С. Кон и О. И. Шкаратан; есть они и в следующих профессиональных поколениях. Леонид Абрамович Гордон — один из наиболее известных представителей второго поколения социологов. Он — ровесник ряда социологов первой когорты, но его научная карьера начиналась в области социальной истории, и прошло немало лет до того момента, когда он сделал выбор в пользу социологии.

Биографический сюжет № 26. Л. А. Гордон

Гордон — москвич, родился в 1930 г. Его отец, инженер-строитель, происходил из местечковой извозничьей семьи; он был восьмым или девятым ребенком, и реально его воспитывали старшие братья и сестра, которые уже имели хорошее образование. В семье действовала такая система: год человек работал, зарабатывал деньги, а затем год учился в Швейцарии. Мать была научным работником, биологом, ее отец тоже был образованным человеком и служил в банке.

В 12–13 лет Гордон твердо решил стать историком — огромную роль в его жизни сыграл известный в то время кружок по истории Москвы при Дворце пионеров. В 1948 году с желанием заниматься историей и повышенным интересом к ее социологической части, общеисторической начитанностью и знанием кое-каких азов марксизма он поступил на исторический факультет МГУ. Помогла золотая медаль.

Он выбрал специализацию — отделение Востока — и начал изучать хинди. Выбор был сделан не только потому, что его увлекала экзотика Востока, — ему представлялось, что там он сможет свободнее использовать марксистскую социологическую схематику. Под руководством

выдающегося востоковеда И. М. Рейснера Гордон стал заниматься изучением положения рабочего класса в Индии. Ему пришлось основательно знакомиться с результатами первоклассных обследований различных сторон жизни населения этой страны, осваивать технику работы с социальной статистикой.

После окончания в 1953 г. университета у него были рекомендации в аспирантуру от двух кафедр. Однако его распределили в Житомирский пединститут, который отказался от его услуг. Гордон просил направить его работать в любую школу, но ничего не получалось. Его ближайший друг, тоже выпускник Восточного отделения, преподавал в школе рабочей молодежи для пожарников. Он поделился своей нагрузкой с Гордоном, отдав ему 8–9 часов в неделю. На следующий год Гордон был уже неплохим учителем и начал преподавать историю в обычной школе. В 1956 году ему удалось наконец поступить на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук (позже — ИНИОН), в восточный отдел. Необходимо было ежедневно просматривать все поступающие в библиотеку книги и журналы и составлять библиографические карточки и аннотации на все, что относилось к Индии. Работа была не очень утомительной, он справлялся с ней за полдня, а оставшееся время отдавал науке. В 1960 году в Институте востоковедения АН СССР Гордон защитил диссертацию «Из истории рабочего класса Индии. (Положение пролетариата Бомбея в 1918–1939 гг.)».

К середине шестидесятых, по воспоминаниям Гордона, для него наступил некоторый «учено-душевный» кризис. Он был сравнительно молодым и достаточно известным индологом, уже опубликовал несколько книг и немало статей, и дело шло к докторской диссертации. Но одновременно возникал вопрос: а чем, собственно, заниматься дальше на том уровне, которого он достиг? Углубление тематики требовало непосредственного наблюдения за процессами, происходившими в Индии, однако он понимал, что это было нереально. Ему все больше хотелось уйти в изучение некой социологической проблематики, касавшейся СССР.

В 1962–1963 годах он узнал, что в Институте философии Г. В. Осипов создал сначала сектор, а потом отдел социологии. Гордон несколько раз обращался к Осипову, но вакансий для него не было. В 1965 году начали создавать социологическую лабораторию в Институте труда; это заставило его задуматься о решительной перемене в своей научной судьбе. С одной стороны, — на подходе докторская диссертация; правда, не было перспектив поездки в Индию; с другой стороны, все, что возможно было сделать вне Индии, было сделано. И Гордон решил: теперь или никогда. Он перешел работать в социологическую лабораторию Института труда.

Пришлось многому учиться. Вот как об этом пишет сам Гордон: «Для меня это были мои новые университеты. Я более-менее представлял себе общество и раньше, но тут приобретал совсем иные знания» (И: Гордон 1999: 378). Он быстро включился в работу, и уже в 1967 г. у него в соавторстве с Б. М. Левиным вышла небольшая книга по актуальной

в то время теме — пятидневной рабочей неделе (Гордон, Левин 1967). В 1966 году был создан Институт международного рабочего движения АН СССР. Гордон перешел в него и проработал там до августа 1991 г. В 1972 году им совместно с Э. В. Клоповым была опубликована монография «Человек после работы» (Гордон, Клопов 1972), которая в социологическом и культурологическом плане продолжала и дополняла книгу «Человек и его работа» и тоже была признана классикой советской социологии. Интересно в связи с этим воспоминание Ядова. Дело происходило в московском Доме ученых, когда Гордон и Клопов представляли свою книгу. «Я говорю: “Фу, стибрили идею заголовка у нас со Здравомысловым”. А Леонид в ответ: “Мы сознательно это сделали, чтобы в каталогах и на книжных полках они были рядом”. Могу гордиться, что так и случилось. Книга сыграла огромную роль в повороте исследований свободного времени от описания реалий к их серьезному осмыслению и пониманию» (Ядов 2001).

При всем различии путей в социологию Баранова, Максимова и Русалиновой их сближает то, что они избрали философский факультет и получили образование, наиболее близкое к тому, которое было необходимо для работы в социологии. Другими словами, хотя их движение в социологию было не столь прямым и быстрым, как у представителей первого поколения, его можно обозначить как линейное, ибо траектории развития их карьер почти не покидали одно предметное, семантическое поле.

Есть сходство и различие во вхождении в социологию двух историков — Шкаратана и Гордона. Оба начинали с разработки социальных проблем касавшихся труда и жизни рабочих, но если в первом случае предметом анализа были советские (ленинградские), то во втором — индийские (бомбейские) рабочие, причем периоды истории, которые они рассматривали, значительно пересекались. Однако для Шкаратана этот проект стал стартом в новую социологию, тогда как Гордон после защиты диссертации еще достаточно долго оставался историком-востоковедом. Можно сказать так: переход Шкаратана от истории к социологии был «линейным», а Гордона — «кусочно-линейным», образованным двумя линейными участками, стыкующимися в середине 60-х гг. Первый фрагмент этой конструкции — линия с относительно небольшим «углом наклона», второй — линия со значительно большим угловым коэффициентом.

Анализ биографий представителей второго поколения позволил установить и еще более сложную траекторию перемещения из истории в социологию; ее можно классифицировать как «кусочно-линейную с разрывом». Во всяком случае, именно такое впечатление складывается из скупой информации о жизни и творчестве Валентины Федоровны Чесноковой, умершей летом 2010 г.

Биографический сюжет № 27. В. Ф. Чеснокова

Чеснокова родилась в 1934 г. в Томске. Судя по всему, она сразу после школы поступила на исторический факультет ЛГУ и затем там же окончила аспирантуру по истории СССР. Она работала в разных вузах и научных организациях в Нарьян-Маре, на Дальнем Востоке, в Новосибирске и Москве. Ее жизненный путь осложнялся двумя обстоятельствами: во-первых, в юности она перенесла тяжелую болезнь; во-вторых, всегда была глубоко верующим человеком. В 1965 году, работая старшим преподавателем Владивостокского отделения Московского института народного хозяйства им. Плеханова и готовясь к защите диссертации, Чеснокова заказала панихиду по умершей матери. За это она была уволена с работы по идеологической статье.

Ей пришлось сменить ряд профессий, и только в 1967 г. она вернулась к научной деятельности в новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, куда ее взяла Т. И. Заславская. Там началось знакомство Чесноковой с социологией. Она переводила Т. Парсонса, Ч. Кули, Б. Малиновского, Ф. Знанецкого, что в те годы было для зарождавшейся советской социологии делом первостепенной важности. В конце 90-х Р. В. Рывкина, работавшая вместе с Чесноковой на рубеже 60-х и 70-х гг., замечала: «Мы быстро выучились кое-чему у западных коллег, много переводили. Валентина Федоровна Чеснокова, например, напереводила столько, что до сих пор издают ее переводы» (И: Рывкина 1999: 272).

В 1973 году В. Ф. Чеснокова переехала в Москву, через четыре года стала старшим научным сотрудником НИИ культуры, где и проработала до выхода на пенсию в 1990 г. У нее не было ученых степеней и научных званий, но была эффективная исследовательская деятельность и признанные профессионалами результаты.

Во второй половине 1970-х гг. она активно включилась в правозащитную деятельность, участвовала в акциях «Фонда помощи политзаключенным и их семьям», более известного как Фонд Солженицына. В самом начале перестройки (конец 80-х гг.) была среди инициаторов создания Центра «Тюрьма и Воля», интервьюировала бывших политзаключенных и изучала их воспоминания. В 1992 году эта организация была преобразована в Центр содействия реформе уголовного правосудия. Чеснокова работала там и совместно с известным правозащитником В. Ф. Абрамкиным выпустила сборник интервью с политзаключенными, отбывавшими наказание в уголовных лагерях в период с конца 1940-х до середины 1980-х гг. (Абрамкин, Чеснокова 1998).

В середине 1970-х гг. Чеснокова начала писать свою главную книгу — «О русском национальном характере», один из первых вариантов которой был переправлен на Запад, но не опубликован. Возможно, там не поняли, что это за произведение — советское или антисоветское. Работа была завершена в начале 80-х, а увидела свет лишь два десятилетия спустя — в 2003 г. Поскольку книга писалась под псевдонимом Ксения

Касьянова (Ксения — имя ее матери) и к тому времени в кругу социологов и правозащитников связывалась именно с этим именем, она и была опубликована под псевдонимом (Касьянова 2003).

Многие годы Чеснокова сотрудничала с Фондом «Общественное мнение», где под ее руководством были проведены одни из первых все-российских социологических исследований состояния религиозности населения. В книге «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века» (Чеснокова 2005) ею был описан и проанализирован многофакторный процесс изменения уровня религиозности населения в постсоветской России за период с 1992 по 2002 г.

Последняя из работ Чесноковой — «Язык социологии» (Чеснокова 2010) — включает в себя серию лекций по истории зарубежной социологии. Эта книга одновременно историческая и биографическая, ибо основные социологические идеи и теории представлены в ней через портреты их авторов.

* * *

Приведенные биографии в целом показывают обоснованность очерченных границ второго поколения, по возрасту близкого к первой профессиональной когорте, но качественно отличающегося от нее путями вхождения в социологию. Необходимо отметить, что для всех этих исследователей, представителей второго поколения, переход в социологию не был бегством от избранной ранее профессии, как и не был результатом «чистой» игры случая. Он произошел либо как развитие, уточнение того пути, который им давал их первичный профессиональный выбор, как развитие предмета и проблематики исследований, начатых ими до обращения к концепциям и методам социологии, либо как ответ на опыт наблюдений ими социальной реальности. Они пришли в социологию, когда «первыми» уже была обозначена самостоятельность социологии как науки, когда уже начинала несколько уменьшаться, снижаться острота конфликта между представителями ортодоксальной марксистской социологии и теми, кто не был согласен с их трактовкой природы и характера социологического знания. «Вторые», во всяком случае их основная часть, имели возможность относительно долгое время сосредоточиться на социологическом анализе проблематики, заинтересовавшей их еще до прихода в социологию. Это во многом предопределило особенности их личных профессиональных путей и специфику второго поколения в процессе развития социологии в СССР/России.

Анализ воспоминаний группы советских/российских социологов первого и второго поколений (27 человек) прежде всего позволил наметить некоторые модели их вхождения в социологию. Эти теоре-

тико-эмпирические описания (модели) фиксируют в рассмотренных траекториях их жизненных путей и то общее, что характерно для представителей *одного поколения советских людей* (родившихся на рубеже 1920–1930-х гг.), и то специфическое, что детерминирует собственно принадлежность моих собеседников к *разным профессиональным когортам*.

На мой взгляд, доказательством *логической валидности* полученных результатов является то, что все выявленные в ходе исторического исследования варианты вхождения ученых в социологию описываются и обобщаются одной концепцией, восходящей к физическому принципу «Максвелловского демона».

Представим, что социология 60-х в СССР — это некий сосуд с узким горлышком. Никто не знает, что в этом сосуде, но, как покажет будущее, он таков, что вход в него был, а выхода не было; и, как правило, попавшие в этот сосуд, добровольно (тем более — массово) его не покидали. Однако вход не был свободным, он контролировался своеобразным «демоном Максвелла», открывавшим вход только перед весьма «разогретыми» частицами-индивидами. В реальности эта «разогретость» означала многое. Сначала — юношеская установка на познание общества, трансформировавшаяся в желание изучать философию, историю или экономику. Затем — стремительное вхождение в соответствующую университетскую среду и успешное овладение набором принципов, концепций изучения социума. Далее — раннее (в сравнении с окружающими) понимание того, что социальный мир, пусть даже в узкой наблюдаемой ими нише, устроен не так, как описано в книгах, и спонтанное, случайное обнаружение того, что существует инструмент познания этого социального — социология. И вот тогда у этой «разогретой» личности возникает отчасти осознаваемое, но во многом интуитивное стремление освоить это новое и даже запретное.

Перед такими «частицами» «демон Максвелла» не мог устоять и «разрешал» им вход. Таких микротел не могло быть много, слишком жесткими были критерии их селекции. Иными словами, не все подлетавшие к узкой горловине описываемого воображаемого сосуда были «нагреты» настолько, чтобы проскочить мимо этого привратника. Одновременно «мудрый демон» оперативно «готовил» к входу в «сосуд» еще одну группу частиц, по многим параметрам очень близких к первой, но в начале 60-х гг. оказавшихся недостаточно «разогретыми». Цель этой подготовительной операции заключалась в том, чтобы в итоге сформировать некую критическую массу частиц, обеспечивающую становление в ближайшем будущем саморегулирующегося механизма вхождения в этот сосуд, т. е. исключающего присутствие демона. А содержание этой предварительной операции сводилось, естественно, к размещению

этих частиц в специальной «печке», в которой их температуру можно было бы довести до необходимого уровня. Эту «жаровню» образовывали те точки социума, в которых существовали и обнаруживались наиболее конфликтные, или горячие, формы социальных отношений.

Приведенная модель прежде всего относится к тем из «первых», кто не участвовал в войне. Путь в науку участников войны был более тернистым и продолжительным.

Количество социологов «второго призыва» тоже было небольшим, ведь «горлышко», сквозь которое «демон Максвелла» «впускал» в социологию желающих приобщиться к ней, оставалось узким: было мало социологических коллективов, не велась подготовка специалистов, весьма ограниченными были возможности обучения в аспирантуре по социологической тематике. К тому же если социологи, образовавшие первое поколение, на момент их перехода в социологию были молоды, могли действовать импульсивно, совершать рискованные шаги, то представители второго поколения в ситуации раздумий о погружении в социологию были заметно старше их, имели более основательный жизненный опыт, и, возможно, многих желавших сделать такой шаг удерживал от него необходимый переход от приличных заработков к скудной аспирантской стипендии.

В целом же можно утверждать, что описанные выше маршруты движения в социологию социологов первого и второго поколения — это своего рода социально-профессиональные универсалии, которые, скорее всего, присутствуют и в жизненных путях других социологов, входящих в эти общности. Но одно ясно: это все надо проверять, уточнять — ведь речь идет о начале нашей истории, о людях, помогавших социологии родиться и делать первые шаги.

Глава 7

Призванное помогать

В главе 6 была приведена и обсуждалась модель образования двух первых поколений отечественных социологов, в основе которой лежит принцип «демона Максвелла». Отмечалось также, что «демон» как некий внешний социально-исторический регулятор не только в течение какого-то времени формировал две когорты социологов, но одновременно и готовил к запуску иной механизм, позволивший ему прекратить свою деятельность. Это произошло во второй половине 1960-х гг. Второе поколение было «странным» или «аномальным», далее процесс образования поколений социологов нормализовался. «Первые» (вспомним слова В. А. Ядова) были самоучками, «вторые» — их пер-

выми учениками. По отношению к третьему поколению «демоном», привратником сначала были представители первого поколения, а затем и второго.

Функции поколений: общие положения

Рассмотрение путей, которыми входили в социологию представители первого и второго поколений, позволяет наметить присущие каждой профессиональной когорте *ведущие роли и функции*, в процессе становления в стране социологии. Эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами, они были избраны участниками процесса самостоятельно и часто выстраданы. Путь каждого социолога во многом был случаен, а вот функции поколений — и в этом одно из достоинств поколенческого анализа — закономерны, объективны. Они — следствие исторических процессов, составляющих фон и суть второго рождения современной советской/российской социологии. В начале 60-х гг. «процесс пошел», и далее на десяток лет все было, по большому счету, предопределено. Сошли бы пионеры с той стези, на которую их вывели политическая «оттепель» и стремление в рамках марксизма искать новые социальные горизонты, — и не состоялось бы тогда этого второго рождения.

Первому поколению социологов предстояло доказать самостоятельность социологии как науки, и это была не просто науковедческая тема, не вопрос феноменологии, методологии и организации науки, но прежде всего — *проблема политико-идеологическая*. Второе поколение, если говорить в целом, почти не участвовало в дискуссиях о специфике марксистской социологии. Оно, опять же в основном, приняло концепцию трех уровней социологии и решало задачи *расширения предметного поля* исследований в опоре на свой солидный «до- и внесоциологический» научный и практический опыт. Единство общенаучных установок представителей этих двух поколений, почти тождественность их исторического и социального опыта, а также признание «вторыми» того обстоятельства, что «первые» являются их *учителями*, наставниками (вскоре все они стали коллегами, а многие и друзьями), определило отсутствие серьезных межпоколенческих конфликтов.

Формирование следующего, третьего поколения — время рождения представителей этой группы заключено в интервале от 1935 до 1946 гг. — тоже несет в себе следы «ненормальности» развития российской социологии, т. е. ее длительного отсутствия и затем второго рождения. Но оно проявляется иначе, чем было описано выше. Проследим этот процесс на примере вхождения в социологию 31 представителя третьего профессионального поколения (табл. 6).

Таблица 6

**Базовые статистические характеристики
анализируемого массива представителей третьего поколения
российских социологов**

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Годы прихода в социологию	Год защиты диссертации (канд. /докт.)
Башкирова Елена Ивановна	1946	1969	1981/Нет
Беляев Эдуард Викторович	1936	1960	1966/Нет
Божков Олег Борисович	1941	Середина 60-х	Нет
Бороноев Асалхан Ользонович	1937	То же	1969/1980
Воронков Виктор Михайлович	1945	Вторая поло- вина 80-х	Нет
Голенкова Зинаида Тихоновна	1939	Середина 60-х	1974/1980
Голод Сергей Исаевич	1935–2013	Начало 60-х	1970/1987
Голосенко Игорь Анатольевич	1938–2001	Середина 60-х	1967/1980
Голофаст Валерий Борисович	1941–2004	Конец 60-х	1972/нет
Готлиб Анна Семеновна	1945	1971	1990/2005
Гофман Александр Бенционович	“	Начало 70-х	1974/1994
Гудков Лев Дмитриевич	1946	1970	1978/1995
Докторов Борис Зусманович	1941	1968	1970/1985
Дубин Борис Владимирович	1946	“	Нет
Ионин Леонид Григорьевич	1945	Начало 70-х	1974/1983
Капелюш Яков Самуилович	1937–1990	Середина 60-х	1972/Нет
Кесельман Леонид Евсеевич	1944	Начало 70-х	Нет
Константиновский Давид Львович	1937	1968	1970/1998

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Годы прихода в социологию	Год защиты диссертации (канд. /докт.)
Левинсон Алексей Георгиевич	1944	Середина 60-х	1980/Нет
Могилевский Роман Семенович	1938	То же	1984/Нет
Панова Людмила Васильевна	“	1966	1975/Нет
Петренко Елена Серафимовна	1940	1968	1973/Нет
Позднякова Маргарита Ефимова	1939	Конец 60-х	1978/Нет
Протасенко Татьяна Захаровна	1946	То же	Нет
Саганенко Галина Иосифовна	1941	1962	1974/1991
Смирнова Елена Эмильевна	“	Конец 60-х	1971/1993
Старовойтова Галина Васильевна	1946–1998	То же	1980/Нет
Толстова Юлиана Николаевна	1942	1969	1977/1993
Травин Игорь Иванович	1936	1971	1978/Нет
Чесноков Сергей Валерианович	1943	1969	1969/Нет
Шереги Франц Эдмундович	1944	1973	1976/Нет

Обычно каждое новое поколение в науке развивается под наблюдением двух предыдущих, но в данном случае такого не могло быть. «Вторые» к моменту появления «третьих» еще не набрали той силы, чтобы активно влиять на становление входивших в науку новых людей, да и вчерашние студенты и молодые ученые предпочитали консультироваться у «первых». В большинстве случаев учителями, наставниками третьего поколения были социологи первого призыва (самопризыва); более того, формирование второго и третьего поколений происходило не строго последовательно, а *последовательно-параллельно*. Во всяком случае, первые шаги по рекрутированию третьего поколения делались не позже, чем начинало складываться второе.

В середине 60-х гг. некоторые исследователи из третьей профессиональной когорты уже считали себя социологами, тогда как будущие

представители второй когорты еще работали по своей базовой специальности: юристами, журналистами, историками, переводчиками и т. д. На кафедрах философии ведущих университетов страны стали утверждать аспирантские темы социологической направленности, и, таким образом, некоторые старшие представители третьего поколения становились кандидатами наук ранее их будущих коллег из второго поколения.

Для такого хода событий были объективные предпосылки. В этот период в университетах создавались хозрасчетные социологические лаборатории, открывались академические социологические подразделения; для претворения в жизнь идеи социального планирования формировалась сеть заводских социологов; под руководством социологов первого поколения разрабатывались и осуществлялись крупные исследовательские проекты, давшие теоретико-эмпирический материал для ряда книг, признанных классическими в отечественной социологии. Происходило осознание того, что без освоения трудных разделов планирования процедур сбора и обработки больших массивов информации задумываемые проекты не смогут быть реализованы. Становилось все более ясно, что для развития социологии необходимы люди, способные целенаправленно заниматься освоением зарубежных теоретических и методических достижений, заглядывать в прошлое науки.

Третье поколение входило в социологию в начале 60-х гг., и это движение продолжалось в течение всего следующего десятилетия. Лишь более молодые, относившиеся к этому поколению, учились на философских факультетах университетов и приходили в социологию более или менее осознанно. Все остальные, учившиеся на философских факультетах во второй половине 50-х гг. или получавшие другие специальности в университетах и институтах, как правило, не знали, что это за наука. Однако в силу личностных и профессиональных качеств они были готовы к достаточно быстрому освоению языка социологии и успешной работе в социологических коллективах. Те, кому все это новое приходилось по душе, кто прикипал к делу и к своим наставникам, начинали образовывать третье поколение советских/российских социологов.

Третье поколение представлено в нашем массиве заметно большим, по сравнению с двумя предыдущими поколениями, количеством социологов. Во-первых, в гипотетической генеральной совокупности советских/российских социологов представителей этой когорты, очевидно, было больше, чем социологов первых двух поколений. Во-вторых, пути представителей третьего поколения в социологию более вариатбельны; значит, необходим больший материал для выявления моделей их вхождения в науку.

Возможно, *главное отличие* третьего поколения от второго заключается в том, что оно осознанно, целенаправленно рекрутировалось и создавалось в основном первым поколением, тогда как второе прихо-

дило в социологию само. Соответственно, роль, назначение, функции третьего поколения определялись не только временем, политическими, идеологическими и социальными особенностями советского общества второй половины 60-х—первой половины 70-х гг., но и в значительной степени научными интересами и личностными характеристиками социологов первого поколения. Все они к тому времени были докторами наук или собирались защищать диссертации, авторами основополагающих для отечественной социологии книг, руководителями крупных проектов или подразделений академических институтов. Они имели возможности, правда, не очень широкие, набирать штат сотрудников и руководить аспирантами. И делали это, прежде всего исходя из собственных научных интересов, текущих производственных потребностей, представлений о том, какими они видели своих младших по возрасту коллег. Естественно, они осуществляли свой выбор из того человеческого и профессионального «материала», который предоставляла им эпоха.

Анализируя состояние только начавшей оформляться советской социологии во второй половине 60-х гг., можно выделить обозначившиеся в те годы тенденции ее развития, которые определяли механизмы рекрутирования новых кадров и будущую тематику их исследований. Нет смысла сравнивать глубину ощущавшихся проблем, но, безусловно, среди главнейших была проблема математической обработки результатов анкетных опросов. Особенностью того времени были большие объемы выборок и большое число вопросов, которые включались в анкеты. Использовались и другие методы сбора информации, но доминировало анкетирование. Математики нужны были для обеспечения анализа первичных данных, планирования выборок, разработки приемов шкалирования измеряемых установок. Освоение зарубежного опыта и некоторое оживление контактов с западными специалистами требовали привлечения в социологические коллективы людей, профессионально знающих иностранные языки. Помимо этого, требовалось овладеть методологией и практикой феноменологической социологии; начинала осознаваться ограниченность **жестких** позитивистских концепций и методов. Наряду с изучением современных для того времени социологических теорий и эмпирических приемов, зарождался интерес к истории зарубежной и отечественной социологии.

Собранная биографическая информация позволяет уточнить рассмотренные выше и построить новые, не существовавшие до сих пор модели вхождения специалистов в социологию. Для решения этой задачи априори сформируем три группы специалистов, входивших в социологию через три «разные двери».

Первую группу назовем «математики». Она объединяет получивших базовое математическое, физическое или техническое образование

и включает тех, кто в своем движении в социологию исходно ориентировался на получение технической специальности, но потом приобрел профессию экономиста. Вторая группа — «филологи». Это люди, рано почувствовавшие интерес к изучению языков или литературы и избравшие в качестве своей будущей профессии филологию или журналистику. Хотя, как показано в гл. 6, и раньше в социологию приходили специалисты с техническим и журналистским образованием — но это были все-таки отдельные, нетипичные случаи. Поэтому становление двух названных подгрупп третьего поколения, заметных по численности в общем составе этой когорты, было новой тенденцией в образовании профессиональной структуры советской/российской социологии. Третья группа типичная — это «философы» или, шире, обществоведы.

Вне рамок этих трех групп рассмотрю лишь движение в социологию Эдуарда Викторовича Беляева, который принадлежит к старшему слою третьего поколения. Будучи философом, он занимался методологией применения математики в социологии, т. е. по направленности своей деятельности оказался близок к математикам. Его можно отнести и к группе философов, и к группе математиков.

Биографический сюжет № 1. Э. В. Беляев

Беляев закончил философский факультет ЛГУ. Будучи ленинградцем и пережив в городе блокаду, он не пожелал никуда уезжать по распределению. Преподавательскую работу он не получил и остался на факультете лаборантом. Далее процитирую его слова.

Я выполнял какую-то ерунду и познал идиотизм всей той деятельности, которую я исподтишка саботировал. У меня была возможность заниматься своими любимыми делами. Проработал я так недолго, примерно, всего год. «Преобразования в обществе» дошли наконец до факультета. В. Ядову предложили сформировать социологическую лабораторию. Насколько я знаю, первую в стране (1960 год). Он взял в лабораторию меня... Я был самым молодым в этой команде (**И:** Беляев 2010: 5–6).

Обучаясь в 1963–1966 гг. в философской аспирантуре под руководством И. С. Кона, Беляев занялся анализом круга проблем, касавшихся использования математики в западной социологии. Предполагаю, что в этом исследовательском направлении его работа была первой. На философском факультете ЛГУ его диссертация была встречена враждебно, тем не менее ученый совет ее одобрил. Работа называлась «Математические методы в социологии США: критический анализ». Защита состоялась в 1966 г., и оппонентами были два доктора наук: Г. М. Андреева и Ю. А. Левада. Вскоре после защиты Беляев опубликовал в «Вопросах философии» (Беляев 1967) статью по теме диссертации. Скорее всего, это была одна из первых проблемных статей, написанных социологом третьего поколения. С 1977 года Беляев живет в США.

Прежде чем рассматривать пути, которыми приходили в науку социологи, имена которых включены в табл. 6, замечу, что соответствующие фрагменты биографий Я. С. Капелюша и Л. Е. Кесельмана были приведены в гл. 5.

Реализация функций третьего поколения

«Математики»

Начну с рассмотрения путей вхождения в социологию в 60-х гг. заметной группы молодых специалистов с математическим и физическим образованием. Столь мощного притока людей с подобной профессиональной подготовкой не могло быть раньше, а позже в нем уже не было необходимости. Одна причина призыва математиков была указана выше — потребность в обработке больших массивов информации и в анализе всех составляющих социологического измерения. Вторая причина — осознание социологами первого поколения (назову, прежде всего, Б. А. Грушина, Т. И. Заславскую, А. Г. Здравомыслова, Г. В. Осипова, В. Э. Шляпентоха и В. А. Ядова) того, что математики должны не просто консультировать социологов и обсчитывать собранные ими данные на ЭВМ, но постоянно работать с ними, быть членами единого исследовательского коллектива. Есть и третья причина: среди социологов второго и третьего поколения были философы, которые разрабатывали общеметодологические проблемы использования математики в социологии и старались показать перспективность, необходимость применения количественных методов в социальном познании.

Специфика вхождения математиков в социологию заключалась в том, что они, фактически не зная ничего о социологии, становились *консультантами* социологов по использованию математики и сразу должны были выполнять весьма значительный круг ответственных обязанностей. Таких специалистов было мало, долгое время они были разобщены и не могли оказывать помощь друг другу. К тому же была и определенная сложность с их профессиональной самоидентификацией. Из математической среды они выходили или заметно отдалялись от нее, но одновременно долго не видели себя социологами.

Первой среди математиков, пришедших в социологию, скорее всего, была Галина Иосифовна Саганенко, поэтому траектория ее движения и будет рассмотрена первой.

Биографический сюжет № 2. Г. И. Саганенко

Весной 1962 г. она, будучи еще студенткой математико-механического факультета ЛГУ, пришла в лабораторию В. А. Ядов по объявлению (И: Саганенко 2010). Для социологов необходимо было закодировать

большое количество анкет, которые затем обрабатывались на ЭВМ. Этим Саганенко и занялась. Там же она подготовила свое дипломное исследование. После окончания матмеха она, не ленинградка, готова была поехать по распределению в один из подмосковных городков в «почтовый ящик». Но Ядов понимал, «что математик — полезный работник в деле изучения массы респондентов, помноженных на массу признаков. А на те скромные хлеба», которые он мог предложить работнику, пригласить выпускника матмеха с ленинградской пропиской нечего было и рассчитывать; у него была лишь ставка лаборанта на 83 рубля. Он пошел договариваться с ректором А. Д. Александровым, и в итоге Саганенко оставили по распределению в Ленинграде, предоставив ей место в студенческом общежитии. Она специализировалась на разработке методов повышения качества первичного социологического измерения и по этой теме в 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию (Саганенко 1974). Ее дальнейшие теоретические и эмпирические работы в этой области были обобщены в 1991 г. в докторской диссертации (Саганенко 1991).

Теперь расскажу о своем пути в социологию; он был задан Саганенко, и многие годы мы работали в одних и тех же социологических структурах АН СССР.

Биографический сюжет № 3. Б. З. Докторов

В конце 1964 г. я окончил математико-механический факультет ЛГУ и в конце 1967 г. — аспирантуру при том же факультете, занимаясь методами многомерного статистического анализа. Не подписав в июне распределение, согласно которому я должен был уехать в Архангельск, полгода активно занимался поисками работы, но все было безуспешно. И вот в конце января 1968 г. я случайно встретил в коридоре факультета Саганенко, с которой был знаком еще со студенческой поры. Услышав, что я ищу работу, она сказала, что социологу А. Г. Здравомыслову нужна консультация по математической обработке информации. Позвонил ему, и он попросил меня прийти в Таврический дворец. Не зная, что в этом здании расположено, я был удивлен, увидев при входе военного. Опуская детали, скажу, что через несколько дней я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы. Преподавать я не должен был; меня включили в небольшую группу социологов и поручили наладить обработку на ЭВМ изучавшихся на основе самофотографии бюджетов времени партийных работников.

В годы аспирантуры я не успел довести до конца исследование по факторному анализу, но в сотрудничестве с учеными факультета психологии ЛГУ было сделано немало; были и публикации. Во второй половине 1969 г. мне показалось удобным досдать кандидатский минимум по психологии и усилить прикладной, собственно психологический аспект моей аспирантской темы. Получив поддержку от Здравомыслова

и декана психологического факультета Б. Г. Ананьева, который к тому же дал ряд ценных советов по развитию темы и согласился стать титульным руководителем исследования, я завершил все в 1970 г. и в декабре защитил кандидатскую диссертацию по психологии.

В начале семидесятых я на долгие годы оказался втянутым в интересные и по тому времени обладавшие высокой степенью новизны опросы общественного мнения работающего населения Ленинграда. Мой переход в 1973 г. в ленинградский сектор Института социологических исследований АН СССР способствовал тому, что последующие два десятилетия я в основном занимался методологическими, методическими и организационными проблемами изучения общественного мнения. Тот факт, что они проводились по заказам партийных властей города, делал получаемые данные закрытыми; соответственно, оставались лишь очень небольшие возможности для публикации результатов методических поисков. Однако все сделанное было подытожено в докторской работе, защита которой состоялась в начале 1985 г. в Институте социологии АН СССР.

Аналогичным путем пришла в социологию Елена Серафимовна Петренко, только она «переходила» не от математики, а от физики.

Биографический сюжет № 4. Е. С. Петренко

Петренко окончила Московский инженерно-физический институт по специальности «вычислительная техника» в середине 60-х и по распределению оказалась в «ящике», где должна была выверять различные программы, используемые при запусках ракет. Не выдержав этого, она перешла на работу в Госкомстандартизации, в группу, изучавшую воздействие вибраций на организм трактористов. Испытуемого трясли в «кресле тракториста» и с помощью специальной аппаратуры измеряли его психофизиологические реакции. В задачу Петренко входило создание программы распознавания образов, позволяющей анализировать эти реакции. Здесь она познакомилась с И. Б. Мучником, входившим в группу сотрудников Института автоматики и телемеханики (ИАТ), которая во многом определяла развитие в СССР тематики распознавания образов. Продолжая работать в эргономической лаборатории, Петренко одновременно все более погружалась в обстановку и тематику ИАТ, надо было что-то решать. Далее, по воспоминаниям Петренко, было так:

Как-то летом 1968 г. мой муж... который работал в районе метро «Динамо», идя с работы, прочел объявление, что Институт конкретных социологических исследований АН СССР объявляет прием в аспирантуру. Он посоветовал мне пойти в эту аспирантуру. <...> На мой вопрос: «А что это за наука такая — социология?» я получила ответ: «Кто ее знает, но слово-то красивое...» (И: Петренко 2007: 82).

Она подала документы, сдала экзамены и поступила в аспирантуру. Ее научным руководителем стал Г. В. Осипов, который сразу перепоручил ее Э. П. Андрееву. Через некоторое время по договоренности Осипова

и Мучника обозначилась тема ее аспирантского исследования — проблемы построения репрезентативных выборок. Начались будни: слушала лекции Ю. А. Левады, И. С. Кона, Б. А. Грушина, приезжал В. А. Ядов. Побывала в Новосибирске, познакомилась с Т. И. Заславской и В. Н. Шубкиным. Дневала и ночевала в ЦСУ, выписывая статданные по городам и областям РФ. Итогом работы Петренко, которой она занималась в тесном сотрудничестве с В. Э. Шляпентохом, стала первая в стране территориальная вероятностная выборка, учитывавшая результаты многомерной стратификации городов. Защита кандидатской диссертации (Петренко 1973) состоялась в 1973 г., и ее первым оппонентом была Т. И. Заславская (**И:** Петренко 2007: 82).

Одновременно с Петренко в МИФИ учился Сергей Валерианович Чесноков. Он шел в социологию осознанно, в общем понимая, что это за наука, и зная, с кем бы он хотел работать.

Биографический сюжет № 5. С. В. Чесноков

В 1965 году Чесноков досрочно, на полгода раньше общего выпуска, окончил институт, остался в аспирантуре и летом 1969 г. защитил диссертацию по химии. Но он чувствовал, что культура физиков, математиков — не его, номинально он был в той среде, но она была ему чуждой. Отчасти причиной такого состояния была его погруженность в иную, не научную культуру. Специализируясь по теоретической физике, Чесноков был активным участником и одним из организаторов московского клуба песни. По его воспоминаниям, Новелла Матвеева, Александр Галич, Юлий Ким фактически спасли его, дали ему чувство жизни. В 1967 году он познакомился с Галичем, пригласил его на конференцию в Петушки и там предложил создать федерацию клубов песни Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Чеснокова избрали президентом этой федерации.

Парадоксально, но на момент защиты диссертации Чесноков уже работал в социологическом коллективе Б. А. Грушина. О Грушине ему рассказывали друзья, работавшие в «Комсомольской правде», и он прочел грушинскую книгу «Мир мнения и мнения о мире». Ему показалось, что Грушин — тот человек, с которым стоило работать. Их первую встречу Чесноков описал так:

Кто-то сказал, что Грушин час назад сбежал в Президиум АН. Я пошел в Президиум на Ленинском. Там мне его показали. Он на меня с большим любопытством глядел, немного откинув голову, с отяжкой. Химия, физика... что такое? Что, мол, человеку надо?.. Первое, что спросил: «А что вы вообще хотите у меня делать?» Я ответил ему абсолютно не по существу, дефективной фразой. Я сказал: «Борис Андреевич, мне сейчас важно не что делать, а с кем работать. Я хочу работать с вами, мне это важно». Это был ответ без вранья, и не вдоль, а поперек. Он это отфиксировал. И стал мне рассказывать про информационную трубу. У меня от этого крыша слегка поехала. Какая-то труба информа-

ционная в Таганроге... Но быстро понял, что к чему. С интерпретациями слов у меня трудностей не было, это было легко. Я привык понимать, как люди слова подбирают, чтобы сказать, что думают. Слушал не слова, а то, что человек хочет сказать (**И:** Чесноков 2001: 80).

Работая в команде Грушина, Чесноков занимался простыми вещами: говорил с людьми, готовившими анкеты; выборками; таблицами распределений. Интересовался: зачем они это делали, какова была их цель? Через пару лет в процессе анализа двумерных таблиц сопряженности возникла идея детерминационного анализа (Там же: 96)

Про Чеснокова нельзя сказать, что его приход в социологию оказался «совсем» случайным. Несмотря на внешнее благополучие его карьеры физика, он понимал, что его притягивал к себе мир социальных отношений. Нечто подобное произошло и с математиком по базовому образованию Францем Эдмундовичем Шереги, хотя элемент случайности в том, что он стал социологом, был. В социологию Шереги привел интерес к сложным человеческим и общественным отношениям и цепочка обстоятельств, сделавших его профессиональным переводчиком-синхронистом.

Биографический сюжет № 6. Ф. Э. Шереги

Приведу ответ Шереги на вопрос «Если можно, поясни, как ты оказался в среде социологов...».

Это произошло случайно, пытался уйти от изнуряющей рутины переводческой работы с венгерским языком, который и по сей день для меня родной. Работая с 1968 г. переводчиком-синхронистом в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ в Москве, я переводил лекции, семинары, зачеты и экзамены по философии, политэкономии, истории КПСС, научному коммунизму, международному рабочему движению, а с 1971 г. — по прикладной социологии... при этом до 1971 г. я продолжал заочно изучать математику в Ужгородском университете. Таким образом, непроизвольно я получил и гуманитарно-политическое (естественно, марксистское) образование.

Мне нравилось переводить лекции по философии и прикладной социологии. Последняя мне импонировала своей рациональностью и связью с математикой. В августе 1973 г. я случайно прочитал в газете «Вечерняя Москва» объявление о приеме в аспирантуру ИКСИ АН СССР. Так как я подсознательно искал возможность сменить специальность переводчика, то по наивности подал документы в аспирантуру на заочное отделение. <...> Еще до вступительных экзаменов в Отделе аспирантуры мне предложили переписать заявление на очное отделение, что я и сделал. В последующем я узнал, что инициатором этого был В. Э. Шляпентох, меня лично не знавший, но рецензировавший мой реферат по выборочным методам. <...> В итоге «случайно» я поступил в аспирантуру и мне назначили руководителем Шляпентоха (**И:** Шереги 2007б: 6).

Первое впечатление Шереги об ИКСИ АН СССР было восторженным. Придя из политической системы, где в производственных отношениях господствовала строгая иерархия, он был поражен академической демократией тех лет. Ранее подобных форм коммуникации в профессиональных структурах он не встречал. Увиденное с самых первых дней укрепило его во мнении, в правильности которого он не усомнился и позже: советские социологи явились не только важным предвестником демократических перемен в СССР, но и приложили большие усилия для приближения этих перемен (**И: Шереги 2007б**).

С большим жизненным и профессиональным опытом пришел в социологию инженер-физик, журналист и писатель Давид Львович Константиновский. Приглашая его к совместной работе, В. Н. Шубкин прежде всего видел в Константиновском специалиста по математическим моделям. Вместе с тем, будучи сам талантливым литератором, Шубкин, скорее всего, понимал, что писательский взгляд Константиновского на проблемы образования может оказаться весьма ценным.

Биографический сюжет № 7. Д. Л. Константиновский

Имея перед собой пример отца, Константиновский хотел стать журналистом, но отец дал ему совет: «Получи какую-нибудь нормальную специальность, а потом делай что хочешь» (**И: Константиновский 2006: 3**). Он стал учиться в Челябинске в Политехническом институте, в то время там создавался специальный факультет для подготовки специалистов-электронщиков по конструированию приборов для танковой промышленности. В 1959 году по окончании института вместе с друзьями он уехал в Новосибирск, где начал работать в одном из «почтовых ящиков». Работа была творческой и хорошо оплачиваемой, но постепенно многие начали сбегать в Академгородок в Институт ядерной физики — там строился новый ускоритель элементарных частиц. Сбежал и он.

В студенческие годы и позже, уже став конструктором сложных электронных систем, Константиновский постоянно сотрудничал с прессой, публиковал прозу и стихи. В 1964 году он был принят в Союз писателей.

В 1968 году он познакомился с В. Н. Шубкиным. К тому времени Константиновский кое-что читал по социологии, но с действующими социологами не встречался. После рассказов Шубкина о социологии пришел к выводу о том, что частица — это, конечно, здорово, но это неживая природа. И мало что есть интереснее, чем люди и человеческие судьбы. Константиновский стал заходить в Институт экономики, где тогда работал Шубкин, и вскоре перешел к нему. В нем победил журналист, писатель, инженер человеческих душ, а не просто инженер.

Завершу обзор путей, по которым математики приходили в социологию, пересказом воспоминаний Юлианы Николаевны Толстой.

Биографический сюжет № 8. Ю. Н. Толстова

С третьего курса механико-математического факультета МГУ она специализировалась по математической логике. Ее наставником была известный специалист в области математической логики и философии математики С. А. Яновская. Практику Толстова проходила в Институте прикладной математики АН СССР и там же работала над дипломом. По его итогам написала первую научную статью для журнала «Проблемы кибернетики». У Яновской она начинала учиться и в аспирантуре, тема ее диссертации была связана с анализом одной из проблем полноты некоего логического исчисления. Доказательство не было простым, но результат был не диссертабелен. Опубликовав некоторые из своих результатов, она оставила эту тему.

В 1969 году по итогам распределения после аспирантуры Толстова оказалась в социологической лаборатории при строительном НИИ. Сначала ей показалось интересным участвовать в анкетных опросах, писать планы социального развития для конкретных предприятий. Но главный интерес возник при знакомстве с методами социологического исследования. Было переведено на русский язык много интересных работ западных ученых, стали появляться отечественные разработки, в основном в Новосибирске. На мехмате она не изучала практически ничего из того, что потребовалось ей для работы с социологами. Однако занявшись вплотную освоением новых для нее методов, она быстро почувствовала роль полученного образования и скоро поняла, что сотрудничество математики и социологии — интересная сфера. Это потребовало от нее углубленного отношения к природе моделирования реальности, к методологии измерения. Серьезно заниматься подобными философскими, гносеологическими проблемами в социологической лаборатории, проводившей прикладные исследования, было невозможно, требовалась академическая среда. В 1973 году она перешла на работу в методологический отдел ИКСИ АН СССР (И: Толстова 2012).

Говоря о специфике формирования цеха социологов третьего поколения, нельзя ограничиться рассмотрением путей тех, кто получил хорошую подготовку в области математики и именно в таком качестве оказался востребован социологией. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что среди социологов этой когорты были специалисты, получившие математическую подготовку при освоении экономических специальностей или учившиеся в технических вузах. Все они, став социологами, испытывали значительно меньше трудностей в освоении математического аппарата социологии и вычислительной техники, чем философы, историки и представители других гуманитарных профессий.

Дальше представлю сразу пятерых петербургских/ленинградских ученых, чьи пути в социологию пролегли через освоение профессий, предполагающих изучение ряда математических дисциплин, т. е. они не

испытывали «панического» страха перед формулами и цифрами, о чем вспоминали некоторые социологи, исходно готовившие себя к филологической или философской деятельности. Людмила Васильевна Панова стремилась приобрести техническую специальность, но закончила экономический факультет технического вуза. Леонид Евсеевич Кесельман почти в самом начале обучения в техническом институте забрал документы, отслужил армию и поступил на экономический факультет ЛГУ. Игорь Иванович Травин сдавал экзамены в ряд престижных технических институтов, не прошел по конкурсу, но несколько лет проучился в техникуме. Галина Васильевна Старовойтова два года занималась в Институте, готовившем специалистов для работы в оборонной промышленности, и уже потом решила стать психологом. Елена Эмильевна Смирнова получила специальность инженера-механика, начала работать, но затем увлеклась психологией и социологией.

Биографический сюжет № 9. Л. В. Панова

После окончания школы Панова хотела учиться только в техническом вузе и поступила в Ленинградский кораблестроительный институт. Из-за плохого зрения ее не взяли на технические факультеты, предложили экономический. По ее воспоминаниям, их учили всему понемногу: и сопромату, и начертательной геометрии, и даже предметам, относившимся к судостроению. Единственное, что ей было интересно, — статистика. Казалось, что с помощью ее методов можно что-то увидеть и понять в первоначально кажущейся хаотичной информации. О социологии она вообще ничего не слышала. В 1960 году по распределению стала работать на заводе в Риге в отделе труда и заработной платы. Всю поручаемую ей работу успевала делать за полчаса, а потом избражала занятость. Поняв, что «так жить нельзя», Панова вернулась в Ленинград и пошла работать экономистом в банк. Было интересно, но потом началась рутина, и она стала подумывать об аспирантуре. Но в 1966 г. ее порекомендовали ленинградскому экономисту и социологу В. Р. Полозову, который создавал социально-экономическую лабораторию в НИИ Комплексных социальных исследований. Она включилась в исследования проблем труда, профессиональной и квалификационной структуры рабочих, условий труда и смежной тематики (И: Панова 2008).

Биографический сюжет № 10. И. И. Травин

Игорь Иванович Травин, по его словам, как и большинство ребят его поколения, был ориентирован на технические профессии. Поступал в различные престижные московские инженерные вузы, но не попал в них. Он продолжил учебу в техникуме и почти закончил его. В 1957 году его интересы круто изменились, и он поступил на истори-

ческий факультет МГУ. Учился на отделении истории и теории искусств, которое было самым высококонкурсным в университете: в год его поступления было 26 человек на место. Дипломную работу писал по дизайну, и шесть последующих лет его жизни были связаны с работами по этой проблематике. Учился в аспирантуре, занимался историей, теорией, методологией проектирования и т. д.; таким образом вышел на тематику социального проектирования. В 1971 году Травин стал работать в ИКСИ АН СССР. По его мнению, в социологию он пришел сознательно.

«Любая спроектированная человеком вещь является результатом проектной деятельности и затем помогает, включает человека в решение каких-то социальных проблем и задач. Не важно, что это — автомобиль, мебель, электронные приборы, бытовые, информационные комплексы и т. д. Это в общем-то некое инобытие социальных процессов, отражаемое и отраженное в вещах. Этому были посвящены мои первые работы. В принципе, я их вел самостоятельно. Никаких у меня учителей не было. Я даже не могу сказать, что я у кого-то учился. Единственное, человек, которому я в какой-то степени обязан пониманием каких-то вещей, по-видимому, все-таки будет Игорь Васильевич Бестужев-Лада» (И: Травин 2008: 4).

Биографический сюжет № 11. Г. В. Старовойтова

Галина Васильевна, окончив школу в 1964 г., поступила в Ленинградский Военно-механический институт, готовивший инженеров по конструированию и производству различных видов вооружения. В этом проявилась готовность Галины продолжить дело отца. Однако через два года она, надышавшись воздухом «Сайгона» (см. гл. 5), подала документы на факультет психологии Ленинградского университета — в 1966 г. был первый набор студентов. Старовойтова сдала все вступительные экзамены на «отлично» и была принята. Закончив в 1971 г. досрочно и с «красным» дипломом университет, она несколько лет работала социологом на ряде промышленных предприятий и в 1973 г. поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР в Ленинграде. Научные интересы Старовойтовой лежали в области этносоциологии, эти исследования и привели ее в конце 80-х в политику (Докторов 2007б).

Биографический сюжет № 12. Е. Э. Смирнова

Елена Эмильевна, закончив школу в 1958 г., раздумывала о профессии психолога, об экономике, химии, о строительстве, но получила специальность инженера-механика в Институте холодильной промышленности. Начала работать конструктором в НИИ метрологии, но через два года ей стало понятно, что никакого конструктора из нее не выйдет. Она познакомилась с двумя молодыми социологами, работав-

шими в коллективе В. А. Ядова (одним из них был Э. В. Беляев); в ее НИИ они внедряли пилотный проект какой-то методики. Предложили Смирновой кое-что проверить на ее рабочем месте. Ей показалось это интересным, она начала посещать открытые семинары, проходившие в ядовской лаборатории. Возник интерес к социологии. Друзья помогли ей устроиться промышленным социологом. В 1970 году, когда Ядов приступил к разработке проекта по ценностным ориентациям и у него появились ставки, она перешла к нему на работу (И: Смирнова 2006).

Даже на фоне не прямых дорог в социологию многих представителей третьего поколения путь Виктора Михайловича Воронкова представляется весьма непростым и продолжительным — он осознал себя социологом лишь в возрасте 43 лет. Это был конец 80-х гг. Вообще говоря, его трудно отнести к одной из выделенных групп; по базовому образованию он однозначно не принадлежит ни к «философам», ни к «филологам»; ближе всего он, по-видимому, к «математикам».

Биографический сюжет № 13. В. М. Воронков

Воронков родился в семье успешной журналистки и выдающегося химика, академика Михаила Григорьевича Воронкова, количество публикаций которого исчисляется несколькими тысячами. В своем биографическом эссе Виктор Воронков указывает на два следствия «выбора такого родителя»: идентичность ученого проявилась в подростковом возрасте и постоянно усиливается: доминирующим является ощущение уверенности в жизни и гражданского бесстрашия.

В школе Воронков учился легко, но возникали проблемы в отношениях с учителями, из двух школ его исключали. В старших классах был общественно активен, но эта активность была «альтернативной». В 15 лет вместе с родителями переехал в Ригу, где закончил школу и поступил на физический факультет университета, хотя считал себя гуманитарием. Проучился год и ушел; еще через год он нашел компромиссный вариант — экономическую кибернетику. Увлечение учебой быстро прошло, ему ближе было потребление культуры, писание стихов, спорт, был даже чемпионом Латвии по бегу на средние дистанции.

Большое влияние на него в раннем возрасте оказал Борис Иванович Карпенко, известный экономист-статистик, просидевший около двух десятилетий в сталинских лагерях; он был одним из последних учеников Александра Ивановича Чупрова (российский экономист, статистик и общественный деятель 19 в. — Б. Д.). Оканчивая университет, Воронков был убежден, что станет демографом, и поработал какое-то время в лаборатории демографии при латвийском Статуправлении.

Ввод советских войск в Чехословакию в августе 68-го стал знаковым событием в его жизни — он был целый месяц в Чехословакии и выехал оттуда за день до ввода войск. Случившееся, по его мнению, навсегда определило его гражданскую позицию.

В конце 1970 г. вместе с семьей он переехал в Иркутск и начал работать в Институте географии Академии наук по проблематике географии населения. Как и в демографии, здесь можно было работать со статистикой и поиграть с незамысловатыми математическими моделями. Сдав кандидатские экзамены, он намеревался поступить в аспирантуру к Б. Ц. Урланису, однако его интерес к науке к тому времени иссяк. Под влиянием литературного критика и литературоведа Евгения Раппопорта окончательно сформировались литературные вкусы Воронкова, и в сфере его интересов культура постепенно оставила науку далеко позади. Только реалии конца 1980-х устранили этот дисбаланс.

В 1975 году он вернулся в Ленинград и влился в компанию молодых социологов, лидером которой был Михаил Вениаминович Борщевский. Из упоминавшихся выше социологов в эту группу входили Старовойтова и Травин. Началась работа Воронкова в Институте социально-экономических проблем. Общая атмосфера работы в этом институте, наиболее негативно сказывавшаяся на социологах, которых мы относим сейчас к третьему и четвертому поколению, отражена Воронковым в интервью с ним.

«Надо сказать, что в ИСЭП'е никто почти ничего толком не делал. Народ тусовался по интересам, курил в коридорах, трепался и рассказывал анекдоты, устраивал дружеские попойки. По моим наблюдениям, “работали” только те немногие, кто строил сознательную карьеру или писал диссертацию, а также несколько чудаков не от мира сего. У большинства рабочими были лишь пара ноябрьских недель в году, когда все лихорадочно писали годовые отчеты о своих “научных заслугах”, нервно поглядывая в потолок. В этих отчетах важно было соблюсти формальные требования, отпечатать всё без грамматических ошибок и помарок, а содержательную часть вряд ли кто серьезно читал» (И: Воронков 2011: 3).

Однако он замечает, что «наука в некотором смысле существовала и в стенах института. Она ютилась в тихих коридорных разговорах и вообще носила устную форму. Полагаю, что немалое число замечательных идей ярко вспыхнуло в этих неформальных беседах и тут же бесследно затухло».

В конце 80-х в Ленинграде образовалась группа социологов, изучавших нарождавшиеся социальные движения, которая позже оформилась в сектор исследований общественных движений; им руководил Владимир Владимирович Костюшев. Воронков стал изучать диссидентскую среду, проводя биографические интервью с бывшими диссидентами. Наблюдения акций различных групп в перестроечных движениях, сбор биографических интервью и участвующее наблюдение в радикальной части спектра демократического движения привели его к пониманию роли качественных исследований. Затем, в процессе чтения Вебера и другой социологической классики, он открыл в себе феноменолога и ненавистника позитивизма. «Тремя источниками, тремя составными частями» своего мировоззрения он считает собственный полевой опыт,

работу «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана и размышления Р. Гиртлера, П. Шампана и П. Бурдьё. Воронков стал микросоциологом, критиком «количественников». В то же время он познакомился с работами Леонида Ионина конца 70-х, который писал о феноменологической перспективе в социологии, о понимающей социологии. Изложенные там идеи захватили его, одновременно он был поражен тем, как равнодушно прошла мимо них советская социология (**И:** Воронков 2011).

Еще одна история о том, как человек с техническим образованием, но с филологическими интересами, приглашенный для математической обработки результатов опросов, вскоре стал социологом, развивающим качественные методы. Речь здесь пойдет об Анне Семеновне Готлиб.

Биографический сюжет № 14. А. С. Готлиб

В 1963 году Готлиб окончила школу в небольшом туркменском городе Ташаузе. В годы учебы она много читала, активно занималась общественной работой и спортом. Хотела изучать литературу, и никакая журналистика, языкознание ее не прельщали, хотя языки у нее всегда шли очень хорошо. Понимая проблемы, которые у нее возникнут при поступлении на филфак МГУ, отец советовал ей получить техническую профессию. Она поступила на электротехнический факультет Политехнического института в Куйбышеве. Училась хорошо, но любимыми предметами были гуманитарные: история, язык, философия.

В институте существовал дискуссионный клуб, который организовал приехавший из Свердловска молодой преподаватель философии Евгений Фомич Молевич. Этот клуб собирал массу молодых людей со всего города; кто не мог втиснуться в огромный зал, висели на окнах, сидели на сцене — все туда рвались. Клуб был единственным местом в городе, где можно было говорить о том, что думаешь, поспорить, говорить живым, а не формальным языком идеологии и пропаганды. Можно было сомневаться в том, в чем... нельзя было сомневаться.

Закончив Политех, Готлиб по распределению поехала в Свердловск. Выбирала этот город специально: хотела осуществить свою давнюю мечту и получить филологическое образование. Она скрыла наличие у нее высшего образования и поступила на заочное отделение филологического факультета Свердловского госуниверситета. Для нее это было счастьем, хотя организация, в которой она работала, Уральский проектный институт, была хорошей, народ — замечательный. Ей все нравилось, кроме дела, которым она занималась. Жила в общежитии, работала и постоянно думала об окончании филфака.

Потом она вернулась в Куйбышев, вышла замуж за парня, с которым училась в одной группе, и опять устроилась работать в проектный институт, хотя не любила все это. И продолжала учиться заочно, писать работы по латинскому языку, но даже эти безумные работы все равно

были ей очень интересны. Потом вдруг — везение: в 1970 г. она встретила на улице Молевича, который сказал ей, что организует социологическую лабораторию и предложил перейти к нему работать.

Готлиб уволилась из проектного института и пришла в социологическую лабораторию. Она вернулась в свой родной институт, но уже как младший научный сотрудник социологической лаборатории. Многие годы они работали на свой страх и риск, преимущественно на больших заводах; у них не было помещения; самостоятельно изучали первые книжки по социологии. Никто не знал, что такое социология, но уже были востребованы социологические исследования — востребованы прежде всего парткомами заводов, руководством.

В 1978 году Молевич убедил ее поступать в аспирантуру Института социологии АН СССР. Она сдала вступительные экзамены на «отлично», реферат написала на «отлично», но для нее не нашлось руководителя по социологии труда. По ее воспоминаниям, ее «подобрала» Нина Владимировна Андреевкова. Увидела ее в коридоре и сказала, что ей не дают взять ее в аспиранты, но она готова взять ее в качестве соискателя. В силу многих причин диссертация не была завершена и защита состоялась лишь в 1990 г. в Уфе. Работа называлась «Социально-организационные факторы стимулирования производственно необходимого отношения рабочих к своему труду», и в значительной степени это было продолжением концепции книги «Человек и его работа».

В начале 90-х гг. у Готлиб, в то время работавшей по проблематике социальной адаптации, появился интерес к качественной методологии. Сначала ее внимание привлекла статья В. А. Ядова (1991), а затем — критика этого подхода Г. С. Батыгиным и И. Ф. Девятко (1994). Потом стали появляться работы Н. Н. Козловой. Возможно, определенную роль в развитии у Готлиб интереса к качественным методам сыграл ее сын, профессор В. Л. Лехциер, автор ряда книг по феноменологической философии. В 2000 году Готлиб и Козлова провели Летнюю школу «Методологический потенциал качественной социологии и способы его использования в социологических исследованиях». В 2005 году Готлиб защитила докторскую диссертацию по методологии качественного анализа (Готлиб 2004; И: Готлиб 2012).

«Филологи»

Другая значительная часть социологов третьего поколения шла в социологию «от слова»: из филологии и журналистики — и в этом тоже просматривается намечавшееся во второй половине 60-х гг. стремление к расширению методологии и методического арсенала советской социологии. Верхние пласты позитивистской парадигматики, а также принципы и простейшие схемы «жесткой», или «твердой», социологии были освоены первым поколением социологов. Но предстояло познавать и возможности мягкой, феноменологической социологии. В решении этой задачи могли быть полезными исследователи с филологическим образованием, способные слышать и чувствовать языковую

реальность. В этом движении советской социологии можно обнаружить первые шаги к полипарадигмальности, ибо обращение к феноменологическим теориям фактически означало расширение философско-методологической базы социологии.

Была и еще одна причина для «призыва» филологов — это расширявшиеся контакты советских социологов с Западом. Время показало, что, входя в социологию, филологи, лингвисты, журналисты достаточно быстро находили ниши для собственных теоретико-методологических и теоретико-эмпирических исследований.

Анализ профессионального состава третьего поколения социологов начался с рассмотрения прихода в социологию людей с математическим образованием, поэтому и сейчас среди филологов первыми обсуждаются те, кто свой профессиональный путь начинал с изучения математических и технических дисциплин.

В пути, которым пришел в социологию Валерий Борисович Голофаст, просматривается его явный интерес к технике и естественным наукам, но также и к литературе, истории и философии социологии. Подчеркну: это заметно в разной степени в тематике его исследований и в стиливых особенностях его публикаций (Докторов 2008б).

Биографический сюжет № 15. В. Б. Голофаст

После окончания седьмого класса Голофаст поступал в летное училище, но не прошел медкомиссию. После школы он проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и проучился два курса на вечернем факультете Металлургического института. В 1960 году он поступил на французское отделение филологического факультета ЛГУ.

В главе 5 уже упоминалось, что Голофаст рано стал писать стихи и какое-то время входил в группу молодых поэтов, собиравшихся в ленинградском «Сайгоне». Его движение в социологию схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, — филология — философия — социология. Причем социология, не «господствовавшая» в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В. А. Ядовым: «Валерий Голофаст вошел в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Потому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неоценимое значение в сообществе “жестких позитивистов”» (Ядов 2004). Действительно, приверженность Голофаста к «понимающей» социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной «сайгонской» культуре, с одной стороны, затрудняли принятие им доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой — препятствовали признанию его риторики структурами, определявшими, что можно публиковать, а что — нельзя. В 1970–1990-е годы в социологии

всем было сложно публиковаться, но «отягощенному» поэтическим опытом Голофасту это было сложнее, чем другим.

Его социологическая карьера началась в конце 60-х в коллективе, возглавляемом А. Г. Харчевым и занимавшемся социологией семьи. Взяли Голофаста туда, учитывая знание ряда европейских языков, и было понятно, что он сможет успешно изучить достижения западных ученых в этой области науки. Защищенная им в 1972 г. кандидатская диссертация была посвящена анализу американской семьи.

Следующая история в общем похожа на другие: кем быть: «физи-ком» или «лириком»? Елена Ивановна Башкирова отдала предпочтение изучению языков. Позже случайно познакомилась с азами теории массовых установок и почувствовала в этом «что-то свое». Ее языковая подготовка стала «пропуском» в социологию, где она уже многие годы изучает общественное мнение.

Биографический сюжет № 16. Е. И. Башкирова

В 1968 году Башкирова закончила московскую школу с сильным педагогическим составом, многие ее одноклассники поступили в «модные» в то время тогда учебные заведения: Физтех, МИФИ, МГУ. Родственники отговорили ее поступать в Физтех, и был избран Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, отделение английского языка. Вторым языком у нее был французский; одновременно она самостоятельно учила шведский и польский языки. Учили их серьезно. Рядом с ее институтом был Институт философии АН СССР, и несколько его сотрудников, в том числе Г. В. Осипов, преподавали им психологию, философию, даже социологию. Окончив институт в 1969 г., она по распределению попала в Иран. Работала там около полутора лет, выучила фарси.

Уже в Москве, по просьбе одного из ее друзей, Башкирова купила для него недавно вышедшую книгу «Социальная психология» Т. Шебутани и сама прочитала ее. Настолько увлеклась, что это сказалось на направлении ее поисков работы. В 1969 году ее взял к себе В. Н. Шубкин в ИКСИ. Приведу фрагмент ее воспоминаний — в нем передана атмосфера начала социологии в стране.

«Все только начиналось. У Владимира Николаевича, он тогда был завсектором “Социологические проблемы образования”, была небольшая комнатка — на Профсоюзной, напротив кинотеатра “Тбилиси”. Адрес я сейчас уже не помню... и вот так мы и зажили дружной, совершенно замечательной семьей. Это были лучшие, умнейшие люди, которые думали о стране, не только о своей карьере. Тогда была оттепель. Свобода пьянящая, ожидание перспектив и счастья. Все были молоды, все время праздновали что-то, общались... Там я начала посещать курсы для соискателей, для аспирантов. Я их, наверное, раза два или три прослушала. Приезжали из Питера — Владимир Александрович Ядов —

специально для того, чтобы прочесть лекции на этих курсах. <...> Мы все время вели дискуссии на профессиональные темы, спорили, рассуждали... У Владимира Николаевича была прекрасная обстановка в коллективе — неформальная. Он считал, что это крайне важно, все время говорил: “Лена, главное — неформальные отношения!” <...> И, поскольку люблю “оживать” рабочее место, я и сюда принесла чайник, салфетки и, когда приходили гости, я им всем подавала чай. Ядов бывал, Галина Михайловна Андреева, Лапин... Вот такого уровня люди приходили “на огонек”, они сидели, вели разговоры, а я подавала чай. <...> Вот такой была обстановка — неформальной, дружеской» (И: Башкирова 2010).

Несколько позже ее «смаили» в Институт философии где велись работы по искусственному интеллекту. Но тему передали другому руководителю, и после небольшого перерыва Башкирова вернулась в Институт социологии. Она стала заниматься изучением аудитории средств массовой информации, а через несколько лет — исследованиями общественного мнения. Отдел, в котором она работала, занимался многими в то время «закрытыми» проблемами, включая прослушивание «вражеских» голосов: «Голос Америки», «ВВС», «Радио Свободы». Ее кандидатская диссертация называлась «Социологический анализ аудитории капиталистических радиостанций в СССР» (Там же).

Объединяющим началом профессиональной жизни Алексея Георгиевича Левинсона, Льва Дмитриевича Гудкова и Бориса Владимировича Дубина является их филологическое образование, многолетнее участие в семинаре Ю. А. Левады и затем работа под его руководством во Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Это очень интересный для истории случай, поскольку он позволяет исследовать механизмы научного творчества. Каждый из этих ученых в высшей степени креативен и самостоятелен в своем анализе российского общественного мнения, и вместе с тем они развивают принципы изучения общества и человека, сформулированные Левадой.

Биографический сюжет № 17. А. Г. Левинсон

Левинсон начал с повторения пути отца — крупного востоковеда, специализировавшегося по истории Юго-Восточной Азии. Окончив московскую школу, он в 1961 г. поступил в Институт восточных языков при МГУ на отделение индонезийского языка и истории. Вспоминая те годы, Левинсон замечает, что историческое отделение, на котором он учился, не давало университетского образования, уже не было представителей знаменитой русской востоковедческой школы, скорее то была школа переводчиков. Хотя ни одного дня Левинсон не работал по полученной специальности, он не считает время, проведенное в этом институте, потраченным зря; восточная специализация помогла впоследствии многое увидеть.

Левинсон немало прочел из того, что было напечатано на папиросной бумаге. В силу семейных обстоятельств, он видел А. И. Солженицына и читал его рассказ «Щ-854» до того, как он попал в «Новый мир» и стал «Одним днем Ивана Денисовича». На четвертом курсе он написал работу по городской мелкой буржуазии, это было подступом к урбанологии. Работая по этой теме, он впервые столкнулся с социологией, и когда в Университете молодого марксиста при Московском горкоме ВЛКСМ открылась Школа молодого социолога, он оказался в числе первых ее учеников. Следующим шагом в социологию было чтение статьи Ю. А. Левады об управлении общественными процессами, на которую указал ему отец. В ней Левинсон нашел близкие ему идеи в определении культуры и задумал встретиться с автором.

В Институте философии АН СССР существовал отдел конкретных социальных исследований, которым руководил Г. В. Осипов, и в нем — сектор теории и методологии, возглавляемый Левадой. Прочитав фрагмент воспоминаний Левинсона, в котором переданы некоторые особенности деятельности Левады и дух периода становления нашей науки. Все происходило в 1966 г.

«Я очень хорошо помню день, когда в коридоре Института философии, на Волхонке, несколько человек, каждый со своим поводом, ждали Леваду. Присматривались к каждому проходящему: Левада или нет. В лицо его не знал никто из ожидавших. Но у всех были представления, каким Левада должен быть. <...> В общем, было какое-то ощущение нерядовой встречи. А встреча оказалась смешной. Вошел вот такой человек, я объясняю, что учусь там-то и там-то, предстоит практика, хотелось бы у вас, тут, если можно. Левада оторвал какой-то косой треугольный листок и на нем написал: “Прошу зачислить практиканта” или что-то в этом роде. Сказал: “Отнесите машинистке”. Я отнес — очень милая женщина. И все... Были разрушены мои представления о том, как делается бумага. Я не много общался с бюрократами, но мне всегда казалось, что в таких случаях пишется серьезное заявление. В течение двух-трех минут была получена подпись Г. В. Осипова, и моя судьба была определена. С тех пор наши отношения не прерывались никогда. На мой взгляд, подобный стаж — не только факт моей личной биографии и личной привязанности к Леваде, но и интересный науковедческий факт. Левада сказал: “Приходите через неделю, будет первое заседание нашего сектора”» (И: Левинсон 2002: 99–100).

Биографический сюжет № 18. Л. Д. Гудков

Семейная атмосфера и школа формировали в Гудкове интерес к литературе. Учась в школе, он регулярно читал «Новой мир», прозу Ю. Казакова, Г. Бакланова, К. Воробьева, произведения «деревенщиков». Еще в школьные годы он познакомился с самиздатом: Экзюпери, Цветаева, Ахматова, Хемингуэй «По ком звонит колокол», книга А. Некрича, публицистика. Отец Гудкова был журналистом-международником,

окончившим после войны МГИМО. Гудков тоже, окончив школу, подал документы в этот институт, но провалился на сочинении. В тот же год он поступал на исторический факультет МГУ и в Институт восточных языков, но не прошел по конкурсу. На следующий год с большим трудом поступил на вечернее отделение факультета журналистики МГУ. Гудков не испытывал сомнений относительно характера образования, которое давал этот факультет, понимал — необходимо много работать самому. В университете не запрещалось слушать лекции на других факультетах, и он воспользовался этим: бывал на лекциях В. Ф. Асмуса, М. К. Мамардашвили, С. С. Аверинцева, Е. М. Мелетинского, участвовал в филфаковских семинарах по творчеству М. М. Бахтина.

На третьем году обучения Гудков прослушал лекции по социологии, которые Левада читал старшекурсникам; они произвели на него «фантастическое впечатление». Но пришел 1969 г., Леваду отстранили от преподавания. Гудков узнал, что в ИКСИ у Левады есть семинар, познакомился с Левинсоном, тогда — аспирантом Левады; семинар был открытым. В 1970 году Гудков стал работать в секторе Левады, выполняя и обязанности секретаря семинара. Перед этим он прошел экзамен по социологии у Левинсона. Вхождение в социологию состоялось, а в 1971 г. он закончил факультет журналистики (И: Гудков 2002).

Биографический сюжет № 19. Б. В. Дубин

Еще в школе Дубина увлекла зарубежная литература, причем не реалистическая. Но Блоком и символизмом он был увлечен с отрочества, «в двенадцать-пятнадцать лет, до состояния бреда, до потери реальности». Ближе к концу школы он познакомился с московскими «неподнадзорными» поэтами. Вся поэтическая история продолжалась последние два года школы и первый год университета. На журналистику его не тянуло, так как он рано дистанцировался от горячей современности, в доперестроечное время газет не читал, радио не слушал, кроме «Голоса Америки». Окончив в 1965 г. школу с серебряной медалью, он сразу поступил на филологический факультет МГУ и в 1970 г. окончил его. Поступал Дубин на русское отделение — английский у него был неплохой, но он понимал, что его не хватит на романо-германское направление. Однако всех студентов-мужчин, поступивших в том году на русское отделение, перевели на новую специальность — «Русский язык для иностранцев» и ориентировали их на изучение французского языка. Считалось, что СССР в ближайшие годы будет дружить с франкоязычными странами Северной Африки.

После завершения образования работу по специальности ему не предложили, преподавать русский язык на периферии ему не хотелось, и он устроился в Ленинскую библиотеку таскать и расставлять книги. Делать обычную карьеру не было ни желания, ни сил, оставалась другая жизнь — некарьерная: зарабатывая небольшие деньги и живя, как хочешь.

Примерно с 1972 г. Дубин стал заниматься переводом: сначала француз; потом самостоятельно освоил испанский, начал переводить испанцев, латиноамериканцев; выучил польский – переводил поляков и через несколько лет смог более или менее постоянно работать для издательства «Художественная литература». Основной была переводческая деятельность, но обозначилась и научная. Он перешел из отдела хранения Библиотеки им. Ленина в сектор книги и чтения, в котором занимался социологией чтения. Планировал «потянуть» до тридцати лет и уйти на вольные хлеба: его переводы печатали, он мог писать рецензии. Но в 1977 году в этот сектор пришел работать Гудков. Вместе они придумали новую тему по социологии литературы и убедили руководство разрешить им заняться ее разработкой (**И:** Дубин 2002).

В 1990 году, почти через два десятилетия после разгона его сектора (это произошло в 1972 г.), Ю. В. Левада, отвечая на вопросы Д. Н. Шалина, говорил, что поначалу у него было представление о том, что ему удастся уйти с группой и продолжать жить. Но этого не произошло. Следующие 16 лет Левада работал в ЦЭМИ, Гудков и Дубин – в социологическом отделе Библиотеки им. Ленина, а Левинсон – в исследовательских организациях Министерства культуры. Однако, заметил Левада, «фокус состоял в том, что мы не распались, а продолжали свою совместную научную жизнь все годы. У нас был регулярно работающий – в среднем раз в две-три недели – семинар на разные темы...» (**И:** Левада 2008: 156).

В 1988 году создается ВЦИОМ, Б. А. Грушин и Т. И. Заславская пригласили Леваду возглавить работу по проведению опросов общественного мнения. Он согласился, добавив: «Да, но с моими ребятами». Его условие было принято, в жизни Левады и его «семинаристов» начался новый период.

Олег Борисович Божков рано начал пробывать свои силы в журналистике, получил журналистское образование, работал в разных газетах, но затем его заинтересовало влияние газеты на читателя. Исследуя эту проблему, он познакомился с идеями и методами социологии, а когда почувствовал, что правдиво писать становится все сложнее, решил заняться социологией профессионально.

Биографический сюжет № 20. О. Б. Божков

В седьмом классе из-за конфликта с преподавателем русского языка Божкова оставили на второй год. Он перешел в 8-й класс в другую школу, но через два года бросил ее и пошел работать. Стал собирать детские велосипеды и санки. За час до обеда ему давали деньги, говорили: «Дуй за пузырем». Там была кухня с большой плитой, варили нормальный обед. Обедать без водки не садились, и он начал пить вместе со всеми.

Узнав это, мать устроила его на свой завод. Когда работать совсем не хотелось, у него находились общественные дела. Он занимался в ЛИТО, писал стихи, состоял в драматическом кружке. Через ЛИТО приобщился к комсомолу, стал членом цехового комитета, а потом и заводского. Пошел учиться в вечернюю школу, окончил ее осенью 1960 г. Экзамены в институты уже закончились, и в следующем году он поступил на отделение журналистики филологического факультета ЛГУ.

Публиковать стихи Божков начал рано, еще в пионерской газете «Ленинские искры». В 8-м классе со старшеклассниками выпускал журнал «Мысль и слово», в котором половина номера была посвящена философии. Для заводской газеты готовил репортажи о комсомольских делах, писал стихи. После перехода на заочное отделение журфака начал сотрудничать с областной молодежной газетой «Смена», а потом и с главной газетой города — «Ленинградской правдой». Затем он устроился литсотрудником в многотиражку известного в те годы в Советском Союзе объединения «Светлана». Одновременно недалеко от дома он нашел работу сторожа во вневедомственной охране предприятия. На «Светлане» он проработал шесть лет, до окончания университета.

Его диплом назывался «Газета и ее читатели», по сути, это были программа и результаты социологического исследования. Он начал готовить его в 1965 г., а защитил работу в 1969-м. Его интересовало восприятие читателями газетного материала, их информационные потребности, удовлетворенность газетой. Выборка репрезентировала работников объединения, не только подписчиков газеты. Был опрос и анализ газетных публикаций. Социология на факультете журналистики все еще была буржуазной лженаукой, и никто не соглашался быть оппонентом. Фактическим руководителем этой работы Божкова был А. Н. Алексеев, а формальным — Б. С. Смирнов, руководитель диссертационного исследования Алексева.

Писать для прессы что-либо острое, дельное становилось все сложнее, и, почувствовав вкус к изучению средств массовой информации, Божков стал работать в исследовательском отделе факультета общественных наук в Политехническом институте, где под руководством Г. И. Хмары именно эта тематика и разрабатывалась (И: Божков 2004, 2011).

«Философы»

Отсутствие сведений о характере образования всего сообщества социологов двух первых поколений не позволяет говорить о том, какой по данному признаку должна была бы быть представительная совокупность социологов третьего поколения. Однако можно допустить, что их значительная часть была обществоведами по базовому образованию. При комплектовании нашего выборочного массива (табл. 6) не учитывались какие-либо количественные требования относительно квотирования совокупности по исходному образованию, но так получилось, что среди группы обществоведов большинство — философы; кроме того, есть окончившие исторические и юридические факультеты.

Проведенный анализ показал, что многие из представителей третьего поколения в то или иное время или в отдельных своих работах обращались к истории социологии. Так, Ф. Э. Шереги во второй половине 1970-х обстоятельно изучил методический аппарат российской прикладной социологии 1920-х гг. В ряде работ Ю. Н. Толстой рассматриваются вопросы истории применения математических методов в российской социологии. История социологических исследований семьи и сексуального поведения в России анализировалась С. И. Голодом. У В. А. Артемова есть работы, касающиеся истории изучения в России бюджетов времени, у Е. С. Петренко — опросов общественного мнения. Здесь мне хотелось бы прежде всего остановиться на вхождении в социологию тех представителей третьего поколения, для которых история социологии была главной или одной из главных тем научных поисков.

Говоря о своих занятиях историей социологии, И. С. Кон замечает, что группа его аспирантов и молодых сотрудников, работавших в этой же области, стали учеными с мировыми именами (Кон 2008: 217). Среди них, в частности, он называет Игоря Анатольевича Голосенко, Александра Бенционовича Гофмана и Леонида Григорьевича Ионина.

Биографический сюжет № 21. И. А. Голосенко

Можно сказать, что Голосенко повезло: обучаясь на философском факультете ЛГУ, он рано понял, что ему близка история социальной философии и социологии, ему интересно следить за эволюцией теоретических взглядов на общество, социологии в целом и отдельных ученых. К тому же он сразу, на втором курсе, встретился с человеком, который дал верное направление развитию его зарождавшихся научных воззрений. В одном из интервью Голосенко сказал: «... мой интерес к творчеству Сорокина вначале не был самостоятельным, просто прислушался к проницательному совету Кона. Взяв несколько книг Сорокина, стал их штудировать» (И: Голосенко 1998: 9). По воспоминаниям Голосенко, их многолетнее сотрудничество и дружба начались с такого эпизода:

«Я сидел в нашей университетской библиотеке, набрав грудку книжек. Я тогда читал Данилевского и в комментариях к нему увидел, что Данилевский, Шпенглер и Тойнби очень похожи. Шпенглера я уже читал до того и даже купил в букинистическом магазине томик. А Тойнби не читал и вот заказываю его дайджест. Кроме того, у нас должен был быть семинар по социальным стереотипам, и я заказываю Липмана “Общественное мнение”, ну и еще какую-то белиберду. И вдруг подбегает Игорь Семенович: “Что ты тут читаешь? Какой разброс! Это же ерунда! Надо сосредоточиться на чем-то одном”. Увидел у меня томик Сорокина и говорит: “Вот чем надо заниматься”. Это было в 1962 г. В это время наши социологи на Всемирном конгрессе в Вашингтоне познакомились с Сорокиным лично, и слухи о нем стали распространяться. Кто-то его уже знал, кто-то еще нет. И вот я тогда и решил заниматься именно Сорокиным. Хотя моя

диссертация была все-таки посвящена философии истории, но я считаю, что уже перешел на социологию» (И: Голосенко 2001: 82).

Однажды Голосенко наткнулся на противоречие в текстах Сорокина, опубликованных по-русски и по-английски. Кон разрешить его не мог и посоветовал Голосенко написать Сорокину. Так началась их переписка. С литературой тоже проблем особых не было. Многие книги, относящиеся к дореволюционной русской социологии, еще можно было купить у букинистов, кое-что было в библиотеках, значительное число книг давал ему Кон — кое-что он даже специально заказывал для него (Кон 2008: 217).

Творчество Сорокина стало темой дипломной работы Голосенко, а потом, когда он уже был соискателем, и темой его кандидатского исследования. Научным руководителем в обоих случаях был Кон. Ряд публикаций Голосенко и защищенная им в 1967 г. кандидатская диссертация (Голосенко 1967), по сути, открыли работы Сорокина для советских ученых. До того они были с ним знакомы лишь по критическим репликам Ленина.

После завершения кандидатской диссертации Голосенко занялся творчеством Сорокина в русском контексте и постепенно концентрировал все внимание на русской социологии. В интервью, опубликованном уже после смерти Голосенко, есть такие его слова: «Я беру только Россию, и мне с избытком ее хватает» (И: Голосенко 2001: 83).

Биографический сюжет № 22. А. Б. Гофман

Начну со слов И. С. Кона: «Более серьезного и добросовестного человека, чем Гофман, я в жизни не встречал. Очень скоро он стал лучшим в стране специалистом не только по дюркгеймовской школе, но и по всей французской социологии. <...> Его “Семь лекций по истории социологии” выдержали с 1995 по 2006 г. восемь изданий; профессиональное социологическое сообщество и, что не менее важно, студенты, считают эту книгу одной из лучших, а то и лучшей книгой по истории социологии» (Кон 2008: 219).

Интерес Гофмана к общественным наукам не был связан с семейными традициями. Он вырос в семье бессарабских евреев. Его родители — простые малограмотные люди, один дед был пастухом, другой — столяром, но в живых он их не застал. Родился он в Сталинграде, где мама оказалась в эвакуации, а в 1947 г. все вернулись в Кишинев, где родители жили до войны. Семья из четырех человек ютилась в семиметровой проходной комнатухе, без электричества и канализации.

Сам он объясняет свое желание заниматься философскими науками следующим образом:

«Никто и ничто не подталкивало к этому, во всяком случае *снаружи*. Все мои друзья поступали в технические вузы и стали инженерами, и я, поступая на гуманитарный факультет, был белой вороной. <...> Так что социальная среда, влияние которой нам, как социологам, так хочется

видеть, если и толкала меня куда-то, то совсем в другую сторону. Впрочем, если как следует поискать, то, конечно, можно найти и влияние среды. Но, вероятно, были некие *внутренние* стимулы сделанного мной выбора. В средней школе, которую я окончил с серебряной медалью, у меня проявлялись склонности к гуманитарному знанию, к языкам и т. п. Мне кажется, что в детстве у меня было очень развито воображение... Будучи в детстве и юности усердным читателем газет и веря тому, что в них писали, я, видимо, стал приверженцем какой-то формы социального и гуманистического идеализма. Может быть, все это сказалось при выборе жизненного и профессионального пути» (И: Гофман 2007: 11).

В 1963 году, после окончания школы, он поступил в Педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде, на исторический факультет. Хотел поступить на философский в ЛГУ, но его не допустили к экзаменам — не хватало пяти месяцев рабочего стажа.

Социологии в Герценовском институте тогда еще не было, но Гофман с самого начала обучения самостоятельно занимался философией, философией истории и социологией. Со второго курса у него был индивидуальный план со «свободным расписанием»: он ходил только на те лекции, которые считал нужными, посещал только семинары и французский язык. Учился он в специальной группе, где готовили преподавателей истории на иностранном языке. В начале года его туда не приняли по причине «пятого пункта», но потом все же «допустили», «обменяв» на парня, которому французский был не нужен и которого туда ранее затащили силком. По мнению Гофмана, в школе и позже судьба послала ему прекрасных учителей. Среди институтских преподавателей он прежде всего называет Э. В. Соколова. Другим его наставником в студенческие годы был И. С. Кон, который позже стал его научным руководителем в аспирантуре. Среди ученых, особо повлиявших на него, Гофман называет также Ю. А. Леваду.

В 1974 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию по французской социологии (И: Гофман 2007).

Биографический сюжет № 23. Л. Г. Ионин

Ионин закончил философский факультет МГУ в 1970 г. и поступил в аспирантуру Института социологических исследований, и в этом статусе был направлен в отдел, которым руководил Кон. Ионин так характеризует влияние Кона на его профессиональное становление:

«...Что же касается исследовательских приоритетов в более узком смысле, то здесь я могу ответить точно, что повлияло, точнее, кто повлиял. Заведующим отделом, к которому я был приписан как аспирант в Институте социологии, был И. С. Кон. Когда речь зашла о выборе темы для моей диссертации, он сказал, что есть такой интересный исследователь в Америке — Г. Гарфинкель, который избрал этнометодологию, но о котором у нас, можно сказать, никто не знает. Я стал читать Гарфин-

келя, и начала разматываться ниточка в обратном направлении — сначала А. Шюц, потом Гуссерль, потом философия жизни и герменевтика (т. е. прежде всего Дильтей) и т. д. Потом немножко в другую сторону — Кули, Джордж Мид, интеракционисты. В таком соседстве естественным образом возникли Зиммель и Макс Вебер. В общем Игорь Семенович, хотя он этого наверняка не помнит, дал очень ценный совет, и, если взглянуть на то, о чем я писал, можно сказать, что я всю жизнь ему следую. Тематически следую, хотя в методологическом смысле вижу все совсем не так, как И. С. Кон» (**И:** Ионин 2007: 3).

Кандидатская и докторская диссертации Ионина фокусировались на исследовании истории и методологии понимающей, антипозитивистской социологии, на рассмотрении важнейших положений социокультурного анализа (Там же).

Сергей Исаевич Голод — еще один выпускник исторического факультета Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и еще один аспирант И. С. Кона, однако его научные интересы в начале карьеры не лежали ни в области истории социологии, ни в пространстве социокультурного анализа.

Биографический сюжет № 24. С. И. Голод

В конце 50-х, завершая обучение в институте, Голод заинтересовался работой Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в частности тем, как им трактовались некоторые практики сексуального поведения в эпоху «дикости»: промискуитет, групповые формы брака и т. п. Голод обратил внимание на то, что достоверность эмпирической базы построений Энгельса к тому времени вызывала сомнения многих специалистов, и решил внимательнее изучить эту тему. В 1961 году он закончил институт и через год начал работать в социологической лаборатории В. А. Ядова. Тематика, которую тогда исследовал этот коллектив, была далека от интересов Голода, и он, задумав изучить сексуальное поведение молодежи, в начале 60-х собрал и проанализировал вопросы, которые задавались российскими социологами в начале века и американцами, подготовил свой опросный документ и попросил Ядова ознакомиться с ним. Далее процитирую фрагмент воспоминаний Голода.

«После очередных выходных дней Ядов оставил меня для беседы. «Сергей, — сказал он сердитым голосом, — что ты мне тут подsunул? Поехали в воскресенье с женой на пляж, взял с собой твою анкету. Лежу, кругом ходят люди в купальниках и плавках, а я вчитываюсь в твои вопросы, но ведь это — срамota. Если кто-нибудь вдруг заметит, о чем ты спрашиваешь, то что они подумают?» Я попытался возразить: «Но именно это, Владимир Александрович, меня и интересует». Разумеется, каждый из нас остался при своем мнении. Ясно: если один из ведущих социологов страны так отреагировал на проблему, то что станется

с обывателем, не говоря уже о чиновнике, когда им попадутся на глаза аналогичные вопросы. В дальнейшем худшие ожидания с лихвой оправдались» (И: Голод 2002: 6).

Голод ушел из лаборатории Ядова, два года был без постоянной работы, но в 1965 г. получил от А. Г. Харчева предложение участвовать в проводимом им советско-польском проекте по социальным ролям женщины. Он принял это приглашение, однако решил продолжить изучение сексуальности в аспирантуре Института философии, где уже существовал Отдел новых форм труда и быта, руководимый Г. В. Осиповым. Подготовив реферат на тему «Куда ведет американская сексуальная революция?» (кандидатские экзамены у него уже были сданы), он стал ждать итогов конкурса. Но тему признали неактуальной, а сам реферат — неудовлетворительным. Тогда он подал документы в аспирантуру кафедры исторического материализма на философском факультете ЛГУ. И. С. Кон, прочитав тот же текст реферата, оценил его на «отлично», но при зачислении его в заочную аспирантуру Голод оказался на кафедре «Этики и эстетики».

Здесь возникли сложности с назначением научного руководителя. В конце концов согласился И. С. Кон, а его «напарником» стал ученик В. М. Бехтерева профессор В. Н. Мясичев. При этом Кон сразу заметил: «Исследовать проблему сексуальности будет интересно, но защитить ее вам никогда не удастся». За время, отведенное для подготовки диссертации, Голод проанализировал литературу, размножил опросник и с помощью друзей, рисковавших своей карьерой, провел опрос. Весной 1968 г. состоялось предварительное обсуждение его работы, которая называлась «Социологические проблемы сексуальной морали». К лету все формальности были завершены, но в августе один из сотрудников обкома КПСС, куда высылались авторефераты, прочел его и «дело» завертелось. Защиту отложили, набор объявления в газете рассыпали. Обком КПСС затребовал текст диссертации, на городском совещании преподавателей общественных наук в докладе секретаря Обкома было сказано об идеологических просчетах, допущенных факультетом философии. Заведующему кафедрой этики и эстетики вынесли выговор. Тираж автореферата ему не вернули, а работу из Совета пришлось забрать.

Летом 1969 г. Голод успешно прошел предзащиту в Москве, в ИКСИ, написал новый автореферат, и в «Вечерней Москве» появилось объявление о защите 27 марта 1970 г. Но, во-первых, за шагами Голода продолжал следить Ленинградский обком КПСС; во-вторых, к нему присоединился ЦК ВЛКСМ. Тогдашний первый секретарь ЦК комсомола Е. Тяжельников сказал, что диссертация Голода — идеологическая диверсия против советской молодежи, и пригрозил Институту жалобой в ЦК, если защита диссертации не будет отменена.

Перед самым заседанием ученого совета, когда зал был заполнен пришедшими послушать защиту, к Голоду подошел Ядов, который был одним из оппонентов, и от своего имени и по поручению дирекции ИКСИ попросил все отложить «по болезни» соискателя, в противном

случае его «провалют». Голод согласился «заболеть», оговорив при этом одно условие: если он вскоре представит диссертацию по новой теме (в издательстве уже лежала написанная Голодом совместно с Харчевым монография «Профессиональная работа женщин и семья»), то дирекция не будет противиться этому. Так оно и было (**И:** Голод 2002).

Путь Голода к защите кандидатской диссертации изложен столь подробно для того, чтобы показать, как непросто в «идеологически-дипломатическом» отношении происходило освоение новой тематики советской социологической наукой. Это — не единственный случай, мне и раньше, и потом приходилось встречаться с подобными ситуациями. В процессе работы я многократно обращался к электронной версии Генерального алфавитного каталога книг на русском языке Российской национальной библиотеки в Петербурге. И пока я не узнал все приведенное выше, не мог понять, почему в каталоге хранятся три различные библиографические карточки на авторефераты кандидатских диссертаций Голода. В двух первых тема исследования значилась как «Социологические проблемы сексуальной морали» (Ленинград, 1968 и Москва, 1969), а в третьей — «Профессиональная работа женщин и семья. Советско-польское сравнительное исследование» (Москва, 1970).

Студенческая и научная жизнь Асалхана Ользоновича Бороноева прошла в Ленинграде/Петербурге, однако он не принадлежит к ленинградской школе социологов, создание которой связывают с именами И. С. Кона, В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова. Его жизненная траектория по-своему уникальна, но в ней наблюдается то, что было характерно для значительной части советских обществоведов: в течение долгого времени они занимались социальной философией и научным коммунизмом, но в годы перестройки повернулись к социологии. В студенческие годы Бороноев писал курсовые под руководством А. Г. Здравомыслова, а дипломную работу по истории русской социологии — у П. Ф. Никандрова. Поэтому когда в 1987 г. его избрали директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований, поворот от философии к социологии не был для него резким.

Биографический сюжет № 25. А. О. Бороноев

Родился Бороноев в маленьком таежном селении, в 90 км севернее Байкала. После окончания школы работал в колхозе, в редакции районной газеты, служил в армии. Будучи младшим командиром и общаясь с солдатами, открыл для себя психологию, стал читать то, что смог найти. После мобилизации поступил в ЛГУ на философское отделение. Своим духовным отцом Бороноев считает В. П. Тугаринова — сначала он предложил Бороноеву остаться в аспирантуре, потом пригласил на свою кафедру. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1969 г., была посвящена

мало разработанной в те годы проблематике, относящейся к социальной психологии и социологии: «Методологические вопросы исследования национальной психологии». Ее обсуждение на Совете вызвало бурную дискуссию, ибо ряд философов, акцентируя роль принципа интернационализма, отрицали существование подобной проблемы. Поддержка пришла от этнографов и Тугаринова, отметившего актуальность изучения национальной психологии. Докторское исследование Бороноева, во многом развивавшее тему кандидатской работы, по своей интенции скорее относилось к научному коммунизму, чем к социологии, — «Формирование и развитие единства образа жизни наций и народностей в условиях зрелого социализма (нравственно-психологический аспект)». Защита состоялась в 1980 г.

Многие годы Бороноев занимался общественной работой: был секретарем партийной организации философского факультета, членом парткома ЛГУ, членом горкома КПСС, избирался председателем профкома факультета, университета, членом обкома профсоюзов. В 1984 году он был назначен деканом-организатором факультета социологии в Ленинградском университете, и одной из стержневых идей развития факультета стало возрождение традиций П. А. Сорокина, в 1919 г. открывшего в Петроградском университете кафедру социологии. Было возрождено Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского, начаты широкие исследования дореволюционной русской социологии, инициатором которых был И. А. Голосенко (И: Бороноев 1998).

В главе 4, в которой обсуждались вопросы поколенческой стратификации российского социологического сообщества, я приводил слова Зинаиды Тихоновны Голенковой о том, что она не «попала в старшее поколение» и не может «себя причислить» к молодому — она «между поколениями оказалась» (И: Голенкова 2009: 158). В действительности она — из третьего поколения, но высказанное ею суждение обоснованно. Она начала работать в социологии раньше многих других из той же когорты, быстро определилась с исследовательской тематикой и получила научные степени.

Биографический сюжет № 26. З. Т. Голенкова

Семь классов Голенкова закончила в сельской школе в Брянской области, потом четыре года училась в педагогическом училище в небольшом городе той же области. В 18 лет она стала учительницей русского языка; сначала год работала в начальной школе в Дагестане, затем — два года — в небольшой деревне в Брянской области в 20 км от железной дороги. Скучно там было. Как-то в газете она прочитала, что в МГУ, в новом высотном здании, объявлен набор на философский факультет. Решила поступать туда. Нашла «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и «Критику Готской программы» Маркса и начала их читать, чтобы узнать, что такое философия. И с первой же попытки поступила на заочное отделение.

Все сессии сдавала на отлично, и после 4-го курса, это был 1963 г., ей предложили перевестись на дневное отделение. Перевели ее на 4-й курс, но обещали дать стипендию лишь после сдачи 36 зачетов и экзаменов. Она достаточно быстро со всем расправилась, и началась московская студенческая жизнь. Учиться ей было несложно, привыкла самостоятельно работать. Вскоре вышла замуж за югославского студента, эмигранта.

Переведясь на дневное отделение, Голенкова выбрала в качестве специализации социологию. Вспоминая то время, она говорила: «...я сама не знаю, почему... пошла именно на социологию, другие студенты уже раньше определились. Я не знала, что такое социология, но всегда проявляла интерес к тому, чего не знала». В это время в обществе появился интерес к социологии, разговоров было много, читался спецкурс Д. М. Гвишиани; начал формироваться кружок студентов, которые даже составили анкеты и провели первые опросы.

В 1965 году Голенкова окончила университет; у нее к тому времени уже был ребенок, поэтому она получила свободный диплом. Долго не могла найти работу, но в конце концов ее взяли на должность старшего лаборанта в Институт философии АН СССР, в Отдел «новых форм труда и быта» Г. В. Осипова. Начинала с переводов; работая в секторе Грушина, входившего в этот отдел, впервые участвовала во всесоюзном опросе. В 1968 году был создан ИКСИ и ее автоматически перевели туда. В начале 70-х она поступила в аспирантуру ИКСИ и сконцентрировалась на сравнительном анализе молодежи СССР, ГДР и Югославии. К тому моменту она работала в секторе И. С. Кона и занималась историей социологии. Через год в ГДР засекретили всю информацию о молодежи, и необходимо было менять тему диссертации. После раздумий и обсуждений, Голенкова, имевшая богатый материал по Югославии, стала писать работу по социальной структуре населения этой страны. И хотя не все шло гладко, она в начале 1974 г. досрочно успешно защитилась.

В 1980 году она защитила докторскую диссертацию по истории социологии в Югославии, а через четыре года на базе этого исследования вышла ее монография по этой же проблематике. В последующие годы под ее редакцией вышел ряд книг по истории социологии в России и странах СНГ (И: Голенкова 2009).

Фрагменты биографий Маргариты Ефимовны Поздняковой и Татьяны Захаровны Протасенко знакомят нас еще с одним путем, которым в социологию пришло значительное число представителей поколения, «призванного помогать»; впоследствии они сформировали следующую возрастную когорту. Исходно молодых людей брали на техническую, вспомогательную работу: секретарскую, лаборантскую и иную, не требующую социологической подготовки. Выполняя технические, рутинные обязанности, они осваивали методы, которыми пользовались их коллеги — молодые ученые. Постепенно они начинали понимать тематику научного подразделения, в котором работали, обрастали знаком-

ствами в социологическом сообществе, и у них появлялось желание испытать себя в социологии. Так они входили в профессию.

Биографический сюжет № 27. М. Е. Позднякова

В силу тяжелого материального положения семьи, после седьмого класса Позднякова поступила в полиграфический техникум и окончила его в 1958 г. Ее погибший на войне отец, который учился в аспирантуре биологического факультета МГУ, очень хотел, чтобы дочери пошли по его стопам, но после разгрома ВАСХНИЛ в 1948 г. и «дела врачей» путь в биологию для них был закрыт. Позднякова любила историю, литературу и в 1961 г. поступила на исторический факультет МГУ. Денег на жизнь не хватало, пришлось перевестись на вечернее отделение. Однако, понимая, что в ее условиях учиться шесть лет — это слишком долго, она закончила обучение на год раньше положенного срока. Ей предлагали аспирантуру, но по семейным обстоятельствам это предложение ею принято не было.

В конце 60-х она стала работать в ИС АН СССР — сначала секретарем в аспирантуре, потом в 1967 г. в секторе социального прогнозирования, которым руководил И. В. Бестужев-Лада. При поступлении в Институт социологии у Поздняковой, по ее замечанию, были смутные представления о социологии, но оказавшись в сильной команде молодых ученых, она довольно быстро начала заниматься социальным прогнозированием — только зарождавшимся направлением социологии.

В те годы многие были увлечены математическими методами. Поняв, что ей не хватает элементарных знаний в статистике, она договорилась с В. Э. Шляпентохом и прослушала его лекции по математической статистике для социологов в МГУ. Самостоятельная подготовка и этот курс позволили ей применить регрессионный анализ при изучении бюджетов времени и в 1978 г. защитить диссертацию «Построение исходной модели при прогнозировании быта. (Методологические проблемы)» (И: Позднякова 2010).

Биографический сюжет № 28. Т. З. Протасенко

Протасенко еще в школе освоила профессию стенографистки и в 1964 г. стала работать в деканате философского факультета ЛГУ, а затем поступила на вечернее отделение этого факультета. Первый курс был закончен прилично, и при поддержке С. Н. Иконниковой она перевелась на дневное отделение, согласившись при этом помогать в стенографировании девушке, пришедшей на ее место (замечу, это была Валентина Узунова, ставшая позже известным специалистом в области социально-этнических проблем). Так, вместе они стенографировали защиту докторских диссертаций В. А. Ядова, Л. Н. Столовича и других известных философов и психологов.

Весной 1967 г. Протасенко стенографировала выступления на Общеуниверситетской перевыборной комсомольской конференции. Объем работы был огромный, и в качестве поощрения ей предложили поехать

в группе социологов ЦК ВЛКСМ в Югославию. Руководителем был В. Т. Лисовский. В состав группы были включены С. И. Голод, А. В. Баранов, Л. С. Бляхман и несколько студентов факультета. Эту поездку она считает судьбоносной. В Белграде Баранов взял Протасенко на встречу в университет, и там возник ее интерес к социологии города. В 1970 году она защитила диплом на тему «Социологические проблемы планировки городов».

Ее специализация во время учебы в университете называлась «истмат — социология», но социологических материалов им давали немного; гораздо больше она получила, работая в библиотеках. Тогда довольно свободно можно было получить разрешение на посещение спецхранов в Публичной библиотеке и в Библиотеке АН СССР. Там она познакомилась со многими работами по социологии — как современной, так и начала 20-го века.

После завершения образования преподавать марксистско-ленинскую философию Протасенко не захотела, и тогда Баранов предложил ей продолжить заниматься социологией города в аспирантуре сектора, который возглавлял О. И. Шкаратан. Осенью того же года она сдала экзамены в ИКСИ АН СССР, и с января 1971 г. под руководством Шкаратана занялась исследованием социальных факторов дифференциации потребления в городе. В силу ряда причин диссертационная работа не была завершена, но эта тематика долго оставалась в поле зрения Протасенко (**И:** Протасенко 2011).

Роман Семенович Могилевский принадлежит к старшей группе третьего поколения социологов. Возможно, поэтому в его движении в социологию обнаруживаются элементы ситуаций, знакомых нам по воспоминаниям ученых и второй, и третьей профессиональной когорты.

Биографический сюжет № 29. Р. С. Могилевский

Могилевский закончил школу в пригороде Ленинграда, городе Пушкине, проработал два года электромонтером и поступил на юридический факультет ЛГУ. Затем, по распределению, прослужил три года в Следственном управлении МВД (в Ленинграде). В середине 1960-х гг. в Ленинграде был организован НИИ комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при ЛГУ во главе с В. Я. Ельмеевым. В Институте быстро сформировалась группа ученых с юридическим образованием, которая занялась изучением комплекса проблем, находившихся на пересечении социологии и криминологии. Благодаря помощи друзей Могилевский был принят на работу в НИИКСИ и в течение следующих 22 лет успешно работал в разных направлениях социологии. В частности, он занимался анализом взаимодействия правовых норм с социальной реальностью, изучением социальной эффективности права, исследованием дисциплины труда как комплексной социально обусловленной проблемой. В 1984 году он защитил кандидатскую диссертацию под названием

«Социологические проблемы социалистической дисциплины труда» (И: Могилевский 2006).

На мой взгляд, приведенные краткие описания вхождения в науку представителей третьего поколения социологов убедительно показывают, что эта профессиональная когорта формировалась не самостоятельно, а прежде всего социологами двух первых поколений. Так, Э. В. Беляев, Л. Е. Кесельман, Г. И. Саганенко, Е. Э. Смирнова начинали свою карьеру под руководством В. А. Ядова; В. Б. Голофаст проходил первичное обучение у А. Г. Харчева; автор этой книги — у А. Г. Здравомыслова и Б. М. Фирсова; Д. Л. Константиновский — у В. Н. Шубкина; Е. С. Петренко и Ф. Э. Шереги — у В. Э. Шляпентоха; Я. С. Капелюш — у Б. А. Грушина. Темы диссертационных исследований Э. В. Беляева, А. Б. Гофмана, Л. Г. Ионина были предложены И. С. Коном; Г. И. Хмара и А. Н. Алексеев консультировали О. Б. Божкова; А. В. Баранов был первым наставником Т. З. Протасенко. У И. И. Травина таких учителей не было, но в понимании многих социологических вопросов ему помог И. В. Бестужев-Лада. Ю. Н. Толстова пришла в социологию после завершения аспирантуры в МГУ, где занималась математической логикой; азы новой науки она осваивала по книгам и в беседах с коллегами-ровесниками. В решении теоретических вопросов, которые стояли перед ней, существенную роль, по ее мнению, сыграло общение с В. А. Ядовым.

Молодые специалисты помогали своим тогда тоже молодым руководителям в сборе первичного материала и его начальной обработке; в переводах западной литературы; в проработке различных теоретико-методологических проблем; в составлении бесконечного числа аналитических таблиц; часто они выполняли лаборантские обязанности. Поначалу они разрабатывали темы, которые для них формулировали их руководители, однако деятельность каждого носила творческий характер и во многом была самостоятельной.

В интервью с О. Б. Божковым я задал ему вопрос: «Нашу генерацию я называю “призванной помогать”, вспомни — тогда активно призывали математиков, лингвистов, философов. К моменту, когда мы немного накопили опыт, власти начали “прикрывать” социологию, во всяком случае, карьерные лифты были почти отключены. Согласен ли ты с тем, что наше поколение можно назвать “призванное помогать”»? Он ответил: «Мне это название кажется очень уж искусственным. Дело в том, что мы (наше поколение) не столько помогали, сколько искали себя и, кажется (а теперь уже и не кажется), нашли. Если первые два поколения только наметили тропинку, то мы ее протапывали и сделали похожей на дорогу. И следующие поколения уже шагали более спокойно и более уверенно» (И: Божков 2011: 4).

Безусловно, каждый входящий в науку, как и в целом новое поколение исследователей, ищет себя, старается предложить новые взгляды на старую проблематику и открыть новые темы, совершенствовать старые методы и разработать новые, и т. д. С этими словами Божкова трудно спорить. Сейчас я не «замахиваюсь» на анализ сделанного тем или иным поколением как профессиональной общностью (хотя не соглашусь с ним в том, что «первые два поколения только наметили тропинку», — они очертили общие границы современной российской социологии), но говорю о его генезисе, механизмах рекрутирования. Все социологи, биографии которых были рассмотрены в этой главе, начинали работать в уже сложившихся научных командах, и их приглашали — такова логика развития научных коллективов — не для того, чтобы они сразу начинали «искать себя». Сначала от них ожидали помощь тем, кто уже имел опыт социологических исследований.

Глава 8

Спасенные перестройкой

В книге о российской социологии, вышедшей под редакцией В. А. Ядова в конце 90-х гг., и в коллекции биографических материалов, собранных под руководством Г. С. Батыгина, и в монографии по истории отечественной социологии Б. М. Фирсова, и в биографических интервью, опубликованных в социологических журналах, представлены, за редчайшим исключением, лишь истории жизни и деятельности социологов первого и значительно реже — второго поколения. Это и понятно. Во-первых, к исходу XX в. с их именами были связаны основные достижения советской социологии, и они были главными участниками всех важнейших событий, происходивших в нашем профессиональном обществе. Поэтому они были — и остаются — главными акторами историко-социологических исследований, затрагивающих вторую половину прошлого столетия. Во-вторых, путь в социологию и деятельность тех, кто составляет третье поколение, еще не представлялись оформившимися и не попадали в поле зрения науковедческого анализа. В еще большей степени сказанное относится к следующей, четвертой, профессионально-возрастной группе. В-третьих, предметно-объектные характеристики любой тематики расширяются крайне медленно, и историко-науковедческая область — не исключение. Должно было многое произойти как внутри российского социологического сообщества, так и в методологии изучения прошлого — настоящего — будущего, чтобы эта традиция была нарушена и жизненные траектории третьего и четвертого поколения оказались частью историко-науковедческого изучения. Замечу, что методология исследований прошлого, в значительной

мере использующих биографический материал, предполагает и рассмотрение биографий представителей пятого поколения постхрущёвской социологии. Они, согласно представленной выше лестнице поколений, родились в интервале от 1959 до 1970 г., и, таким образом, старшие в этой общности уже отметили свой полувековой юбилей, а младшие — «разменяли» пятый десяток. Однако причины чисто организационного порядка не позволили мне опросить кого-либо из них.

Четвертое поколение уже было условно обозначено мной как «дети первого поколения», и не потому, что среди них могли быть (и есть) дети тех, кто начинал развивать социологию в СССР, — таково соотношение возрастов представителей этих групп. И, как в любой подвижной общественной системе, в которой родители и дети входят в мир в разных социальных обстоятельствах и устраивают свою жизнь по-разному, в мире науки, в частности в социологии, должна наблюдаться такая закономерность. Для историко-биографического исследования признание данного обстоятельства становится импульсом к выявлению различий.

Название настоящей главы отражает многие особенности процесса личностного и профессионального становления четвертого поколения социологов. Перестройка определила оригинальность этой младшей плеяды социологов. Если бы не принципиальные политические, идеологические, социально-экономические изменения, произошедшие в этот период, то профессиональная жизнь четвертого поколения могла бы сложиться принципиально иначе: концептуальный аппарат, предметно-объектное поле исследований, арсенал методов и прочие аспекты профессиональной деятельности *представителей* четвертого поколения были бы прежде всего продолжением освоенного старшими коллегами. Во всем этом было бы мало новизны.

Есть один сущностный момент в изучении деятельности социологов четвертого поколения; он почти очевиден, но мне не встречалось его обсуждение в отечественной науковедческой литературе. Если обратить внимание на сегодняшнюю творческую и общественную активность представителей первого и второго поколения социологов (нужно учесть, что младшим из них уже более 75 лет, а старшим за 80) и допустить, что подобные включенность в дело и небезразличие к вопросам развития профессионального сообщества будут присущи ученым и четвертого поколения, то можно попытаться представить характер движения российской социологии в последующие десятилетия. Ведь в 2030–2040-е гг. определенная часть этого поколения еще будет проводить исследования, преподавать, формировать отношение к прошлому, в том числе — к достижениям тех, кто создавал постхрущёвскую советскую социологию. Многое на всех этапах развития социологии того периода, кажущегося сейчас весьма далеким, будет задаваться ими и их

учениками. Фактически четвертое поколение — последнее, представители которого являются одновременно и советскими и российскими социологами. Следующие будут «чисто» российскими.

Перестройка открыла перед ними перспективу

Михаил Аскольдович Тарусин, интервью с которым проходило в 2007 г., оказался первым моим респондентом, представляющим четвертое поколение советских/российских социологов. Мы познакомились в конце 1980-х, вместе работали во Всесоюзном (позже — Всероссийском) центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), но в начале 90-х я уехал из России, и к моменту нашей беседы мы полтора десятилетия не виделись. Мне казалось, что данный факт и наше заметное различие в возрасте помешают общению, но этого не произошло. Сложная, явно не линейная траектория карьеры Тарусина отчасти была отражена в его словах: «Мы формировались во времена отрицания».

Биографический сюжет № 1. М. А. Тарусин

Самиздат, прежде всего поэтический, стал появляться в середине 1950-х, но распространение и чтение его было крайне рискованным. В 70-е годы этого типа литература, особенно в Москве и Ленинграде, уже была не редкостью, потому было естественным спросить Тарусина, читал ли он самиздат, обсуждали ли они «голоса». Его ответ был достаточно развернутым.

«Светлые и романтические шестидесятые сменились мрачноватыми и какими-то тухловатыми семидесятыми. Мы выросли и вместе со всей интеллигенцией переместились на кухни. Табуретки, портвейн, крепкий чай и сигаретный дым — вот декорации того времени. Самиздат гулял по рукам сокровищем, золотыми слитками, часто слепой текст — пятая копия на машинке — давали на одну ночь. Но у нас скоро появились ксероксные варианты, наша квартира стала центром, откуда «срамиздат», как его называл Зиновьев, растекался по Москве. Авторханов, Солженицын, Шаламов — это все были наши учителя, и слова их ложились на подготовленную почву — уж как-то резко в стране потушили свет 60-х, и теперь только настольная лампа освещала страницы правды, отпечатанной на ксероксе.

А самое трагичное было в том, что в 70-е мы думали, что советская власть — это еще лет на двести минимум, и осознание того, что вот так ты в этой фальши и официальной идеологической злобе и проживешь всю жизнь, было мучительно» (**И:** Тарусин 2007: 59).

Уже на первом курсе философского факультета сложилась четверка друзей, в которую входил и Тарусин, они называли себя «поручиками». Исходно «поручики» имели разные философские воззрения. У одного были идеи модернизации «развитого социалистического общества»,

другой считал необходимым прежде всего разобраться с самим марксизмом, который, может, и был неплохой экономической теорией для своего времени, но к тому моменту не был «всесилен» и далеко не факт, что «верен». Третий полагал, что если бы система расширила рамки своей идеологии, то, возможно, была бы удобоваримой. Тарусин стоял на самых жестких позициях, считая, что не имеет оправдания власть, планомерно уничтожавшая собственный народ, и отказывал ей в легитимности. Под влиянием дискуссий позиции друзей менялись, и к четвертому курсу все они окончательно утвердились в мысли, что советская власть — зло и Божья кара. Но именно поэтому они не считали целесообразным идти против нее с дрекольем — не против же Божьей воли идти?

Я сказал Тарусину, что за три десятилетия до их четверки на том же факультете МГУ также существовала группа диалектануров («диалектических станковистов»), в которую входили Б. А. Грушин, А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий и М. К. Мамардашвили, и они, несмотря на «крутые времена», отталкиваясь от ортодоксального марксизма, смогли найти свои пути в науке (Докторов 2004а). И спросил: «Что вам мешало?» Его ответ, представляется характерным для значительной группы молодежи тех лет.

«...Параллель твоя интересна — наши учителя отталкивались от ортодоксального марксизма, то есть имели неплохую пружину. Мы же, отринув марксизм изначально, отталкивались от пустоты, поскольку знали только, как не надо. Видимо, 60-е годы, при всей наивности платформы “исправленного” марксизма, были все же утверждающим временем. Мы формировались во времена отрицания. Но отрицание не может быть продуктивным, в нем нет цели, нет опоры, нет смысла. Конец 70-х был периодом некоего окостенения, но живая университетская атмосфера позволяла выживать. Когда же университет закончился, мы окунулись в безвременье, которое особенно тяжело людям амбициозным и эмоциональным» (И: Тарусин 2007: 78).

То же настроение присутствует в воспоминаниях о конце 70-х — начале 80-х гг. у Елены Андреевны Здравомысловой. Она тогда начала работу в ленинградском Институте социально-экономических проблем АН СССР в должности младшего научного сотрудника сектора социально-экономических проблем труда.

Биографический сюжет № 2. Е. А. Здравомыслова

Дело был так. Раз в полгода — аврал — производство отчетов. За все время работы один массовый заводской опрос, в котором я принимала участие как интервьюер (1978). Он меня полостью разочаровал в эмпирической социологии. Рабочих на заводе «Русский дизель» в обеденный перерыв загнали в красный уголок, где они со смешками заполняли многостраничную анкету «Ваш труд и быт» из серии «все про все»...

При заполнении присутствовал парторг... Когда я попыталась индивидуально кого-то проинтервьюировать у станка, мне поставили на вид координаторы поля. Потом я несколько раз была свидетелем того, как интервьюеры сами заполняли анкеты за респондентов (по comment)... На работе регулярно праздновали дни рождения, престольные праздники. Новичок должен был проставить коллективу... При этом соблюдалась трудовая дисциплина на вход — в 9.15 и на выход 18.15 (не считая библиотечных дней). Анекдот, да и только! Но народ до чего же культурный!!! Филармония, игра «в балду» и «в слова», стихи наизусть, сочинение стихов на случай, распространение самиздата, очереди на кинофестивали, добровольная народная дружина, овощебаза и колхоз, вязание, кофе, общество книголюбов, шуры и муры... В общем живая, формально не регламентированная жизнь сообщества «на рабочем месте» во вполне публичном пространстве в контексте советского застоя (**И**: Здравомыслова 2009: 11).

В те годы я работал в том же институте. Научно-организационная деятельность в разных секторах была поставлена по-разному, но что касается описания трудовой дисциплины, особенно в кругу ровесников Здравомысловой, то не согласиться с ней невозможно.

Подобные мысли высказывались в интервью и другими представителями этой генерации, и потому исходно в заголовок настоящего раздела были вынесены слова «мы формировались во времена отрицания». Однако позже мне показалось более целесообразным использовать для заголовка позитивное «продолжение» этого утверждения.

В разработанной поколенческой схеме (см. гл. 4) годы рождения четвертой генерации расположены в интервале между 1947 и 1958 гг., в котором центральными оказываются 1952 и 1953 гг.; это двенадцатилетие почти полностью вбирает в себя года рождения наших респондентов. Со многими из опрошенных (прежде всего, с петербуржцами) я знаком многие годы, и мое предложение участвовать в опросе базировалось на указанных ранее критериях (см. гл. 2); с рядом будущих респондентов я познакомился относительно недавно через их публикации. Оценивая многие особенности процесса становления социологов во второй половине 70-х — начале 80-х гг., можно предположить, что общая численность ученых этого поколения существенно превышает число социологов каждой из предыдущих когорт, но никакие иные параметры всей совокупности социологов четвертого поколения мне не известны. В выборке настоящего проекта (табл. 7) пять женщин и девять мужчин, двое из них — без научных степеней, трое — кандидаты наук и девять — доктора наук. По месту работы основная часть опрошенных (восемь человек) — москвичи, четверо — петербуржцы и по одному человеку из Иваново и Тюмени.

Таблица 7

**Базовые статистические характеристики
анализируемого массива представителей
четвертого поколения российских социологов**

Ф. И. О.	Даты жизни или год рождения	Годы прихода в социологию	Год защиты диссертации (канд. /докт.)
Батыгин Геннадий Семенович	1951–2003	1974	1977/1987
Бачинин Владислав Аркадьевич	1949	Конец 80-х	1980/1991
Беспалова Юлия Михайловна	1955	Середина 80-х	1984/1999
Давыдов Андрей Александрович	1954	Начало 80-х	1989/1996
Здравомыслова Елена Андреевна	1953	Начало 70-х	1997/Нет
Илле Михаил Евгеньевич	1952	1976	Без степени
Ильин Владимир Иванович	1950	Конец 80-х	1980/2000
Козлова Лариса Алексеевна	1956	1973	1989/ Нет
Мягков Александр Юрьевич	1954	Конец 70-х	1984/2003
Ослон Александр Анатольевич	1952	70–80-е	1984/ Нет
Семенова Виктория Владимировна	1950	Первая половина 70-х	1981/2000
Тарусин Михаил Аскольдович	1958	Начало 80-х	Без степени
Чирикова Алла Евгеньевна	1951	Конец 80-х	1978/2003
Ядов Николай Владимирович	1957	Начало 80-х	1989/Нет

Из-за ограниченности пространства я не могу рассказать о семьях социологов четвертого поколения и их ранней социализации, однако на

ряде примеров покажу, как перестройка «вмешалась» в судьбы этих людей и позволила им отыскать, проложить свой профессиональный путь.

Начну с рассмотрения жизненной траектории Геннадия Семеновича Батыгина — первооткрывателя изучения истории постхрущёвской социологии.

Биографический сюжет № 3. Г. С. Батыгин

По своему году рождения Батыгин входит почти в середину временного интервала, отведенного стратификационным алгоритмом под четвертое поколение социологов, т. е. с определением его положения в структуре поколений отечественных социологов не возникает проблем. Вместе с тем его огромная работоспособность, природная одаренность, общая эрудиция и стремление к познанию нового стали основой его более быстрого в сравнении с ровесниками профессионального роста. Он быстро стал лидером своего поколения, и одновременно старшие по возрасту коллеги начали признавать его одним из членов своей профессиональной когорты.

Настоящий проект начался уже после смерти Батыгина, поэтому мне не удалось провести с ним интервью. За полтора года до его скоропостижной кончины это было сделано Н. Я. Мазлумяновой. Вот краткая выжимка из рассказанного им.

Я родился в 1951 году в семье военного. Мои ранние детские впечатления связаны с постоянными переездами, ухоженными автострадами на границе между Польшей и Германией, аэродромами, санитарным автомобилем, в котором мне удавалось прокатиться вместе с матерью — военным врачом, разбитой бронетехникой в перелесках, горами погон в землянках, свисающими со столбов оборванными проводами... Затем заваленные снегом финские домики где-то в саратовских степях, промокшая стена в комнате... и кортик — принадлежность отцовской парадной формы. Все это я помню как сон о нереальной жизни (**И:** Батыгин 2003: 132).

Его отец был строевым офицером, не имевшим специального образования — лишь одногодичное пехотное училище во время войны. Вечернюю школу он закончил уже майором, в конце службы. Но, по словам Батыгина, в его отце «сидело врожденное еврейское почитание книжности», и среди офицеров с высшим образованием он слыл «знающим человеком». Ни о какой военной карьере не могло быть и речи, хотя он считался одним из лучших ротных командиров в Приволжском военном округе. То была ситуация «перекрестного давления»: местечковый еврей, преданный казарме и плацу, но не имеющий шансов на образование и повышение по службе.

Дед по отцовской линии до того, как вступил в партию и стал активным коммунистом, работал сапожником, бабушка вела хозяйство. Оба они грамотностью не отличались, но культ образования в семье существовал. Мать — родом из Архангельска, русская, поморская ветвь. Отец матери был военным фельдшером, получившим свое звание в русско-японскую войну. Он был очень зажиточным человеком, но в период раскулачивания, крестьянских репрессий семья лишилась всего хозяйства. Однако ссылать их было некуда. Ведь жили они на Белом море, в Архангельской губернии. А мать матери была дочерью попа.

Со второй попытки Батыгин поступил на философский факультет МГУ. Вот фрагменты его воспоминаний о студенческой поре.

«В университете я продолжал заниматься охраной правопорядка, был активным членом оперативного отряда МГУ. Мне до сих пор стыдно за то, что мы вытворяли. Тем не менее все делалось из добрых побуждений.

С самого начала у нас сложился круг умничающих студентов-гениев. Я не считался гением... не старался выделяться особенно. Существовала атмосфера возвышенной поэтической речи, независимо от сюжета. В центре внимания было чтение стихов. Здесь я впервые узнал таких поэтов, как Николай Гумилев, Игорь Северянин, которого читали нараспев. Читали наизусть Есенина, а чтение стихов Есенина сопровождается беспробудной пьянкой, что все время и происходило, но без особых эксцессов.

Я не буду сейчас утверждать, что мы образовывали студенческое освободительное движение. Это была обычная богема, причем иногда довольно разнузданная. Но у нас все было романтизировано» (Там же: 140).

В воспоминаниях Батыгина о преподавателях, оказавших на него положительное влияние, названы П. Я. Гальперин («его влияние было преимущественно стилистическим»), В. Ф. Асмус («который не обладал сомнительным качеством спонтанной речи и всегда читал лекции по своей огромной тетради — довольно истертой, со вставками, вклейками») и Г. А. Багатурия («мы занимались самой настоящей текстологической работой»). Духовным кумиром студентов того времени был Э. В. Ильенков, все читали его теорию восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса.

При поступлении в МГУ Батыгин не добрал одного балла и был зачислен на отделение научного коммунизма. В интервью он отметил:

«На отделении научного коммунизма с преподавателями была беда: знания их имели большей частью пропагандистский характер. Философский факультет не давал никакой профессиональной подготовки вообще, за исключением нескольких направлений: кафедры логики, где был очень сильный контингент, кафедры истории зарубежной философии и отчасти кафедры научного атеизма, к которой я примкнул. По этой причине я всегда писал две курсовых и защитил два диплома» (Там же: 141–142).

Окончив университет, Батыгин (тогда он носил фамилию отца — Гантман и сменил ее на фамилию матери, уже работая в Институте

социологии) стал ходить по разным московским вузам. Он так описал типичную ситуацию:

«Я был лохматый, долговязый, кроткий с виду малый. Прихожу и говорю: “Здравствуйте”. Меня спрашивают: “Что вам, мальчик?” Я: “Вам не нужны преподаватели научного коммунизма?” Молчание, потом некоторые тетки, доценты научного коммунизма, начинают смеяться. Другие сразу же выгоняли. В общем, нигде работы не было. Я чувствовал, что дистанцирован от системы, деваться мне некуда. Все мои ожидания, красный диплом, знание Аристотеля — и полная ненужность. И это ощущение вызвало чувство страха, связанного с неопределенностью положения» (И: Батыгин 2003: 145–146).

В конце сентября он случайно пришел в Институт социологических исследований, поступил в аспирантуру и «устроился прокалывать дырки в перфокартах». Стал работать, как сумасшедший, сутками; через полгода его приняли на постоянную работу лаборантом, а через год, после сдачи кандидатских экзаменов, сделали младшим научным сотрудником.

Работы, написанные Батыгиным до середины 1980-х и составившие основу его кандидатской и докторской диссертаций, были выполнены в русле тематики, активно изучавшейся советскими социологами: методология исследования образа жизни, природа социальных показателей, логические и эмпирические методы социологии. Он мог бы еще многие годы разрабатывать круг интересовавших его тогда задач, тем более что его блестящая философская подготовка и вовлеченность в проведение прикладных исследований позволяли ему дать новую интерпретацию проблематики, которую он тогда только осваивал. Однако в начале 1990-х под воздействием целого ряда обстоятельств он отошел от изучения известного не только ему, но и многим предметного пространства и стал зондировать поверхностно описанные или совсем нехоженые предметные области. Так случилось, что к тому времени советские социологи гораздо лучше были знакомы с парадигматикой и методами классической и послевоенной западной социологии, чем с опытом, достижениями дореволюционных русских социологов и социологов, работавших в 1920–1930-е гг. И именно освоением всей этой многослойной тематики начал заниматься Батыгин. Более того, в сферу его интересов попало также становление и развитие постхрущёвской советской/русской социологии. В упомянутом выше интервью он сказал: «В 1990-е годы окончательно сформировалась основная тема моих интересов — история советской общественной мысли, реконструкция интеллектуальной истории советского периода, который считался временем мракобесия» (Там же: 158). При этом нужно понимать, что слово «советский» тогда было одиозным. В своем исследовании Батыгин шел от «истории идей» к научным биографиям и типам научных карьер.

К концу 1990-х гг. Батыгин, занимаясь социологией и постреволюционных лет, и родившейся в постоттепельный период, создал «портрет интеллектуальной и институциональной химеры, которая называлась “советский марксизм”» (Там же: 159). Обращаясь к документам и воспоминаниям, разрабатывая общеметодологические проблемы историко-

социологических поисков, он укрепил лидерские позиции в своем поколении и приобрел новый статус. Он занял ведущую позицию среди социологов разных поколений, причастных к изучению прошлого отечественной социологии. Симптоматично, что В. А. Ядов, собрав для работы над фундаментальным томом «Социология в России» (Социология в России 1998) очень сильный коллектив авторов, доверил написать первую и крайне сложную главу — о российской социологической традиции — именно Батыгину, возможно, самому молодому в той команде.

Мне не пришлось обсуждать с Батыгиным, каким образом он окунулся в историко-социологическую тематику, но можно попытаться построить общую объяснительную схему того, как это произошло.

Начало 90-х. Общество стремится понять, что собой представляет новая независимая Россия. Огромен интерес к прошлому страны; возвращаются из забвения многие имена; начинается пересмотр семидесятилетней истории СССР. Это происходит во всех сферах жизни, в том числе и в социологии. Представители двух первых поколений послевоенной социологии уже разменяли седьмой десяток; значительная часть принадлежащих к третьей генерации отпраздновала свое пятидесятилетие; образующие четвертую профессиональную когорту приближаются к сорокалетию или недавно отметили его.

Социологи старших поколений были вовлечены в разработку давно начатых тем, увешаны должностями, отягощены членством во множестве формальных и неформальных профессиональных сетей, придавлены массой текущих дел. Батыгину 40 лет, он — доктор наук и профессор, у него нет карьерных устремлений, есть лишь желание быть абсолютно самодостаточным и независимым. Ему нужна была область исследований, которая относилась бы, в его понимании, к ядру социологии, учитывала социокультурные тренды, но не была бы откликом на события, ежечасно обсуждавшиеся в СМИ; была бы «академичной» (работа в тиши библиотек и архивов, изучение каталогов, чтение книг и журналов, которые не раскрывались более полувека, беседы с интеллигентными людьми) и открыла ему возможность для использования накопленных ранее знаний, в частности умение анализировать тексты. Конечно же, она должна была отвечать его глубинным, еще юношеским, представлениям о науке и ученом. Все вместе это могло бы обеспечить свободу и душевный комфорт.

Особенности генезиса и развития современной российской социологии (см. гл. 1 и 3) таковы, что представителям четвертой профессиональной когорты предстояло начать целенаправленное изучение ее истории; раньше было невозможно, позже — менее продуктивно. Человек, которому предстояло сделать первый шаг в этом направлении, должен был обладать рядом определенных ценностей и способностей. Батыгин и был именно таким человеком.

Жизненная траектория Владислава Аркадьевича Бачинина не описана выше по иной причине. Приведу его слова: «Всё, что было в моей жизни до 2001 года, можно сравнить с хорошо загрунтованным холстом с едва намеченным рисунком. Внешне это вполне вписывается в шекспировскую схему “Вся жизнь — театр. Все люди в нем актеры, и каждый не одну играет роль...” Классик, как известно, перечисляет семь ключевых социальных ролей, которые удастся сыграть человеку от рождения до смерти. У меня их было чуть больше: я был школьником и студентом, солдатом и офицером, мужем и отцом, кандидатом философии и доктором социологии, ассистентом и профессором, подполковником милиции и пастором протестантской церкви, и т. д.» (И: Бачинин 2010б: 128).

Биографический сюжет № 4. В. А. Бачинин

Бачинин, родившийся в 1949 г., относится к старшему слою четвертого поколения. О своем детстве и родительской семье он сказал предельно кратко:

«Что же касается моей генеалогии, то она вполне обычна: единственный сын простых родителей. Отец работал на Уралмашзаводе. Начинаясь семейная жизнь родителей в том самом классическом советском бараке, который описал корифей нашей андеграундной поэзии Игорь Холин (Там же: 124):

<...>

Пили. Ели. Курили.

Пели. Плясали. Орали.

Сорокин лез целоваться к Оле.

Сахаров уснул на стуле.

Сидорова облевали.

Сегодня меня это не удручает, ведь и Спаситель родился в хлеву. Удручает другое: страшная, безжалостная машина государства-людоеда обрубила все корни, связывающие меня с прошлым, вычеркнула из памяти образы всех предков, заткнула рты живым. Ничего важного и существенного от своих родителей об их прошлом я практически так и не узнал» (Там же: 124).

Отец Бачинина был большим книголюбом, подписывался на все выходившие в 1960-е гг. собрания сочинений. Так в доме образовалась большая библиотека. Благодаря этому юноша хорошо учился в школе и, демобилизовавшись после службы в армии в июне, в августе поступил в ЛГУ, сдав вступительные экзамены на все пятерки. Ленинград был выбран исключительно по эстетическим мотивам.

Еще в юности Бачинин полюбил Достоевского, его первая курсовая работа на третьем курсе называлась «Гегель и Достоевский: к проблеме “разорванного сознания”». Когда он показал ее крупнейшему специалисту по творчеству Достоевского Г. М. Фридлендеру, он тут же принял ее

в академический сборник. Затем были диплом «Достоевский и Сартр», десятки статей и две монографии о творчестве Достоевского.

Бачинин вспоминает, что в студенческие годы он не мог достать Библию, хотя, как он сам пишет, особого желания не было, а окружавшие его учителя зарождению такого желания никак не способствовали. В этих условия огромное влияние на него оказал Достоевский — большее, чем все философы Запада и Востока, прошлого и настоящего, вместе взятые; их он воспринимал только умом, а Достоевского еще и сердцем. По мнению Бачинина, более антисоветского писателя в русской литературе не было, он делал что-то невероятное с его душой.

«Внешне я оставался как бы “советским человеком”, — пишет он, — комсомольцем в университете, затем членом КПСС на работе в вузе, а внутри что-то происходило. Помню, например, с каким трудом я изучал и сдавал историю КПСС и политэкономии социализма. Учеба давалась легко, с третьего курса вообще в зачетке пошли одни пятерки. А эти два предмета переваривал со страшным трудом. <...> Одновременно происходили внутренние мутации, незаметные не только для внешнего взгляда, но и для самого себя. Они исподволь меняли структуру души и духа. Тексты Достоевского оказались для меня пролегомена к Библии» (Там же: 129).

В 1980 году, после полутора лет заочного обучения в аспирантуре Института философии АН СССР, Бачинин защитил кандидатскую диссертацию по моральной культуре личности. В конце 1980-х, начав размышлять о теме докторской диссертации, он осознал, что ему не хочется «прозываться профессиональным философом, быть доктором философии». Кроме того, обнаружил серьезное несоответствие между политическим режимом страны и статусом философа — в СССР можно было быть только преподавателем философии, но не философом. И тогда Бачинин решительно развернулся в сторону социологии, где противоречия, подобные этим, ощущались не столь болезненно.

Мысль о невозможности быть философом-ученым в СССР, а заниматься лишь преподавательской деятельностью, скорее всего, была в то время весьма распространенной среди студентов философских факультетов и молодых преподавателей философии. Иллюстрируя это утверждение, перескажу один эпизод из интервью с В. И. Ильиным, представителем того же поколения. Его друг заведовал в Сыктывкаре кафедрой философии, где Ильин тоже работал. В 1987 году они начали активно заниматься социологией. Однако вскоре друг бросил социологию и философию, отставил в сторону написанную докторскую диссертацию и ушел в малый бизнес. Стал жить на хуторе близ эстонской границы, изготавливал рамки для картин и фотографий. Ильин резюмировал: «Я считаю, что из преподавателей философии он ушел в философы» (И: Ильин 2010: 154).

Бачинину, сложившемуся кандидату наук, опытному преподавателю, не составляло труда найти в социологии тему докторской диссертации по душе. Это оказалась проблематика, связанная с методологическими основаниями социологии морали. В 1991 году он становится доктором социологии и почти сразу же профессором, поскольку занимал тогда должность заведующего кафедрой.

Наибольшей привлекательностью для него «обладала сорокинская модель социологического дискурса, тесно соприкасающегося с дискурсами историософии, социальной философии, культурологии, эстетики, литературоведения, правоведения и т. д.» (И: Бачинин 2010б: 126). Добавлю сюда девиантографию, криминографию, социологию права и религии. В одном из писем ко мне Я. И. Гишинский, многие годы посвятивший проблемам девиантологии и криминологии, заметил, что работы Бачинина весьма ценят современные отечественные специалисты, работающие по этим направлениям. Так, советник Конституционного суда, д. ю. н., профессор, генерал-майор милиции (в отставке) В. С. Овчинский считает Бачинина крупнейшим из отечественных ученых-криминологов, а известный журнал «Российский криминологический взгляд» регулярно публикует его статьи. Бачинин так прокомментировал эти слова Гишинского: «Да, работы по криминологии у меня есть. Их я начал писать, когда работал в юридических вузах системы МВД и даже носил погоны подполковника милиции. В том, что я вышел на эту стезю, тоже в какой-то степени “виноват” Достоевский» (Там же: 127).

Сейчас размышления, подчеркивающие связь социологии с литературой, с художественной социографией, все больше привлекают внимание исследователей, но в 1980-е гг. такого не было. Однако Бачинин, специализировавшийся в университете по кафедре этики и эстетики, видел множество точек соприкосновения между антропоцентрированной социологией и социально озабоченной литературой. К этой тематике он подошел опять-таки через Достоевского.

«Путь в Дамаск», духовное прозрение, возрождение Бачинин отсчитывает с начала 2001 г., когда цепочка событий в его личной жизни привела его к религии, точнее — к протестантизму. Вот что он ответил на мой вопрос относительно того, можно ли называть его религиозным, христианским социологом и как он сам определяет предмет и тематику его исследований:

«Да, именно так я себя идентифицирую, поскольку полагаю, что фундаментальная мировоззренческая типологизация всех социологов обусловлена мировоззренческим водоразделом вера—безверие, религиозность—секулярность, христианство—атеизм. Среди религиозных социологов есть, разумеется, не только христиане, но и иудеи, мусульмане, а среди христианских социологов — православные, католики и протестанты. Но всех их связывает одно: они считают Бога главной, первичной детерминантой всех социальных явлений и процессов, воздействующей на ход последних через конкретных социальных субъектов, их мотивационные, нормативно-ценностные, экзистенциальные и прочие душевно-духовные структуры.

Религиозные социологи — это не мракобесы и не “чудики”, а аналитики, объект внимания которых несравненно шире объектов внимания их коллег-атеистов. Они включают в дискурсивное поле, кроме материальной и духовной (антропогенной) реальностей, еще и реальность трансцендентную. Это необыкновенно усложняет структуру социологического дискурса и весьма затрудняет работу внутри него. Но самое главное: с атеистическим мировоззрением работать с этим материалом невозможно» (Там же: 131–132).

Очевидно, что появление в постхрущёвской социологии религиозных ученых — явление новое и пока редкое, поэтому В. А. Ядов, публикуя в руководимом им «Социологическом журнале» интервью с Бачиным, решил прокомментировать это обстоятельство. В написанном им введении отмечается, что он сильно сомневался, принимая решение опубликовать интервью, так как Бачинин представляет достаточно маргинальное направление, не вполне вписывающееся в отечественную социологию. Но коллеги по журналу посчитали разумным опубликовать текст, чтобы показать разные пути, которыми молодые люди входили в социологию в постперестроечное время. Ядов обращает внимание на то, что Бачинина в социологию привело его увлечение философией и русской литературой, и подчеркивает убежденность Бачинина в том, что сциентистски ориентированное мировоззрение, в отличие от религиозного, ограничивает рамки понимания социального (Там же: 123).

Пути в социологию и жизнь внутри социологического сообщества Батыгина и Бачинина различны. Первый вошел в социологию в середине 70-х, в двадцать с небольшим лет, вошел случайно, но сразу оказался в центре развития социологической науки в стране. Второй пришел в социологию в конце 80-х уже сложившимся исследователем, кандидатом наук, автором ряда книг, пришел осознанно, понимая, что философией даже в перестроечном СССР заниматься крайне сложно. Жизненно-профессиональные траектории Батыгина и Бачинина различны, но их сближает то, что обе эти «кривые» в постперестроечный период привели их в области, где ранее они не могли пролегать, ибо в советской социологии их просто не было. Для исторического исследования не характерно домысливать, как развивалась бы деятельность каждого из них, если бы не изменения в стране, произошедшие во второй половине 80-х прошлого — начале нового столетия, но рассказы того и другого позволяют заключить, что работа обоих была бы менее творческой, свободной, продуктивной. И в этом отношении перестройка их спасла.

Приведу слова Батыгина, дающие основание так говорить о его деятельности: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, то есть вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до

сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось. А сейчас есть огромные возможности — это величайшее благо» (И: Батыгин 2003: 164).

Бачинин же, вспоминая о своем переходе из философии в социологию, исходил из того, что философ — это мыслитель, а значит, — всегда неконформист: «В СССР... неконформисты всегда были обречены. Даже самых ярких из них не спасали их таланты, напротив, усугубляли их участь. Всё совершалось по Достоевскому: Цицеронам отрезали языки, Коперникам выкалывали глаза, Шекспиров побивали камнями. В результате такая порода людей, как свободные философы, вывелась. Зато мощно работала государственная машина по производству преподавателей марксистской философии» (И: Бачинин 2010б: 125). Он исходил из того, что в контексте истинной, не суррогатной философии идти на компромисс с какими-то внешними силами постыдно, но в социологии состоять на государственной службе вроде как бы и не очень-то унижительно. Так что в социологию он двигался не от объекта, не от его проблем, а от субъекта, т. е. от самого себя, от своего самоощущения.

Вероятно, сказанное Бачининым можно интерпретировать как то, что перестройка предоставила ему возможность для активизации его исследований, другими словами, она его спасла. На мой вопрос, так ли это, он ответил весьма обстоятельно:

Что касается «спасения», то, говоря, естественно, только за себя, могу заметить, что для меня, моей жизни, судьбы, личности это слово означает очень многое и понимается мной гораздо шире, присутствуя не только в социально-историческом, биографическом, творческом смыслах, но и в смысле экзистенциально-теологическом. Я принадлежу к тем, кто спасен Богом. Перестройка не спасла, а только создала некоторые социальные условия для спасения. Одни ими воспользовались, а другие нет. Одни воспользовались узко (спасли свой профессиональный интеллект), а другие гораздо шире (спасли душу и дух). Первых много и вторых, уверовавших, много. Но таких, кто бы принадлежал и к первым, и ко вторым, кто по максимуму использовал бы все открывшиеся ресурсы парадигмы спасения (интеллектуальные, душевные и духовные), оказалось много меньше, чем хотелось бы. В социологии их вообще единицы¹⁰.

Главный вывод, который можно сделать из всего сказанного, — позиции Батыгина и Бачинина на перестроечные и постперестроечные общественные трансформации близки. Первый отметил появившиеся огромные возможности, признав их величайшим благом, второй указал на открывшиеся социальные условия для спасения.

¹⁰ Электронное письмо В. А. Бачинина Б. З. Докторову от 12 февраля 2011 г.

Называя четвертое поколение советских/российских социологов спасенными перестройкой, я и подразумевал, что вместе с ней для 30–35-летних социологов расширились горизонты возможного. Пришло то, на что они не могли надеяться в период застоя с его устоявшейся предметностью поисков, идеологической заданностью анализа социальных процессов, сложностью публикации результатов, оторванностью от многих тенденций, развившихся в западной социологии. Такое представление основано на анализе проведенных интервью. Его не было исходно, поэтому я напрямую не спрашивал моих респондентов о том, что им, как профессионалам, принесла перестройка. Однако в начале февраля 2011 г. я разослал всем им письма с просьбой прокомментировать мое решение назвать их поколение «спасенные перестройкой»; откликнулись на мою просьбу одиннадцать человек. Некоторые из ответов рассматриваются в процессе анализа траекторий жизни конкретных социологов, но основной массив текстов — как анонимных и отражающих позиции представителей четвертой когорты социологов — приведен ниже. Ответы были достаточно развернутыми, аргументированными, я цитирую лишь фрагменты из них.

- ...Согласен — поколение «спасенных перестройкой». Раздвинулась структура возможностей, и те, кто получили и сохранили профессию, реализовали себя, — думаю, что так.
- ...Я подумал и пришел к выводу, что это определение точно отражает реальность, по крайней мере по отношению ко мне и многим моим сверстникам. Годится! Во-первых, состоялась сама профессия... Во-вторых, именно мы как раз и оказались к тому времени уже вошедшими в социологию, но еще только пять минут как. Т. е. мы только стартовали, и новые возможности оказались прямо перед нами. И, в-третьих, рядом были еще нестарые зубры науки, которые и сами взяли новый старт, и нам джое помогли своим опытом, знаниями и мастерством. Вот так все сошлось в одно время в одной стране, и именно наше поколение получило историческую возможность (не каждому поколению такое дается) делать социологию по мировым стандартам, учась у наших великих учителей.
- ...Лично про себя я не думала, что меня «спасла перестройка». Но точно она круто поменяла и мою, и моих коллег жизнь в профессии. Стало свободно идеологически, стало больше самых разных возможностей для работы в социологии. Думаю, что перестройка повлияла на изменение моей траектории в профессии... Что касается меня лично, моих личных обстоятельств, то трудно сейчас сказать, что было бы со мной, если бы не было перестройки. Во всяком случае, еще задолго до нее, в конце 70-х, я решила работать в социологии и уходить из нее не собиралась. Выбор для человека с дипломом «философа» был очень ограниченным на то время, если он не хотел быть «аппаратчиком». Для преподавания философии надо было быть членом партии. А социология представлялась мне и до перестройки вполне достойным местом, где можно было, не будучи начальником, избегать общения

с парторганами и давления с их стороны. Для «философов» социология была не самым плохим прибежищем в этом отношении.

- Если брать меня как типичного представителя поколения, то точнее названия не придумать: мы — «спасенные перестройкой». Если бы не перестройка, если бы все шло, как шло, то я имел очень мало шансов стать социологом.
- ...На мою профессиональную жизнь постперестроечные реалии оказали очевидное влияние. В советские времена невозможно было бы и подумать об издании журнала отдельным энтузиастом, не включенным ни в какую официальную структуру.
- Отлично! Именно спасенные... Но не только перестройкой, но и всеми возможностями после 1992 года... Потому что в перестройку всем было здорово, а потом как раз точки бифуркации — для кого разочарование, а для кого новые возможности. Спасенные мне нравится... но, знаешь, еще бы важно подчеркнуть в названии не пассивный залог — структурные изменения спасли, но и собственные усилия, субъектность.
- Очень удачное название (яркое, запоминающееся и по сути). В значительной мере можно сказать, что я — «спасенный перестройкой».

Итак, некоторые из респондентов сразу «примерили» и приложили это определение к себе, другие не считают себя «спасенными», но всех объединяет общее согласие с тем, что перестройка открыла перед представителями этого поколения много возможностей. При этом «спасение» стало не просто продолжением внешних обстоятельств, но и результатом собственных усилий.

Лишь один из опрошенных не увидел в перестроечных преобразованиях позитивного влияния на свою профессиональную жизнь: «Нет, я себя к поколению, спасенному перестройкой, не отношу. Все, что я получила в плане профессиональном и научном, я получила в советскую эпоху: встречи с ведущими учеными, школы молодых ученых, конференции в пространстве всего Союза».

Приведу фрагменты еще одного рассуждения относительно «спасающей функции» перестройки. В нем, с одной стороны, признается освежающее значение происходивших перемен, с другой — отмечается их временный, ограниченный характер.

Мне кажется, что «спасенные перестройкой» — чрезмерно оптимистичная оценка. Конечно, перестройка и первые постперестроечные годы для всех и во многих отношениях были одушиной. Но если события той поры и были «спасением», то, на мой взгляд, лишь временным и частичным. День сегодняшний вынуждает именно к такой констатации. Дышать становится все труднее, причем с каждым годом. Разрушается образование, вузы, распадаются научные школы, которые с таким трудом создавались, в том числе и в первое постперестроечное десятилетие. Судьба вузовской социологии находится в состоянии сильной неопределенно-

сти. Академических свобод больше нет. Везде, в том числе и в профессиональной сфере, одни преграды. Забюрократизированность везде и во всем достигла сегодня невиданных, просто сумасшедших масштабов, намного больших, чем даже в 1970–1980-е гг. Иногда мне кажется, что Оруэлл списывал свою антиутопию именно с нашего времени. С ужасом (про себя) замечаю, что живем мы сегодня не в 2011-м, а вновь в 1984-м. Так что тогдашнее спасение в лучшем случае оказалось лишь временным...

Элементы нового пространства деятельности

Настоящий раздел является продолжением анализа деятельности представителей четвертого поколения российской постхрущёвской социологии. Как и выше, здесь обсуждаются материалы проведенных интервью. Однако в данном случае представляется более оправданным движение не по столбцам матрицы биографий (по вертикали) (см. гл. 4), а по ее строкам (по горизонтали), т. е. фокус анализа направлен не на субъекта деятельности, а на тематику и другие особенности исследовательской активности ученого. Другими словами, поставлена задача показать то новое в работе данной когорты, что возникло в постперестроенном социоидеологическом пространстве и отразилось в обновленной российской социологии.

Пожалуй, первое, что обнаруживается в анализируемых интервью, — это новая тематика-проблематика, изучаемая представителями четвертого поколения. Безусловно, работая над кандидатскими и докторскими диссертациями, эти исследователи опирались на поддержку старших по возрасту и более опытных социологов, тем не менее очевидно, что именно они первыми осваивали многие ниши предметного пространства современной российской социологии. Так, Батыгин во второй половине 1990-х гг. оказался пионером исторического анализа современной советской/российской социологии. Нельзя сказать, что за истекшие два десятилетия изучение постхрущёвского этапа российской социологии превратилось в развитую исследовательскую область, однако в разработке соответствующей проблематики сделано немало (см. гл. 1 и 3) и значение сделанного, например Батыгиным, признается всеми. А Бачинин стал первым и одним из совсем немногих современных отечественных религиозных социологов.

В силу многих обстоятельств можно предположить, что уже в ближайшие годы в России активизируются разработки в области религиозной социологии — и не только применительно к христианству. Приведу мнение Юлии Михайловны Беспаловой, также представляющей четвертое поколение, относительно развития православной социологии.

Религиозная социология предполагает исследование социальной реальности с религиозных позиций, при условии использования строго

научных социологических методов познания. Вместе с тем современная социологическая наука не имеет необходимого набора познавательных средств для изучения иррациональной компоненты религиозной жизни. Однако, на мой взгляд, появление религиозной социологии — это, прежде всего, напоминание о полипарадигмальности современной науки. Это и попытка научного исследования с учетом религиозного опыта, религиозной (в том числе православной) точки зрения. На первый план выступает духовное бытие общества, сфера отношения человека к Богу (общение человека с Богом, жизнь в Боге). Я думаю, что религиозная социология расширит возможности социологии, введет в нее большое количество неизученной или неучитываемой ранее информации, заключающейся в изучении связей человека и Бога (**И:** Беспалова 2011: 11).

Биографический сюжет № 5. Ю. М. Беспалова

Беспалова критически относится к утверждению о том, что перестройка расширила исследовательские возможности социологов, однако динамика направленности ее собственных исследований четко указывает на следующее обстоятельство: представители рассматриваемого поколения социологов «естественно» для них, для их понимания окружающей их реальности обратились к тем темам, которые их старшие коллеги не могли разрабатывать. Даже если бы у них и возникло подобное желание.

В социологии, по ее словам, она оказалась «и случайно, и неслучайно». В 1975 году, после окончания с отличием филологического факультета Тюменского государственного университета, она почти сразу была приглашена на недавно созданную кафедру этики и эстетики, которой уже многие годы руководил философ и социолог В. И. Бакштановский. Вскоре она стала преподавателем и соискателем при очень сильной кафедре этики ЛГУ, где в 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию по философии «Морально-деловые качества руководителя социалистического коллектива: характеристика, пути формирования». Диссертация основывалась и развивала ряд концепций, предложенных Бакштановским, содержала определенную новизну, но — и это хорошо видно из ее названия — явно фокусировалась на анализе классических для того времени субстанций: «морально-деловые качества», «социалистический коллектив», «пути формирования». На это же указывает и методология исследования: коллектив традиционно рассматривался в советской социологии скорее как объект воздействия, нежели как активный субъект.

Через 15 лет на том же Совете ею была защищена докторская диссертация «Ценностные ориентации западносибирского предпринимательства второй половины XIX—начала XX вв.: становление и развитие». В определенной мере эта работа продолжала ее кандидатское исследование, но очевидно и то, что в доперестроечное время предприниматели, купцы, промышленники не могли быть объектом социологического исследования, а их ценностные ориентации — предметом поиска. Тематика докторских исследований жестко контролировалась руководством институтов, кафедр, партийными органами, и образ российского предпринимателя

как «стяжателя», «кровопийцы» был закреплён в школьных учебниках, и если кто-либо знал, что среди его предков были предприниматели, то не заявлял об этом. Лишь изменение отношения к российской истории и возникновение нового российского предпринимательства актуализировало избранную Беспаловой исследовательскую тему и сформировало общую цель работы — реконструировать экономическую и духовную жизнь российского общества и установить наличие преемственности в ценностных ориентациях прошлых и современных предпринимателей. Мало освоенным в то время в российской социологии был и биографический метод, с помощью которого ею реконструировались экономические, социально-политические, правовые, нравственные, эстетические и другие ценности в деятельности ведущих предпринимателей Западной Сибири.

Интересным и невозможным для социологов первых трех поколений является и путь в социологию Владимира Ивановича Ильина, и развитие направленности его исследований. Прежде всего, имеются в виду защита кандидатской диссертации по социологии «под зонтиком» научного коммунизма, активное сотрудничество с западными коллегами, издание независимого альманаха (см. ниже).

Биографический сюжет № 6. В. И. Ильин

Обучаясь на историческом факультете ЛГУ, Ильин уже в первой половине 1970-х гг. почувствовал необходимость более глубокого, теоретического понимания общества. Он пытался получить ответы на свои вопросы на философском факультете, расположенном в том же здании, но марксистско-ленинская философия поднимала его на такие высоты, «с которых земной мир становился неузнаваемым», а слова «социология» он не находил, встречались лишь «разнообразные варианты теологии», называвшейся «научный коммунизм». Поиски привели его в отделы специального хранения Публичной и университетской библиотеки. Так «железный занавес» для него рухнул задолго до перестройки. Особых проблем с допуском к «антисоветской» литературе не было, необходимо было лишь придумать подходящую тему и написать заявление, заверив его у научного руководителя и в деканате. В итоге Ильин подготовил дипломную работу «Структура леворадикального сознания студенческого движения США в 1968–1970 гг.». На защите ему сказали, что его исследование имеет сомнительное отношение к истории, однако он расценил эти слова как комплимент.

Окончив в 1975 г. университет с красным дипломом, Ильин узнал от коллеги по котельной, где он подрабатывал кочегаром, что заведующий кафедрой истории КПСС в Сыктывкарском университете ищет преподавателей с перспективой аспирантуры в Ленинграде. Так он отправился на Север, думал поработать там пару лет, но, как и многие, задержался надолго — до 2001 г.

В Сыктывкаре было две возможности: преподавать зарубежную историю или историю КПСС. Первый вариант ему не показался серьезным — изучать Запад приходилось исключительно по советским публикациям, иных там не было. Он остановился на втором варианте: ему представилось, что это откроет для него партархивы и даст ключи к пониманию советской системы. Он вступил в КПСС, что упростило путь в аспирантуру, правда, на кафедру истории партии. Поработав в архивах, он понял: вся партийная тайна состоит в ее отсутствии.

В аспирантуре истфака ЛГУ (1977–1980) научный руководитель Ильина на все попытки найти серьезную нишу отвечал: «Сначала защити диссертацию, а потом уже занимайся наукой» (И: Ильин 2010: 144). Ильин провел более двух лет в спецхранах, изучая англо-американскую литературу по истории и теории советского общества. И однажды нашел книгу Дж. Хафа о механизме функционирования партийных органов на уровне регионов и предприятий (Hough 1969). Так родилась тема кандидатской диссертации, ее методология и методика. Созрело решение проверить схему Хафа в эмпирическом исследовании архивных материалов первичных партийных организаций Коми АССР и понять, в чем состоит менеджерский смысл существования партийных организаций на предприятиях. Тема оказалась для него интересной, но результаты надо было переводить на язык истории партии. На кафедре истории партии ЛГУ работа получила название «Деятельность КПСС по вовлечению трудящихся в управление производством» (Там же: 145).

После защиты диссертации в 1980 г. Ильин вернулся в Сыктывкар на кафедру истории КПСС; для занятий наукой ситуация становилась тупиковой. За пять лет он вымучил пару статей: писать «как надо» не мог, как мог — было нельзя. Но тут заведующий кафедрой философии и научного коммунизма отправил его в Институт повышения квалификации при ЛГУ. Когда он вернулся, перестройка уже становилась политическим процессом. В своем интервью Ильин отмечал: «И большая политика повернула мою биографию: в 1987 г. появилась возможность на историческом факультете Сыктывкарского университета заменить курсы истмата и научного коммунизма “марксистско-ленинской социологией”» (Там же).

В 1990 году Ильин попал на полугодовые Высшие социологические курсы Советской социологической ассоциации, на которых выступали Ю. Н. Давыдов, В. А. Ядов, О. И. Шкаратан, Б. Г. Грушин, А. Б. Гофман, преподавали заметные фигуры западной социологии: З. Бауман, М. Кастельс, Э. Гидденс, С. Кларк и другие. Здесь Ильин получил свое формальное социологическое образование и после курсов рискнул называть себя социологом.

Рассказанное Ильиным объясняет, почему он относит себя к спасенным перестройкой: он оказался готовым к начавшимся в стране переменам, был настроен на освоение западного теоретического и эмпирического опыта. Проблематика, которую он разрабатывал, оказалась

интересной и для зарубежных специалистов, а его подготовка, в том числе языковая, позволила ему достаточно быстро и эффективно включиться в международное сообщество ученых. Мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что все это было им сделано, когда он преподавал в провинциальном Сыктывкарском университете. В Петербург он переехал только после защиты докторской диссертации.

При всей уникальности профессиональной траектории Ильина в развитии постперестроечной деятельности других представителей его поколения обнаруживается описанная им коллизия: участие в международных проектах и как следствие — выход на изучение той проблематики, которая мало и совсем с иных методологических позиций исследовалась в СССР, и обращение к тем методам, которые слабо и редко использовались советскими социологами ранее.

Трудно сказать, когда Е. А. Здравомыслова узнала о существовании социологии, ведь один из первых советских социологов, А. Г. Здравомыслов, был рядом, дома. Она шла к профессии собственной дорогой, но в ее отношении к науке, в ее понимании роли социологии проявляются ценности, присущие представителям первого поколения.

Биографический сюжет № 7. Е. А. Здравомыслова

Здравомыслова училась на философском факультете ЛГУ в 1970–1975 гг. Об эмпирической социологии у нее были смутные представления. Она с удовольствием писала диплом по социологии знания, изучала М. Шелера, К. Мангейма, Р. Мертона. По ее воспоминаниям, ко времени защиты диплома она находилась в каком-то ламинальном жизненном и социальном пространстве. Полностью разочаровавшись в советской публичности, жила в контркультуре. Решила: отслужив аспирантуру, найти работу «непыльную», карьеру не делать никогда — это позор, подразумевающий массу компромиссов нравственного порядка в смысле вступления в КПСС; получить возможность иметь больше свободного времени для своих интересов. В 1978 году, завершив аспирантуру без диссертации, она начала работать в Институте социально-экономических проблем АН СССР в секторе социально-экономических проблем труда. Ее описание атмосферы тех лет в ИСЭП можно найти в начале этой главы, в сюжете № 2; приводимое ниже дополняет, конкретизирует ее рассказ.

По надуманному делу В. М. Воронкова (см. гл. 11) ее пригласил к себе директор института И. И. Сигов и сообщил, что грядет переаттестация, и это означало, что ее уволят: по ее идеологическим воззрениям она не имеет права работать на передовом фронте советской общественной науки. Ей предложили срочно искать себе работу, иначе уволят с «вольным билетом», и тогда ей останется только идти в охранники или уборщицы. Отец помог ей получить работу в Ленинградской высшей профсоюзной школе (ВПШК), где, вспоминает Здравомыслова, отсиживались

слабо репрессированные и не вполне благонадежные. Над ней существовал негласный контроль, о чем она не сразу узнала; легкомыслие спасало ее от худшего, социология была где-то далеко. Работать в ВПШК было скучно, она закончила курсы экскурсоводов и стала зарабатывать, показывая туристам достопримечательности города. Социология для нее не существовала ни как поприще, ни как интерес.

Во второй половине 1980-х гг. Здравомыслова стала активно заниматься социологией общественных движений. Через некоторое время она вернулась в ИСЭП в сектор В. Б. Голофаства и начала работать в группе изучения общественных движений. То была уже иная академическая среда, и возникла новая мотивация. «Вот теперь, — пишет Здравомыслова, — действительно, профессиональный выбор состоялся... (Не поздновато ли? Мне было уже тридцать три!) Перестройка — время энтузиазма и надежд — дала толчок развитию российской социологии, новому отношению к этой дисциплине и осознанию ее очевидной демократической востребованности» (И: Здравомыслова 2009: 12).

Изучение общественных движений подвело ее к гендерным исследованиям — новому для того времени направлению российской социологии. Счастливое стечение обстоятельств вкупе с демократическими переменами открыли для нее эту проблематику и познакомили с людьми, разрабатывавшими ее за пределами страны. В 1990–1991 годах в течение трех месяцев она стажировалась в США по программе IREX в качестве приезжего исследователя — *visiting scholar*: первые два месяца — в Беркли, последний месяц — в Новой школе социальных исследований (New School for Social Research) в Нью-Йорке у Чарльза Тили (Charles Tilly).

Уже многие годы Здравомыслова занимается гендерными проблемами, которые она рассматривает в совокупности с феминистской теорией, социальным конструированием власти и неравенством в отношениях между группами, определяемыми по категориям пола. Она называет несколько причин для таких занятий. Во-первых, академическое любопытство. Во-вторых, западные исследовательницы-феминистки представлялись ей загадочными и непонятными, *другими* женщинами. Одновременно они поражаются российским гендерным нравам, сочетанию формального равенства, женской эмансипации, семейного лидерства женщин с сексизмом, отсутствием домашней ответственности мужчин и символическим патриархатом. Все это вместе заставило ее начать сомневаться в этих вечных культурно заданных представлениях о том, что такое настоящая женственность и настоящая мужественность. В 1997 году она защитила кандидатскую диссертацию по методологии изучения общественных движений.

Рассказанное Ильиным и Здравомысловой об их до- и постперестроечной профессиональной жизни в целом узнаваемо и в воспоминаниях Виктории Владимировны Семеновой. В 1970-х гг., вскоре после окончания журфака МГУ, она стала работать в Научно-исследователь-

ском отделе Высшей школы продвижения ВЦСПС секретарем-референтом, а затем перешла в исследовательский отдел. В 1975 году она поступила в аспирантуру Института конкретных социальных исследований. Ее тема касалась измерения моральности личности и была ближе к социальной психологии и проблемам становящейся личности, нежели к социологии. В 1981 году кандидатская была защищена, и Семенова осталась работать в этом институте. Лишь с этого времени она стала считать себя социологом — все предыдущее было подготовкой.

Биографический сюжет № 8. В. В. Семенова

Вспоминая первую половину 80-х гг., Семенова пишет:

«Я бы те годы назвала “годы без лица”. Для младшего научного сотрудника жизнь была встроена в узкие рамки системной иерархии и бесперспективна на долгие годы. Иерархические отношения были сконструированы достаточно жестко, и все мы, молодые сотрудники, были как пешки, которых переставляли из одного подразделения в другое, исходя из соотношения сил в руководстве института, без внимания к собственным научным интересам и потребностям. Мы были как солдаты невидимых армий, пополняли ряды одних или ослабляли ряды других.

Профессиональная жизнь сводилась к участию в сериях серых сборников, которые теперь бесславно пылятся на моих полках одним безликим блоком. Хотя были и конференции, и поездки на исследования, но сейчас, по прошествии времени, это представляется именно так: мы были винтиками в иерархических отношениях мэтров разного ранга. Это было вплоть до исторического для Института времени, когда директором стал В. А. Ядов» (И: Семенова 2010: 11).

Самым ярким событием того времени она считает свою работу в лонгитюдном Всесоюзном проекте М. Х. Титмы «Пути поколения», или, более точно, «Включение молодежи в рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию» (1982–1996 гг.). Задумывалось долговременное отслеживание социальной и поселенческой мобильности одной когорты с момента окончания среднего образования на базе 8-летней школы в 1982/83 и 1983/84 гг. и до их 30-летия. Проект базировался на методологии образцовых западных лонгитюдов, предполагалось доказать существование различий в жизненных путях молодых людей в отдельных регионах (особенно в Прибалтике) в противовес действовавшей тогда формуле о формировании «единой общности советских людей».

Начало перестройки запомнилось Семеновой несколькими крупными событиями, фактически, как она отмечает, положившими начало ее профессиональной самостоятельности.

В 1983–1984 годах она решила вступить в КПСС (до этого она уклонялась от призывов вступать в партию, поскольку для людей ее поколения это четко означало «делание карьеры», а в ее планы это не входило).

Но в начале перестройки она написала заявление о приеме в партию, запомнила, что там были слова: «Хочу быть в рядах тех, кто участвует в перестройке». Однако вскоре пошла волна громких разоблачений деятельности партии и массовый выход из ее рядов. В институте она оказалась одной из первых.

В 1987 году Семенова впервые выехала за границу, в Париж, на конференцию. Иностранцам надоело видеть на международных мероприятиях, посвященных молодежной проблематике, маститых советских ученых преклонного возраста, и они попросили пригласить кого-нибудь из молодых. Эта поездка сломала многие из ее тогдашних стереотипов, открыла перед ней «другую реальность». Новый для нее образ жизни «нормального» общества, встречи с коллегами, которые, как выяснилось, многое знали об СССР и были весьма толерантны к выступлениям молодых неопытных исследователей, новое профессиональное окружение стали для нее настоящим открытием. Другими словами, она приобрела во всех отношениях новый социальный опыт. Прочитав ее слова: «Для меня это была действительно “поворотная точка” биографии, которая стала определяющей для всей последующей траектории».

В 1990 году по рекомендации В. А. Ядова, знавшего о когортном лонгитуде, к Семеновой и ее коллегам обратился французский исследователь Даниэль Берто. Он приехал в Москву для проведения проекта «Социальная мобильность в России в трех поколениях». Берто, считающийся основателем метода «истории жизни», и его сотрудники стали проводниками российских ученых в область методологии и техники биографического метода. В отличие от традиционного взгляда на жизненные пути как типизированные потоки социальной мобильности, французские социологи на рубеже 60–70-х гг. стали заниматься проблематикой жизненных стратегий людей. Человек рассматривался ими как субъект своей биографии, который осуществляет различные жизненные выборы и выстраивает свою биографическую стратегию в условиях определенных социальных нормативов, а иногда и изменяющий их. Такой взгляд на социальное со стороны индивидуального оказался противоположным советскому (позитивистскому) социологическому представлению об обществе как об «обществе порядка». В 1992 году произошло еще одно судьбоносное событие в жизни Семеновой. По конкурсу она получила грант на пребывание в Кембридже в качестве Fellowship (приглашенного исследователя) в колледже St. John's в течение семестра. Статус «Fellowship» означает приглашение исследователя на правах «члена колледжа» (как члена избранного клуба — это членство остается на всю жизнь) для самостоятельных занятий по его собственной проблематике. Пребывание там она считает своим вторым рождением, а сам колледж своей второй родиной.

Итоги нового теоретического и практического опыта были обобщены Семеновой в книге по качественным методам (Семенова 1998). Вышедшая в 1998 г., она стала первым русскоязычным учебником по этому направлению методологии. Через два года, при поддержке Ядова,

Семенова завершила работу над докторской диссертацией по этой теме. Все шло хорошо до момента защиты, а там началась «рубка». Однако окончилось благополучно благодаря охладившему воинственный пыл оппонентов выступлению О. В. Крыштановской. Она призвала их не быть консерваторами, обратить внимание на новизну подхода автора, на новые горизонты, которые могут открыться с приходом этой методологии, независимо от того, нравится она нам или нет. В результате только четверо членов Совета проголосовало «против».

В начале анализа материалов беседы с Аллой Евгеньевной Чириковой мне было сложно понять, какого типа, знака перемены внесла перестройка в ее профессиональную жизнь. Но многое прояснилось после получения ее ответа на вопрос, оправданно ли обозначать ее поколение социологов как «спасенные перестройкой»: «Безусловно, перестройка позитивно повлияла на меня и на мою работу. Мы перестали быть зажатými догмами и правилами. Был дан сигнал к свободе, в том числе профессиональной».

Биографический сюжет № 9. А. Е. Чирикова

Успешно закончив психологический факультет МГУ, Чирикова продолжила обучение в аспирантуре и защитила кандидатскую диссертацию в 1978 г. Затем в течение ряда лет она работала как социальный психолог в команде игротехников Института экономических проблем комплексного развития народного хозяйства г. Москвы (ИЭП г. Москвы). В годы ее учебы социологию не преподавали будущим психологам. Первое знакомство Чириковой с этой наукой состоялось в 1985 г., когда она со своим коллегой подготовила статью о профессиональных ориентациях молодежи. Они отправили текст в журнал «Социологические исследования», и через некоторое время их пригласил к себе Батыгин, который тогда был заместителем главного редактора. Ему статья понравилась. Чирикова не знала, кто такой Батыгин, однако он показался ей умным и понимающим человеком. А. Г. Харчев пытался притормозить выход работы, но Батыгин настоял на ее публикации. Так она познакомилась с первым социологом.

В 1987 году весь коллектив игротехников перешел в Институт социологии, но работали они достаточно обособленно. Решение Чириковой постепенно входить в социологию было в определенной степени обусловлено случайной беседой с Ядовым в конце 80-х гг., когда он, недавно став директором института, зашел к ним в комнату. Чирикова так описывает состоявшуюся беседу:

«До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вел себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные мне вопросы, наблюдая за его реакциями. В конце разговора мой диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий

и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену и умеющий настоять на своем. Рациональность и эмоциональность в нем являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Сегодня, не исключено, я бы уточнила свою оценку, но в принципиальном видении психологической структуры Ядова я тогда была права — это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против работать рядом с таким талантливым человеком, который к тому же не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать то, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба» (И: Чирикова 2010).

А сложилась она достаточно успешно. В 1991 году их коллектив фактически распался: все уехали за границу или ушли работать в бизнес; она одна осталась в Институте социологии. Ей предлагали стать психологом-консультантом, однако это не отвечало ее представлениям о работе. Приняв такое предложение, она могла обеспечить себе и ее пятилетнему сыну безбедное существование, но рискнула заняться наукой и жить на зарплату научного сотрудника.

В 1994 году Чирикова начала серию исследований, касающихся лидеров российского предпринимательства, с использованием метода глубинного интервью. Метод ей был хорошо знаком, так как она многократно делала предигровую диагностику для команды, которая строилась на оценке ситуации ключевыми фигурами предприятия или компании. Самое трудное в диагностике заключалось не в сборе мнений, а в их последующей «аналитической сборке», результаты которой крайне важны для проведения игры.

Элитистская концепция долго не приживалась в России, в советском общественном сознании она подвергалась беспощадной критике, некоторые авторы рассматривали ее как предшественницу расистских, фашистских идеологий. Несмотря на столь серьезное обвинение, понятие элиты не только не исчезло из употребления, но оказалось весьма востребованным в политологии, социологии, психологии. Разработка категории элиты в российских исследованиях стартовала в начале 1990-х гг. (если не считать работ Г. Ашина, опубликованных значительно раньше) и получила наиболее выраженное развитие в середине 1990-х, когда стало очевидным, что проблема формирования новой постсоветской политической элиты приобрела общесоциологический статус.

В 2003 году Чирикова успешно защитила докторскую диссертацию «Политическая элита в российских регионах: власть и политические институты». Согласно ее исследованиям, политическое устройство власти в регионах описывается моделью корпоративно-бюрократической полиархии. На это указывают многие процессы, происходящие

в представительных органах власти: вымывание социальной страты депутатов, нарастание доли крупного бизнеса в законодательных собраниях. Одновременно усиливается иерархизация отношений власти и бизнеса, т. е. корпоративно-бюрократическая полиархия в регионах приобретает все более явные очертания. Несмотря на запрет со стороны федерального центра на политическое доминирование, сохраняется стремление губернаторов контролировать политическое пространство в регионах. Однако модель явного доминирования неформальных практик в управлении региональными процессами сменяется моделью «двойного действия», при которой формальные и неформальные практики сосуществуют одновременно и дополняют друг друга. Непрозрачность и динамичность неформальных правил, действующих внутри региональных администраций, оказались мощным стабилизатором ее внутренних процессов, стали достойной защитой при попытках ее административного передела, в том числе фигурами, пришедшими во власть «на новой волне».

Заканчивая в 1982 г. философский факультет МГУ, Михаил Аскольдович Тарусин писал диплом на тему «Сравнительный анализ социально-психологического климата трудовых коллективов» — в это время он уже работал младшим инженером во ВНИСИ и занялся сравнением коллективов опытного производства института. По его воспоминаниям, в работе не было ни одного упоминания о Ленине и Марксе, ибо они ничего не написали о социально-психологическом климате. Диплом не хотели принимать к защите, но свои «четыре» он получил.

Биографический сюжет № 10. М. А. Тарусин

Прожить в те годы в Москве на 150 рублей в месяц было крайне трудно, и Тарусин работал в бригаде, занимавшейся укреплением дверей в квартирах. Звонили в дверь и говорили: «Здрасьте, сегодня в вашем доме проводится работа по укреплению дверных коробок, замков и так далее». Это была индивидуально-трудова деятельность. Тарусин был «съемщиком», он должен был позвонить в дверь и уболтать растерянного хозяина квартиры. Стоила «укрепка» двери 30 рублей. В среднем он получал примерно 600–700, а иногда и 800 рублей в месяц. Вместе с зарплатой у него выходило больше, чем у министра союзного значения. Причем каждую неделю работать надо было только два раза вечером в будние дни и один полный выходной.

Через три года заводская социология Тарусину надоела, он понял, что в ней делать нечего, захотелось чего-нибудь более интересного. Он сменил несколько мест работы: всюду встречалась культурная публика, много умных разговоров, но своего дела он найти не мог.

В 1985 году у Тарусина, как и у очень многих, создалось впечатление, что что-то такое должно случиться — чувствовалось дуновение новой эпохи. Хотелось изучать общество в целом. Какие мы есть и какими будем в XXI веке? В диссертации он не видел смысла. Когда Е. С. Петренко,

с которой он работал в одном из исследовательских институтов, позвала его во ВЦИОМ, он ни секунды не колебался. Он думал: «Вот оно, впервые в истории Совдепии — масштабные, всесоюзные опросы общественного мнения! Чувство было такое: ну теперь-то мы все и выясним! И миру все объясним. А главное — сами себе. Вопросов-то к тому времени накопилось много. Направление моих мыслей было такое: я хотел понять общество. Его движения, структуру, устремления, короче — жизнь народа, в котором я родился и живу» (И: Тарусин 2007: 72).

В 1989 году Тарусин начал работать во ВЦИОМе. Вот как он описывает то время:

«...Наступила самая, пожалуй, счастливая пора в моей трудовой деятельности. Все было совершенно необычно. Такого со мной не было никогда. Сидят люди, у которых внутри что-то горит, внутри происходит что-то очень радостное, как в фильме «Я шагаю по Москве». Там все были счастливы — и наш коллектив, в котором все счастливы. Я понимаю, почему. Столько лет все гнобилось, все было под спудом. И эти люди, эти профессионалы, пришедшие сюда, копили силы, думая, что эти силы никогда не пригодятся, так и придется уходить в могилу. И вдруг они оказались востребованы. Они, как Илья Муромец, который 33 года на печке лежал, а потом встал, — и с легкостью все можно сделать — и дерево выдрать, и камень отвалить откуда хочешь» (Там же: 71).

Я в те годы тоже работал во ВЦИОМе и испытывал ощущения, подобные описанным Тарусиным. Приведу его беглые и выразительные портреты двух руководителей Центра.

«А какие вокруг были персонажи! Сидел Ю. А. Левада, сидел, как Кутузов, немножечко развалясь, не хватало повязки еще на глаз. Он, кстати, иногда засыпал на совещаниях — его никто не будил, потому что каким-то своим третьим ухом он все нужное слышал. А Б. А. Грушин у меня ассоциировался с Суворовым: невысокий, быстрый, вечно в движении; если вдруг раздавался страшный гром, мы знали — это Грушину что-то не понравилось и он выражал свое недовольство. Это — титаны, атланты, это снежные вершины отечественной социологии» (Там же: 72).

Вскоре Тарусина назначили руководителем отдела по сбору данных. То была каторжная работа: модемов еще не было, ксероксов — мало, телефон работал плохо. Поэтому чрезвычайно важно сохранить для истории его описание того, как посылались анкеты в регионы и как они оттуда извлекались.

«То были благословенные времена, когда самой скорой и дешевой почтой были поезда дальнего следования и почтальоны — проводницы вагонов. Посылались курьеры, увешанные посылками, на вокзалы к поездам — и ранним утром, и поздней ночью. Крайне важно было, чтобы они тут же отзвонились с вокзала (без мобильных жили) и прокричать в трубку номер поезда и вагона, да когда будет на месте, да как зовут проводницу. И тут же сотрудница отдела организации садилась на телефон, часами дозванивалась в разные города и республики и сама уже выкрикивала в трубку заветное. Связь телефонная по межгороду в те годы напо-

минала кадры военного фильма: комбат ревет в полевую трубку что-то насчет снарядов, причем немец через поле его слышит, а на том конце провода — нет. Некоторые поезда шли всего ночь (скажем, в Ленинград), поэтому оперативность была необходима.

Периодически посылки терялись, но когда в ту сторону — еще полбеды, а вот когда обратно, уже с бесценным, желанным, ожидаемым общественным мнением в каждой анкете, — вот тогда беда. Чаше опаздывал курьер к поезду. Поезд отгоняли на запасные пути, и провинившийся лез в вокзальные “зады”, разыскивая пропавший поезд, а потом еще и искомый вагон — поезда имели вредную привычку менять номера вагонов на пересцепке. Тогда шли в ход особые приметы: толстая такая проводница, нос красный такой, Клава, в розовых гольфах. А Клава заперла вагон и пошла в город за колбасой (сама она из Ижевска, а там колбасы уже пять лет нема). И сидит на бревнышке курьер, и ждет ее. И тащится она с пятью батонами “Любительской” и еще издали орет: “Вовремя приходит надо, вот жди теперь, пока с делами управлюсь!” Но главное — вот оно, общественное мнение — 150 анкет, бесценный груз. И отдел организации облегченно вздыхает в полном составе, а рядом так же вздыхает ответственный за проект социолог, которому, как только что выяснилось, без Удмуртии — смерть, и он уже почти готов был принять ее. И так... ну, не каждый день, но в неделю раз-другой — точно» (Там же: 73).

Потом Тарусин перешел работать в созданный Фонд «Общественное мнение», но ушел и оттуда. «...Что-то во мне надломилось, — писал он. — Я отправился на вольные хлеба, был страшным шакалом. Работал политтехнологом, черным пиарщиком, работал на выборах — на десяти кампаниях или даже больше — и нажрался этим делом по горло» (Там же: 75).

Был момент, когда он ничего не мог делать, ел два пакетика китайской лапши в день и курил «Приму» — на большее денег не было. Сократил до минимума общение со всеми и ушел в себя; он был в то время разведен. Как-то позвонил ему приятель и спрашивает: «Ты где сейчас работаешь?» Узнав, что нигде, предложил заняться предвыборной психологией — деньги платили немалые. Приехал Тарусин в один город, где раскручивались губернаторские выборы, но его предупредили, что никто его не должен видеть в лицо, он — «черный пиарщик».

Оказалось, надо распространять черные пиарные листовки. Для начала он нашел местных фашистов. Они были прекрасно организованы и обожали шпионские игры. Вскоре он от них отказался, их фюрер устраивал ему встречи в ресторане, выставляя охрану за две улицы, и все они были бритые, их всех сразу видно. Потом была группа спортсменов, человек пятнадцать. Они проносили листовки и газеты в городскую администрацию, во всех туалетах оставляли, во всех коридорах. Трамвай выходит из депо, толпа врывается в него — там уже на сиденьях разложены газетки. Во всех электричках, в троллейбусах. Тексты показывали конкурента их кандидата полностью аморальной личностью. Газеты печатались в соседней области и доставлялись «конспиративными партизанскими дорогами». Трейлер привозил на границу, а там все сгружали и дальше развозили по разным городам.

Был он в Ингушетии, на Северном Кавказе ваххабитов видел. Они в машине приезжали и оценивающе смотрели на него: добыча он или не добыча? А его охраняли четверо автоматчиков.

Это все было до 2001 г. Но настал момент, когда он понял: дальше этим нельзя заниматься. Потому что либо надо махнуть на себя и не думать о той подлости, которой занимаешься, либо уходить и отмыться, очень долго отмыться.

С 2004 года Тарусин начал работать в Институте общественного проектирования, занимающемся комплексными политическими, социологическими и экономическими исследованиями. В целом эта работа дает ему возможности для макроанализа текущей российской действительности и построения краткосрочных прогнозов.

Ильин, Чирикова и некоторые другие мои собеседники из четвертого поколения говорили о своих коллеггах, знакомых, друзьях, которые на рубеже 80–90-х гг. были вынуждены оставить науку и заняться чем-либо иным. Я процитировал эти выдержки из интервью с Тарусиным, для того чтобы показать, что ему пришлось испытать и как о многом подумать, прежде чем он решил вернуться к исследовательской, аналитической деятельности. В самом начале этой главы, в 1-м сюжете, приведены воспоминания Тарусина о студенческих друзьях-поручиках, и на мой вопрос о том, как сложилась их профессиональная жизнь, он ответил: «Сегодня, по прошествии почти 30 лет, не могу сказать, что жизнь нашей четверки сложилась счастливо. Только мне нечего Бога гневить, ко мне судьба милостива, а друзей моих ждали тяжкие испытания, которые для одного из них уже закончились, а остальных еще проверяют на прочность» (И: Тарусин 2007: 57).

Интересно обозначены новые горизонты, открывшиеся перед социологами четвертого поколения в перестроечные годы, Ларисой Алексеевной Козловой: «Перестройка оказалась для нас наиболее своевременной. Не исключено, что именно она некоторых из нас, открыв новые возможности, тем самым задержала в профессии. Мы были маргиналами, только следующее поколение получило профессию “социолог”» (И: Козлова 2011: 15).

Биографический сюжет № 11. Л. А. Козлова

В 1989 году Козлова защитила кандидатскую диссертацию по истории советской/российской социальной мысли в 1920–1930-х гг.: социология и истмат, социальная психология, коллективная рефлексология, педология, религиозно-философская социальная мысль. То был период радикальных изменений в социальных науках; ряд рассмотренных ею направлений были тогда на излете, другие только появлялись, но ни одно из них не находилось в состоянии «покоя». Козлова не ставила перед собой задачу «реабилитировать» или покритиковать кого-то из

персоналий — было желание спокойно и по возможности основательно описать то, как сразу после революции в идейном корпусе общественных наук или шире — общественной мысли, включавшей самые разные направления, менялось отношение к человеку как члену общества.

Об этих направлениях историки науки писали и раньше, никаких особых запретов в этой области науковедения в 1970-1980-е гг. уже не было, но в историческом анализе оставались стереотипы и клише, от которых и следовало освободиться.

В процессе разработки диссертационной темы Козлова много работала в архивах и ей удалось ввести в научный оборот много забытых первоисточников и имен. Но она сожалела, что не смогла в то время лично поговорить с очевидцами того периода прошлого, который она изучала, хотя еще были живы некоторые обществоведы — ровесники XX в.: М. Т. Иовчук, В. С. Кружков и др. При этом она справедливо заметила, что ее попытки поговорить с ними о былом вряд ли встретили бы с их стороны желание раскрыть перед ней душу: ведь то были 1980-е годы...

В начале 90-х, уже после защиты кандидатской диссертации, Козлова стала работать в группе Г. С. Батыгина; в его планах был большой проект по реконструкции социологии советского периода — с послереволюционного времени и до наших дней. Предполагалось отойти от принятых в советское время канонов историографии, выяснить неизвестные или забытые факты истории и персоналии, попробовать найти объяснения происходившему, свободные от принятых в советское время идеологем.

Это исследование было частью более широкого исторического проекта, который с конца 1980-х гг. осуществлялся в СССР и связывался с возможностью непредвзято, вне идеологических ограничений, изучить прошлое, пользуясь открывшимися архивами и свободой слова. Тогда выходило много исторических книг и статей, содержавших настоящие откровения о советском времени и его деятелях. Изучавшие российскую и советскую социологию в советское время, правдиво излагали факты, но лишь доступные, да и возможности интерпретации были весьма ограниченными. Следовательно, существовала принципиальная, фундаментальная недосказанность и неполнота истории. В какой-то момент историческое описание — даже самое прогрессивное — достигло своего предела и история как жизнеописание, как последовательность значимых фактов пришла в застой, стагнировалась. В рамках советской «парадигмы», пользуясь привычными стереотипами, фактически уже ничего нельзя было добавить к написанному ранее советскими историками социологии.

Команда Батыгина поставила перед собой задачу тщательно изучить фактологический аспект истории социологии, особенно ее «темные» периоды. Перестройка открыла для этого большие возможности, сулившие новые результаты, «расширение» истории социологии, ее реконструкцию. Несколько лет исследователи провели в архивах,

а в середине 1990-х гг. были взяты первые автобиографические интервью с социологами, на глазах и при участии которых прошел большой отрезок истории советской социологии.

Следующий сюжет посвящен Андрею Александровичу Давыдову. Очевидно, что в доперестроечное время «странное» по своей методологии и предметной особенности исследование этого ученого тоже не могло возникнуть в рамках Института социологии, а тем более быть доведенным до докторской диссертации и успешной ее защиты.

Биографический сюжет № 12. А. А. Давыдов

В 1989 году Давыдов, выпускник психологического факультета МГУ и сотрудник Института социологии, защитил кандидатскую диссертацию по традиционно для того времени звучавшей тематике — методолого-методические проблемы измерения ценностей в сфере труда. Но вскоре после этого, вспоминает он, его «схватила намертво» тема «золотого сечения» для анализа социальных систем, что-то в ней притягивало, просматривалась научная перспектива; в вычислительном плане все было просто, но в теме чувствовалась глубина. Он стал работать с учеными Института системного анализа РАН, в частности с Вадимом Николаевичем Садовским, классиком системного подхода в СССР.

«В Ленинке я регулярно просматривал научные и научно-популярные журналы по разным наукам, реферативные журналы, новинки книг. Однажды я прочитал научно-популярную книгу А. С. Сониной о симметрии и связанных с нею понятиях (Сонин 1987), и эта работа определила мою научную увлеченность золотым сечением на долгие годы. Золотое сечение — это одна из мер соразмерности частей в целой системе, где $a/b = 1.618...$, где a — размер большей части, b — размер меньшей части. Например, для целого (100 %), состоящего из двух частей, «золотое сечение» будет иметь место тогда, когда $a = 61.8\%$, $b = 38.2\%$. Золотое сечение, как один из общесистемных параметров гармоничного соотношения частей, имеет солидное теоретическое и эмпирическое обоснование в общей теории систем, теории природных и социальных систем» (И: Давыдов 2012: 4).

Давыдов продолжал активно работать по планам Института социологии, регулярно публиковался, но тема «золотого сечения» оставалась, как наваждение, от которого невозможно было избавиться. На мою просьбу уточнить, были ли какие-либо внутренние предпосылки к размышлениям на эту тему, было ли ощущение дискомфорта, поисков чего-то неосознаваемого, он ответил:

«Не могу рационально объяснить, почему меня захватила эта книга. Так же как и не могу рационально объяснить свой постоянный интерес к функционированию мозга и космологии. Возможно, социология изначально менее таинственна (как попроще), чем эти темы» (Там же).

Некоторые из коллег Давыдова, в частности математики, восприняли его поиски критично, другие — со скептической ухмылкой. Но были и те, кто пытался разобраться в его начинаниях. В целом большинство относилось к ним либо безразлично, поскольку были незнакомы с данной проблематикой, либо негативно. Никто не препятствовал занятиям «золотым сечением», воспринимая это как чудачество научного маргинала. Однако Давыдова активно поддержал В. А. Ядов. Сначала он был рецензентом его монографии (Давыдов 1994) по этой теме, опубликованной в 1994 г., а потом написал предисловие к ней. Он отметил, что ничего в построениях Давыдова не понимает, но допускает, что в них что-то есть. Вторым рецензентом этой работы был В. Н. Садовский, которого Давыдов считает своим научным учителем в области системного подхода. В 1996 году итоги работы по «золотому сечению» были оформлены в докторском исследовании и успешно защищены в Институте системного анализа.

Основная идея модульного анализа социума состоит в признании наличия механизмов, обеспечивающих связь между размерами и функциями частей в социальных системах. В приводимой ниже таблице (табл. 8) этот механизм проиллюстрирован для системы из двух частей, хотя созданные Давыдовым алгоритмы позволяют производить расчет пропорций между частями системы для любого числа элементов¹¹.

Таблица 8

Соответствие пропорций и функций в социальных системах

Пропорции двух элементов	Функция
$50 : 50 = 1$	Статичное равновесие
$51.5 : 48.5 = 1.062$	Динамическое равновесие
$55.3 : 44.7 = 1.237$	Развитие новых элементов
$61.8 : 38.2 = 1.618$	Развитие новых свойств
$69.1 : 30.9 = 2.236$	Развитие новых отношений
$76.4 : 23.6 = 3.237$	Баланс сохранения и развития
$83.3 : 16.7 = 4.998$	Сохранение сложившихся отношений
$89.4 : 10.6 = 8.434$	Сохранение сложившихся свойств
$94.4 : 5.6 = 16.857$	Сохранение сложившихся элементов
$99.7 : 0.3 = 297.2$	Динамический коллапс

Примечание. «Золотое сечение» — $61.8 : 38.2 = 1.618$ (ряд Фибоначчи).

Согласно теории Давыдова, данные пропорции выступают в качестве аттракторов (притягивающих режимов функционирования),

¹¹ Электронное письмо А. А. Давыдова Б. З. Докторову от 12 марта 2010 г.

своего рода указателей особенностей функционирования социальных систем. «Переход» от одной пропорции к другой осуществляется «скачком», причем наиболее вероятно — к соседней пропорции. Это подтверждают результаты обширных эмпирических исследований по различным показателям (экономика, демография, культура, политика, общественное мнение и т. д.) для разных стран на протяжении длительного периода времени.

Работы Давыдова трижды выдвигались на ежегодную премию РАН им. М. М. Ковалевского по социологии, но безуспешно. В первый раз выдвигал Н. И. Лапин, во второй раз — Институт системного анализа РАН, социологический факультет МГУ и Н. И. Лапин. В последний раз — Институт социологии РАН и Институт системного анализа РАН. Члены экспертной комиссии по премии ему откровенно говорили, что они его работу не понимают и потому не могут оценить полученных эмпирических результатов и разработанных компьютерных систем. В то же время журнал «Социологические исследования» и другие издания Института социологии РАН статьи о «золотом сечении» в социальных системах постоянно публиковали.

Теперь рассмотрим еще одно направление развития современной российской социологии, которое первыми разрабатывали представители четвертой профессиональной когорты. Речь идет об издании независимых профессиональных журналов, о чем, естественно, их старшие коллеги не могли даже мечтать в молодые годы. Сейчас в разных городах России издается целый ряд независимых социологических журналов, в том числе — онлайн-овых, и можно собрать богатый материал для освещения многих аспектов этой темы. Однако я ограничусь рассказом лишь о тех людях, которые так или иначе упоминаются в данной главе.

Биографический сюжет № 13. Г. С. Батыгин

Батыгин окупнулся в журнальную работу в 1979 г., когда его взяли на должность старшего научного сотрудника в редакцию журнала «Социологические исследования». В 1986 году умер первый и многолетний редактор журнала А. Г. Харчев, и Батыгин, не будучи «главным», определял лицо этого издания. Он хотел делать настоящий, сильный, свободный, интеллектуальный и популярный журнал, и в редакции все его поддерживали — то было настоящее журналистское братство. Команда молодых социологов и редакторов, собранная им, заняла резко либеральную (леворадикальную) позицию и стала издавать практически неподцензурный журнал. Цензура находилась в то время в тяжелом положении, но, по словам Батыгина, судьба научила его уважать цензоров, не считать их «душителями свободы слова». Они выполняли свою работу, и он сотрудничал с ними. Вместе они находили способы обхода цензурных запретов. Тираж «Социологических исследований» начал быстро

увеличиваться, что отчасти было обусловлено общим ростом тиражей толстых журналов. К тому моменту, когда его выбрали замом главного редактора (должность «главного» оставалась при этом свободной), тираж составлял около 20 тысяч. Фантастическая цифра для научного журнала.

Но пришел новый главный редактор — Анатолий Васильевич Дмитриев, который имел свою точку зрения на редакционную политику. Батыгин начал терять свою независимость. Статьи, которые он считал хорошими и готовил к печати, изымались из номера. Ситуация становилась безысходной, и он ушел в Институт книги заместителем директора. Вслед за ним из журнала ушла и вся его команда.

В 1988 году директором Института социологии стал В. А. Ядов, и Батыгин возвратился в институт. В 1994 году при поддержке Ядова и Теодора Шанина, руководившего тогда Фондом Сороса, Батыгину удалось получить грант на издание независимого «Социологического журнала». Вспоминая об этом, Батыгин рассказывал:

«Я не знал, что делать с такими огромными деньгами. Практически мы учились на пробах и ошибках. И научились, слава Богу, хотя цена наших ошибок очень велика. Можно было издавать вместо одного номера пять за те же самые деньги, а мы их просто разбазарили впустую по глупости. Тем не менее журнал стал выходить, и сейчас он держится. Была сформирована определенная автономия. Ядов в этом смысле человек великолепный. Он никогда не руководил нами методами репрессий, он пришел дать нам волю» (И: Батыгин 2003: 158).

Журнал издается уже почти два десятилетия и стал одним из ведущих российских социологических изданий. Он имеет свое лицо, постоянных авторов и значительную читательскую аудиторию. После смерти Батыгина огромную собственно издательскую и организационную работу на посту заместителя главного редактора проводит Л. А. Козлова.

Биографический сюжет № 14. В. И. Ильин

Ильин, работая в Сыктывкарском университете, пришел к выводу, что единственно возможный способ возрождения социологии в России заключается в критическом освоении достижений западной науки. Возвращение к русской социологии начала XX в. он считал важной, но второстепенной задачей, ибо научная модернизация через возврат на три четверти столетия назад — это опасная утопия.

Этот принцип Ильин положил в основу издававшегося им альманаха «Рубеж». Будучи главным редактором этого издания, он, с одной стороны, активно разыскивал и публиковал забытое наследие русской социологии, и в этом ему помогали И. А. Голосенко, В. В. Сапов и другие. С другой стороны, основной упор все же делался на введение в отечественный научный оборот достижений западной социологии. С первого номера он сотрудничал с Майклом Буравым, который и писал для «Рубежа», и делал для него интервью (например, с Эриком Райтом), и помогал с отбором авторов. В подготовке номеров участвовали

социологи из ряда стран Западной Европы. Издание альманаха Ильин начинал с женой, как почти семейное предприятие: вся работа выполнялась ими бесплатно, при этом жена на год ушла с хорошо оплачиваемой работы. Первую финансовую поддержку они получили в виде спонсорской помощи от одного бизнесмена, а затем Фонд «Культурная инициатива» (Фонд Сороса) предоставил им издательскую технику на 6000 долларов США. Через пару лет Сыктывкарский университет начал в минимальном объеме финансировать ключевые (полиграфические) расходы альманаха.

Альманах «Рубеж» издавался 10 лет и прекратил свое существование (2001) без всяких веских внешних причин. Это было осознанное и добровольное хакири на пике успеха. Причина проста: Ильину надоело это хлопотное, неблагодарное и дорогое для семейного бюджета дело (Ильин 2005).

Теперь расскажу о журнале, который с 1997 г. в Петербурге издает Михаил Евгеньевич Илле (**И:** Илле 2007). Это издание мне особенно близко, ибо я не просто уже давно сотрудничаю с ним и в последние годы являюсь членом его редакционного совета, но главное — на его страницах появилась **большая** часть интервью, составивших эмпирическую базу данной книги.

Биографический сюжет № 15. М. Е. Илле

В декабре 1995 г. Илле был избран генеральным директором Социологического научно-исследовательского центра (СНИЦ) и предложил издавать информационный бюллетень, в котором публиковались бы результаты собственных исследований, и распространять его по подписке. В 1996 году этот проект был реализован — стал выходить информационный бюллетень «Телескоп: наблюдения за массовым сознанием и повседневным поведением населения Петербурга». В нем публиковались результаты опросов населения по различным темам; стоимость — 300 рублей в год (шесть номеров, 50 рублей за номер). Тираж: количество подписчиков плюс некоторое число экземпляров в рекламных целях. Весь тираж печатался на ксерокопировальном аппарате, шивку Илле осуществлял собственноручно. К концу года набралось около двадцати подписчиков, и Совет директоров принял решение о закрытии проекта в связи с его неэффективностью.

Но Илле было жаль бросать начатое дело, и в декабре 1996 г. издание было зарегистрировано в Комитете по печати как средство массовой информации. Он планировал назвать журнал просто «Телескоп», но к тому времени СМИ с таким названием уже существовали. Так появился «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» (сейчас он называется иначе: «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований»). С 1997 года издание журнала стало индивидуальным проектом Илле, и в феврале вышел первый номер.

С должности генерального директора он ушел, полагая невозможным быть руководителем компании и при этом иметь свой параллельный бизнес, но остался работать в СНИЦе в качестве исследователя. Доход издание не приносит, все это скорее хобби, чем бизнес. Но журнал живет. Во-первых, Илле всегда хотелось издавать журнал, на его шкале ценностей эта деятельность имеет более высокий рейтинг, чем руководство исследовательской компанией. Во-вторых, немаловажную роль сыграло еще одно обстоятельство: статьи, которые он писал по результатам эмпирических исследований, всегда охотно принимались к публикации в разных изданиях, но когда он предлагал редакциям тексты теоретического характера, возникали трудности. Желание не зависеть от вздорных и необоснованных отказов в публикации и варварских редакционных правок было немаловажным стимулом для того, чтобы сделать собственный журнал. Учитывая свой печальный опыт, Илле редко отказывает авторам, присылающим свои статьи в «Телескоп», и время от времени публикует тексты, которые вряд ли были бы изданы в других журналах. Кроме того, любую сколько-нибудь существенную правку он в обязательном порядке согласовывает с автором.

Журнал выходит шесть раз в год, и с 1997 г. уже вышло более 80 номеров. Общее количество опубликованных статей — около семисот, авторов — несколько сотен. Илле считает, что социология — сродни фотографии, документальному кино. Социологи помогают сохранить и передать будущему описание времени в фактах, деталях, ракурсах, доступных именно социологии. Через полвека историки из данных социологических и маркетинговых исследований будут узнавать, какие проблемы волновали людей, живших в конце XX—начале XXI в., какие фильмы они смотрели, какие товары покупали. Поэтому он активно публикует результаты эмпирических исследований, содержащих подробное описание поведения и сознания населения в целом и его основных групп.

Новый вызов: изучение общественного мнения и рынка

Настоящий раздел — продолжение предыдущего, но, принимая во внимание логику описания четвертого поколения отечественных социологов, он выделен в самостоятельную «единицу» структуры данной главы. Во-первых, восемь из четырнадцати проинтервьюированных представителей этой группы в определенный период своей жизни были в той или иной степени вовлечены в проведение опросов населения или рассматривают изучение общественного мнения в качестве главного направления своей деятельности. Во-вторых, изучение общественного мнения и — особенно — исследование рынка представляется той областью социологической деятельности, в которой в настоящее время занята значительная часть специалистов, имеющих социологическое образование или опыт прикладных социологических исследований. Произшедшее явно не случайно, это отражение комплекса событий,

относящихся к перестройке и к политико-экономическим процессам, ставшим ее продолжением.

Не четвертое поколение первым приступило к зондированию общественного мнения в СССР/России. Все началось за несколько десятилетий до начала перестройки с опросов и теоретических разработок Б. А. Грушина. Изучением массовых установок до середины 80-х гг. занимались и социологи предыдущих поколений, профессиональные траектории которых рассматривались выше: Е. И. Башкирова, Т. И. Заславская, Я. С. Капелюш, Л. Е. Кесельман, Ю. А. Левада, Е. С. Петренко, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсов, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох; автор данной книги тоже относится к этой группе. Некоторые из них сохраняли интерес к данной области социологии в «нулевые» годы нового столетия и продолжают работу в начале «десятих». И все же ни в одном из поколений социологов полстерская деятельность не была столь распространенной, как в четвертом.

Вернусь к рассмотрению жизненных путей тех представителей четвертого поколения, элементы профессионального движения которых уже обсуждались в этой главе.

В начале 1980-х гг., когда в течение непродолжительного времени Батыгин сотрудничал с «Литературной газетой», он проводил опросы читателей.

Тарусин несколько лет работал во Всесоюзном (Всероссийском) центре изучения общественного мнения, а затем — в Фонде «Общественное мнение».

Работая в Сыктывкарском университете, Ильин и его коллеги создали социологическую лабораторию, где начали проводить первые эмпирические исследования, которые уже можно было не согласовывать с людьми, знавшими, какие выводы *надо* получать. Пик активности в деятельности их лаборатории — 1988–1989 гг., когда они круглый год изучали электоральный процесс в Коми АССР и консультировали некоторых кандидатов в народные депутаты СССР. Трое их «подопечных» победили.

Давыдов в 1984 г. поступил в заочную аспирантуру Института социологии АН СССР, а через год был принят в институт на должность младшего научного сотрудника в Центр изучения общественного мнения — одного из институтских подразделений. Он занимался расчетом выборок и статистическим анализом результатов опросов общественного мнения на ЕС ЭВМ. Определенные навыки в этом он приобрел на прежней работе; кроме того, ему был интересен анализ данных.

Биографический сюжет № 16. М. Е. Илле

Илле свыше двух десятилетий работает в небольшой независимой фирме, известной в Петербурге как СНИЦ, который занимает заметное

место среди организаций, проводящих опросы общественного мнения и изучающих рынок. Рассказ Илле помогает понять процесс создания подобного рода аналитических структур.

История СНИЦ — это большая тема, тесно переплетенная с историей становления и развития исследований рынка и общественного мнения в Петербурге, которая может быть предметом самостоятельного исторического исследования. Если коротко коснуться этой темы, то в начале 90-х годов СНИЦ был одним из крупнейших независимых центров в городе и занимал лидирующее положение на рынке, но в дальнейшем сохранить лидерство организации не удалось. Это произошло, на мой взгляд, по двум основным причинам (**И:** Илле 2007: 4).

Во-первых, на этапе акционирования в 1992 г. основателями компании было принято благородное, но стратегически неверное решение: пакет акций был распылен между всеми основными сотрудниками, работавшими в то время. Отсутствие контрольного пакета в руках одного или, по крайней мере, двух-трех собственников сделало принятие решений по стратегическим вопросам дальнейшего развития простым и конфликтным делом. Демократия в бизнесе сыграла плохую службу. Во-вторых, в то время в СНИЦ собрались амбициозные, энергичные люди, с высоким уровнем притязаний, которым стало тесно в одной лодке, и, кроме того, возможности капитана оказалось весьма ограниченными. Поэтому начиная с 1994 г. происходило не наращивание мощи и потенциала компании, а сдача завоеванных позиций. Уходившие специалисты уводили с собой часть клиентов, с которыми они непосредственно работали. Особенно чувствительным оказался уход в 1995 г. Р. С. Могилевского (**И:** Могилевский 2006), с которым ушел весь отдел маркетинга. Итогом этого процесса стало то, что во второй половине 2010-х гг. в Петербурге работало шесть исследовательских центров, созданных или возглавляемых бывшими сотрудниками СНИЦ.

Обращение к интервью с Александром Юрьевичем Мягковым показывает одновременно изменения, которые внесла перестройка в его профессиональную жизнь, и путь его движения в сторону изучения общественного мнения.

Биографический сюжет № 17. А. Ю. Мягков

В январе 1983 г. Мягков защитил в ИСИ АН СССР кандидатскую диссертацию по критике советологических концепций интеллигенции, правда, вспоминает он, «накануне предзащиты, когда диссертация была почти готова, мне было настоятельно предложено заменить в названии слово “советологические” концепции на “социологические” с учетом профиля института» (**И:** Мягков 2010: 6).

Завершились его аспирантские годы в Москве, он вернулся в Иваново и через месяц после защиты приступил к работе на своем прежнем месте — кафедре научного коммунизма в Сельхозинституте.

Мягков полагал, что вернется из суетной Москвы в тихое и спокойное Иваново, но это было заблуждением. Во-первых, он оказался в тяжелой психологической атмосфере: интриги, постоянные «проработки» на всех уровнях, высокомерие, несправедливость. Во-вторых, встретился с полной профессиональной невостребованностью: никакая социология никому не была нужна. Всех мучили «общественной работой», она была тогда главным критерием оценки профессиональной деятельности любого преподавателя.

Не будучи членом партии, а к тому времени уже и комсомольцем, он открыто начал возражать и возмущаться против этих порядков, отказываться от бесчисленных «нагрузок» и поручений. Сначала декан на каком-то из партсобраний назвал его фамилию и заявил: «Такие преподаватели нам не нужны». В 1984 году один из областных партийных чиновников в его присутствии абсолютно серьезно обсуждал по телефону с ректором института, в котором он работал, возможность подготовки официального письма в ВАК с ходатайством о лишении его ученой степени кандидата наук за то, что он «не любит партию». Ему запретили читать лекции студентам и надолго заблокировали избрание на должность доцента. Свое первое ученое звание он получил лишь через пять лет после защиты диссертации.

Но от одного общественного поручения он не стал отказываться и выполнял его с удовольствием и интересом. Это было в начале 1986 г. Сменилось руководство вуза, в институте заговорили о необходимости изучения и учета общественного мнения преподавателей и студентов и о создании социологического Центра ИЭИ. Сначала Мягкову поручили заняться организационными вопросами, а затем и возглавить работу Центра.

Начинали с внутривузовских исследований, но с 1987 г. стали работать и во «внешней среде», т. е. в городе и области: с промышленными предприятиями, редакциями областных газет, радио и телевидения, затем с органами городского и областного управления.

За три перестроечных года им было опубликовано свыше 50 больших социологических материалов (объемом до обычной газетной полосы) на разные темы во многих ивановских газетах и журналах. В те годы Центр был единственной в Иванове организацией, проводившей подобные опросы населения.

В конце 1990 г. пришло время для проведения электоральных исследований и прогнозирования исхода голосований. Выборы мэра г. Иваново в 1990 г. стали для них первой серьезной проверкой на профессионализм. Прогноз, к всеобщей радости, оказался удачным и на редкость точным. К рекомендациям Центра стали прислушиваться, а прогнозам — доверять.

Хотя Социологический центр имел общеинститутский статус, фактически он существовал при кафедре научного коммунизма. Однако под влиянием деятельности Центра начала меняться и кафедра. В 1989 году она была переименована в кафедру теории социализма и социологии, а в 1990 г. — в кафедру политологии и социологии.

В процессе анализа материалов опросов, при проведении методических исследований у Мягкова постепенно возник особый интерес к диагностике и профилактике неискренних ответов респондентов. Полувекровая разработка этой классической проблематики американскими методистами давала массу ярких примеров опасности «ошибок сообщения» респондентов. Поиски Мягкова в этом направлении стимулировала и небольшая брошюра московских коллег «Измерение искренности респондента» (Давыдов, Давыдова 1992). Он не уходил в докторантуру, не брал творческий отпуск, до дня защиты в полном объеме выполнял обязанности заведующего социологической кафедры; докторская выростала из всей совокупности сделанного им.

В сюжете о Батыгине отмечалось, что он достаточно быстро стал лидером своего поколения, но, несмотря на это, всегда активно помогал коллегам, начинавшим свой путь в социологии. Об этом упоминает в своем интервью и Мягков.

Работа над докторской диссертацией была завершена в ноябре 2001 г., и в начале декабря он приехал к Батыгину. Привез статью для «Социологического журнала», а заодно решил посоветоваться по диссертации и прозондировать возможность защиты в совете ИС РАН. К тому моменту они немного знали друг друга, познакомились еще в начале 1980-х гг. Мягков был тогда начинающим аспирантом, а Батыгин — заметной фигурой в журнале «Социологические исследования». Затем они периодически встречались в Ленинской библиотеке.

Мягкова, приехавшего с текстом докторской диссертации, поразили теплота приема и непринужденность общения Батыгина. «Вот это тот самый Мягков», — сказал Батыгин, представляя его сотрудникам своего сектора и журнала. Мягков выложил на стол план диссертации, список своих трудов, рукопись монографии, двумя часами ранее сданную в издательство «Флинта, Наука», и рассказал о своих планах на подготовку защиты. На его просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Батыгин ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться Вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее» (И: Мягков 2010: 10).

С этого времени их общение стало регулярным, часто обменивались звонками или и-мейлами. Вместе работали над международным проектом по изучению молодежных девиаций, задуманным Г. С. Батыгиным совместно с социологами Швейцарской академии социального развития, а затем в Иванове обсуждали результаты исследований. Вместе ходили по ивановским «коридорам власти» и различным общественным организациям, продвигая общий проект, а потом готовили и проводили международную конференцию «Будущее российской молодежи» в конце мая 2003 г.

В конце декабря 2002 г. успешно прошла предзащита. Через некоторое время Мягков привез Батыгину отпечатанный автореферат, он, мельком взглянув на впечатанную дату защиты, заметил: «А вот это вы зря!» — «А что, — удивленно спросил я, — разве что-то еще может произойти?» — «Может... — ответил он, — ...может быть все что угодно, даже

самое непредвиденное... нужно быть готовым к любым неожиданностям». Конечно, никто не мог предвидеть случившегося вскоре: 1 июня 2003 г. Батыгина не стало... Совет, назначенный на 4 июня, отложили, были похороны. Защита состоялась двумя неделями позже (**И:** Мягков 2010: 11).

Николай Владимирович Ядов — «потомственный» социолог. О его отце, Владимире Александровиче Ядове, многое сказано в этой книге, но и его матерью — Люцией (Людмилой) Николаевной Лесохиной (1928–1992), доктором психологических наук, — многое сделано для становления в СССР социологии образования.

Биографический сюжет № 18. Н. В. Ядов

О своем выборе профессии Н. Ядов сказал: «У меня вариантов было два. Я выбирал между психологией и историей. Философский факультет особенно не рассматривался. Мне он казался слишком идеологизированным... А дальше все довольно просто. Аттестат у меня был так себе, а на исторический факультет был чуть ли не самый большой конкурс в университете. К тому же я, конечно, имел представление о психологии и социологии. Это было близко просто по жизни семьи. Мне, правда, всегда было более интересно то, что происходит в обществе, а не в голове отдельного индивида, но факультета социологии тогда не было» (**И:** Ядов Н. 2009: 12).

Закончив факультет психологии ЛГУ, Ядов многие годы работал в социологической лаборатории Кировского завода в Ленинграде, одной из сильнейших заводских социологических служб города. Свой переход в создававшееся в конце 80-х гг. Северо-Западное отделение ВЦИОМа он объясняет так:

«Я ушел именно потому, что хотел работать в области исследований общественного мнения. Это, конечно, звучит громко, но я считал, что открытые опросы общественного мнения — верный признак демократического государства, тем более что о маркетинге тогда никто не слышал. Нужно вспомнить атмосферу того периода. Всю свою сознательную жизнь я читал и слышал в СМИ, что “весь народ в едином порыве” и проч. А в своем окружении никакого порыва не обнаруживал. И тут появлялась возможность понять, какова ситуация на самом деле. Так что интерес был совершенно не академический» (Там же: 16).

В 1989 году он защитил кандидатскую диссертацию по психологии и сразу после этого возглавил Северо-Западное отделение ВЦИОМа, затем преобразовал его в независимую российско-финскую фирму по изучению общественного мнения и рынка. Поэтому одной из центральных тем нашей беседы стал комплекс вопросов по организации деятельности нового типа полстерской службы.

На первых порах никаких особых трудностей не было, формировали сеть интервьюеров на Северо-Западе. По словам Ядова, отношение людей, включая местные власти, к опросам было очень благожелатель-

ное. Лишь иногда приходилось получать разрешения на опрос у местных партийных или милицеских начальников. Опросы проводились один раз в месяц. Общение с респондентами ничего кроме удовольствия не вызвало. Приглашали попить чайку и проч. Нельзя сказать, что это удивляло полстеров. Людей впервые в жизни спрашивали об их мнении, и интервьюеры были в их глазах представителями государства. У Ядова осталось впечатление, что в те годы отказов практически не было, во всяком случае, в сравнении с тем, что стали наблюдать позже.

Профессиональных организаторов опросов (или бригадиров) в селах и малых городах, конечно, не было и быть не могло. Но среди местной интеллигенции находились люди, готовые помогать; как правило, это были учителя. Платили бригадирам по тем временам довольно неплохо, правда, покупать было особенно нечего. Вот общее впечатление Ядова от работы в тот период: «Конечно, не все было гладко, но в памяти остается общий эмоциональный настрой. Было ощущение, что мы делаем хорошее дело, и в целом все это было интересно. А, кроме того, во время и после путча 91-го года у меня, я помню, появилась уверенность, что вокруг нас граждане страны, а не население, как, например, сейчас» (Там же: 16).

Но наступил 1993 год, государственное финансирование практически прекратилось. Руководство ВЦИОМа не гарантировало постоянный объем заказов, последовала команда: «Спасайся, кто может!» Мысли Ядова тогда концентрировались на финансовой стороне их деятельности. Цены начали опускаться, потихоньку формировался рынок, но никто в этих условиях работать не умел. Опрашивать они уже научились, а независимую финансовую и хозяйственную деятельность вести не умели. Однако среди сотрудников был Станислав Валерьянович Дукальский, в прошлом — военный финансист. Это было огромное везение; ведь бухгалтеров фактически не было, одна тысячная от потребностей экономики. Работал и молодой сотрудник Алексей Кротов, начинавший интервьюером. Он первым сообразил, что пора заняться собственными проектами, а не только делать «московские поля». Они потихоньку начали проводить маркетинговые опросы и постепенно дошли до простой мысли: уметь хорошо сделать — это меньше половины дела, главное — продать результаты.

Первые лет пять они в основном собирали данные для ВЦИОМа и других исследовательских центров, тематика была почти исключительно общественно-политическая. Развивались мелкие кооперативы, крупные предприятия еле дышали, кроме того, потенциальные заказчики не знали, что они заказчики. Зато стали появляться некоторые западные компании, задумывавшие что-то продавать России.

Первое исследование, которое они сделали от анкеты до таблицы, было проведено зимой 1993–1994 гг. Заказчиком выступила финская компания «Fazer», известная тогда в России лишь своими плитками шоколада. Тема была классическая: имидж марки. Проект оказался историческим для питерских исследователей, они плохо представляли сроки обработки и, чтобы успеть в срок, работали сутками, ночевали

на работе. Тогда сформировался костяк коллектива, почти не изменившийся в течение последующего десятилетия.

В 1994 году вторая по размеру финская маркетинговая компания «Талоустуткимус ОЙ» (сокращенно «ТОЙ») искала партнера в России. Насколько запомнил Ядов, возглавляемую им компанию финнам рекомендовал А. А. Ослон. Первая встреча состоялась в Таллине, потом — в Хельсинки и в Петербурге. В итоге была образована совместная компания «Той-Опинион». Финские коллеги помогли им усвоить некоторые базовые принципы коммерческих исследований. Советская академическая наука, по большому счету, не считала ни времени, ни денег.

С 1994 года доля маркетинговых исследований в портфеле «Той-Опинион» медленно росла; практически все они заказывались иностранными производителями товаров первой необходимости. После кризиса 1998 г. начала резко увеличиваться доля российских заказчиков при почти полном отсутствии иностранцев; начали появляться проекты под дорогие товары, например автомобили.

Приведенные воспоминания Илле, Ильина, Мягкова и Н. Ядова представляются чрезвычайно важными не только для изучения жизненных и профессиональных траекторий представителей четвертого поколения советских/российских социологов. Они показывают, как в постперестроечный период расширилось поле деятельности социологов, как они осваивали электоральные опросы и процедуры прогнозирования итогов выборов, как учились измерять отношение разных групп населения к происходившим в стране социальным и политическим преобразованиям, как осваивали методологию и приемы изучения рынка. Ильин и Мягков представили варианты того, как это происходило в небольших городах — Иваново и Сыктывкаре — там, где до перестройки фактически не проводились социологические исследования и где опросы были безусловным знаком времени. Воспоминания Илле и Н. Ядова относятся к Ленинграду/Петербургу, где зарождалась постхрущёвская социология и где существовала продолжительная традиция опросов населения, в том числе изучения общественного мнения. При всем различии того, что обнаруживается в рассказанном ими, их объединяет то, что зондажи политических, социальных, потребительских установок, которые они проводили, в основном осуществлялись ими на локальном уровне: город и область.

Содержание интервью с Александром Анатольевичем Ослонем (И: Ослон 2010) позволяет узнать и понять, как зарождалась и реализовывалась идея создания Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) — организации, многие годы осуществляющей общероссийские опросы.

Биографический сюжет № 19. А. А. Ослон

В школьные годы Ослон многое интересовало: паял, пытался сделать собственный радиоприемник, ходил в студию рисования, играл на гитаре, любил играть в футбол, занимался легкой атлетикой. Школу он закончил в 1969 г. Мир был сложным, прошел год после Чехословацких событий, два — после шестидневной войны между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией и их союзниками — с другой. Никаких планов, связанных с получением гуманитарного образования, он не строил. Выбор был сделан в пользу Тульского политехнического института, где тогда развивалось новое направление — автоматика и телемеханика, речь шла о математической теории управления, приемах автоматического регулирования. Появлялись первые электронно-вычислительные машины, усложнялись средства автоматизации, кибернетика переходила с уровня философии и теории в реальность.

На третьем курсе Ослон увлекся программированием и быстро включился в работу по тематике московского Института проблем управления АН СССР (ИПУ), касающейся распознавания образов. В частности, его дипломная разработка была посвящена использованию методов автоматической классификации, кластер-анализа и факторного анализа.

После окончания института в 1974 г. он пошел работать в проектную организацию в Туле, которая начинала создавать автоматические системы управления (АСУ) для предприятий и отраслей. Однако его контакты с ИПУ не прекратились; более того, сложилось тесное сотрудничество с Ильей Борисовичем Мучником, известным специалистом в области прикладной математики, профессором Ратгерского университета (США). Вместе они создавали пакет прикладных программ (ППП) для проведения типологического анализа — известный в те времена как «ППП типолог». В конце 70-х гг. наметилась тема кандидатской диссертации Ослон, которая находилась на стыке между факторным и кластерным анализом. Ему предстояло создать методы построения интегральных показателей. В аспирантуру Ослон не поступал, все подготовил, будучи соискателем, и успешно защитился в 1984 г. В существенно расширенном виде диссертация была опубликована в виде книги (Авен и др. 1988).

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. через Мучника программы Ослон попали в Новосибирск, в отдел Т. И. Заславской, где их стали активно применять; благодаря использованию этих программ было сделано немало исследовательских проектов и диссертаций. Был у Ослон и опыт проведения собственных опросов: в начале 80-х гг. в городе Алексине на комбинате железобетонных изделий он разрабатывал вопросник, анкетировал, обрабатывал данные и докладывал результаты проведенного им анализа. Постепенно его стало интересовать все относящееся к социологии, он читал по этой тематике все, что мог найти. Предисловия, начинавшиеся с упоминания решений съездов КПСС и цитатами из Брежнева, Ленина, Маркса, он пропускал как нечто ритуальное, переходил сразу к описанию методик сбора данных, их обработки, анализа

и интерпретации. По литературе знал Ядова и Здравомыслова, на каком-то семинаре в Перми познакомился с «живыми социологами», оставившими о себе весьма двойственное впечатление.

Но во ВЦИОМ он пришел на 99 процентов математиком, программистом и немного человеком, которого интересовало — не более — приложение математических методов к социологии. Все началось с шока, который произвели на него первые выступления М. Горбачёва без бумажки. Ослон вспоминает:

«Шок, который я пережил, увидев это по телевизору, он остался во мне как шрам там, как след, как некий переворот. И поэтому меня даже не очень-то удивило, когда осенью 1987 года мне позвонил Мучник и сказал, что в Москве создается Центр изучения общественного мнения, во главе будет Татьяна Ивановна Заславская, сейчас она перезвонит, с тобой поговорит. Я был с ней не знаком, естественно, академик Заславская, это тогда, тем более, она стала знаменитой. Она позвонила и сказала: “А вы знаете, Александр Анатольевич, я ведь долго думала и решила согласиться”. Я не знал ничего, на что согласиться, что там происходило» (И: Ослон 2010).

И далее:

«Меня не надо было уговаривать. Она позвонила, поговорила, я был ошеломлен, но вообще я был готов к тому, что вся эта перестройка, она какие-то чудеса может принести, и это, конечно, было абсолютным чудом. Потом я приехал в Москву, был дома у Татьяны Ивановны с Мучником и Леной Петренко. И мне предложили стать заведующим отделом обработки данных. С февраля 88-го я все бросил: дом, жену, дочку, работу, своих товарищей, сотрудников и так далее и окунулся в эту новую жизнь. Началось все с того, что ничего не было, вообще ничего, и абсолютно неизвестно было, что делать... Я жил на двенадцатом этаже гостиницы, в которой тогда располагался ВЦИОМ, а мое рабочее место было на четвертом, поэтому иногда я в домашних тапочках шел на работу, если хотелось поработать, то мог заниматься этим днем и ночью» (И: Ослон 2010).

В те годы я тоже работал во ВЦИОМе, и мои впечатления, ощущения совпадают с описанием общей атмосферы Центра, данной Ослоном.

«Борис Андреевич Грушин, — продолжал он, — поражал меня своей энергетикой, и с ним рядом, казалось, вообще любые горы можно свернуть. Татьяна Ивановна была фантастически доброжелательна, и вообще ВЦИОМ в 88-м—90-х годах — было самое лучшее место в мире, бесконечно доброжелательные творческие люди, понимающие, что они находятся на “самой, самой”, на гребне волны» (Там же).

При этом, по мнению Ослона, ВЦИОМ оставался обычной советской организацией: с начальством в ВЦСПС, сдачей планов и так далее. «Верхи» уже не могли очень сильно вмешиваться в текущую работу, ибо

они плохо понимали, на каком свете живут. И все же. Когда были получены данные об отношении населения к профсоюзам, то Заславскую вызвали «на ковер» и «пропесочили». Когда Горбачёву не понравились результаты опроса об отношении к нему, то приехали люди в темных костюмах и изъяли все первичные данные. Это был опрос по анкете, публиковавшейся в еженедельнике «Аргументы и факты»; они забрали все письма, пришедшие в редакцию газеты (несколько мешков), и пересчитали проценты по всем вернувшимся анкетам. Они подозревали, что социологи, проводившие свой анализ на выборке писем, «подпортили» рейтинг Горбачёва. Все совпало, от сотрудников ВЦИОМ отстали, но само это действие рассматривалось «верхами» как естественное.

Начальство относилось к ВЦИОМу с подозрением и непониманием, равно как и к опросам вообще. Оно тайне полагало, что перестройка закончится, и вместе с ней закончится и ВЦИОМ. Поэтому Центр держали в подвешенном состоянии в гостинице, и за собственное помещение пришлось бороться по-настоящему — преодолевая сознательное и довольно жесткое сопротивление. Т. И. Заславская с ее политическим весом — на Олимпе — и Ослон с его упрямством — на нижних этажах — решили эту проблему. ВЦИОМ разместился в центре Москвы, а Ослон стал заместителем Т. И. Заславской.

В конце 1990 г. стали появляться сведения о новых формах организаций, и Ослон вспоминает, как при выходе со станции метро «Площадь Революции» он в киоске купил примерный устава «товарищества с ограниченной ответственностью»; это словосочетание его поразило. По пути на работу он успел прочитать брошюру из нескольких страниц и понять, какой должна быть организация ВЦИОМ. Подобные идеи тогда витали в воздухе, однако никто не знал, как это сделать.

Ослон неоднократно обсуждал идею изменения организации ВЦИОМ с Заславской, и когда казалось, что все ясно, она спросила его: «А у нас начальства вообще что ли не будет?» К этой инновации необходимо было привыкнуть. Вскоре Ослоном был создан Фонд «Общественное мнение», исходно это был своего рода кооператив при ВЦИОМе. Летом 1991 г. вышел закон, потребовавший перерегистрации ФОМ, но он по-прежнему оставался вциомовским. Однако через год Ослон с небольшой группой сотрудников ФОМ ушел из ВЦИОМа. Он замечает: «Я уходил не математиком, не хозяйственником, не аналитиком данных, я уходил рыночником, то есть как бы доминантой было позиционироваться, найти свое место и добиться успеха в новой рыночной среде» (Там же).

В течение следующих нескольких лет ФОМ проводил различные опросы политической, социальной, маркетинговой направленности, оттачивал методику, накапливал собственный опыт. Но качественные изменения в его жизнь и деятельность внес 1996 год, когда Фонд стал частью команды, боровшейся за переизбрание Ельцина на пост президента.

Думаю, что читателю будет небезынтересно узнать о некоторых деталях тех событий, поскольку здесь мы имеем первый в истории

России случай прямого участия полстеров в деятельности избирательного штаба шедшего на второй срок президента страны. Другими словами, это не только принципиальный момент в жизни ФОМ, но заметная веха в истории изучения общественного мнения в СССР/России, более широко — в развитии отечественной социологии. Основой приводимого ниже материала является моя беседа с Ослоном, состоявшаяся 28 июня 2000 г. Полный текст этого интервью вошел в книгу по общественному мнению россиян в эпоху Ельцина (Докторов и др. 2002).

В начале 1996 г., по воспоминаниям Ослона, были совершенно пессимистические настроения, интерес к исследованиям и заказы — исчезли. Пустыня, тревожное ожидание предстоящих президентских выборов. Избрание президентом страны Зюганова расценивалось как нечто весьма вероятное, и все последующее рассматривалось в самом мрачном свете. Ослон предпринимал попытки наладить изучение мнений избирателей, но отклика не было.

В конечном счете Г. А. Сатаров, математик и социолог, бывший в то время помощником Б. Ельцина и отвечавший за контакты с парламентом и политическими организациями, устроил Ослону возможность выступить пять минут перед группой, которая занималась выборами; ее возглавлял первый помощник Президента В. В. Илюшин. Там были известные люди, среди них — и Б. А. Грушин. Это было 21 марта 1996 г. Ослон пришел и все рассказал за пять минут; все покивали головами. И он ушел, понимая, что пирог жирный и желающих много. Однако в тот же день, когда он был на каком-то семинаре, его разыскали и вызвали в Кремль, в ту же комнату. Грушина не было, но были Сатаров, С. М. Шахрай, юрист, бывший тогда членом Совета Безопасности России. Вошел А. Б. Чубайс, снял пиджак, сел во главе стола и сказал: «Давайте работать». В то время он возглавлял избирательный штаб Ельцина и Аналитическую группу, разрабатывавшую стратегию и тактику избирательной кампании.

Ослон оказался сидящим недалеко от Чубайса, и минут через пятнадцать после начала заседания он спросил Чубайса, куда он попал, что здесь происходит и **почему он здесь**. Чубайс ответил «Потом поймете». Так началась работа Аналитической группы Чубайса. Ресурсов еще никаких не было, поэтому в течение какого-то времени все оставалось в стадии «проектов». Но примерно 30 марта пришел Чубайс и извещил всех: «Всё, все решения приняты, работаем».

Ситуация в стране в 1996 г. была настолько поразительной, что не учитывать ее в деятельности Аналитической группы было невозможно. Люди во власти особенно не задумывались о деталях происходившего в стране; народ представлялся им некой массой, с которой было более или менее все понятно. В начале работы группы опросы фиксировали полное отторжение Ельцина, но, благодаря тщательному учету специ-

фики разных групп населения, фактически за два месяца ситуация кардинально изменилась. Регулярные обсуждения результатов опросов всегда начинались с выявления того, в каких слоях населения дело обстоит хуже всего, с какой группой будущих избирателей необходимо вести целенаправленную работу. Определялись критические группы и решалось, какие специальные усилия следует предпринять для завоевания их голосов.

В заключение хочу рассказать, на мой взгляд, об одном из наиболее драматических моментов в деятельности Аналитической группы, связанном с переосмыслением представлений руководителей избирательного штаба об отношении населения к Ельцину в 1996 г. и отсюда — с более глубоким пониманием властью возможностей социологии.

Уже в первые дни работы Ослону стало ясно, что люди, входившие в штаб избирательной кампании, особенно наиболее близкие к Ельцину (его дочь — Т. Б. Дьяченко, она была советником Президента, В. Б. Юмашев — советник Президента по вопросам взаимодействия со средствами массовой информации, да и сам Чубайс), предполагали существование в целом позитивного отношения россиян к Ельцину, т. е. они до конца не осознавали степень его непопулярности. Ослон пытался объяснить им, как обстоит дело в действительности, но они не слышали его. И тогда им была проделана следующая работа.

ФОМ заканчивал срочный опрос 200 человек в пяти городах. Использовалась техника незаконченных предложений — их предстояло завершить респондентам. Например: «Ельцин должен был сделать...», «Ельцин сделал...», «Ельцин как Президент для меня...», «Ельцин как человек для меня...» и т. д.; всего двадцать незаконченных суждений. Ослон не стал обрабатывать результаты, а распечатал ответы, сгруппировав их в отдельные книжки по населенным пунктам; он убрал лишь нецензурные выражения и высказывания с пожеланиями Ельцину смерти. И просто передал эти книжки Т. Б. Дьяченко. Дело было вечером, а утром некоторые члены Аналитической группы пришли бледные, с перекошенными лицами и спросили его: «Это что, это правда? Все так плохо? Что же нам делать?» Вот теперь они фактически впервые серьезно осознали ситуацию и поняли, что искать ответы на эти вечные вопросы надо совсем по-новому и только на основе социологии. После этого были развернуты небывалые для тех времен широкие, глубокие, разнообразные и, главное, регулярные социологические исследования.

На мой вопрос, были ли эти результаты известны Ельцину, Ослон ответил: «Этого я не могу сказать, не знаю. Я могу сказать, что в целом эти месяцы были абсолютно открыты, абсолютно откровенны. Очень может быть, что как-то по-своему это было донесено. Встречи с ним — происходившие довольно регулярно — показывали, что он был в курсе всего».

* * *

В этой главе завершилось обсуждение серии вопросов, связанных с теоретико-эмпирическим обоснованием концепции поколений социологов, создавших и развивающих современную российскую социологию. В главе 4 было определено понятие «поколение социологов» и выстроена лестница поколений 12-летней продолжительности. На ее ступенях расположены все действующие профессиональные когорты и будущие. В последующих четырех главах анализировались биографии большого числа социологов и строились, воссоздавались типичные траектории вхождения в науку представителей четырех социологических поколений. На фазе конструирования система поколений предназначалась лишь для решения узкой, прикладной типологической задачи — сжатия биографической информации для ее последующего изучения. Однако исследования, результаты которых кратко изложены в гл. 5–8, позволяют не только утверждать, что эта цель достигнута, но что сделано существенно больше. Стало ясно, что система поколений — это *особый концепт*, который может занять ключевое положение в методологии *историко-научоведческих* исследований. Его применение создает предпосылки для синтеза институционального и человекоцентричного подходов к рассмотрению генезиса и развития современной российской социологии, углубленного понимания наследия отдельных ученых и научных коллективов, очерчивания поля будущих исторических поисков.

До настоящего исследования никто не предпринимал развернутого изучения современного этапа российской социологии на базе многоаспектного использования биографической информации, полученной от значительного числа социологов. Следовательно, сейчас лишь в первом приближении можно говорить о познавательных возможностях этого исследовательского подхода. В общем его логика предполагает (см. гл. 5) движение в «биографическом» и «историко-социологическом» пространстве фактов, суждений, оценок, содержащихся в воспоминаниях социологов, но маршруты этих движений еще предстоит наметить и проложить. И это будет сделано, ибо иначе невозможно ввести в историю советской/российской социологии имеющиеся уже сегодня биографические данные.

Часть III

ИСТОРИЯ В БИОГРАФИЯХ

Глава 9

Подсказано прожитым

Обычно о тематике, исследуемой социологами, говорят: «Подсказано жизнью». Это верно, но слишком широко для направленности данной книги, фокусированной на изучении истории советской/российской социологии через анализ биографий ученых, участвовавших в ее становлении. Понятие «подсказано жизнью» — многоаспектно. Это разнообразные темы, которые предлагались властными структурами и появлялись при наблюдении происходящего в тех или иных отраслях или регионах. Они непосредственно вытекали из ранее проведенных исследований и обнаруживались при чтении специальной литературы. Были и те, что возникали в ходе дискуссий с коллегами, обсуждений с руководителем кандидатских разработок, и т. д. Мне же хотелось из всего множества возможных путей возникновения различных тем социологических исследований выбрать и рассмотреть те, что рождались в сознании ученых как рефлексия прожитого ими. Конечно, за этим личным опытом стоит огромный мир социальных отношений, и это «лично прожитое» является частью «подсказанного жизнью». Но все же круг личных размышлений, переживаний каждого формируется по-своему и с учетом прожитого именно им. Следовательно, изучение биографии ученых может подвести к рассмотрению тех механизмов формирования предметного поля науки, которые не учитываются при иных подходах к изучению прошлого.

Но «подсказанное жизнью», даже в собственно биографическом отношении, — тоже весьма многообразно, поэтому выделю из всего этого кластера два процесса возникновения исследовательских тем. Первый обозначу как «спонтанное рождение», или озарение, а второй — как проявление некой неотвратимости развития жизни и творчества ученого. Хотя второй из названных процессов внешне выглядит как отличный от первого, в некоторых случаях пусковым механизмом

его развития может быть инсайт (озарение), но не зафиксированный человеком. В первом случае все происходит мгновенно, подобно неожиданному взрыву; во втором — все постепенно накапливается и рассматривается человеком как естественная смена одного этапа длительного, непрерывного научного поиска другим.

Спонтанное рождение идеи

Для историков литературы и искусства представляется естественным при изучении творчества писателей и поэтов обращаться к тому, как возникали у них замыслы их произведений.

Стефаном Цвейгом в его новелле «Гений одной ночи» описано рождение «Марсельезы». Настроение, нерв улицы вошли в эту песню, потому что капитан Руже де Лиль, которому к следующему дню необходимо было написать походную песню для Рейнской армии, вложил в нее патриотические лозунги, печатавшиеся в листовках и газетах. Вскоре она стала гимном Франции. Анализируя наследие Льва Толстого, литературоведы обращают внимание на начало его повести «Хаджи-Мурат», в котором автор указывает, что ее сюжет сразу родился в нем, когда он, собирая букет цветов, заметил в канаве малиновый репей того сорта, который в той местности назывался «татаринном». Другая хрестоматийная история — возникновение у Василия Сурикова идеи картины «Меншиков в Березове». Однажды Суриков жил на даче под Москвой в простой крестьянской избе. Лето было дождливым, изба — тесной, с низким потолком. Было скучно, и художник стал вспоминать, кто так же сидел в такой избе. И сразу увидел композицию картины о Меншикове. Конечно, не размышлял бы ранее Суриков о судьбе «светлейшего князя», не знал бы устройства крестьянских изб в Сибири — не возник бы у него из-за хмурой подмосковной погоды образ будущей картины.

История естественных наук тоже дает немало описаний возникновения у ученых идей, позволивших им принципиально углубить понимание сложных явлений природы. К примеру, Б. Кедрову (Кедров 1958) удалось проследить процесс открытия Д. И. Менделеевым его периодической системы химических элементов, а Д. Данин (Данин 1978) показал, как Нильс Бор мгновенно пришел к идее лестницы разрешенных уровней энергии атома.

Ценность подобных примеров для истории науки и науковедения заключается в том, что они раскрывают особенности креативных процессов и дают реальную картину того, как, казалось бы, из ничего произрастают новые научные концепции и методы. В памяти многих сохраняется след момента рождения идей, и обычно их появление запоминается как нечто пришедшее вдруг, как озарение. Если подобное случается в творчестве деятелей культуры и естествоиспытателей, то

нет оснований допускать, что оно не знакомо социальным исследователям. Однако в отечественной историко-социологической литературе мне не приходилось встречаться с описанием случаев такого внезапного озарения.

Инсайт трактуется в психологии как интеллектуальное явление, суть которого — в неожиданном понимании стоящей перед человеком проблемы и нахождении ее решения. При этом подчеркивается, что это внезапное усмотрение сути проблемной ситуации открывается, достигается не в результате направленного, априори как-то очерченного анализа, но через мысленное и мгновенное постижение целого.

В процессе инсайта понимание проблемы сливается с личным опытом человека, переживающего это состояние. Все происходит, когда в сознании накопится критическая масса понимания и остро ощущается — в силу внешних или внутренних обстоятельств — необходимость в нахождении решения этой проблемы. В этот момент происходит «скачок сознания» — то, что когда-то, может быть очень давно, возникало как смутное предположение, как отброшенная гипотеза, как нечто неясное и не вызывавшее интереса, вдруг становится очевидным и в высшей степени привлекательным. Внутренний конфликт сменяется ощущением исцеления. И это чувство порождает, чаще всего надолго, иногда — на всю оставшуюся творческую жизнь, серию действий, навязанных решением этой проблемы. Именно пережитый инсайт нередко и дает силы творческой личности.

Историко-науковедческое исследование, не ограничивающееся институциональным рассмотрением предмета и включающее в себя изучение творчества ученых, в том числе анализ их биографий, должно охватить и рассмотрение возникновения идей, развитие которых занимало в их деятельности важное место. Перспективность этой темы определяется множеством обстоятельств, и прежде всего — методологией подобного поиска.

Выше (см. гл. 2) было показано, что целостное изучение жизни и творчества ученого включает в себя рассмотрение его предбиографии, биографии и постбиографии. Аналогичным образом, когда мы имеем дело с анализом инсайта, сыгравшего важную роль в творчестве ученого и заметным образом повлиявшего на развитие науки, следует говорить о трех компонентах такого историко-биографического расследования: анализе прединсайтного этапа в жизни и деятельности ученого, собственно инсайта и постинсайтного этапа. Предложенная трехстадийная методологическая схема может быть реализована в полной мере лишь в исключительных случаях, только когда у историка науки имеются материалы, необходимые для достаточно детального изучения указанных этапов жизненной траектории ученого. Трудностями, возникающими при этом, частично объясняется редкость появления в исторических

исследованиях такого рода сюжетов и неразработанность соответствующей методологии.

Описанная схема изучения инсайта возникла у меня и была опробована при изучении истории американской рекламы и научной технологии опросов общественного мнения. При ознакомлении с десятками биографий рекламистов и полстеров, имена которых навсегда вошли в историю Америки, я не раз встречался с примерами озарения, которые не только стали отправными, путеводными в их профессиональной деятельности, но качественно, революционно изменили и мир этих профессий, и социокультурное пространство своего времени.

Ниже рассмотрены процессы возникновения идей, надолго определивших направление научных поисков ряда советских/российских социологов. Происходившее как бы внезапно, почти «на ровном месте», в действительности было следствием предыдущих событий их жизни, а также накопления критической массы знаний и размышлений относительно стоявших перед ними научных проблем.

Б. А. Грушин: Концепция массового сознания

В США опросы общественного мнения возникли в условиях существования рыночной экономики, независимой прессы и многоуровневой системы свободных выборов. В СССР ничего этого не было, тем не менее для истории науки существенно, что в Советском Союзе опросы родились подобно тому, как это было в США, — они стали проводиться по инициативе и при финансировании газеты. Это была «Комсомольская правда».

Под руководством А. И. Аджубея «Комсомольская правда» стала одним из символов хрущёвской «оттепели»; она выходила миллионными тиражами. Б. А. Грушин пришел в редакцию, когда Аджубей уже не работал там, но в «Комсомолке» сохранялся его стиль, дух: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей — не только моих, но и тогдашнего главного редактора “Комсомолки” Ю. П. Воронова, ее будущего главного редактора Б. Д. Панкова и моего зама В. В. Чикина» (Грушин 1999: 208). Все были почти одногодки, каждому было чуть больше или чуть меньше 30 лет, все были во власти преобразований, наступивших в стране после XX съезда партии. Грушин не помнит даты рождения идеи, но возникла она в процессе дискуссии, т. е. была высказана кем-то спонтанно и была своего рода коллективным озарением.

Указанная «одинаковость» в рождении идеи в двух кардинально противоположных социальных средах обнаруживается при сопоставле-

нии некоторых сторон деятельности редакционных команд, их настрое и даже биографий лидеров газеты «Комсомольская правда» и журнала «Fortune», сыгравших ключевую роль в возникновении опросов общественного мнения в СССР и США. Создатель «Fortune» Генри Люс и Аджубей были профессионалами высочайшего класса и по видению социальной проблематики своих стран, по роли обоих в развитии журналистики, по общей энергетике — личностями сопоставимого масштаба. «Параллельность» обнаруживается и в траекториях жизни, характере государственной и общественной деятельности, даже в литературных интересах ключевых фигур «Fortune»: Ральфа Ингерсола и Арчибалда Мак-Лиша, с одной стороны, и Воронова, Панкина и Чикина — с другой. Можно говорить и об общности поколенческого опыта редакций этих двух изданий. Американцы в ранней юности пережили Первую мировую войну и несколько позже — Великую депрессию, команда «Комсомолки» — Вторую мировую.

Когда уже после опубликования факта указанного «параллелизма» (Докторов 2006: 464–479) я обратил на него внимание Б. А. Грушина, он был несколько удивлен этому обстоятельству, но сказал, что найденное ими в 1960 г. было социально обусловленным и единственно возможным организационным ответом на общественные запросы. От государства требовалось лишь согласие, которое было дано в похвале Н. С. Хрущёва, они предполагали все решить собственными силами.

Но если в Америке практика финансирования опросов прессой вскоре укрепилась и в начале 40-х явилась причиной роста серии региональных, на уровне штатов, опросных служб, то в СССР и в новой России после закрытия в декабре 1967 г. Института «Комсомольской правды» подобных экспериментов не было. Другими словами, возникшая в результате коллективного озарения «естественная» идея, открывавшая для советской практики изучения общественного мнения возможность развиваться на базе тех же принципов, что и в США, не прижилась. Она оказалась противоестественной для государственной идеологии и политики, для системы государственных средств массовой информации.

Напомню, настоящий проект стал оформляться в тот момент, когда некоторые положения методологии историко-наукovedческого исследования, включающего в себя активное использование биографической информации, были разработаны при изучении становления рекламы и опросов общественного мнения в Америке. В частности, тогда возникла необходимость тщательного анализа всех обстоятельств, связанных с рождением идей, которые затем, в процессе творчества людей, испытывавших озарение, претворялись в некий интеллектуальный продукт. Поэтому в интервью с советскими/российскими социологами стала преднамеренно или спонтанно обсуждаться тема возникновения идей, которые затем разрабатывались ими. Мне повезло в том отношении,

что уже в период работы над первым биографическим очерком о Грушине я обнаружил случай творческого озарения ученого.

При написании статьи я несколько раз звонил Грушину, чтобы уточнить ряд деталей. Когда я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «Такая зелененькая». Я еще раз подтвердил, что все в порядке. Для меня, знавшего, сколько Грушиным написано и насколько глубокого он был тогда погружен в его «четыре книжки», эта его реакция была неожиданной. Но потом я смог сполна оценить значение этой «зелененькой» книжки для автора и лучше понять истоки многих его последующих работ.

Далеко не каждому исследователю дано запомнить время и причину, когда и почему он обратился к анализу проблематики, занявшей ведущее место в его творчестве, а значит, и в жизни. Еще реже человеку удастся удержать, сохранить в себе чувство удивления, пережитое им в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был зов. Грушин оказался готов к опознанию неизвестно откуда пришедшего — изнутри или извне? — сигнала и фиксации его в своем сознании. Вот как начинается его книга «Массовое сознание»: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения “Комсомольской правды”, посвященного проблеме разводов в СССР. Просматривал — в какой уже раз — очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не “в общем и целом”, а, что называется, “слово в слово”! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции, регулярно знакомившимся с читательской почтой. Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной, озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей — по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства — людей, которые, конечно же, никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса, домостроевский) тип сознания?» (Грушин 1987: 19–20). Затем следует абзац, объясняющий, что делалось Грушиным во все последующие годы, и прояснивший для меня выплеснувшуюся в приведенном выше телефонном разговоре его молниеносную реакцию. Абзац начинается словами: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой, рассматривая ее с двух аспектов: во-первых, в плане анализа непосредственных *текстов* самого массового сознания (проявляющихся прежде всего в суждениях общественного мнения), во-вторых, в плане изучения различных форм массового

поведения людей (осуществляющегося, в частности, в сфере проведения свободного времени, досуга, в области культуры, находящего отражение в образе жизни)» (Там же: 21).

Через треть века после начала продумывания Таганрогского проекта Грушин вспоминал: «Занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием еще одну задачу — на обещавшем быть гигантским по объему эмпирическом материале доказать **факт существования** (здесь и далее выделено Грушиным. — Б. Д.) в тогдашнем советском обществе **этого типа общественного сознания** и по возможности продвигаться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функционирования, а также его роли в жизни общества». Это было сверхзадачей проекта, но «вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознанием, оказалась не только не востребованной, но практически **полностью табуированной** и, за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта» (Грушин 2003: 44–45).

В статье о творчестве Грушина я назвал его книгу «Массовое сознание» «поэтической», в том смысле, что поэзия — это философия, выраженная в особой художественной форме. Книга в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рациональность четко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение Грушина к теме. Оно обнаруживается и в цитировании поэтических строк, и в авторском тексте. Книга, над которой Грушин работал 23 года, «потому что материал сопротивлялся» (Кучкина 2001), и не могла быть рационально-холодной. Теперь, думается, она оказалась и потому «поэтической», что все эти долгие годы работы над ней в Грушине сохранялся след того чувства озарения, которое он испытал в момент чтения тех пяти писем.

В. А. Ядов: Иерархия ценностей

Одним из первых моих респондентов был В. А. Ядов. После обсуждения с ним серии вопросов, относящихся к исследованию «Человек и его работа», мне показалось важным узнать, как возникла мысль о диспозиционной, иерархической теории ценностей. Ведь эта идея стала основой продолжительного и сложного в своем методолого-методическом отношении проекта, в котором изучалась связь установок и поведения личности. Первые публикации Ядова по этой теме датированы 1975 г. (Ядов 1975), а небольшая по объему итоговая коллективная монография вышла через четыре года (Саморегуляция и прогнозирование 1979).

Вопрос в интервью звучал так: «Мы еще вернемся к “Человеку и его работе”, но сейчас хочу спросить о том, как возникла идея диспозиционного подхода? Как произошел прыжок от “Человека и его работы” к этой теме?» Теперь приведу ответ Ядова.

Расскажу подлинную историю «изобретения» диспозиционной концепции. Как было дело? Я очень интересовался «эффектом ЛаПьера», суть которого в том, что аттитуды не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голосовать?» Респондент отвечает, но что из этого следует? На моем «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришел в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из воинской терминологии (стратегия, тактики...). Метафора, уверяют психологи, — пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку¹. Ты знаешь, она социопедагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил остававшийся коньяк, а утром позвонил Леше Семенову², моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию. Лешка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе.

Он говорит: системы, хорошо, но они же разные. Есть открытые и закрытые, иерархические и проч. Что пишет В. А. Геодокян, тогда — главный советский автор, который защищал кибернетику, в основном иллюстрируя Берталанфи примерами из эволюции живых организмов? В иерархических системах, говорит Лешка, высшие уровни доминируют. Примитивный мозг лягушки позволил ей жить и в воде, и на суше. Рыба-дура не смогла так приспособиться. Может, ценностные ориентации личности эту доминирующую функцию в человеческом поведении и исполняют? Это был некий прорыв, и мы оба независимо друг от друга что-то набросали, а потом собрались всем сектором. Горячо обсуждали и в конце концов сочинили исследовательскую программу, которая легла в основу проекта «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности».

Заметный вклад внес Володя Магун³, он — неповторим. Мы писали с ним и главу в «саморегуляции», и раздел в учебник по социопсихологии. Встречались у меня. Помнишь? Потолки два семьдесят и квадратные метры не хуже. Принадлежала хирургу-онкологу, который построил «храм на метастазах», но не имел наследников. Устроила обмен из коммунальной однокашница, ставшая первым секретарем райкома, в каком районе мы жили. Часами спорим с Володей. Он — кремень. Мне надоедает и соглашаюсь с его аргументами. Звонит, мерзавец, и спрашивает: «В. А., почему Вы со мной согласились? Я считаю, надо еще поговорить». Он просто изводил. <...> Володя Магун — человек, который

¹ Лесохина Людмила Николаевна (1928–1992) — жена В. А. Ядова.

² Семёнов Алексей Александрович (г. р. 1947), сотрудник В. А. Ядова. Многие годы живет в Эстонии.

³ Магун Владимир Самуилович (г. р. 1947), кандидат психологических наук, Институт социологии РАН, Москва.

озабочен вопросом: на верном ли он пути в решении какой-то научной проблемы?

Вернемся к диспозиционной теории. Первые журнальные публикации были в соавторстве, а потом как-то имена моих коллег выпали, и остался Ядов. Роберт Мертон открыл в социологии науки «эффект Матфея». Разослал в разные журналы уже опубликованные ими же статьи, но с подписью неизвестных авторов. Ни одна не была принята! Научный авторитет автора оригинала статьи был решающим. Видимо, Эффект пророка Матфея сыграл свою роль, и благодаря ему Ядов (скромность не позволяет играть пророка) стал единственным автором теории. Облегчает совесть то, что идею все же предложил я. Считаю, что на вопрос ответил (**И**: Ядов 2005а: 7–8).

В моем понимании, при создании диспозиционной теории личности Ядову удалось спроецировать «мягкие» понятия общей психологии личности в систему лишь складывавшихся тогда понятий социологии личности, и техникой этого проецирования стала созданная им и его коллегами батарея тестов. В том же интервью Ядов, вспоминая дружеский вечер в доме Шота Надирашвили, одного из ведущих специалистов по теории установок (по-грузински установка — «ганцхоба»), рассказал следующее:

В ходе разговора я спрашиваю: Шота, что все-таки есть ганцхоба, какие пропорции бессознательного и осознанного? Хозяин говорит (вообрази грузинский акцент): «Мэри, принеси еще вина». Приносит. «Теперь, Володя, сделай из этой бумажки воронку и заткни пальцем внизу. Друзья, отлейте из ваших бокалов немножечко нашему дорогому гостю. Отними палец и выпей. Можешь сказать, какие пропорции в этом восхитительном напитке? и я не могу сказать. Ганцхоба — это ганцхоба» (Там же: 9).

Безусловно, существует множество причин того, почему в течение последующих четырех десятилетий никому из отечественных социологов или социальных психологов не удалось осуществить столь же многоаспектные поиски в области саморегуляции и прогнозирования поведения личности. В то же время можно назвать причины того, почему Ядову удалось это сделать. И одна из них — он пережил озарение. Оно не приходит к каждому, это и некая «награда», и «крест», который приходится нести. Внезапно пришедшая мысль становится импульсом к работе, порождает творческую активность, и одновременно она налагает на человека ответственность за ее реализацию. Ведь инсайт создает у пережившего его уверенность в верности «увиденного».

Для истории развития проекта важно и то, что осталось в памяти участников. По воспоминаниям Г. И. Саганенко (**И**: Саганенко 2010), работавшей в этом проекте на протяжении всего времени его создания

и реализации, во главе сектора в тот момент был И. С. Кон — по каким-то политическим мотивам В. А. Ядова отстранили тогда от руководства сектором. Обычно запланированные заседания проходили по такому формату: Кон, поддерживая канонические академические традиции, отводил 15–20 минут на разминку, опоздания и проч., рассказывал анекдоты, сотрудники обменивались новостями. В конце концов, надо было обратиться к научно-академической части, и, произнеся сакраментальную фразу «А теперь перейдем к нашим баранам», он передавал бразды правления Ядову. Идея Ядова заключалась в том, чтобы разработать с нуля социологическую теорию и подтвердить ее эмпирическими данными и проверками. Чтобы доказательство было неотвратимым, нужно было охватить ценностные ориентации со всех сторон: выстроить их на всех возможных уровнях (набралось таковых как минимум пять) и учесть все существенное вокруг них. А именно: реальные условия в труде и досуге, поведение в сфере труда, в сфере досуга (позже занялись еще и семьей), эффективность в работе, психологические характеристики респондентов и др. Ну, в общем 20 разных методик, и в сумме потом получилось 1000 разных признаков на одного респондента, не считая обширного интервью (из которого при анализе отбирались только два показателя). Ну, конечно, нужно было разработать надежные методики по всем этим делам, провести солидный пилотаж всего этого исследовательского хозяйства и организовать опросно/исследовательский десант, наверное на полгода, в 13 или около того проектных институтах Ленинграда. И доказать, что ценностные ориентации и прочие установки влияют на то, какие результаты у человека получаются. Инженеры были самой подходящей публикой, чтобы то, что было у них в голове и в их намерениях, как-то корреспондировало с тем, что они делают. Распределили каждому сотруднику разработку методик с учетом его интересов. Саганенко включилась в проверку каждой методики на устойчивость и обоснованность как ее отдельных признаков, так и итоговых показателей.

С. В. Чесноков: Детерминационный анализ

На рубеже 1960–1970-х гг. физик-теоретик С. В. Чесноков начал работать в социологическом коллективе Б. А. Грушина. Он обратил внимание, что социологи используют многочисленные коэффициенты связи как *разные методы анализа* статистических связей, хотя математически это *разные способы определять*, что такое статистическая связь. В методологических проблемах анализа данных в социологии он увидел проблемы оснований математики, используемой в методах анализа. Обилие коэффициентов связи отражало, по его мнению, не развитость науки, а пробелы в понимании природы статистической связи. Далее произошло следующее.

...Хорошо помню, то был февраль 72-го года. За несколько месяцев до того Виктор Яковлевич Нейгольдберг (один из ближайших сотрудников Б. А. Грушина. — Б. Д.) попросил посчитать таблички. Я спросил, что ему нужно, что его интересует. Он подчеркнул клеточки, где был высокий процент по строке или по столбцу. «Вот это особенно интересно. Можно предсказывать поведение». И вдруг все наложилось и сошлось. Коэффициент корреляции для подсчета требует чисел. Но идея связи для своего выражения принципиально в числах не нуждается. Значит, должен быть какой-то способ анализа связей без замены слов числами (И: Чесноков 2001: 96).

В XIX веке, отмечает Чесноков, критики лапласовского детерминизма, приводя примеры вероятностного размытия причинно-следственных связей, опирались на концепцию статистического детерминизма. А методы многомерного анализа строились на базе концепции статистической независимости.

В случае нормальных распределений обе концепции согласуются друг с другом и классические алгоритмы типа линейного регрессионного анализа работают безупречно. А если переменные нечисловые, а о нормальности не может быть и речи? Тогда согласование исчезает, классические алгоритмы не работают. Нужен иной подход.

Какой? Ответ указал красный карандаш Нейгольдберга. По словам Чеснокова, он был для него сродни яблоку Ньютона. Увидев проценты, подчеркнутые красным карандашом, он понял, где разгадка проблемы, над которой думал три года. За отправную точку анализа связей следовало принять статистический детерминизм. Отклонение от статистической независимости становилось мерой существенности факторов. Числа вместо слов? Они не необходимы. Коэффициент корреляции? Он больше не нужен.

Оставалось придать строгую математическую форму вычислениям процентных долей и их приращений в строках и столбцах многомерных таблиц сопряженности. Тех самых процентов, которые в эмпирической социологии были и будут всегда.

Доли в процентах или долях единицы предшествуют идее функциональной зависимости. Если доля равна единице (100 %) — это статистический детерминизм. На языке функций это локальное соответствие, точное правило. Из таких правил состоит любая функция. Правила, точность которых не обязательно составляет 100 %, — это математическая модель так называемых эмпирически реферированных простых предложений. Такие предложения входят в тексты отчетов по результатам социологических исследований. «Молодежь пользуется интернетом» — обычное предложение. «90 % молодежи пользуется интернетом» — эмпирически реферированное предложение. Если подлежащее и сказуемое суть посылка и следствие, правила оказываются

математической моделью индуктивного логического умозаключения, а процентные доли суть меры необходимости и достаточности посылки для появления следствия (Чесноков 2009).

Теперь процитирую воспоминания Чеснокова.

Я обрадовался. И тут же меня охватил ужас оттого, что все слишком тривиально. Это было и радостно, и страшно одновременно. Страшно потому, что предстояло выглядеть человеком, который утверждает, что тривиальные, всем известные вещи, хоженные-перехоженные, содержат нетривиальный смысл. Люди этого не любят. Поначалу, во всяком случае. Потом говорят, что и так все было ясно. Радостно, так как глубокий смысл в действительно простых вещах — необходимое условие науки. Правильная наука всегда начинается с простых вещей. Убежденность в этом я вынес из занятий физикой. Здесь была почва. И главное, открывалась возможность соотнести то, что раньше казалось разрозненным (И: Чесноков 2001: 97).

Вот из таких соображений через несколько лет возник детерминационный анализ, который уже многие годы развивается Чесноковым и его последователями. Интересен рассказ о том, как была издана его книга по использованию детерминационного анализа в социально-экономических исследованиях. В 1980 году он сдал рукопись в издательство «Наука», но поддержки академика С. С. Шаталина было недостаточно для публикации работы. Тогда Чесноков обратился за помощью к Нобелевскому лауреату академику В. Л. Канторовичу. Во время их встречи Канторович подробно расспрашивал о возникновении «детерминационного» правила, о его отношении к общепринятым математическим понятиям, о том, что послужило отправной точкой всей работы. Разговор продолжался больше часа, после чего он согласился дать рекомендацию. Книга Чеснокова вышла в 1982 г. (Чесноков 1982).

При работе над настоящей книгой я попросил Чеснокова прокомментировать все произошедшее. Приведу фрагмент его письма.

Пережитое у Грушина стало для меня сильнейшим потрясением. Оно позволило мне понять и поддерживать внутреннюю логику того, что происходило в моей жизни в течение последующих сорока лет. Почему внутри детерминационного анализа так органично сошлись методы анализа данных, логика Аристотеля и ряд методов Леонида Канторовича? Почему со всем этим органично соседствуют комбинаторика, орфография английского языка, молекулярная генетика и язык дельфинов? Как все это связано с медицинскими регистрами, знаковыми системами у людей и животных, с межполушарной функциональной асимметрией мозга? Найти ответы помог опыт работы у Грушина.

Все дело в особой роли, которую в социальной жизни и системе человеческих знаний играют диалоги. Стремясь узнать о людях, их помыслах

и намерениях, социологи обращаются к разным по «жесткости — мягкости» методам организации диалогов, которые, по Бахтину, фундамент языка. Именно они дают начало «несущим» структурам языка: вербальной и невербальной лексике, лингвистической семантике, простым предложениям, знаковым системам, поддерживающим мышление и язык. Они начало всех знаний о мире. Социологические опросы — частный случай диалогической практики⁴.

Л. Е. Кесельман: Уличный опрос

Во всех приведенных случаях совокупность различных обстоятельств, объективных и субъективных, давала импульс для появления некоей идеи (так сразу представлялось ее автору), которая была способна ответить на массу вопросов, долго преследовавших его, и открывала путь к построению некоей новой концепции, теоретической конструкции. В данном примере итогом озарения стало переоткрытие метода уличного опроса, давно известного журналистам и социологам разных стран, но фактически не использовавшегося в СССР до перестройки. В условиях отсутствия свободы слова, жесткой цензуры социологи не могли выходить на улицу к людям с вопросами об отношении к политике, а население не имело установки, привычки и желания рассказывать незнакомым людям (да еще и на улице!) о своем видении происходящего в стране.

Перестройка и гласность, отмена цензуры, возможность социологов не согласовывать с партийными органами целей исследований и перечня задаваемых вопросов, с одной стороны, и быстро освоенное населением представление о том, что в обществе нет закрытых тем и по любому из них можно иметь собственную точку зрения, с другой стороны, создали условия для использования метода уличных опросов. Первым на это решился Л. Е. Кесельман в 1989 г., накануне первых свободных в СССР выборов в Верховный Совет.

Вспоминая, как все произошло, он подчеркивает, что «вначале возникла не столько идея, сколько сама практика такого опроса». И далее:

Случилось это, можно сказать, на стыке осознания актуальной потребности в информации об отношении избирателей одного из Ленинградских округов к первым в советской истории альтернативным выборам 1989 г. и полного отсутствия обычных при решении подобной задачи ресурсов. Пасмурным февральским днем, мучаясь сомнениями по поводу эффективности предвыборных собраний, которые проводил 28-летний Юрий Болдырев (противостоявший первому секретарю Ленинградского горкома КПСС А. Герасимову) в красных уголках, вмещавших не более полусотни избирателей почти полумиллионного избирательного

⁴ Электронное письмо С. В. Чеснокова Б. З. Докторову от 31 августа 2010 г.

округа, я, преодолев некоторое внутреннее сопротивление, обратился к стоящему в конце пивной очереди мужику с вопросом: «Вы уже приняли решение, как будете голосовать на предстоящих выборах?» Он не послал меня подальше, а ответил по существу, и вскоре я обнаружил, что, пользуясь нехитрыми приемами, можно в считанные минуты получить достаточно надежную и к тому же дифференцированную статистику мнений большого количества людей.

У меня случайно оказался с собой блокнот «в клеточку» в половину формата А-4. Разделив одну из его страниц на десять колонок, я получил «пустографку» для записи кодов получаемой информации. Данные о каждом из опрошенных состояли из четырех позиций. Первая — основная позиция — содержала варианты ответов конкретного человека (респондента). <...>

Пол и принадлежность к четырем возрастным группам (до 30 лет, между 30 и 45, от 45 до 60, старше 60 лет) определял «на глаз». Еще одна позиция — «культурный уровень», которым я, экономя время, попытался тогда заменить показатель образовательного уровня, вызвала впоследствии наиболее сильную критику. <...>

Опросив за два часа примерно 100 человек, я уже в метро, по дороге домой, подсчитал общее распределение ответов. Насколько я помню, пять человек ничего не знали о предстоящих выборах; примерно столько же было не желавших участвовать в них... За кандидата от КПСС предполагали голосовать 13 человек, а за его, как тогда казалось, никому не известного оппонента — 57. Человек 12 не определились с выбором, а остальные не захотели рассказывать о своем выборе.

<...> Возможно, в этих наблюдениях случилось какое-то аномальное смещение, вызванное относительно небольшим объемом выборки, подумал я, и решил, что полученный результат нуждался в проверке.

Вернувшись в округ, я опросил до вечера еще двести человек. С последними из них общался уже при падающем из витрин магазинов свете. Распределение позиций, полученное на общей выборке в триста единиц, практически не отличалось от того, которое было получено на первых ста. Именно эта устойчивость данных, а не относительная «простота» их получения стала для меня главным аргументом в пользу «научной обоснованности» обнаруженного метода. Впрочем, в тот вечер у меня не было уверенности в том, что полученный результат и впрямь может претендовать на столь высокие критерии. Я понимал, что вся эта самостоятельность нуждалась в серьезной проверке (И: Кесельман 2005: 8).

Первое испытание несколько усовершенствованная схема уличного опроса с честью выдержала во время тех «горбачёвских выборов». Имена победителей и уровень поддержки их ленинградским электоратом были названы верно.

Скажу так: Кесельман оказался в нужный момент в нужном месте. В начале 1989 г. ленинградцы как социально-демографическая общность были готовы к участию в уличных опросах, а их образ жизни

и особая география города способствовали формированию благоприятной среды для проведения опросов. Что касается Кесельмана, то на тот момент он, как профессионал и гражданин, был подготовлен не только к осознанию идеи опроса, пришедшей к нему спонтанно, но и к реализации этой идеи. Во-первых, в секторе В. А. Ядова он приобрел навыки разработки опросных методик и интервьюирования. Во-вторых, он адекватно понимал ту меру ответственности, которую взвалил на себя, приступив к изучению мнений и прогнозированию поведения электората. Важно и то, что он сразу стал максимально публичен в отношении результатов опросов и в изложении опросной технологии, которая применялась им и воспринималась многими настороженно. Получаемая Кесельманом информация оказалась в высшей степени востребованной, ее публиковали и комментировали не только ведущие ленинградские средства массовой информации, но и «знаковые» в период перестройки центральные издания.

Неотвратимость исследовательской темы

Выше уже отмечалось, что изучение прошлого американской рекламы и опросов общественного мнения привело меня к рассмотрению случаев озарения в творчестве создателей рекламы и полстеров. Естественно, что у меня возникло желание использовать накопленный опыт в настоящем историко-научном исследовании — было интересно найти случаи спонтанного возникновения идей, которые стали отправными для последующей работы социологов, переживших инсайт. Трудно было рассчитывать на массовость этого явления — оно всегда уникально, но все же поставленная цель была частично реализована. Общепсихологические исследования инсайта доказывают, что природа этого сложного феномена коренится в глубинах сознания человека. Озарение происходит, когда в силу маломощного спонтанно пришедшего внешнего импульса, активирующего одни структуры мышления и тормозящего другие, в сознании человека нарушается существующее упорядочение следов прожитого и пережитого. Перегородка между профессиональным, залегающим глубже профессионального, ненадолго разрушается, и в тот момент образуется новое, нестандартное упорядочение всего жизненного и собственно профессионального опыта человека. Рождается мысль, которая не могла возникнуть ранее.

Существование второго канала возникновения тематики социологического поиска было подсказано текущим анализом накапливавшейся биографической информации, никаких априорных соображений относительно его обнаружения и фиксации не было. Сейчас, чтобы избежать использования слова «рок», я обозначаю этот канал как «неотвратимость исследовательской тематики» в творчестве конкретного

ученого. Порой обнаруживается удивительное постоянство человека в следовании какой-то цели. Очасти эта цель осознаваема, и исследователь планомерно стремится к ее достижению; отчасти она неведома ему, она сама притягивает его. В одних случаях это движение достаточно гладкое, почти непрерывное, в других — скачкообразное, прерывистое. Но в любом случае можно говорить о некоем пространстве, возникшем, сформировавшемся на пересечении биографического, общепрофессионального и макросоциального полей, в котором развиваются жизнь и творчество социолога.

Экономическое сознание. Новосибирский манифест

Много интересного содержится в небольшой по объему книге В. В. Радаева (см.: Экономическая социология 2008), составленной из его интервью с учеными, причастными к созданию в стране экономической социологии. Удачный, обоснованный выбор собеседников позволяет увидеть, как формировалось это направление, какие проблемы решались «поколением учителей» и какие теоретические схемы ими предлагались. Открывается эта книга беседой с Т. И. Заславской, признанным основателем данного направления в России. Из ее рассказа следует, что экономическая социология возникла на базе исследований социальных механизмов развития экономики, проводившихся ею с группой коллег. Сам термин «экономическая социология» возник в процессе поиска названия курса, который надо было читать студентам.

Беседа Радаева состоялась в феврале 2002 г., но текст ее я прочел уже в книжке, подаренной им осенью 2008 г. Знал бы раньше все это, возможно, не задал бы Заславской в моем интервью следующие вопросы: «Как бы Вы объяснили генезис Новосибирской экономико-социологической школы? От чего Вы отталкивались? Ведь не было так, что в какое-то прекрасное утро Вы встали и сказали себе: “Дай-ка я создам экономическую социологию”?»

Т. 3.: А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так. Аганбегян во что бы то ни стало захотел создать на экономическом факультете НГУ отделение социологии; в то время была только специализация студентов с четвертого курса, они писали у нас курсовые и дипломные работы. А для специализации, начинающейся на третий год обучения, нужен был какой-то главный специализирующий курс, и Аганбегян предложил нам его подготовить. Мы с Р. В. Рывкиной, как главные кураторы специализации, стали ломать голову, что же предложить студентам. И пришли к выводу, что на социологическом отделении экономического факультета следует преподавать *экономическую социологию*. При этом мы не имели ни малейшего понятия, что на Западе такая наука, хоть и недавно, но уже возникла.

Однако мы понимали амбициозность такой задачи и предварительно пошарили по разным энциклопедическим словарям на предмет того, что такое физическая химия, химическая физика, биохимия и так далее. Установили, что имя таким наукам чаще всего дается по методу, а уточняющее определение — по предмету. Значит, если метод у нас социологический, то это — социология, а если предмет экономический, то это — экономическая социология. Из этого мы исходили. Ну, прежде всего, какой стороной экономика оборачивается к социологии, что социология может в ней увидеть...

Б. Д.: А потом Вы стали задавать себе вопросы...

Т. З.: Совершенно верно. И мы успели почитать этот курс два или три раза, после чего решили, что можно и нужно делать книгу. Поэтому наша книга носила характер учебника. Может быть, не совсем, но во многом...
(И: Заславская 2007б: 156–157).

Этот фрагмент интервью описывает нечто сходное с озарением, порожденным взаимоналожением размышлений Заславской и Рывкиной о том, какой курс предложить студентам и как его назвать, и стремлением Заславской отреагировать на предложение Аганбегяна, от которого нельзя (или трудно) было отказаться. Но скорее всего, здесь речь должна идти не об абсолютно новой, неожиданной для Заславской идее, а о мощном стимуле к синтезу всего накопленного ею в области изучения социально-экономических проблем общества. Однако интервью с Заславской (в основном по электронной почте, но и личное) и знакомство с ее мемуарами показывают, что ее работа над лекциями по экономической социологии была естественным развитием не только ее профессиональной деятельности, но и ее жизни, жизненной позиции. И рождение «Новосибирского манифеста» лишь доказывает это утверждение.

В любом случае имеющаяся информация позволяет прорисовать продолжительную траекторию движения Заславской к тому моменту, когда ей уже нельзя было не сконцентрироваться на создании экономической социологии, все развивалось неотвратимо. Еще в начале нашей беседы я спросил у нее: «Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство» (Там же: 142). Ее ответ дает представление о начале этого движения. Вот краткое его изложение.

Исходное, по мнению Заславской, то, что ее отец родился в деревне. Хотя он в 13 или 14 лет переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 году

родители впервые отправили ее с сестрой в деревню к папиной двоюродной сестре, и они неожиданно почувствовали себя в совершенно родной среде. Учили деревенские песни и частушки и в целом были абсолютно счастливы. Именно тогда онапустила деревню в свою душу, полюбила.

Но после школы, которую она закончила с золотой медалью, Таня Карпова (после замужества в 1952 г. — Заславская) пошла на физический факультет МГУ, решив следовать путем своего деда-физика. Училась она на отлично, тем не менее к третьему курсу ее стали одолевать сомнения относительно верности избранной профессии. Она чувствовала, что физика — не ее предмет. В конце августа 1945 г., накануне учебного года, ей приснился сон, который она записала в своем дневнике и более чем через полвека упомянула в мемуарах. Ей приснилось, что ее исключили с физфака, и она не посчитала этот сон пустым. На третьем курсе студенты начали изучать политэкономии капитализма, эта тема ее заинтересовала а ее доклад на семинаре группы был прокомментирован преподавателем А. В. Саниной следующим образом: «Послушайте, что она у вас здесь делает? По-моему, ее место не на физическом, а на экономическом факультете!» (Заславская 2007: 291). И это был произнесено в то время, когда Карпова старалась понять, где же именно ее место. В мемуарах Заславской есть такое замечание: «Конечно, я понимала, что слова Саниной были только шуткой, но я восприняла эту шутку как момент истины: “Так вот где мое настоящее место, которое я так долго искала!”».

Зная, что некоторым людям свойственно в состоянии сна видеть некие образы, которые потом сбываются, я спросил Заславскую в одной из личных бесед: «И последний вопрос — в силу моего интереса к теме судьбы... В мемуарах Вы пишете о вещих снах из своего далекого прошлого. А позже Вы получали подобные сигналы о предстоящих поворотах в жизни? Некоторым людям дано разгадывать знаки судьбы, большинство же их проскакивает...» Приведу ее ответ полностью.

У меня на протяжении жизни было около десятка необычных снов. Я не назвала бы их вещими, разве что насчет физфака и еще один, но они были совершенно не похожи на обычные и потому — незабываемы. Несколько лет назад я завела файл «Необычные сны». Первое, что их отличает, — краски. Обычно я вижу цветные сны, но их краски скорее тусклые. В особых же снах они такие интенсивные, каких в реальности мне видеть не приходилось. Иногда бывает ощущение, что это вообще был не сон, а какая-то совсем особая явь. По крайней мере, четыре сна, которые я видела с интервалами в 10–15 лет, оставляли такое впечатление, будто мне показывали что-то необычное, я бы даже сказала, неземное. Но связать эти сны со своей судьбой я в большинстве случаев не могла (**И:** Заславская 2007б: 168–169).

Представляется, что и «вещий сон», и рефлексия по поводу слов преподавателя, которого она, можно сказать, боготворила, были своего

рода личностным озарением. Преодолев массу трудностей самого разного плана, Заславская перешла после окончания третьего курса физфака на второй экономического. И это уже был выбор на всю жизнь.

Глубокое сопереживание деревне возникло из детства, затем это чувство многократно усилилось. В 1947–1949 годах, уже студенткой, она ездила на уборочные работы и увидела разоренную послевоенную деревню. Ее поразила нищета. После войны Москва и вся Россия жили тяжело, но деревенская нищета была на порядок сильнее городской. И ощущение социальной несправедливости по отношению к достаточно большой и близкой ей части общества не могло оставить ее равнодушной. Диплом она писала по оплате труда в колхозах, и ее увлекла история коллективизации. Было много живого материала, и ей хотелось разобраться в нем до конца, чтобы не оставалось вопросов.

Дальше она вспомнила середину 1950-х, когда работала над кандидатской диссертацией, опять же по теории трудодня. Собирая данные, она ездила и жила в деревнях, и виденное ею запомнилось на всю жизнь. Прошло десять лет после окончания войны, но в деревнях Нечерноземья, побывавших «под немцем», люди все еще жили в землянках и зимовали вместе с телятами, овцами и свиньями. Летом 1955 г. ей потребовалось собрать некоторую информацию в Бежецком районе Калининской области (ныне Тверской. — Б. Д.). Пришлось на месяц поехать в колхоз вместе с полугодовалой дочкой и ее 17-летней няней. Везли они с собой абсолютно все: продукты, лекарства, примус, керосин, утюг, корыто, хозяйственное мыло, консервы — потому что в деревне не было ничего. Запасаясь свиной тушенкой, она забыла взять с собой консервный нож. В результате банки пришлось рубить топором — никто из жителей деревни даже не знал о существовании таких ножей.

В 1980 году Заславская с коллегами отправилась в Прибалтику — хотелось понять, каким образом местному населению удастся вести высокоинтенсивное и эффективное сельское хозяйство *при том же самом хозяйственном механизме*. Этот вопрос они задавали всем и получали один и тот же ответ: «У нас другие люди», «У нас не воруют», «Наши люди привыкли много работать», «В России одни пьяницы, работают кое-как», и т. д. Это производило ужасное впечатление. Главный вывод исследования заключался в том, что «качество человека» не менее важно, чем качество хозяйственного механизма. Именно в результате этой экспедиции у нее возникла идея социального механизма развития экономики, одну часть которого составляет хозяйственный механизм, а другую — действия социальных субъектов, зависящие от их социальных качеств.

В логическом и общенаучном плане это уже был шаг к докладу Заславской «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», названному на Западе «Новосибирским манифестом». Но в ходе интервью я попросил ее рассказать историю возникновения этой работы.

К осени 1982 г. мы подготовили исследовательский проект «Социальный механизм развития экономики (на примере аграрно-промышленного комплекса)», рассчитанный на ближайшие пять лет. Его центральная идея заключалась в том, что начинавшийся системный кризис экономики был вызван не столько техноэкономическими и структурными, сколько социальными причинами. Напрашивался вывод о необходимости перестройки всей системы социально-экономических отношений и перехода от административных методов управления — преимущественно к экономическому регулированию народного хозяйства. <...> Текст проекта мы направили в 10 общественных институтов Москвы, Ленинграда и некоторых других городов. Одновременно мы приглашали ученых принять участие в обсуждении идей проекта на семинаре в Новосибирском академгородке 8–10 апреля 1983 г.

В феврале — марте я взяла отпуск, и за пару недель названный Вами доклад был написан. Я попросила сестру оценить написанное. Прочитав, она задумчиво сказала: «Ты знаешь... по-моему, это *не доклад*... Это скорей *манифест*». И действительно, через несколько месяцев доклад был опубликован во многих странах именно как «Новосибирский манифест» (И: Заславская 2007б: 153).

Далее события развивались следующим образом. Доклад понравился Аганбегяну, и он предложил размножить текст для участников семинара. За четыре дня до начала его работы цензура запретила размножение, но Аганбегян пошел на риск, и были отпечатаны сто экземпляров с грифом «для служебного пользования». Каждый экземпляр был пронумерован и адресован конкретному участнику; все были предупреждены, что после дискуссии брошюры необходимо сдать. Работа семинара шла активно, большинство поддержало идеи материалов Заславской, люди говорили о том, что их волновало и о чем в других местах сказать было невозможно. Не получившие препринтов брали их у владельцев на ночь и переписывали от руки.

И все-таки по окончании семинара обнаружилась нехватка двух экземпляров доклада. Вскоре в Институте появились представители КГБ и начали их искать. Были изъяты не только все экземпляры доклада, но и подготовительные материалы. «Встретиться со своим “Манифестом”» и перечитать его Заславской удалось только через семь лет — то был «подарок от лондонской службы ВВС».

В конце июля 1983 г. Заславская простудилась и слегла. Именно тогда от председателя Сибирского отделения АН академика В. А. Коптюга она узнала, что доклад был переведен на английский язык и опубликован в «Washington Post» как «Новосибирский манифест», а экземпляр, попавший в ФРГ, несколько раз в день зачитывается радиостанциями на СССР. Получалось, что она, совсем того не желая, «сыграла против своих». От всего пережитого бронхит перешел в двустороннее воспаление легких, и Заславская на два месяца оказалась в больнице.

Позже выяснилось, что экземпляры препринта, попавшие в США и ФРГ, не имели титульного листа, и потому невозможно было узнать название доклада и фамилию его автора. Поначалу советологи предполагали, что «Манифест» был итоговым документом закрытого семинара в Кремле, но потом авторство было установлено.

«Сеть», как бы покрывающая всю жизнь в целом

Весьма ценным в содержательном и методологическом плане является ответ Ионина на «простенький» вопрос о своем жизненном и профессиональном пути, заданный ему В. В. Козловским, редактором «Журнала социологии и социальной антропологии». Сначала он обозначил парой предложений годы обучения в университете и путь от младшего научного сотрудника до профессора и заведующего кафедрой. Затем отметил то, что в полной мере соотносится с концепцией настоящего историко-научоведческого исследования и релевантно общей направленности развиваемой в книге системы анализа биографий ученых:

Но, как всегда бывает, даже самая скучная биография всегда насыщена жизненной драмой, которая в объективных справочных данных не передается. Поэзия, любовь, природа, дружба, эстетические впечатления — все это не входит в «объективку», но все это часто в гораздо большей степени формирует личность, чем приписанность к тому или иному институту или формальному статусу. Для того чтобы представить или понять чей-то жизненный путь, надо проследить внутреннюю для человека сеть значений, которая «сеть» не только в том смысле, что одно связано с другим, — она как бы покрывает всю жизнь в целом (**И:** Ионин 2007: 3).

То, что у Ионина обозначается как «сеть, покрывающая жизнь в целом», выше было названо неотвратимостью развития жизни и творчества ученого. В порядке иллюстрации общих положений Ионин привел мне две жизненные истории, показывающие, насколько тесно в сознании и деятельности ученого сплетены собственно биографические обстоятельства и тематика его научных работ. Приведу оба этих примера.

В 1975 году, когда Ионин уже работал в Институте социологии, он со своей первой женой снимал дачу в Переделкино. Тогда родился их сын, и они решили его крестить в переделкинской церкви. Зашли, чтобы договориться на пятницу, но женщина, продававшая свечи, сказала им, что лучше планировать на понедельник, потому что в пятницу служит отец Николай, который все сообщает «в органы», а в понедельник — другой батюшка. Мотивация крещения не была чисто традиционной, она была жизненно-эстетической. Древняя церковь в Переделкино принадлежала роду бояр Колычевых, Колычевым был противник Ивана Грозного

митрополит Филипп, а Ионин после просмотра фильма «Иван Грозный» увлекался в то время творчеством Эйзенштейна. К тому же рядом с церковью на переделькинском кладбище была могила Бориса Пастернака, поэзия которого всегда была значимой для Ионина. Таким образом, для него крещение, помимо своего изначального смысла — приобщения новорожденного к Богу, имело еще и символическое значение и тем самым становилось дополнительной ячейкой в сети, покрывающей жизнь.

Подчеркивая не изолированный характер этого эпизода, а сетевой, Ионин замечает, что три года спустя он опубликовал в журнале «Социологические исследования» фрагменты переписки Эйзенштейна с Вильгельмом Райхом — классиком «сексуальной революции». Уже позже, через 20 с лишним лет, он издал перевод «Массы и власти» Элиаса Канетти. С книгами обоих он впервые познакомился у Наума Клеймана — куратора музея Эйзенштейна, с которым он жил в одном доме. Но познакомился с ним Ионин не напрямую, а благодаря женщине, которую он тогда любил; так случилось, что она была большой поклонницей поэзии Пастернака. Далее Ионин заметил, что недавно передал в журнал, редактируемый Козловским, статью на тему, близкую к темам Вильгельма Райха. Все это — ячейки одной сети, которая, заметил Ионин, в «объективке» не прописывается.

Но здесь рассуждения Ионина не обрываются, он идет дальше и говорит об «узлах» этой сети. Один из них он видит в крещении сына, когда вдруг множество «нитей» пересеклось во времени и в пространстве. Узлами могут быть какие-то эстетические переживания, впечатывающиеся на всю жизнь и непонятным образом отражающиеся во всем или вносимые во все, с чем сталкиваешься и чем занимаешься. Все это, по Ионину, и составляет «жизненный и профессиональный путь», понятие, которое крайне сложно эксплицировать.

Теперь — второй пример. Сеть событий и рефлексий по поводу них начала складываться в 1982 году, когда Ионин по приглашению Фонда Александра фон Гумбольдта ездил на год в Германию (тогда ФРГ), где в Билефельде занимался социальной феноменологией. Однажды на небольшом частном коллоквиуме в Орлингхаузене, под Билефельдом, он сделал доклад на тему «Две реальности "Мастера и Маргариты" М. Булгакова». «Мастер и Маргарита» относится к числу его любимых книг. Он хотел взглянуть на магию и на события романа с точки зрения феноменолога. Аудитория подготовилась — в централизованном порядке купили для всех книгу Булгакова в немецком переводе. Доклад понравился, и один из коллег — профессор Б. Вальденфельс, которого сейчас в России довольно много публикуют, — сказал, что было бы неплохо его напечатать в выходящем у него сборнике, но жаль, уже слишком поздно — неделю назад сданы корректуры. Однако через день он позволил и радостно прокричал, что это магия, что такого не бывает, но издательство разрешило включить статью даже на этой стадии. «Проделки Воланда», — сказал он. Так завязался узел, от которого потянулись нити. Через 10 лет статья была опубликована в «Вопросах философии», потом

Ионин включил ее в «Социологию культуры», а через 20 лет в Крыму провел мастер-класс на тему «Новая магическая эпоха» и под его редакцией вышла книга «Постмодерн — новая магическая эпоха». Все это выросло из маленького коллоквиума в Орлингхаузене.

Рассматриваемое интервью с Иониным состоит из двух частей: сначала была его личная беседа с Козловским, через пару лет — наш «электронный разговор». Отвечая на вопрос Козловского о том, что побудило его заниматься социологией, Ионин замечает: «В школьные времена — книга Джека Лондона “Мартин Иден”. Герой там увлекся Спенсером, и это была утопия универсального знания, все объясняющего и дающего ответы на все вопросы». Расценив этот ответ как указание на интерес Ионина к философии Герберта Спенсера, я спросил его: «Вообще-то, переход от Спенсера к Гарфинкелю довольно парадоксален, наверное, что-то было между ними, когда ты еще учился на философском факультете? Может, именно Пастернак и Булгаков?» Приведу ответ Ионина полностью.

Ты придаешь слишком большое значение Спенсеру в моей биографии. Может быть, я сам виноват — надо было сказать не «Спенсер», а «Джек Лондон». Это вовсе не был переход от одной «парадигмы» к другой. Гарфинкель появился в моем поле зрения уже в аспирантуре, до этого, как мне кажется, я каких-то выраженных специфических интересов в философии и социологии не имел. Я видел философию и науку более или менее эстетически. Конечно, и Булгаков («одна теория стоит другой» — слова Воланда, если помнишь), и Пастернак («всесильный Бог деталей»), и Мандельштам, и многие другие уже составили во мне некий умственный и душевный настрой, позволивший узнать в понимающей социологии то, чем я буду заниматься. Отсюда, наверное, и возникли микроуровень и релятивизм как такие метасоциологические основания моего собственно социологического интереса (И: Ионин 2007: 9).

Замечание Ионина о «неком умственном и душевном настроении» мне представляется указанием на стартовую точку его занятий феноменологической социологией. Его рассуждения о сети указывают на то, что в сознании социолога (вообще исследователя) постоянно происходит некий процесс квантования его движения от одного понимания анализируемого им явления, предмета к другому. И эти точки перехода от одного состояния к другому позднее интерпретируются и запоминаются им как узловые точки сети событий и рефлексий по их поводу.

Замечу, в понятии сети и ее узловых точках я не вижу ничего мистического; она формируется в результате продолжительных, начинающихся в ранней юности переборки, выбора и выбраковки того, что «нравится — не нравится», «интересно — не интересно». Уже изначально пространство выбора не бесконечно, оно заполнено чем-то

реализуемым, возможно, лишь кажущимся реализуемым, и ограничено кажущимся «чужим», инородным. Постепенно все это пространство упорядочивается, в нем все меньше случайного, альтернативы отсекаются, и встречи с незнакомым становятся все реже. Сеть создана, человек сам ее создатель. Правда, иногда он — птичка, попавшая в нее.

Не терять преемственности

В 1994 году я уехал из России на постоянное жительство в США. В некоторых случаях переезд фактически не сказывается на профессиональной деятельности человека: в Америке он вскоре находит работу, проходит дополнительное обучение и остается в своей профессии. Другой, возможно, даже более частый случай — когда переезд сопровождается сменой вида деятельности. Моя жизнь включила пятилетний отход от социологии и постепенное возвращение в нее.

Я уже писал, что случайно оказался в социологии по завершении математической аспирантуры в ЛГУ. Сначала отвечал за обработку социологической информации, а потом многие годы областью моего научного интереса и моих служебных обязанностей было обеспечение надежности результатов опросов общественного мнения. В Америке эти мои навыки в полной мере я использовать не смог. Но так произошло, что все годы жизни в СССР одновременно с выполнением своих прямых служебных функций я все годы самостоятельно занимался различными аспектами истории науки. Подобный интерес возник у меня летом после окончания школы, когда уже были поданы документы на математико-механический факультет и я готовился к вступительным экзаменам.

Возможно, эти интересы в годы обучения на матмехе могли бы смениться какими-либо иными, но, говоря словами Ионина, они стали базовыми, сетеобразующими для моего будущего профессионального становления. На третьем курсе я начал ходить на неформальный семинар по биометрике и заниматься методами математической статистики. А чуть раньше я узнал, что двоюродный брат моей матери, живший в Москве, является историком науки. Конечно, я знал и раньше о его существовании, но в школьные годы меня не интересовала направленность его деятельности.

Речь идет о Борисе Григорьевиче Кузнецове, работы которого цитировались при изложении методологии настоящего исследования. Начиная с 1960-х гг. (т. е. во времена политической «оттепели», когда улеглись страсти, вызванные борьбой с космополитизмом, и стало возможным изучать не только творчество русских ученых) в круг его интересов вошли история и методология науки, развитие квантовой физики и теории относительности, науки эпохи Возрождения и ряд смежных областей. Наиболее широко известна его книга о жизни и творчестве

Эйнштейна, но также им были написаны книги о Галилее, Ньютоне, Бруно. В студенческие годы и позже я читал все эти работы, а бывая в Москве, останавливался в его квартире. Безусловно, я не мог вести с ним серьезных профессиональных бесед, так как в то время не предполагал, что специально буду заниматься историей науки.

В 1969 году, уже при завершении работы над кандидатской диссертацией по психологии, я по совету Б. Г. Ананьева пытался выявить пути миграции факторного анализа в различные области исследования психологии человека. В частности, мной был сделан первый обзор использования этой математической техники советскими психологами начиная с 20-х гг. В 70-е годы много времени было отдано изучению истории математической статистики. Меня интересовали наследие Фрэнсиса Гальтона, открывшего закон регрессии и коэффициент корреляции; теория Чарльза Спирмэна о существовании интеллектуального «general factor» и его однофакторный анализ, который со временем превратился в многомерный факторный анализ; деятельность Карла Пирсона, математика и философа, наметившего общие принципы и изложившего методы современного статистического анализа; наконец, работы Рональда Фишера, классика в области математической статистики и анализ сложных биологических закономерностей. Центральной фигурой всего этого проекта стал Пирсон. Было собрано немало материала, готовилась серия публикаций, но на рубеже 70-х и 80-х гг. я задумал делать докторскую диссертацию по методам изучения общественного мнения, и историко-научоведческие штудии пришлось сначала законсервировать, а потом и вовсе прекратить.

В конце 1980-х гг., как реакция на решение о развитии в СССР кооперативов и ряда других начинаний в области социально-экономических отношений, у меня появилась идея начать изучение работ В. В. Леонтьева-старшего, С. Н. Прокоповича, М. И. Туган-Барановского и других ученых этого поколения. Но отъезд в США прервал намечавшуюся работу.

Возникший на рубеже старого и нового веков интерес к прошлому американских опросов общественного мнения не был в прямом виде продолжением моих историко-научоведческих размышлений, сохранившихся лишь в памяти (архивы я не мог взять с собой в Америку), но расширением исследований рабочих характеристик современных опросов общественного мнения. В то же время без многолетнего опыта изучения работ Пирсона и других классиков биометрики и математической статистики я, скорее всего, не рискнул бы в начале 2000-х гг. углубиться в биографию и творчество Джорджа Гэллапа.

Во введении к этой книге отмечается, что мое обращение к истории советской/российской социологии было вызвано не стремлением рассмотреть те или иные периоды прошлого, но лишь желанием сопоставить

генезис становления и развитие американских и советских опросов общественного мнения. При этом мне казалось, что я никогда ранее не задумывался об изучении прошлого советской социологии. Однако я ошибался. В конце 2008 г. я обнаружил в своем домашнем архиве мое письмо в редакцию журнала «Социологические исследования». Оно увидело свет в первом выпуске журнала за 1987 г. и называлось «Не терять преемственности» (Докторов 1987). Приведу текст полностью.

Оглядываясь на развитие социологии в нашей стране за последние четверть века, анализируя более чем десятилетнюю деятельность журнала «Социологические исследования», все сильнее убеждаюсь: в журнале необходима рубрика «Из новейшей истории советской социологии». Здесь могли бы печататься итоги собственно историко-научных изысканий, не опубликованные ранее результаты исследований, документы, отражающие работу социологических коллективов, хроника прошлых лет, воспоминания.

Чем продиктовано такое предложение?

Во-первых, четверть века — немалый срок для науки и назрела необходимость в глубоком осмыслении пройденного пути. В социологической науке «нового времени» уже прорисовывается своя периодизация, без понимания генезиса отдельных исследовательских направлений невозможно их дальнейшее плодотворное развитие; необходимо охарактеризовать и формирование методического арсенала социологии, и т. д.

Во-вторых, сегодняшние 25–30-летние социологи — это третье поколение специалистов. То, как развивались социологические исследования в 50–60-х годах, как формировались научные направления, как складывались творческие коллективы, молодым практически неизвестно. Этот период кажется им далекой историей. Следовательно, не в полной мере обеспечивается необходимая для эффективного функционирования науки преемственность, снижается эвристическая роль школы, традиций.

В-третьих, в нашей социологии, к сожалению, еще не выработано серьезной культуры описания самого исследовательского процесса. Одна из главных причин этого — слабое знакомство с творческой лабораторией признанных мастеров науки. Центры социологической документации можно пересчитать по пальцам. Много ценнейшей информации об исследованиях хранится лишь в памяти участников или в их домашних архивах. И сегодня необходимо сделать все, чтобы накопленный опыт не был утерян.

В-четвертых, чем больше мы удаляемся от, казалось бы, недавнего прошлого, тем труднее восстановить ту атмосферу, которая во многом предопределила современный этап отечественной социологии. А это крайне важно для понимания многих проблем ее дальнейшего развития.

Таким образом, здесь наблюдается мое не прямое, но последовательное движение от юношеского интереса к истории науки — к разработке тематики, в определенном смысле охватывающей многое, чем

мне пришлось заниматься в течение почти полувека. Действительно, на этом пути было много случайного, неожиданного, в том числе — и отъезд в Америку, но в целом все движение представляется монотонным, достаточно прямолинейным, внутренне упорядоченным.

Б. М. Фирсов о своем разномыслии и разномыслии в СССР

Книга Б. М. Фирсова «Разномыслие в СССР» (Фирсов 2008) представляется мне по-настоящему биографичной и «неотвратимой» в судьбе ее автора. Биографичность легко обнаруживается в тексте, неотвратимость — тоже просматривается, но все же ряд комментариев по этому поводу хотелось бы сделать. Как легко понять, неотвратимость обращения социолога к разработке тех или иных тем порождается множеством жизненных коллизий и особенностями его профессионального пути, и историко-биографический анализ позволяет во многих случаях прочертить, восстановить этот путь. Таким образом, жизненный путь социолога прописывается в истории науки и тем самым история приобретает еще одно «человеческое лицо».

Предмет книги Фирсова — общественное сознание советских людей, ее жанр — социальная история современности; по стилю она близка к исповеди социолога. Такая книга могла быть написана лишь человеком, имеющим собственный опыт наблюдений и переживаний процессов, происходивших в СССР в сороковых — шестидесятых годах. Вместе с тем она остро современна; в ней представлена динамика восприятия социальной реальности шестидесятником, которого перестройка заставила переосмыслить многое в обществе и в себе.

Заголовок этого раздела «склеен» из заголовков указанной книги Фирсова и биографического интервью с ним, проведенным за несколько лет до выхода в свет этой работы и озаглавленного «...О себе и своем разномыслии...» (И: Фирсов 2005). Тогда на мой вопрос о планах Фирсов сказал, что Фонд Форда поддержал его проект «Разномыслие в России 1953–1991 гг.», ориентированный на изучение процесса разрушения монолита советской системы. Результаты задуманных им исследований он предполагал соединить с личными впечатлениями о событиях прожитой жизни. Он многое видел и о многом думал. Но относительно части событий, современником которых Фирсов был, он считал себя лишь формальным свидетелем — в моменты, периоды их свершения они не были источниками его глубинных переживаний. Так, в биографическом интервью он замечает:

Я не герой перестройки, и тем более не прораб, как плеяда моих друзей-«шестидесятников». Я исполнил все ритуалы того времени — голосовал за Горбачёва, пока не иссяк запас его интеллектуальной энергии и решительности, утром первого дня путча вышел из рядов КПСС, прошагав

в ее рядах 39 лет, и естественно, без колебаний принял сторону Ельцина. Однако во мне созрело твердое убеждение перейти на позиции принципиальной беспартийности и не открывать беспроцентного кредита ни одному из лидеров страны, чье правление придется на последнюю половину моей жизни. К тому же в момент, когда я получал последний, надеюсь, подзатыльник от местных властей осенью 1984 г., я сказал самому себе «Радуйся! Ты стал свободным от них» (И: Фирсов 2005: 10).

Рефлексия по поводу всего прожитого и состоявшегося наступила в более зрелую пору жизни, тем не менее долг социолога и гражданина стал для Фирсова мобилизирующей основой для анализа и разномыслия в стране, и воспоминаний его собственного разномыслия.

До разработки темы разномыслия Фирсов в течение многих лет изучал аудиторию телевидения и мировые тенденции в развитии средств массовой информации, анализировал общественное мнение, исследовал проблему качества современного населения страны, погружался в мир россиян, живших на рубеже XIX и XX вв., наконец, опубликовал книгу по истории советской социологии. А еще раньше у него была блестящая карьера комсомольского активиста, партийного функционера высокого уровня и директора Ленинградского телевидения. Безусловно, опираясь на такой многообразный жизненный и профессиональный опыт, можно было приступить к изучению разномыслия. К тому же в 1992 г. Фирсов начал создавать Европейский университет в Санкт-Петербурге, а потом в течение двух сроков был его ректором.

Однако его обращение к столь экзотической теме мне было не совсем понятным, и я задал вопрос, аналогичный тому, что использовался в интервью с Т. И. Заславской: «Трудно допустить, что так просто, проснувшись как-то утром и выпив чашку кофе, ты сказал себе: “А не сочинить ли мне повестушку”?» Действительно, Фирсов согласился с тем, что подобную книгу можно было писать лишь по итогам прожитых лет, но при этом мои частные гипотезы относительно мотивации изучения разномыслия он отверг, сказав: «Строго говоря, ты не угадал. Твоей пули в “десятке” нет». И далее:

Я давно, еще в перестроечные годы, понял, что время СССР заканчивается, грядет другая жизнь, стал размышлять на тему, а почему это происходит, почему «великий могучий Советский Союз» так бесславно завершает свой исторический путь. Одно из самых убедительных объяснений тому в процессе внутренних диалогов с самим собой я связал с трансформациями сознания, с его медленным, но неуклонным развитием в сторону отказа от социалистической (коммунистической) идеи. Это была своеобразная «контр-эволюция» сознания советского общества, подготовившая крах советской системы. <...>

Ясно, что я опирался на собственное мироощущение, лучше сказать, мирочувствие. Но серьезно писать об этом, будучи директором Ленин-

градского филиала Института социологии РАН, а затем ректором Европейского университета в Санкт-Петербурге, я не мог. Не было времени (И: Докторов, Фирсов 2008: 154).

Итак, спонтанности в разработке Фирсовым темы разномыслия не было, наоборот, было медленное продвижение в понимании сознания разных групп населения, прежде всего своего поколения — «шестидесятников», и боязнь оказаться излишне назойливым в описании опыта собственного разномыслия.

Книга Фирсова — многопланова, и в значительной мере ее можно рассматривать (хотя сам автор этого не акцентирует) как исследование по истории советской/российской социологии. Поскольку главная тема книги — разномыслие, то мне показалось естественным узнать у него, можно ли найти в доперестроечных работах советских социологов признаки разномыслия. Ответ был таким: «Разномыслия могло быть больше! Но власть сильно мешала разными способами». Дальше приведу аргументацию Фирсова.

По его мнению, свободой духа, так отличавшей диссидентское движение, не обладали ни советская социология, ни основная масса профессиональных социологов на старте возрождения своей науки. Социология и ее горячие поборники находились в цепком плену государственной идеологии. Выход за «красные флажки» марксизма и обращение к иным теоретическим представлениям и взглядам на общество были сопряжены с рядом опасностей, угрожавших самой возможности продолжения творческой научной деятельности. Кроме того, необходимо сказать еще о двух факторах. Первый — *вера* в справедливость марксизма как учения об обществе, привитая в результате длительного идеологического и образовательного воздействия. Второй — *относительно слабая осведомленность* о немарксистских взглядах на развитие общества, а в ряде случаев неграмотность в том, что касалось истинной сложности и разнообразия взглядов мировой социологической науки на свой предмет. Переход к плюрализму социологического объяснения мира и развития собственного общества происходил медленно и часто внутри сознания самого исследователя.

Влияние марксистских догм Фирсов называет *первопричиной* относительно медленного развития коллективной ментальности социологов в направлении оппозиционного противостояния истмату. Советская обществоведческая (социологическая) мысль находилась длительное время в противоестественном состоянии, оставалась *искусственно замороженной* с помощью марксистской методологии вплоть до середины 80-х гг. И поэтому советская социология не решила своей главной задачи — не предсказала неизбежность ожидавшей общество трансформации.

Вследствие несвободы социологической мысли история возложила диссидентство на представителей других обществоведческих дисциплин: философов, историков, а также людей свободных профессий, среди

которых было больше беспартийных, чем среди первых социологических когорт, и потому в той среде активнее циркулировали либеральные идеи. Отмечает Фирсов и то, что власти особо «приглаживали» за результатами социологических исследований и малейшее проявление политической нелояльности обычно вело к отлучению ученого от собранных данных и возможности их анализа. Это делало социологов менее «оппортунистичными» в сравнении с другими обществоведами.

Повторю: в своей предметной направленности книга Фирсова относится к социологии массового сознания советского и постсоветского общества, но сделаю существенное уточнение — к социологии *девиантного* сознания. Другими словами, в ней рассказывается о представлениях и поступках тех групп населения, которые пытались думать о социальном устройстве страны иначе, чем предписывалось.

Инакомыслие, по-Фирсову, это одна из раскрепощенных форм общественного сознания. Разномыслие подразумевает, что человек при создании своей реконструкции картины мира серьезно критикует конституирующие этот мир идеи, но не порывает с ним. В случае инакомыслия ментальная картина мира в голове индивида радикально иная, она опирается на другой тип устройства общественной жизни. К примеру, апофеоз советского инакомыслия Фирсов видит в диссидентстве, которое опиралось на культуру поступка, связанного с экзистенциальным протестом.

Начиная работу, Фирсов исходил из «общепринятого»: восемь первых послевоенных лет были мертвым периодом истории, люди, приученные к безгласному повиновению в период «большого террора», продолжали молчать. Раскрепощение страны следует отсчитывать с марта 1953 г. и наступившей вскоре хрущёвской «оттепели». Исследование показало, что наряду с *коллективным* молчанием в стране никогда *не прекращались* индивидуальная и групповая (в малых группах) рефлексия окружающей жизни и выражение разных мнений в «укрытиях», роль которых выполняли близкие люди, спаянные совместным переживанием происходившего. Альтернативой подобной рефлексии был пессимизм выживших. Даже тоталитарный режим оказался не в силах «прекратить» тайную духовную жизнь, ибо индивидуальность человека и различия людей в отношениях с окружающим его миром заданы изначально. Отсюда вывод: единомыслие скорее частный случай, исключение из правила, *правилом же является разномыслие*.

Прожитое подталкивало Фирсова к размышлениям, составившим основу его книги. Конечно, могло случиться, что он не написал бы ее, тогда, скорее всего, ее не написал бы никто. Безусловно, в общем случае подобное можно сказать о любой сложной и оригинальной работе, но здесь мы имеем дело с таким социологическим взглядом на мир, который возможен лишь у человека, погруженного в аналогичное простран-

ство социальных отношений. Невозможность подобного индивидуализирует «неотвратимость», и у каждого она своя.

Драматическая социология

Осуществленное А. Н. Алексеевым в 1980–1988 гг. исследование невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (Алексеев 2003, 2005). Небольшой тираж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким; но его потенциальная читательская аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

В начале 1980-х гг. ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом успешного журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института, на один из крупных ленинградских заводов. Это не был вынужденный акт, скорее — собственная инициатива. Став наладчиком и оператором координатно-револьверного прессы, позволявшего производить на листовых деталях высокоточные дыропробивные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многое из увиденного — прочувствованного — осознанного стало ядром его повествования.

Исходно наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутрицехового и общезаводского масштаба. Анализируя эти взаимоотношения, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» множество форм поведения рабочих, противоречивших стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду»: разрешенные и отчасти даже поощряемые руководством нарушения трудового законодательства; пьянки «с умом» на рабочем месте; «халтура» по-рабочему, т. е. не плохая работа, а, наоборот, сделанная при минимуме трудозатрат и выгодная себе и производству; «партизанщина» — самовольное нарушение технологии; искусственное сдерживание роста производительности труда; и многое другое.

К началу 1980-х гг. подавляющая часть выявленного Алексеевым была хорошо известна «работягам», не было это все тайной и для большинства заводских социологов. Однако «лукавая» отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировали, а массовые опросы не фиксировали тщательно оберегаемые от внешнего наблюдателя стороны жизнедеятельности производственных коллективов. К тому же широкое обсуждение негативных аспектов организации

труда рабочих — «ведущей силы» советского общества — грозило исследованием массой неприятностей. В полной мере их испытал на себе и Алексеев.

Поначалу то, что им делалось, относилось к социологии труда, но через пару лет предмет его исследований заметно расширился, хотя он не стремился к подобному разрастанию проекта. Как говорится, в один прекрасный день на квартире Алексеева был произведен обыск в связи с уголовным делом, к которому он не имел никакого отношения. Милиция вскоре признала «ошибку», но все дневники, письма, материалы наблюдений владельцу не были возвращены — их передали в органы госбезопасности. Начались встречи с сотрудниками КГБ и их беседы с его друзьями и знакомыми, у которых пытались найти подтверждение его антигосударственной деятельности. Через три месяца часть отобранного вернули, но отказали в возврате нескольких научных сборников с грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц рабочих материалов. Вслед за обыском «случайно» произошел взлом квартиры, но ничего из того, что обычно представляет интерес для воров, не пропало. На заявление потерпевшего был дан ответ: все совершенно тринадцатилетним хулиганом, слишком юным для предъявления ему обвинения.

Жизнь и далее активно «помогала» Алексееву, открывая перед ним бесконечные возможности для наблюдений и обобщений. О них он и мечтать не мог, не то что планировать. По представлению КГБ завод начал процедуру его исключения из КПСС, в которой он к тому времени состоял почти четверть века. Его обвиняли в пренебрежительном отношении к советской науке, рабочему классу, в проведении социологических исследований политически вредного характера и распространении клеветнических материалов на советскую действительность. Вскоре его исключили из партии. Далее свои ряды от него «очистили» Союз журналистов, членом которого Алексеев был свыше двух десятилетий, и два других профессиональных объединения: Советская социологическая ассоциация и Всероссийское театральное общество.

Так исследование, исходно фокусированное на анализе маленькой клеточки социального организма (первичный трудовой коллектив), постепенно включило наблюдение за крупными *системными* образованиями и поднялось до уровня изучения человека в системе «социалистических общественных отношений».

Краеугольным элементом методологии Алексеева, позволившей ему обнаружить и описать недоступное другим социологам, стала введенная им новая разновидность социологического метода наблюдения. Традиционно выделяют включенное, или участвующее, наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую позицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новшество

Алексеева — *наблюдающее участие*, предполагающее изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования». В этом случае наблюдатель становится активным участником происходящего и познаваемого, решая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретном явлении или процессе раскрываются, проступают те стороны, свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так, по Алексееву, заурядное становится *моделью* общего (Алексеев 2003, т. 1: 179).

Эта «процедурная» добавка, точнее социологическое действие, превратила участвующее *наблюдение* в *наблюдающее участие* и принципиально изменила логику исследования. На смену наблюдению с целью познания пришло познание через действие, или познание действием. Социолог выступает уже не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы». Отсюда и возник термин, которым Алексеев характеризует свой подход, — *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*.

Можно предложить и несколько иную интерпретацию природы метода Алексеева и результатов его социально-научного эксперимента. Он смог выйти за рамки традиционного для 1980-х гг. видения советской социологией механизмов функционирования трудовых коллективов, особенностей образа жизни некоторых групп населения и деятельности ряда властных институтов. Поэтому его социология сразу стала *драматической*. В новом для того времени семантическом пространстве слабо действовали наработанные советскими социологами приемы анализа социальной информации, возникла потребность в выработке новых способов прочтения и описания наблюдаемого. Так появилась потребность в ауторефлексии.

Помимо нетривиального общетеоретического и методолого-методического содержания, «Драматическая социология» привлекает внимание своей гражданственностью, более точно — поисками социальной роли социолога. При этом автор избегает использования термина «эксперимент на себе», считая, что это звучит слишком красиво, но именно этот термин адекватно передает его исследовательский метод. И. С. Кон в письме Алексееву (автор письма прислал мне копию) справедливо заметил: «Люди предпочитают анализировать не свои, а чужие страдания, так что подражать Вам мало кто захочет»⁵.

⁵ Электронное письмо И. С. Кона А. Н. Алексееву от 22 июля 2009 г.

Особая тема — *жанр* книги, ибо подача материала в ней далека от академических канонов и поэтому может порождать представление о том, что книга должна идти не по «департаменту» социологической науки, а номинироваться «по разряду» литературных или журналистских произведений. Подобная точка зрения представляется мне ошибочной. Во-первых, совершенно неоправданно исключать эту работу из круга социологических исследований, каковой она является в первую очередь. Во-вторых, признание справедливости этой точки зрения фактически означало бы, что феноменология проекта Алексеева определяется не всей совокупностью действий, осуществленных им, но лишь формой изложения полученных результатов.

В действительности форма изложения содержания обсуждаемой книги является производной от объективных обстоятельств, детерминировавших логику и технологию исследования автора. Каждый, кто поставит себя на место социолога, не просто наблюдающего процессы, которые происходят в трудовом коллективе в связи с необходимостью решения комплекса производственных проблем, но работающего в этом коллективе, придет к заключению, что оптимальным приемом фиксации увиденного будет ежедневное ведение подробного дневника. Последовавшие вскоре после начала эксперимента события в жизни Алексеева и его контакты с представителями различных формальных и неформальных образований внутри завода и за его пределами стали источником огромного числа документов, производимых и этими образованиями, и самим «наблюдателем». Следовательно, каким бы ни было (в будущем) решение о форме изложения итогов наблюдений, безусловно, оно должно было предусматривать обращение к дневниковым записям и собранным документам. Более того, стремление соблюсти нормы оформления материалов научного эксперимента обязывало бы автора к возможно более полному воспроизведению документов и максимально развернутому цитированию дневниковых записей и его писем коллегам на темы исследования.

Установка на рефлекссию и саморефлексию автоматически вносит фигуру автора, его «я», в текст отчета о результатах работы. Эта *личностность* не вписывается в ортодоксальное понимание эпистемологии исследований, базирующихся на использовании жестких методов. Своего, личностного советские социологи, как правило, избегали в доперестроечные годы, поэтому в своих текстах они сдерживали себя в рефлексии и воздерживались от саморефлексии.

* * *

Приведенные рассказы социологов о возникновении предметно-объектных характеристик их многолетних поисков оправдывают название данной главы — «Подсказано прожитым». Но это лишь часть того,

что присутствует в собранных материалах о зарождении исследовательских замыслов ученых. Помимо этого, во всех рассмотренных случаях воспоминания относятся ко времени профессиональной работы моих собеседников. Однако есть в интервью и примеры «подсказок», импульсов, которые запомнились опрошенным с доначного периода их жизни. Подобные «толчки» были «уловлены», восприняты ими на ранних фазах социализации и разбудили в них множество интересов, позже осознанных как своеобразный «зов профессии».

В беседе с Яковом Ильичем Гилинским, многие годы отдавшим изучению девиантного (отклоняющегося) поведения, меня интересовало, почему при выборе профессии он остановился на юриспруденции. Приведу фрагмент его ответа.

Еще в школе прочитал Канта, Спинозу, древнегреческих философов, александровскую Историю философии (позднее разгромленную А. А. Ждановым) и многое другое. У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков «Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями? (И: Гилинский 2005: 4).

Романтично описывает начало пути к профессии историк и социолог Владимир Иванович Ильин.

Мое профессиональное самоопределение произошло еще до школы. Родители любили исторические романы и читали их мне на ночь. Где-то лет в шесть я нашел в нашем дворе (территория нынешнего Ейска входила до конца XVIII века в Крымское ханство) большую турецкую монету. Я ее воспринял как чудо, уносящее меня в фантастическую древность, где носились татарские орды, схлестываясь с русскими витязями. Все школьные годы она была для меня источником вдохновения. Я регулярно держал ее в руках, буквально подпитываясь ее таинственной энергетикой. И еще до школы мечтал стать историком (И: Ильин 2010: 136).

Многие десятилетия деятельности Виктора Андреевича Артёмова отданы исследованию вопросов, относящихся к широкой и многогранной теме «общество, человек и время». Вспоминая школьные годы, он замечал:

А то, что учился хорошо — это просто усердие, понимание нужности, самолюбие и время, время, время, потраченное на подготовку домашних заданий... Время было моим главным ресурсом, может быть, тогда спудно и рождался научный интерес ко времени (И: Артёмов 2008: 4).

Трагические реалии военных лет привели в философию Андрея Григорьевича Здравомыслова.

Родился я в 1928 году, и это означает, что 22 июня 1941 года мне исполнилось 13 лет. Как и у большинства сверстников, с началом войны закончилось мое детство. Отец и маленький братец погибли от голода в блокаду. Бомба в 500 кг весом разрушила дом, в котором мы жили. Мы были эвакуированы из Ленинграда по льду Ладожского озера в феврале 1942 года. Но голод не прошел бесследно. Блокада оказалась вписанной в мое тело. С 1944-го по 1948 год я пролежал в больнице с туберкулезом позвоночника. Там я окончил школу и поступил на заочное отделение философского факультета ЛГУ: опыт болезни располагал к философствованию о смысле жизни (**И:** Здравомыслов 2006б: 154).

Все рассмотренное позволяет если и не утверждать, то формулировать в виде гипотезы положение о *биографической* обусловленности творчества социолога. Этот вывод распространяется не на все, что делается ученым, ведь многие его проекты, начинания — проходные, но во всем главном в каком-то виде отражено, присутствует прожитое, пережитое им. Не стоит абсолютизировать данный вывод — не только *биографический* фактор детерминирует стиль и характер деятельности социолога, тематическую направленность его исследований. Если бы так было в действительности, то сложно было бы говорить об объективности социологического знания и вообще относить социологию к науке.

И все же, думаю, многие согласятся с тем, что творчество всегда биографично.

Глава 10

История правдива, только если она полна

Сегодняшняя история постхрущёвской советской/российской социологии — не говоря уже о более удаленном прошлом отечественной социологии — может быть представлена как множество «белых пятен», внутри которых и в пространстве между которыми есть нечто изученное, известное.

Прежде всего, написанная история слабо наполнена именами тех, кто ее делал и продолжает делать. Это одно «крупное» «белое пятно». Численность двух первых профессиональных когорт была невелика, но и не настолько мала, как это можно понять из опубликованных историко-наукоедческих исследований. Особенно слабо представлены в них социологи, работавшие вне Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Более десяти лет назад одним из первых на этот своеобразный «цент-

ризм» в освещении истории социологии советского периода справедливо указал Н. А. Аитов (Аитов 1970).

Есть другое, существенное по площади, «белое пятно». Советская социология делалась не только на территории России. Сильные коллективы работали в Украине, Белоруссии, Эстонии, Литве, создавались школы в Грузии и Армении. Без изучения сделанного в этих странах история советской социологии не может считаться полной. Приведу мнение Ж. Т. Тощенко по поводу высказанного мной в нашем интервью суждения — «...ведь Москва становилась центром социологических исследований».

Я хотел бы высказать сомнение по поводу Вашего утверждения, что Москва в то время была центром социологических исследований. В первой половине 1960-х годов еще только созревали предпосылки для появления значительных лиц и проектов, если не считать исследования Г. В. Осипова, посвященного рабочему классу. В шестидесятые годы существовало даже расхожее выражение «Москва — социологическая провинция». В то время признанными центрами были Ленинград (В. А. Ядов), Свердловск (Л. Н. Коган), Уфа (Н. А. Аитов), Новосибирск (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, В. И. Бойко). Достаточно уверенно демонстрировали свои силы социологи Минска (Г. П. Давидюк), Харькова (Е. А. Якуба), Тбилиси (А. А. Габиани). Были серьезные социологические центры (я не говорю о своей лаборатории при Красноярском университете) на Алтае (В. Н. Барулин, затем С. И. Григорьев), в Иркутске (Г. И. Мельников), Горьком (С. Ф. Фролов), Куйбышеве (Е. Ф. Молевич), Перми (З. И. Файнбург), Орле (И. Т. Левыкин), Саранске (А. И. Сухарев), Челябинске (В. Г. Мордкович), Донецке, Ростове, Ереване, Ташкенте и других городах. Каждый из этих центров внес серьезный вклад в развитие социологических исследований. Тогда существовала практика регулярных встреч — конференции, семинары, круглые столы; все это давало новые возможности для углубленного решения теоретических и прикладных задач (И: Тощенко 2007: 155).

Никогда ранее не слышал о «социологическом провинциализме» Москвы на советском фоне, но очевидно, что тема соотношения «центра» (или центров) и «периферии» в процессе развития социологии в СССР в 60-е гг. и позже требует своего направленного анализа.

Еще одна скрытая, не известная нам социология «лежит» в квартирах ученых, в шкафах давно существующих секторов, на полках научных библиотек, в темных кладовках институтов, в закромах КГБ, архивах документов КПСС и других властных организаций. Определенная часть информации хранится в библиотеках зарубежных университетов и исследовательских центров. К примеру, часть своих богатейших архивов Б. А. Грушин и Л. Н. Столович передали в Стэнфордский университет. Одна из целей исторических поисков — сокращение количества

и уменьшение площадей указанных «белых пятен». И этот процесс нельзя затягивать, откладывать на «потом». Уходят свидетели полувекowego процесса развития советской/российской науки, и многое из еще сохраняющегося вскоре может исчезнуть навсегда.

И все же проблема есть

Очертить предметную направленность исследований советских социологов, оценить состояние методического арсенала и значение полученных ими результатов помогают прежде всего именно опубликованные книги, статьи, сборники тезисов. Но ясно и то, что существовало множество объективных и субъективных, внешних и внутринаучных, локальных и повсеместно проявлявшихся обстоятельств, препятствовавших публикации сделанного, адекватному изложению полученных исследователями фактов и выводов. В главе 3 приведено воспоминание Л. Н. Когана о том, что в силу давления на социологов местного партийного руководства и дирекции предприятий, на которых проводились опросы, ученые не смогли включить в книгу многие «компрометирующие» завод цифры, а значит, — и соответствующие выводы.

Т. И. Заславская считает попросту «стертыми» три года своей жизни. В 1959–1961 годах она вместе с коллегой разрабатывали методику сопоставления производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США. Получалось, что в конце 1950-х гг. производительность сельскохозяйственного труда в США была выше, чем в СССР, в среднем в 4–5 раз, но незадолго до окончания их работы Н. С. Хрущёв с трибуны партийного съезда заявил, что разница составляет «в среднем в 3 раза». Отдел науки ЦК КПСС немедленно распорядился вернуть в институт, поместить в сейф и опечатать уже разосланные экземпляры доклада; более того, у них отобрали даже все расчетные материалы. О публикации почти готовой монографии и думать не приходилось. Она радовалась тому, что их не уволили, не понизили в должности и не дали партийных или административных выговоров (И: Заславская 2007б: 147).

Интересна история публикации монографии «Человек и его работа», с которой во многом началось становление постхрущёвской российской социологии. По воспоминаниям В. А. Ядова, при ее подготовке издательство «Мысль» запросило официальную рецензию у Н. И. Лапина. Он ничего не сказал Здравомыслову и Ядову, а сами они узнали об этом лишь после выхода в свет в 2003 г. книги «Человек и его работа в СССР и после» (Здравомыслов, Ядов 2003). В обновленном издании они восстановили главу о советских и американских рабочих и пояснили, что цензура изъяла ее в первом издании. Они подарили новую книгу Лапину, и вскоре он звонит и говорит: «Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась

принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу» (И: Ядов 2005а: 3–4).

Теперь опишу этот же сюжет в изложении Н. И. Лапина. В 1965 году директор издательства «Мысль» попросил его дать внутреннюю рецензию на рукопись «Человек и его работа», поскольку поступила авторитетная внешняя рецензия, в которой выражались большие сомнения в целесообразности публикации данной монографии в представленном виде. Лапин поддержал ее издание, предложив снять только одну, последнюю главу, в которой авторы полемически сопоставляли свою позицию с позицией одного из американских социологов и которая вызвала наибольшие возражения рецензента и сомнения директора издательства. Авторы согласились, и рукопись была опубликована (И: Лапин 2007: 149).

Еще одну историю, относящуюся к концу 1960-х гг., напомнил А. Г. Здравомыслов (И: Здравомыслов 2006а: 5). Отдел пропаганды ЦК КПСС включил его в группу по изучению идеологической работы в Ленинграде и Пензе. Были получены уникальные данные о состоянии массового политического сознания, которое сильно модифицировалось в зависимости от профессии респондентов. Главные выводы исследования были сформулированы в ротационном издании «Пропаганда и ее восприятие. Социологическое исследование эффективности» (Здравомыслов 1969в). Суть их состояла в следующем. Во-первых, уровень пропаганды был явно занижен в сравнении с уровнем развития массового сознания. Во-вторых, автору удалось выделить четыре типа сознания, обозначенных им как «неразвитое», «стереотипизированное», «скрытое» и «критическое». Работа была издана тиражом 100 экземпляров, и каждый из них пронумеровали. На титуле значились три организации: Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, Советская социологическая ассоциация и Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Через несколько дней после того, как Здравомыслов получил авторский экземпляр, ему позвонил ответственный партийный работник из аппарата ЦК и сообщил, что все экземпляры книги должны быть собраны и сданы в первый (секретный) отдел. Тираж подлежит уничтожению. На его вопросы объяснений не последовало. За время, которое прошло между поступлением тиража и звонком, Здравомыслов успел послать один экземпляр с небольшой припиской секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву. Через некоторое время инструктор горкома партии пригласил его к себе и разъяснил, что этим поступком он выразил недоверие партийному аппарату.

В серии исследовательских вопросов историко-наукovedческого плана, порождаемых приведенными и схожими историями, возникает и такой: «В какой мере опубликованные работы отражают множество

проблем, изучавшихся социологами в предперестроечные годы, и характер научных выводов?» В электронной переписке с Н. И. Лапиным я привел названия ряда изданий, которые вышли в свет через много лет после того, как они были написаны, и заметил: «Эти и подобные примеры, не говоря о самоцензуре, дают возможность предположить, что анализ советских социологических публикаций не позволяет историкам науки сейчас, а тем более в будущем, сделать обоснованный вывод о результатах исследований советских социологов в конце 1960-х — начале 1980-х годов. Что Вы думаете по этому поводу?» Лапин отметил, что приведенный мной перечень фактов можно продолжить, но все же сказал, что мои опасения сильно преувеличены. Вместе с тем, по его мнению, проблема соотношения опубликованного и не увидевшего свет существует и ее решение требует интенсивной работы, в том числе кандидатских и докторских исследований, проводимых в центре и регионах (**И:** Лапин 2007: 162).

Тема соотношения ставшего гласным, «приторможенного» и «замороженного» обсуждалась и с Т. И. Заславской. Исследовательские вопросы звучали так: «В какой мере вообще историки могут на основании опубликованных работ судить о развитии, направленности, размахе советской социологии? Вам удалось опубликовать основные результаты своих исследований?»

Приведу ответ Заславской полностью.

Тот факт, что опубликованные и неопубликованные результаты — вещи существенно разные, очевиден. И догадаться о том, что именно было сделано, но погибло в архивах КГБ, невозможно. Но вот интересный момент. Когда нам с Аганбегяном давали выговор на обкоме КПСС за семинар и «Манифест», одним из докладчиков был главный цензор Новосибирской области Ващенко. Его доклад базировался на огромном количестве вырезок из материалов, представлявшихся журналом Аганбегяна «ЭКО» и не допущенных бдительной цензурой к публикации. Генеральная идея выступления Ващенко заключалась в том, что журнал «ЭКО» — антисоветское издание, по существу, каждый его номер содержит недопустимые утверждения и ЛИТО вынуждено постоянно «стучать ножницами», искореняя крамолу. Вывод же был простым — закрыть журнал. Я вспомнила об этом потому, что ведь у Ващенко-то эти материалы остались. И, возможно, в каждом городском или областном цензурном комитете хранятся различные вырезки, представляющие интерес для историков науки.

Когда в 1970 г. мы представили в ЛИТО книгу о миграции сельского населения, цензор потребовал исключить главу о миграции молодежи. А ведь в этом была вся суть, уезжала-то, главным образом, молодежь. Было безумно обидно... в конце концов мы большую часть данных все же распахали по другим главам. Но в результате исчез «эффект букета», и для читателя проблема как таковая исчезла, можно было увидеть лишь ее отдельные аспекты.

И все же основные результаты нашей работы были опубликованы, пусть и с определенной задержкой. Категорически не проходили скорей отдельные соображения, разделы, редко — целые главы. Мы научились обманывать цензуру, облачая свои мысли в такую форму, что умному читателю они были понятны. Стремясь уйти от цензуры, мы значительную часть работ выпускали в форме препринтов (тиражом до 100 экз.), для этого достаточно было визы директора института. Но их могло прочесть только близкое научное окружение, и это больше всего препятствовало распространению наших идей.

Конечно, если художественные произведения не стареют, то научные — стареют. Тем не менее они и представляют определенный исторический интерес. Вот, например, в 1958–1959 гг. я начала генеральный пересмотр своих взглядов на сущность тогдашней советской системы. Я не могла признать ее социалистической, но тогда какой она была? Читая работы Ленина начала 1920-х гг., я склонялась к ее идентификации с госкапитализмом, приводила разные аргументы, сама с собою спорила. И вот эти выписки и собственные соображения у меня остались. Сейчас мы не можем спуститься в 1958 г. и вспомнить, какие именно «за» и «против» боролись в то время в нашем сознании, во что еще верилось, а во что уже нет; понять это можно лишь из документов того времени (И: Заславская 2007б: 155–156).

В нашей беседе с Заславской я сказал, что если бы текст доклада, позже ставшего известным как «Новосибирский манифест», не «уплыл» на Запад, то его, скорее всего, постигла бы судьба ее раннего исследования о производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США, и он не сыграл бы никакой роли ни в ее жизни, ни в жизни страны, ни в развитии социологии и лишь через много лет историки советской социологии обнаружили бы его в архивах КГБ или в других хранилищах. Заславская комментировала кратко и определенно: «Абсолютно правильно. Конечно» (Там же: 155).

Для понимания механизмов развития социологии важны не только поиск неопубликованных материалов, их оценка и, возможно, публикация с комментариями специалистов — представляется целесообразным рассмотреть и неких, скажем, фоновых обстоятельств, в которых все это происходило. Прежде всего, надо говорить о восприятии властными структурами уже опубликованного, о характере санкций, предпринимавшихся властями против работ, которые их не устраивали, и против их авторов. В воспоминаниях Заславской упоминается партийный выговор, полученный ею и А. Г. Аганбегяном за семинар и «Манифест».

В ряде книг по истории социологии приводится сюжет, связанный с критикой «Лекций по социологии» (Левада 1969) и жестким наказанием их автора Ю. А. Левады. Это было в конце 60-х гг. Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора

показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь стали далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения «Лекций» и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, и идеологи старой закалки, вынужденные в период «оттепели» «припудрить» свои идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до «Пражской весны» и пропущенная цензурой, в 1969 г. была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек — ничто, а массы — все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики, статьи в «Правде» и «Коммунисте», главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина — отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом были обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х гг. включал и такую частушку: «Ой, не надо, ой, не надо нам рубить-то сгоряча, не расстреляли бы Леваду, да к столетию Ильича» (И: Лисовский 2000).

Ненадолго Леваду оставили в покое, но летом 1972 г. к руководству ИКСИ пришел М. Н. Руткевич. По мнению Левады, в то время Руткевич имел и славу, и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Леваде стало ясно, что им не жить в одном Институте, надо уходить. Он знал о настроениях, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думает уйти. Руткевич «улыбнулся своей кривой улыбочкой (есть у него такая бесподобная) и сказал: “А я об этом давно договорился с Федосеевым”» (И: Левада 2008: 155).

Во влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепилась слава злодея, и потому найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов друзья помогли ему устроиться на скромную должность старшего научного сотрудника в Центральный экономико-математический институт АН СССР. Так, «сам по себе», он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

К рассматриваемой теме относится еще один фрагмент воспоминаний Здравомыслова. Здесь случай заметно более «мягкий», но, с другой стороны, скорее всего, — более распространенный. В 1969 году на основе курса лекций для слушателей Ленинградской высшей партийной школы (ЛВПШ) он издал книгу «Методология и процедура социологических исследований» (Здравомыслов 1969а). В ней была таблица распределения бюджета рабочего времени сотрудников районных комитетов партии. Выяснилось, что публикация такого рода данных противоречит инструкции ЦК КПСС, изданной еще в тридцатые годы! Ответственный работник обкома КПСС попросил его сдать все материалы социологической группы ЛВПШ и объявил о его отстранении от этой деятельности. Ему было предложено либо остаться в ЛВПШ без всяких занятий социологической работой, либо вернуться в Академию наук, в ИКСИ. Здравомыслов выбрал второй вариант (**И:** Здравомыслов 2006а: 5–6).

В нашем интервью А. Г. Здравомыслов согласился с тем, что историкам будет сложно делать выводы о состоянии социологии в 1960–1980-х гг. лишь по опубликованным текстам. И при этом заметил, что, помимо указанной выше «Пропаганды и ее восприятия», неопубликованными остались «Чехословацкий кризис и его последствия» (1989), «Сдвиги в массовом политическом сознании в ходе перестройки» (1990), «Положение в партии накануне июньского (1991) Пленума ЦК КПСС» (июнь 1991).

Многое может дать и изучение процесса подготовки книги. Ведь он — не только часть собственно биографии ученого, но и производственной среды, в которой происходит работа.

Сначала приведу рассказ В. А. Ядова о том, как шла работа над первым изданием его книги по методологии социологических исследований (Ядов 1968), впоследствии долгие годы служившей учебником по этому разделу социологии. Эстонский социолог Юло Вооглайд пригласил его прочесть курс по методологии в Тартуском университете и предложил издать стенограмму. Ядов жил в маленькой гостинице «Park», на верхнем, втором этаже, по скрипучей лестнице спускался к завтраку. Хозяйка приносила его завтрак и спрашивала: «Когда Вам принести кофе в номер?» Ядов замечает: «Полный отпад. Другой мир» (**И:** Ядов 2005а: 10).

Утром он читал лекцию, к полудню была готова аудиозапись, к ночи — текст раздела учебника. Так книга и родилась в Тарту, и она, несмотря на серенькую мягкую обложку, греет душу автора сильнее, чем более поздние солидные издания.

А теперь — воспоминание Вооглайда об этой работе: «Последние чистовики (второй раз перепечатанный текст) Ядов получил в автобусе, который через две минуты должен бы выехать в Ленинград. Еще пару недель пошло на окончательную шлифовку текста. Потом в Ленинград

за текстом приехал курьер, текст перепечатали на самоновейшей печатной машинке на ротапринтной бумаге со специальной рамкой, и через два-три месяца от начала цикла лекций в августе 1968 г. на свет появился первый учебник социологии в так называемом социалистическом лагере. Почему мы так спешили? Время было столь переменчивое, а мероприятие столь важное и опасное, что каждый день на этом пути мог стать последним. Мы подготовили учебник до того, как его успели прочитать те, кто мог бы (и должен был бы) его запретить» (Вооглайд 2009: 464). В конце Вооглайд замечает, что отовсюду, куда была направлена книга, пришли поздравления и заказы на 400–700 экземпляров. Но весь тираж был 500 экземпляров.

Не пришедшие вовремя

Есть еще одна тема, представляющая интерес для исторических поисков и оценок. Суть вопроса заключается в следующем. Какая-то, возможно значительная, часть результатов социологических исследований, в свое время подготовленная к печати, так и не дошла до читателя. Порой тексты проходили в издательствах все стадии редактирования и были готовы к передаче в типографию, но затем по распоряжению тех или иных структур их уничтожали. Бывало, процесс торможения движения текстов к изданию начинался несколько раньше, но все же после завершения полевых работ и анализа собранной информации. Наконец, в стране проводилось большое число исследований, результаты которых объявлялись заказчиком (чаще всего это были высокие партийные структуры) «закрытыми», «секретными», и публикация результатов становилась невозможной.

Скорее всего, основная часть книг, оказавшихся в описанной ситуации, уже никогда не будет опубликована, а сохранившиеся материалы исследований — не проанализированы заново и не доведены до публикации. Кое-какие из книг, не увидевших свет в момент их завершения, были опубликованы позже, но можно предположить, что их воздействие на процесс развития социологии не стало таким, каким оно могло бы быть при их своевременном издании. В целом же ясно одно. Существует множество результатов социологических исследований в виде готовых текстов, в форме отчетов, в табулеграммах, в которых отражены различные стороны жизни советского общества в 1960–1980-е гг. Они не вошли в науку вовремя. И это не только драма социологов, но нарушение нормального режима развития науки, независимо от того, насколько значимыми были эмпирические находки и теоретические выводы тех исследований. Любые нарушения непрерывности чувствительны для развития науки, тем более — на фазе ее становления. Теперь проиллюстрирую сказанное несколькими примерами.

О книге, которой нет

Некоторые факты из биографии Я. С. Капелюша приводились в гл. 5; представлена его фамилия и среди социологов третьего поколения (гл. 7, табл. 6). Но, намереваясь рассказать о его книге по изучению выборности на производстве, выше я не стал приводить данных о его вхождении в социологию. Делаю это теперь.

При обучении на философском факультете МГУ труды классиков давались Капелюшу с трудом и не вызывали у него особого интереса, а вот прикладные социальные теории занимали его очень сильно. Из всех преподававшихся дисциплин он избрал социологию, она была ближе к реальной жизни, позволяла ему максимально проявить свою энергию и гражданскую позицию. Как отмечает его студенческий друг А. И. Пригожин (Пригожин 2005: 14), Капелюш «был стихийным коммунистом», разделял идеалы всеобщей и повсеместной демократии, изложенные Лениным в книге «Государство и революция», и централизованного планирования. И именно этим Пригожин объясняет то, что на протяжении значительной части жизни Капелюш изучал выборность руководителей на производстве; он провел первое в стране исследование по выборности прорабов на стройке. Тему выборности он воспринимал не столько как научную, сколько как идеологическую, политическую.

Капелюш вошел в социологию, работая в Институте «Комсомольской правды». Б. А. Грушин вспоминал:

Тогда это не было просто профессией. Нужно было иметь, как имел Яков, беспредельную преданность делу (иногда на уровне жертвенности); готовность выполнить любую нужную для дела работу; гражданскую принципиальность и высокое мужество. Сейчас я перелистал свою последнюю на настоящий момент публикацию — книгу с анализом большого числа эмпирических исследований общественного мнения, осуществленных большим коллективом моих соратников и учеников в 1966–1971 гг. И везде, где я упоминаю Я. С. Капелюша, отмечаю его роль разработчика программ исследований, анкет, руководителя полевых исследований, организатора процесса обработки информации. Он, конечно, был прирожденным эмпириком: в сфере эмпирической социологии он, как никто, знал все до тонкостей и умел абсолютно все... После закрытия ИОМ «Комсомольской правды» Яков лично вынес из более чем строго охраняемого здания редакционно-издательского комбината «Правда» три с лишним тысячи полевых документов, относившихся к опросу «Комсомольцы о комсомоле», — около двух мешков. Сейчас можно вспоминать об этом как о детективной истории, однако все это в совокупности могло реально привести к его исключению из партии, а по тем временам это означало бы конец его самозабвенной научной и организационной деятельности по изучению общественного мнения (Грушин 2005: 13–14).

Историю подготовки и защиты Капелюшем кандидатской диссертации Грушин называет историей долгих мытарств и злоключений, в том числе кардинального сокращения в тексте диссертации ссылок на результаты его опроса. Диссертация была написана в 1968 г., а защита состоялась лишь пять лет спустя. По воспоминаниям Грушина, «он ее защитил, но еще долго текст, как и текст уничтоженной по прямому указанию тогдашнего секретаря МГК КПСС по пропаганде В. Н. Ягодкина его книги «Общественное мнение о выборности на производстве» (Капелюш 1969), поминался партийными деятелями Института конкретных социальных исследований в качестве «идейно и теоретически ошибочного».

Прошло четыре десятилетия после выхода этой небольшой книги — время достаточное, чтобы в профессиональном сообществе могло сложиться определенное отношение к ней. Но этого не произошло в силу простой причины: фактически книги нет. Ее тираж был 980 экземпляров, сколько из них не было уничтожено и сохранилось до настоящего времени, трудно сказать. Но так случилось, что у меня она есть. И рассказать о ее содержании надо, так как в ней представлены результаты первого теоретико-эмпирического исследования отношения советских людей к производственной демократии. История российской социологии должна включать эту книгу; любой обстоятельный обзор прошлого нашей науки, тем более — анализ становления в стране исследований общественного мнения, не будут полными без упоминания этой пионерной работы Капелюша (Докторов 2005а).

Импульс к изучению общественного мнения о выборности на производстве был дан публикацией «Комсомольской правды» 24 сентября 1966 г., озаглавленной «Кому быть прорабом?». В ней рассказывалось о том, что в одном из строительных управлений Красноярска рабочие выбрали старшего прораба, т. е. он получил полномочия не от руководства, а от своих подчиненных. Материал привлек широкое внимание читателей, возникла дискуссия о сути этого эксперимента, о возможных последствиях его расширения.

Опрос проводился в январе 1967 г. по стратифицированной непропорциональной выборке среди групп населения, непосредственно связанных с проблемой выборности на производстве, т. е. среди тех, чье мнение могло представлять общественный интерес. Анкетирование рабочих, рядовых специалистов и младших командиров производства проходило на 12 предприятиях восьми городов Советского Союза; было опрошено 900 человек. Остальные группы опрашивались по почте; было разослано 1200 анкет, возвращено — 400.

Была в выборке и заметная группа «рабочей аристократии»: 71 рабочий-депутат Верховного Совета СССР и 34 рабочих, являвшихся депутатами городских Советов. Было опрошено также около сотни журналистов и ученых, включая экономистов, философов и социологов. Таким образом, выборка охватывала представителей важнейших групп, мне-

ние которых по проблемам выборности на производстве могло расцениваться как компетентное.

Использовался эффективный прием введения респондента в тематику опроса: анкете с серией вопросов был предпослан текст названной выше статьи из «Комсомолки». Рассказ о выборах на должность старшего прораба был сбалансированным: автор корреспонденции не высказывал своего суждения по поводу выборов, приводились лишь мнения работников строительного управления. В равной степени назывались аргументы «за» и «против». Оригинальность конструкции анкеты заключалась в том, что формулировки вопросов постоянно возвращали респондентов к прочитанному ими тексту статьи. Предметное поле опроса очерчивалось 12 вопросами анкеты.

Почти четыре десятилетия назад подавляющее большинство представителей компетентных групп работников промышленных и строительных организаций считало целесообразным проведение выборов на некоторые руководящие должности на производстве. Среди рабочих и рядовых инженеров и техников подобную точку зрения разделяли восемь — девять человек из десяти. Близки к ним были ученые и журналисты (81 %), а также руководители общественных организаций (77 %). Заметно иную позицию занимали младшие и старшие руководители; среди первых две трети (66 %) полагали выборность целесообразной, среди вторых — лишь половина (52 %).

От 60 до 80 % представителей опрошенных профессиональных групп высказывались за выборы непосредственных организаторов производства: мастеров, старших мастеров, прорабов, начальников участков. При этом заметная доля респондентов считала важным сделать выборными все управленческие должности — от бригадиров до директоров и министров. Сложнее было с конкурсностью выборов; оказалось, что «опрошенные... проводят довольно четкое различие между конкурсами младших и старших командиров производства. Конкурс младших должностей для них ближе к назначению, нежели к выборности. Творческая роль коллектива в таком конкурсе остается невысокой... Конкурс же старших командиров в представлении опрошенных — ближе к выборности» (Капелюш 1969: 34).

В среднем для рассматриваемых групп респондентов треть из тех, кто считал выборы целесообразными, объясняли свою позицию тем, что «низы» оценивают кандидатов объективно и потому выборы обеспечат улучшение состава руководителей. Вторым важнейшим мотивом поддержки института выборности было понимание того, что в этом случае усиливается ответственность руководителей за порученное дело. Так думали примерно четверть опрошенных.

Анализ ответов на открытые вопросы выявил, что в целом в пользу выборности было высказано 2042 суждения, против — более чем в три раза меньше — 689. Сторонники выборов чаще всего отмечали, что выборность создает действительные предпосылки для отчетности руководителей перед рабочими, усиливает контроль «снизу» (311 суждений); обеспечивает лучший состав руководителей (288) и повышает ответст-

венность руководителей за порученное дело (161). Двумя наиболее часто выдвигавшимися доводами против выборности были: «рабочий коллектив уже сейчас, без всякой выборности имеет достаточно форм контроля за деятельностью руководителей производства» (101) и «выборность невозможна, так как на предприятиях нет еще достаточного количества квалифицированных специалистов» (66).

С позиций нормальной, не замутненной идеологическими предубеждениями логики выводы Капелюша могли иметь большое значение для деятельности различных структур, ответственных за поиски механизмов улучшения системы управления на производстве и активизации участия работников в делах производственного коллектива. Ничего подобного не произошло. Наоборот, тему закрыли, и было сделано все, чтобы ничто не напоминало о состоявшемся исследовании. Грушин вспоминает: «Однако главные доказательства неприятия официальными структурами обсуждаемого общественного мнения обнаружили себя... когда высшие партийные, профсоюзные и комсомольские органы признали результаты опроса ошибочными и когда начатые в 1968 г. против Я. С. Капелюша гонения едва не привели к его исключению из партии, стало быть, к концу его самозабвенной научной и организационной деятельности на ниве изучения общественного мнения» (Грушин 2003: 303).

Анатомия закрытия

Полстолетия назад советский философ и историк науки Б. М. Кедров (Кедров 1958), изучая архив Д. И. Менделеева, описал процесс создания Периодической системы химических элементов. Им было показано, каким образом исследования многих ученых породили проблему упорядочения информации о свойствах химических элементов и в силу каких обстоятельств Менделеев включился в поиск решения этой проблемы. Кедрову удалось восстановить буквально по часам момент озарения Менделеева, когда после долгих размышлений и проб разложился его «пасьянс» с карточками, содержащими названия известных к тому времени элементов и значения их атомных весов. Другими словами, Кедровым была описана «анатомия открытия».

В свою очередь, на примере возникновения «издательских трудностей», с которыми столкнулась редколлегия готовившегося в Ленинграде сборника материалов по изучению процессов массовой коммуникации, я хочу показать один из вариантов «анатомии закрытия». Этот случай интересен тем, что все события — локальны, т. е. протекали внутри отдельной организации, и в этом отношении типичны для всего доперестроечного периода, и даже более того — они происходили буквально в преддверии перестройки. Документальной основой этого раздела является датированная 21 мая 1984 г. «Докладная записка»

(Парыгин 1984) заведующего сектором Института социально-экономических проблем АН СССР, доктора философских наук, профессора Б. Д. Парыгина, направленная заведующему социологическим отделом института кандидату экономических наук Н. А. Лобанову. Документ — значителен по объему, почти шесть машинописных страниц, отпечатанных через один интервал. Поэтому ниже приводятся лишь его фрагменты. Парыгин рецензировал рукопись уже подготовленного к печати 5-го тома советско-венгерских исследований, которые осуществлялись на протяжении многих лет двумя научными организациями. С советской стороны — сектором социальных проблем массовой коммуникации ИСЭП АН СССР (руководитель — д. ф. н. Б. М. Фирсов), с венгерской — Научным центром Венгерского радио и телевидения, который возглавлял доктор Тамаш Сечке. Проект развивался в высшей степени успешно, и его результаты регулярно отражались в сборниках, публиковавшихся в Ленинграде и Будапеште.

Докладную записку следует рассматривать как часть начатого в 1984 г. Дирекцией ИСЭП по команде Ленинградского обкома КПСС «дела Фирсова» (И: Фирсов 2005), итогом которого стало его изгнание из Института. Писал ли Парыгин записку по собственной инициативе или по просьбе руководства Института — мне не известно. Равновероятны оба варианта.

Документ начинается словами:

Обсуждение на Совете отдела сборника статей «Процессы массовой коммуникации в социалистическом обществе (теория и методы современного изучения массовой коммуникации и общественного мнения) по результатам советско-венгерского исследования массовой коммуникации», состоявшееся 11 мая с. г., показало, что, несмотря на всю серьезность и аргументированность высказанных в процессе обсуждения замечаний, некоторые авторы и редактор сборника (с советской стороны) — д. ф. н. Б. М. Фирсов неадекватно отнеслись к критике. Об этом свидетельствует, в частности, попытка квалифицировать некоторые выступления с замечаниями в адрес статей сборника в качестве необоснованных (Б. М. Фирсов), либо клеветнических (В. Б. Голофаст). Это вынуждает меня, наряду с устным выступлением, касавшемся главным образом статей Б. М. Фирсова и В. Б. Голофаста, дать и более развернутую письменную оценку как этих, так и ряда других работ, содержащихся в рассматриваемом сборнике.

Автор Записки отметил, что его соображения будут высказываться в порядке расположения статей в сборнике, и потому он начал с анализа работы Фирсова. Однако все его замечания свелись к одному абзацу:

Статья Б. М. Фирсова «Актуальные проблемы социального развития средств массовой коммуникации (территориальный аспект)» носит

не научный, а публицистический характер. В статье отсутствует постановка вопроса, которая должна была бы обеспечить определение места позиции и концептуального подхода автора в большом потоке научной литературы, посвященной данным вопросам. Остается неясным, о каких проблемах социального развития средств массовой коммуникации (МК) хотел сказать автор. В его работе речь идет вначале о тенденциях (а не проблемах) развития МК (стр. 10–12), а затем о задачах изучения и выявления общественного мнения (22–27 стр.) (Парыгин 1984: 1).

Основным объектом критики оказалась статья В. Б. Голофаства «Эволюция социальной коммуникации».

Этот текст, объемом в девять страниц, вызвал у Парыгина массу претензий; по его мнению, он вообще не отвечал требованиям, «обычно предъявляемым» к научной работе, в нем не обнаруживалось «научной постановки вопроса» и ссылок на монографическую литературу.

Парыгин, не замечая, что анализировал не монографию, а тезисы к обсуждению сложнейшей теоретико-методологической проблемы, винит автора в отсутствии строгой дефиниции «эволюции социальной коммуникации», перечисления ее этапов, или фаз, тенденций и перспектив, в том, что не было показано связи эволюции социальной коммуникации с «техническими революциями». Затем, претендуя на знание феноменологии социальной коммуникации, рецензент указывает на два подхода к этой теме: марксистский, рассматривающий социальную коммуникацию как часть общественно-экономической формации, и подход Маршалла Маклюэна, трактующий социальную коммуникацию как некий автономный механизм человеческой жизнедеятельности. Это единственное в Записке теоретическое отступление рецензента весьма странно, ибо он не мог не знать, что и Фирсов, и Голофаст, и все другие советские и венгерские авторы материалов сборника были хорошо знакомы с марксистскими и маклюэновскими концепциями функционирования массовой коммуникации.

Позиция Голофаства критиковалась за отрыв эволюции социальной коммуникации от процесса развития и смены общественно-экономической формаций и за рассмотрение — вместо этого — централизованных и децентрализованных институциональных структур. Очевидное всем сегодня (и многим тогда) указание Голофаства на то, что социальная структура не только определяет уровень информационной структуры, но является и ее продуктом, было объявлено несостоятельной попыткой подмены фундаментального марксистского понятия общественно-экономической формации. Далее рецензент сборника заявлял, что идеологическая ущербность исходных позиций Голофаства приводила к возникновению иных аномалий в изложении материала.

Завершал Записку анализ статьи эстонского журналиста и социолога Марью Лауристин «Массовая коммуникация как отражение раз-

ных уровней сознания». В ней Парыгин находил «двусмысленные, идеологически и политически недостаточно продуманные формулировки».

И затем итог проведенного им анализа рукописи:

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о низком идейно-теоретическом уровне материала, представленного в основном методолого-теоретическом разделе рецензируемого сборника, а это естественно, исключает его рекомендацию к печати (Парыгин 1984: 6).

Прошло более четверти века, и время показало, что методология исследований массовой коммуникации в мире и в России развивается именно по тем направлениям, которые обсуждали в своих статьях критиковавшиеся рецензентом авторы. Удивляться этому не приходится. Лауристин, Сечке, Фирсов и их коллеги в те годы не просто внимательно следили за мировыми новинками в области исследований массовой коммуникации, но сами активно участвовали в этом процессе. Их работы, базировавшиеся на научном, в том числе — марксистском, понимании социальных реалий начала 80-х гг. и на огромном эмпирическом материале, накопленном в течение многих десятилетий ими самими и их коллегами из многих странах мира, были направлены на углубление теории массовой коммуникации и поиск методов повышения эффективности ее деятельности. Парыгин не являлся в те годы экспертом ни в вопросах методологии социологических исследований, ни в области практики массовой коммуникации. Поэтому, по сути, он не мог противопоставить всем этим начинаниям ничего серьезного, а лишь консервативную, догматическую интерпретацию марксизма, насаждавшуюся идеологами страны, и поверхностное, крайне далекое от профессионального, понимание механизмов функционирования средств массовой коммуникации.

Конечно, судьба сборника решалась не Парыгиным, а Дирекцией ИСЭПа, от него ожидали лишь отрицательный отзыв. Составление подобного документа было делом техники и базировалось на многолетней традиции написания разгромных отзывов. Чтобы на пути рукописи к читателю поставить «шлагбаум», достаточно было указать на наличие в ней идеологически неверных утверждений.

«Анатомия закрытия» оказалась простой. Сборник не был издан, а работа советской части советско-венгерского проекта по проблемам массовой коммуникации была остановлена.

40 лет спустя

Мне давно хотелось отыскать для исторического анализа такие события, в обсуждении которых могли бы участвовать несколько человек и которые в том или ином отношении были бы отражены в документах.

И вот в первой половине марта 2009 г. Б. М. Фирсов нашел в Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге Фонд, имевший название «Разработка информационно-вычислительной системы Ленинградской областной партийной организации. Материалы социологических исследований. 1967–1986». Эти материалы были разработаны при нашем участии более трех десятилетий назад, и многого мы с тех пор не видели. Они считались секретными.

С начала 70-х гг. и до 1984 г. небольшая группа сотрудников одного из ленинградских секторов Института социологии под руководством Фирсова изучала общественное мнение населения Ленинграда; все делалось под эгидой Ленинградского обкома КПСС и при его немалой поддержке. Тогда этот факт был известен относительно небольшому числу социологов в стране, самые общие сведения о том, как все делалось, были скупо изложены в журнале «Социологические исследования» (Алексеев и др. 1979) и ряде малотиражных сборников. Но в целом эта страница развития ленинградской социологии пока скорее «чистая», чем заполненная.

Назову три обстоятельства, в силу которых считаю целесообразным обращение к этому фрагменту прошлого. *Первое.* Этот проект длился достаточно долго, и в нем было многое сделано. *Второе.* По тем временам проект явно обладал признаками новизны и мог бы стать актуальным, т. е. иметь определенное практическое значение. И не наша вина, а наша беда, что этот опыт оказался глубоко «законсервирован». *Третье.* Без описания ленинградских опросов общественного мнения история становления этого направления российской социологии явно будет неполной.

Основой этого раздела послужила наша обстоятельная беседа с Фирсовым, состоявшаяся вскоре после того, как он нашел упомянутый архив (Докторов, Фирсов 2009). И я считаю целесообразным при раскрытии обозначенной темы в отдельных местах сохранить стиль интервью.

Прежде всего, мы решили высказать наше понимание — в прошлом и теперь — того, зачем руководству ленинградской партийной организации потребовалось изучать общественное мнение.

Борис Фирсов: Я и сейчас понимаю это намерение обкома так, как я понимал его (намерение) тогда. Следов высокой политики, прозрения, желания установить обратную связь я во всей этой истории обнаружить не могу. В начале 1970-х гг. областные партийные организации начали обрестать автономным информационным хозяйством. Создать свою информационную систему в числе первых в стране решил и Ленинградский обком. Идея красивая, у других таких систем нет. Обком заметно

выделялся на фоне родственных структур своими починами. Вот и записали пункт об информационной системе в решение очередного пленума в 1969 г., но записали с оговорками, что на воплощение идеи потребуется время. Что это такое, тогда мало кто знал. <...> Заместителем заведующего организационно-партийным отделом обкома КПСС в ту пору был Борис Алексеев, которому поручили воплотить в жизнь идею информационной системы. В недавнем прошлом секретарь Ждановского райкома комсомола, а затем один из секретарей Ждановского РК КПСС гор. Ленинграда, он был инициативным и думающим человеком, любил все делать не только четко, но и хорошо. Он начал приглашать к себе разных людей, кому мог доверять, и спрашивал, как им видится такая система, как ее лучше сделать; я оказался одним из них. Я сказал ему, что система должна ориентироваться на использование современной вычислительной и множительной техники, символами которой тогда были ЭВМ и ксероксы. На мой вопрос, какая из наук ближе всего стоит к целям и задачам системы, я безапелляционно ответил: «Социология!»

Борис Докторов: В то время я мало задумывался о политической составляющей проектов, в которых участвовал, воспринимал их как задание по работе и как возможность применить знание математических методов. <...> Сейчас же мне кажется, что исследования бюджетов времени партийных работников и опросы общественного мнения были следствием временного и ограниченного успеха либеральной части партийного аппарата в стремлении улучшить социализм, хотя тогда это формулировалось как «дальнейшее повышение качества партийной работы». Алексеев и многие его сотрудники... были молоды, имели хорошее образование, читали «Новый мир» и любили Окуджаву. Они были достаточно амбициозны и связывали успех своей карьеры с допустимыми изменениями в политической жизни страны.

Затем я попросил своего собеседника вспомнить, как все началось.

Б. Ф.: Алексеев просил подготовить записку на его имя. <...> Я написал, развил несколько положений: разработка и эксплуатация системы должна опираться на потенциал академических и проектных институтов; изучение общественного мнения населения Ленинграда может быть одной из внешних задач системы, и ряд других. Записку мы с ним обсуждали несколько раз, внося в нее коррективы. Вопросов о ее судьбе я никогда не задавал до поры, когда мне стало известно, что проект всей системы будет разрабатываться специальной организацией, а я стану одним из его соисполнителей, представляя академическую науку. Но давно все это было, многое забылось, могу ошибаться в датах.

Б. Д.: Недавно я нашел записную книжку, в которой отражены события моей жизни с 20-х чисел апреля 1971 г. по июнь 1972 г. Ясно, что тогда никаких планов на воспоминание всего происходившего через три с половиной десятилетия у меня не могло быть. Писал для себя, скорее всего, потому, что в течение долгого времени чувствовал неопределенность

в своем профессиональном будущем. <...> Так вот, записи позволяют конкретизировать сказанное тобою, и это важно не только в фактологическом отношении, но и в методическом плане. Мы оба занимаемся историей российской социологии и понимаем, что наши построения в значительной степени зависят от информационной базы, которой мы располагаем. А память — инструмент не очень надежный, теперь мы оба в этом постоянно убеждаемся.

Потому сказанное тобою: «В начале 1970-х гг...» можно уточнить и дополнить эти слова теми событиями, о которых мы оба забыли, но которые — в цепи всех других обстоятельств — играли свою роль.

Б. Ф.: ...Да, интересно...

Б. Д.: В нашей статье в журнале «Социологические исследования» (Алексеев и др. 1979), написанной тремя Борисами — Алексеев, ты и я, — было сказано, что в 1969 г. ЦК КПСС (Алексеев это знал наверняка) принял постановление «О состоянии и мерах по улучшению партийно-политической информации». И вот, конкретизируя это указание вышестоящей инстанции, Ленинградский обком КПСС решил создать свою систему изучения мнений и настроений трудящихся, привлечь к этому научные силы города и обеспечить материальную базу всей этой деятельности — специализированный вычислительный центр. Помимо этой публикации, появившейся через восемь-девять лет после начала создания системы и проведения опросов, в 1981 г. у нас была еще одна совместная с Алексеевым статья (см.: Алексеев и др. 1981). Других текстов, рассказывавших о той работе, у нас не было; значит, в течение десяти лет мы не «раскрывали рта» по поводу проводимых исследований.

В апреле 1970 г. — тогда я еще не вел записей, но у меня есть анкета, на которой это указано, — было проведено исследование по участию рабочих в управлении делами коллективов (я пользуюсь терминологией того времени), которое разрабатывалось Л. С. Бляхманом, А. Г. Здравомысловым, О. И. Шкартаном, В. А. Ядовым и тобою. Я отвечал за обработку этого массива на ЭВМ.

Б. Ф.: Понимай это как «обкатку» идеи системы и ее социологической части. Скорее всего, осенью того же года у меня состоялась беседа в обкоме о создании специализированной системы по изучению общественного мнения. Там обсуждались в общих чертах вопросы разработки документа, я его назвал Аванпроектом, обосновывающего цели и технологию изучения общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда, а также описывающего методы, процедуру сбора первичной информации и возможные варианты оперативной обработки собранных данных.

Речь шла о проверке реализуемости идей, закладываемых в Аванпроект. Обком согласился с нашим предложением связать первый опрос с главным политическим и идеологическим событием следующего года — XXIV съездом КПСС. Съезд намечался на 30 марта—9 апреля 1971 г., и было необходимо получить как можно быстрее реакцию ленинградцев.

Б. Д.: Вспоминая то время, я думаю, что этот опрос можно было провести, только имея кураж, огромное желание выложиться и доказать, что мы не просто «мечтатели», строители «воздушных замков». Передо мною анкета того исследования, в выходных данных указана дата нашего заказа — 7 апреля 1971 г. Я помню, мы до последнего момента ждали, не будет ли каких непредвиденных обстоятельств в работе партийного форума, и оттягивали завершение подготовки опросного документа и его тиражирование. Опрос проводился под шапкой Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации, сбор данных проходил, мне кажется, в последний день съезда, а результаты обработки мы имели на следующее утро.

Все полученные анкеты мы проверяли на полноту заполнения и затем отправляли их на обработку. В течение вечера счетно-перфорационные станции в разных районах города переносили информацию с анкет на перфокарты, потом все доставлялось на Владимирскую площадь. В здании Владимирского собора, в огромном зале, где теперь совершается служба, тогда размещались цеха центральной счетно-перфорационной станции Ленинграда. Ночью все обрабатывалось, и утром мы получали гору табуляграмм. Потом результаты обчетов вписывались в заранее заготовленные таблицы, писался краткий оперативный отчет и к обеду итоги опроса были в обкоме партии.

По той же самой программе и с использованием аналогичной выборки, 18 мая 1971 г. был проведен повторный опрос, в котором все без исключения результаты, полученные в первом зондаже, повторились. В обоих случаях применялся оперативный режим сбора, обработки и выдачи экспресс-отчета. Расчетный норматив времени для этого режима — 24 часа, кажущийся и сейчас фантастическим, — был выдержан. Я думаю, что эти, проведенные в неправдоподобно короткие сроки, два опроса с выборками по две тысячи человек показали руководству города и области, что социологи действительно способны «снять» картину мнений весьма оперативно.

Б. Ф.: Да это был еще один экзамен, на этот раз для всех, кто имел отношение к исследованию.

Б. Д.: Мой архив далеко не полон, однако в нем есть, мне кажется, главное: три анкеты, использовавшиеся нами в 1971, 1976 и 1981 гг. при изучении отношения трудящихся к работе XXIV и XXVI съездов КПСС, а также — анкеты опросов по итогам IX (1975 г.) и X (1980, 1981 гг.) пятилеток. Есть и опросный документ еще одного политического исследования — «Ваше мнение о проекте Конституции СССР» (теперь называемой Брежневской), проведенного в августе 1976 г., месяца за полтора до ее принятия. Конечно, мы постоянно думали о том, как сформулировать то, что мы хотели узнать, но при этом отойти, насколько это было возможно, от идеологических штампов. Я пролистал сохранившиеся у меня анкеты и откровенно «косых», заидеологизированных шкал в них не обнаружил. Скорее в них присутствует упрощенчество в трактовке изучавшихся нами достаточно сложных социальных явлений и,

соответственно, недостаточная глубина измерения. Но ведь многого мы и сами не знали.

Наша беседа с Фирсовым опубликована, и в ней есть детали организации опросов, включая описание системы выборки. Замечу: за долгие годы работы мы не сорвали ни одного опроса и не имели никаких, как тогда говорили, рекламаций. Теперь кратко о том, как все завершилось. Это во многом объясняет, почему материалы опросов не были опубликованы во второй половине 80-х гг.

Предпоследний Генсек ЦК КПСС Ю. В. Андропов был человеком больным, поэтому, придя в 1982 г. к власти, он поставил перед собой цель: улучшить систему здравоохранения, поднять медицину. По его просьбе референты начали собирать как можно больше убедительной информации из разных источников, которая говорила бы в пользу неотложного и радикального реформирования медицины. Один из высоких аппаратчиков знал о системе изучения общественного мнения в Ленинграде. Он вспомнил об этом и сообщил референтам.

В конце 1983 г., когда Фирсов был в ЦК КПСС, этот аппаратчик спросил его, нет ли в отчетах материалов и фактов, нужных Андропову. Он ответил, что есть, но он не имеет права их показывать без ведома «хозяев» информации. Фирсов попросил своего собеседника позвонить в обком и запросить эти сведения официально. Звонок последовал, но реакция обкома оказалась необычной: представитель обкома не уточнял, что нужно в ЦК, а спросил, откуда стало известно о существовании запрашиваемой им информации. Дело стало быстро раскручиваться и дошло до руководившего в те годы Ленинградской партийной организацией Г. В. Романова. Он усмотрел в произошедшем намеренно допущенную социологами утечку информации и распорядился отказаться от научных услуг сектора ИСЭП АН СССР, возглавляемого Фирсовым. В тот же день у нас были отобраны пропуска в Смольный, а все наши разработки, включая и материалы опросов общественного мнения рабочих и служащих Ленинграда, реквизирует прибывший в институт порученец.

Опубликовано через тридцать лет

Суть рассматриваемого ниже фрагмента прошлого советской социологии аналогична только что обсужденному. С конца 1960-х гг. группой социологов Института социологических исследований АН СССР, при поддержке властных структур, на протяжении нескольких лет разрабатывалась важная в научном плане и отвечавшая потребностям общества проблема. Однако в начале 70-х гг. в стране изменилась социальная обстановка, результаты исследования показывали не то, что отвечало интересам партийных органов, и проект был закрыт. И все-

таки через треть века у этой истории появился «happy end». В 2005 году сохранившиеся материалы были опубликованы в виде 900-страничной книги под редакцией руководителя проекта Н. И. Лапина (Социальная организация промышленного предприятия 2005).

В интервью с ним я заметил, что материалы для публикации нередко не могли преодолеть существовавшие идеологические шлагбаумы, и это не позволяет историкам науки делать обоснованные выводы о результатах социологических исследований, которые проводились в конце 1960-х — начале 1980-х гг. Так, А. Здравомыслов и В. Ядов издали полный текст монографии «Человек и его работа» лишь в 2003 г.; книгу Я. Капелюша по выборности на предприятии отпечатали, но потом весь тираж уничтожили; лишь после смерти В. Голофаства его друзья смогли опубликовать подготовленную под его редакцией книгу о семье в крупном городе, ее текст был рассыпан после корректурной вычитки... Да и сам он только через 30 лет после завершения исследования социальной организации промышленного предприятия смог опубликовать его итоги.

Лалин тогда сказал, что мои опасения сильно преувеличены, и затем добавил: «Но все же их (исследований. — Б. Д.) число и объем содержащейся в них информации несоизмеримо меньше генеральной совокупности публикаций советских социологов» (И: Лалин 2007: 162). С последним его утверждением в целом можно согласиться, однако оно не снимает задачи поиска и анализа того, что пока не дошло до профессионального сообщества.

Во-первых, следует однозначно понимать: неопубликованное часто потому оказывалось таковым, что публикация этих материалов была «приторможена» или «заморожена» по идеологическим причинам, а не в силу их низкого качества. Так, в предисловии к выше процитированной книге Лалин писал: «Однако хрущёвская “оттепель” находилась уже на излете, все более подмораживаемая начинавшимся “застоем”. Одним из свидетельств этого регрессивного процесса стал разгром прежнего руководства ИКСИ, прежде всего снятие первого его директора академика А. М. Румянцева. Разгром сопровождался прекращением многих проектов, в том числе и проекта “Социальная организация”, как якобы неэффективного. Два тома его материалов, составлявшие около 35 печатных листов, были отправлены в архив, а большинство ведущих членов авторского коллектива вынуждены были мигрировать в другие научные учреждения» (Социальная организация промышленного предприятия 2005: 5).

Во-вторых, в хранящихся десятилетиями материалах могут сохраняться теоретико-методологические построения и методические разработки, полезные современным социологам. Вообще говоря, даже эмпирические данные, устаревающие быстрее концептуального аппа-

рата, представляют интерес для сегодняшней науки, ибо могут стать частью сравнительных социологических исследований.

Укажу и третье обстоятельство, относящееся к собственно историко-науковедческой тематике. Неопубликованным материалам грозит никогда не оказаться в поле зрения историков науки, что нежелательно как для отдельных ученых и коллективов, разрабатывавших в свое время ту или иную проблематику, так и для анализа развития социологии в целом. Некоторые пробелы могут быть небольшими, но отсутствие цельной публикации материалов Генерального проекта «Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов» имело бы своим следствием заметный перекося в изучении прошлого ряда направлений советской социологии. Как отмечал в начале 2004 г. Лапин, создавший и возглавивший этот исследовательский проект, молодые социологи наслышаны о нем, но конкретно мало что знают, а последующие поколения социологов вовсе не смогут узнать ничего достоверного. И далее: «Ныне, спустя тридцать лет, возникла опасность утраты накопленного в проекте теоретико-методологического материала и методического потенциала» (Социальная организация промышленного предприятия 2005: 5).

Свой рассказ о проекте Лапин начинает с замечания о том, что субъективных истоков этого исследования было множество, но объективный исток один — послесталинская «оттепель», породившая надежды шестидесятников на быструю либерализацию жизни советского общества и их мечты о социализме с человеческим, демократическим лицом. В собственно исследовательском плане «речь шла о создании научной социологии промышленных организаций, выражающей их особенности в условиях социалистического общества» (Там же: 8). По мнению Лапина и других участников этого проекта, к началу нового столетия ставших признанными специалистами в ряде направлений социологии, проведенные ими на рубеже 1960–1970-х гг. исследования «стали истоком современной российской социологии организаций, программой ее развития как самостоятельной дисциплины» (Там же).

Зарождение проекта относится к лету 1968 г., тогда основная исследовательская проблема виделась в соотношении факторов стабилизации и факторов изменения социальной организации промышленного предприятия. Но вскоре началось торможение косыгинских реформ, проходивших в стране с 1965 г., появились признаки «эпохи застоя». Осознание необходимости углубления программы исследования и обращение к наработкам в области системного подхода и структурно-функционального анализа подвели социологов к пересмотру ключевой поисковой проблемы. Центральным стало изучение соотношения планируемых и спонтанных процессов в социальной организации предприятий. По сути, речь шла о признании того, что программирование развития социалистического производства и общества в целом ограничено.

Планируемыми признавались социальные процессы, которые отражали суть социалистического общества и его институтов управления и должны были обеспечить достижение заранее фиксированных социальных целей. Спонтанными, или самопроизвольными, назывались социальные процессы, которые возникали в результате наложения множества факторов и имели своим результатом не фиксированные исходно обществом и организацией значения, проявления. В те годы предприятие рассматривалось как основное звено народного хозяйства, лежащее в точке пересечения важнейших социальных и производственных структур общества, а в рамках проекта предприятие трактовалось как социальный институт.

К середине 1972 г. была создана программа проекта и разработан богатейший инструментарий. Из значительного числа общесоюзных министерств было получено свыше 100 планов социального развития, отобрано 50 лучших и начат их критический анализ. Были проведены около тридцати конкретных исследований на разных предприятиях страны, написана серия отчетов. Проект с момента его зарождения обсуждался со многими западными специалистами, и некоторые из его программ были включены в крупные сравнительные социологические исследования.

Одновременно участникам проекта приходилось все чаще задумываться о маскировке целей исследования и переформулировке поисковых задач в терминах, принятых в идеологических документах. Лапин называет два важных «косметических мазка». Во-первых, в формулировке основной проблемы проекта пришлось вернуться к тому, от чего отказались в ходе углубления программы поисков. Понятие «спонтанный процесс» было заменено более традиционным для того времени понятием «спонтанные факторы». Во-вторых, появилась необходимость «идеологически насытить» *Введение*, т. е. наполнить его цитатами из «Материалов XXIV съезда КПСС» и других директивных документов. Лапин отмечает: «Этот “мазок” оказался настолько густым, что его присутствие мешает восприятию действительного содержания концепции. Поэтому мы не включили официальное “Введение” (всего 4 машинописные страницы) в публикуемый текст “официальной версии” общей концепции (имеется в виду рассматриваемая книга. — Б. Д.)».

Интересно воспоминание активного участника проекта В. В. Колбановского: «Современному студенту, аспиранту, кандидату наук, свободно владеющему социологическим языком, трудно, а то и невозможно представить себе, что такие понятия, как социальный статус, престиж, роль, организация, мобильность, социализация, были табуированы как понятия “буржуазной” теории стратификации; такие категории, как ценности, нормы, мотивы, ожидания, возводились в ранг “идеалистических”, а стало быть, еретических для господствующей ортодоксии» (Там же: 43).

Но ничего не помогло. Директор института М. Н. Руткевич не принимал словосочетание «Социальная организация предприятия», а для его покровителя из Московского городского комитета КПСС В. Н. Ягодкина

подозрительной была сама социология. Все кончилось тем, что в июне 1973 г. проект прекратил свое существование, а незадолго до этого были уволены ведущие сотрудники сектора; ушел из него и Лапин.

Мое интервью с Лапиным состоялось через четыре года после выхода в свет книги по материалам Генерального проекта, и в нашей беседе он подвел итоги этой большой работы. Несмотря на трудности различного плана, идеи и методы проекта не исчезли. Более того, они определили логику становления и дальнейшего развития отечественной социологии организаций. Уже после окончания проекта его результаты составили основу около 40 монографий и тематических сборников. Удалось сохранить и спустя треть века после закрытия проекта полностью опубликовать его материалы. Общий вывод: большая часть проблематики, теории и методологии современной отечественной социологии организаций и управления выросла из проекта, разработанного на рубеже 1960–1970-х гг.

В этом месте мне показалось естественным узнать у Лапина, как через три десятилетия после описываемых событий он оценивает деятельность Руткевича. Ответ оказался развернутым и потому интересным для истории. Приведу его полностью.

Первоначально М. Н. Руткевич заявил о себе как способный философ. Я помню шумную защиту его докторской диссертации по философским проблемам физики, проходившую в Институте философии при большом стечении публики. Впоследствии, став заведующим кафедрой философии в Уральском университете, он помогал в работе одной из первых в том регионе социологической лаборатории. Его перевод в ИКСИ (вместо выдвинутой ранее кандидатуры Г. Л. Смирнова) был осуществлен при поддержке консервативной части московских философов и работников аппарата ЦК КПСС. Именно ими «многое было предрешиено», в том числе предварительно обговорено с будущим директором, который и должен был непосредственно решать поставленную задачу «разгона», «погрома» ведущих социологов Института. Он осуществил это не просто как послушный исполнитель, а как инициативный и очень энергичный начальник.

С приходом Руткевича начался новый период в жизни института. После удаления из него многих талантливых людей стали говорить, что осталась «дырка от бублика». Хотя те, кто остался, несмотря ни на что, продолжали делать свое дело, и они достойны уважения. Дело не в том, что мы «сами ушли», как бесстрастно констатирует Руткевич. Он сознательно создал ситуацию, в знак протеста против которой многие были вынуждены уйти. Я всегда очень сожалел об этом.

Руткевич действовал достаточно убежденно, искренне, хотя и признавал неприглядность ряда своих акций. Я не слышал, чтобы он хотя бы в чем-то раскаялся. Напротив, он постоянно оправдывает свои действия

и упрекает тех, кто стал их жертвой. В целом его сегодняшняя позиция остается скорее просоветской. Что тут скажешь? Время уже рассудило: каждому — свое (И: Лапин 2007: 154).

«Четверокнижие» Б. А. Грушина

В конце 1990-х гг., после долгих и трудных лет подготовки, Грушин начал проект «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения», который он назвал не просто очередным крупномасштабным исследованием, но «гражданской акцией» (Грушин 2001: 5). Проект предусматривал обобщение результатов исследований, проведенных им на протяжении четырех десятилетий и касающихся практически всех сфер жизни советского/российского общества в эпохи Хрущёва (опросы 1960–1964 гг.), Брежнева (1965–1974), Горбачёва (1989–1991) и Ельцина (1992–1999). Другими словами, Грушин задумал трактовать информацию, собранную им в периоды заката «оттепели», ряда стадий застоя, перестройки и становления ельцинской России, в координатах более поздних социальных преобразований и социологических концепций. Продолжительное прошлое и короткое настоящее разделялись тем, что Грушин называл «социотрясением». Менялся мир социальных отношений, менялось сознание населения, менялось понимание им природы общественного мнения.

По воспоминаниям Н. И. Лапина, первоначальный замысел Грушина был еще грандиознее: он намеревался вместе с В. Э. Шляпентохом представить миру всю совокупность информации, полученной советскими социологами: собрать ее, перенести на электронные носители в современном дизайне и кратко реинтерпретировать. Но дело уперлось в деньги, и немалые, которые требовались для этого суперпроекта. В США Шляпентох не получил на этот проект ни доллара, даже Джордж Сорос ответил отказом, а в России положительно откликнулся только Российский Гуманитарный научный Фонд. На эти скромные гранты и вел Грушин свою работу, уже в границах исследований общественного мнения, а по сути, в рамках собственных исследований.

Смерть Грушина остановила эту работу. Он успел выпустить лишь две книги: об эпохе Хрущёва и времени Брежнева (в двух томах) (Грушин 2003, 2006). Начатая книга о России Горбачёва осталась незавершенной. Но, естественно, не только из-за понимания уникальности имевшегося у него массива социальной информации Грушин возводил свою работу в ранг гражданской акции, подчеркивая, что эта ее особенность «представляется наиболее важной» (Грушин 2001: 7). Дело в ином — в целях задуманного им исследования и в характере движения к ним.

Выше было сказано, что опросы общественного мнения были начаты Грушиным еще в период его работы в «Комсомольской правде»,

но не только это делало его журналистом. Многие годы он преподавал на факультете журналистики, и одно из главных его достижений, «Таганрогский проект», по своему замыслу и социологический, и журналистский; его осмысление социальных процессов было бифокальным: и социологическим, и журналистским.

Ламинарное, гладкое застойное движение прошлых лет не способно было бы даже подвести исследователя к перепрочтению давно собранной им информации. В крайнем случае, если бы это произошло, новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность — спутники, говоря словами Грушина, «социотрясения», скачкообразность развития всех социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании россиян, ослабление исторической памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьезных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа.

В относительно спокойные времена развитие многих процессов в обществе, по сути, сводится к самовоспроизводству, и потому их познание оказывается сродни изучению, описанию гладких фигур, которые в каждом их сечении вдоль временной оси имеют одно и то же строение. Скажем, образуется нечто, напоминающее составленный из цветных колечек детский цилиндр или ровненькую стопку аккуратных блинов. В последнем случае каждый слой имеет одну и ту же форму, один и тот же цвет, вкус и запах. Наблюдать эту фигуру с равным успехом можно с любой точки обзора. В бурные моменты истории явления, развивавшиеся в разных нишах социального бытования, сплетаются, склеиваются необычным, хитрым, неожиданным способом. Процессы, долгие годы демонстрировавшие непрерывность и гладкость, разрываются или претерпевают скачки, и геометрия каждого года приобретает свою уникальную конфигурацию. В итоге получается фигура, мало похожая на упомянутый выше цилиндр, она скорее напоминает химеры, украшающие средневековые соборы. Описать каждую из них с одной позиции в принципе невозможно; исследователь должен либо обходить их вокруг, либо многократно их поворачивать.

Грушин стал первым, кто осознал всю значимость реинтерпретации прошлой информации, острее других понял необходимость этого. Возможно, так случилось потому, что он объективно был готов услышать подобный «зов» эмпирической информации в большей степени, чем другие российские социологи. Путь к «четверокнижию» продолжался у него около сорока лет. Напомню, еще в 1958 г., с третьей попытки, он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития».

То движение начинал не Грушин-социолог или журналист, но Грушин — философ-диастанкур.

Начиная работу, Грушин исходил из того, что его многолетние наблюдения за различными проявлениями общественного сознания россиян помогут ему дойти до сути перестроечных и более поздних «социотрясений». При этом он был озабочен «не столько самой мыслью о тотальном непонимании происходившего в России, сколько желанием докопаться до глубинных корней бесконечных иллюзий и заблуждений...» (Грушин 2001: 8–9). Отсюда следовали три направления деятельности, которые автор выдвигал для социологии в целом, но прежде всего — для себя: социологизация изучения исторических процессов, происходивших в России; разработка новых методов сбора и интерпретации данных; представление обществу достоверной информации, помогающей ему понять себя (Там же: 9–11).

Мне бы хотелось подробнее остановиться лишь на одном из направлений, выделенных Грушиным, — реинтерпретации данных, собранных им за сорок лет работы. В эпоху Хрущёва им было проведено 13 исследований (никто другой общественное мнение вообще не изучал), в годы правления Брежнева 106, при Горбачёве 92, а в период президентства Ельцина — без малого 500.

Исходным пунктом всех теоретико-эмпирических обобщений Грушина является система критериев (Там же: 34–38), определяющих логику его анализа массового сознания. В отличие от многих историков, политологов, социологов, подчеркивающих неуловимость, неформализуемость того, что обозначается понятием «менталитет», Грушин осуществлял свои поиски в четко описываемой им десятимерной системе координат, которую можно назвать «ментальным пространством Грушина».

Прежде всего, Грушин говорил о мере включенности населения в тот или иной предметный сегмент жизни общества, т. е. об интересах людей. Критерий второй — глубина понимания людьми действительности, другими словами, когнитивная способность населения и соотношение в массовом сознании рефлексивного и нерефлексивного. Далее следует уровень знаний публики, или объем и качество информации, которыми обладают массы. Следующий критерий — способность населения рефлексировать по поводу происходящего и умение артикулировать, выразить собственную рефлексию. Пятый критерий — это ценностные ориентации населения, детерминирующие его предметные интересы. Шестой — отношение населения к своему обществу, в том числе мера поддержки массами соответствующего строя, глубина доверия государству и обществу, симпатии к власти. Еще один критерий фиксирует тот факт, что менталитет несводим лишь к рациональному освоению социальной действительности, а включает эмоционально-

психологическое самочувствие населения, например довольство/недовольство людей жизнью и меру оптимизма/пессимизма. Восьмой критерий указывает на то, что познание массового сознания включает исследование реактивной способности населения, т. е. степени готовности к той или иной деятельности: активно оно или пассивно. Предпоследнее в системе грушинских критериев характеристическое свойство массового сознания — его дифференциация, измеряемая по шкале «монизм — плюрализм». Наконец, последний критерий — степень целостности/разорванности массового сознания, его внутренней противоречивости, мера уверенности/неуверенности людей в разделяемых ими точках зрения на окружающий мир.

Перечисленные критерии позволили Грушину разработать метод «оживления» и прослушивания голосов, «оцифрованных» им же многие десятилетия назад, и эта научная технология действительно решает поставленную им перед собой задачу — «умножить знание общества о самом себе» (Грушин 2001: 21). По сути, анализ Грушина дает возможность кому-то вспомнить, но преобладающему большинству будущих читателей — узнать менталитет ряда поколений советских людей. В целом то, что им было сделано, можно назвать созданием истории современной российской ментальности.

И вот здесь обнаруживается интересный науковедческий феномен: если в строительстве «ментального пространства» Грушин предстает прежде всего логиком, то при сопоставлении и сравнении всех видов «разношерстной информации» он действует как обществовед и журналист, стремящийся к максимально тщательному анализу и описанию массового сознания и мира мнений.

Разработанный и испытанный Грушиным подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого условно можно назвать «голографическим». В основе голографии как направления физики лежит способ получения объемных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину удалось плоское в прошлом «изображение» сделать объемным; при этом стало возможным рассмотреть и описать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в ее плоскостной, двумерной проекции.

Вообще говоря, известная доля голографичности — временной, пространственной, предметно-объектной — присуща любому профессионально выполненному вторичному анализу социологической информации; при отсутствии «выпуклости», лучше сказать, вытянутости по оси времени или географической растянутости, вторичный анализ просто выхолащивается, вырождается.

В физике для получения голограммы необходимо одновременно осветить фотографическую пластинку двумя когерентными (физический термин, означающий согласованность нескольких колебательных

процессов) световыми пучками: предметным, отраженным от снимаемого объекта, и опорным — приходящим непосредственно от лазера. Многокритериальность грушинского анализа, т. е. облучение познаваемого феномена качественно разными «световыми пучками», создает основу, логический каркас интерпретации прошлого. Технологичность предложенного Грушиным метода делает его научным, т. е. в целом воспроизводимым.

Тем не менее представляется, что голографичность интерпретации Грушина особая: она творческая и потому принципиально личностная.

Во-первых, в нашем случае вторичная интерпретация огромного массива данных об общественном мнении россиян осуществляется не «человеком со стороны», а автором или соавтором программ и методик, которые использовались в опросах. Таким образом, современное прочтение результатов многих ставших уже далекими зондажей общественного мнения для Грушина является не новой исследовательской задачей, не «игрой с листа», а поиском ответов на вопросы, которые он давно задавал сам себе. Тогда ответы, которые в полной мере удовлетворили бы «сегодняшнего» Грушина, либо не были найдены, либо — учитывая специфику времени — не были озвучены. Зная о глубочайшей включенности Грушина в свое дело, можно утверждать, что эти вопросы или их модификации фактически постоянно находились в поле его зрения и поиск ответов на них не прекращался. Будь это не так, он, скорее всего, не пытался бы искать на них ответы и сегодня.

Во-вторых, в грушинской голографичности присутствуют следы того, что сам автор обозначает термином «социотрясение». За годы, отделяющие настоящее от 1960–1970-х и даже 1980-х гг., в СССР/России произошли глубинные социальные преобразования различной направленности и окраски. Все это объективно требовало от социологов углубления методологии и уточнения языка познания и ориентировало их на поиск новых методов, приемов изучения всех граней мира социальных отношений, в том числе — массового сознания. Можно утверждать, что время, аналогичное по продолжительности, но лишенное драматической тишины и неимоверного грохота эпохи «социотрясения», не дало бы Грушину того видения прошлого, которое обозначается здесь понятием «голографическое».

Стремление Грушина к изучению чудом сохраненного им архива и его установка на создание исследовательской технологии нового прочтения прошлого стали прямым продолжением его гражданского и профессионального осмысления цивилизационных изменений, начавшихся в России в годы перестройки. Он говорит о «кардинальной ломке социальной структуры», «коренной смене самой человеческой породы», «полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия». Суть происходящего видится им в «замене

традиционно российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации». На смену рабу и холопу придет свободная личность. Россия отойдет не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре российского народа, в его менталитете (Грушин 2001: 11–12). Таким образом, «четверокнижие» Грушина — это не только итог его почти полувекового теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но одновременно — программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России.

Озабоченность сохранением прошлого

В методологическом плане этот раздел соотносится с темой толстого настоящего (см. гл. 2, раздел «Биография и судьба»), в предметном — с рассмотрением еще одного аспекта проблемы обеспечения правдивости, полноты истории советской/российской социологии. Речь пойдет об обеспечении доступа к результатам ранее проведенных исследований.

Рассматривая мой небогатый домашний архив результатов опросов, опубликованных советскими газетами во второй половине 80-х — начале 90-х гг., а также малотиражных брошюр и регулярных изданий того времени, отчетливо понимаешь, что казавшееся тогда отчасти проходным, отчасти очевидным за два десятилетия приобрело иное значение. Эти документы рассказывают о том, каким было массовое сознание советских людей в момент их расставания с привычным, знакомым, ставшим родным, и об их встрече с неизвестным, неизведанным и пугающе чужим. За спиной были семь трудных, драматичных десятилетий жизни, выработавших в людях понимание окружавшего их мира и некоторую уверенность в завтрашнем дне. И вдруг все стало меняться, зашаталось казавшееся незыблемым и стали протупать черты социальной системы и социальных отношений, к которым десятилетиями формировалось негативное отношение населения.

В начале второй половины 80-х гг. ряд социологов, прежде всего третьего поколения, начали создавать коммерческие независимые организации и приступили к изучению установок населения относительно всего комплекса политических, экономических и социальных трансформаций, происходивших в Советском Союзе. По заказам властных структур, нарождавшихся политических и бизнес-организаций они проводили всесоюзные (несколько позже — всероссийские) и локальные опросы, писали отчеты; некоторые активно публиковали отдельные результаты в центральной и местной печати. Подавляющее большинство руководителей этих новых исследовательских фирм имели немалый

опыт работы в академических организациях, и потому опросы и анализ собранной информации осуществлялись ими на уровне, отвечавшем методическим эталонам советской социологии того времени.

Однако по разным причинам многое из полученного социологами в те годы не нашло отражения в монографических публикациях. С одной стороны, это произошло вследствие серьезных объективных обстоятельств: разрушился складывавшийся десятилетиями порядок планирования и подготовки книг, крайне сложно было найти деньги для издания, постоянные изменения в обществе и государстве не располагали к серьезной обобщающей работе. Но были и субъективные моменты: недооценка научной значимости результатов собственных поисков и слабость установки на углубленный анализ собранной информации. Следует учитывать и крайне бедное в те годы финансирование научной работы. Все это обернулось тем, что по всем историческим канонам недавнее, хранящееся в памяти нескольких живущих поколений, стало для социологии сложно восстановимым прошлым. Фактически это стало причиной возникновения своего рода разрыва в развитии отечественной социологии.

На этом фоне ярко выделяется деятельность Ф. Э. Шереги по сохранению прошлого, увязыванию в нечто единое результатов собственных многолетних исследований и ознакомлению молодых социологов с работами представителей старших поколений. Выше отмечалось, что кандидатское исследование Шереги, защищенное им в 1976 г., было сконцентрировано на рассмотрении ряда проблем проектирования выборов. В те же годы он целенаправленно изучал методический арсенал российской социологии в 20–30-х гг. В его статье, суммирующей некоторые итоги исследования этой темы (Шереги 1978), была приведена библиография, включавшая около 90 наименований публикаций тех лет, ко многим из которых на протяжении предыдущего полувека никто не обращался.

Сейчас в рамках историко-научоведческого анализа мне представляется необходимым зафиксировать два обстоятельства. Во-первых, раскрытие диссертационной проблематики, вообще говоря, по тем временам не делало однозначным обращение к методологическому опыту довоенных советских социологов, скорее диссертанты ориентировались на демонстрацию знакомства с достижениями западной социологии. Во-вторых, даже доведя до публикации результаты своих историко-методических поисков и переключившись на проведение прикладных исследований по актуальной тематике, Шереги сохранил интерес к изучению прошлого и нашел путь к «приближению» этого прошлого, включения его в настоящее. Сверхзадачей было введение результатов социологических исследований, полученных социологами разных поколений, в учебную литературу и монографии, предназначавшиеся для студентов и преподавателей.

С этой целью им был задуман и осуществлен уникальный проект по переизданию книг советских социологов, опубликованных десятилетия назад, но оставшихся интересными для современного специалиста и ставших значимыми для понимания развития отечественной социологии.

Так, в 2006 году Шереги, который к тому времени уже многие годы возглавлял созданную им социологическую и маркетинговую фирму «Центр социального прогнозирования» (ЦСП), переиздал работы В. Э. Шляпентоха, объединив «слегка» отредактированные монографии этого автора, изданные в 70-х гг. в СССР (Шляпентох 2006). Эти книги были в высшей степени полезными в период становления советской социологии, они вводили читателя в слабо освещенные в те годы вопросы конструирования анкет, выборки, правил интерпретации эмпирической информации. Но в конце 70-х гг., после его эмиграции в США, эти работы не вносились в списки рекомендовавшей студентам литературы, не цитировались в новых книгах, редко упоминались в обзорах по тем направлениям социологии, в разработке которых участвовал и Шляпентох. Его имя вернулось в российскую социологию лишь после перестройки. Переиздание работ Шляпентоха по проблематике качества социальной информации, осуществленное Шереги, позволит новым поколениям социологов познакомиться с приемами повышения достоверности и репрезентативности результатов прикладных исследований, сохранившими свое значение и в настоящее время. Одновременно для новых поколений социологов открывается возможность увидеть, как в 1960–1970-х гг. в советской социологии трактовалась методолого-методическая проблематика.

Тематически и в общенаучном плане близки переизданные Шереги работы В. Н. Шубкина (Шубкин 2010) и Д. Л. Константиновского (Константиновский 2008). С точки зрения принятой классификации направлений социологии это книги по социологии образования, но в более широком плане — о некоторых особенностях формирования социальной структуры советского общества. Шубкин первым в СССР ввел проблему образования школьников в число краеугольных проблем долгосрочного развития важнейших социальных институтов страны, Константиновский — активно и успешно продолжил разработку этого проблемного пласта.

Сегодняшнее обращение к результатам исследований Шубкина, начатым полвека назад, позволяет не только вернуться к обсуждению болевых точек советской образовательной системы, т. е. истоков большей части нынешних российских трудностей, но и узнать многое о процессе становления российской социологии в целом. Шубкин, возможно, ярче, публицистичнее, чем другие, отстаивал самостоятельность социологии как науки; он был одним из пионеров применения количественных методов в социологии. Кроме того, он, скорее всего, был одним из

первых в отечественной социологии, кто попытался связать собственные исследования с тем, что делалось в 1920-х гг. Наконец, Шубкин, явно активнее других представителей первого поколения, содействовал проникновению в социологию «мягких» методов.

Интересно наблюдение В. А. Ядова, которым он поделился в одной из своих публикаций в 2009 г. По его мнению, советскими социологами была достаточно быстро освоена количественная методология, но «качественники» в стране появились лишь после перестройки — что-то мешало их проникновению в практику социологии. И не только он этого не понимал, но большинство, если не все его поколение социологов. Никак не удавалось более или менее органично совместить макро- и микроанализ и интерпретацию данных. И далее он замечает: «Здесь грешно было бы не сказать о статье В. Н. Шубкина в “Новом мире”, в которой он писал, что социология не способна ни описать, ни объяснить, что происходит с личностью человека в его социуме. Владимир Шубкин писал тогда, что социолог должен использовать приемы журналистики. Я же, будучи адептом “истинной”, то есть позитивистской социологии, выступил с публичной критикой позиции Шубкина, что, впрочем, никак не сказалось на наших дружеских взаимоотношениях» (Ядов 2009:147).

Выше упоминалось, что Константиновский откликнулся на приглашение Шубкина и вошел в социологию, имея значительный стаж работы инженера-аналитика и солидный литературный опыт. Его книга также представляет интерес не только как богатый свод сведений о советской и российской системах образования, но и как объект для историко-научоведческого исследования. Речь идет о проникновении в отечественную социологию математических и качественных методов моделирования социальных процессов.

Тем, кто лишь входит в проблематику социологии семьи, кто занимается ею многие годы и анализирует пути становления этого направления советской/российской социологии, будет интересна переизданная Шереги книга А. Г. Харчева (Харчев 2002) о браке и семье в СССР. Первое издание этой монографии вышло в 1964-м, второе — в 1979 г., но за прошедшие полтора десятка лет она не потеряла своего научного значения.

Впервые книга И. И. Чангли по социологии труда была издана в 1973 г. и касалась ряда обсуждавшихся социологами и идеологами в те годы вопросов коммунистического труда. Многие положения этой работы представляются сегодня архаичными, так как трактуют нечто, далеко отстоящее от современной реальности и от проблем, изучаемых в настоящее время прикладной наукой. Тем не менее эта книга, переизданная Шереги сначала в 2002-м, а потом в 2010 г. (Чангли 2002), может быть полезной не только для истории социологии, но и при проведении широких социолого-политологических исследований,

затрагивающих динамику трудовой этики на разных этапах развития российского общества.

Для изучающих процесс второго рождения советской/российской социологии представляет интерес изданная ЦСП небольшая книга М. Н. Руткевича о развитии социологии в Уральском университете в 1940–1970-х гг (Руткевич 2003). Материалов о становлении социологии вне Москвы, Ленинграда и Новосибирска крайне мало, и воспоминания Руткевича представляются особо значимыми.

Не могу не отметить и того, что в рамках поддержки историко-социологических исследований и ознакомления российских ученых с зарождением технологии опросов общественного мнения Шереги издал две мои книги. В первой рассматривались многие аспекты жизни и деятельности большой плеяды американских полстеров, в 1930–1950-х гг. создавших методический арсенал измерения установок населения и выработавших общие принципы профессиональной этики этих специалистов (Докторов 2006). Во второй предметные и хронологические рамки темы были заметно расширены за счет включения результатов исследований зарождения и развития американской рекламы, в том числе методов измерения ее эффективности (Докторов 2008а). В работе над этими книгами были сформулированы общие подходы изучения истории того или иного направления науки через анализ биографий ученых, находившихся у истоков его становления.

Теперь — о серии книг, отражающих собственные исследования Шереги и демонстрирующих его понимание сути прикладной социологии и необходимости регулярного монографического издания получаемых результатов. Основополагающей для развития этого направления стала изданная еще в 1985 г. под редакцией Шереги и М. К. Горшкова коллективная монография «Как провести социологические исследования» (1985). Через несколько лет она была переиздана, а затем переработана и в 1990 г. вышла уже как учебник для вузов под названием «Основы прикладной социологии» (1996). В 2009 году на базе этой книги было издано учебное пособие для студентов университетов — «Прикладная социология» (2009). Кроме того, с начала 1990-х гг. Шереги, по моим оценкам, опубликовал около двух десятков собственных или написанных им в соавторстве книг по ряду разделов прикладной социологии. Больше всего — по социологии образования и молодежи, включая изучение девиантных групп (наркоситуация в молодежной среде, отношение к ВИЧ-инфицированным, дети с особыми потребностями). Отмечу книги самого Шереги, образующие серию «Прикладные исследования». В нее вошли: «Социология образования» (2001), «Социология права» (2002), «Социология предпринимательства» (2002), «Социология политики» (2003) и др. Все эти книги весьма объемны (от 400 до 700 страниц) и, как правило, на-

правлялись в библиотеки и специализированные кафедры университетов, в которых ведется подготовка социологов, политологов и исследователей рынка, за счет ЦСП.

Основной материал, обсуждаемый в этих книгах, отражает итоги прикладных исследований, проведенных Шереги с начала второй половины 1980-х гг. по середину первого десятилетия нового столетия. Объяснение этому весьма простое: к примеру, предпринимательства раньше легально не существовало; правовая культура населения была крайне низкой; политическая жизнь в стране была локализована в узком социально-идеологическом пространстве и имела весьма ограниченное число форм. Однако и здесь Шереги удалось представить весьма необычный материал (Шереги 2003): отношения различных групп молодежи к ряду съездов ВЛКСМ (1978, 1982 и 1987 гг.); восприятие комсомольцами реформ начала 90-х гг., их видение перспектив существования СССР; степень доверия новым партиям и политическим организациям. Все, что касалось отношения населения к войне в Афганистане, было закрыто. Шереги включил в книгу фрагменты исследования, осуществленного летом 1988 г. среди взрослого населения 13 регионов СССР, включая Белоруссию, Украину, республики Прибалтики и юга страны. Есть и результаты, скорее всего, одного из последних проведенных в стране (ноябрь 1990 г.) опросов об отношении к В. И. Ленину и его наследию.

* * *

Рассмотренные сюжеты и некоторые фрагменты воспоминаний, которые читатель найдет в гл. 11, явно указывают на то, что анализ сделанного и опубликованного советскими социологами непременно должен дополняться изучением сделанного, но не опубликованного. Ведь, во-первых, массив подобных работ значителен по объему, и, во-вторых, можно утверждать, что их содержание отлично от совокупности того, что отражено в публикациях 1960–1980-х гг. Очевидно, что «неопубликование», как правило, было не игрой случая, а следствием существования идеологической цензуры, боязни, испытываемой чиновниками «от науки», «позвоночного права» и прочих элементов повседневной среды, в которой работали и жили социологи.

Есть еще один аспект обсуждаемой нами темы: активно и плодотворно работавшие ученые зачастую не брались за подготовку книг или обстоятельных статей, ибо, исходя из собственного опыта и общения с коллегами, пессимистически оценивали вероятность их публикации. Мне не известны результаты специальных исследований в области издания социологической литературы. Однако, анализируя списки публикаций ученых, которые к началу перестройки имели степень доктора наук, были известны своими исследованиями, успешно

руководили аспирантами и сильными, ими же созданными научными коллективами, легко заметить, что авторских (индивидуальных) книг ими было издано крайне мало. Журнальные статьи тоже были редкостью: с 1974-го до середины 1980-х гг. в СССР существовал один профессиональный журнал — «Социологические исследования», который вначале (и довольно долго) выходил четыре, а позже — шесть раз в год. Совсем экзотикой были публикации за границей.

Изменения принесла перестройка. Приведу лишь один пример. В ходе интервьюирования Я. И. Гилинского, это было начало 2005 г., я получил десятистраничный список его публикаций за 1990–2004 гг. Первая из них имела № 111, последняя — № 341. За полтора десятилетия им было опубликовано почти две с половиной сотни работ: «толстые» монографии и учебники, а также статьи и главы в коллективных изданиях. Значительная часть текстов вышла в свет за рубежом, и первые буквы названий стран охватывают основную часть алфавита: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Италия, Литва, Молдавия, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Эстония, Япония — и это не все (**И:** Гилинский 2005: 2).

Андрей Платонов сказал о себе: «Народ без меня не полон», но это и о каждом. Так и написанная история не передаст правды, если в ней нет полноты.

Глава 11

Повседневность

Я заметил одну особенность: тексты, по мере увеличения их объемов, становятся менее управляемыми со стороны автора, они все сильнее сопротивляются ему, более того — подсказывают направления их дальнейшего развития. Ничего удивительного, фантастического в этом нет. Ведь общение автора с текстом большого объема — это продолжительный и сложный процесс. И если начальная фаза создания текста — это сплошной авторский монолог, то постепенно это общение приобретает форму диалога. Завершая работу, авторы часто все более ориентируются на продуманное и написанное ими раньше, т. е. на «подсказки текста», и все менее стремятся к следованию исходному плану.

Настоящая глава — предпоследняя по счету, но последняя, в которой еще есть возможность услышать «советы» текста и воспользоваться ими. Ибо содержание следующей, завершающей главы определено хронологическими рамками повествования.

В начале книги отмечалось, что историко-научное исследование советской/российской социологии, опирающееся на анализ биографической информации, не является альтернативой другим подхо-

дам в изучении прошлого — настоящего отечественной социологии. Оно дополняет институциональный анализ социологии как науки и сопряжено с рассмотрением социологии как процесса смены теоретических представлений об обществе. При этом собственно биографический анализ трактуется как инструмент, позволяющий не только описать жизненные траектории индивидов, но и перейти к обсуждению специфики и характера деятельности поколений ученых.

Исходно предполагалось после изложения путей прихода представителей различных профессионально-возрастных когорт в социологию построить и описать межпоколенные и внутривнутрипоколенные коммуникационные сети. Имеющийся эмпирический материал позволяет обозначить методологию подобного поиска применительно к социологическому сообществу в целом и, кроме того, уточнить и проиллюстрировать общую схему применительно к становлению и развитию «ленинградской социологической школы» — в нашем архиве имеется около 30 рассказов ленинградских/петербургских социологов о себе. Однако обращение к содержанию предыдущих глав показало, что значительная часть материалов, раскрывающих механизмы взаимодействия между «старшими» и «младшими», уже отражена в книге.

Тогда показалось целесообразным в плане продолжения уже начатых предметных линий и чрезвычайно важным для понимания прошлого проанализировать отношение ученых — прежде всего представителей первых двух поколений — к прожитым годам и к сделанному. Однако в силу грустного характера итоговых выводов многих социологов от этого «поворота» в развитии содержания книги пришлось отказаться. Пара примеров в подтверждение сказанного приводится ниже. Тем не менее в будущем, после разработки ряда методологических вопросов, необходимо вернуться к рассмотрению данной темы. Проблема заключается в нахождении приемов для соотнесения вполне обоснованных оптимистических заявлений о достижениях советской/российской социологической науки в целом и пессимистических взглядов ученых на сделанное ими.

Попытка примирить написанное с тем, что ранее предполагалось изложить в этой главе, высветила круг вопросов, почти не рассматривавшихся в работах по истории современной отечественной социологии. Речь идет об изучении повседневного мира, в котором ученые существовали, жили и творили.

Методологические замечания

При обсуждении ряда сюжетов слово «повседневность» несколько раз встречалось в этой книге, но никакого акцента на его использовании не было — оно выступало лишь как синоним слов «обычное», «каждо-

дневное». Вместе с тем многое из уже изложенного выше можно рассматривать как анализ обыденности, характерной для всех периодов советской/российской социологии, и интерпретировать в рамках категорий социологии повседневности. Тратовка науки как социального института и выбор в качестве ведущих соответствующие информационные источники и приемы их прочтения, а также естественные для подобного исторического изыскания спектр и масштаб поисковых задач осуществляются в парадигматике, далекой от установок и концепций социологии повседневности. В то же время рассмотрение науки как результата творчества ее создателей, природа главного для данного историко-научно-ведческого исследования биографического метода, а также особенности используемой версии интервью создают предпосылки для обращения к опыту, накопленному в рамках изучения различных аспектов, компонентов повседневности. Или можно сказать несколько иначе: биографический метод и то, как анализируются выявленные с его помощью сведения о прошлом, составляют комплекс микроисторий, соотносимых с макро- (т. е. институциональной) историей.

Одна группа микроисторий — это воспоминания индивидов, где, вообще говоря, все конкретно и может быть детализировано до бесконечности. Другая группа образована рассказами о событиях и процессах, оказавшихся важными, знаковыми для отдельных поколений социологов. Ведь это не только полезная для истории науки абстракция, учитывающая сходство жизненных и собственно профессиональных путей людей, принадлежащих к достаточно узкой возрастной когорте, но и реально существующая социально-профессиональная страта целостного социологического сообщества. Возможны типы микроисторий, распространяющиеся и на ряд поколений социологов. К примеру, в наших построениях социологи первого и второго поколения почти «не-различимы» на ранних этапах своей социализации: видны общность практик семейного воспитания, переживания войны и победы, восприятие атмосферы политической «оттепели». Но их различие обнаруживается, когда начинаешь изучать «миры», внутри которых проходили траектории их движения в социологию.

В настоящее время исследователи повседневности изучают как среду, образующую ее, так и широкое множество социальных отношений, или правил взаимодействия, между людьми, складывающихся в ней. Приведенные выше механизмы формирования поколений социологов, выявленные модели вхождения ученых в социологию, обстоятельства рождения идей, которые затем долгие годы разрабатывались ими, и многое другое, по сути, есть описание ключевых для становления советской социологии форм отношений внутри профессионального сообщества. К сожалению, достаточно большой с точки зрения классики этнометодологии массив глубинных интервью и вынужденная сдер-

жанность, скупость при воспроизводстве воспоминаний моих собеседников лишают приводимые рассказы многих важных и ярких деталей, присущих феноменологическим описаниям фрагментов повседневности, тем не менее в них представлено многое о прошлом. Отчасти меня успокаивает то, что все проведенные мной интервью не только опубликованы в журналах, но и собраны воедино и составили второй том моей историко-биографической книги (Докторов 2012).

Во всяком случае, очевидцы, современники тех событий, подтверждают присутствие в воспоминаниях опрошенных черт наблюдавшихся ими явлений и атмосферы времени. Другими словами, в совокупности интервью обнаруживаются важнейшие черты, которые существовали в нарождавшемся социологическом сообществе, практик, правил повседневного (обыденного) взаимодействия, типичных ситуаций, т. е. в них присутствует отражение познаваемой реальности. А именно к этому и стремятся аналитики повседневности.

Направленность книги и стремление учитывать некоторые традиции в описании истории советской/российской социологии удерживают меня от использования многого, что, вообще говоря, заложено в «эго-документах», к которым относят биографии, мемуары, дневники и письма. И дело не только в том, что значительная, возможно большая, часть накопленного не представлена в книге, а скорее в том, что приводимые фрагменты биографических воспоминаний не репрезентируют все содержание собранной информации. Методология социологии повседневности применительно к историческим исследованиям позволяет при анализе деятельности людей обсуждать не только их поведение, но мотивацию, настроение и другие аспекты их восприятия реальности и реакции по поводу происшедшего. В целом я воздерживался от этого, но при рассмотрении ряда сюжетов и эти фрагменты повседневного мира социологического сообщества нашли отражение в данной работе.

Рассмотрение этого аспекта повседневности в известной степени предопределено избранной формой интервью, которое я называю «интервью-диалог». Стремясь получить от человека максимально развернутые ответы о его жизни и работе, я — как в реальном диалоге, когда мне что-либо неясно, — прошу респондента уточнить сказанное (написанное), для чего могу модифицировать или развить мой вопрос. Собеседник тоже свободен в интерпретации текстов вопросов. Но при этом я отдаю себе отчет в том, что наше интервью-диалог в действительности является *«публичным» интервью-диалогом*, т. е. все делается с целью публикации, а не хранения в архиве.

Возможно, в тексте книги иногда проявляется моя пристрастность к тем или иным социологам или к изложению тех или иных направлений отечественной социологии. С одной стороны, я стремился минимизировать проявление подобного отношения к героям и предмету своего

изучения, с другой (опять-таки в соответствии с духом ряда подходов этнометодологии) — считаю, что историк, биограф имеет право быть пристрастным.

Несмотря на то что отбор респондентов базировался на четко сформулированных правилах и ряд социологов, особенно среди представителей четвертого поколения, мне не были известны до начала интервью, определенная пристрастность в формировании массива опрошенных, несомненно, присутствовала, особенно на раннем этапе исследования. Остается лишь признать, что от подобного шага невозможно избавиться, если сам свыше сорока лет проработал в этом профессиональном цехе и десятилетиями знаком и дружен со многими. Однако, вследствие таких особых отношений с респондентами, интервью приобретает тот уровень открытости, доверительности, который невозможен между незнакомыми друг другу людьми, но который необходим при познании прошлого.

Более того, пристрастность ориентирует исследователя на всесторонний анализ жизненного пути и творческого наследия людей, долгие годы работавших в науке. Биографу трудно оставаться нейтральным, да и возможна ли в принципе нейтральность, отстраненность от героя биографического анализа, нужно ли к ней стремиться? Идеал научной беспристрастности, по мнению М. Полани, даже в точных науках оказывается ложным, в социологии он просто может стать разрушительным. Полани пишет, «что в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности» (Алексеев 2005, т. 4: 221).

Нейтральность биографа не гарантирует объективности исследования, ибо нейтральность, холодность не побуждают к новым поискам. Наоборот, пристрастность может быть базой объективности, заставляя искать правду. Так, небольшая заметка Пушкина, резко критиковавшего Радищева за его «Путешествия из Петербурга в Москву», заканчивается словами: «...нет истины, где нет любви» (Пушкин 1962: 210).

Боязнь быть обвиненным в пристрастности в действительности снижает поисковый потенциал историко-научноисследовательских исследований, сдерживает аналитика от поиска новых тем и перехода на новые уровни постижения прошлого. Так, размышления над материалами недавно вышедших книг воспоминаний о Б. Г. Грушине (Открывая Грушина 2010) и Ю. А. Леваде (Воспоминания и дискуссии 2010; Памяти Ю. А. Левады 2011) показывают, что мы не разрешаем себе признавать наших современников выдающимися учеными, возможно, полагая это нескромным и считая, что только время выявляет значение наследия того или иного исследователя. Мне не кажется это верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных ученых. В нем есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе; есть

признак недооценки способности самого научного сообщества определять своих лидеров.

Рывок в познании истории постхрущёвской советской/российской социологии, сделанный во второй половине 1990-х гг., дал многое. Но накопленный потенциал движения достаточно быстро разрядился. Отчасти это произошло из-за «пассивности» информации, традиционно используемой при анализе социологии как социального института, ее недостаточной «пропитанности» судьбами людей, отдавших свои жизни этой институции.

Л. Г. Ионин (Ионин 1997) ввел понятие «тоталитаризм повседневности», указывающее на существование в советской действительности обстоятельств, затруднявших коммуникацию повседневности с другими смысловыми сферами опыта. Мне бы хотелось указать на существование в наших историко-научоведческих разработках *«тоталитаризма объективности»*, под которым я понимаю существование в этой малоизученной области исследований представлений о возможности понять и объяснить прошлое нашей науки, без наполнения используемой методологии положениями социологии повседневности.

Обращение к теоретическому каркасу анализа повседневности позволяет указать на один серьезный пробел в избранной схеме изучения истории становления советской социологии, прежде всего — в описании жизни социологов. Речь идет о том, что тематика бесед охватывала — и далеко не в исчерпывающей полноте — лишь процесс профессионализации ученых и собственно их профессиональную деятельность. Но ведь повседневный мир человека, тем более творческой личности, принципиально шире, многообразнее, богаче. И конечно, построение более точных, реалистичных портретов людей, создававших социологию и развивавших ее, априорно требовало и иного, более широкого очерчивания собственно профессионального пространства, и выхода за его границы.

Еще несколько лет назад было значительно сложнее, чем сейчас, обозначить рамки пространства историко-биографического исследования, отвечающего требованиям социологии повседневности, ибо отсутствовала информация для обоснованного конструирования необходимой координатной сетки, или аналитического пространства. Ситуация медленно начала меняться, когда увидели свет мемуары ряда советских/российских социологов первого поколения, а также книги воспоминаний о живущих и недавно умерших социологах. Анализ направленного структурно-семантического анализа этих текстов позволит понять, как в первом случае их авторы описывали прожитое и пережитое, а во втором — что редакторы-составители считали необходимым включить в воспоминания о человеке, каким видели его и каким запомнился он его друзьям, коллегам, современникам.

Но уже сейчас ясно, что история социологии должна содержать не только факты из жизни социологов, не только рассказывать об их поисках и находках, но стараться передать их увлеченность своим делом, преданность профессии, их переживания, связанные с пониманием собственной несвободы в выборе исследовательских тем и в интерпретации получаемых результатов, их оценку времени, в котором они жили, а также самооценку сделанного.

Так, в любом институциональном исследовании прошлого советской/российской социологии будет отмечаться вклад И. С. Кона в становление советской социологии в целом и в рождение ленинградской социологической школы; в развитие многих направлений социологической науки: истории социологии, методологии позитивистских и феноменологических концепций, социологии личности, детства и молодости, поколенческой проблематики, семейных отношений, гендерных исследований, сексологии и других. И это верно, но лишь с фактологической стороны, а не с исторической, ибо подобный перечень слишком «бравурен» и потому поверхностно отражает и мир ученого, и собственно сделанное им. Ведь видимая часть результатов творчества Кона значительно меньше, тоньше невидимой. И для нормального исторического анализа и описания важны не только признание этого обстоятельства, но и выявление и фиксация причин произошедшего. Настоящее творчество — всегда процесс интимный, личностный, и поэтому ученый обречен на одиночество, но не такой степени глубины, чтобы назвать свои мемуары «80 лет одиночества» (Кон 2008).

Приведу несколько фрагментов из воспоминаний Кона, показывающих, что перечисление направлений, которые он разрабатывал, и книг, изданных им, — это лишь поверхностный слой исторических изысканий и что в действительности не было этой «бравурности», а были разочарования из-за невозможности сделать то, что Кон считал важным и что было бы весьма полезно для развития советской социологии. Вспоминая о своей работе в области истории социологии, он пишет:

В 1968 г. я основал сектор истории социологии в ИКСИ, а в 1970 г., во время Всемирного социологического конгресса в Варне, — Исследовательский Комитет по истории социологии Международной социологической ассоциации, в состав которого вошли крупнейшие социологи мира, начиная с Парсонаса и Мертонса. В течение 12 лет я был сначала его президентом, а затем вице-президентом; поскольку советские власти ни разу за эти годы не выпустили меня для участия в его работе, меня выбирали заочно. Я поддерживал личную переписку с ведущими западными социологами и имел репутацию единственного советского социолога, который всегда отвечает на письма (это была лишняя работа и некоторая степень риска) (Кон 2008: 215).

В 1964 году вышла книга Кона «Позитивизм в социологии» (Кон 1964), которая превратилась в учебное пособие по курсу истории социологии. Несмотря на малый по тем временам тираж — 2000 экземпляров, она сразу получила признание специалистов и стала широко цитируемой. Уже через три года эта работа была переведена на венгерский язык, в 1979 г. — на финский. В 1968 и 1973 годах вышли расширенные переводы на немецкий — сначала в ГДР, а затем в Западном Берлине. Но в СССР новых изданий книги не было, и она быстро стала труднодоступной.

Весьма интересен рассказ Кона о том, как завершились его двадцатилетние исследования по юношеской психологии (Кон 2008: 137–138).

Однажды после беседы в Смольном — там располагалось руководство Ленинградской городской и областной организации КПСС — он сложил все скопившиеся у него рукописи, оттиски зарубежных статей, документы в большую коробку, надписал на ней «Париж» и пристроил все это на полке в уборной. Это означало, что он возобновит свою работу, только возвратившись из Парижа. Кон оформил все документы для поездки, но, как и ожидал, получил немотивированный отказ. Через некоторое время прорвало водопроводную трубу, архив был подмочен, и он не знал, что с ним делать. Раскрыть — означало нарушить данное себе слово. Не открывать — все начнет гнить. И здесь неожиданно в дверь квартиры позвонили. Это были пионеры, собиравшие макулатуру. Кон оценил их появление как знамение и отдал коробку им.

Последний сюжет касается многолетних исследований Кона в области сексологии. Его работа оказалась невостребованной в России, но получила широкое международное признание. В 1979 году он был избран действительным членом Международной академии сексологических исследований, а затем ряда национальных сексологических обществ. В 1990 году Институт Кинзи посвятил Кону коллективный труд «Юность и пубертат» за новаторские и смелые научные исследования советской молодежи и сексологии, а Всемирная сексологическая ассоциация в 2005 г. наградила его Золотой медалью за выдающийся вклад в сексологию и сексуальное здоровье. Однако раздел мемуаров Кона, посвященный его исследованиям в области сексологии, завершается словами: «В то же время процветают халтура и самодеятельность, многие “научные” публикации похожи на современную сексологию не больше, чем советская “мичуринская биология” — на настоящую генетику» (Там же: 332). Кон предполагал уничтожить и свой сексологический архив, но не сделал этого, поскольку переехал в Москву, где жизнь была немного легче (Там же: 140).

Внимательное прочтение мемуаров Кона, учет множества «повседневных» обстоятельств, определявших более чем полувековую и в

высшей степени плодотворную деятельность ученого, объясняют заключительное предложение его кратких воспоминаний, относящихся ко второй половине 1990-х гг.: «Доволен ли я своей жизнью? Я никогда не мог заниматься своим прямым делом. Раньше этому мешала идеологическая тупость, теперь — обнищание страны, которой ученые практически не нужны. Пожилым людям революции вообще противопоказаны. Подобно большинству своих ровесников, в славном новом мире дикого первоначального накопления я чувствую себя посторонним. Старая жизнь кончилась, на новую не осталось сил. Но эпоху не выбирают...» (Кон 1999: 131). Прошло десять лет, и почти такие же грустные слова завершают книгу его воспоминаний: «Всякая прожитая жизнь полна нереализованностей, но эпоху и тип личности не выбирают» (Кон 2008: 394).

Классикой советской социологии и одним из крупнейших достижений Б. А. Грушина признан его «Таганрогский проект» (Массовая информация 1980), связанный с многомерным изучением массовой информации в советском обычном среднем городе. Изучались средства массовой коммуникации и массовой устной пропаганды, письма трудящихся в разные инстанции; собрания общественных организаций, коллективов предприятий и учреждений; контакты населения с депутатами Советов и работниками органов управления. При этом рассматривались все типы органов управления: партия, государство, Советы, комсомол, профсоюзы, органы правосудия, милиция и т. д. снизу доверху. В рамках проекта в 23 исследованиях был применен анкетный опрос, в 17 — интервью, в 18 — контент-анализ разных текстов, и т. д. В ходе полевых работ были заполнены 8882 бланка самофотографии, проведены 471 акт наблюдений, 10 762 интервью и т. д. Всего в проекте было 85 полевых документов общим объемом 58,7 п. л. По материалам исследований было защищено более 20 кандидатских диссертаций.

Грушин и его коллеги испробовали многие формы организации сбора данных. Казалось, можно поехать в Таганрог и провести там «поле». Но, понимая, что им предстоит осуществить 70 исследований, они создали там таганрогскую лабораторию. В ноябре 1969 г. Грушин попытался обобщить их огромный организационный опыт и в течение девяти дней «под стенограмму» прочитал 18 лекций (43 часа) на эту тему. Предполагалось издать книгу «Социологическая лаборатория», но в 1972 г. М. Н. Руткевич вычеркнул ее из издательского плана.

По результатам анализа собранной информации была подготовлена книга в двух томах. Первый из них вышел в Политиздате в 1980 г., спустя шесть лет после его написания; второй том — о потоке информации от населения к власти — был «зарублен». В своем биографическом очерке, опубликованном в сборнике воспоминаний о советской социологии 1960-х гг., Грушин привел хранившийся в его архиве отзыв ака-

демика Д. М. Гвишиани: «Работа вряд ли может быть рекомендована к изданию в виде монографии, т. к. не содержит научно достоверных выводов, обобщений ни относительно методов изучения вопросов, ни относительно существенных механизмов, факторов, процессов, конституирующих данное явление. В рукописи содержится ряд утверждений, публикация которых может дать превратное представление о деятельности советских и партийных органов» (Грушин 1999: 224). В. Н. Иванов в своем отзыве писал, что открытая публикация работы нецелесообразна, что после доработки рукописи она может быть издана лишь под грифом «Для служебного пользования». Подобных рецензий было достаточно, для того чтобы книгу блокировали (Там же: 225).

Издательские неудачи продолжались. С 1967 года под руководством Грушина было проведено 47 семинаров, они проходили по пятницам. Предполагалось, и было соответствующее решение дирекции, что их содержание будет опубликовано в 47 выпусках — «47 пятниц», в которые должны были войти программы и полевые документы с инструкциями, чтобы «вооружить» зарождавшуюся социологию. Однако все произошло иначе. Первый выпуск появился в 1969 г., потом вышел пятый выпуск с сюжетами контент-анализа. Затем были последовательно подготовлены II, III и IV выпуски; но наступили новые времена и возникли проблемы с цензурой. Посчитали, что все это — абсолютно засекреченная информация, даже сами техники и процедуры исследований, не говоря уже о программных положениях исследования. Четвертый выпуск (о деятельности Советов) был уничтожен на корню, а тираж второго арестован и запрещен к распространению. Тогда Грушин попытался вместо «47 пятниц» издать порядка 50–70 выпусков с последовательным представлением количественных результатов исследований. Однако после первых пяти-семи брошюр и от этой затеи пришлось отказаться.

По мнению Грушина, и, скорее всего, с ним следует согласиться, «Таганрог» был крупнейшим проектом в истории советской социологии и одним из самых крупных в мировой социологии. Но в конце 1990-х гг. он писал о полученных результатах: «Никому не нужные. Ни тогда, ни теперь...» (Там же: 226). Сложившееся вокруг Грушина содружество могло стать серьезной научной школой, если бы не внешние обстоятельства и не общий социальный контекст, который полностью исключал и исключил такую возможность. Он был готов уйти из социологии.

Приведенное выше объясняет заголовок грушинского автобиографического эссе: «Горький вкус невостребованности» (Грушин 1999). Еще через несколько лет Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «...состоялась, но не удалась» (Кучкина 2001). Зная, как много было сделано Грушиным для становления в стране **социологии**, для изучения опросов общественного мнения,

так и хочется прокомментировать это замечание словами: «У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?»

Не приходится объяснять, по каким причинам мемуары и «свободно» написанные биографические тексты дают значительно более широкое, многоплановое освещение пространства жизнедеятельности ученых, чем их ответы на вопросы биографических интервью. Следовательно, результаты анализа этих текстов могут помочь в конструировании каркаса новых программ историко-наукovedческих поисков. Так, для понимания диффузных процессов развития советской/российской социологии чрезвычайно важным представляется изучение системы межличностной коммуникации внутри поколений и между ними. Значительная часть мемуаров Т. И. Заславской и И. С. Кона — это рассказы об учителях, коллегах и учениках, а сборники воспоминаний о Б. А. Грушине, Л. Н. Когане, Ю. А. Леваде — это заметки тех, с кем они были близки, с кем работали. Конечно, во всех известных мне интервью присутствует коммуникационная среда респондента, но в недостаточной полноте.

Принято считать, что ученые «сыты» идеями, теориями, спорами, статьями, книгами. Безусловно, в этом обыденном представлении отражена значительная часть правды, но явно не вся. Экономические, жилищные, бытовые условия жизни, особенно когда респонденты вспоминают детство, юность, студенческие годы, представлены в проведенных интервью, но эта тема должна найти более полное развитие.

Еще один пласт повседневной среды — хобби, художественные интересы, литературные пристрастия социологов. Ведь все это, по большому счету, — индикатор интеллектуального уровня науки.

Следующий раздел фокусируется на описании ряда сфер повседневной для социологии реальности, присутствие которой, безусловно, сказывалось прежде всего на профессиональной (но не только) жизни социолога и грани которой отражены во многих проведенных интервью и воспоминаниях.

Некоторые грани повседневности

Анализ повседневной профессиональной деятельности социологов и изучение собранной биографической информации свидетельствуют, во-первых, о сложности, многообразии и подвижности той среды, в которой протекала эта деятельность. Среда задавалась прежде всего макрообстоятельствами, связанными с особенностями состояния общества в целом, и спецификой этапов становления социологии. Выше эти этапы были обозначены, сейчас лишь снова отмечу, что годы поздней «оттепели» и раннебрежневский период, а также застойные времена, перестройка и первые два десятилетия новой России способствовали формированию качественно различающегося политико-идеологиче-

ского пространства для работы социологов. Второй момент — география: Москва, Ленинград (позже Петербург), Новосибирск, другие города России создавали во многом отличные друг от друга ниши для проведения исследований и публикации полученных результатов, организации встреч и обсуждения научных проблем, роста профессионального уровня социологов. Третий момент — тип научного коллектива, в котором работал ученый. К примеру, сотрудники академических секторов и университетских лабораторий имели более богатые возможности для работы и общения с коллегами, в том числе зарубежными, чем социологи, работавшие в заводских подразделениях. Проиллюстрирую сказанное рядом сюжетов.

В своей небольшой автобиографической книге В. Э. Шляпентох (Шляпентох 2003: 167–168) отмечает, что новосибирский Академгородок до начала Пражской весны был либеральнейшим местом в стране. Там жили и работали очень интересные люди, непрерывно устраивались разнообразные конференции, семинары, остро проходили защиты диссертаций. Люди постоянно ходили в гости друг к другу, складывались «салоны».

В интервью с Т. И. Заславской я заметил, что, судя по воспоминаниям В. Н. Шубкина и В. Э. Шляпентоха, ее собственные научные достижения и видение ею политической ситуации в СССР в известной степени стали следствием особого социально-психологического климата, существовавшего тогда в Новосибирске. Там не было того партийного давления, которое в конце 1970-х — начале 1980-х гг. задушило ростки ленинградской социологической школы. Заславская согласилась с этим.

Да, мы были на порядок свободнее коллег из других городов. Наряду с прогрессивными установками основателей СО АН СССР, немалую роль играла и отдаленность Академгородка от Новосибирска. В Томске, Иркутске и Красноярске академические городки составляют часть этих городов, находясь «на расстоянии вытянутой руки» от обкомов и горкомов партии. Мудрый же академик Лаврентьев выбрал место для Академгородка в 30 км от Новосибирска. Хотя Академгородок и считался Советским районом Новосибирска, в действительности он представлял собой самостоятельный город ученых. Обстановка там была достаточно либеральной, хотя свои «носороги» имелись. Заезжие партийные чиновники чувствовали себя здесь не в своей тарелке. У нас выступали самые известные барды, активно функционировал дискуссионный клуб «Под интегралом», при Доме ученых существовал «Клуб межнаучных контактов», где и я не раз выступала с рассказами о наших исследованиях (И: Заславская 2007б: 165).

Интересно воспоминание Е. Э. Смирновой об обстановке в Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований

ЛГУ, когда его директором был опытный юрист Алексей Степанович Пашков, один из авторов концепции социального развития предприятий. Смирнова замечает:

Никого не «гноил», умел представить НИИКСИ на любом уровне. Его чутье, умение вести свой корабль среди идеологических рифов вызывают удивление и сейчас. Его толерантность к научной тематике, как мне кажется, помогла удержаться в институте и даже что-то сделать для науки таким людям, как Павел Лебедев, Яков Гилинский, Юрий Суслов, Роман Могилевский, и другим. Все перечисленные имена известны сейчас в российской социологии. Конечно, кто-нибудь сегодня может сказать, что они могли сделать гораздо больше. Да, могли, однако стоит рассмотреть и другой вариант — они могли быть вообще потеряны для науки. НИИКСИ в те времена был неким заповедником, в котором в достаточно суровых условиях ограничения высказываний и публикаций тем не менее выросли люди, которыми сегодня можно гордиться (И: Смирнова 2006: 6).

В главе 2 упоминалось, что в 1966–1969 гг. на небольшом эстонском хуторе Кяэрику собирались социологи, изучавшие теорию и практику массовой коммуникации. Время показало, что эти встречи сыграли заметную роль не только в плане развития методологии социологических исследований — они стали импульсом для формирования круга социологов-единомышленников, во многом определивших концептуальную составляющую отечественной социологии и социальный климат в нашем профессиональном сообществе. Вот как оценивает В. А. Ядов значение этого форума:

Встречи в Кяэрику — событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода «западом». Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Йоханнес Кэбин точно играл роль «крыши». В Кяэрику участники собраний чувствовали себя примерно как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзвец Венори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы (И: Ядов 2005б: 10).

Из всего обозримого множества граней повседневности я отобрал для рассмотрения следующие три. Во-первых, создание и некоторые аспекты деятельности Советской социологической ассоциации (ССА). Во-вторых, прямые контакты социологов с партийными функционерами различного уровня. В-третьих, знаки присутствия в повседневной среде социологического сообщества другой мощнейшей структуры власти — КГБ. Выбор именно этих направлений описания повседневности не яв-

ляется лишь непосредственной реакцией на содержание проведенных интервью, но продиктован пониманием общих механизмов влияния среды на деятельность социологов.

Присутствие ССА в среде жизнедеятельности советских/российских социологов отмечалось не часто и лишь в интервью тех, кто занимал в ней лидирующие позиции, т. е. имел непосредственное отношение к Ассоциации. Вместе с тем понимание ряда скрытых от многих механизмов работы ССА и значимости ее роли в становлении современной социологии стало основанием для краткого освещения истории ее возникновения и ряда сторон ее работы.

Наоборот, о присутствии в жизни социологического сообщества КПСС и КГБ говорилось респондентами много, так что рассмотрение этой темы навечно прежде всего эмпирическими данными. Безусловно, представители двух старших поколений социологов касались этой темы гораздо чаще и затрагивали ее глубже, чем пришедшие в науку после них, но присутствовала она и в беседах с их молодыми коллегами.

Несколько слов о Советской социологической ассоциации

В середине 1950-х гг. ряд советских философов, занимавших видное положение в ЦК КПСС и Президиуме АН СССР, стали выезжать за границу, участвовать в крупных международных форумах, а также приглашать в СССР западных обществоведов. Тогда-то «в верхах» возникла идея создания некой структуры для развития контактов — прежде всего генералов от науки — с западными социологами. «Собрались два-три человека, больше никого в общем тогда и не было» (**И:** Осипов 1999: 94) и создали Советскую социологическую ассоциацию (ССА). Это был 1958 год. Председателем правления стал Ю. П. Францев, вице-председателем — Г. В. Осипов. Ясно, что эта общественная организация могла появиться и функционировать лишь по инициативе и под «зорким оком» власти, а более точно — ЦК КПСС. Исходно перед ССА ставились две главные цели: ознакомление зарубежных социологов с позициями советских ученых по важнейшим вопросам общественного развития и препятствование распространению западной информации относительно СССР. Была еще одна цель — контролировать зарубежные контакты советских ученых. В нашей «электронной беседе» Ж. Т. Тощенко так охарактеризовал возникновение Ассоциации: «Прежде всего, я напомним, что социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина. В конце 1950-х годов была создана Советская социологическая ассоциация во главе с академиком Францевым, под эгидой которой представители официальных структур, в основном философы, стали ездить на международные социологические конгрессы. В 1960-е годы социология развивалась самостийно в рамках ряда социальных наук — экономики, философии, истории» (**И:** Тощенко 2007: 165).

Сведения о ССА можно найти во многих статьях по истории советской социологии и в воспоминаниях ряда ученых, однако более или менее систематическое описание рождения ССА и направлений деятельности этой организации дано в небольшой брошюре И. А. Бутенко, вышедшей 10 лет назад в связи с проведением 27–39 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге Первого Всероссийского социологического конгресса Российского общества социологов, правопреемника ССА (Бутенко 2000). Материалы этого издания и используются в настоящем разделе.

Поскольку в годы создания ССА все ученые в стране работали только в государственных учреждениях, которые несли полную ответственность за тематику проводимых исследований, сбор и анализ информации, а также предоставляли исследователям возможности для публикации своих материалов, то в первые годы в ассоциации были лишь коллективные члены. В 1958 году ССА объединяла немногим более десяти коллективных членов; к 1966 г. их число выросло до полусотни. Позже наряду с коллективным членством было введено и индивидуальное. В 1972 году на учете ССА было 1500 индивидуальных членов и 300 коллективных.

Как пишет Бутенко, прежде всего ССА стала заниматься представительскими вопросами: участие в международных форумах, публикации работ советских социологов в западных изданиях или в странах социалистического содружества. При этом все темы выступлений, все кандидатуры для поездок за границу, тексты докладов многократно обсуждались с руководством институтов и затем согласовывались в ЦК КПСС. Сегодня все это может казаться вымыслом, мифом, но так было. Вот лишь один пример.

В конце 1963 г. Отдел науки и Международный отдел ЦК КПСС обратились к вышестоящему руководству, чтобы получить согласие на командировку в Норвегию на семь дней за счет принимающей стороны доктора философских наук Г. В. Осипова для прочтения лекций на тему «Советская социология сегодня» и «Социальные аспекты разоружения и мирного сосуществования». Отмечалось, что Академия наук считает эту поездку целесообразной. Записка была подписана двумя партийными функционерами очень высокого уровня: заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС. В высших инстанциях записку изучили и подписали четыре человека, входившие в высшее руководство страны: П. Н. Демичев, секретарь ЦК КПСС; Б. Н. Понамарёв, заведующий Международным отделом и секретарь ЦК КПСС; И. В. Капитонов, заведующий Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, и, наконец, М. А. Суслов, член Президиума ЦК КПСС, который многие годы был главным советским идеологом. Замечу, что и до этого Осипов

неоднократно выезжал за рубеж и к тому же в Норвегию он должен был ехать после окончания командировки в Финляндию, которая, в свою очередь, была санкционирована Президиумом АН СССР и ЦК КПСС (Социология и власть 1967: 76).

Область взаимодействия советских социологов с иностранными коллегами (а тем более поездки за рубеж) была достаточно закрытой и могла интересовать весьма немногочисленное число ученых, которые были «выездными». Но были и другие направления деятельности ССА, которые действительно распространялись на большинство социологов. Я имею в виду региональные отделения и исследовательские комитеты и секции. В начале 1970-х гг. были созданы первые пять региональных отделений: Ленинградское, Украинское, Сибирское, Уральское и военное. К 1977 году их было уже 12, в том числе Азербайджанское, Армянское, Белорусское, Молдавское, Прибалтийское и Среднеазиатское. Наличие региональных структур ССА помогало в решении многих проблем. Под грифом ССА проводились опросы, печатались полевые документы, организовывались конференции, выпускались сборники тезисов и докладов.

Работа социологов по различным направлениям координировалась центральными и региональными секциями, мало зависевшими от центра. В 1983 году в ССА было 35 центральных и порядка 150 региональных секций.

Францев недолго возглавлял ССА — в 1959 г. его сменил Осипов, работавший на этом посту до 1972 г. Этот период, несомненно, был наиболее плодотворным в истории советской социологии и ССА. Затем несколько лет во главе Ассоциации стоял М. Н. Руткевич; то было трудное время и для Института социологических исследований, и для значительной части социологического сообщества. В 1976 году президентом стал Ф. Н. Момджян, он руководил кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и, естественно, решал главные вопросы развития социологической науки с сильной оглядкой на партийные органы.

В 1986 году, согласно Уставу ССА, готовилось перевыборное собрание, и если в прежние годы подобные мероприятия проводились относительно формально, то в начале перестройки такого уже не могло быть — силу набирала практика реальных выборов. Выборы пятого президента ССА были подробно описаны в воспоминаниях А. Г. Здравомыслова. Рассказанным им я и воспользуюсь.

Момджян не стремился покинуть этот пост, и у него были весьма сильные позиции в Отделе науки ЦК КПСС. Он не был профессиональным социологом, скорее — историком общественной мысли и тонким дипломатом. Другим реальным претендентом на пост Президента ССА был

директор ИСИ АН СССР Вилен Николаевич Иванов, которого поддерживала довольно большая и влиятельная институтская группировка.

К тому времени Ядов, Левада, Осипов, Шубкин, по мнению Здравомыслова, не располагали достаточным авторитетом ни внутри страны, ни за рубежом для выдвижения их на пост Президента ССА, его собственная кандидатура, отмечал он, также была непроходной. Но нужный человек, утвердившийся именно в социологии, уже был — Т. И. Заславская, академик АН СССР, обладавшая высоким профессиональным и личностным авторитетом. Оставалось 1) убедить Заславскую в необходимости такого шага и, соответственно, переезда из Новосибирска в Москву; 2) убедить инстанции, что при любом ином решении вопроса социология проиграет и это отразится на международном авторитете страны. В конце концов — после ряда совещаний в Отделе науки ЦК КПСС — избрание Заславской состоялось. Это произошло 26 ноября 1986 г. Борьба за это, вспоминал Здравомыслов, велась около трех лет. Сам он, поскольку не скрывал своей позиции, на протяжении этого времени подвергался нападкам по разным линиям.

За несколько месяцев до перевыборного собрания, в августе 1986 г., состоялся очередной конгресс Международной социологической ассоциации (МСА) в Индии, в Нью-Дели. В то время действовали еще старые механизмы формирования делегации. Официальным руководителем делегации назначили В. Н. Иванова — как директора Института. Заславская и Осипов не поехали на конгресс. Делегация должна была руководствоваться специальной инструкцией ЦК, главный ее пункт — провести в состав Исполкома МСА Г. В. Осипова.

Здравомыслов совместно с известным шведским социологом Ульфом Химмельстрандом руководил сессией по проблеме направленности социальных изменений и в организационных вопросах МСА не участвовал. Сессия, в которой он работал, успешно прошла в огромной аудитории, но как только он вышел в фойе, преисполненный радостных чувств от удачного мероприятия, В. Н. Иванов сообщил ему, что он сорвал выполнение инструкции ЦК КПСС. Получилось так, что одновременно с сессией проходило заседание Национального совета МСА, на котором в состав Исполкома кем-то из его членов была выдвинута кандидатура Заславской: она и получила поддержку большинства. Иванов же решил, что это был результат закулисной деятельности Здравомыслова. Такие обвинения в то время были чреваты серьезными последствиями, поэтому он их отверг с порога и постарался незамедлительно придать все произошедшее огласке (**И:** Здравомыслов 2006б: 173–176).

Т. И. Заславская в своих мемуарах не останавливается на том, как происходило ее избрание Президентом ССА, но слегка обрисовывает состояние дел в социологии на тот момент (Заславская 2007: 569–570). Социология уже не считалась «буржуазной лженаукой», однако не имела и статуса полноценной науки. В стране существовал лишь один социологический институт и один социологический журнал, не было

профессионального социологического образования, не присуждались ученые степени по социологии. На собрании Заславская выступила с докладом «О роли социологии в ускорении развития советского общества» и сразу же передала его в газету «Правда», но опубликован он был более чем через месяц, 6 февраля 1987 г., под заголовком «Социология и перестройка». В своем дневнике Заславская записала: «...с тех пор и пошло. В тот же день, 6-го, меня принял А. Н. Яковлев. Он в течение 45 минут слушал мои соображения о положении социологии и необходимых мерах по его исправлению» (Там же: 573). После этого были еще встречи с высокими партийными руководителями, а затем — с руководством АН СССР. В результате была создана комиссия из «главных социологов» страны, которая наметила меры по развитию социологии.

В 1990 году к руководству ССА пришел триумвират: А. Г. Здравомыслов, Ж. Т. Тощенко и В. А. Ядов, однако в связи с распадом СССР вскоре прекратила свое существование и ССА. Ее правопреемником стало Российское общество социологов.

Присутствие КПСС в повседневности социологов

КПСС пронизывала насквозь повседневный мир социологов и социологического сообщества. Присутствие КПСС было всеохватным: явным и латентным, направленным на общество в целом, на его подгруппы и на индивидов, ощущавшимся как членами партии, так и теми, кто не состоял в ее рядах. Партия детерминировала кадровый состав социологов и их карьеру, формировала тематику исследований, а часто управляла опросной «машиной». От нее зависело, быть человеку аспирантом или нет, с ней часто согласовывали проблематику кандидатских диссертаций и, как правило, — докторских. Без согласования с партийными структурами невозможно было провести какую-либо научную конференцию, через каналы партии шло оформление всех поездок за рубеж.

Срез «КПСС и советская социология» присутствует во всех историко-научоведческих разработках, но в полном объеме эта чрезвычайно важная и серьезная тема еще долго не будет раскрыта. И будет ли? Вполне возможно, что определенную фактологию относительно характера взаимоотношений КПСС и социологии можно будет отыскать в диссертациях, защищавшихся в Академии общественных наук при ЦК КПСС по темам со стандартными формулировками типа: «О роли партийного руководства К-ой области в развитии социологии в регионе» или «О дальнейшем развитии заводской социологии в Р-ой области». Но следует понимать, что, возможно, самое главное заключается в том, что в документах не было отражено, как принимались партийные решения, что им предшествовало, каким образом обеспечивалось их выполнение.

Общение рядовых членов партии и руководителей секторов, отделов, лабораторий, институтов с партийными функционерами районного, городского, областного, центрального уровней происходило на особом языке, о котором представители молодых поколений не имеют представления, а будущие историки отечественной социологии — тем более. Часто определяющими были не слова, а интонации, дух, атмосфера общения, но их нет в архивных документах. Социологи, не понимавшие по-настоящему того языка или не желавшие его понимать, часто продолжали работать на своих местах по избранной проблематике, но на некоторое время или навсегда отлучались от прямого общения с партийным руководством. Однако это автоматически и заметно снижало организационные возможности этих ученых (проведение опросов, публикации), а нередко вело к тому, что они были вынуждены менять многолетнюю тематику своих исследований, а случалось — и место работы.

Вместе с тем если учесть, что в стране вообще ничего невозможно было сделать без поддержки партийных органов, а социология постепенно развивалась, исследования проводились, новые научные коллективы создавались, книги выходили и т. д., то надо признать, что роль КПСС не сводилась лишь к запретам деятельности социологов, многие начинания и предложения ученых поддерживались партией.

Можно утверждать, что все крупные исследовательские проекты, оставившие заметный след в советской социологии, такие как «Человек и его работа» (В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов), «Таганрог» (Б. А. Грушин), «Человек после работы» (Л. А. Гордон и Э. В. Клопов), Генеральный проект по социальной организации промышленного предприятия (Н. И. Лапин), исследования деревни Т. И. Заславской, изучение читательской аудитории центральных газет (В. Э. Шляпентох), проблем молодежи и образования (В. Н. Шубкин), политической и трудовой активности молодежи (Ф. Э. Шереги), опросы общественного мнения работающего населения Ленинграда (Б. М. Фирсов) и др., не могли быть проведены без плотного взаимодействия с местными и центральными структурами КПСС и ВЛКСМ, их помощи. Но одновременно приходится говорить и о том, что эти же структуры тормозили исследовательский процесс, а иногда и вовсе прерывали его.

В беседе с Н. И. Лапиным мне показалось возможным связать эти две стороны деятельности КПСС по отношению к социологам с тоталитарной природой власти в стране: власть когда хотела — помогала, когда хотела — закрывала. В целом ответ Лапина совпал с моим пониманием ситуации, ибо в нем просматривается связь положения социологии в обществе с характером динамики самой власти.

Думаю, ответ на этот вопрос требует конкретного подхода. Действительно, отсутствие социологических исследований было следствием тоталитаризма, которому противопоказана объективная информация

о нем. Возобновление эмпирической социологии, в том числе возникновение суперпроектов, стало одним из проявлений начавшегося латентного кризиса тоталитарной системы. Власть нуждалась в социологии, чтобы лучше понять, в какой ситуации она оказалась. Как только она начала понимать опасность этой информации, то стала жестко дозировать деятельность тех социологов, которые ее производили. Прежде всего, консервативные круги партийных «инстанций» перетряхнули ИКСИ, удалив из него энтузиастов объективной информации и введя более контролируемых специалистов. Но процесс социологических исследований «пошел» и давал всплески нежелательной информации в самых неожиданных местах. Слабевшая власть уже не могла контролировать ее локальные очаги; в ходе перестройки этот контроль вовсе прекратился (**И:** Лапин 2007: 161).

Говоря о «конкретике подхода», мне представляется, что следует иметь в виду как макроситуацию в стране, так и специфику возможностей властей разных уровней и понимание возможностей социологии конкретными представителями аппарата партии. В этой связи интересна реакция Т. И. Заславской на вопрос, затрагивающий одну из важных сторон взаимозависимости КПСС и социологии: «Власть не понимала роли социологии и потому сдерживала ее развитие или, наоборот, сдерживала ее развитие, ибо понимала, что выводы социологов могут оказаться для нее неприятными?» Ответ Заславской одновременно носит и общий, и конкретный характер.

Безусловно, второе. Во власти сидели в общем неглупые люди, и большинство из них понимало, что такое социология. Но ее выводы были им категорически противопоказаны. Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З. И. Файнбург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследования его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Случай частный — но за ним, как мне кажется, кроется общее. Рекомендации социологов носили преимущественно управленческий характер, но кормило реального управления уже вырывалось из рук партийных руководителей, и «не знать» о разложении общества им было удобней, чем «знать», но не быть в силах что-либо сделать (**И:** Заславская 2007б: 152).

Ж. Т. Тощенко перед тем, как стать социологом, занимал ответственные посты в партийном аппарате, потом учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС, затем — там же — руководил социологической

лабораторией. Так что в беседе с ним было естественно спросить о типе присутствия партии в среде жизнедеятельности социологов: «Сейчас часто говорят о притеснениях, которые социологи испытывали со стороны партийных органов: ограничения в тематике исследований, несправедливая критика. Сталкивались ли Вы с такими проблемами?» (И: Тощенко 2007: 156). Ответ Тощенко был весьма развернутым, здесь приведу лишь общую канву сказанного им.

В истории нашей социологии, по мнению Тощенко, были позорные страницы: расправа над Ю. А. Левадой, различные санкции против В. А. Ядова, запреты проводить те или иные исследования, распространять анкеты в Москве, Минске, Киеве и других городах. Немало было выговоров, замечаний практически у каждого из социологов. Но в то же время он не согласен с заявлениями о «репрессиях против социологов», особенно часто звучавшими в начале 1990-х гг.

Собственные его отношения с партийной властью начали складываться успешно. Первым было социологическое исследование на Красноярском алюминиевом заводе. Тогда завод возглавлял 40-летний директор В. В. Стриго, представлявший яркий образец социоинженерного мышления. Свой заказ он сформулировал так: «Я знаю технологию и внедрил на заводе все лучшее, что есть в мире. Я знаю технику и использовал все, что есть лучшего в стране. Я знаю, как организовать производство и наладить управление. Но я, по большому счету, не знаю людей, их настроений, суждений, их оценки моей работы и моей команды. Дайте мне инструмент, который поможет мне более эффективно строить работу с людьми» (Там же: 157). И социологи дали свои предложения: это была аттестация инженерно-технических работников, которая включала в себя оценку специалиста: снизу — подчиненными, по горизонтали — коллегами и сверху — руководством.

Однажды Тощенко был приглашен на беседу к первому секретарю крайкома КПСС А. А. Кокареву. Это был человек сталинской эпохи: крут, но дело знал, на партийную работу пришел с поста директора завода. Тощенко зашел к нему. После приветствия и некоторой паузы хозяин кабинета говорит: «Вот тут мне докладывают, что ты ходишь по заводам и пристаешь к рабочим с какими-то анкетками. Это правда?» Тощенко сказал, что именно этому его научили в Академии общественных наук, куда он был направлен вышестоящим партийным органом. После некоторого молчания, кряхтения и раздумий Кокарев сказал: «Брось ты это дело, лучше ходи на рабочие собрания, там ты услышишь всю правду-матку». Но запрещать заниматься этой работой не стал, ведь он сам подписывал направление Тощенко на учебу в АОН. Рассказав этот эпизод, Тощенко добавил: «Думаю, что если бы эту науку я привез из МГУ, другого вуза или академического института, то разговор был бы иной» (Там же: 158).

Именно такой «иной» разговор вспоминает Е. Э. Смирнова, работавшая, правда, не в МГУ, но в одной из лабораторий НИИКСИ при ЛГУ.

Тогда она с коллегами проводила исследование на заводах и в НИИ химической отрасли. Многие из респондентов работали в закрытых предприятиях, и поэтому интервью часто приходилось брать то в проходной (без стола и стула), а то и в скверике около предприятия. Потом заказчики говорили социологам, что результаты их исследования были использованы, т. е. их труд не пропал даром. Но одним из следствий проведенной работы стал вызов Смирновой в Смольный, где тогда располагались городской и областной комитеты КПСС. Оказалось, что прогнозы ученых относительно развития тонкой химической технологии попали в поле зрения КГБ. И инструктор в Смольном сказал приблизительно следующее: «Ты что, сукина дочь, соображаешь, что натворила?» (И: Смирнова 2006: 6). И вот шла она после этой беседы по коридору Смольного и заметила на красной дорожке какие-то пятна — оказалось, что это были ее слезы. Потом все эти проблемы постепенно переросли в вотум недоверия к ней лично, ее — беспартийную — стали вызывать на партком НИИКСИ и есть поедом.

Теперь приведу два сюжета о взаимоотношениях социологов с представителями партийной элиты; это еще одна грань повседневности руководителей социологических коллективов. Первый из них рассказал В. А. Ядов на конференции, которая состоялась в 1994 г. и была посвящена истории возникновения ленинградской социологической школы.

Как-то звонят из Смольного в его лабораторию и сообщают, что его вызывает первый секретарь обкома В. С. Толстиков. Приезжает курьер, везут Ядова в Смольный. Входит он в огромный кабинет, где очень далеко сидит его хозяин. Ядов направляется к нему и вдруг слышит: «Ты что это там делаешь?» Сесть не предлагает, просто грубо матерится: «Вы что это там, гребена мать, делаете?!» Ядов сам садится, чтобы всем разобратся. Хозяин говорил «ты», что на партийном языке того времени означало, что он ругает Ядова как своего, это было понятно. Затем вопрос: «Что за опрос про секс ты проводишь?..» и называет город. Ядов: «Ничего мы в этой области не проводим. Понятия не имею, кто там проводит опрос». (Позже выяснилось, что кто-то проводил такой опрос по анкете С. И. Голода.) Толстиков звонит по прямому телефону в Москву: «Нет, это не мы. Мы не проводим». И, обращаясь к Ядову: «Чтоб, твою мать, больше не было этого! Иди!» (Ленинградская социологическая школа 1998: 15).

Следующий сюжет — рассказ Б. Г. Тукумцева о создании в Куйбышеве (ныне Самаре) в 1969 г. первой социологической лаборатории при кафедре философии Технического университета.

Инициатором ее создания был лично первый секретарь Куйбышевского обкома партии. Это был опытный и талантливый руководитель. Но даже для него подобный шаг представлял собой в те годы рискованную иници-

циативу. Идеологическое ведомство ЦК КПСС жестко пресекало активность по распространению социологической практики на периферии, поэтому все кафедры обществоведения технического университета г. Куйбышева, где должно было появиться социологическое подразделение, делали все возможное, лишь бы не позволить новому научному коллективу закрепиться на кафедре философии. Смелость секретаря обкома основывалась на особом статусе Куйбышевской области, значительная часть ее промышленности представляла собой ракетно-космический комплекс. Важность для руководства страны этого комплекса создавала для Областного комитета партии определенный статус «неприкасаемости» и даже «вседозволенности» (И: Тукумцев 2009: 13).

Аппарат КПСС, люди, наделенные немалой властью, занимались не только решением общих проблем развития социологии в стране, но и кадровыми, «штучными» проблемами. Рассказанное В. Э. Шляпентохом (И: Шляпентох 2006), беспартийным, было ответом на мой вопрос о том, что заставило его перебраться из новосибирского Академгородка в Москву.

Главная причина — это создание Института социологических исследований и стремление работать в нем. Но была и более общая причина — реакция на Пражскую весну почти разрушила социологию в стране. Шляпентоху отвели руководящую роль в подписании писем протеста в Академгородке в начале 1968 г., хотя он не был основным «игроком». С большим трудом, с помощью ректора НГУ С. Т. Беляева и корреспондента «Правды» Бориса Евладова, Шляпентоху удалось отвести удар от его подразделения, к которому враждебно относился и первый секретарь Новосибирского обкома Ф. С. Горячев. Однако тучи над ним сгущались, ученый совет университета не утвердил его в звании профессора, что обычно являлось формальностью для обладателей степени доктора наук. Только благодаря Ф. М. Бурлацкому, который в те годы был заместителем директора ИСИ и имел значительный вес в руководящих структурах ЦК, удалось сломить сопротивление инструктора ЦК по социологии Г. Г. Квасова и Шляпентох смог получить приглашение на работу в ИСИ.

Возглавляя в течение многих лет социологическую лабораторию в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, Ф. Э. Шереги провел множество исследований по заказам партийных и комсомольских структур высокого уровня. Поэтому его мнение о взаимодействии с этими организациями вполне может быть названо экспертным. Мой первый вопрос касался того, насколько спокойно протекала его работа, не мешали ли ему. Его ответ содержит и оценку ситуации, и объяснение характера имевших место контактов.

По словам Шереги, никто его исследованиям не мешал; наоборот, поддерживали и предоставляли средства для их проведения. Более того,

творчество в политических организациях отличалось большой степенью свободы: ни Главлит (цензура), ни политические руководители в дела ученых в целом не вмешивались. Он даже старался помогать коллегам из академических институтов в тех организационных вопросах, решение которых для них было затруднительным. Парадоксально, но уже в начале 1980-х годов критика застойности государственной системы в политических образовательных и научных учреждениях звучала более остро и открыто, чем в академических. Не случайно и реформы были инициированы политическими институтами. Отсутствие заметных помех в работе отчасти было связано с тем, что многие научные сотрудники в политических учреждениях в прошлом были партийными или комсомольскими работниками, ставшими невостребованными для дальнейшей политической карьеры. Они не стремились заниматься такими «черновыми» работами, как прикладные исследования, для этого имелись «рабочие лошади»; Шереги был одной из них, не допускавших в «масонскую» элиту (И: Шереги 2007а).

А вот как он объясняет стремление партийной и комсомольской «верхушки» знать общественное мнение и работать с социологами:

Повышенный интерес и партийной, и комсомольской элиты СССР к информации о политическом настроении советских людей был естественным, так как проистекал из необходимости «ежеминутно» контролировать это настроение и формировать его в соответствии с коммунистической идеологией. Однако ни у партийной, ни у комсомольской элиты прямой потребности в социологической информации, а тем более в социологическом изучении общественного мнения, не было. Для работы с социологическими данными у них не хватало грамотности. Я помню, что даже в конце 1970-х годов в информационных записках в ЦК комсомола вместо символа «%» нас заставляли писать слово «процент» из опасения, что некоторые секретари ЦК комсомола не знают значения этого символа. В тот период информационным обеспечением власти о настроении населения СССР занимался сугубо КГБ. Что касается «дозволенности» заниматься прикладной социологией в ограниченных масштабах (в основном в академических институтах и образовательных учреждениях при высших органах власти) — то это был «жупел» для молодой интеллигенции, позволявший перенаправить ее «идеологическое диссидентство» в русло некой «социальной забавы», естественно, под контролем КГБ и идеологических органов партии и комсомола. Кроме того, у власти была возможность демонстрировать Западу некие «зачатки» демократизации научной жизни в СССР. Поэтому, хотя в советский период существовала относительно широкая практика (чаще всего на дилетантском, но не на профессиональном уровне) прикладной социологии, она скорее служила формой занятия ученых-обществоведов «для себя» и не была востребована ни политиками, ни представителями экономической сферы (Там же: 78).

По сути, с самого начала развития социологии в стране КПСС не только проявляла интерес к результатам академических и заводских социологов, но и готовила свои кадры, способные самостоятельно проводить исследования. КПСС, с одной стороны, долго сдерживала развитие в стране системы университетского социологического образования; с другой стороны, с начала 60-х гг. она способствовала знакомству обучавшихся в АОН при ЦК КПСС и в региональных высших партийных школах с теоретическими основами и эмпирическими методами социологии. В этих учебных заведениях возникали социологические лаборатории, утверждались диссертационные темы по философии, истории, научному коммунизму, включавшие в себя проведение опросов, анализ документов, использование математических методов при обработке собранной информации.

По инициативе партии в стране была развернута широкая сеть вечерних Университетов марксизма—ленинизма (УМЛ), куда организации посылали учиться людей, имевших высшее образование и нередко серьезно интересовавшихся философскими науками, историей. Оканчивавшие УМЛ фактически приобретали второе высшее образование, что помогало им при поступлении в аспирантуру, увеличивало их шансы стать членами КПСС.

Рассказ А. В. Баранова, который создал в ленинградском УМЛ первое в стране отделение социальной психологии и социологии и вначале был там единственным лектором, дает представление о том, что собой представляла эта система. В Москве был аналогичный УМЛ, но отделение социологии и социальной психологии было там образовано лишь в 1970-х гг.

При двухгодичном сроке обучения на первом курсе читалась социальная психология, а на втором — социология. На курсе было порядка ста человек: инженеры, руководители промышленности, директора, интеллектуалы. Где-то с конца 60-х—начала 70-х регулярно учились молодые офицеры КГБ, потому что эта организация раньше других почувствовала острую необходимость в таких знаниях, знании людей, особенно — массовой психологии. Их было не более 10 % от числа слушателей. За 10 лет лекции Баранова прослушали более 1000 человек (**И:** Баранов 2008).

Материал интервью с А. Г. Здравомысловым позволяет затронуть еще один аспект рассматриваемой темы: социолог в «мозговом центре партии» — Институте марксизма—ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС; он проработал там 17 лет.

В 1970-е годы явной функцией этого учреждения был контроль идеологической работы в стране, прежде всего в той части, которая касалась публикаций произведений Маркса, Энгельса, Ленина; разработка

вопросов социальной политики партии; поддержание контактов с исследовательскими учреждениями внутри страны и за рубежом. В социологии Здравомыслов чувствовал себя уверенно, в ИМЛ он оказался чужим. Для начала пытались «воспитывать» его анонимными письмами, поступавшими в дирекцию, в отделы ЦК КПСС, в которых прямо оспаривалось решение дирекции о приеме его на работу в столь «ответственное партийное учреждение». К примеру, выискивались тексты, в которых он «отступал от принципов марксизма—ленинизма», а в личном плане он не соответствовал критериям сотрудника этого учреждения уже потому, что дружил со Шляпентохом, который к тому времени уехал в США.

В первые годы работы в ИМЛ Здравомыслов занимался проблематикой социальной политики. В частности, ему удалось найти новый подход к социальной дифференциации в советском обществе. Разработанные им теоретические конструкции оказались применимыми не только к плановой системе хозяйствования, но и к рыночным отношениям.

Перестройка внесла оживление во все стороны жизни КПСС, изменилась ситуация и в ИМЛ. В 1989 году Здравомыслова ввели в комиссию специалистов, занимавшихся «белыми пятнами» в истории страны, а точнее, неприглядными моментами в деятельности руководства КПСС прошлых составов. Работу возглавлял член Политбюро А. Н. Яковлев, но он ни разу не появился, а передавал поручения через доверенных лиц. Здравомыслову было поручено изучение Чехословацкого кризиса в 1968 г. и ситуации, связанной с вводом войск стран советского блока на территорию Чехословакии. За три месяца он написал доклад примерно на четыре печатных листа с анализом причин и хода событий.

В 1990 году ИМЛ был преобразован в Институт теории и истории социализма, и Здравомыслов возглавил в нем сектор социологии партии. В мае 1991 г. им был подготовлен доклад на тему о ситуации в партии, в нем было показано существование в КПСС трех различных общественно-политических позиций и предлагалось оформить реально сложившийся «развод». Но М. С. Горбачёв не сумел прочесть этот материал до августовских событий, которые, по сути дела, положили конец перестройке (**И: Здравомыслов 2006б: 178–179**).

Еще одна сторона повседневности советских социологов — партийность. Формально социолог мог быть беспартийным, и незначительное число социологов первых двух поколений не состояли в КПСС, но большинство — были членами партии. Для заканчивавших философский и другие обществоведческие факультеты членство в партии было практически обязательным для последующего обучения в аспирантуре и допуска к преподаванию. Тогда одним из путей вступления в партию была освобожденная комсомольская работа. Вследствие многих причин среди социологов третьего и особенно четвертого поколения членов партии было уже меньше. Молодежь, студенчество 1960–1970-х гг. относилось значительно критичнее к политической системе в стране, чем их ровесники в конце 1940–1950-х. Они чувствовали «усталость»,

и у многих не было желания делать карьеру. Наконец, уже в 70-х гг. интеллигенции было во много раз сложнее, чем рабочим, вступить в партию; КПСС жестко контролировала демографическую структуру партийцев: поскольку стало сложнее рекрутировать в партию рабочих, то усложнилось и вступление в нее интеллигенции. Приведу несколько отвечающих рассматриваемой теме фрагментов из интервью с социологами разных поколений.

Б. И. Максимов начинал свой трудовой путь у станка, служил в армии, входил в состав управления Кировским (Путиловским) заводом, но был беспартийным. Вот его разъяснение: «Опять же по причине моего идеализма. Сначала я не хотел идти в партию, считая, что в нее вступают карьеристы. Потом, когда надо было все же вступать — я был начальником социологической лаборатории, председателем секции социологов трудовых коллективов Советской социологической ассоциации и руководителем семинара в Ленинградском доме научно-технической пропаганды, — встал в очередь (ты помнишь эту специфическую очередь ИТР). Но так моя очередь и не подошла; грянула перестройка, когда доблестью стало остаться беспартийным. Правда, мне эту доблесть некуда было применить» (И: Максимов 2007: 9).

Вот комментарии беспартийной Л. В. Пановой относительно того, предпринимала ли она попытки вступления в КПСС и предлагали ли ей вступить в партию.

Она не предпринимала подобных попыток, но ей предлагали вступить в партию. В школе, а потом в начале студенческих лет у нее было ощущение необходимости участия в каких-то общественных делах. Затем этот энтузиазм был сбит слишком рьяной непримиримостью институтской комсомольской организации к тому, что могут существовать другие взгляды и интересы. То, что позже называлось оттепелью, представлялось ей как осуждение и отказ от ужасного прошлого, но пришли 70-е годы, с партсобраниями по поводу тех, кто хотел уехать, и лозунгами типа «КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи». Желания участвовать в этом не было, не было и необходимости, потому что верхней точкой своей карьеры она всегда рассматривала должность старшего научного сотрудника (И: Панова 2008).

По воспоминаниям Л. Г. Ионина, шестидесятые были счастливыми годами любви, надежд, ученья, космических полетов и открытых горизонтов. Последние переживались им как события жизни страны и его собственной жизни. В семидесятые на жизнь легла некоторая тень. В восьмидесятые горизонты закрылись. Но Ионин поясняет:

Это не социальная хронология, а моя персональная. Шестидесятые годы для меня — не «оттепель» (хотя Эренбурга я читал с интересом) и не

«возрождение надежд на подлинную реализацию идеалов социализма», а мои личные весна и юность, лишь совпавшие с «оттепелью», на которую мне, строго говоря, было наплевать. На социализм мне тоже было наплевать. У меня была философия (точнее, романтическое представление о ней), была любовь, я жил в великой стране, и этого мне было достаточно. Этого порыва мне хватило надолго — на обе диссертации, на несколько книг, на поездки за границу. Я мало замечал существовавшие мрачные реалии (**И:** Ионин 2007: 7–8).

И все это было не потому, что он был приспособленцем или, наоборот, искренним партийцем. В партию Ионина не принимали, хотя он несколько раз подавал заявление. Очевидно, у тех, кто его рассматривал, было безошибочное классовое чутье. По его словам, он долго оставался счастливым и наивным человеком, полагавшим, что таланта и честного труда достаточно, для того чтобы полноценно прожить жизнь.

А. Ю. Мягков — представитель четвертого поколения социологов — несколько раз в процессе интервью упоминал о трудностях в его жизни, возникавших в связи с его беспартийностью.

Сначала было распределение после завершения образования в Ивановском государственном педагогическом институте. Шел 1976 год. Ему хотелось остаться в университете, но на специальные исторические кафедры молодые преподаватели не требовались, а аспирантура в вузе была только по философии и истории КПСС. Но на «идеологические» кафедры, не будучи членом партии, попасть было невозможно. Когда узнавали, что он — лишь комсомолец, говорили: «Поработайте пару лет, может быть, вступите в партию, тогда и поговорим». Он стал учителем истории средней школы в небольшом городке Кинешма. В 1978 году по возвращении в Иваново он снова начал искать работу. После долгих поисков ему удалось узнать, что в энергоинституте на кафедре научного коммунизма образовалась вакансия. Его пригласили на собеседование. Оно закончилось благополучно, но все кадровые вопросы необходимо было согласовывать в обкоме партии, никак не ниже. Кончилось это тем, что обком его кандидатуру не поддержал. Однако опытное руководство института и кафедры нашло решение этой проблемы: Мягкову поручили разрабатывать какой-то курс, но официально его оформили на должность лаборанта одной из технических кафедр (**И:** Мягков 2010).

Принадлежащий к младшему слою четвертого поколения, выпускник философского факультета МГУ, М. А. Тарусин и его друзья не думали о карьере и считали вступление в партию несмыслаемым позором, да и на людях не очень-то молчали — в целом говорили что думали. Правда, по его словам, «к тому времени и власть уже ослабла, и стукачи обленились, так или иначе — нам все сходило с рук» (**И:** Тарусин 2007: 60).

В главе 9 описана практика проведения Л. Е. Кесельманом уличных опросов, технология которых родилась в начале 1989 г. на волне подготовки к горбачёвским выборам в Верховный Совет СССР (**И:** Кесельман 2005). В преддверии дня голосования, на основании серии зондажей установок избирателей, ему удалось точно предсказать крупное поражение партийной элиты города и победу политиков новой волны. Его результаты были распространены многими средствами массовой информации города и центральными изданиями. Так, примерно через месяц ленинградские корреспонденты «Правды» писали: «Факт ныне общеизвестный: шесть партийных и советских руководителей Ленинграда и области, в том числе первый и второй секретари обкома КПСС Ю. Соловьев и А. Фатеев, первый секретарь горкома А. Герасимов, не набрали достаточного количества голосов избирателей и не получили мандаты народных депутатов СССР» (Волынский, Логинов 1989: 2). В статье упоминалось предупреждение социологов о том, что на выборах «может не пройти ни один из руководителей города». Вскоре после выборов, итоги которых в полной мере подтвердили предсказание Кесельмана, состоялось заседание Бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения социологической ассоциации, на котором в присутствии почти всего руководства ленинградских Обкома и Горкома КПСС обсуждались итоги серии предвыборных уличных опросов. Приведу фрагменты интервью с Кесельманом.

Где-то около трех часов дня, у входа в ИСЭП, располагавшийся на «правительственной трассе» точно посередине между Смольным и Большим домом, нас с Машей Мацкевич⁶ остановил первый секретарь Дзержинского райкома И. А. Бобров. «Похоже, Леонид Евсеевич, вы на свой праздник опаздываете?» — обращается ко мне, доброжелательно улыбаясь, человек, которого до этого я имел честь видеть лишь издалека — он в президиуме, я — в последних рядах «на галерке». А тут выясняется, что он знает меня в лицо и по имени-отчеству. Когда к тебе обращается такое высокое начальство, надо соответствовать. «Да, нет, еще есть минут десять. А Вы тоже к нам?» — «Не только я». Остановились на солнышке. Обмениваемся какими-то ни к чему не обязывающими словами. Вдали на фоне по-весеннему высокого неба контур Смольного собора и практически пустынная — без пешеходов — улица. В какой-то момент где-то на полпути от Смольного замечаю большую группу людей, идущих во всю ширину тротуара. «Похоже, какая-то демонстрация», — указываю я нашему собеседнику на приближающуюся к нам толпу. «Да, гости на Ваш праздник идут», — ухмыляется он. В центре приблизив-

⁶ *Мацкевич Мария Георгиевна*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН (Петербург), тогда активный член команды Кесельмана, проводившей уличные опросы.

шейся группы различаю знакомый по газетным фотографиям характерный седой «ежик» первого секретаря Ленинградского обкома, а рядом с ним такие же «широко известные» лица других партийных начальников города и области. «Неужто и в самом деле к нам?» — искренне удивляюсь я. «К вам, к вам», — смеется он и устремляется навстречу своему начальству. <...> К этому моменту наша семинарская комната, рассчитанная в лучшем случае на полсотни человек, уже была забита коллегами и другими сотрудниками института, которым пришлось размещаться по трое—четверо на каждой двухместной «парте». <...> Похоже, заработавшись в ВЦ, мы пропустили начало подготовки к этому мероприятию и только теперь поняли, что отчитываться придется не только перед своими коллегами, но заодно и перед практически полным составом бюро Ленинградского Обкома КПСС, который мы терроризировали своими «подметными письмами» все последнее время (**И:** Кесельман 2005: 9).

Теперь, как участник того мероприятия, прокомментирую сказанное Кесельманом; при этом воспользуюсь записями в дневнике, который я вел в ту пору.

Названное заседание состоялось 28 апреля 1989 г. и исходно планировалось как рядовое профессиональное мероприятие. Мне это известно, поскольку в то время я был Председателем Бюро Северо-Западного (Ленинградского) отделения социологической ассоциации, занимался подготовкой этого заседания и вел обсуждение.

10 апреля 1989 г. мне, как одному из руководителей Социологической ассоциации, позвонила инструктор ОК КПСС А. М. Никитина; от имени заведующей отделом пропаганды Г. И. Бариновой и от себя она просила поблагодарить Кесельмана за материалы о выборах, которые он им направлял. Тогда же она обещала организовать встречу с Бариновой. Никитина хорошо знала социологов города — несколько лет она проработал в ИСЭПе.

14 апреля Баринова и Никитина говорили со мной около полутора часов о необходимости создания в городе и области системы изучения общественного мнения. Через несколько дней членам Бюро ассоциации была направлена повестка заседания, намеченного на 28 апреля на 15 часов. Предполагалось рассмотреть четыре вопроса, среди которых основным был: «Об участии социологов в выборах народных депутатов СССР». По существовавшей в то время традиции информация о планировавшемся Бюро была направлена и Никитиной, «курировавшей социологию» по линии Обкома КПСС.

27 апреля меня неожиданно пригласили в Обком КПСС, где на встрече с Бариновой и Никитиной мне было сказано о возможном приходе на заседание Бюро руководителей партийных организаций области и города. Подчеркивалось, что это будет встреча именно с социологами, а не с руководством ИСЭП, которое будет об этом извещено. Меня просили не популяризировать намечавшуюся встречу, и я сообщил о ней лишь членам Бюро.

Далее было все, как описал Кесельман. Когда я, встретив высокое партийное руководство в вестибюле института, поднялся в предназначенную для заседания аудиторию, то увидел в ней много людей. Не знаю, как это произошло, как распространялась информация. По главному вопросу Бюро выступил 21 человек; видимо, эта встреча мне сразу показалась необычной — в дневнике зафиксированы даже данные о том, сколько времени говорил каждый из них. Началось все в три часа дня, и до половины седьмого «гости» слушали социологический анализ избирательной кампании и причины их неудач. В те перестроечные годы все случилось.

В 18:32 я сказал: «Еще пару месяцев назад мне могло лишь присниться, что я говорю: «Слово предоставляется кандидату в члены Политбюро КПСС, первому секретарю Ленинградского Обкома КПСС, тов. Соловьеву Юрию Филипповичу», но вот именно это я сейчас и говорю». Слова Соловьева у меня записаны так: «Жизнь заставила нас прийти к вам. Не то, что мы провалились. Это — благо. Жизнь заставила нас пересмотреть планы. То, что вы сегодня рассказываете, для меня — откровение. Я не знаю, где лежат материалы ваших исследований. Мы должны работать совместно. Без социологии нам не обойтись. Общество так быстро изменяется, что нужно его изучать, прогнозировать. Мы проведем Бюро Обкома КПСС по социологическим исследованиям. Будем решать ваши вопросы» (Докторов 2005б).

Мои записи в целом совпадают с тем, как в небольшой заметке «Завершилась война с социологами?» передала содержание выступления Соловьева корреспондентка «Московских новостей» Н. Беляева (Belyaeva 1989), не знаю каким образом оказавшаяся на этом заседании. Ленинградские газеты ничего не писали об этом событии; скорее всего, не было на то указаний.

Возможно, это было одно из последних в истории КПСС рассмотрений проблем социологии. Говорилось о многом, планы были приняты напряженные и многообещающие. Однако выполнять все это никому не пришлось. В стране начинались события, отслеживать и анализировать которые социологи уже не успевали, а через два с небольшим года не стало КПСС, а затем и страны под названием Советский Союз.

Присутствие КГБ в повседневности социологов

Социология в СССР не могла родиться как без «разрешения» КПСС, так и без согласия КГБ. В разные периоды истории страны власть каждой из этих организаций была велика, во многом они конкурировали, но в главном были едины и существенным образом участвовали в разработке и реализации внутренней и внешней политики страны.

Как в каждом учреждении страны были партийные организации, так каждая из них находилась под наблюдением сотрудников Комитета

госбезопасности. В крупных социологических учреждениях существовали «первые отделы», задачей которых было отслеживание потоков профессиональной информации, поступавшей к сотрудникам и создававшейся ими по результатам исследований. Эти отделы оформляли документы на сотрудников, которым по условиям работы необходимо было иметь так называемый допуск, или специальное разрешение на ознакомление с секретной информацией, для посещения закрытых НИИ и КБ, если там проводились опросы. Сотрудники этих отделов определяли гриф отчетов, готовившихся социологами, и нередко случалось так, что, завершив работу, авторы, если они не имели допуска, сами не могли ознакомиться с ими же написанным. По поручению своих «кураторов» из КГБ работники «первых отделов» собирали информацию о сотрудниках институтов, записывали их выступления на партийных собраниях, научных семинарах, особенно на тех, где присутствовали зарубежные коллеги.

Еще один канал КГБ по сбору информации обо всем происходившем в социологическом сообществе — это люди, сотрудничавшие с органами, или, попросту, «стукачи»; они были и в крупных, и в небольших организациях.

Рассказывая о своих первых контактах с социологами, В. М. Воронков, будучи экономистом и работая в одном из секторов ленинградского Института социально-экономических проблем АН СССР со второй половины 70-х до начала 90-х гг., отмечает, что они участились в связи с его «кагэбэшным» делом. Его судили за распространение антисоветской литературы, но поскольку тогдашний председатель КГБ СССР Ю. Андропов отдал распоряжение переквалифицировать подобные дела из политических в уголовные, то он проходил по «валютной» статье, к которой никакого отношения не имел. Однако его адвокат, опытный специалист по защите диссидентов, посоветовал ему согласиться с обвинением — продажей золотой монеты.

По мнению Воронкова, ИСЭП отличал высокий процент стукачей. «Кагэбэшный куратор Института чуть ли не открыто вербовал сотрудников, а в период расследования его дела постоянно вызывал сотрудников социологического отдела в органы» (И: Воронков 2011: 4).

В ходе моих интервью я спрашивал некоторых моих собеседников о разных формах их отношений с ГКБ. Приведу фрагмент из интервью с А. Г. Здравомысловым.

Один из моих бывших друзей-эмигрантов опубликовал в нынешней России книгу, в которой признается в том, что в какой-то момент своей жизни то ли в расчете на поддержку государства, то ли исходя из надежды на более широкий допуск к запретной информации, он дал подписку о сотрудничестве с органами госбезопасности. Это было еще до смерти

Сталина, а когда Сталин умер, он прекратил контакты с сотрудником ГБ, так как ему самому это было крайне противно. Другой мой давно умерший коллега рассказывал мне аналогичную историю, сказав про себя, что он был «стукачом», но затем прервал сотрудничество и написал об этом официальное заявление в органы. Меня такая судьба миновала, но гордиться этим я не вижу смысла (И: Здравомыслов 2006а: 9).

КГБ пристально наблюдал за умонастроениями молодежи, особенно студентов и тем более — будущих обществоведов. Некоторых сотрудники этой организации принуждали к доносительству, но были и такие, кто обращался к ним сам, как говорится, «по велению сердца». В сентябре 2009 г. началась моя «электронная» беседа с В. М. Долгим-Рапопортом, однако вскоре она была приостановлена из-за возникших в его семье проблем. К сожалению, эта работа не была продолжена, так как обстоятельное интервью с ним было проведено Любовью Борусяк и опубликовано на сайте «Полит. Ру».

Долгий учился на философском факультете МГУ одновременно с Ю. А. Левадой, дружил с ним, недолго работал под его руководством в ЦЭМИ АН СССР и посещал его семинар. Был он также сварщиком на строительстве Братской ГЭС, плотником в Театре им. Маяковского, стал видным диссидентом, участвовал в распространении «Хроники текущих событий»⁷, работал в Сахаровском центре. Из того, что мне уже было известно о Долгом, вытекал мой первый вопрос: «Можно сказать, что Вы прожили три жизни: до того, как начали заниматься социологией, работа в социологии и период постсоциологической жизни... Но у каждого из нас жизнь одна, и каждый понимает ее по-своему... Вы делите ее на названные «этапы» или скорее рассматриваете прошлое—настоящее как единый процесс?» Его ответ позволяет многое понять: «Мною прожито несколько жизней. Счет зависит от основания деления. При самом обобщающем делении их две: в начале жизни — сталинист, в последующей и до сего дня — антисталинист, анти-totalитарист, демократ. Это деление — определяющее в моем самосознании» (И: Долгий-Рапопорт 2009а).

В студенческие годы под влиянием родителей, партийных функционеров достаточно высокого ранга, а также имея перед глазами пример тети, старшего помощника капитана дальнего плавания, перевозившей оружие в республиканскую Испанию, Долгий решил стать разведчиком. Родственники помогли ему встретиться с ответственным работником КГБ, тот не посоветовал молодому человеку идти в разведку и не помог

⁷ «Хроника текущих событий» — первый в СССР неподцензурный правозащитный информационный бюллетень, который распространялся в самиздате. Первый бюллетень был выпущен 30 апреля 1968 г. «Хроника» издавалась в течение 15 лет, с 1968 по 1983 г.; за это время вышло 63 выпуска.

ему поступить в Высшую школу МГБ, однако организовал его встречу с университетским куратором из КГБ. И с 1948 по 1953 год Долгий сотрудничал с КГБ. На вопрос интервьюера, чем он занимался, последовал ответ: «На прямом языке это называется — доносил» (И: Долгий-Рапорт 2009б).

Но доносил он не на студентов или преподавателей факультета, а на ребят из окружения одного из своих одноклассников, принадлежавших к «золотой молодежи». Группа была арестована, ее участники получили по 25 лет. Сам приговор убеждал тогда Долгого, что сделанное им было правильным, ибо, по его мнению, такой приговор не мог возникнуть на пустом месте. Однако позже у него появились внутренний страх и сомнения в том, был ли он прав. Один его знакомый отсидел четыре года, был реабилитирован, но вскоре покончил с собой.

Сложным и болезненным был для Долгого процесс раскрытия для окружающих своего прошлого и перехода в диссиденты, но он все преодолел, в частности — благодаря пониманию и поддержке А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр. Не могу не согласиться с социологом А. Н. Алексеевым, написавшим мне после прочтения интервью с Долгим: «...замечу, что он вписал в историю нашей науки совершенно бесценные страницы»⁸.

Ну и, конечно, в компетенцию партийных органов и КГБ входило определение круга лиц, которым были разрешены контакты с иностранцами: это касалось не только поездок за границу, но и участия в международных семинарах, конференциях, проходивших в Советском Союзе, встреч с иностранными специалистами в стенах институтов и в других местах, и т. д. В главе 7 уже приводились воспоминания И. С. Кона о том, как он помогал И. А. Голосенко получать литературу, необходимую ему для изучения творчества Питирима Сорокина. Вместе с тем Кон предостерегал своих аспирантов и соискателей от прямых контактов с зарубежными учеными. Однако на одной из американских выставок Голосенко с приятелем забыли этот совет, побеседовали с гидом, и в результате Голосенко, «несмотря на безупречное “арийское” происхождение и наличие партбилета, до самого конца советской власти стал невыездным» (Кон 2008: 217).

Приведу еще один характерный пример, указывающий на внимание КГБ к прямым контактам людей с иностранцами.

В мае 1970 года в Таврическом дворце в Ленинграде проходила XIII сессия Международного комитета по космическим исследованиям (КОСПАР). В огромном белоколонном зале развернули выставку, на которой выставили образцы лунного грунта, привезенные на Землю американскими астронавтами. Участвовал в конференции и Нейл Армстронг, первым

⁸ Электронное письмо А. Н. Алексеева Б. З. Докторову от 9 декабря 2009 г.

из землян вступивший на поверхность Луны. В Таврическом дворце размещалась Ленинградская Высшая партийная школа (ЛВПШ), и все сотрудники — я там тогда работал — могли осмотреть выставку и послушать доклад Армстронга. Когда я интервьюировал А. Г. Здравомыслова (в 1970 г. он заведовал кафедрой философии ЛВПШ), он вспомнил, что получил от КГБ фотографию, на которой он был снят с Армстронгом. В рассказе астронавта о чувствах, испытанных им во время прилунения и высадки на поверхность Луны, Здравомыслов не разобрал одной детали. Он подошел к нему и спросил: «Вы сказали, что оставили на Луне книгу, о какой книге Вы говорили?» Армстронг посмотрел на него с некоторым удивлением и ответил «Библию!». Этот момент и был запечатлен на фотографии (И: Здравомыслов 2006а: 9).

В рассказе В. А. Ядова есть свидетельство о том, что отправлявшимся на Запад социологам (в начале 1960-х гг. это было большой редкостью) КГБ давало различные задания, в том числе — вербовку иностранных специалистов.

Незадолго до его поездки в Англию звонит ему некто, представляется просто «сотрудником» и предлагает встретиться в Таврическом саду. Спрашивает, очень ли он хочет поехать, а потом говорит: «Вы понимаете, что должны будете выполнить наше задание?» Ядов интересуется, какое именно. Он говорит, что сам не знает, но его коллега в Москве перед вылетом в Лондон объяснит. Спрашивает у Ядова имя его тестя и на ответ «Николай Григорьевич» замечает: «Вот, к вам и обратится Николай Григорьевич» (И: Ядов 2005б: 4).

В Москве, где собрались десятка два стажеров разных специальностей, «коллега», представившийся Николаем Григорьевичем, звонит Ядову в гостиницу и назначает randevu возле ресторана «Берлин». Подходит к Ядову молодой человек с военной выправкой и на главный вопрос о задании повторяет слова ленинградского коллеги: суть поручения он узнает от «Николая Григорьевича» из советского посольства в Лондоне. В посольстве на Хайгет-стрит третий Н. Г. формулирует задание: следует подружиться с британским студентом, который может в будущем стать заметной фигурой в науке или политике.

В общежитии Лондонской школы экономики и политических наук Ядов приятельствовал с парнем по имени Майк лишь потому, что его комната оказалась рядом. Парень был из семьи предпринимателя средней руки. Его он и назвал в качестве перспективного в будущем политика. Перед отъездом домой Н. Г. из службы атташе по культуре сказал, что он должен представить его Майку как своего друга. Нашли они приятеля Ядова в студенческом баре, познакомил он их, и на другой день Н. Г. продиктовал ему текст на почтовую открыточку и при этом сказал, что даты ставить не нужно. Текст примерно следующий: «Дорогой Майк. Извини, что долго молчал. Много работы преподавательской и исследовательской. Посылаю с моим другом (пропущено) небольшой сувенир. Надеюсь, тебе понравится. Обнимаю, Володя». Далее

Н. Г. проинструктировал [меня], что с этой минуты с адресатом послания я должен прервать всякие связи (Там же).

Через 36 лет Ядова включили в делегацию Российской академии наук для подписания в Лондоне соглашения о сотрудничестве с Британской академией. Получает он по электронной почте письмо примерно следующего содержания: «Ваш товарищ по LSE (т. е. друг Майк) узнал о Вашем визите в Лондон и хотел бы встретиться. У него нет электронного адреса. Сообщите, где и когда это было бы возможно». Визит затягивался, Ядов ушел с поста директора института и не был включен в делегацию РАН. Таким образом, насчет успешности своей деятельности как агента КГБ он остался в неведении...

Теперь — вторая история от Ядова, относящаяся к начальному этапу деятельности его первой в стране социологической лаборатории. В то время они разрабатывали программу исследования, отраженного позже в книге «Человек и его работа», и вместе с А. Г. Здравомысловым решили эмпирически проверить идею Маркса относительно превращения труда в первую жизненную потребность.

<...> Значит, необходимо было сравнительное исследование по единой методике об отношении к труду советских рабочих и пролетариев в капиталистическом обществе. И здесь в какой-то книге прочитали об американском ученом Фредерике Херцберге из Айовы. Написали ему «на деревню дедушке», и случилось так, что Херцберг приехал в Ленинград еще в ту лабораторию, которая размещалась в наполовину развалившемся Меншиковском дворце. Он без возражений согласился провести *общенациональный* опрос молодых американских рабочих по ленинградской методике без единой поправки, так как они уже заканчивали полевые работы. И все сделал (Там же: 5).

Цитирую Ядова далее:

...Но времена-то брежневские. Нам нужны сырые данные для разных способов анализа, а цензура пропускает лишь письма с его текстами. В 1964-м я вернулся домой после стажировки в Англию и, пользуясь доверием КГБ (ясно, что в Англии «выполнял их задание»), отправился на конференцию в Вену. Подходит некий красавец вроде Джеймса Бонда (на заседаниях слова не произнес), говорит: «Я привез пакет от профессора Херцберга» и передает рулон табуляграмм. Представляешь мою радость? Приезжаю в Ленинград, и прямо на перроне — нашенский «бонд», который меня курировал. Оттеснил Люку⁹ и говорит: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Я: «Ну, слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром». Соглашается. Звоню ребятам,

⁹ Жена В. А. Ядова — Лесохина Людмила Николаевна.

и всю ночь мы переписываем статистики с рулонов. Не успели, а «бондяга» явился поутру, и — что делать? — забрал. Так что несчастная глава в книге написана не вполне аккуратно, так как мы рассчитывали разные индексы, которые Фредерик не использовал. Вопрос: кто донес в Москву? Подозреваю одного друга-болгарина, больше никому.

<...> Но история с Херцбергом на этом не кончается. Прервалась переписка. Молчит. Когда я стал директором ИС во время перестройки, первый раз еду «руководителем делегации» советских социологов в США. Фредерик прилетает в Нью-Йорк со всей семьей, уже далеко не молодой. Говорит, что не писал, чтобы гэбе нас не прихватило. Вот парень! Я предложил ему дать статью в «СОЦИС» (сам переводил), что и было сделано. В 2000-м он умер. И дай ему бог покоя на том свете (И: Ядов 2005б: 5).

«Глазами» КПСС и КГБ были органы цензуры, без визы которых ничего невозможно было опубликовать, даже размножить анкету. Если в тексте были незначительные, с точки зрения цензора, «идеологические ляпы», то их исправление могло быть доверено автору или редактору, однако после коррекции текст необходимо было вновь направлять в цензуру для повторной вычитки.

В более серьезных случаях тексты передавались в городские, областные Комитеты КПСС или в КГБ для консультаций и принятия решений. Цензуре принадлежало также право определять, какие книги советские граждане, в том числе социологи, имели право читать, а что было идеологически вредным. Такие книги направлялись в «спецхраны» — специальные помещения в библиотеках, в которых люди, имевшие документ о том, что они разрабатывают определенные темы, могли получить и читать соответствующую литературу. Так, в спецхраны направлялось значительное число издававшихся на Западе книг и журналов по социологической тематике. Хранение дома книг, запрещенных для чтения, а тем более — их распространение было опасным, подсудным делом.

Тексты, готовившиеся для публикации на Западе и для произнесения на международных конференциях, которые проходили в капиталистических странах, невозможно было «залитовать» (т. е. получить «добро» на публикацию или обнародование за границей) в Ленинграде; все тексты следовало отправлять в Москву.

Но вернусь к воспоминаниям А. Г. Здравомыслова. «Большим домом» в Ленинграде называли Управление КГБ, располагавшееся на Литейном проспекте вблизи Невы — речь и пойдет о его посещении Здравомысловым.

Однажды меня пригласили в Большой дом для экспертизы материалов, изъятых при обыске у неизвестных мне людей. Мне дали ксерокопию книги американского сенатора Барри Голдуотера. Я ее прочел и в заклю-

чении написал, что книга эта «антикоммунистическая». Сотрудник органов, проконсультировавшись со своим начальством, попросил это слово заменить — на «антисоветскую»; при этом он показал мне проспект замечательных туристических путешествий — от Японии до Австралии, вокруг Европы. Но я как-то это не воспринял и сказал ему: «Видите ли, в этой книге нет ни слова о советском обществе и его руководстве, даже имена не упоминаются. Здесь вообще идет речь о коммунизме в мировом масштабе, поэтому эта книга именно антикоммунистическая. Я различаю эти вещи: антисоветское есть антисоветское, а антикоммунистическое — антикоммунистическое» (я в это время заведовал кафедрой марксистской философии в Ленинградской высшей партийной школе). Меня посадили в машину и отвезли домой, по дороге пытаюсь возвратиться к этому сюжету. Но я достаточно жестко сказал, что моя точка зрения именно такова, и менять я ее не буду. Возвратившись домой, я позвонил сотруднику нашей кафедры профессору Юрию Яковлевичу Баскину — юристу-международнику по образованию. «Юра, — спросил я, — есть ли юридическое различие между терминами “антикоммунистический” и “антисоветский”?» «Конечно, есть, — ответил он, — понятие “антикоммунистический” отсутствует в уголовном кодексе, а “антисоветский” — это статья УК номер такая-то». Разумеется, я не стал объяснять ему причину этого вопроса (**И**: Здравомыслов 2006а: 9).

В воспоминаниях Воронкова, фрагмент которых приведен выше, есть слова: «Якобы в связи с моим делом провели обыск у Андрея Алексеева, с которым я до того был едва знаком» (**И**: Воронков 2011: 4). Действительно, так оно и было, но «дело» А. Н. Алексеева оказалось настолько резонансным, что заслуживает отдельного рассмотрения. Все случившееся подробно описано им во 2-м томе «Драматической социологии и социологической ауторефлексии» (Алексеев 2003), однако приводимое ниже базируется на специально написанном им «абстракте» на эту тему¹⁰.

Во времена упомянутого дела (первая половина 80-х гг.) он работал слесарем механосборочных работ на Ленинградском заводе полиграфических машин. При этом в 1980–1982 гг. еще и совмещательствовал в Институте социально-экономических проблем АН СССР.

16 сентября 1983 г. по дороге домой после дневной смены Алексеева остановили в книжном магазине у станции метро «Петроградская» и вежливо пригласили к нему домой для присутствия при производстве обыска в его собственной квартире. Согласно протоколу, у Алексеева было изъято 39 позиций: несколько книг (в том числе под грифом «для служебного пользования»), машинописные конспекты и переписки, а главное — многостраничный архив личной и деловой переписки и рукописи неопубликованных работ.

¹⁰ Электронное письмо А. Н. Алексеева Б. З. Докторову от 4 ноября 2010 г.

Повод для обыска — предположение следователя, что на квартире у Алексеева «могут находиться предметы и документы, имеющие значение» для уголовного дела о «валютных операциях». Причина, понятно, была другая, и, как вскоре удалось «вычислить», она состояла в поиске материалов андерграундного экспертного опроса на тему «Ожидаете ли Вы перемен?», одним из организаторов которого был Алексеев.

Текстов экспертных интервью дома, по счастью, не оказалось, равно как и запрещенной литературы (какое-то предчувствие у Алексеева было). Пришлось обыскивающим довольствоваться письмами — дневниками — отчетами социолога-рабочего, которые адресовались коллегам и друзьям под шутливым названием «Письма Любимым женщинам», и проч.

Здесь важно отметить два обстоятельства, одно — социологическое, другое — личное. Социологическое: большая часть акций политической полиции (КГБ) тогда проводилась «под прикрытием» органов МВД. Личное обстоятельство: диссидентом, противником режима социолог-рабочий вовсе себя не считал, да, похоже, и не был им.

Оставаясь как бы «за кадром», сотрудники «Большого дома» в данном деле все же обнаружили себя тем, что стали задавать коллегам и знакомым Алексеева разнообразные вопросы: 1) Случалось ли им получать от Алексеева какую-либо запрещенную литературу? 2) Знакомились ли они с «Письмами Любимым женщинам»? 3) Приходилось ли им отвечать на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» 12 человек конфиденциально сообщили Алексееву об этих беседах, а двое даже сумели сохранить копии своих «объяснений», которые им пришлось писать по поводу общения с «заподозренным» субъектом.

Уже позднее Алексеев узнал, что «Письма...» были отправлены на экспертизу в Управление по охране государственных тайн в печати при Ленгор- и облисполкоме и получили там соответствующую квалификацию.

Его собственная встреча с сотрудниками КГБ состоялась несколько месяцев спустя — для объявления ему так называемого *официального предостережения* в качестве «меры профилактического воздействия», в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 15.12.1972 (разумеется, никогда не публиковавшимся).

Ну, а дальше — прямые следствия и более или менее отложенные эффекты вышеуказанного события, механизм которых был запущен справкой Управления КГБ по Ленинградской области «В отношении Алексева А. Н.», направленной по месту его работы, где социолог-рабочий изобличался, в частности, в том, что «распространял в своем окружении изготовленные им машинописные документы, содержащие политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности».

Формулировки были относительно «мягкими», на уголовную статью они не тянули, но были вполне достаточными для исключения из партии, Союза журналистов СССР и Советской социологической ассоциации. Вот, например, выдержка из постановления бюро Ленинградского обкома КПСС от 23.05.1984: исключить из рядов КПСС за «...проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования».

Несколько лет тянулась «тяжба» между исключенным из партии социологом-рабочим и партийными органами (последовательные многочисленные апелляции, вплоть до обращения к XXVII съезду КПСС — март 1986 г.). Из «Большого дома» за этой неравной борьбой (поддержанной и некоторыми коллегами Алексеева — как социологами, так и рабочими) наблюдали дистанционно, не мешая своему «подопечному» отстаивать свои права «коммуниста и гражданина» и опровергать «несправедливые обвинения».

Когда поднялась «перестроечная волна» (1987–1988), ситуация «опального социолога», продолжавшего работать на заводе, стала постепенно меняться. В сентябре 1987 г. в «Литературной газете» появился очерк Л. Графовой «Преодоление пределов», посвященный «эксперименту социолога-рабочего». Интересно, что еще до этого предусмотрительные чекисты сочли за благо отменить вышеупомянутое официальное предостережение. Об этом Алексеев был информирован двумя сотрудниками УКГБ ЛО, приехавшими на завод с текстом будто бы того же самого официального предостережения 1984 г., хотя ему показалось, что текст был чуть «подредактирован», т. е. фальсифицирован. Была на том документе и явно свежая запись — о том, что «Алексеев А. Н. в период с 5.01.84 по 14.05.87 действий, противоречащих интересам государственной безопасности, не допустил», и в связи с этим сотрудник Ленинградского УКГБ Ю. М. Вилочкин «полагал бы действие официального предостережения органов КГБ СССР в отношении Алексева А. Н. прекратить, о чем направить уведомление прокурору г. Ленинграда». Соответственно в позднейшем документе под названием «Дополнение к справке Ленинградского ОК КПСС по партийному делу т. Алексева А. Н.» от февраля 1988 г. было сказано:

...Допущенные А. Н. Алексеевым нарушения не привели ни к какимотягчающим обстоятельствам, уголовной ответственности он не подлежал, но заслуживал строгой партийной оценки. На сделанное в 1984 г. предостережение тов. Алексеев реагировал правильно, никаких действий, противоречащих государственной безопасности, за прошедшее время не допустил, продолжал вести активную научную деятельность. За последние годы... *(следовало перечисление всевозможных достижений)*

в производственной сфере: победа в соцсоревновании, критика недостатков на производстве, рационализаторство и т. д.). Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку откровенности, бюро обкома партии приняло решение: — просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении тов. Алексеева А. Н. в партии, без перерыва в стаже.

После всех этих событий Алексееву довелось посетить «Большой дом» лишь однажды, по собственной инициативе. В октябре 1988 г. он обратился в Ленинградское управление КГБ с настоянием вернуть ему изъятые при обыске в 1983 г. материалы. В расписке, которую он дал, были указаны:

- (1) Выдержки из произведений Мао Цзэдуна (Пекин, 1967).
- (2) Книга Дж. Оруэлла «1984» (на английском языке), 1964.
- (3) Перепечатка писем и стихов М. Цветаевой.
- (4) Машинописный текст «Сандро (новые главы)», Ф. Искандер.
- (5) «Тетради по БАМу» (подготовительные материалы к научному докладу, 1978 г.). 8 тетрадей.
- (6–7) 2 тома «Писем Любимым женщинам» (всего 742 стр.).
- (8) «Исторический режим воспроизводства высшего политического руководства страны как предмет социологического измерения» (исп. — А. Алексеев).

Все эти материалы хранились в Ленинградском управлении КГБ в течение пяти лет и оказались в полной сохранности.

В свете всего говорившегося выше об изучении архивов замечу, что в последнем абзаце «абстракта» Алексеева есть такие слова: «...я вовремя побеспокоился о своей собственности». Позже он узнал, что его дело в 1991 г. было в УКГБ ЛО (как, видимо, и все остальные подобные «дела», кроме судебных) «аннулировано», т. е. уничтожено. Поэтому вместе с собственно документами и «разработками» могли бы быть уничтожены и прилагавшиеся к ним «вещдоки».

В тот же день, что и у Алексеева, и под тем же надуманным предлогом обыск был произведен у его друга, сотрудника Института социально-экономических проблем АН СССР Бориса Дмитриевича Беликова, автора ряда интересных работ по проблемам измерения в социологии. Ничего относящегося к тому уголовному делу у него на нашли, но отыскиали 84 фотопленки — микрофильмы книг. Вместе с пишущей машинкой (как и у Алексеева) и использованными листами копирки все фотопленки у Беликова изъяли. В основном это были микрофильмы редких книг типа «Полное солнечное затмение 1914 года»; «Труды по знаковым системам»; «Философия математики» Бертрана Рассела на английском языке; публикация «Улитки на склоне» братьев Стругацких

в журнале «Байкал» 70-х гг. Но среди них оказалось также несколько фильмокопий изданий, «не подлежащих ввозу и распространению на территории СССР», — вроде «Доктора Живаго» Б. Пастернака или «Второй книги» Н. Мандельштам. Дальше — та же схема, что и у Алексеева: вызов к следователю районного Управления внутренних дел, возврат пишущей машинки; приглашение в Управление КГБ. В итоге Беликову было также объявлено официальное предостережение органов госбезопасности.

Алексеев так объясняет одновременность обыска у него и Беликова. Незадолго до описанных событий жена Беликова перепечатывала на машинке докторскую диссертацию жены Алексеева. Это обсуждалось по телефону. Если разговоры прослушивались, могло возникнуть предположение, что перепечатывалась не диссертация по биохимии, а что-то другое, например материалы опроса «Ожидаете ли Вы перемен?», о котором в Управлении КГБ, скорее всего, уже было известно.

Интересно, что при обыске у Беликова был оставлен без внимания хранившийся у того экземпляр «Писем Любимым женщинам» Алексева, т. е. как видно, не это искали. После описанных событий Б. Беликов вынужден был уволиться из ИСЭПа и завербоваться на Чукотку начальником сейсмостанции, в соответствии со своей прежней специальностью. Вернуться к занятиям социологией он смог только в 1990-х гг.

* * *

Тема изучения повседневной среды жизни и работы советских/российских социологов — новая для отечественных историко-научно-ведческих поисков, и ее дальнейшая разработка связана с уточнением границ проблемного поля, углублением методологии и продолжением сбора эмпирической информации. Исследование обозначенной темы имеет своей целью не только лучше понять прошлое; оно также обращено к новым поколениям российских социологов — вошедшим в науку после перестройки и грядущим. Нередко молодым присущ механистический взгляд на историю: для них «былое» — это просто отодвинутое, удаленное во времени «настоящее». В частности, они весьма поверхностно представляют, как работали их учителя, наставники за «железным занавесом», подчиняясь суровым идеологическим императивам советского тоталитарного режима.

Без знания повседневности, в которой формировались личностные и профессиональные миры представителей старших поколений социологов, молодым трудно осознать, насколько узким было пространство для творчества, которое властными структурами отводилось их предшественникам. Ограничения были на «входе» в исследования и на «выходе». Они распространялись на теоретические работы и на прикладные. Множество трудностей приходилось преодолевать при подготовке

публикаций, поскольку необходимо было найти баланс между тем, что социологу представлялось важным сказать, и тем, что разрешалось цензурой.

Анализ повседневности требует изучения политической, идеологической, нравственной среды, в которой протекала жизнь и деятельность социологов, а также восприятия ими окружавшего их мира. В СССР на протяжении нескольких десятилетий властные институты и сообщество социологов, имея разное понимание содержания, возможностей, целей социологии, ее места в контуре управления обществом, вынуждены были искать области сотрудничества, «точки равновесия». Чтобы понять, как все это происходило, необходимы историко-научоведческие исследования прошлого отечественной социологии, как «мягкой», биографической природы, так и «жесткой», институциональной направленности.

Глава 12

Перестройка в судьбах социологов и социологии

Масштабность влияния перестройки на развитие отечественной социологии и профессионального сообщества социологов не требует доказательства. Сейчас еще преждевременно оценивать направленность векторов этого воздействия и его многочисленные эффекты; четверть века — короткий срок для истории, трактующей движение науки как социального института. Подождем хотя бы до конца текущего десятилетия. Однако иначе видится проблема воздействия перестройки на социологию в рамках историко-научоведческого анализа, который базируется на биографоцентричной парадигматике. Здесь совсем иная скорость бега времени и иная его ценность, иное пространство для обзора происходящего. Четверть века в жизни человека — это очень много, и значимость каждого года чрезвычайно высока.

Можно допустить, что в перестроечное и постперестроечное время деятельность социологов (подобно работе других обществоведов) в значительно большей степени подверглась изменениям, чем профессиональная деятельность ученых, занятых в других отраслях науки. Но менялись не только содержание и условия труда социологов, макросреда заставляла их принимать решения, не относящиеся непосредственно к сфере профессии и внутрицеховых отношений. Практические шаги, вытекавшие из подобных решений, впитались в прошитое и становились частью биографий людей, формировали их судьбы. В каких-то случаях это новое оказывалось «мягкой» корректировкой жизненных линий ученых, не требовавшей от них глубоких раздумий. Вместе с тем проведенные интервью обнаруживают ситуации, в которых чело-

веку необходимо было многое переосмыслить в своем прошлом, отказаться от давно выношенных планов, изменить мечте. Или, наоборот, «выскочить» из колеи обыденности и двигаться по направлению, еще вчера представлявшемуся намертво закрытым.

Мне не известны исследования по истории российской постсоветской социологии, и существует еще множество трудностей методологического и информационного плана, усложняющих подобные поиски. В первом разделе этой главы обсуждаются общие подходы к изучению историко-биографической информации, помогающие раскрыть некоторые грани процесса адаптации советских социологов к новым макро-вызовам и к изменениям традиционного для них исследовательского пространства. Помимо этого, приводятся биографические сюжеты, на примере которых видно, как реально менялись в СССР социология и социологи в последние полтора десятилетия прошлого века.

Методологические рассуждения о времени и событиях

Настоящей главой заканчивается книга, и поэтому данный раздел — последний, в котором можно обсудить методологические вопросы изучения истории российской социологии, опираясь на воспоминания ее создателей. Конечно, разные аспекты этой сложной, комплексной проблемы уже анализировались в соответствующих главах, но в процессе дальнейшей работы всегда возникает желание вернуться к написанному и что-то уточнить: детализировать или обобщить. Реализовать подобное удастся крайне редко, ибо на этом пути сразу возникает угроза вообще не закончить книгу. И все же некоторые аспекты ранее рассматривавшихся вопросов методологии исторического анализа теперь могут быть освещены несколько иначе, с более общих позиций. Это и есть первый круг обсуждаемой ниже тематики.

Второй круг очерчивает методологические вопросы изучения деятельности советских/российских социологов именно в годы перестройки и постперестроечное время. С определенной степенью условности внутри этого исследовательского пространства могут быть выделены проблемы для макро- и микроанализа. Если иметь в виду процессуальность исторических поисков, то первые часто можно трактовать как априорные, а вторые — как апостериорные. Наконец, с точки зрения логики познания первые прежде всего являются теоретическими, вторые ориентируют исследователей на проведение теоретико-эмпирических работ.

Вопросы первого типа лежат в области историко-политологического изучения перестроечных процессов и анализа социологии как социального института, и они в книге не рассматривались. Так, в рамках настоящего историко-научного проекта не ставилась задача

направленного обсуждения влияния макроконтекста эпох Михаила Горбачёва и Бориса Ельцина на развитие социологических исследований в СССР и России. Ведь в этом случае, помимо создания теоретического каркаса, объединяющего в единое целое множество каналов, по которым происходило воздействие общественных преобразований тех лет на социологию, необходимо было бы изучить различного рода правительственные и отраслевые (министерства, Академия наук, ВАК, ведущие университеты страны и проч.) документы, а также различного рода статистику движения научных и преподавательских кадров и подготовки социологов в университетах. Кроме того, потребовалось бы проведение контент-анализа учебной литературы, социологических журналов и книжной продукции.

В силу обстоятельств и условий моей деятельности — прежде всего, жизнь в Америке и работа в одиночку — ничего из перечисленного не могло быть мной сделано. Однако представилось перспективным и возможным попытаться выявить изменения, происходившие в социологии и социологическом сообществе в конце 1980–1990-х гг., при интервьюировании моих собеседников. Напомню, проект начинался осенью 2004 г., когда еще не мог быть осуществлен серьезный анализ факторов, детерминировавших произрастание постсоветской социологии на почве советской.

Проблематика микроаналитического (апостериорного, теоретико-эмпирического) изучения перемен в судьбах российских социологов складывалась постепенно. В ней отразилось как мое собственное понимание недавнего прошлого страны и развития науки (во Введении я писал, что в 1994 г. уехал из России и во второй половине 90-х гг. вообще не занимался социологией), так и отношение моих собеседников к тому, что происходило вокруг и внутри них самих.

Обращение к матрице биографий (гл. 4) позволяет показать специфику историко-научоведческого анализа, представленного в этой главе, в сравнении с проведенным ранее. При рассмотрении особенностей формирования первых четырех поколений советских/российских социологов (гл. 5–8) время присутствовало в основном как «внутрикогортная» категория. Другими словами, тема «Биографии в истории» разворачивалась в процессе перехода (скачка) от одной профессионально-возрастной когорты к другой. В главах тематического блока «История в биографиях» время либо отсутствует как активный агент рассматриваемых сюжетов (гл. 9), либо играет роль общего для всех поколений фона (гл. 10–11). Так, трудности с публикацией результатов социологических исследований, обусловленные идеологическим контролем научных текстов, вмешательство в работу ученых КПСС и КГБ были постоянными и всеобщими. Все это воспринималось большинством как данность, и существовала десятилетиями выработанная

система правил поведения в той среде. Системообразующим принципом был императив «делай как говорят».

Политико-идеологические, социально-экономические и прочие перестроечные начинания, по историческим меркам стремительно менявшие общую атмосферу в стране, образ жизни и сознание населения оказывали как прямое, так и опосредованное влияние на социологов. В первом случае я имею в виду социолога как личность и гражданина, во втором — как профессионала. Понятно, что подобное «расщепление» — не более чем абстракция, но оно призвано подчеркнуть зависимость социологии от изучаемой реальности. К концу 1980-х гг. сила правила «делай как все» заметно ослабла и значительно возрос уровень автономии и личности, и профессионала.

Самые первые мои интервью показывали, что, несмотря на многие трудности и даже драматизм начала 1990-х гг., к завершению столетия социологическим сообществом был осознан и освоен потенциал свободы, который присутствовал в перестроечных преобразованиях. Старая повседневность вытеснялась, заменялась новой, естественной частью которой было то, что в недавнем прошлом казалось невозможным. В интервью с петербургским социологом Р. С. Могилевским, которое состоялось на рубеже 2005–2006 гг., я поделился своими впечатлениями о том, что все мои респонденты в течение последних 15–20 лет сделали больше, чем за долгие предыдущие годы работы. Я объяснил это появившимся у ученых ощущением свободы творчества и спросил его, согласен ли он с моим предположением. Его ответ начинался словами:

Я абсолютно с этим согласен. Как бы ни оценивать новые времена, нельзя отрицать, что они принесли свободу творчества, о которой раньше приходилось только мечтать. Но я хотел бы заметить, что свобода для меня — это не только внутреннее ощущение. Тогда пришлось бы признать правоту тех наших коллег, которые говорят, что они и при Советах были свободны, внутренне свободны. Для меня свобода — это прежде всего совокупность реальных обстоятельств жизни: право получать и распространять любую необходимую мне информацию, высказывать в любой форме свои взгляды на тот или иной предмет, право читать и писать, что считаешь нужным, право беспрепятственно выезжать из страны и участвовать во всех научных форумах, куда тебя приглашают, заказывать и получать любые книги, знакомиться с точкой зрения любых авторов. Такая свобода — это воздух, которым дышит наука и который позволяет ей развиваться. Как бы ни критиковать нынешние порядки, но до последнего времени мы все это имели, и потому и работалось ладно. Для меня свобода это то, без чего я лишаюсь возможности заниматься своим делом, думать и жить (**И:** Могилевский 2006: 12).

Представляется, что общий характер воздействия перестроечных и постперестроечных преобразований в СССР/России на деятельность

социологов и на социологию как социальный институт может быть обнаружен в рамках следующего триединого поиска:

- рассмотрение примеров проявления социологами новых форм гражданской активности, невозможных до перестройки, их приход «во власть»;
- анализ процесса возникновения независимых социологических исследовательско-аналитических центров и негосударственной системы подготовки социологов;
- изучение изменений в методологии (философии, парадигматике) советской/российской социологии, предметно-объектной направленности исследований и методическом арсенале.

Множество возникающих при этом конкретных поисковых задач образуют разветвленное древо направлений для целенаправленных историко-научоведческих изысканий. Следующие разделы этой главы можно расценивать как попытку подойти к реализации данной исследовательской программы.

Поход во власть

Во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. многие социологи стали работать в различных властных структурах, где они могли использовать свои профессиональные знания и умения: участвовали в общенациональных и региональных избирательных кампаниях, работали в исполнительных органах власти, становились консультантами и советниками политиков. Значительная группа советских социологов была депутатами горбачёвского Съезда народных депутатов СССР (1989–1991).

Г. В. Старовойтова, исследовавшая межнациональные отношения, была одновременно народным депутатом СССР и РСФСР, а затем — депутатом Российской Государственной Думы. В 1991–1992 годах она консультировала Президента Ельцина по вопросам национальной политики. Профессор социологии Ереванского государственного университета Людмила Арутюнян была членом Верховного Совета Армянской ССР, а потом — депутатом Съезда народных депутатов СССР. Эстонию представляли в этом органе власти социологи Юло Вооглайд, Марью Лауристин и Микк Титма. Ленинградский (петербургский) социолог П. Б. Щелищ избирался депутатом Государственной Думы РФ первого — четвертого созывов (1993–2007), а затем стал членом Общественной палаты Российской Федерации. И это не исчерпывающий перечень социологов, пришедших на волне перестройки во власть, — многие работали в областных, городских и других уровнях выборных организациях.

Было бы интересно узнать, как социологи проводили свои избирательные кампании, как протекала их депутатская деятельность, что

дает практическая политическая деятельность исследователям и, наоборот, в какой мере возможно обществоведам использовать свой научный опыт при работе в законодательных структурах. Скорее всего, со временем на эти и подобные вопросы будут даны ответы.

Приведу фрагменты воспоминаний тех из моих собеседников, кто побеждал на выборах и приобрел определенный опыт политической деятельности.

Т. И. Заславская была выдвинута кандидатом в народные депутаты СССР сразу по трем линиям: от Академии наук СССР, от общественных организаций при Академии наук (как президент Советской социологической ассоциации) и от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) как директор Всесоюзного Центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ). Узнав об этом, она собрала ведущих сотрудников Центра, чтобы посоветоваться, кому давать согласие. Мнение было единодушным — только не ВЦСПС: точно провалят. Наиболее подходящими казались общественные организации при Академии наук. Им она и ответила согласием, а представителям ВЦСПС вежливо сообщила, что уже выдвинута по другой линии. Но председатель ВЦСПС С. А. Шалаев настойчиво просил ее баллотироваться от их организации. Он говорил, что создание ВЦИОМа — важнейшее свидетельство обновления ВЦСПС и что, выдвигая ее в народные депутаты, ВЦСПС демонстрирует свой реформаторский настрой и поддержку перестройки. Заславской, по ее воспоминаниям, ничего не оставалось, как согласиться и отозвать свое согласие на баллотировку от научных общественных организаций. Ученый секретарь Советской социологической ассоциации Э. Н. Фетилов с крайним неудовольствием взялся сообщить об отзыве ее согласия в «штаб» этих организаций. Однако оказалось, что списки кандидатов в народные депутаты уже отправлены в Центризбирком и изменить ничего нельзя. Так ее фамилия оказалась одновременно в двух списках.

Все произошло, как предполагали она и ее коллеги. По линии профсоюзов она получила менее четверти голосов. Ликование сотрудников ВЦСПС было безграничным. А на следующий день ее избрали народным депутатом СССР от научных общественных организаций при Академии наук. И тут, замечала Заславская, профсоюзники буквально взвыли: их блестящий план провалился и кипящая ненависть к ней осталась неутоленной.

А теперь — ответ Заславской на мой просьбу вспомнить, как ей работалось на Первом съезде народных депутатов.

Биографический сюжет № 1. Т. И. Заславская

Избирательная кампания, а затем участие в работе Съезда подорвали мое здоровье сильнее, чем инфаркт 1987 г. У меня не было ни физических, ни духовных сил воевать с «агрессивно-попугавшим» большинством.

Но и соглашаться с ним я не могла. Под пронзительным взглядом Горбачёва почти всегда голосовала с меньшинством. Вся атмосфера съезда была пропитана агрессией, а уж в свой адрес я чего только не наслушалась. По инициативе члена Политбюро ЦК КПСС первого секретаря Московского горкома Л. Н. Зайкова против меня еще в декабре 1988 г. была развернута мощная клеветническая кампания в прессе, инициатором которой был секретарь Московского союза литераторов А. Салуцкий, человек без всяких признаков совести. Он представил меня читающей публике не только как автора концепции «неперспективных» деревень, но и как главное лицо, ответственное за развал советской деревни. Кто хоть что-нибудь знал обо мне, сразу понимал, что это бред, люди писали массу опровержений, но их не печатала ни одна газета. Поэтому на Съезде я чувствовала себя парией, за моей спиной постоянно слышался шепот: «Смотри-ка, это та Заславская, что деревню разрушила!» Люди устали, измучились от неустроенной жизни, они искали виновных в том, что все оказалось трёпом, ложью, что ничего не удалось сделать по-настоящему хорошего ни для себя, ни для других (И: Заславская 2007б: 162–163).

В главе 6 приведены воспоминания А. В. Баранова о его вхождении в социологию. К концу 1990-х гг. он уже был признанным специалистом по проблемам урбанистики, включая вопросы организации жилищного строительства, экологии, здравоохранения. Будучи всегда политически активным, он в 1990 г. включился в первые в стране свободные выборы за право стать депутатом Ленсовета и одержал победу. Рассказ об этом периоде своей жизни он начал словами: «Я был депутатом Ленинградского Городского Совета народных депутатов с апреля 1990 г. по декабрь 1993 г., когда Совет, за три месяца до окончания своих полномочий, был распущен указом Президента Ельцина по просьбе мэра Петербурга А. Собчака» (И: Баранов 2008: 15–16).

Приводимые ниже эпизоды об участии Баранова в событиях, происходивших в Ленинграде в дни путча ГКЧП и сразу после его подавления, — это не только часть истории российского социологического сообщества, но и ценный фрагмент истории Ленинграда—Петербурга и России.

Биографический сюжет № 2. А. В. Баранов

19 августа 1991 г., в первый день путча ГКЧП, на сессии Городского Совета я был избран в состав штаба по защите города. На следующий день был назначен председателем редакционной комиссии по подготовке решения Объединенного Собрания Городского и Областного советов депутатов. Текст решения написал и докладывал я. За несколько минут до выхода на трибуну я показал проект решения Собчаку. В решении было три пункта: 1) рекомендация войскам Ленинградского воен-

ного округа не исполнять приказы ГКЧП и оставаться в казармах; 2) благодарность милиции города за поддержание порядка на улицах; 3) предложение Президенту и Верховному Совету России взять всю полноту государственной власти на территории республики в свои руки.

Анатолий Александрович минуты 2–3 думал над третьим пунктом и предложил мне исключить его. Я возразил: «Редакционная комиссия приняла этот текст, и единолично я не могу его изменить». На самом деле, члены комиссии не смогли выработать согласованную резолюцию, а мой текст даже не видели. Я вышел на трибуну и предложил свое «Решение». Сопредседатели (от области — Ю. Ф. Яров и от города — А. Н. Беляев) предложили принять за основу без голосования; текст решения за минуту до моего выступления был роздан примерно членам депутатом обоих Советов, находившимся в зале. Таким образом, идея выхода России из состава СССР впервые на официальном уровне прозвучала 20 августа 1991 г. в Петербурге.

Еще одно мое, отнюдь не тривиальное, предложение было осуществлено 22 августа. По телевизору я увидел, что в Москве на победном митинге участники пронесли огромное полотнище трехцветного флага, бывшего государственным флагом дореволюционной России, а в 1991 г. — знаменем партии «Демократический Союз».

Я подозвал депутата Ленсовета Виталия Скойбеду, члена этой партии, способного на смелые поступки, и предложил ему срочно подготовить полотнище флага для поднятия его в качестве нового государственного флага над Мариинским дворцом, официальной резиденцией нашего Совета. Поручение было принято и выполнено к сроку — в 17 часов. Несколько позже, когда у меня появилась уверенность, что флаг будет готов вовремя, я высказал идею поднятия флага Беляеву, он — Собчаку. Идея обоим понравилась. В 17 часов 22 августа 1991 г. на большом балконе Мариинского дворца собрались дюжина чиновников мэрии и столько же депутатов и Собчак с Беляевым. Собчак по микрофону — на площади было несколько сот человек — отдал команду: «Спустить флаг Российской Федеративной Социалистической Республики!» Прошла минута молчания. И новая команда: «Поднять флаг Российской Федерации!» И Виталий Скойбеда, который был на крыше, поднял триколор под аплодисменты площади. К сожалению, я забыл организовать «Гимн Великому городу» Глиэра, который к тому времени уже стал гимном Петербурга.

Так произошла смена государственного флага в России. В Москве эта церемония состоялась тремя днями позднее (Там же: 16).

В работе того же Ленсовета участвовал и Б. И. Максимов (см. гл. 6), который осознанно шел туда, чтобы изнутри наблюдать деятельность городских властей. Определенный опыт подобного исследования он приобрел, когда в составе сектора социологии общественных движений Института социологии РАН изучал зарождавшиеся независимые демократические движения. Кроме того, был у него и план создания в Совете

«социологической ячейки» (помимо него, еще несколько социологов шли в депутаты), для того чтобы собирать информацию и представлять ее депутатскому корпусу, обеспечивая тем самым «обратную связь» при управлении городом.

Вспоминая в ходе интервью свою избирательную кампанию, Максимов назвал ее «юмористической историей». В качестве членов группы поддержки он мобилизовал друзей, соратников по туристическим походам, жену, детей... Публично, с трибуны выступать было практически нигде — даже в то активное время на предвыборные собрания в округе приходил лишь десяток-другой бабушек с небольшими вкраплениями дедушек. Группа кандидатов, иногда большая по численности, чем избирателей, рассказывала последним о своих красивых программах. Главным методом Максимов считал непосредственные контакты с конкретными людьми, и при этом не произнесение перед ними своих лозунгов, а выслушивание их самих. Он сочинил анкетку и разослал с ней членов группы поддержки со строжайшим наказом — не оставлять анкеты нигде. Если бы они попали в избирательную комиссию, у него были бы неприятности: такая процедура не была предусмотрена положением о выборах и за отклонениями строго следили.

Рассказал он и такой эпизод: в один прекрасный день парадные всех домов оказались оклеенными тетрадными листочками в клеточку, где писалось, что Максимов — научный работник, далекий от жизни, «академический человек», профан в городском хозяйстве, пенсионного возраста, хотя он еще не был пенсионером, и т. п. Это его конкурент, директор, мобилизовал учеников соседней школы. В ответ команда Максимова расклеили листочки с кратким содержанием: «Поликовский — директор». Тогда это звучало убийственно.

Конкуренты у Максимова были сильные, но, к своему удивлению, он оказался избранным (**И**: Максимов 2007: 13).

Весьма жестко Максимов, как исследователь, оценил работу избранного Ленсовета. Лидеры демократических движений, войдя во власть, отходили от них и чахли, не имея своей социальной базы. Вскоре Ленсовет оказался как бы замкнутым в стенах Мариинского дворца. Городская жизнь со своими проблемами — а ведь тогда на многие продукты выдавали карточки — протекала где-то «в ином мире», информация с мест, которую Максимов пытался поставлять в Ленсовет, никого не интересовала. Прошедшие в депутаты социологи не горели желанием объединяться в группу, оставалось действовать в качестве наблюдателя и рядового депутата.

Председатель Ленсовета А. А. Собчак считал, что следует «вырабатывать решения за закрытыми дверями», а на сессиях лишь утверждать их. Как социолог, Максимов иногда проникал на заседание какой-нибудь комиссии, садился в уголок, за пальмы, и, если его не обнаружи-

вали и не изгоняли как «постороннего», наблюдал «сходку заговорщиков». Там договаривались о том, как скомпрометировать неугодный проект решения, «заплодировать» такого-то, «свалить» этого и т. п. Одной из серьезных проблем стала демократическая процедура, которую непривычные депутаты осваивали полгода, если не больше, и о которую спотыкались потом чуть ли не каждый день. Иногда первая половина заседания уходила на утрясание повестки дня; после этого объявлялся перерыв на обед и только во второй половине принимались за сами дела. Не единожды Совет впадал в патовую ситуацию, когда не мог даже закрыть заседание.

Завершая свой рассказ о депутатстве, Максимов кратко оценивает стиль работы демократического Ленсовета и описывает момент, когда депутаты узнали о прекращении их деятельности.

Биографический сюжет № 3. Б. И. Максимов

Ленсовет немало поливали; особенно в свое время усердствовал небезызвестный А. Невзоров, изобразивший в одной из передач «600 секунд» депутатов в виде скопища отвратительных крыс. Одна моя близкая знакомая, наслушавшись речей о дармоедах-болтунах депутатов, эмоционально однажды воскликнула: «Прямо взорвала бы их всех!» — «И меня?» — спросил я. Знакомая замялась, но не сказала, что погорячилась. СМИ тогда постарались скомпрометировать вообще представительную власть. При всем моем трезвом отношении к горсовету, я не хотел бы выглядеть его очернителем. В свое время он сделал очень многое. Основная масса депутатов была людьми действительно демократических убеждений, настроенными на бескорыстное служение городу и демократии, прошу прощения за высокопарность. Недаром разгон Ленсовета был для ельцинского режима просто необходимым.

Полон трагикомизма последний день работы Ленсовета. Работа шла чрезвычайно слаженно, за один день приняли столько и таких решений, сколько и каких не осваивали и за месяцы предыдущих заседаний. Председатель поздравил депутатов с весьма плодотворной деятельностью. Все заплодировали, встали, хотели закончить заседание исполнением введенного уже гимна города (на музыку Глиэра). Но тут поступила информация, что Совет по указу Ельцина и с подачи Собчака еще накануне распущен... (Там же: 14).

Записи «наблюдающего участия» сохранились у Максимова, материал, по его мнению, огромный. Остается лишь надеяться на то, что этот архив не пропадет, подобно многому, что важно для написания истории российской социологии.

На протяжении ряда лет имела возможность наблюдать за деятельностью представителей властной элиты Петербурга и России Т. З. Протасенко (напомню, что она формировалась как социолог под влиянием

А. В. Баранова, — см. гл. 7). Ее сближение с кругом этих людей началось в 1990 г. с сотрудничества в первой в Ленинграде негосударственной газете «Невское время» и выполнения социологических исследований по заказам Алексея Кудрина, который одно время работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР, а позже стал вице-мэром, замом Собчака по экономике.

Все в жизни Протасенко круто изменилось в одну из ночей конца апреля 1996 г., когда ей позвонил Кудрин. Он просил ее войти в избирательную команду Собчака, который в жесткой конкуренции со своим замом Владимиром Яковлевым боролся за переизбрание в должности мэра. По ее воспоминаниям, тогда она работала не столько социологом, сколько политтехнологом, придумывала много разных вещей, иногда на грани фола. Так, она придумала и впервые использовала в кампании «двойников». Это напрашивалось само собой: один вице-мэр Собчака В. А. Яковлев был его соперником, а другой вице-мэр — по культуре — В. П. Яковлев был союзником Собчака.

Через полтора десятилетия в ходе нашего интервью Протасенко отметила, что все вместе: и проигрыш Собчака, и приемы проведения избирательных кампаний произвели на нее тяжелое впечатление, было желание никогда больше в эту среду не возвращаться. Однако ее профессиональный опыт серьезно пополнился пониманием жизни старых и новых элит, и она решила продолжить работу.

В 1999 году состоялись выборы в Госдуму. Исследования показывали, что в тройку лидеров «Союза правых сил» (СПС) надо было вводить Сергея Кириенко, несмотря на то что его имя было связано с дефолтом. Рекомендация оказалась полезной, СПС успешно провел избирательную кампанию, в частности в Питере. Потом были президентские выборы Владимира Путина. Лично с ним Протасенко была знакома еще по выборам Собчака, но в штаб кандидата в президенты не входила, только проводила различные опросы общественного мнения.

В том же 2000 году ей пришлось поработать в тесном контакте с Валентиной Матвиенко, которую Путин выдвинул кандидатом на пост губернатора Петербурга. Интрига была запутанной. Он выдвинул Матвиенко, и она около месяца работала как кандидат. Но опросы показывали, что у Матвиенко были низкие шансы на победу, и именно поэтому она была снята с дистанции. Протасенко полагает, что тогда данные социологии впервые сыграли такую роль при принятии решений, потом это стало происходить достаточно регулярно.

В 2003 году летом и осенью она не работала в штабе Матвиенко по выборам губернатора, поэтому могла проводить опросы с теми полстерами, которым доверяла. Накануне выборов одни аналитики убедительно доказывали, что будет второй тур, другие же доказывали обратное: все закончится одним туром. В итоге пришлось проводить второй тур, данные голосования сошлись с результатами опросов (И: Протасенко 2011: 10).

Заслуживает внимания короткий рассказ Протасенко о «кухне» работы социолога-политтехнолога в ходе избирательной кампании.

Биографический сюжет № 4. Т. З. Протасенко

Есть разные формы участия социологов. Хорошо, когда мы сами выбираем кого, когда и по какому вопросу опрашивать. Но чаще всего социологу предлагают войти в избирательный штаб кандидата или партии и «вести социологическое сопровождение». Это означает, с одной стороны, разными путями и методами собирать социологическую информацию во время кампании, а с другой стороны, сообщать ее членам штаба, интерпретировать, сравнивать, анализировать и, что хуже всего, делать прогнозы и нести за них ответственность. У серьезных заказчиков на такую работу всегда есть средства, поэтому информация собирается разными способами. Используется работа в фокус-группах для отработки программ, выдвижения гипотез, формулировки лозунгов и т. п. Проводятся регулярные опросы общественного мнения. Как правило, они направлены на сбор разнообразной информации о ситуации на электоральной территории. Это очень большие опросы, и именно они наиболее похожи на те, которые мы проводим в научных целях. Чем ближе дата голосования, тем чаще проводятся так называемые рейтинговые опросы с определением шансов на победу кандидата или партии. Чаще всего — это телефонные интервью, но есть и те, кто предпочитает уличные интервью. А я, если есть финансовые возможности, практикую одновременные опросы и на улице, и по телефону, поскольку структура избирателей на улице и по телефону несколько различается. Потом мы сводим обе выборки в одну — так проще делать прогнозы. И апофеоз — экзит-полы. Не все их делают. С одной стороны, они требуют достаточных средств. С другой — для властей экзит-полы бывают нежелательны, потому что затрудняется фальсификация результатов выборов, использование административного ресурса (Там же: 12).

Возникновение независимых социологических организаций

До перестройки в стране существовало множество социологических лабораторий, секторов и отделов в различных НИИ, отраслевых (министерских) служб, Институт социологии АН СССР и его региональные филиалы, в ряде университетов и учебных институтов действовали кафедры социологии. Все эти исследовательские (аналитические) «единицы» были государственными, имели государственное финансирование. С появлением в СССР новых форм собственности на рубеже 1980–1990-х гг. стали возникать независимые социологические организации. Одни брались за осуществление всего комплекса работ: постановка проблемы, создание необходимого измерительного инструмента-

рия, сбор и анализ информации, подготовка отчета и консультирование по вопросам реализации исследовательских выводов. Другие специализировались на выполнении лишь ряда операций (аналитических, информационно-консультативных). В те годы в СССР/России активно проводились общенациональные, региональные и локальные выборы, происходило формирование рынка, рискованные иностранные фирмы искали в стране партнеров для создания смешанных предприятий. Соответственно новые социологические службы прежде всего осваивали методологию и приемы изучения электоральных установок и потребительских предпочтений.

Несмотря на недостаточно разработанную законодательную базу функционирования негосударственных предприятий, слабость банковской системы, наличие трудностей с приобретением и освоением вычислительной техники, острую нехватку кадров и проч., находились социологи, устремившиеся в эту новую область исследовательской и аналитико-информационной деятельности. В политику шли прежде всего представители второго, реже — третьего поколения советских социологов; это были люди 40–50 с небольшим лет, опытные специалисты, со сложившимся мировоззрением. По своим социально-политическим представлениям они были «шестидесятниками» и верили в возможность улучшения модели советского социализма. Среди основателей независимых социологических организаций были в первую очередь ученые третьего поколения — энергичные, 40–45-летние, со значительным опытом прикладных исследований. Как личности они формировались в эпоху отступления хрущёвской «оттепели» и пришли в науку, когда возможности для профессионального и карьерного роста оказались крайне урезанными. Несколько позже в эту новую для российской социологии нишу начали приходить представители четвертого поколения. В целом все, кто открывал «свое дело», ощущали дух, требования менявшейся в стране политической и экономической обстановки и видели в собственном бизнесе перспективы для личностной и профессиональной самореализации.

Несколько сюжетов, относящихся к теме настоящего раздела, были уже рассмотрены ранее. В 1989 году, когда проведение независимых социологических исследований не вписывалось в практику деятельности социологов и делались первые шаги по выработке нормативных документов, которые конституировали механизмы создания независимых научных организаций, в Ленинграде был образован Центр изучения социальных процессов Леонида Кесельмана (см. гл. 9). Еще три истории приведены в гл. 8, посвященной «спасенным перестройкой». А. А. Ослон вспоминает о создании Фонда «Общественное мнение», который в настоящее время является одной из ведущих в стране организаций по изучению массовых установок. Н. В. Ядов рассказывает о становлении

независимой петербургской компании по изучению общественного мнения и рынка «Той-Опинион». (Обе эти организации вышли из недр ВЦИОМа.) М. Е. Илле описывает рождение своего детища — независимого издания «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований», недавно отметившего 15 лет своего существования.

Продолжу рассмотрение истории возникновения независимых социологических организаций с воспоминания Р. С. Могилевского, много лет проработавшего в ленинградском НИИКСИ; в нашем интервью я просил его рассказать, с чем был связан его уход оттуда в 1988 г.

Биографический сюжет № 5. Р. С. Могилевский

...С трудностями карьерного роста, с низкой зарплатой, но главное со стремлением заниматься тем, чем хотелось бы. Хотелось своего дела и отсутствия дурацких «указаний сверху». Государственный институт даже в новых условиях казался мне большой бюрократической системой, достаточно безразличной к существу работы; его функции по большей части сводились к «освоению бюджетных средств» и созданию рабочих мест для «хороших (своих)» или «плохих (не своих)», которых иногда «ссылали» в институт, людей. Освоил, создал — хорошо работаешь, не освоил, не создал — плохо. (Один мой друг попал в офис Министерства Высшего образования СССР сразу после событий 1991 года. Он наткнулся на старые отчеты НИИКСИ, внешний вид которых с очевидностью свидетельствовал о том, что их никогда никто не читал. Меня это не удивило, но вряд ли это следовало считать нормальным.) В конце 1988 г. ко мне обратился ленинградский промышленный социолог В. С. Гороховский с предложением организовать независимую исследовательскую организацию, работающую на коммерческой основе. Одновременно с таким же предложением он обратился к экономисту и социологу А. А. Вейхеру. Предложение вызвало у нас удивление: в те времена, чтобы создать новую научную организацию, нужно было получить специальное разрешение Совета Министров СССР. Однако оказалось, что времена уже были не те. Человек необычайной энергии и целенаправленности, Гороховский добился встречи с председателем плановой комиссии Леноблгорисполкома В. Большаковым и получил его согласие. Были подписаны соответствующие документы. Организация была создана. Я перешел на работу в нее на должность заместителя директора по научной работе. К нам с Гороховским присоединились Вейхер и позже психолог и социолог И. Н. Гурвич. Несколько позже закон потребовал от нас переоформления статуса организации. Потребовалось наличие учредителей компании. Тогда нашим учредителем стало Ленинградское отделение Советской социологической ассоциации. Мы стали называться СНИЦ — Социологический Научно-исследовательский центр (И: Могилевский 2006: 6).

Рассказ Могилевского о становлении СНИЦ интересен тем, что явление, описываемое им как частное, имеет общее значение; аналогичные

проблемы приходилось решать всем пионерам нового дела. По мнению Могилевского, то был абсолютно новый опыт научного и делового существования без «ценных указаний» сверху, вне сложившихся организаций и школ, без плановых заданий и бюджетного финансирования. Опора на собственные силы, собственные знания, собственные возможности и импульс к работе, идущий от ощущения свободы и широких возможностей самореализации. Объектами творчества и коммерции стали самые горячие темы тех дней, рожденные перестройкой политических институтов, модернизацией экономики и социальных отношений.

Несмотря на то что приходилось браться практически за любую тему, постепенно намечались относительно самостоятельные направления в работе. Они различались типом применяемой научной методологии: опросы мнений и аналитическая работа с вторичными данными, статистический анализ и аналитическая работа «со стола», контент-анализ публикаций в СМИ, и т. п. Различия имелись также и в объектах анализа: политика, экономика, экология, качество жизни, позже — разные типы рынков. В целом с научными задачами СНИЦ успешно справлялся, однако с самого начала обнаружили и острые проблемы.

Профессиональный опыт большинства из сотрудников касался исследовательской работы. Прежние управленческие навыки быстро обесценивались из-за наступления новых времен, это мешало нахождению внятной концепции управления экономикой организации, обеспечения роста доходов, рационального расходования средств. Отсутствовали эффективные инструменты продажи предоставлявшихся социологами «услуг», «продуктов». Не хватало экономических знаний и опыта хозяйствования, как следствие — возникали управленческие проблемы, перерождавшиеся затем в человеческие.

Гороховский, избранный Генеральным директором СНИЦ, привлекал внимание коллектива к вопросам экономики и финансового управления, умению «считать деньги», однако его модель управления казалась сотрудникам «вполне советской», командно-административной. Они предлагали отдать гендиректору хозяйство и финансы, а исследовательский процесс осуществлять на началах самоуправления. Но в этой схеме исчезал «главный начальник», осуществляющий общий контроль над работой организации. Возник конфликт, в котором каждая из сторон считала себя правой. В итоге коллектив принял решение об освобождении Генерального директора от должности и избрал вместо него Могилевского.

Уход первого Генерального не снял проблемы. Понимание управления Могилевским также во многом базировалось на его прежнем опыте, на представлении об экономике как об «управлении расходами». Экономика «зарабатывания денег» требовала других знаний, других навыков и инструментов управления, они приобретались тяжело, методом

проб и ошибок. Во всяком случае, проблема доходов постоянно оставалась острой для компании.

В 1991 году стало ясно, что работа преимущественно в сфере исследований социальных и политических проблем не позволяла развивать финансовый успех, обеспечивающий рост качества жизни персонала и обновление всех составляющих технологической среды организации не только по «внутренним», но и по «внешним» причинам. Отсутствовал полноценный рынок информационно-аналитических услуг, правительственные структуры работали в основном с академическими институтами и «проверенными» специалистами. Новых институций и новых лиц боялись, им часто не доверяли. Бизнес только начинал разворачиваться и осознать себя. Политики проявляли интерес к исследованиям, только когда дело касалось выборов, а средства массовой информации предпочитали получать социальную информацию бесплатно. Спрос на исследования был низким, доходов для накоплений и реинвестиций не хватало.

Могилевский вспоминает, что в то время я был одним из руководителей Ленинградского отделения ССА и познакомил его с Лейлой Лотти — директором Suomen Gallup Oy (финской полстерской и маркетинговой компании, входящей в международную систему The Gallup International), она искала партнеров в России. Лотти сделала СНИЦ несколько заказов на исследование рынков, качество работы ее удовлетворило. Через несколько месяцев она предложила поставить в СНИЦ компьютерную систему САТИ для проведения телефонных опросов, которая позволяла существенно повысить их качество и оперативность. Такое предложение предполагало участие финского партнера в капитале компании, и Могилевский предложил сотрудникам, которые тогда тоже являлись акционерами СНИЦ, принять соответствующее решение. Однако он получил отказ, главной причиной которого было нежелание коллектива «делиться» доходами. Не все были согласны с тем, что без иностранных инвестиций не обойтись; к тому же люди допускали, что продажа полученных данных за рубеж могла рассматриваться как «распродажа России».

А теперь еще один фрагмент из интервью с Могилевским.

Биографический сюжет № 6. Р. С. Могилевский

В общем, я получил отказ. Это стало последней каплей. Я провел переговоры с Suomen Gallup Oy относительно открытия в Петербурге филиала компании. Идея была поддержана финскими партнерами. В 1995 году была открыта дочерняя компания Gallup Oy — АОЗТ «Санкт-Петербургский Маркет Фактс» (впоследствии ЗАО «Гэллуп»); я стал ее директором. Для меня эта история стала еще одним уроком. Когда СНИЦ акционировался, все сотрудники стали акционерами, мы разделили акции

практически поровну, как говорится, по справедливости. Когда потребовалась модернизация компании и привлечение для этого ресурсов, руководитель не смог принять решения, его доля голосующих акций лишь немногим отличалась от долей других акционеров. Главный урок состоял в том, что на начальной фазе модернизации увлечение догматами народного капитализма служит дурную службу. Люди хотели все сразу и поровну. Высокая концентрация капитала в одних руках способствовала появлению ответственного собственника, готового рисковать. «Справедливое распределение акций» препятствовало модернизациям (И: Могилевский 2006: 7).

К началу перестройки Ф. Э. Шереги уже многие годы работал в Научно-исследовательском центре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, руководил Отделом социологии, и на его счету было множество исследований по заказам высокого уровня партийных и комсомольских структур. Однако наступили новые времена. В ходе интервью я спросил у него: «Как ты реагировал на весь комплекс событий конца 1980-х?»

Биографический сюжет № 7. Ф. Э. Шереги

Кризис в государстве достиг высокого уровня и для меня вновь стал актуальным вопрос — как выживать? Я начал искать коммерческие возможности реализации своих социологических навыков и в итоге нашел «хозрасчетные» работы в Министерстве иностранных дел, Союзе советских писателей, комсомольских организациях, на ряде предприятий. Так в 1988 году началась моя карьера предпринимателя. Благо для меня эти отношения не были новшеством — с детства формировался в подобной среде. Осенью 1990 года зарегистрировал свою частную социологическую фирму, которая успешно функционирует и по сей день под названием «Центр социального прогнозирования». Пока это «всеядная» организация, так как в России нет необходимой рыночной конъюнктуры для специализации в области информационных услуг, во всяком случае — для прикладной социологии. Она задумывалась как организация по производству информации по экономическому и политическому маркетингу. Однако выжить только за счет таких исследований в России трудно, поэтому пришлось вернуться к прикладной социологии и выполнять социальные исследования более сложного с точки зрения тематики характера. Это в основном прикладные социальные исследования для министерств и ведомств. С фондами я работаю очень редко. С 1990 по 2006 год под моим руководством Центр социального прогнозирования выполнил не менее 400 различных проектов (И: Шереги 2007б: 11–12).

Многие годы работы в негосударственной организации заставляют серьезно относиться к оценкам Шереги общей атмосферы в стране и возможности ведения бизнеса в информационно-аналитической

сфере. Наше интервью завершилось в 2007 г., на тот момент он считал, что бизнес, особенно малый и средний, был серьезно «задавлен», работало очень трудно. По его мнению, интеллектуальной части общества предстоит долго ждать, пока «тылы» подтянутся к рынку из состояния иждивенчества. Это не просто брежневское время господства «кондового» социализма, сложившаяся ситуация более соответствует той, что наблюдалась в России в 1900–1910-х гг.

Но в целом Шереги радуется своей прозорливости в начале 1990-х гг. и своей автономии. Так работать легче и продуктивнее. Мои беседы с социологами позволяют предположить, что так думал не только один он.

Создателем одной из первых в СССР частных исследовательских организаций является Е. И. Башкирова, которая до того многие годы проработала в Институте социологии АН. Свои знания и навыки в области изучения общественного мнения она приобрела в процессе сотрудничества с Мичиганским университетом в США, в частности с Центром социальных исследований, в котором работали Бил Зиммерман, Лэсли Киш (эксперт мирового уровня по выборкам, автор таблиц для случайного отбора респондентов), Говард Шуман и многие другие. Работала она также с Рональдом Инглхартом (США) над проектом «Мировые ценности»; с Люком Хальманом (Нидерланды) и Ж.-Ф. Черния (Франция) над «Европейскими ценностями»; с исследователями Европейской комиссии, отвечавшей за «Евробарометр»; и многими другими. Из материалов нашего интервью я приведу лишь ту часть, в которой рассказывается о создании ею организации РОМИР (Российское Общественное Мнение и Рынок).

Биографический сюжет № 8. Е. И. Башкирова

Решение о создании РОМИРа я приняла в 1989 году. Тогда я еще работала в Институте социологии, и тот первый РОМИР был создан по согласованию с руководством института. Деньги, которые мы там зарабатывали, шли Институту, хотя договора заключались со мной. Надо сказать, что в тот момент РОМИР очень сильно помог Институту социологии, ведь государственное финансирование было мизерным. Потом возникла довольно странная ситуация: заместитель директора института В. А. Мансуров высказался в том духе, что все клиенты РОМИРА — это клиенты именно Института социологии, и тогда возник некий конфликт интересов. Впрочем, когда из института ушла я, за мной потянулись клиенты, продолжив наше сотрудничество в рамках уже другой структуры.

Уходила я из института вскоре после того, как там прошла аттестация и мне назначили высшую категорию по ее итогам. Я и мой сектор вели много актуальных проектов по самым разным проблемам, включая большое количество международных проектов (И: Башкирова 2010).

И все же ее сектор сравнительных международных исследований был сокращен. Так получилось, что ей предложили либо остаться работать в Институте социологии, но без ее сектора, либо возглавить исследовательский центр конфликтологии при Отделении государства и права Академии наук СССР. Но в Институте ей оставаться не хотелось, а тема конфликтов и конфликтологии была для нее чужой. Поэтому она и ее коллеги по сектору и первому РОМИРу зарегистрировали новый РОМИР, арендовали помещение и стали успешно работать. Это был 1992 год.

Все названные выше создатели независимых социологических организаций к моменту открытия собственного дела уже были известными многим специалистами, авторами большого числа публикаций; ряд из них были кандидатами наук. Траектория жизни В. М. Воронкова (см. гл. 7 и 11) была иной. Он позже других представителей третьего поколения социологов стал изучать социальную проблематику и практически сразу задумался об организации независимой аналитической компании.

По воспоминаниям Воронкова, его социологическая карьера начиналась следующим образом. В 1988 году в Ленинграде возникли две группы социальных исследователей, которые занялись изучением общественных движений. Костяк одной из них составляли историки и культурные антропологи — Ольга Ансберг, Ирина Левинская и Валентина Узунова, они наблюдали и анализировали акции и публикации русских националистов. Другая — под руководством Владимира Костюшева — состояла из «маргинальных» социологов, которым перестройка дала блестящий шанс реализовать себя в новых условиях. Вскоре эта группа в Социологическом институте РАН конституировалась как сектор исследований общественных движений. Почти все ее участники сделали впоследствии блестящие профессиональные карьеры (Андрей Алексеев, Владимир Гельман, Александр Дука, Елена Здравомыслова, Анна Тёмкина, Александр Эткинд). Воронков активно участвовал в обеих командах и одновременно стал исследовать диссидентскую среду, проводя биографические интервью с бывшими диссидентами.

Теоретические знания и некоторый опыт проведения опросов подвели Воронкова к мысли о создании независимого «временного творческого коллектива» для зарабатывания денег на формирующемся рынке заказных исследований. Он подключил к этому делу социолога Эдика Фомина¹¹ и ряд студентов, которые на общественных началах сотрудничали с исследователями общественных движений. Работа шла по многим направлениям: пути расширения читательской аудитории

¹¹ Фомин Эдуард Афанасьевич (1939–2002) — социолог, юрист.

ленинградских газет и оценка пассажиропотока на предполагаемой скоростной железнодорожной трассе Ленинград — Москва, перевод на хозрасчет Союза художников или студии научно-популярных фильмов, перестройка деятельности геологического института, и т. п. Повторять известные методики опросов не хотелось, придумывали новые. Так он стал размышлять над тем, как можно углубить понимание общественных процессов, которые стремительно разворачивались в то время.

В начале 1990-х гг. Воронкову попала в руки вышедшая за десятилетие до того с грифом «для научных библиотек» книга четырех английских социологов о новых направлениях в социологической теории. Одновременно он познакомился с работами Л. Г. Ионина конца 70-х гг. о феноменологической перспективе в социологии и понимающей социологии. Изложенные там идеи захватили его (**И**: Воронков 2011: 4–5).

Биографический сюжет № 9. В. М. Воронков

Шел 1990 год. Сидели мы с Олегом Вите¹² на кухне у Лены Здравомысловой и, обуреваемые перестроечной жадной деятельностью (а чего мы только не инициировали или не задумывали в это увлекательное время!), сочиняли название проектируемого института. Тогда много чего учреждалось негосударственного. Я же всю свою академическую жизнь мечтал ни от кого не зависеть, заниматься только тем, чем хочется, и только с приятными людьми. И, надо сказать, я свою мечту реализовал. Институт независимых исследований был учрежден. После отъезда Олега в Москву мы его перерегистрировали уже с Эдиком Фоминым. Позже он получил свое окончательное название Центр независимых социологических исследований (ЦНСИ).

Сначала мы плохо понимали, чем и как будем заниматься. Понятно, что хотелось зарабатывать деньги. И потому худо-бедно продолжали рыночную деятельность, отрывая время от исследований социальных движений. Радикально изменил нашу жизнь первый выезд на Запад весной 1991 года, когда мы вшестером (вместе с О. Вите, А. Дукой, Е. Здравомысловой, А. Тёмкиной и О. Цепиловой) делали доклады в Гамбурге и Берлине. Там завязались первые «судьбоносные» знакомства в профессиональном сообществе.

В 1994 году я разорвал, наконец, пуповину, связывавшую меня с Академией наук (позже удивлялся, что это я так цеплялся за прошлое?!). Возглавляемая формально мной в Институте социологии группа «политической социологии» распалась, а Б. М. Фирсов, директор Института, поставил передо мной вопрос ребром: или Институт социологии, или

¹² Вите Олег Тумаевич (1950 г. р.) — социолог, политолог. В то время работал в ленинградском филиале Института социологии АН СССР, активно участвовал в общественно-политической жизни Ленинграда.

ЦНСИ (сам он вскоре оказался перед сходной дилеммой и выбрал Европейский университет).

То, что ЦНСИ сразу вышел на международную арену, надо сказать спасибо биографическому ассистенту центра, замечательному немецкому социологу Ингрид Освальд, сыгравшей в нашей судьбе выдающуюся роль. Именно благодаря ее усилиям мы через год получили сразу три первых исследовательских гранта от Фонда Berghof и приобрели под офис трехкомнатную квартиру, перенеся таким образом семинарские занятия со студентами из кухни нашей с Леной (Здравомысловой. — Б. Д.) квартиры во вполне респектабельную обстановку. Потом началась череда фондов, грантов, поездок, конференций, публикаций. Число сотрудников перевалило на четвертый десяток. Сработало интуитивное правило: «ни одного дня в советской социологии» при приеме сотрудников. ЦНСИ уже давно стал вполне международным институтом с многосторонней деятельностью, достаточной известностью и многочисленными заслугами, отмеченными в сообществе (И: Воронков 2011: 5).

В 2009 году ЦНСИ получил награду Фонда К. и Дж. Макаруров как самый креативный и успешный исследовательский центр в мире (по версии Фонда).

Независимое социологическое образование

Выше было показано, что даже в группе социологов четвертого поколения мало кто имеет базовое профессиональное образование; среди их старших по возрасту коллег таких вообще нет. Объяснение простое: на протяжении многих лет социология как теоретическая и прикладная наука существовала в стране, исследования проводились, книги публиковались, но подготовка социологических кадров велась в крайне ограниченных масштабах.

В истории развития современной советской/российской социологии М. Б. Буланова выделила три этапа социологического образования (Буланова 2008).

Первый этап она отнесла к 1960-м гг. Сначала открывались социологические отделы и лаборатории при академических институтах и вузах. Так, в 1960 г. на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова была создана межкафедральная социологическая лаборатория; в 1968 г. там же открылась кафедра методики конкретных социальных исследований, ее первым заведующим стала Г. М. Андреева. С 1968 года подготовка философов по курсу социологических дисциплин велась факультативно, в форме спецкурсов и спецсеминаров.

Более богатым на события был второй этап (середина 1970-х — конец 1980-х). В вузах число социологических лабораторий и секторов увеличилось за 1972–1977 гг. до 200. В 1976 году в прикладной социо-

логии было занято почти 900 научных и научно-педагогических работников, из них 20 докторов и более 240 кандидатов наук.

В это же время к существовавшему перечню философских специальностей добавилась новая — «прикладная социология». Впервые встал вопрос о подготовке специалистов в области прикладной социологии на философских факультетах университетов. Учебная специальность с таким названием была введена в 1977 г. на отделении научного коммунизма философского факультета МГУ, однако самостоятельное отделение прикладной социологии открылось там лишь в 1984 г.; было принято 50 студентов. В том же году появилось отделение прикладной социологии в Ленинградском государственном университете на экономическом факультете — было принято также 50 студентов. На этом отделении организовали две кафедры: прикладной социологии и социального управления. Руководителем отделения стал В. Я. Ельмеев. В течение следующих нескольких лет началась подготовка специалистов по прикладной социологии в Московском инженерно-экономическом институте управления, Ленинградском финансово-экономическом институте, Уральском, Новосибирском, Харьковском университетах, университетах Риги, Таллинна, Иваново, Уфимском авиационном институте и ряде других вузов страны. В 1988 году ВАК включила социологию в номенклатуру специальностей научных работников. В перечне научных специальностей социология отделилась от философии.

В июне 1988 г. ЦК КПСС приняло постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества», а в августе появился приказ Госкомитета СССР по народному образованию «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране»; специальность «прикладная социология» преобразовывалась в специальность «социология». Приказом устанавливалось открытие социологических факультетов в Московском, Ленинградском, Киевском государственных университетах, в Московском инженерно-экономическом институте, а также 9 отделений социологии — в Харьковском, Новосибирском, Уральском, Белорусском, Ташкентском, Тбилисском, Вильнюсском, Ростовском университетах и в Ленинградском финансово-экономическом институте.

С 1989 года Буланова отсчитывает третий, настоящий этап в развитии российского социологического образования. Его главная черта — быстрая институционализация. За период с 1989 до 2003 г. открылись 105 факультетов, отделений и кафедр. Более 20 тысяч выпускников получили социологическую специальность, стали преподавать социологию более 4 тысяч человек.

Мне представляется, что текущий этап подготовки социологических кадров характеризуется еще одной чертой, которая делает его качественно отличным от предыдущих: стали возникать негосударственные образовательные учреждения.

Так, в начале 1990-х гг. британский социолог, заведующий кафедрой социологии Манчестерского университета Теодор Шанин создал Московскую высшую школу социальных и экономических наук (МВШСЭН), давно ставшую известной как «Шанинка». Он задумал взрастить на российской почве университет, который по всем основным характеристикам был бы сопоставим с лучшими университетами мира. С одной стороны, это было признано необходимым для предотвращения оттока талантливей молодежи на Запад, а с другой — предпринималась попытка доказать, что в России нет фундаментальных препятствий для того, чтобы здесь успешно работала модель высшего образования, признанная эффективной в других странах мира.

На факультете социальных наук МВШСЭН реализуется одна из немногих магистерских программ, дающих возможность получить западный диплом по социологии или политической науке, обучаясь в России. Создателями факультета, помимо Шанина, являются Т. И. Заславская и В. А. Ядов. Первым деканом был Г. С. Батыгин.

Приведу еще две истории возникновения негосударственных университетов с программой подготовки социологов, рассказанные мне создателями этих образовательных учреждений.

С 1989 по 1995 год Б. М. Фирсов возглавлял Санкт-Петербургский филиал Института социологии АН СССР/РАН, который затем был преобразован в Социологический институт РАН. Ряд последних лет этого периода под его руководством группой энтузиастов разрабатывалась концепция и организация университета нового типа. На мой вопрос, не страшно ли было начинать, Фирсов ответил следующим образом.

Биографический сюжет № 10. Б. М. Фирсов

В конце января 1992 г. мэр Санкт-Петербурга А. Собчак предложил мне возглавить организационный комитет по созданию негосударственного образовательного учреждения, вскоре нареченного его основателями Европейским университетом в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), — именем, закрепленным в конце 2004 г. актом государственной аттестации.

Я принял это предложение, тем более что оно совпало с моим тогдашним настроением перейти из третьей во вторую лигу «игроков с огнем». Дюжина лет, отданных служению идее ЕУСПб, международная и российская репутация этого единственного в стране аспирантского колледжа в области социальных и гуманитарных наук дают мне право рассматривать эти годы самым счастливым и результативным периодом моей профессиональной деятельности. Был реализован проект, авторов которого первоначально считали городскими сумасшедшими, настолько нереальными казались замысел и его подробности. Победило разномыслие, а вместе с ним и готовность рисковать во имя идеи и искать нетривиальные выходы из, казалось бы, непроходимых ситуаций. Победили новые принципы творчества и интеллектуального труда, которые стали

возможны в постсоветской России и никогда ранее в советское время. Извини за высокий слог, но речь идет о праве предлагать общественно-полезную идею и брать на себя полноту ответственности за ее воплощение в жизнь. Достигнув успеха на этих основаниях, ты испытываешь особое мироощущение человека, способного брать верх над обстоятельствами. Страх перед новизной и необычностью дела я не испытывал. Волновался, но это чувство сопровождает меня всегда (**И:** Фирсов 2005: 10).

Учредителями Университета стали Комитет по управлению городским имуществом Администрации Санкт-Петербурга, Социологический институт РАН, Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН и Санкт-Петербургский Союз ученых, благодаря чему была получена поддержка ЕУСПб со стороны Правительства и Законодательного собрания города. Среди трех главных спонсоров (в действительности их гораздо больше) — Фонд Форда, Фонд Маккартуров и Международная программа поддержки высшего образования (Институт «Открытое общество», Фонд Сороса). Они помогли создать условия для обучения талантливой научной молодежи из Санкт-Петербурга и других регионов страны, соответствующие самым высоким международным стандартам.

В главе 6 приводится рассказ К. Г. Барбаковой о ее студенческих годах, завершении московской аспирантуры, переезде в Тюмень и защите в 1985 г. докторской диссертации. Преподавательской деятельностью она начала заниматься в 1965 г. и в период описываемых ниже событий уже многие годы руководила кафедрой социологии Тюменского государственного университета. Но пришла перестройка, и Барбаковой показалось интересным испытать себя в новом деле.

Биографический сюжет № 11. К. Г. Барбакова

В середине 1980-х—начале 1990-х гг. поочередно проходил в Москве и Канаде советско-канадский семинар, на один из них меня и пригласил Валерий Андреевич Мансуров¹³. В то время я была председателем Тюменского отделения Советской социологической ассоциации (созданного мной) и директором Тюменского Центра ИСИ АН СССР (тоже созданного мной). В 1992 году в Канаде я познакомилась с Анной Марией Буало, профессором Триестского университета и заместителем директора Школы международного бакалавриата в городе Винченце (Италия). Она рассказала о целевой направленности школ бакалавриата, существующих во всем мире для подготовки выпускников школ к поступлению в ведущие мировые англоязычные университеты. Мы с Валерием заинтересовались предложением Буало вступить в эту систему. Приехав

¹³ В. А. Мансуров — доктор философских наук, профессор (1937 г. р.); в описываемые годы был заместителем директора Института социологии АН СССР.

в Союз, мы узнали, что ни одной такой школы в нашей стране не было, но по одной школе работало в Венгрии и Польше. Программа школы включала в себя продвинутые курсы по разным дисциплинам, обеспечивающие поступление в университеты; занятия проходили на английском языке. Попытались создать такие школы: он — в Москве, я — в Тюмени. Подали заявку в европейское отделение (Швейцария) этой системы, и нам предложили пройти обучение в летних центрах подготовки преподавателей. Пройдя такое обучение в Будапеште и Варшаве (я пригласила пять человек, в том числе преподавателей английского языка), мы получили право открыть такие школы. Пошла к главе Администрации Тюменской области Ю. К. Шафраннику и стала ему рассказывать о такой системе, обосновывать необходимость для наших учащихся создания международного колледжа бакалавриата. Шафранник не стал слушать меня до конца и сказал: «Клара Григорьевна, Вы меня уже давно убедили на своих лекциях в Индустриальном институте. Я Ваш бывший студент, и меня больше убеждать не надо. Дело хорошее. Что нужно?» Я сказала: «Нужны деньги для открытия колледжа. Мы объявим конкурс через городские отделы образования в Тюмени, Ханты-Мансийске и Салехарде и будем принимать учащихся 10-х классов, по десять человек с каждого города. Для этого нам надо на год по 300 000 рублей от каждого города». Шафранник поддержал, и я с моими коллегами стала подыскивать здание для обучения и место для проживания. Это был июль 1992 г. Все руководители городов согласились прислать по десять человек, выигравших конкурс, и по 300 000 рублей. К середине августа были известны фамилии победивших учащихся, но денег не прислал никто. Тогда я пошла по знакомым: начальник одного из подразделений Газпрома Ткач А. С. предоставил нам бесплатно территорию бывшей школы-магазина: один этаж, большой спортивный зал и столовая. Директор гостиницы «Нефтяник» предоставил нам в кредит на месяц этаж для проживания студентов и питание в его кафе.

Так началась работа. Преподаватели и мы все работали бесплатно. Через месяц мы получили деньги. Попытка Мансурова в Москве не увенчалась успехом. Но он и Ткач стали нашими попечителями. Сложность работы заключалась в том, что мы одновременно проходили программу международной школы бакалавриата (двухгодичная школа бакалавриата) и программу 10-го класса российского обучения. Проработав в таком режиме год, я поняла, что методика работы очень интересная, но не для всех перспективная: зарубежные вузы принимали выпускников этих школ не на бесплатной основе, а за деньги, что было почти всем нашим студентам недоступно. И тогда, воспользовавшись тем, что в Тюменский государственный университет, где я возглавляла кафедру экономики труда и социологии, приехал зав. отделом Министерства образования Кордюков А. Н., я обратилась к нему с просьбой помочь преобразовать наш колледж в колледж российской системы образования. 1 сентября 1993 г. мы получили статус Тюменского международного колледжа в системе высшего образования РФ (негосударственный). Изменив статус, мы сохранили методику обучения международной

системы бакалавриата, для чего приглашались иностранные профессора из Италии, Германии, Англии, США, Канады, Франции, которые работали у нас от нескольких месяцев до трех лет¹⁴.

Из процитированного письма Барбаковой следует, что негосударственные вузы в тот период не имели ряда прав, которыми обладали государственные, поэтому она заключила договора о параллельном обучении ее студентов в Тюменском государственном нефтегазовом университете и Уральской государственной юридической академии. В 1993 году были заключены договора с университетами Глазго и Эдинбурга, а затем — с университетами США, Канады, Австралии, Франции, Финляндии и Бельгии. В 1997 году колледж получил новый статус и стал Тюменским международным институтом экономики и права. До 1999 года вуз оставался негосударственным, но 90 % студентов обучалось бесплатно, за счет бюджета Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, которые посылали определенное количество абитуриентов, выигравших конкурс, и оплачивали их обучение; 10 % обучалось на платной основе. Материально-техническое обеспечение колледжа-вуза было получено в результате принятого областной Думой Закона о том, что попечители международных высших учебных заведений имеют право отдавать определенные средства этим вузам и на эту сумму сокращаются их налоги в областной бюджет.

Несмотря на самодостаточность института и на тот факт, что в нем учились студенты, принадлежащие к разным слоям населения (от детей руководителей области и округов, ректоров вузов до бедных городских и сельских ребят), общественное мнение без особого уважения относилось к негосударственным вузам. Поэтому по просьбе Барбаковой Администрация области приняла решение о присвоении институту статуса государственного вуза. С сентября 1999 г. он стал государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования Тюменской области — Тюменским государственным институтом мировой экономики, управления и права.

До декабря 2004 г. Барбакова была ректором института, но затем, по достижении предельного для данной должности возраста, отошла от этой работы.

Изменения в методологии социологии и предметно-объектной направленности исследований

Признавая значимость изучения различных форм участия социологов во властных структурах, создания независимых социологических

¹⁴ Электронное письмо К. Г. Барбаковой Б. З. Докторову от 9 января 2011 г.

исследовательских организаций и негосударственных вузов, укажу тему, которую считаю центральной для понимания современной истории российской социологии. Это — анализ изменений, происходивших в постперестроечное время в теории, методологии отечественной социологии, в предметно-объектной направленности теоретических и прикладных поисков, в технологии сбора, обработки и хранения эмпирических данных. Мне представляется, что рассмотрение этого комплекса трансформаций науки даст возможность для ответов на многие вопросы относительно генезиса послевоенной советской/российской социологии, ее движущих сил, соотношения внутреннего и внешнего, роли различных государственных институтов в становлении и развитии социологии, отдельных личностей и поколений.

У истории нет сослагательного наклонения, но «сослагательность», гипотетичность не противоречат логике анализа истории науки. Пусть модельно, но, заглядывая в прошлое и сравнивая его с настоящим, аналитик имеет право спрашивать себя: «А что было бы, если бы?..» В главе 1, в разделе «История есть, только если она написана», упоминается замечание историка науки Б. Г. Кузнецова о праве истории менять прошлое. Уверен: только начинающийся процесс сравнения доперестроечной отечественной социологии и той, что ведет «свое время» со второй половины 1980-х гг., неминуемо «будет менять» прошлое. Как? С какой целью? Пока трудно сказать. Но ясно, что чем больше мы оставим свидетельств о том, как все происходило, кто и что делал, что зажигало, что охлаждало работу социологов, тем в большей степени прошлое, воссозданное будущими историками и учеными, будет приближаться к «действительному, истинному» прошлому.

На мой взгляд, изучение динамики, изменчивости современной российской социологии должно охватывать весь период развития социологии в России начиная со второй половины XIX в., но основное внимание следует уделять анализу советского периода. В историко-научном плане интересно проследить, как и в силу каких обстоятельств нечто из прошлого опыта отходит на второй план и что, ранее пребывавшее в тени, выдвигается на передние позиции. Ведь на рубеже XX и XXI столетий изменения в социологии были порождены не собственно научными достижениями, открытиями, заставившими пересмотреть и переоценить то, что делалось на протяжении четверти века (научная революция), а крупномасштабными переменами среды, в которой и для познания которой социология возникла. Таким образом, постперестроечные изменения в науке есть форма проявления той свободы — личностной и профессиональной, — которую принесла перестройка.

Основным, доминирующим, краеугольным признаком доперестроечной советской социологии был ее марксистский характер. Неис-

числимо количество работ о значении марксизма как теоретико-методологической базы советской социологии, большое число специалистов участвовало в ряде дискуссий на эту тему, защищены сотни диссертаций. Учение Маркса было одновременно идеологией советского общества и философской основой социологии, поэтому оно было не только предметом академических разработок, но также и элементом творческих биографий социологов ряда поколений, а для некоторых — детерминантой их профессиональной и личностной судьбы. Поэтому сегодня вопросы, касающиеся роли марксизма в прошедшие десятилетия развития отечественной социологии и его будущего, должны стать важнейшей составной частью исторических исследований.

Если пользоваться историческими мерками, то многие российские социологи стремительно стали отходить от марксизма. Причин тому много, и они разноприродны. Здесь нет возможности рассматривать их в необходимой полноте, но считаю целесообразным привести мнение Л. Г. Ионина, автора ряда работ по истории социологии, о причинах отказа российской социологии от марксизма. «Во-первых, — заметил он, — по политическим причинам. Во-вторых, по причинам личного характера — обязательное блюдо, осточертевшее до невозможности. Кроме того, марксизм отождествлялся с цензурой, идейным и социальным гнетом, запретами и ограничениями свободы; партийные идеологи добились того, что стало казаться: жизнь наша действительно построена по Марксу, во всех запретах виноват марксизм. И в целом не удастся “психоанализировать”, что произошло с нашей социологией, потому мы и живем до сих пор в состоянии антимарксистского невроза» (И: Ионин 2007: 10).

Не углубляя анализа причин отказа от марксизма, приведу лишь несколько констатаций произошедшего, сделанных участниками моего исследования.

Впервые рассматриваемая тематика была обозначена в интервью с В. А. Ядовым. На вопрос о том, не чувствовал ли он скованности при изучении мотивации труда, оттого что надо было работать лишь в рамках марксизма, он ответил:

Я определенно был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь; много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории, причем Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером. Оба анализировали именно капиталистическое общество, оба пользовались понятием «класс». <...> Маркс — величайший мыслитель. Он прописан во всех западных учебных пособиях по социологии. Одна идея об отчуждении личности наемного работника (пролетария) стоит ничуть не меньше концепции социального действия Вебера (И: Ядов 2005а: 6).

Обстоятельной была беседа о марксизме и с А. Г. Здравомысловым, позиция которого сводилась к следующему. В дискуссиях 1950–1960-х гг. вопрос об историческом материализме касался методологических основ советской социологии, а ссылка на марксизм была решающим аргументом для обоснования их необходимости. Теперь в научном мышлении и в методологии наших исследований утвердилась идея плюрализма. Во многих российских вузах еще не усвоено новое понимание марксизма; он входит в комплекс тех понятий, которые вызывают страх до дрожи в коленках; есть «идеологические борцы» против марксизма, которые всех перепугали. Но Маркс создал каркас социологического знания, который невозможно устранить, нельзя возвратиться в домарксистскую эпоху, хотя у нас таких любителей движения вспять хватает (**И:** Здравомыслов 2006б).

Многие годы занимался историей и методологией марксизма Н. И. Лапин. Прочитирую сказанное им: «С утверждением идеологического плюрализма в нашем обществоведении, прежде моноидеологичном, стало естественным принимать или не принимать те или иные учения, в том числе марксизм. Теперь это вопрос личного выбора каждого обществоведа... Между тем нередко, как и прежде, только не под идеологически-административным давлением, а по привычной инерции мышления, наблюдается либо полный отказ от всех идей Маркса, либо безоговорочное их принятие; то и другое малопродуктивно». И далее: «По моим представлениям, методология и многие идеи Маркса остаются одним из важнейших достижений мировой социальной мысли, которое взаимодействует с другими достижениями и эволюционирует вместе с ними. Надеюсь, это относится и к мейнстриму российских социальных наук, включая социологию» (**И:** Лапин 2007: 146–147).

Более жестко оценивает положение марксизма в российской социологии еще один представитель первого поколения социологов В. Я. Ельмеев: «Сегодня марксизм в России в институциональном отношении находится в худшем положении, чем где-либо в мире. Если в учебниках по истории западной социологии К. Маркс еще числится в классиках, то в официальной современной российской социологии нет ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина, не говоря уже о Сталине. Но теоретически марксизм не преодолен ни одной современной социологической теорией, что вселяет надежду не только на его сохранение, но и создает условия для его развития в диспутах» (**И:** Ельмеев 2012: 243).

Завершу обсуждаемую тему фрагментом из биографического эссе Е. А. Здравомысловой.

Мое отношение к марксизму — долгая тема; ограничусь кратким замечанием. Мне представляется, что его методология и понятийный аппарат уже интегрированы в генетическом конструктивизме. Я думаю, что ряд

марксистских идей является частью социологической классики, например теория отчуждения или теория прибавочной стоимости. Различные версии неомарксизма подчеркивают значимость экономических, политических и идеологических структур для поддержания социального исключения. Иной вариант марксизма — исторический — говорит о том, что класс — это кристаллизованный и воспроизводящийся групповой опыт или социальные практики, пронизанные структурами пространства и времени. Марксизм интегрирован в современное социологическое понимание общественного устройства. Можно не признавать какие-то его версии, но отбросить его нельзя. Существуют политико-экономические контексты социальной реальности, которые просто вызывают к марксистскому подходу, — это кризисные ситуации, конфликт интересов, рост самосознания социальных групп. Марксизм незаменим для анализа капиталистического общества. Но он явно пасует в изучении человеческой субъективности, будущего общества, сложностей многомерного неравенства, исследований повседневности. <...> В марксизме у меня вызывает сомнение только эпистемология, т. е. представление о том, что существует истина в последней инстанции и детерминизм общественных процессов, эволюционизм фаз социального развития. Таким образом, вызывает неприятие лишь догматический упрощенный марксизм (**И**: Здравомыслова 2009: 14–15).

Утверждение о том, что ранее активно развивавшиеся советскими социологами направления теоретико-эмпирических разработок потеряли в новых, постперестроечных обстоятельствах свое значение, может быть подтверждено обращением к судьбе исследований в области социального планирования. Думаю, именно в сфере предплановых исследований и обосновании рекомендаций по социальной политике на уровне крупных предприятий и отраслей было занято наибольшее количество заводских социологов и специалистов вузовских, кафедральных лабораторий; участвовали в них и сотрудники академических институтов, структур. Среди моих собеседников оказался ряд ученых, внесших решающий вклад в развитие данного исследовательского направления.

О замысле концепции, методологии и технологии социального планирования рассказал В. Я. Ельмеев, один из пионеров этого грандиозного научного и социального проекта.

Идея социального планирования была предложена нами — сотрудниками первого в стране ленинградского Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований — мною, В. Р. Полозовым, Б. Р. Ряченко. Она первоначально возникла из исследований механизма образования и реализации растущих фондов общественного потребления на предприятиях, особенно в крупных производственных объединениях, в частности в объединении «Светлана», «Металли-

ческий завод» и др. Образование значительных объемов этих фондов превращало трудовые коллективы в серьезные социальные институты, обеспечивающие своих работников бесплатным отдыхом в санаториях, домами культуры, медицинскими учреждениями, стадионами — вплоть до оплаты жилья. Это было серьезным вкладом нового партийного руководства страны в изменение направленности экономической реформы 1965 г. Теперь трудовые коллективы лишились этих фондов и потеряли свою роль органа самоуправления и социальной ячейки общества.

Довольно быстрая и успешная реализация данной научной идеи объясняется ее востребованностью практикой. Был не заказ, а спрос со стороны партийной власти; нас представители Ленинградского обкома партии спросили: какую новую идею может предложить новый институт для готовящегося XXIII съезда партии? Мы предложили идею социального планирования, которая после многократных бесед с секретарями и заведующими отделами обкома была включена в доклад первого секретаря Обкома КПСС В. С. Толстикова и получила одобрение съезда. Потом эта идея получила значение макросоциальной инициативы и в итоге привела к преобразованию содержания планирования — планы стали планами не только экономического, но и социального развития (**И:** Ельмеев 2012: 238).

На мой вопрос, не исчерпала ли себя к середине 80-х гг. идея социального планирования, востребуется ли в новой обстановке накопленный учеными опыт, Ельмеев ответил: «В начале 90-х годов государство отказалось от планирования своего экономического и социального развития как от атрибута социализма. Да и прекратилось само развитие — экономика и социальная сфера пошли вниз» (Там же: 239).

Многие годы в обосновании планов социального развития производственного объединения «Светлана» — одного из крупнейших в Ленинграде и в стране — активное участие принимала А. В. Русалинова (**И:** Русалинова 2009). По ее мнению, существенное практическое значение имели, по крайней мере, две социальные технологии, внедренные в практику на объединении: во-первых, система контроля и ускорения адаптации молодых рабочих и молодых специалистов с высшим образованием и, во-вторых, система оценки резерва цехов на руководящие должности. Признанием ценности результатов деятельности социологов и психологов на «Светлане» стало создание в объединении в 1970-х гг. собственной социологической лаборатории. В те годы это случалось крайне редко. К сожалению, отметила Русалинова, обобщенные коллективные публикации по проведенным исследованиям отсутствуют. В тот период, когда можно было бы все обобщить, а именно в 90-е гг., нужно было выживать и сохранять хоть какую-то жизнь социологии и социальной психологии трудовых коллективов.

Сходную картину дают воспоминания руководителя социологической лаборатории Самарского государственного университета Б. Г. Ту-

кумцева (**И:** Тукумцев 2009). Как и во многих других городах, они начинали с составления для предприятий планов социального развития. Их опыт по обоснованию концепций и непосредственному составлению этих планов постоянно накапливался, и у сотрудников лаборатории возникло опасение, что они превратятся в специализированное узкоприкладное предприятие по планированию. Все изменилось, когда их заказчиком стал Волжский автомобильный завод (ВАЗ) в Тольятти и были налажены контакты с ленинградскими коллегами.

Создавая концепцию социального развития автогиганта, социологи столкнулись с массой социальных проблем, которые существовали там, несмотря на высокую, в сравнении с другими предприятиями страны, культуру производства. Проблемы порождались прежде всего использованием на заводе преимущественно неквалифицированного труда. Согласно методике, разработанной социологами, неквалифицированным трудом занимались более двух третей рабочих. Сам же завод, используя иную методику классификации рабочих мест, считал, что на предприятии имелось более 70 % работников высококвалифицированного и квалифицированного труда и лишь четверть составляли неквалифицированные работники. Секрет несовпадения заключался в том, что составленная на предприятии тарифная сетка позволяла в условиях советской системы оплаты труда несколько повысить зарплату значительной части работников завода.

Первое исследование на заводе обнаружило небывало высокую, в сравнении с другими предприятиями, на которых работали социологи, потенциальную текучесть кадров. Уже на следующий год она стала реальной и привела в изумление руководство завода: в течение года уволился каждый девятый работник. Тогда руководство ВАЗа обратилось к социологам с просьбой найти способы смягчения причин, побуждающих людей увольняться с предприятия. Использование методологии «мотивационного ядра», выявленного в исследовании ленинградцев «Человек и его работа», позволило разработать технологию профессионального продвижения (1973). Это оказалось достаточно сложным делом, но ее внедрение уже в первый год снизило текучесть на два процента. Для автогиганта это означало сохранение на рабочих местах 1700 человек.

С этого момента исследовательская группа превратилась в постоянного консультанта руководства ВАЗа в области управления персоналом, а через некоторое время там был создан заводской социологический отдел.

Под воздействием политических, экономических, идеологических и прочих обстоятельств в перестроечные и постперестроечные годы многое уходило совсем из традиционного исследовательского поля советских социологов или теряло свою былую яркость. История всегда

трактует наблюдаемую картину как переходную от прошлого к будущему, и в связи с этим исчезновение или потеря былой привлекательности, чем бы она ни была обусловлена, тех или иных исследовательских направлений, парадигм, методов, доминировавших в социологии 1960–1980-х гг., может оказаться временной. Кроме всего прочего, это означает необходимость не просто забыть то, что делалось, по крайней мере в 1980–1990-х гг., «оборвать» ментальную связь с ним, но научным образом законсервировать сделанное. Пройдет немного времени, и цена тех результатов и выводов возрастет многократно.

У истории свое понимание инновативного, свой счет к нему; она понимает, что в действительности новое — это нередко старое, но по-модному одетое, помещенное в современную научную и социальную среду; в «старом» открываются нераскрывшиеся ранее возможности. Сделав такую оговорку, замечу, что в предыдущих главах уже было многое сказано о новых исследовательских направлениях, придающих своеобразию постперестроечной социологии. Скажем, проведение опросов общественного мнения в СССР началось Б. А. Грушиным в 1960-х, но они приобрели новую форму, масштабность, технологичность в конце 1980-х гг.

Конечно, в 1960–1970-х гг. при изучении отношения различных слоев населения к оплате труда и вещному миру, при анализе образа жизни, жизненных планов и типов экономического сознания, при исследовании широкого круга тем, замыкающихся на разработку планов социального развития, советские социологи тестировали определенный спектр потребительских предпочтений и пытались выявить некоторые стереотипы потребления, пусть даже в условиях всеобщего дефицита. Я думаю, что все это стало базой для очень быстрого и успешного схождения представителей третьего и четвертого поколения российских социологов в проблемные области маркетинга и поведения людей в условиях свободного рынка.

Изучение отношения советского человека к явлениям, которые долго обозначались «пережитками капитализма» в сознании людей, т. е. неизжитыми остатками капиталистического (дореволюционного) прошлого, к «проявлявшимся кое-где порой» примерам туеядства, нежелания работать, частой смены места работы, к формам поведения, которые на языке существовавшей идеологии описывались как проявления «тлетворного влияния Запада», можно рассматривать как своего рода базу для исследований многих современных форм девиантного поведения.

Вместе с тем очевидно, что постсоветские реалии невозможно было долго изучать на базе и языке доперестроечной социологии. В политике, экономике, повседневной жизни людей происходило то, что для всех было новым, нередко драматичным. Десятилетиями советское обще-

ство приучали к тому, что развитой социализм — общественная формация, которая предшествует коммунизму, что мир движется именно в ту сторону и знаменосец этого движения — СССР. И вдруг — человека окружает то, к чему большинство не было готово: многопартийность, свободный рынок, частная собственность на средства производства, открытые границы. Таким образом, советским/российским социологам, работавшим во второй половине 1980–1990-х гг., приходилось одновременно осваивать все это новое многообразие и создавать аппарат для его изучения. Будущее покажет, в какой мере социологическое сообщество справилось с решением данной задачи.

Все сказанное относится к советским/российским социологам, с которыми я проводил электронные интервью. Предполагаю, что каждого из них перестройка сделала первопроходцем в той или иной области социологии: теоретические разделы, прикладные разработки или образование. За прошедшие годы отечественная социология впитала в себя множество современных теоретических концептов, включила в себя парадигматику многих философско-социологических школ, выскочила из тесного круга построений, сводивших развитие общества к антагонистическим и неантагонистическим отношениям между классами, заметно «психологизировалась». Произошел огромный сдвиг в использовании качественных методов исследований, и это позволило представить современного российского человека более объемно, как многоролевою личность.

* * *

Безусловно, можно было бы продолжить анализ влияния перестройки на развитие отечественной социологии и судьбы российских социологов: просматриваются некоторые собственно историко-научно-ведческие задачи, и в целом понятно, как искать их решение; помимо этого, далеко не исчерпан архив документальной и биографической информации. Однако сейчас в силу многих обстоятельств пора остановиться. Тем не менее небольшое дополнение к сказанному мне хотелось бы сделать. Оно касается одной из стержневых тем настоящего историко-биографического проекта и одного из доминирующих концептов книги — поколенческой организации советского/российского социологического сообщества.

Вернемся к табл. 2 (гл. 4). Из нее отчетливо видно, что в 1985 г., в самом начале перестроечных процессов, в социологии работали лишь ученые первых четырех поколений. Медианный для первых двух когорт возраст составлял 56–57 лет, а самым старшим из них было чуть более 60 лет. Младшие из третьей профессионально-возрастной страты приближались к своему 40-летнему юбилею, медианная группа этой общности находилась в возрасте 44–45 лет. Что касается четвертого

поколения социологов, то младшим в нем было 27 лет, старшим — 38. Некоторые из них лишь начинали свой путь в социологию, но были и те, кто не только защитил кандидатские диссертации, но завершал и докторские исследования (см. гл. 8, табл. 7).

Пятое поколение социологов, годы рождения которого заключены в интервале между 1959 и 1970 гг., лишь зарождалось в момент прихода М. Горбачёва к власти. Старшие лишь недавно получили высшее образование по избранной ими специальности, а младшие были еще школьниками. Это поколение входило в социологию уже в перестроечные и постперестроечные годы. Однако к концу завершившегося столетия это были уже сложившиеся специалисты, часть из них учились не только у отечественных социологов, но и у иностранных. Значительное число представителей этого нового поколения уже были кандидатами наук или имели невиданную (и невозможную) ранее степень — Ph. D. (доктор философии) по социологии или политическим наукам. Однако для истории становления постперестроечной российской социологии это поколение — пока *terra incognita*.

Таким образом, в целом рассмотренный в этой книге период истории современной отечественной социологии — это время деятельности пяти поколений ученых. И все сделанное — это результат их исследований. Итог их творчества. Дело их жизни.

Заключение

Во Введении, озаглавленном «Как началось это исследование», написано, что непосредственным импульсом к изучению истории современной советской/российской социологии стала моя работа над статьей о жизни и исследованиях Б. А. Грушина (Докторов 2004а). То был июль — август 2004 г., сейчас — начало августа 2012 г. Таким образом, путь от, образно говоря, первой буквы этой книги до — в буквальном смысле — последней продолжался восемь лет. Много сделано, но *важнейшим* я считаю около полусотни проведенных глубинных биографических интервью с представителями первых четырех поколений отечественных социологов (Докторов 2012, т. 2). Без этих бесед ничего бы не было. Они — эмпирический базис моих историко-научоведческих размышлений и выводов; они составляют основное содержание книги, а также определяют ее жанр и стиль. Исходно я планировал провести несколько интервью с близкими мне коллегами, но на определенном этапе процесса общения с ними я начал слышать не только отдельные «голоса» собеседников, но явное давление всего «хора». Становилось понятным, что эмпирический материал будет увеличиваться и усложняться и, соответственно, придется искать новые подходы к его анализу.

И где-то в этой точке исследовательского проекта сначала смутно, а потом все отчетливее стала заявлять о себе идея существования *поколений* социологов; ее разработка давала надежду на синтетическое рассмотрение всей информации о возникновении в СССР социологической науки, постепенном формировании ее проблемного поля и методического арсенала и главное — появлении собственно социологов. Ибо в рамках поколенческого подхода удастся отразить и зафиксировать то обстоятельство, что мотором, движущей силой становления и развития на рубеже 1950–1960-х гг. современной советской социологии была совсем небольшая группа молодых обществоведов, которые — и это явно был вызов консервативному кругу философов, идеологов — стали называть себя социологами. Институционально, формально эти новые исследователи общества не были связаны друг с другом. Их объеди-

няли история, культура, все пережитое: война против фашизма, радость победы, атмосфера хрущёвской «оттепели», верность романтическим представлениям о Революции и Гражданской войне и, как следствие, — вера в возможность улучшения советского общества и желание активно участвовать в этом процессе. В силу обстоятельств, не зависевших от этих ученых, они не могли продолжать того, что было сделано в дореволюционной российской социологии и советскими социологами, работавшими в 1920–1930-х гг.; в этом смысле не могло быть и речи о *преемственности*. Более того, они не искали опоры в прошлом или «печки для начала танца», да и многие инстанции как внутри науки, так и вне ее не одобрили бы заявления о такой преемственности. В те годы спокойнее было оставаться «научной сиротой», чем иметь таких «предков».

Все сказанное было мной обобщено в виде утверждения о *втором рождении* советской/российской социологии. Вначале, в 2007 г., мне самому оно казалось еретическим, но работа над книгой убедила меня в его справедливости. К тому же концепция второго рождения не противоречит заявлениям ряда ученых о *возрождении* российской социологии. На мой взгляд, справедлива простая логическая формула: от второго рождения к возрождению.

Многолетнее изучение специальной литературы позволяет говорить о разной степени присутствия ученого в историко-научоведческих исследованиях. Схематично *континуум присутствия* можно задать следующими шестью опорными «точками»: 1-я — «ученых нет», 2-я — «присутствуют лишь их фамилии», 3-я — «есть годы жизни ученых и нечто абстрактно-минимальное об их жизни», 4-я — «дано одномерное (профессиональное) представление», 5-я — «личностные и профессиональные атрибуты ученого рассматриваются как некий комплекс» и, наконец, 6-я — «объемное личностно-профессиональное представление ученого в контексте эпохи и научного сообщества».

Первые два (1 и 2) «фактически безлюдных» случая характерны для исторических исследований «чисто» институционального плана и работ, фокусированных на изучении макротрендов научных идей или методов. Соответственно, исследования этого типа и разработка проблем биографического анализа оказываются в разных семантических пространствах и не пересекаются. В двух следующих типах (3 и 4) историко-научоведческих исследований используются некоторые данные о жизни и творчестве ученых. Однако этот материал в основном имеет иллюстративное (на)значение и программы подобных проектов не включают в себя проведение собственных биографических поисков.

Исследования, в которых характер присутствия ученых отвечает «точкам» 5 и 6 на указанном континууме, можно классифицировать как биографоцентричные историко-научоведческие. В них ученые присутствуют в *двух* ипостасях: как участники процесса развития науки и как

наблюдатели всего происходящего в науке. История науки — в этом случае — пишется вместе с теми и от лица тех, кто ее создает.

Границу между этими двумя типами поисковых проектов провести непросто, но различие в них есть. Очевидно, что стремление к объемному личностно-профессиональному представлению ученых в контексте эпохи и научного сообщества (6) прежде всего распространяется на исследователей, добившихся крупных результатов, опубликовавших множество работ, воспитавших большое число своих последователей. Здесь историко-биографический анализ сконцентрирован на личности и на ее ближайшем окружении и портрет ученого строится на основе историко-культурологических методов и достижений в области психологии креативных процессов.

Исследование, результаты которого отражены в этой книге, я помещаю в сферу, окружающую «точку» 5 континуума присутствия. В проведенном анализе обнаруживается «портретная» (индивидуально-личностная) направленность, но не она — главная. Доминирует поколенческий подход, т. е. *социологический*. Укажу ряд отличительных свойств, генетически присущих ему в силу специфики анализируемого объекта — значительного числа специалистов одной профессии.

Первое свойство: настоящий подход позволяет выявить общее и специфическое в процессе *формирования* поколенческих общностей. **Второе:** воспоминания моих собеседников открыли некоторые типичные для разных поколений *пути*, по которым люди приходили в социологию. Замечу, что другие типы историко-наукovedческих исследований не только не позволяют осветить эти темы, принципиальные для понимания становления социологии в стране, — они их просто не «замечают». **Третье:** исследование поколений социологов обнаруживает новую историко-наукovedческую проблематику — *функции, или сферы ответственности поколений*, в общем для всех деле развития социологии. **Четвертое свойство** исследования, апеллирующего к поколениям, — это принципиальная возможность построения разветвленных *внутринаучных коммуникационных сетей* и перехода к изучению *преемственности*. Еще одно, **пятое свойство** — очевидно, но я его все же отмечу: анализ поколений прежде всего фокусирован на изучение выше упомянутого *хора*, но и голоса *солистов* он отчетливо различает.

Определенные грани данной тематики рассмотрены в книге, тем не менее на все изложенное здесь я смотрю как на самые первые шаги в обосновании методологии биографоцентричной парадигмы, разрабатываемой в целях исследования прошлого современной советской/российской социологии. Биографические материалы, собранные под руководством Г. С. Батыгина (Российская социология шестидесятых 1999), и интервью, проведенные в рамках настоящего проекта, создают основательную перспективу для многоаспектного анализа становления

функций *двух первых* поколений социологов и исследования творческого наследия ряда представителей этих профессиональных когорт. Что касается жизненных траекторий и научной деятельности социологов *третьего* и *четвертого* поколения, то раньше они никогда не были предметом историко-методологического анализа.

В проведенном исследовании дано множество ответов на вопросы, уже около двух десятилетий обсуждаемые историками российской социологии, и рассмотрены новые темы, не поднимавшиеся в специальной литературе. Но есть серия принципиальнейших вопросов, которые стали остро заявлять о себе лишь два-три года назад и на которые я уже не мог реагировать, серьезно не меняя программу и график исследования.

В 2004 году, когда исследование только задумывалось, мне казалось, что представителей *пятого* (1959–1970 гг. р.) поколения социологов рано интервьюировать для исследования исторической направленности. Их возраст заключался в интервале от 34 до 45 лет, они обладали серьезным исследовательским опытом, некоторые уже имели научные степени и ученые звания, но все же их положение в профессиональном сообществе лишь определялось. Еще большие сомнения у меня были относительно бесед с *шестой* возрастной когортой исследователей (1971–1982 гг. р.), тем более что младшие из них (22 года) лишь завершали свое профессиональное обучение. Было еще одно — внутреннее — препятствие на пути к представителям этих двух поколений: уехал из России в 1994 г. и практически никого из них не знал. Я отчетливо понимал невозможность задавать им вопросы, с которыми обращался к социологам первых четырех поколений, но и не знал, как строить разговор с ними. Прошло восемь лет, младшим из пятого поколения уже за сорок, а старшие уже отметили свой полувековой юбилей. Многие определились даже в жизни младших представителей шестого поколения. Таким образом, появились все основания для изучения их биографий.

Анализ этих двух профессионально-возрастных структур имеет самостоятельную цель, *процессный* характер поколенческого подхода не предполагает остановки на сделанном. Но сейчас я хотел бы обратить внимание на то расширение исторических изысканий, которое *автоматически* следует за включением в исследовательскую программу в качестве объектов наблюдения двух новых поколений социологов.

Представители первых четырех формировались и работали сначала в СССР, потом — в России и поэтому являются как советскими, так и российскими социологами. В 1985 году, на старте перестройки, младшим из пятого поколения социологов было 15 лет, они еще учились в школе; самые старшие, им было 26 лет, лишь недавно получили высшее образование и (некоторые из них) начинали свою социологическую карьеру. Но их вхождение в социологию протекало в абсолютно иных социально-политических условиях: уже не застой, но гласность

и первые шаги к рыночной экономике. Старшие из шестого поколения входили в социологию в эпоху Ельцина, младшие — уже при Путине. Эти два поколения — *качественно* иные, чем четыре предыдущих. Они — *первые постсоветские* социологи.

В октябре 2008 г. в связи с 50-летием советской/российской социологии в Москве состоялся III Всероссийский социологический конгресс. Встреча социологов была задумана его организаторами и как юбилейное мероприятие, и как площадка для рассказа о сделанном, и для свободного обсуждения специалистами интересующих их проблем. Все это было. Но для меня особо ценным стало то, что отметить полувековой юбилей вместе собрались и те, кто дал российской социологии ее второе рождение, и те, для кого совсем недалек по историческим меркам советский этап российской социологии представляется далеким и мало знакомым. Я знаю, насколько важно для новых поколений социологов увидеть тех, с чьими именами они были ранее знакомы лишь по учебникам и давно ставшим классическими публикациям. Для людей, серьезно относящихся к науке, к своему делу, такие встречи — как бы коротки они ни были — остаются памятными на всю жизнь и часто становятся определяющими в их судьбе.

...Представим, что осенью 2058 г. в Москве состоится Всероссийский социологический конгресс, приуроченный к 100-летию современной российской социологии. Легко понять, что в его работе не будут участвовать социологи первых четырех поколений, ибо самому младшему из них (см. гл. 4, табл. 2) именно в том году должно будет исполниться сто лет. Возможным, но проблематичным представляется участие в этом форуме и «посланцев» пятой профессиональной когорты; ибо никто из них не будет моложе 88 лет. А вот шестое поколение социологов на том юбилее отечественной социологии станет весьма заметным — ведь возраст половины из них будет составлять от 76 лет до 81 года. Особое положение данной когорты на том конгрессе определится тем, что их рассказы о социологах первых поколений будут основаны на личных впечатлениях и на том понимании прошлого, которое дает людям их жизненный и профессиональный опыт. И говорить они будут о необходимости сохранения и развития к тому времени уже вековых традиций отечественной социологии.

Б. З. Докторов
«МНЕ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫ
МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ
И САМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ...»¹

Борис Зусманович Докторов, российский социолог, с 1994 года живущий в США, начал в 2004 году на страницах «Телескопа» чрезвычайно важное дело, требующее продолжения и развития. Он подхватил эстафету Геннадия Батыгина, чья книга о социологии 1960-х годов (Российская социология шестидесятых 1999) может быть символически названа «В круге первом». Инициативу Докторова я назову «В круге втором». Связь этих «кругов» — поколенческая. В батыгинской книге представлено поколение «шестидесятников», в «Телескопе», благодаря неукротимой энергии Бориса, зазвучали голоса представителей разных поколений советских, а теперь уже российских социологов. Они пытаются осмыслить не столько зарождение социологии в послесталинское время, сколько свою жизнь, прошедшую под знаком социологии. В итоге появляется возможность проследить судьбы людей, а вместе с ними и коллективную судьбу науки, увидеть ее такой, какой она оказалась в обстоятельствах XX века.

А теперь «в порядке очереди», так говорили в советское время, «Телескоп» дает слово тому, кто разворошил «социологический муравейник», разговорил «молчунов» и приподнял завесу над событиями их личной жизни и профессиональной карьеры как части истории нашей многострадальной науки. Замечу, что настоящее интервью Бориса Докторова во многом дополняет рассказанное им «Социологическому журналу» (см.: **И:** Докторов 2005).

Борис Фирсов

¹ См.: **И:** Докторов 2006; это интервью длилось в течение осени 2005—весны 2006 гг.

Оконтуривание «круга второго»

Борис Фирсов: *Борис, в какой мере твои историко-социологические опыты над нами, твоими респондентами, продолжают рефлексию движения нашей науки в историческом времени, начатую Г. Батыгиным? Историй нашей социологии множество, какую из них ты стремишься воссоздать?*

Борис Докторов: Геннадий Семенович Батыгин гораздо раньше других осознал, что прошлое советской социологии нельзя понять, не обратившись к людям, формировавшим ее основы. Их рассказам о себе и о событиях, в которых они участвовали, он придал статус свидетельских показаний о былом. Его книга (Российская социология шестидесятых 1999) увидела свет в 1999 году, когда я уже жил в Америке. Мы виделись с ним несколько раз после выхода книги, переписывались, но эту его работу не обсуждали. Я не предполагал, что через несколько лет сам займусь этой темой, и уж никак не думал, что Геннадия вскоре не станет.

Сейчас, интервьюируя наших коллег и размышляя над их ответами, я вспоминаю не только книгу Батыгина, но и однодневный семинар, организованный им в марте 1994 года. То была встреча ветеранов социологического движения, мы ездили на нее с тобой, я — «по благу», в качестве наблюдателя. Оставался месяц до моего отъезда в Америку, и мне хотелось увидеть всех классиков нашей социологии. Помню грустный тон тех выступлений. Говорилось о личном, наболевшем, о том, что, по мнению выступавших, должно присутствовать в истории нашей науки. Потому, безусловно, мои интервью и в рациональном, и в эмоциональном отношении — продолжение работы Батыгина.

Б. Ф.: *В чем особенность твоего подхода, по сути, к той же вселенной людей, событий, фактов, обстоятельств?*

Б. Д.: Батыгина, как я понимаю, прежде всего интересовала судьба российской социологии, меня — судьбы российских социологов. Темы близкие, родственные, но все же различные. Соглашусь с твоей идеей двух кругов, но отмечу, что они не концентрические.

Принципиально различны наши методы опроса: у Геннадия это личное интервью, проводившееся либо им, либо его сотрудниками. Мои интервью — это многомесячный обмен вопросами-ответами по электронной почте. Это беседа коллег, давно знающих друг друга. Я и мои респонденты можем уточнять вопросы и ответы на них, возвращаться к старым темам, реагировать на неожиданные повороты в дискуссии. Мои интервью много более пространные, чем интервью Батыгина; все они не менее двух печатных листов; это — интервью-мемуары.

Историческое исследование Батыгина было продолжением опыта его собственных многолетних методологических поисков и размышлений о социологии как науке, а также его практики редактирования «Социологических исследований» и «Социологического журнала». Отправной точкой для моего обращения к истории российской социологии и интервьюированию коллег — это звучит парадоксально — стали изучение биографий первого поколения

американских полстеров и анализ ряда ключевых моментов в истории становления опросов общественного мнения в Америке.

Еще один важный момент: интервью Батыгина, вошедшие в книгу, состоялись в 1990-х годах, мои — на десятилетие позже. За это время в российском обществе возникли новые «стандарты» открытости, доверительности, и, думаю, это проявляется в моих беседах. Наконец, отмечу еще один факт, детерминирующий атмосферу коммуникации: Батыгин находился рядом с большинством своих респондентов: встречался с ними в стенах Института социологии РАН, на заседаниях различных научных советов, редколлегий и т. д. Я уже двенадцать лет живу в Америке, и мои встречи с российскими коллегами носят редкий, эпизодический, для меня — праздничный характер. Все это накладывает отпечаток на форму и содержание моего общения с респондентами.

Б. Ф.: *Повторюсь, историй нашей социологии множество, какую из них ты стремишься воссоздать?*

Б. Д.: Не вижу многих историй, скорее их мало, особенно если говорить об изысканиях, построенных на анализе архивных материалов, документов, перепрочтении советской классики. Пока я не думаю о том, какая из существующих трактовок истории советской социологии мне ближе, этот вопрос актуализируется, когда моя коллекция интервью разрастется и я приступлю к их анализу. Сейчас я многое читаю, но хотелось бы искать, создавать «мою» историю, черты которой просматриваются в имеющихся интервью. Прекрасно понимаю, что эта история может оказаться излишне «субъективной», ведь у меня нет возможности для работы в архивах, для поисков новых документов. Мне еще трудно увидеть границы моей работы в целом, она лишь началась.

Б. Ф.: *Можно ли сказать, что «круг второй» — это перипетии, выпавшие на долю социологов разных поколений во второй половине минувшего века?*

Б. Д.: Это абсолютно точно. Моими героями являются, прежде всего, социологи двух поколений: твое, родившееся на рубеже 1920–1930-х, и мое, родившееся в первой половине 1940-х годов. Первые уже приобрели свое поколенческое имя — «шестидесятники», вторых я пока называю по созвучию «шестидесятилетними». Эти поколения многое роднит, в частности то, что основная часть наших жизней прошла именно во второй половине прошлого века. Очевидно, при изучении жизненного пути ученого личностный подход довлеет над поколенческим, и все же творчество социолога невозможно рассматривать вне судьбы его поколения.

Б. Ф.: *Почему тебя потянуло в лабиринты судеб, биографий, жизненных историй твоих коллег по социологическому оружию?*

Б. Д.: Некую предрасположенность к движению в эту сторону я ощущал, но именно ты и Владимир Александрович Ядов подтолкнули меня к этому в конце 2004 года после публикации статьи о Борисе Грушине. Ты писал: «Так никто еще о нас не писал», а реакция Ядова содержала такие слова: «Я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о

нем, но о многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии». Что мне оставалось после этого делать?

Более того, независимо от ваших реакций, у Михаила Евгеньевича Илле возникла идея создания в «Телескопе» постоянной рубрики по современной истории российской социологии. Он предложил мне вести ее, и такое предложение показалось мне очень заманчивым.

Ты был моим первым респондентом. Закончив оформлять текст нашей беседы (**И:** Фирсов 2005) и отправив его Илле, я сразу же написал Якову Ильичу Гиляинскому и предложил ему «поговорить». В Питере тогда был час ночи, а может быть, и позже, но уже через миг я получил ответ: «Давай». Мы быстро сделали интервью, оно стало вторым материалом в складывавшейся рубрике. Мне хотелось побеседовать с Ядовым, но я боялся, что ему будет трудно писать. Однако я ошибся, он с удовольствием вспоминал и о многом написал. К настоящему моменту опубликованы также пространные интервью с Леонидом Евсеевичем Кесельманом, Еленой Эмильевной Смирновой и Романом Семеновичем Могилевским. «В ящиках моего письменного стола» есть завершенные, почти завершенные и только начатые интервью с известными российскими социологами.

Б. Ф.: *Как ты отбираешь своих респондентов?*

Б. Д.: Вопрос следует сформулировать иначе: «Кого ты опрашиваешь?», ведь дело не только в том, с кем мне хотелось бы поговорить, но и в том, кто откликнется на предложение.

В поиске потенциальных «жертв» я руководствуюсь двумя критериями. Прежде всего, стараюсь обращаться к людям успешным, многие годы работающим в социологии и много сделавшим в своей области. Пока я интервьюировал лишь тех, кого давно знаю, с кем меня связывают давние дружеские связи. Во всех опубликованных интервью я обращаюсь к моим собеседникам на «ты», и это для меня крайне важно. И для читателя это определенный знак доверительности, открытости в общении. В ближайшее время будут завершены интервью с респондентами, с которыми я не настолько хорошо лично знаком, но в любом случае это люди, известные в нашем профессиональном сообществе.

Второй критерий — «технологический», наличие у человека электронной почты и умение ею пользоваться. Конечно, данный критерий лишает меня возможности поговорить с рядом интересных специалистов, но я не могу ориентироваться на проведение личных интервью. К тому же существует ряд преимуществ электронного интервьюирования над традиционным — «под диктофон».

Большинство людей, к которым я обращаюсь, положительно относятся к моей затее. Есть и отказы, их причины, как правило, — загруженность текущей работой или трудности в использовании электронной почты. Отношусь к этому спокойно. Во-первых, к большинству из этих людей я всегда могу обратиться снова. Во-вторых, я не ставлю перед собой задачу сбора большого массива биографий, максимум 20–25. Ведь поговорить с коллегами — лишь часть задуманной работы, предстоит еще проанализировать интервью

и что-то сказать о судьбах российских социологов. В-третьих, я, строго говоря, не могу одновременно вести большое число интервью, один из принципов моей работы — их быстрая публикация. Илле делает почти невозможное: уже более года в каждом выпуске «Телескопа» не менее двух печатных листов предоставлено моей исторической рубрике. Но оказалось, что и этого мало. У меня есть договоренность с «Социологическим журналом» о публикации у них интервью; ищу и другие возможности, например онлайн-публикации.

Б. Ф.: *И в чем научная цель этой кропотливой собирательской работы? Можно ли сказать, что это попытка по-новому заниматься социологией социологии?*

Б. Д.: Не замахиwaюсь на принципиально новое для социологии, все проще и конкретнее. Полагаю, что все историки российской социологии пишут главы одной очень важной и объемной книги о прошлом нашей науки, развивавшейся в моменты «социотрясений», не прекращавшихся в России/СССР на протяжении прошлого века. Если смогу написать хотя бы один параграф этого коллективного фолианта, то буду считать, что не зря работал.

В социологии мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь

Б. Ф.: *Социологами рождаются или ими становятся? Социология — это призвание? профессия? способ мышления? взгляд на мир и общество?*

Б. Д.: Если не социологом (это относительно новая профессия), то социальным мыслителем, обществоведом надо родиться, тогда при благополучном стечении обстоятельств из человека может получиться сильный специалист. Говоря о рождении, я имею в виду раннюю социализацию. Одних с детства интересует механика мироздания, других притягивает к себе механика общества, третьих — механика автомобиля.

Я не готовил себя к исследованию общества. В школьные, студенческие годы не участвовал во «внекухонных», «внезастольных» обсуждениях социальных, общественных проблем. Не помню, чтобы я искал какие-либо книги обществоведческой направленности или с нетерпением ожидал свежую газету, хотя художественную литературу, а позже — специальную читал активно и целеустремленно. Обучаясь в университете свыше восьми лет математике — студенческие годы и аспирантура, — я интересовался разными областями этой науки и разными направлениями применения математической статистики. Много читал по общим проблемам кибернетики, биологии и генетики, меня интересовали некоторые вопросы физики, а также ее истории и философии, начинал знакомиться с основами психологии, но ни обществоведение, ни вопросы текущей политики в стране меня не занимали. Это явно не было моим.

Скажу однозначно: для меня социология — не призвание. Но некоторые направления социологии постепенно стали сферами моей профессиональной деятельности. А сегодня социология, естественно, задает и мой взгляд на мир и общество.

Б. Ф.: *По каким основаниям ты считаешь себя социологом?*

Б. Д.: Сначала отвечу несколько метафорически. Много лет назад Батыгин говорил, что собственно социологические исследования включают лишь разработку методологии этой науки и написание ее истории. Все остальное — применение положений и методов социологии. Исходя из сказанного, я, конечно же, социолог, ибо долгие годы занимался анализом методолого-методических проблем этой науки, а в последнее время — ее историей.

От социологии ждут ответы на вопросы об устройстве и функционировании общества, но, чтобы найти эти ответы, социология должна обладать необходимым познавательным инструментарием и осознавать себя в качестве развивающейся и имеющей перспективу науки. Последнее возможно, если наука обладает прошлым, традициями, а ученые, работающие в ней, знают и ценят сделанное предыдущими поколениями. Мной опубликовано определенное количество работ, в которых анализируется отношение людей к социальным проблемам, но прежде всего круг моих научных интересов на протяжении почти четырех десятилетий включал различные инструментальные, методические проблемы, а в самые последние годы — комплекс историко-наукovedческих вопросов. Думаю, что сказанное позволяет мне самому числить себя по социологическому цеху.

Б. Ф.: *Как уживаются, ладят Докторов-социолог и Докторов-человек?*

Б. Д.: Суть этого вопроса я вижу в том, чтобы попытаться оценить, как во мне соотносится профессиональное и личностное. Если совсем кратко, то с трудом, но пока уживаются. Серьезных конфликтов нет. Если более развернуто, то надо говорить об их взаимовлиянии, о длительном и явно не завершившемся процессе. Я долго, уже работая социологом, считал себя математиком-прикладником, обрабатывавшим социологическую информацию. Но к концу семидесятых начал осознавать себя частью социологического общества. И это чувство, видимо, настолько во мне окрепло, что в Америке, когда все пришлось начинать заново и рассматривался вариант возвращения в математику (например, работа программистом), я постарался снова встать на социологическую тропу. Сейчас я вижу, как мои интервью с российскими коллегами не оставляют меня «холодным», они многое меняют во мне самом.

Б. Ф.: *Ты не любитель «высоких» тем, потому спрошу о более привычных вещах — о природе, специфике твоих интересов к теории, методологии и методам в процессе социологической деятельности. Чему ты отдавал предпочтение, конструируя самого себя как исследователя (теоретика, методолога, эмпирика)?*

Б. Д.: Я сам до конца этого не знаю. В отличие от тебя, Грушина, Здравомыслова, Ядова, большинства моих ровесников и младших по возрасту коллег, я всегда шел от метода, а не от социальной проблемы. Мне повезло в том, что я сотрудничал с людьми, которым верил в профессиональном и гражданском отношении, и мне не надо было ломать себя; надо было просто честно помогать им. Меня долго удивляло то, что с помощью математики и жестких ме-

тодов (опрос) можно получить что-то вменяемое, интерпретируемое о мире социальных отношений.

Все началось с бесед с ленинградским психологом Иосифом Марковичем Палеем, когда вдруг (для меня) обнаружилось, что факторный анализ, то есть некая трансформация корреляционной матрицы, позволяет строить содержательные модели психологических явлений. Тогда я был студентом 3–4-го курса и смотрел на математику как на аксиоматическую науку, выводы которой имели жесткое логическое обоснование. Мне долго не верилось в интерпретируемость математических схем. Происходило это еще и потому, что я не знал истории генезиса факторного анализа, видел в нем лишь итог «механического» перенесения математических методов в психологию личности. Я не задумывался о происхождении базовой идеи корреляционного анализа и рассматривал коэффициент корреляции как некий математический конструкт, обладавший определенными формальными свойствами. Но когда я узнал, что корреляционный и факторный анализ возникли как продолжение дарвиновских воззрений на изменчивость живых организмов, и обнаружил, что создателями этих математических технологий были Гальтон, Пирсон и Спирмэн — люди, решавшие реальные биолого-психологические проблемы, я поверил в интерпретируемость результатов математической обработки эмпирической информации. Этот вывод имел для меня расширительное значение, он не замыкался на методологии факторного анализа.

Затем мне открылась проблематика ложной (*spurious*) корреляции, корни которой восходят (или нисходят?) к опытам Менделя и в разработке которой участвовали классики генетики. Я и сейчас помню огромное интеллектуальное наслаждение, полученное при чтении тех довольно сложных математико-биологических текстов. Тогда же я начал открывать для себя философию и историю математики: ее развитие от понятия числа до абстрактных философских рассуждений о различных геометриях.

Я не очень рефлексировал по поводу того, что скрывалось за цифрами, которые мы получали в зондажах мнений ленинградцев, проводившихся в 1970-х годах, — общественное мнение или иная фракция массового сознания. Мое позитивистское сознание удовлетворялось тем, что в цифрах, которые я приносил в начале моей социологической карьеры Здравомыслову, а позже — тебе, вы находили смысл, повод подумать, увидеть нечто знакомое или новое. Для меня то, что обнаруживалось, было общественным мнением, и я долго не мог понять до конца слов Игоря Семеновича Кона: «Борисы, что вы измеряете? Ведь общественного мнения нет».

Я думаю, все дальнейшее, что мной делалось: попытка разобраться в природе надежности социологического измерения; стремление к обоснованию методологического подхода к трактовке этой проблематики; эксперименты с технологией почтового опроса; поиски типологии социологических вопросов, а затем опросов общественного мнения; наконец, работы по многомерной типологии разных срезов общественного сознания, — было вызвано стремлением найти ответы на вопросы о феноменологии эмпирических методов. Что-то помогло мне сохранить то радостное ощущение, которое я испытал впервые при обнаружении интерпретируемости математических построений.

Б. Ф.: *Каждый социолог в процессе своих поисков открывает нечто для себя и для других. Скажи, пожалуйста, твои открытия уже позади или ты к ним еще движешься?*

Б. Д.: Для себя — точно нет. Историко-научноведческие проекты, которыми я занимаюсь, — американский и российский — еще лишь набирают силу. Иногда я чувствую дикую усталость — тащить все одному безумно тяжело. Однако когда мне открывается что-то новое, усталость отступает, я вновь начинаю «сезон охоты» и через какое-то время вижу предмет своего анализа иначе, глубже и с еще большим числом проблем, чем виделось раньше. Меняется моя оценка сделанного, и меняюсь я сам.

Для других? Пусть другие и скажут. Я смотрю на развитие науки как на процесс, в ходе которого каждый честно работающий человек что-то в нее (науку) привносит. Но что? Это проявляется лишь много позже. В начале 1980-х я сформулировал некую теоретико-эмпирическую конструкцию, названную метрологической картой общественного мнения. Иногда мне кажется, что эта штука пригодится в будущем.

Позже я расскажу о моей «гэллапииде»; полагаю, что она не только для российских ученых, но для всего полстерского сообщества открывает много забытых имен и объемно представляет начало истории опросов общественного мнения. Мне показалось оправданным ввести понятие «постгэллаповские технологии изучения общественного мнения»; вдруг я не ошибся? Думаю, мне удалось найти новый жанр в подаче истории социологии. Его характеристики — сплав научности и занимательности; я не считаю историю науки скучным делом и хотел бы, чтобы ею многие интересовались. Приятно удивлен, но мои тексты, размещенные в Интернете, копируются другими сайтами, иногда с сохранением авторства, иногда — без. Нередко получаю электронные письма от не знакомых мне людей... им интересно читать про тех, о ком я пишу, и нравится, как пишу.

Прыжок в историю

Б. Ф.: *Сначала ты увлекся математикой и психологией, а позже — социологией. Почему остановил свой выбор на последней, какие отношения сохранил с предшесствующими «влюбленностями»?*

Б. Д.: В духе твоего вопроса отвечу: «С любимыми не расставайтесь...», а теперь поясню сказанное.

Если математику понимать как язык для формулировки определенного рода проблем и поиска их решения, то я давно отошел от нее. Тем не менее я не только без дрожи, но с радостью читаю статьи по выборочному анализу, методам типологии и ряду других направлений социологии, пронизанных математикой.

В самом начале 90-х годов я пару лет сотрудничал с International Institute for Social Change, несколько десятилетий наблюдавшим (и продолжающим наблюдать) социокультурные изменения в значительном числе европейских государств и ряде стран других континентов. Важнейшим элементом этого мониторинга является продуктивный метод типологии стран, синтезирующий

в себе факторный анализ и многомерное шкалирование. То обстоятельство, что я понимал мельчайшие детали этого метода, дало мне возможность участвовать в проекте и сделать статью о месте России в социокультурном пространстве Европы (Докторов 1994), на которую было довольно много ссылок. Я не забыл ряда разделов высшей математики и уже здесь, в Америке, думая о смене профессии, сдал достаточно сложный экзамен, включавший вопросы аналитической геометрии, дифференциального и интегрального анализа.

Труднее с отношением к психологии — ведь мой интерес распространился на достаточно узкую предметную область этой науки (в какой мере математические методы позволяют описывать, понимать совокупные свойства личности), и, прекратив контакты с психологами, я фактически «депрофессионализировался». Вместе с тем, перефразируя одну немецкую поговорку, скажу: «Что выучит Гансик, то знает Ганс». Время, затраченное на чтение специальных работ по психологии личности и творчества, не пропало. Значит, то была подготовка к нынешним биографическим исследованиям.

Б. Ф.: *Итак, твои сегодняшние исторические работы — это развитие старых научных интересов в области психологии. А какое отношение к ним имеют твои методические исследования?*

Б. Д.: Мои исследования по истории выборочного опроса возникли не сами по себе, но в процессе поиска аргументов в защиту этого метода изучения общественного мнения. Когда я вернулся из поездки в Россию в январе 2000 года, меня стали расспрашивать о прогнозах предстоящих в том году президентских выборов. Я рассказывал о результатах ВЦИОМа, ФОМа, но мои собеседники, бывшие советские граждане, сомневались в том, что итоги избирательных кампаний возможно прогнозировать по опросам с небольшими выборками. Чтобы усилить свою позицию, я пошел в библиотеку и написал таблицу с прогнозами Джорджа Гэллапа начиная с 1936 года. Затем написал небольшую заметку о его опыте и опубликовал ее в русских газетах Сан-Франциско и Филадельфии. До этого я, естественно, читал некоторые работы Гэллапа, но ничего не знал о нем как об ученом и человеке. В ноябре 2001 года должно было исполниться 100 лет со дня рождения Гэллапа, и поэтому я решил написать биографическую статью о нем. Постепенно собственно историко-методическая работа — анализ становления современной технологии опросов общественного мнения — переросла в историко-научную и биографическую. Меня начало интересовать не только сделанное Гэллапом, но и процесс его творчества.

Изучение творчества Гэллапа заставило меня познакомиться с общими приемами историко-биографических поисков, и через несколько лет приобретенный опыт помог мне начать исследование судеб российских социологов. Биографические исследования носят комплексный характер: в них есть элементы по-настоящему захватывающих исторических поисков, в них присутствуют черты изысканий в области психологии личности, они предъявляют особые требования к языку изложения. Именно поэтому наиболее глубокие и содержательные биографии ученых созданы историками, психологами и литераторами. По ходу дела мне многое пришлось осваивать, но все

же исходным импульсом моих биографических штудий были задачи, касающиеся методики социологических исследований.

Б. Ф.: *Как в этих исторических исследованиях ты проводишь границу между прошлым и настоящим?*

Б. Д.: Если кратко, то эта граница постоянно меняется, и когда я приближаюсь к ней, она каким-то образом извещает меня о себе.

Еще в начале 2005 года я для себя противопоставлял, разделял исследование судеб американских и российских социологов. Отчасти это происходило потому, что в России я занимаюсь моими современниками, лично знакомыми мне людьми, а в Америке фокус исследований сконцентрирован на судьбах тех, чей наиболее активный период творчества протекал в 20–50-е годы прошлого столетия. Ни одного из них я, к сожалению, не знал лично. Однако прошедший год убедил меня в условности жесткого членения времени и пространства при изучении биографий людей, которых, по большому счету, следует считать современниками и коллегами. Хэдли Кэнтрил — один из американских основоположников изучения общественного мнения — был в Москве, где «компетентные товарищи» ему объяснили, что партия и без опросов все знает об интересах и чаяниях народа. Только «железный занавес» не позволил Грушину встретиться с «отцами-основателями», а в твоих воспоминаниях о Гэллапе отмечается, что мэтр был готов к сотрудничеству с советскими аналитиками общественного мнения. Недавно я узнал, что и Геннадий Васильевич Осипов встречался с Гэллапом в 70-х годах.

Помню свои сомнения по поводу названия первой статьи о Гэллапе, шесть лет назад опубликованной в «Телескопе» (Докторов 2000), — «Дж. Гэллап — наш современник», ведь она писалась в связи с приближавшимся столетием со дня рождения ученого; я специально искал аргументы для обоснования подобной трактовки гэллаповского наследия. Не знаю, убедил ли я читателей в оправданности такого видения наследия Гэллапа, но мне оно показалось обоснованным. Во всяком случае, перебирая множество вариантов, я все же использовал это название и для моей первой небольшой брошюры о Гэллапе, вышедшей в Тюмени в 2001 году (Докторов 2001).

Проблема соотношения настоящего и прошлого в историческом исследовании продолжает интересовать меня и сейчас. Во всяком случае, монография об американских пионерах изучения общественного мнения, вышедшая в этом году, открывается параграфом «Историческая книга о современниках» (Докторов 2006а).

Занятия историей выработали у меня новое отношение к времени: все детерминируется пониманием настоящего. Я убежден, что нет «гладкого», «гомогенного», «постоянного» настоящего. Настоящее видится мне как огромное пятно неправильной и постоянно меняющейся конфигурации. У США — непрерывная история, ее не переписывали при смене генеральных секретарей КПСС, и поэтому прошлое в изучении общественного мнения в этой стране нужно начинать издалека. Мой отсчет времени идет с ранней формы американской демократии — «городского собрания Новой Англии». А вот работы

земских статистиков или «Тенишевский проект» (Быт великорусских крестьян-землепашцев 1993) слабо повлияли на развитие советской социологии.

Поэтому для США «городское собрание Новой Англии» — это часть настоящего, а для России опыты земских статистиков — достойное внимания прошлое.

Когда я узнал, что Гэллуп — американец в десятом поколении, я застыл, как гончая, чувствующая близость зайца или лисицы и испытывающая радость предстоящей погони. Для меня настоящее «растянулось» на десять поколений.

Настоящее должно быть «толстым», многогранным, плотным, поэтому при анализе, скажем, событий 1930–1960-х годов я стараюсь вводить в свой рассказ как можно большее число акторов — и тех, кто жил, действовал в то время, и тех, кого уже нет в живых. Тем самым я расширяю, утолщаю настоящее. Раньше мне было сложно обосновать свое понимание «геометрии» настоящего, но постепенно видение прошлого стало более четким, и оно стало основополагающим для меня при написании указанных выше книг по истории опросной технологии.

Б. Ф.: *Одна из проблем биографического анализа — «личность и поколение». Как ты ее прокомментируешь?*

Б. Д.: Очень давно я обстоятельно изучал литературу о научных сетях, это было хобби, любопытство, а вот — пригодилось.

Мне повезло: изучение творчества Гэллупа и процесса становления опросной технологии сразу подвело меня к необходимости изучения обширнейшей коммуникационной сети. Сначала я понял, что раскрытие истории опросных методов невозможно без анализа судеб их создателей, но вскоре стало очевидным, что этого мало. Гэллуп, а также трое других «отцов-основателей» практики регулярного зондирования мнений американцев — Арчибалд Кроссли, Хэдли Кэнтрил и Элмо Роупер — поддерживали друг с другом добрые отношения. По роду своей деятельности каждый из них общался с огромным количеством людей: коллеги по зарождавшемуся сообществу полстеров, университетские ученые, исследователи рынка, политики самого высокого уровня, ведущие журналисты и издатели, представители крупного бизнеса и лидеры рекламной индустрии. Главные герои моей исторической работы были ровесниками, но среди тех, с кем они контактировали, были люди старше их и младше. Однако в широком плане все они принадлежат к одному поколению; вместе они заложили основы технологии изучения общественного мнения и, более широко, определили место этих исследований в политической культуре Америки.

Но и этого оказалось недостаточно для понимания природы коммуникационных сетей и решения одной из моих главных поисковых задач — определения того, как возникла опросная технология. Так, Гэллуп, Кэнтрил и ряд их коллег в своих воззрениях на эмпирические методы и в своем понимании природы психологических процессов использовали теоретические и инструментальные достижения первых поколений американских психологов, многие перенявших у немецких классиков психофизиологии и английских биометри-

ков. Таким образом, именно движение по линиям коммуникационных сетей является одним из наиболее эффективных приемов утолщения настоящего.

Понимание необходимости изучения личности исследователя, его внутри- и межпоколенной коммуникации, возникшее при анализе американской истории, стало важным моментом в разработке программы интервьюирования моих российских коллег. Проведенные «электронные беседы» намечают ряд коммуникационных сетей, характерных для этого сообщества, и позволяют оценить «толщину» настоящего российской социологии. Предварительный анализ материалов опубликованных и завершающихся интервью дает право предполагать, что эти сети — достаточно бедные, а слой настоящего — по историческим меркам — тонкий.

Б. Ф.: *Как ты объяснишь свой крен в сторону истории социологии, не важно, советской или американской?*

Б. Д.: Занятия историей становления опросной технологии позволили мне синтезировать многие аспекты своего многолетнего исследовательского опыта. Давно, когда ты еще только задумывал делать свою книгу по истории советской (Фирсов 2001) социологии и опрашивал экспертов, я писал тебе, что историей прежде всего должны заниматься люди, на собственном опыте познавшие, как формируется социологическое знание. Поскольку я занимался выборкой и методами сбора информации, участвовал в поисках формулировок вопросов, сам подготовил и провел множество зондажей, постольку у меня есть не только «книжные» знания всех тех проблем, которые стояли перед «отцами-основателями» и которые решались ими, то я многое «чувствую пальцами». Знание их биографий и их работ, знакомство (по переписке) с людьми, которые были с ними знакомы, в какой-то момент позволили мне начать «обсуждать» с моими героями многие профессиональные вопросы. Я как бы веду с ними диалог, и потому занятия историей доставляют мне огромную радость.

В 2004 году я читал лекции в Российском университете дружбы народов на курсах для преподавателей, многие были с докторскими и кандидатскими степенями. В одной из лекций я говорил о своем отношении к моим героям и сказал, что, когда предо мной на столе лежат рядом книги давно умерших людей, которые в жизни были друзьями, я чувствую поток тепла от этих книг. Знаешь, тишина возникла в аудитории, ну, видимо, думали, «крыша поехала»... но после лекции ко мне подошла Ульяна Алексеевна Винокурова, профессор социологии из Якутии, выпускница психологического факультета Ленинградского университета. Она сказала мне, что мои наблюдения соответствуют традиционной этике и философии якутов. По ее мнению, души людей, о которых я пишу, предохраняют меня от совсем уж больших ошибок. Действительно, иногда я вынужден что-то писать в гипотетическом плане, но потом нахожу документы, подтверждающие мои гипотезы. Такое было уже несколько раз.

В рецензии на мою книгу «Первопроходцы мира мнений» (Докторов 2005в) Дмитрий Михайлович Рогозин написал, что характер книги (то есть то, как я «раскапываю» прошлое) может стать предметом самостоятельного

наукоедческого рассмотрения и пособием по реконструкции не только логических схем и интерпретаций, но и эмоциональной компоненты научного поиска. Мне приятно, что он обратил внимание на стиль моего подхода к постижению прошлого, хотя я этот стиль не манифестировал.

Б. Ф.: *В историко-биографических исследованиях многое зависит не только от материалов, на которых авторы исторических портретов строят свои выводы, но и от установок этих авторов по отношению к их героям. Опять же, где проходит граница между объективностью и субъективностью?*

Б. Д.: На мой взгляд, при создании биографий — пусть это звучит парадоксально — пристрастность является основой объективности, она предшествует ей. Без пристрастного отношения к своим героям нет внутреннего импульса к поиску, а уважение к тому, о ком пишешь, не позволит идти против фактов. Рационализм — это часть технологии биографического метода.

Деятельность людей, добившихся выдающихся результатов, внесших значительный вклад в культуру человечества, как правило, многогранна, их жизнь редко развивается монотонно. При описании их жизненного пути приходится что-то выбирать и ярко высвечивать, а что-то оставлять в тени; уже поэтому такие повествования субъективны. Субъективны они и потому, что исследователь всегда неравнодушен к своим героям, и не надо скрывать пристрастность, только она способна сделать выводы биографа основательными и справедливыми. Есть «Мой Пушкин» Марины Цветаевой, есть «смуглый отрок» Ахматовой, есть Пушкин Андроникова, Вересаева, Гершензона, Лотмана, Модзалевского, Цявловского, Эйдельмана... и это воспринимается нормально. И я — пристрастен. Я пишу о Гэллапе и других моих героях так, как не напишут другие, в частности — американские авторы. Я излагаю свое понимание истории и поведения, свое видение жизни личности.

Но вообще природа историко-биографических исследований крайне сложна. Я стараюсь осмыслить свою работу, перечитываю книги наиболее близких мне российских «научных портретистов»: Д. С. Данина, А. П. Зубова, Б. Г. Кузнецова, В. П. Манфреда, М. Г. Ярошевского и др., читаю американскую литературу. Надеюсь, придет время, и я смогу для начала сам себе четко ответить на вопросы о методологии биографических поисков.

«Гэллапиада»

Б. Ф.: *Гэллапа ты «зацепил» случайно; но ведь можно было написать статью и переключиться на другую тему. Однако ты погрузился в эту... почему?*

Б. Д.: Пожалуй, тема Гэллапа для меня сейчас самая интересная, я готов о ней говорить когда угодно и сколько угодно... ну, городской сумасшедший... Почему погрузился? Так карты легли, так звезды встали... существовали внешние и внутренние причины. Главная: в нашей семье сложились такие обстоятельства, что я должен был быть постоянно дома, я не мог ни искать работу в других штатах, ни соглашаться на лекции в России. К тому же я не видел предложения, которое могло бы занять меня на несколько лет, но понимал, что размениваться на мелкие, краткосрочные проекты не имею права.

Я не сидел, подперев голову кулаком, и не думал о том, чтобы такое со-творить... но чтение ряда исторических книг, ознакомление с биографиче-скими словарями, «ползание» по Интернету показывало, что, несмотря на известность Гэллапа, ничего серьезного, обстоятельного — в моем понима-нии — о нем написано не было. Мне сразу стало ясно, что Гэллап — слож-ная личность и многогранный ученый, но как личность его не исследовали вообще, а его творчество не рассматривалось целостно. Для одних он был журналистом, для других — исследователем прессы и рекламы, для третьих — отцом изучения общественного мнения.

Кроме того, сам процесс становления выборочной технологии предстает в постепенно открывавшихся мне работах — а их совсем немного — весьма схематично. Он трактуется как механическое перенесение опросной техно-логии, использовавшейся в маркетинговых исследованиях, в область электро-ральных зондажей и проблемных опросов общественного мнения.

Отмечу еще две слабости в существующих описаниях истории и преды-стории опросов. Во-первых, даже при суммировании, обобщении наиболее серьезных исследований в этой области у меня не складывалось целостной картины возникновения опросной технологии, скорее виделся холст с отдель-ными монохроматическими пятнами на нем. Во-вторых, эта картина смотре-лась как интерьерная, на ней было мало фигур, и они выглядели статичными, схематичными. В целом панно не напоминало даже известной репинской кар-тины «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года».

Безусловно, если бы в тот момент я находился в круговерти опросов и постоянно ощущал приближение дня сдачи очередного отчета, то не обра-тил бы внимания на бедность, лоскутность изображения прошлого, но я был свободен от подобной текучки.

Б. Ф.: *Чем ты объяснишь недостаток внимания американских специали-стов к обсуждаемой нами сейчас теме?*

Б. Д.: Главная причина — объективная, это «врожденная дальнзор-кость» истории как науки. Я не имею в виду именно американских специа-листов. Художнику, пишущему большое полотно, нужно отходить от моль-берта, чтобы воспринять картину целиком, историку необходима временная дистанция, чтобы увидеть интересующий его процесс в своего рода успоко-ившемся, хотя бы слегка «остывшем» состоянии. Регулярные опросы обще-ственного мнения в Америке начались в середине 1930-х годов, то есть по мер-кам истории совсем недавно. Кэнтрил умер в 1969 году, Роупер — в 1971-м, Гэллап — в 1984-м и Кроссли — в 1985 году; и хотя сделанное ими высоко оценивалось уже в 1950–1960-х годах, скорее всего, «нормальный» историк еще несколько лет назад чувствовал бы некоторую скованность при анализе наследия этих ученых. Приведу примеры, на мой взгляд, отчетливо иллю-стрирующие сказанное.

До того как Гэллап, Кроссли и Роупер приступили к электоральным опросам, а это было в 1936 году, в штабе Демократической партии работал Эмиль Хурья (Докторов 2005г), который был старше их лет на десять; сво-ими исследованиями мнений избирателей он помог демократам победить на

выборах 1930 года и Франклину Рузвельту — стать президентом в 1932 году. Хурью называли «секретным оружием» демократов и вашингтонским оракулом; он внес заметный вклад в изучение истории и методологии «соломенных опросов»² и консультировал Гэллапа по вопросам выборочного анализа. Однако к концу XX века имя Хурьи фактически оказалось забытым, и лишь вышедшая в 2002 году книга историка политики профессора Мелвина Холли «переместила» Хурью из прошлого в настоящее.

В истории американской рекламы есть две легендарные фигуры: Альберт Ласкер (Докторов 2005д) и Брюс Бартон (Докторов, Мазлумянова 2006); своей деятельностью они не только наметили магистральные направления развития этой индустрии и помогли выявить особенности движения американского потребительского рынка, но и активно формировали современный образ жизни населения страны. Однако до самого последнего времени лишь немногие историки рекламы и политологи знали, что два этих рекламиста заложили основы политического пиара и практику взаимодействия американского политического истеблишмента с электоратом, более широко — общественным мнением населения. Причем делали это, отталкиваясь от своего понимания механизмов влияния рекламы на сознание людей и базируясь на своих представлениях, социологических по сути, о поведении населения в потоках массовой информации. Тогда это были пресса и начинавшее свою жизнь радио.

По итогам выборов 1920 года республиканский кандидат Уоррен Хардинг стал президентом страны и Кальвин Кулидж — вице-президентом. Избирательную кампанию первого разрабатывал Ласкер, второго — Бартон. Через четыре года Бартон помог выиграть президентскую кампанию Кулиджу, а еще четырьмя годами позже — Герберту Гуверу. Но лишь в этом тысячелетии вышли первые книги, в которых целенаправленно анализируется деятельность Ласкера и Бартона в качестве политических консультантов.

Кажется, я вовремя оказался в правильном месте: сейчас происходит научное освоение тематики, непосредственно включающей вопросы изучения политических установок американцев и проникновения информации о мнениях разных групп населения во властные структуры и общественное сознание. Несомненно, работы в архивах республиканцев и демократов откроют очень многое в предыстории исследований общественного мнения.

Б. Ф.: *Итак, дальнзоркость истории, что еще?*

Б. Д.: Отмечу стремление к излишнему дроблению науки, следствием которого оказывается узость представлений исследователей о предмете разрабатываемого ими научного направления. Во-первых, дают традиции. Во-вторых, специалист часто судит о границах научного направления, в котором он работает, исходя из своих непосредственных наблюдений. Он «забывает» о том, что, возможно, всего несколько десятилетий назад его области деятельности вообще не существовало. В-третьих, есть множество стереотипов, осложня-

² «Соломенные опросы» — простейшие, не научные опросы, использовавшиеся в Америке с 1820-х до середины 1930-х годов.

ющих историко-научно-исследовательские разработки, в частности, тяжело анализировать то, что в равной степени относится к прошлому ряда наук. Так, в блестящем культурологическом исследовании Стивена Фокса об американской рекламе и ее создателях политическая реклама Ласкера и Бартоня лишь упоминается, что вполне естественно для всего замысла книги. Или Дэвид Мур, известный полстер и автор одной из наиболее обстоятельных работ о становлении опросов общественного мнения, лишь обозначает тот факт, что Гэллалом, Кроссли и Роупером было многое сделано в области изучения рынка.

Я не принадлежу ни к одной из американских школ историко-методологических исследований и поэтому свободен от существующих в них традиций; я не вижу межпредметных границ. На мой взгляд, подлинный прорыв в понимании социальных и инструментальных составляющих прошлого в изучении общественного мнения произойдет тогда, когда им займутся профессиональные историки и ученые и будут вести свои разработки в междисциплинарной парадигматике.

Б. Ф.: *Итак, ты вошел в эту воду... каким стилем ты поплыл?*

Б. Д.: Главное, не было страха воды... В начале 1970-х, когда я еще работал в Ленинградской высшей партийной школе, меня заинтересовало творчество Карла Пирсона, философа, математика и биометрика. Я многое прочитал о нем, получил микрофильмы его работ и продумывал план статьи на эту тему. Однако реализовать мою затею так и не пришлось. Собираясь в Америку, я выбросил несколько толстых папок конспектов и большую коробку микрофильмов, но некий опыт сбора и анализа историко-биографического материала у меня сохранился.

Хорошо, что я не представлял, в какую объемную и сложную тему я входил, иначе, может быть, и не рискнул бы ею заняться. Я понимал, что возникнут трудности информационного характера, — ведь нельзя серьезно работать над биографией кого-либо, ориентируясь лишь на опубликованное. Но опыт научной работы подсказывал, что поиск новых фактов о Гэллале (тогда я думал только о нем) и о развитии опросной технологии — это лишь часть дела; ощущалась необходимость синтетической методологии изучения творчества ученого и предмета, который он развивал. Мне были знакомы работы российских социологов о творчестве П. Сорокина, М. Ковалевского, М. Вебера, П. Лазарсфельда, Г. Зиммеля, но в них не было того, что было нужно мне. Эти работы сфокусированы на изучении творчества социологов-теоретиков и на анализе трансформации одних социальных идей в другие. Я изучаю научную, аналитическую деятельность иного рода. Гэллал и другие мои герои в первую очередь интересовались не углублением социальных теорий, а поиском эмпирических методов изучения социума. Это была не среда академической, университетской науки, а мир прикладных исследований, близкий к бизнесу и политике.

Помощь пришла из далекого, казалось, быльем поросшего, прошлого. Мне припомнился краткий разговор с выдающимся советским психологом Борисом Герасимовичем Ананьевым по поводу моей кандидатской диссертации. Более трех десятилетий назад он рекомендовал мне трактовать

факторный анализ как результат миграции научных методов. Вряд ли я в то время мог серьезно понять, что Ананьев имел в виду, но все же на завершающей фазе работы над текстом попытался описать многомерный факторный анализ как синтез решения проблем, возникавших в биологии, психологии и математической статистике, и показать, что этот метод есть итог творчества специалистов разных научных направлений. Читая первые материалы о Гэллапе, я увидел, что технология проведения опросов общественного мнения отражает опыт первоклассных ученых, работавших в разных направлениях науки, и понял, что пришло время воспользоваться советом Ананьева.

Второе: оказалось, что эйнштейновские критерии «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», которые я учитывал в своих метрологических построениях, полезны и при изучении импульсов, пружин развития технологии изучения общественного мнения. Первый из этих критериев подчеркивает целостность, внутреннюю обоснованность теории, второй — указывает на то, что теория должна согласовываться с опытом. Моему знакомству с этими критериями и пониманию их ценности я, прежде всего, обязан неформальным беседам с известным историком науки Борисом Григорьевичем Кузнецовым, автором книг об Эйнштейне, Ньюtone, Галилее, Бруно и о становлении современной научной картины мира. С тех пор прошло двадцать лет, но я помню дух и содержание этих бесед.

Сформулировав для себя общие принципы историко-наукovedческих поисков, я начал активно «копать» в разных направлениях. Одновременно приходилось осваивать в буквальном смысле азы истории и культуры Америки.

Б. Ф.: *Не пришло ли время подвести хотя бы первые итоги работы над «гэллапиадой»?*

Б. Д.: В течение пятилетки, в значительной степени отданной историческому и методологическому анализу зарождения и развития опросной технологии изучения общественного мнения, мне удалось продвинуться в понимании этой темы. Я дошел до самых истоков этого процесса — возникновения американского института демократии и президентских выборов. Рассмотрел более чем столетнюю историю «соломенных опросов», выявил корни опросных методов и узнал, как и кем они были перенесены в маркетинговые исследования. Установил связь возникновения опросов общественного мнения с развитием американской журналистики и детально «прозвонил» многие участки истории современных гэллаповских методов измерения установок. В самое последнее время прошлое заставило меня заглянуть и в будущее; так возникла идея движения от гэллаповских технологий к тому, что я называю постгэллаповскими.

Я начал с изучения работ Гэллапа, чтения многочисленных интервью с ним, и мне удалось найти очертания весьма обширной коммуникационной сети, в которой он был одной из центральных фигур. В процессе работы оказалось возможным нарисовать портреты не только отцов-основателей практики регулярного изучения общественного мнения, но и большого числа менее известных участников этого значимого для культуры XX века политического и научного феномена.

Итоги проведенных исследований представлены в десятках статей, опубликованных мной в «Телескопе», ряде московских научных журналов и в прессе, а также в двух книгах (Докторов 2005в, 2006а).

Мне всегда везло на встречи с интересными людьми

Б. Ф.: *В виртуальном «Театре драмы и социологии» ты играешь главную роль в пьесе «Жизнь Бориса Доктора». Вообрази себя среди участников твоей социологической «драмы»: «начальников», «учителей», «коллег», «учеников», «оппонентов»... Что можно сказать о людях каждого из названных амплуа применительно к твоей жизни в социологии? Кто на тебя оказал наибольшее влияние, кем ты дорожишь и по сей день, сверяя по нему время и путь?*

Б. Д.: Спасибо, вопрос очень нужный. Замечу лишь, что названный тобой «Театр драмы и социологии» не виртуальный, а самый что ни на есть реальный. Мне везло на встречи с интересными людьми, и именно через такие встречи мне проще всего рассказать о своей жизни.

Мы с сестрой родились в Ленинграде за две недели до начала войны. В конце сентября мама отправилась с нами в эвакуацию, в Новосибирск. Вернулись мы ровно в День Победы. Мой отец, Докторов Зусман Львович, окончил в Ленинграде Академию художеств, был художником и редактором книг по искусству. Он умер в 1949 году. Мать, Пушкинская Александра Сауловна, имела искусствоведческое и библиотечное образование и многие годы работала сначала в библиотеке Академии художеств, а позже — в Театральной библиотеке. Как и многие семьи после войны, жили мы очень скромно.

Мама привила мне вкус к чтению достойной литературы, к серьезному изобразительному искусству и к драматическому театру. Я много читал в школьные годы и видел ряд лучших для того времени спектаклей. В будущем мне это очень помогло, но не в плане выбора профессии; я вообще не помню, чтобы я обсуждал с мамой эту тему.

Учился я всегда хорошо, ровно и лишь в старших классах начал отдавать предпочтение математике. И хотя мало что о ней знал, после окончания школы, это был 1959 год, я решил получить математическое образование. Вполне возможно, что моя профессиональная жизнь сложилась бы иначе, чем это произошло в действительности; многое определил случай.

Ряд лет мама сдавала меньшую из наших двух небольших комнат в коммуналке двум студенткам. Летом, в тот год, когда я оканчивал школу и уже думал о поступлении в университет, к одной из них приехал из Москвы ее будущий муж, выпускник МГУ, физик-ядерщик. Было жарко, и мы с ним поехали купаться на Ржевку, тогда это был пригород Ленинграда. Трамваем добирались долго, возможно около часа в одну сторону... По дороге этот молодой физик рассказал мне о двух книгах. Первая из них — «Что такое жизнь с точки зрения физики», написанная Эрвином Шредингером, выдающимся физиком XX века. Вторая — «Эварист Галуа. Избранник богов», ее автор — физик Леопольд Инфельд, работавший с Эйнштейном. Поступив на математико-механический факультет ЛГУ, я отыскал в библиотеке эти книги и в течение ряда лет многократно их перечитывал.

Книга Шредингера, физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. И еще — она познакомила меня с позитивизмом; это была вообще моя первая встреча с философией. Вторая книга — о гениальном математике Галуа, погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Возможно, эта книга стимулировала мой интерес к изучению творчества ученых, к истории науки. Хотя к тому времени я прочел много книг из серии «Жизнь замечательных людей».

Б. Ф.: Тебе было интересно учиться, у вас были сильные преподаватели?

Б. Д.: Да, с первого дня и до последнего. Матмех с его суперспециалистами научил меня работать и привил основы этики «производственных» отношений. Тогда там царил дух взаимоуважения преподавателей и студентов. Я вышел с факультета без боязни общения со старшими, без трепета, часто сопровождающего отношения «студент — профессор».

Мне посчастливилось учиться в высокоинтеллектуальной среде. Базовые предметы нам читали авторы классических учебников, специалисты, имена которых навсегда закреплены за доказанными ими теоремами и предложенными методами. В таких условиях студенты быстро растут, легко осваивают не только сложные схемы доказательств и приемы решения различных проблем, но и логику, культуру мышления.

Один из основных курсов нам читал выдающийся алгебраист Дмитрий Константинович Фадеев, курс геометрии — тогдашний ректор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР Александр Данилович Александров, гидроаэростехнику — профессор Сергей Васильевич Валандер, математическую статистику — академик Юрий Владимирович Линник. В историю теоретической механики нас вводил профессор Николай Николаевич Поляхов — декан матмеха и специалист по теории летательных аппаратов. Это были не только ведущие в стране специалисты в своих разделах математики, но и ученые с широким кругозором и высокими этическими стандартами.

Меня привлекал прикладной аспект науки. Исходно я был зачислен в группу математиков, но на втором или третьем курсе выбрал в качестве специализации теоретическую механику; мне казалось, что это поможет мне заниматься кибернетикой, идеи которой меня интересовали. Скорее всего, именно поэтому я тогда же прослушал на философском факультете введение в психологию человека и что-то на тему «человек — машина»; эти предметы вел Лев Маркович Веккер, которого считают сейчас выдающимся советским психологом.

Скорее всего, на третьем курсе я написал заметку для стенгазеты по кибернетическим мотивам статей тогда опального психофизиолога Н. А. Бернштейна. Она заинтересовала недавнего выпускника факультета Олега Михайловича Калинина, пригласившего меня побеседовать. Оглядываясь в прошлое, могу сказать, что Калинин, высококлассный математик, пассионарная личность с высокими нравственными принципами, антидарвинист и философ, бесконечно далекий от марксизма, оказал на меня очень сильное

влияние. Формально мы никак не были связаны, и поскольку я специализировался в теоретической механике, то даже курсовые работы не писал у него. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединилось еще несколько человек, и постепенно возник Биометрический семинар, находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались тогда, когда хотели, и обсуждали наши проблемы до ночи. Так формировался круг моих интересов — математические методы в биологии.

Наверное, в 1963 году на семинар пришел молодой, но уже опытный психолог, доцент Палей; его внимание привлек новый в то время для советских психологов математический метод — факторный анализ. Зная о моем интересе к психологии, Калинин предложил мне помочь Палею. От биометрики я «соскользнул» в психологию; движение в этом направлении вскоре привело меня в социологию.

В декабре 1964 года я окончил университет и поступил в аспирантуру. В моей жизни мало что изменилось, я продолжал заниматься математической статистикой с уклоном в биологию, медицину и психологию. Отдельные встречи с Палеем переросли в регулярные обсуждения проблем психологии личности и специфики измерения в психологии. Он объяснял мне логику и технологию психологических экспериментов, я обрабатывал измерения статистическими методами, затем мы обсуждали полученное и двигались дальше.

Б. Ф.: *Да, видно, что ты не готовил себя к тому, чтобы стать социологом, но все-таки стал им. Опять случай?*

Б. Д.: В июне 1967 года, за шесть месяцев до окончания аспирантуры, состоялось распределение. Я смотрел на это как на рутинное мероприятие, но оно оказалось определяющим в моей жизни. Мне единственному была предложена работа вне Ленинграда, в Архангельске — притом, что всем, даже при ездим, нашлось место в ленинградских НИИ и учебных институтах. Распределение я не подписал.

Начал искать работу. Позиции были, но меня просили принести документ, который я по определению принести не мог: освобождение от распределения. Завершился 1967 год, и я уже подумывал о работе в Архангельске. Но в один прекрасный день, в начале февраля 1968 года, я случайно встретил Галину Иосифовну Саганенко; теперь она известный социолог, доктор наук и профессор, а тогда — недавняя выпускница матмеха, работавшая в команде Ядова. Она сказала, что есть такой социолог — Андрей Григорьевич Здравомыслов, ему нужна консультация по обработке какой-то информации. И дала мне его домашний телефон.

Не имея никакого представления о том, где работал Здравомыслов и что такое социология, я позвонил ему, и он назначил мне встречу на каком-то совещании в Большом зале главного здания университета. Наше знакомство состоялось, и после пары минут разговора он попросил меня прийти в Таврический дворец. Не уверен, знал ли я тогда, что в этом здании размещалось. Я пришел, и человек в военной форме дал мне пропуск и объяснил, как пройти на кафедру марксистско-ленинской философии.

Буквально через три-четыре дня я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы (ВППШ) при обкоме КПСС. В это трудно поверить: еврей, беспартийный, без обществоведческого образования был принят на работу в закрытое идеологическое учебное заведение. Я и сейчас испытываю благодарность к Здравомыслову за сделанное им почти сорок лет назад и рад тому, что у нас сохраняются дружеские связи. Так я «приземлился» в социологии, даже не представляя, что это за поляна. Это было 12 февраля 1968 года.

С людьми, которых я встретил в ВППШ, меня связывали долгие годы совместной работы и хорошие человеческие отношения. Особо отмечу Ларису Петровну Абрамову и профессора Юрия Яковлевича Баскина, советы которого не раз служили мне той самой «соломкой», которую надо подстелить, чтобы не очень ушибиться. Через пять лет я ушел из штата ВППШ, но продолжал там преподавать. В первые годы перестройки, уже будучи доктором наук, я читал там несколько социологических курсов. В начале 1970-х в ВППШ я вступил в КПСС, а в 1991 году, имея большой стаж (почти два десятилетия) преподавательской работы, получил звание профессора прикладной социологии и социальной психологии.

Б. Ф.: *От математики ты сразу «нырнул» в социологию, но кандидатскую защитил по психологии...*

Б. Д.: Первый год моей работы прошел в освоении азов социологии и философии. Прослушал вводный курс Здравомыслова и читал все, что можно было найти по этому предмету. Одновременно с участием в социологических проектах я сначала вел занятия по математике, а через два или три года мне было доверено проводить семинары по философии.

Хотя факторный анализ не был темой моей аспирантской работы, в силу ряда причин осенью 1969 года у меня возникло решение оформить в виде диссертации по психологии все то, что было мной сделано в области методологии и применения этого метода. Трудности были: не с кем консультироваться по вопросам факторного анализа; я никогда не читал диссертаций, даже не представлял их структуры. К тому же мне пришлось учиться писать обычные, «гуманитарные», тексты — раньше я писал лишь короткие, заполненные формулами.

В начале января 1970 года проводилась Всесоюзная перепись населения и меня командировали работать переписчиком, кажется, месяца на полтора. Появилось время писать. Весной у меня состоялся разговор с Палеем; я просил его быть моим титульным руководителем, но он отказался. Палей значительно лучше меня понимал, что, поскольку факторный анализ был большой новинкой, а на кандидатскую степень претендовал человек без базового образования, требовалась более мощная поддержка, чем он мог оказать.

Мне поверил Ананьев, знавший меня со слов Палея и по небольшим выступлениям на его семинаре. Кроме того, в 1966 году он рекомендовал мою статью по истории применения факторного анализа в СССР (получается, что я начал интересоваться историей методов сорок лет назад) для публикации в журнале «Вопросы психологии» и напечатал одну из моих работ в выходявшем под его редакцией издании «Человек и общество». За несколько минут

Ананьев пролистал текст, сказал, что надо добавить, и согласился быть титульным руководителем. В течение лета я все завершил и в начале осени снова пришел к Ананьеву. Он посмотрел текст и предложил выходить на защиту. Защита состоялась в конце декабря 1970 года, и через три месяца у меня был диплом кандидата психологических наук. Работа называлась «Факторный анализ в психофизиологическом исследовании человека».

Б. Ф.: *И потекли твои годы в социологии...*

Б. Д.: ...О которых, думаю, ты мог бы все рассказать сам, ибо это было время нашей совместной работы. Когда мы начинали, мне слегка перевалило за тридцать, а ты подходил к своему сорокапятилетию и твой жизненный опыт был несоизмеримо богаче моего. Ряд первых лет формально я не был твоим «подчиненным», ты работал в Институте социологии АН СССР, я — в ВПШ. Ведь все началось с того, что меня выделили в помощь тебе для создания в Ленинграде системы оперативного изучения общественного мнения. Уверен: если бы мы сразу не сработались, никакая партийная дисциплина не могла бы принудить нас к сотрудничеству, тем более — заставить так выкладываться. В значительной мере это произошло потому, что ты никогда не подчеркивал своего «начальственного» статуса, за что я тебе бесконечно благодарен. А так как с 1 сентября 1973 года, когда я перешел из ВПШ в Институт социологии, и до моего отъезда мы фактически все время работали вместе, я могу сказать, частично отвечая на твой вышезаданный вопрос, что у меня никогда не было «начальников» в общепринятом смысле этого слова.

В ИСЭП АН СССР в лучшие времена Ядов был нашим коллегой, признаваемым и уважаемым руководителем направления, но я никогда не воспринимал его как начальника. А после вынужденного ухода Ядова были временщики, которые вели себя как начальники, но все это было грустно и смешно и никакого отношения к делу не имело.

Несомненно, мое становление как социолога в значительной мере связано с работой в группе «Социология и театр» — переключка с «театральной формулировкой» твоего вопроса, — начавшейся осенью 1974 года и завершившейся в конце 1980-х. Мне нравилась и артельная форма организации нашей работы, и люди, с которыми я сотрудничал, и, естественно, тематика исследований. Когда я вошел в группу, там уже несколько месяцев работали театровед Виталий Николаевич Дмитриевский и социологи Андрей Николаевич Алексеев и Олег Борисович Божков. Позже к нам присоединились Леонид Кесельман и очень сильная группа театроведов и театральных критиков: Анатолий Яковлевич Альтшуллер, Юрий Михайлович Барбой и Борис Николаевич Кудрявцев. Поначалу ты был нашим главным консультантом, потом — руководителем, но опять же не начальником. В ВПШ и в первые годы нашей работы по изучению общественного мнения я в основном отвечал за организацию сбора информации и ее обработку. Здесь я впервые участвовал в очень широком и неформальном обсуждении проблем театра и социологическом изучении многих аспектов театральной жизни.

Работа в группе «Социология и театр» оказалась для меня принципиальной еще в одном отношении. Я начал публиковаться в 1967 году, это были

результаты моего дипломного проекта, и в аспирантские годы подготовил ряд статей. За время работы в ВПШ я опубликовал всего одну небольшую статью со Здравомысловым и — смешно сейчас говорить — брошюру по вычислению процентов для чисел от 1 до 100. Трудно поверить, но 30 лет назад это было необходимо. Результаты наших опросов общественного мнения мы вообще не имели права оглашать, а вот наблюдения за театральной жизнью — можно было. Участниками группы было многое опубликовано, и я тоже активно использовал эту возможность; обсуждал методические вопросы, «прикрывшись» театральной тематикой. Во всяком случае, в автореферате докторской диссертации по проблемам обеспечения надежности исследований общественного мнения приведено много статей театральной направленности.

Б. Ф.: *Напомни, в каком году ты защитился...*

Б. Д.: Защитился — в апреле 1985 года, через одну-две недели после прихода к власти М. Горбачёва, но путь к защите был долгим. В начале 1980-х наш партийный куратор Борис Константинович Алексеев, думаю, много сделавший для становления опросов общественного мнения в Ленинграде, разрешил мне использовать мои же методические разработки в задумывавшемся докторском исследовании. Он «поднял шлагбаум»... Потом был отпуск для подготовки диссертации, потом обсуждение, в котором мне набросали много замечаний, затем полная переделка структуры и текста. Наконец, почти годовая борьба с дирекцией ИСЭПа и руководством отдела за право уточнить название диссертационного исследования, по сути — переставить пару слов. Все это было в 1983–1984 годах, когда происходил разгром ленинградской социологии, когда Ядова и тебя выставили из института и я с небольшой группой сотрудников работал в секторе социалистического соревнования.

Здесь уместно вспомнить, что в те годы началась, а затем успешно и радостно продолжалась моя работа с Ольгой Николаевной Бурмыкиной, Аллой Владимировной Корниенко, Наталией Александровной Нечаевой и Вячеславом Владимировичем Сафроновым. Я всегда с большим теплом вспоминаю этих людей и благодарен им, прежде всего, за понимание и помощь. Именно с ними я расширил свой социологический опыт, перешел от исследований методолого-методических к содержательным. Речь идет о нашем быстром вхождении в изучение отношения людей к лишь начинавшим складываться в стране новым формам экономики.

Вообще вторая половина 1980-х была для меня весьма плодотворной и интересной: исследования по академической тематике, работа с Б. А. Грушиным, Т. И. Заславской, Ю. А. Левадой во ВЦИОМе, участие в различных научных форумах в стране и за рубежом, преподавание и активная общественная деятельность на посту одного из руководителей Ленинградской социологической ассоциации. Было много планов, я набирал скорость движения по избранному профессиональному направлению, но мне пришлось резко ее сбросить. До нуля...

Б. Ф.: *Я понимаю, речь идет об отъезде в Америку. Но ты не сказал об «оппонентах», а ведь ни одна драма не обходится без злодеев, «бармалеев», неужели их не было?*

Б. Д.: Конфликты были, но людей, которых мне приятно вспоминать, несоизмеримо больше, чем тех, которые, а у меня есть основания это утверждать, стремились нанести мне вред. Все происходило в Институте социально-экономических проблем АН СССР в начале 1980-х. Это те же завистливые и близорукие в научном отношении люди, которые вынудили уйти из института Ядова и тебя. Их имена я не стер из памяти, и если придется писать о ленинградской социологии конца прошлого века, назову их. При этом полагаю, что меня не особо зажимали в силу одной простой причины: я занимал очень невысокую позицию в административной структуре института и не рвался наверх.

И один в поле воин

Б. Ф.: Много раньше тебя в Америку эмигрировали Владимир Шляпентох, Дмитрий Шалин и Эдуард Беляев. Все вы живете в одной стране, но ваши американские судьбы различны. Они вошли в университетскую среду США, у тебя — другая траектория жизни.

Б. Д.: Да, это так, но мы нашли друг друга. В первые годы моей американской жизни Владимир Шляпентох привлек меня к редактированию книги по российской элите (*The new elite in post-communist Eastern Europe* 1999), сейчас мне доставляет удовольствие научное сотрудничество с Дмитрием Шалиным. На сайте созданного им Центра демократической культуры (*Center for Democratic Culture*; http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/international_programs.html) он выделил страницу под проект по истории российской социологии, и мы вместе его разрабатываем (Международная биографическая инициатива). Получилось своеобразное американское расширение ленинградской социологической школы. Теперь материалы, в основном знакомые читателям «Телескопа», «Социологического журнала» и «Журнала социологии и социальной антропологии», будут иметь более широкую, в том числе международную, аудиторию.

Б. Ф.: *О чем бы ни шла речь: о предмете изучения, о контактах с Россией, о способах жизни в науке и т. д., — в твоей судьбе много интересного, хотя мало кому дано найти в себе столько сил и энергии для сохранения научной формы в обстоятельствах, аналогичных твоим...*

Б. Д.: ...Приехали мы — Люся (моя жена), ее мама и я — в Америку в конце апреля 1994 года. Главная причина — за два года до нас туда уехал Саша, наш единственный сын. Скажу так: мы не уезжали из страны, мы ехали к Сане. Мне хотелось жить близко от него, и я не допускал, что типично для Америки, поиска работы в других штатах.

К моменту нашего приезда он и его жена уже работали и потихоньку входили в американскую жизнь. Это — прекрасно, но, с другой стороны, они были очень заняты, и нам пришлось все осваивать самим. Когда я приехал в Америку, мне было 53 года: не юноша, но для американской пенсии — слишком молод; я и сейчас до нее еще не дорос. Мы узнали все прелести начала эмигрантской жизни: полное непонимание окружающего мира, безденежье,

фуд-стемпы (квазиденьги для покупки продуктов), отсутствие работы и ее поиски. В какой-то момент я работал там, где белого физически и психически здорового американца практически не увидишь.

В Силиконовой (или Кремниевой) долине, в северной части которой мы живем, многие русские занимаются программированием или тестированием программ. Я тоже мог бы, но мне не хотелось перечеркивать все прошлое, я подумывал заняться маркетинговыми исследованиями и поэтому поступил в колледж. Люсе предложили быть бэби-ситтером. Мы начали как-то ориентироваться в окружающем мире.

Я обнаружил хорошую программу для студентов колледжей, специализировавшихся в организации бизнеса, получил ее и выполнил все предписания. Специальная служба начала помогать мне в поиске работы; я согласился на любую, лишь бы сразу (обычно надо ждать полгода) предоставили медицинскую страховку Люсе и мне. Вскоре я приступил к работе секьюрити в трех минутах ходьбы от дома; сначала по ночам, потом — приобретая опыт — по субботам и воскресеньям. Многие не любят работать в эти дни, но мне, наоборот, они нравились: спокойнее, чем в будни, и можно готовиться к занятиям.

В колледже я потихоньку включился в науку; американская образовательная система стимулирует индивидуальную работу. Обосновав важность темы, я сделал пару проектов по тогда только зарождавшемуся российскому Интернету и, изучая курс инвестирования, увлекся методологией mutual funds (паевые инвестиционные фонды, или ПИФы), о которых в России, естественно, ничего не слышал.

Вскоре мне попала на глаза книга по истории американских ПИФов, из которой я узнал, что лучшим американским менеджером в этой области считается сэр Джон Темплтон³. Я мог бы проскочить мимо этого нового для меня имени, но штаб-квартира глобальной инвестиционной компании «Франклин — Темплтон» расположена в 15 минутах ходьбы от моего дома, и поэтому я знал фамилию Темплтон. Кроме того, в этой фирме тогда работала моя невестка.

Многое из сделанного сэром Джоном было следствием его исторического оптимизма. Он предвидел послевоенный рост японской экономики, и когда акции японских предприятий ничего не стоили, стал покупать их. Последующий промышленный бум в этой стране принес ему и тысячам вкладчиков его ПИФов огромные доходы. В 1997 году он издал 500-страничную книгу «Всеобщие законы жизни» («Worldwide Laws of Life»), в которой изложил принципы своей философии оптимизма. Я прочел книгу и, как это ни покажется странным, поверил тому, что в ней было написано. Видимо, тогда ничего другого мне не оставалось. В начале ноября 1997 года я отправил в благотворительную организацию «The Templeton Foundation» письмо с предложением разработать цикл лекций по теме «Уроки оптимизма для России».

Переписка текла вяло, но в августе 1998 года мне сообщили о том, что мое письмо переслано консультанту Фонда по российским программам док-

³ Джон Темплтон (John Templeton, 1912–2008) признается специалистами одним из крупнейших современных финансистов и выдающимся филантропом.

тору Деклану Мерфи. Мы начали активно строить планы, но ничего из задуманного реализовать не удалось. Кончилось тем, что в начале 1999 года Деклан, к тому времени я уже подружился с ним и его женой (позже они приезжали в Петербург и были у тебя в Европейском университете), пригласил меня на организованную им при поддержке Фонда Темплтона конференцию в Вашингтоне. Там я увидел сэра Джона и впервые после отъезда услышал серию серьезных сообщений о событиях, происходивших в России. До этой конференции я думал, что моя социологическая карьера завершилась, ведь пять лет я не занимался наукой. Но в Вашингтоне понял, что еще не все потепло. Я вернулся домой с некоторым зарядом оптимизма.

Б. Ф.: *И этот оптимизм помог?*

Б. Д.: Да, надо верить в то, что делаешь.

Я уезжал из России, имея с собой лишь один электронный адрес — Кесельмана; во второй половине 1998 года он начал меня возвращать в наш профессиональный цех. Летом 1999 года я закончил колледж, взял отпуск и поехал в Россию. Поездка была связана с участием в одном из первых в стране семинаров по изучению социальных проблем Интернета, организованном Могилевским. Мои выступления были развитием того, что я делал в колледже. Позже я опубликовал ряд статей по тематике Интернета, но затем включился в другую работу, продолжавшуюся почти два года.

Александром Анатольевичем Ослоном, Еленой Серафимовной Петренко и мной был проанализирован огромный массив данных, собранных ФОМом за десять лет и отражавших отношение населения России к важнейшим событиям эпохи Ельцина; эта работа завершилась книгой (Докторов и др. 2002).

Наши московские встречи и постоянная переписка давали множество поводов задуматься не только о российской современности, но и об американском прошлом, которым я стал потихоньку заниматься на рубеже веков. Кстати, первый опыт изучения истории современной российской социологии и интервьюирования моих коллег был приобретен именно при написании этой книги. В нее вошли краткий очерк о возникновении практики опросов в СССР и деятельности Грушина, а также интервью с Ослоном и Георгием Александровичем Сатаровым.

Б. Ф.: *В общем ты начал снова заниматься социологией...*

Б. Д.: В начале 2000 года я ушел с работы. У меня намечались приглашения от российских вузов читать лекции, я участвовал в проведении полевых исследований, и можно было искать американские гранты для изучения России. Однако семейные обстоятельства перечеркнули эти перспективы. Более двух лет я не мог сосредоточенно заниматься наукой.

В последний день апреля 1999 года у Саши была обнаружена редкая форма меланомы, и через пару недель в госпитале Стэнфордского университета он был прооперирован. Затем последовали еще три операции, и в октябре — радиационное лечение. Мы знали, каково это заболевание, но надеялись, что лечение поможет. Однако в мае 2001 года рентген обнаружил метастазы внутри тела. Началось очень трудное лечение: все его мысли

и силы были направлены на борьбу с болезнью. Нашей задачей была всесторонняя помощь Саше, но нередко его мужество поддерживало нас. В августе 2002 года его не стало... Все произошло поздним вечером, а следующим утром его дочке исполнялось четыре года, и она с нетерпением ждала этого дня. Мы спросили у бывшего в те трагические часы с нами батюшки, как объяснить ей отсутствие папы. Он просил нас сказать ей, что ангелы забрали папу на небо. Так мы и сделали...

Б. Ф.: *...Извини, я понимаю, как трудно тебе об этом сейчас говорить...*

Б. Д.: ...Но, думаю, иначе читателям не была бы понятна логика моих действий. Теперь ясно, почему в то время я не мог и не могу сейчас покидать дом часто и более чем на пару недель. В семье — четыре поколения женщин, и я — единственный мужчина. Мне надо было превратиться в «надомника», и я им стал.

Б. Ф.: *Ты доказал, что наукой можно успешно заниматься, «глядя из Фостер-Сити». Как это тебе удалось?*

Б. Д.: Ты — единственный из моих друзей и коллег, кто был в Фостер-Сити, видел, как мы живем.

В городе проживает 30 тыс. человек, и его главную улицу, прорезающую весь город, можно пройти за час. Здесь нет ни университета, ни колледжа. Но есть библиотека, являющаяся частью сети из нескольких десятков региональных библиотек. Единый компьютерный каталог, в который можно войти из домашнего компьютера, позволяет заказать книгу из любой библиотеки этой сети. Ее привезут в мою городскую библиотеку и дадут домой на три недели; обычно срок пользования можно продлить. Если в региональной сети необходимой книги нет, библиограф пошлет запрос в общенациональную сеть, и книгу пришлют опять же в мою библиотеку.

Все американские архивы, библиотеки имеют интернетовские сайты, и поэтому легко найти зацепки, краткие сообщения о хранящихся там документах. На запросы по электронной почте я получаю исчерпывающие ответы и условия оказания помощи. Чаще всего высылаются ксерокопии документов и счет. Я отсылаю подтверждение и чек.

Еще один канал — сетевые книжные магазины и сетевые библиотеки. Старые книги по социологии в «amazon.com» и других онлайн-овых книжных магазинах более чем доступны — нередко они оказываются дешевле почтовой пересылки. Через неделю — две книга у меня на столе. Часто это даже ни разу не раскрытые книги, но бывают и с подчеркиваниями, без суперобложки — это все не мешает делу. У меня приличная библиотека... Как-то раз мне даже досталась книга Роупера с его автографом.

Онлайновая библиотека «questia.com» содержит свыше 700 тыс. наименований и имеет прекрасную поисковую систему: 100 долларов в год — и читай круглосуточно. Журнал «Time» при очень недорогой подписке открывает онлайн-овый доступ ко всем выпускам начиная с 1920-х годов. Будучи членом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, я имею доступ ко всем номерам необходимого в моей работе журнала — «Public

Opinion Quarterly». Так что и в моей деревне работать можно, надо лишь активно использовать возможности современного информационного сервиса.

Электронная почта, вошедшая в повседневность всех американских исследователей, позволяет мне общаться со многими «носителями» ценнейшей информации о становлении опросной технологии и практики изучения общественного мнения в Америке. В моем архиве сотни писем, в том числе от детей «отцов-основателей» (давно ставших известными аналитиками мнений), от людей, некогда работавших с последними, от современных ученых. Обнаруживая интересную мне книгу или статью, материал в Интернете, я часто сразу пишу автору, задаю ему вопросы, иногда прошу прислать мне отгиски труднодоступных журнальных статей. В Америке это нормальный механизм научного сотрудничества.

Самая большая трудность в работе — это отшельничество, отсутствие возможности для постоянного нормального общения с коллегами. Это касается и моих исследований прошлого американских опросов, и изучения истории российской социологии. Ведь обычно многое из того, что представлено в наших статьях, книгах, предварительно в той или иной форме проговаривается на семинарах и в неформальных беседах с коллегами. Мне все заменяет электронная почта; я не могу сказать, что у меня очень много корреспондентов, но связь с большинством из них регулярная. Смерть Валерия Борисовича Голофаства лишила меня многого. В наших письмах мы обсуждали не частности биографического анализа, но дух этого научного направления. Иногда мне было важнее отправить ему письмо, то есть высказать нечто, чем получить его ответ.

Поездки в Россию — для меня драгоценная возможность непосредственного общения, я стремлюсь встретиться с как можно большим числом коллег, выступить на семинарах, рассказать о том, что делаю. Уже несколько раз за последние годы я по приглашению профессора Клары Григорьевны Барбаковой читал лекции студентам разных университетов Тюмени. Общение с такой аудиторией дает мощнейший импульс для работы. И вообще в том регионе я ощущаю сильное позитивное космически-гуманитарное воздействие.

Для меня работа — это не только деятельность, но и общение; я веду постоянный диалог и со своими героями, и с будущими читателями. Отчасти это общение — для меня терапевтическое: погружаясь в него, я забываю про окружающий мир. В текстах моих статей и книг я привожу множество деталей не только потому, что уже знаю многое, но и чтобы помочь читателю лучше понять, почувствовать людей, о которых пишу, и если эти детали представляются лишними, то, скорее всего, потому, что мне не удалось создать такой контакт. Может, он родится при повторном чтении?..

Б. Ф.: *Не удержусь от соблазна задать вопрос, традиционно адресуемый маститым авторам: «Над чем вы работаете сейчас, Борис Зусманович?»*

Б. Д.: После возвращения в социологию я постоянно много публиковался, но особенно продуктивным оказался 2005 год. В июне при поддержке Фонда «Общественное мнение» вышла моя книга «Первопроходцы мира мнений» (Докторов 2005в; объем 10 п. л.), а в декабре была закончена работа над 500-страничной рукописью «Отцы-основатели» (Докторов 2006а). Здесь

неоценимую помощь оказал Франц Эдмундович Шереги, еще в самом начале моих историко-научно-исследовательских поисков по-дружески сказавший мне: «Пиши книгу, я ее издам».

Обе книги готовились к печати совместно с Наталией Яковлевной Мазлумяновой, сотрудницей Института социологии РАН и первоклассным редактором. Целый год между Москвой и Фостер-Сити летали электронные послания: мои тексты в одну сторону и редакционные замечания — в другую. Я очень благодарен ей за все сделанное.

Помимо книг, в «Телескопе» и московских журналах были опубликованы ряд статей о прошлом и будущем опросной технологии, а также серия материалов по истории российской социологии. Такая интенсивность работы в последние годы вызвана рядом обстоятельств: приобретен опыт историко-биографических исследований, накоплен огромный материал, выработан определенный стиль письма, сложилась моя коммуникационная сеть. И, возможно, главное — именно в последние годы я в полной мере осознал, что я свободен в своей деятельности. Подобного чувства свободы я никогда не испытывал.

Такого темпа работы, какой был в 2005 году, мне сейчас не сохранить, да и надо ли? Необходимо оглядеться и уточнить стратегию... Во-первых, две названные книги были сделаны так быстро потому, что они — фрагменты внушительного, почти в 50 авторских листов, текста, над которым я работаю свыше четырех лет. Значит, предстоит найти способы для публикации многого из того, что уже написано. Во-вторых, у меня есть архивные материалы, которые не публиковались даже в Америке. Их надо изучить и описать. В-третьих, уже в самые последние месяцы обнаружился ряд сюжетов для новых «раскопок»; смогу ли я ими заняться? В-четвертых, в конце прошлого года я приступил к углубленному анализу становления американской рекламы. Ранее эта тема освещалась мной лишь в одном ключе: рассматривались предпосылки и первые опыты маркетинговых исследований, в которых зародилась технология изучения общественного мнения. Но в этой теме есть и другой аспект: она позволяет подойти к изучению истории формирования политических, более конкретно — электоральных установок. Наконец, набирает обороты проект по истории российской социологии, надо уточнять его содержание и думать о подготовке книги.

Планов много, сохранится ли, как говорит Ядов, кураж?

Б. Ф.: *Да, твоя судьба необычна. Нередко человек в подобной ситуации невольно отдаляется, отходит от прежних профессиональных интересов и коллег. Что скажешь по этому поводу?*

Б. Д.: Прошло более десяти лет после моего отъезда, но я считаю себя российским социологом, живущим в Америке. Конечно, моя судьба — нелегка, непроста; но ведь каждый скажет: жизнь прожить — не поле перейти. Мои профессиональные пристрастия и добрые отношения с людьми, с которыми я работал десятилетиями, общий оптимизм помогли мне выстоять и, надеюсь, уже в последние годы сказать что-то новое в науке. Меня это радует.

Литература

- (Абрамкин, Чеснокова 1998) Абрамкин В. Ф., Чеснокова В. Ф. Тюремный мир глазами политзаключенных, 1940–1980-е годы / Отв. ред. В. Ф. Абрамкин; Обществ. центр содействия реформе уголовного правосудия. М.: ЗАО ИД «Муравей», 1998.
- (Авен и др. 1988) Авен П. О., Ослон А. А., Мучник И. Б. Функциональное шкалирование. М.: Наука, 1988.
- (Аитов 1970) Аитов Н. А. История с историей социологии // Социологические исследования. 1970. № 3. С. 139–142.
- (Алексеев 1997) Алексеев А. Н. Слишком правоверный комсомолец или дурной шестидесятник // Пчела. 1997. № 11. Окт.-нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Gallup/Alexeev_AN.htm
- (Алексеев 2003) Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003. Т. 1–2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>
- (Алексеев 2005) Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2005. Т. 3–4.
- (Алексеев и др. 1979) Алексеев Б. К., Докторов Б. З., Фирсов Б. М. Изучение общественного мнения: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 23–32.
- (Алексеев и др. 1981) Алексеев Б. К., Докторов Б. З., Фирсов Б. М. Изучение общественного мнения: вопросы организации исследований // Там же. 1981. № 1. С. 78–85.
- (Антология 2005) Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»: В 5 т. / Сост. К. К. Кузьминский, Г. Л. Ковалев. 2005. Т. 5А. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kkk-bluelagoon.nm.ru>
- (Асеев, Кон 1961) Асеев Ю. А., Кон И. С. Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. Л.: Изд-во ЛГУ. 1961.
- (Батыгин, Девятко 1994) Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
- (Бачинин 2003) Бачинин В. А. Судьба // Бачинин В. А. Малая христианская энциклопедия: В 4 т. Т. 1: Религиозная философия. СПб.: Шандал, 2003. С. 282–284.
- (Беккер, Босков 1961) Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.

- (Беляев 1967) Беляев Э. В. Проблемы социологического измерения // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 22–33. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sysres.isa.ru/vf-s/docs/67-7-22.pdf>
- (Беляев и др. 1966) Беляев Э. В., Саганенко Г. И., Дмитриев Ю. А., Голод С. И. Всесоюзный симпозиум социологов // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 156–165.
- (Беспалова 2002) Беспалова Ю. М. Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX — начала XX вв.: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.
- (Бутенко 2000) Бутенко И. А. Российское общество социологов. Краткий курс истории объединения. М.: Российское общество социологов, 2000.
- (Быт великорусских крестьян-землепашцев 1993) Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб., 1993.
- (Василенко, Парамонова 2004) Василенко И. В., Парамонова В. А. История российской социологии: Учеб. пособие. Волгоград: ВГУ, 2004.
- (Величкин) Величкин В. И. Уральская Историческая Энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ural.ru:8000/spec/ency/encyclopaedia-3-335.html>
- (Включенное наблюдение за советской системой) Включенное наблюдение за советской системой. Беседа с В. Долгим-Рапопортом. Ч. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/11/philo.html>
- (Волинский, Логинов 1989) Волинский Н., Логинов В. Затянувшаяся пауза. Размышления о некоторых уроках выборов в Ленинграде // Правда. 1989. 20 апр. С. 2.
- (Вооглайд 2009) Вооглайд Ю. Ядов — Учитель // Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею. Сборник / Ред.-сост. Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
- (Воспоминания и дискуссии 2010) Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т. В. Левада. М.: Издат. Карпов Е. В., 2010.
- (Гилбер, Малкей 1987) Гилбер Дж. Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс, 1987.
- (Голосенко 1967) Голосенко И. А. Критика философско-исторических и социологических концепций Питирима Сорокина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: 1967.
- (Голосенко 1976) Голосенко И. А. История социологии как научная проблема: анализ главных подходов в зарубежных исследованиях // Социологические исследования. 1976. № 1. С. 164–172.
- (Голосенко, Зверев 2006) Голосенко И. А., Зверев В. М. Социолог Агнессы Звоницкая: работы и судьба // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 75–81. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/10/0000276705/11Golosenko.pdf>
- (Голосенко и др. 2003) Голосенко И. А., Зверев В. М., Лиоренцевич И. Г. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX века / Под ред. Б. А. Чагина. Л.: Наука, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/62381.html>

- (Гордон, Клопов 1972) Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1972.
- (Гордон, Левин 1967) Гордон Л. А., Левин Б. М. Пятидневка: культура и быт. М.: Профиздат, 1967.
- (Готлиб 2004) Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.
- (Гребенщиков 1996) Гребенщиков Б. Сайгон // Пчела. 1996. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>
- (Грушин 1961) Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высш. шк., 1961.
- (Грушин 1967) Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во полит. лит., 1967.
- (Грушин 1987) Грушин Б. А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
- (Грушин 1999) Грушин Б. А. Горький вкус невостребованности // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 205–228.
- (Грушин 2001) Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 1-я: Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- (Грушин 2003) Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева. Ч. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- (Грушин 2004) Грушин Б. А.: «Мы все время вели войны за свой предмет» // RELGA. 2004. № 2 (92), 11 мая.
- (Грушин 2005) Грушин Б. А. Вспоминая Якова // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 13–14.
- (Грушин 2006) Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: В 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М.: Прогресс-Традиция. 2006.
- (Давидюк 2008) Давидюк Г. П. Беларусь: в муках, страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2009/01/15/0000327172/Davidyuk_15.pdf
- (Давыдов 1994) Давыдов А. А. Модульный анализ и конструирование социума. М.: ИС РАН, 1994.
- (Давыдов, Давыдова 1992) Давыдов А. А., Давыдова Е. В. Измерение искренности респондента. М.: ИС РАН, 1992.
- (Данин 1967) Данин Д. Резерфорд. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1967.
- (Данин 1978) Данин Д. Нильс Бор. М.: Молодая гвардия, 1978.
- (Докторов 1987) Докторов Б. З. Не терять преемственности // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 118.
- (Докторов 1994) Докторов Б. З. Россия в Европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.

- (Докторов 2000) Докторов Б. Дж. Гэллуп — наш современник: К 100-летию со дня рождения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. № 2. С. 2–18.
- (Докторов 2001) Докторов Б. З. Джордж Гэллуп — наш современник. Тюмень: ТЮМИЭП, 2001.
- (Докторов 2004а) Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Там же. 2004. № 4. С. 2–13.
- (Докторов 2004б) Докторов Б. История есть, только если она написана: К открытию рубрики «Современная история российской социологии» // Там же. № 5. С. 30–32.
- (Докторов 2005а) Докторов Б. З. Рассказ о книге, которой нет // Там же. 2005. № 2. С. 15–19.
- (Докторов 2005б) Докторов Б. Как это было. Комментарий к интервью с Л. Е. Кесельманом // Там же. № 5. С. 14.
- (Докторов 2005в) Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллупа до Грушина. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2005.
- (Докторов 2005г) Докторов Б. Эмиль Хурья. Забытая страница из истории изучения общественного мнения // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 121–130.
- (Докторов 2005д) Докторов Б. Альберт Ласкер: «Я — всего лишь апостол очевидности» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 6. С. 40–51.
- (Докторов 2006) Докторов Б. З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006.
- (Докторов 2007а) Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии: Тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарные стратегии российских трансформаций». Тюмень, 26–27 окт. 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/doktorov_reform.html
- (Докторов 2007б) Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
- (Докторов 2008а) Докторов Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008а.
- (Докторов 2008б) Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008б. № 2. С. 25–33.
- (Докторов 2009) Докторов Б. З. Пессимист по наблюдениям и оптимист по убеждениям. Научные и нравственные основы «драматической социологии» // Там же. 2009. № 4. С. 2–11.
- (Докторов 2010а) Докторов Б. Борис Грушин. Человек идеалов и идей // Там же. 2010. № 2. С. 12–16.
- (Докторов 2010б) Докторов Б. З. Борис Грушин и Юрий Левада. Начало постбиографий // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 177–189.
- (Докторов 2010в) Докторов Б. Как это было. Решение задачи с 42 неизвестными // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 20–22.

- (Докторов 2012) Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски: В 3 т. М.: ЦСПиМ, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm
- (Докторов, Козлова 2007) Докторов Б., Козлова Л. Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?.. Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии. 2007, июнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/doktorov_kozlova.html.
- (Докторов, Мазлумянова 2006) Докторов Б., Мазлумянова Н. Рекламист в Америке — больше, чем рекламист // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2008. № 2. С. 26–37.
- (Докторов, Фирсов 2009) Почти сорок лет спустя. Б. Докторов и Б. Фирсов вспоминают о ленинградских опросах общественного мнения в 1970-х // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 3. С. 6–15.
- (Докторов, Ядов 2008) Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколении отечественных социологов на протяжении полувека // Там же. 2008. № 3. С. 47–60.
- (Докторов и др. 2002) Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян: Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
- (Долинин, Северюхин 2003) Долинин В. Э., Северюхин Д. Я. Преодоление немоты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru//country/2003/07/25/621950.html>
- (Дубин 2001) Дубин Б. В. Обращенный взгляд / Слово—письмо—литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛО, 2001, С. 100. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/b-2/Biography.html>
- (Жуков 2007) Жуков В. И. Социология в современной России (доклад на Учредительном съезде Союза социологов России 27 июля 2007 г.) // СОЦИС. 2007. № 12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-12/zhukov_doklad.pdf
- (Заславская 1958) Заславская Т. И. Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М.: Госпланиздат, 1958.
- (Заславская 2007) Заславская Т. И. Избранные произведения. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
- (Заславская 2009) Заславская Т. И. Мы с Ядовым — «братья по разуму» // Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: Сборник / Ред.-сост. Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
- (Здравомыслов 1959) Здравомыслов А. Г. Категория интереса в марксистской социологии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1959.
- (Здравомыслов 1964) Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
- (Здравомыслов 1969а) Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
- (Здравомыслов 1969б) Здравомыслов А. Г. Теоретические и методологические проблемы исследования социальных интересов: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1969.

- (Здравомыслов 1969в) Здравомыслов А. Г. Пропаганда и ее восприятие. Социологические исследования эффективности / ССА, ИКСИ АН СССР. Л., 1969.
- (Здравомыслов 2000) Здравомыслов А. Г. О судьбах социологии в России // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 141. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/01/14/0000202337/019.zdravomyslov.pdf>
- (Здравомыслов 2008) Здравомыслов А. Г. Социология. Теория. История. Практика. М.: Наука, 2008.
- (Здравомыслов 2009) Здравомыслов А. Г. Заметки о времени социологического прозрения // Vivat, Ядов! К 80-летнему юбилею: Сборник / Ред.-сост. Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
- (Здравомыслов, Ядов 2003) Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.
- (Здравомыслова 2010) Здравомыслова Е. Культурный андеграунд 1970-х: ленинградское кафе «Сайгон» глазами завсегдатая и исследователя // Разномыслие в СССР и России (1945–2008) / Под ред. Б. М. Фирсова. СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге, 2010. С. 131–158.
- (Ильин 2005) Ильин В. И. Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки // Мир России. 2005. Т. 14, № 4. С. 192–205.
- (Инфельд 1958) Инфельд Л. Эварист Галуа. Избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1958.
- (Ионин 1997) Ионин Л. Свобода в СССР // Ионин Л. Свобода в СССР: Статьи и эссе. СПб.: Фонд «Университетская книга», 1997.
- (Каган 1955) Каган В. Ф. Лобачевский и его геометрия. Общедоступные очерки. М.: Гостехиздат, 1955.
- (Как провести социологические исследования 1985) Как провести социологические исследования (коллективная монография) / Под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985.
- (Канаев 1970) Канаев И. И. Гёте как естествоиспытатель. Л.: Наука, 1970.
- (Канаев 1972) Канаев И. И. Френсис Гальтон, 1822–1911. Л.: Наука, 1972.
- (Капелюш 1969) Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве / Под ред. Б. А. Грушина. М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969. (Информ. бюл.; № 39 (54)).
- (Капелюш 2005) Капелюш Я. С. (1937–1990) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 13–21.
- (Касьянова 2003) Касьянова Ксения. О русском национальном характере. М.: Академический проект: Деловая книга, 2003.
- (Кедров 1958) Кедров Б. М. День одного великого открытия. М.: Наука, 1958.
- (Коган 1999) Коган Л. Н. Неповторимая романтика социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 280–300.
- (Коган и др. 1990) Коган Л. Н., Анисимов С. А., Павлов Б. С. Из истории социологических исследований на Урале (конец XIX в. — 1985 г.). Свердловск, 1990. — Цит. по: Коган Л. Н. Феномен многогранной творческой личности / Под ред. Ю. Р. Вишневого и др. Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2008. С. 189–197.

- (Козлова 2007) Козлова Л. А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 59–87.
- (Козлова 2010) Козлова Л. А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf
- (Колбановский 1999) Колбановский В. В. К истории постсталинской социологии // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 19–41.
- (Колбановский 2009) Колбановский В. В. О праве социологии на свободу мысли // Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: Сборник / Ред.-сост. Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
- (Кон 1964) Кон И. С. Позитивизм в социологии. Исторические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
- (Кон 1967) Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
- (Кон 1984) Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- (Кон 1999) Кон И. С. Эпоху не выбирают // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 110–131.
- (Кон 2008) Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.
- (Константиновский 2008) Константиновский Д. Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008.
- (Кугель 2005) Кугель С. А. Записки социолога. СПб.: Нестор-история, 2005.
- (Кузнецов 1964) Кузнецов Б. Г. Галилей. М.: Наука, 1964.
- (Кузнецов 1972) Кузнецов Б. Г. Разум и бытие. М.: Наука, 1972.
- (Кузнецов 1979) Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие. М.: Наука, 1979.
- (Кузнецов 1984) Кузнецов Б. Г. Встречи. М.: Наука, 1984.
- (Кузьминский [1998]) Кузьминский К.: «Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем...». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pchela.ru/podshiv/12/no_measure.htm
- (Кузьмичев 1929) Кузьмичев В. Организация общественного мнения. Печатная агитация. М.; Л., 1929.
- (Кукушкина 2006) Кукушкина Е. И. Русская социология и Западная наука (XIX–начало XX вв.) // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 113–119.
- (Кучкина 2001) Кучкина О. Философ и социолог Борис Грушин: В России кипит неслыханный бульон // Комсомольская правда. 2001. 15 февр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/22493/7654/>
- (Лапин 1968) Лапин Н. И. Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1968.
- (Лапин 1999) Лапин Н. И. Всегда побеждало желание заняться чем-то новым // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 253–266.

- (Лапин 2010) Лапин Н. Большая добрая Левада. Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т. В. Левада. М.: Издат. Карпов Е. В., 2010.
- (Левада 1957) Левада Ю. А. О «христианском социализме». Лекция, прочитанная в Моск. планетарии на гор. семинаре лекторов. М.: Моск. гор. отд-ние Всесоюз. о-ва по распространению полит. и науч. знаний, 1957.
- (Левада 1958) Левада Ю. А. Материал к лекции на тему: «О борьбе науки с религией в современных условиях». М.: Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний, 1958.
- (Левада 1962) Левада Ю. А. Современное христианство и социальный прогресс. М.: Соцэкгиз, 1962.
- (Левада 1965) Левада Ю. А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.
- (Левада 1969) Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 1–2. М.: Ин-т конкретных социальных исследований, 1969.
- (Ленинградская социологическая школа 1998) Ленинградская социологическая школа (1960-е — 1980-е годы) / Отв. ред. В. Костюшев. М.; СПб.: С.-Петербург. ассоциация социологов, 1998. С. 15.
- (Мамардашвили 1991) Мамардашвили М. К. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М. К. Мамардашвили 5 апреля 1990 г. // Вопросы методологии. 1991. № 1 [online]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.circle.ru/archive/vm/v911mam.html>
- (Марксистско-ленинская социология 1988) Марксистско-ленинская социология / Отв. ред. Г. В. Осипов, В. Н. Иванов. М.: Наука, 1988.
- (Массовая информация 1980) Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М.: Политиздат, 1980.
- (Международная биографическая инициатива) Международная биографическая инициатива. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>
- (Монсон 1995) Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию: Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1995.
- (Москвичев 2006) Москвичев Л. Н. Этапы институализации российской социологии // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 3–13.
- (Нарышкина 2006) Нарышкина А. Совершенно свободное плавание // Живой журнал. 2006. 16 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ladentelle.livejournal.com/305.html>
- (Невский до и после 1996) Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным // Пчела. 1996. № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>
- (Новикова 1996) Новикова С. С. История развития социологии в России: Учеб. пособие. М.; Воронеж: Институт практической психологии: НПО «МОДЭК», 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polbu.ru/novikova_hsociology/
- (Общая социология 2006) Общая социология. Хрестоматия / Под ред. Н. И. Лапина. М.: Высш. шк., 2006.
- (Осипов 2004) Осипов Г. В. Три встречи с Питиримом Сорокиным // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 4–10.

- (Осипов 2008) Осипов Г. В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле / Рук. издат. проекта Г. В. Осипов. М.: 2008. С. 18–71.
- (Осипов 2009) Осипов Г. В. Отечественная социология: история и современность // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 8–14. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2009/07/14/0000330848/Otechestvennaya_istoriya.pdf
- (Осипов 2010) Осипов Г. В. В огне брода нет // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т. В. Левада. М.: Издат. Карпов Е. В., 2010. С. 108.
- (Основы прикладной социологии 1996) Основы прикладной социологии: Учебник для вузов (коллективная монография) / Под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Интерпракс, 1996.
- (Открывая Грушина 2010) Открывая Грушина / Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010.
- (Памяти Ю. А. Левады 2011) Памяти Юрия Александровича Левады / Сост. Т. В. Левада. М.: Издат. Карпов Е. В., 2011.
- (Парыгин 1984) Докладная записка Б. Д. Парыгина. 21 мая 1984 г. Архив Б. З. Докторова.
- (Петренко 1973) Петренко Е. С. Проблемы проектирования выборочных социологических исследований. (На примере описания больших городов РСФСР): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1973.
- (Петровская 2003) Петровская И. Ф. Введение в биографику. Источники биографической информации о россиянах. 1801–1917 гг. Российский институт истории искусств. СПб.: Logos, 2003.
- (Подъем культурно-технического уровня 1961) Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М.: Соцгиз, 1961.
- (Полная библиография русского издания 1991) Полная библиография русского издания международного ежегодника по философии культуры «Логос» (Москва–Прага, 1910–1914, 1925) // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 1991. Вып. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/1/bibliographiya.htm>
- (Пономарев 2004) Пономарев И. Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>
- (Пригожин 2005) Пригожин А. И.: «Прикладные социальные теории занимали его очень сильно» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 14–15.
- (Прикладная социология 2009) Прикладная социология. Методология и методы: Учеб. пособие / Под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Альфа: ИНФРА, 2009.
- (Проблемы газетоведения 1930) Проблемы газетоведения / Под ред. Д. Бенцмана, Ю. Бочарова, М. Гуса. М., 1930.
- (Пушкин 1962) Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 6. М.: Изд-во худож. лит., 1962.
- (Рабочая книга социолога 1976) Рабочая книга социолога / М. Н. Руткевич, Г. В. Осипов, С. Ф. Фролов и др.; Отв. ред. Г. В. Осипов. М.: Наука, 1976.
- (Рабочая книга социолога 1983) Рабочая книга социолога / Отв. ред. Г. В. Осипов. 2-е изд. М.: Наука, 1983.

- (Распятие 2000) Распятие. Писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 6. Слово, взятое в цепи / Авт.-сост. З. Дичаров. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр: БЛИЦ, 2000.
- (Российская социология шестидесятых 1999) Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999.
- (Руткевич 2003) Руткевич М. Н. Развитие философии и социологии в Уральском университете (40–70-е гг. XX в.). М.: ЦСП, 2003.
- (Саганенко 1974) Саганенко Г. И. Измерение уровня надежности исходной информации в социологическом исследовании. Опыт разработки основных процедур: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1974.
- (Саганенко 1991) Саганенко Г. И. Уровни эмпирической доказательности в социологии: Дис. ... докт. социол. наук в форме науч. докл. М.: ИС АН СССР, 1991.
- (Саморегуляция и прогнозирование 1979) Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под. ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
- (Семенова 1998) Семенова В. Качественная методология: введение в гуманистическую социологию. М: Добросвет, 1998.
- (Семенова 2004) Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2004 / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2004. С. 157–170.
- (Сонин 1987) Сонин А. С. Постигание совершенства. Симметрия, асимметрия, диссимметрия, антисимметрия. М.: Знание, 1987.
- (Сорокин 1991) Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.
- (Сорокин 2007) Сорокин В.: «Я сделал свой прогноз...» / Наука и жизнь 28. 02. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nkj.ru/forum/user/3452/post/all/?PAGEN_1=6
- (Социальная организация промышленного предприятия 2005) Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов / Под ред. Н. И. Лапина. М.: Academia, 2005.
- (Социология в России 1996) Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/289764.html>
- (Социология в России 1998) Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
- (Социология в СССР 1966) Социология в СССР: В 2 т. / Ред.-сост. Г. В. Осипов. М.: Мысль, 1966.
- (Социология преступности 1966) Социология преступности. (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966.
- (Социология сегодня 1965) Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965.
- (Столович 2010) Столович Л. Социологи в Кяэрику // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1(79). С. 14–20.
- (Филипченко 1925) Филиппченко Ю. А. Фрэнсис Гальтон и Грегор Мендель. М., [1925].
- (Фирсов 2001) Фирсов Б. М. История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001.

- (Фирсов 2008) Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
- (Фирсов 2011) Фирсов Б. М. История и роль социологии в России от XIX века до наших дней (*Histoire et rôle de la sociologie en Russie du XIX siècle à nos jours*) // Статья для хрестоматии: «Урочища русской памяти» [*Sites de la mémoire russe (Russkie Uroscisca)*.] / Ред. Ж. Нива, А. Архангельский. Paris: Editions Fayard, 2011 (в печати).
- (Фирсов 2012) Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки: [учеб. пособие]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2012.
- (Харчев 2002) Харчев А. Г. Социология семьи: становление науки. М.: ЦСП, 2002.
- (Чагин 1971) Чагин Б. И. Очерки истории социологической мысли в СССР. Л.: Наука, 1971.
- (Чангли 2002) Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: ЦСП, 2002.
- (Человек и его работа 1967) Человек и его работа / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
- (Чесноков 1982) Чесноков С. В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
- (Чесноков 2009) Чесноков С. В. Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике. М.: URSS, 2009.
- (Чеснокова 2005) Чеснокова В. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.
- (Чеснокова 2010) Чеснокова В. Ф. Язык социологии: Курс лекций. М.: О. Г. И., 2010.
- (Шереги 1978) Шереги Ф. Э. Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов (проблемы репрезентативности исследований) // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.
- (Шереги 2003) Шереги Ф. Э. Социология политики. М.: ЦСП, 2003.
- (Шляпентох 2003) Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Звезда, 2003.
- (Шляпентох 2006) Шляпентох В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006.
- (Шляпентох 2007) Шляпентох В. Э. Умолчание имен как индикатор авторитаризма // Новая газета. 2007. 27 сент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr05/04.html>
- (Шредингер 1947) Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947.
- (Шубкин 1999) Шубкин В. Н.: «Возрождающаяся социология и официальная идеология» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 64–65.
- (Шубкин 2010) Шубкин В. Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. М.: ЦСП, 2010.
- (Экономическая социология 2008) Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008.

- (Юбилейная научная сессия РАН 2008) Юбилейная научная сессия РАН // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 150–153.
- (Ядов 1967) Ядов В. А. Методологические проблемы конкретного социологического исследования: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1967.
- (Ядов 1968) Ядов В. А. Методология и процедура социологического исследования. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968.
- (Ядов 1975) Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1975.
- (Ядов 1991) Ядов В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 14–31.
- (Ядов 2001) Ядов В. А. Памяти Л. А. Гордона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol01_4/Gordon1.htm
- (Ядов 2004) Ядов В. А.: «Валерий не скупился на разбрасывание идей». 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm
- (Ядов 2009) Ядов В. А. К вопросу о макро-микро дилемме в социологии // Социологический журнал. 2009, № 1. С. 147–154.
- (Ядов 2010) Ядов В. А. Как командир орудия сержант Шубкин, ныне гл. научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии // Троицкий вариант. 2010. № 53. 10 мая. С. 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trv-science.ru/2010/05/11/sociologiya-voyny/#more-4912>
- (Ядов и др. 1961) Ядов В. А., Беляев Э. В., Водзинская В. В и др. Изучение бюджета времени как один из методов конкретно-социологического исследования // Вестник ЛГУ. Сер.: Экономика. Философия. Право. 1961. № 23, вып. 4.
- (Яновский 2004) Яновский Р. Г. Суздальские письма Н. Д. Кондратьева // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 10–17.
- (Belyaeva 1989) Belyaeva N. Is The War With Sociologists Over? // Moscow News. 1989. N 20. 14 May.
- (Golovin 1972) Golovin N. Zur politischen Sozialisation der «Generation der Krisengesellschaft» in Rußland (Geburtsjahrgänge 1972 bis 1980). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/persons/golovin/doc/GolovinAufsatzJena_ru_de.doc
- (Goode, Hutt 1952) Goode W. J., Hutt P. K. Methods in Social Research. New York: McGraw-Hill, 1952.
- (Hough 1969) Hough J. F. Soviet Prefects: the Local Party Organs in Industrial Decision-making. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
- (International Encyclopedia of Sociology 2000) International Encyclopedia of Sociology / Ed. by Edgar F. Borgatta. 2000. Vol. 4.
- (Shalin 1978) Shalin D. N. The Development of Soviet Sociology, 1956–1976 // Annual Review of Sociology. 1978. Vol. 4. P. 171–191.
- (The new elite in post-communist Eastern Europe 1999) The new elite in post-communist Eastern Europe / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, B. Doktorov. College Station, Texas: Texas A&M University Press, 1999.

Список цитируемых интервью с российскими социологами

- (И: Алексеев 2012) Алексеев А. Н.: «Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко...». Набросок биографического интервью // Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски. Т. 2: Беседы с социологами четырех поколений. [Электронный ресурс] М.: ЦСПиМ, 2012.
- (И: Артемов 2008) Артемов В. А.: «Время было моим главным ресурсом...» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 2–14.
- (И: Баранов 2008) Баранов А. В.: «А всё-таки она вертится» // Там же. № 3. С. 2–16.
- (И: Барбакова 2010) Интервью с К. Г. Барбаковой. Архив Б. З. Докторов.
- (И: Батыгин 2003) Батыгин Г. С.: «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
- (И: Бачинин 2010а) Бачинин В. А. Есть ли Бог в социологии? Рукопись. 2010. Архив Б. З. Докторов.
- (И: Бачинин 2010б) Бачинин В. А.: «Объединяющим началом веры и науки выступает личность ученого-социолога, его мировоззрение» // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 123–148.
- (И: Башкирова 2010) Интервью с Е. И. Башкировой. Архив Б. З. Докторов.
- (И: Беляев 2010) Беляев Э. В.: «Естественно-научные и социальные интересы — определяющая черта моей личности» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11.
- (И: Беспалова 2011) Беспалова Ю. М.: «В социологии я оказалась и случайно и неслучайно» // Там же. 2011. № 1. С. 2–11.
- (И: Божков 2004) Божков О. Б.: «Горизонт раздвинулся и стал намного шире» // Социологический журнал. 2004. № 1–2, С. 159–183.
- (И: Божков 2011) Божков О. Б.: «Каким я был, таким остался» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 2–5.
- (И: Бороноев 1998) Интервью с проф. А. О. Бороноевым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 8–16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/10/15/0000180269/0018-16intervyuBoronev.pdf>
- (И: Воронков 2011) Воронков В. М.: «Я осознал себя социологом в возрасте 43 лет» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 6. С. 2–6.

- (И: *Гилинский 2005*) Гилинский Я. И.: «...Я начинал как чистый уголовник...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 2–12.
- (И: *Голенкова 2009*) Голенкова З. Т.: «У нас был довольно большой свой мир...» // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 141–164.
- (И: *Голод 2002*) Интервью с профессором С. И. Голодом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 3. С. 5–18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/10/21/0000181193/001_golod_5-18.pdf
- (И: *Голосенко 1998*) Интервью с профессором И. А. Голосенко // Там же. 1998. № 2. С. 5–19.
- (И: *Голосенко 2001*) Голосенко И. А.: «Я беру только Россию, и мне с избытком ее хватает» (Интервью М. Г. Пугачевой) // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 82–89. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sociologica.hse.ru/sr002.pdf>
- (И: *Гордон 1999*) Гордон Л. А.: «Была тяга к схематическому упрощению мира» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 371–381.
- (И: *Готлиб 2012*) Готлиб А. С.: «Моя потребность рассказать “свою историю” счастливо совпала с исследовательским интересом к автоэтнографии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 4. С. 2–12.
- (И: *Гофман 2007*) Гофман А. Б.: «Социальная реальность... это сфера свободы» // Там же. 2007. № 2. С. 2–13.
- (И: *Гудков 2002*) Гудков Л. Д.: «Работа вела меня за собой...» // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 106–118.
- (И: *Давыдов 2012*) Давыдов А. А.: «Мои занятия “золотым сечением” воспринимали как чудачество научного маргинала» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1. С. 2–16.
- (И: *Докторов 2005*) Докторов Б. З.: «Я живу в двуедином мире...» (интервью Н. Я. Мазлумяновой) // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 132–167.
- (И: *Докторов 2006*) Докторов Б. З.: «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б. М. Фирсову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 3. С. 2–13.
- (И: *Докторов 2008*) Докторов Б.: «Работа над биографиями — это общение с моими героями» (интервью В. А. Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40–50.
- (И: *Докторов, Фирсов 2008*) Докторов Б. З., Фирсов Б. М. Правилom является разномыслие: Б. Фирсов рассказывает о своей новой книге Б. Докторову // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 153–174.
- (И: *Долгий-Рапопорт 2009а*) Интервью с В. М. Долгим-Рапопортом. 8 сент. 2009. Архив Б. З. Докторова.
- (И: *Долгий-Рапопорт 2009б*) Включенное наблюдение за советской системой. Беседа с В. Долгим-Рапопортом. Ч. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2009/11/11/philo.html>

- (И: Дубин 2002) Дубин Б. В.: «...Если можно назвать это карьерой, пусть это будет карьерой» // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 118–132.
- (И: Ельмеев 1998) Интервью с профессором В. Я. Ельмеевым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jourssa.ru/>
- (И: Ельмеев 2012) Ельмеев В. Я.: «Я был и остался сторонником материализма в социологии» // Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски. Т. 2. Беседы с социологами четырех поколений. [Электронный ресурс] М.: ЦСПиМ, 2012. С. 234–248.
- (И: Заславская 2007а) Заславская Т. И.: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 2–4.
- (И: Заславская 2007б) Заславская Т. И.: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
- (И: Здравомыслов 1999) Здравомыслов А. Г.: «Без осмысления того, что сделали мы, социологии нет» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 156–174.
- (И: Здравомыслов 2006а) Здравомыслов А. Г.: «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит — надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 2–10.
- (И: Здравомыслов 2006б) Здравомыслов А. Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 151–186.
- (И: Здравомыслов 2006в) Здравомыслов А. Г. Социология как жизненное credo. [Электронный архив Б. Докторов. Версия от 4 июня 2006 г.]
- (И: Здравомыслова 2009) Здравомыслова Е. А.: «Моя профессиональная жизнь характеризуется “счастливым браком” гендерных исследований с качественной методологией» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 9–15.
- (И: Илле 2007) Илле М. Е.: «За 10 лет “Телескоп” опубликовал не менее 500 статей не менее сотни авторов» // Там же. 2007. № 1. С. 2–7.
- (И: Ильин 2010) Ильин В. И.: «Социология как образ жизни — это автономная сторона социологии как профессии» // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 134–160.
- (И: Ионин 2007) Ионин Л. Г.: «Надо соглашаться с собственным выбором» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 3. С. 2–14.
- (И: Кесельман 2005) Кесельман Л. Е.: «...Случайно у меня оказался блокнот “в клеточку”...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 5. С. 2–13.
- (И: Козлова 2011) Козлова Л. А.: «Мы были маргиналами, только следующее поколение получило профессию “социолог”» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 6–16.

- (И: Кон 2010) К 80-летию Юрия Левады. Интервью с Игорем Коном. Проект «Взрослые люди». 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2010/04/28/levada.html>
- (И: Константиновский 2006) Константиновский Д. Л.: «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13.
- (И: Конюс 1989) Конюс А. А.: «На старости я сызнава живу, минувшее проходит предо мною...» (Интервью С. Л. Комлеву) // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / Гл. ред. В. А. Жамин. М.: Экономика, 1989. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=ru&links=../ru/kondratiev/biogr/kondratiev_b4.txt&img=brief.gif&name=kondratiev
- (И: Кугель 2009) Кугель С. А.: «Развитие науки зависит от взаимодействия социальных и когнитивных факторов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 5. С. 2–10.
- (И: Лапин 2007) Лапин Н. И.: «Наша социология стала полем профессиональных исследований, свободных от идеологического диктата» // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 141–175.
- (И: Левада 1999) Левада Ю. А.: «Научная жизнь — была семинарская жизнь» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 82–94.
- (И: Левада 2008) Левада Ю.: «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174.
- (И: Левинсон 2002) Левинсон А. Г.: «...Меня занимает внешняя сторона вещей» // Там же. 2002. № 2. С. 94–105.
- (И: Лисовский 2000) Интервью с проф. В. Т. Лисовским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 4. С. 7–25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/11/20/0000184127/002intervyu7-25.pdf>
- (И: Максимов 2007) Максимов Б. И.: «Социолог, как лошадь, скачущая в стойле» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 2–14.
- (И: Могилевский 2006) Могилевский Р. С.: «Я бы назвал себя социологом-консультантом...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 2–13.
- (И: Мягков 2010) Мягков А. Ю.: «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11.
- (И: Наумова 1999) Наумова Н. Ф.: «Мне трижды повезло» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 301–316.
- (И: Осипов 1999) Осипов Г. В.: «Мы жили наукой» // Там же. С. 95–109.
- (И: Ослон 2010) Интервью с А. А. Ослоном. Архив Б. З. Докторова.

- (И: Панова 2008) Панова Л. В.: «Самые интересные мысли были упакованы в многослойную обертку партийных документов» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 2–9.
- (И: Петренко 2007) Петренко Е.: «Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...» // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 79–95.
- (И: Позднякова 2010) Интервью с М. Е. Поздняковой. Архив Б. З. Докторова.
- (И: Протасенко 2011) Протасенко Т. З.: «Становление меня как социолога шло зигзагами» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 2. С. 2–13.
- (И: Русалинова 2009) Русалинова А. А.: «Мы работали честно и видели хоть и скромные, но результаты своего труда» // Там же. 2009. № 6. С. 2–15.
- (И: Рывкина 1999) Рывкина Р. В.: «Это была борьба политических направлений» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 267–279.
- (И: Саганенко 2010) Саганенко Г. И.: «Дороги хватит на всех» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 5. С. 2–14.
- (И: Семенова 2010) Семенова В. В. Мой долгий путь к профессии // Там же. № 6. С. 2–12.
- (И: Смирнова 2006) Смирнова Е. Э.: «...По профессиональной части претензий не было, но инкриминировалось распечатывание гороскопов» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 1. С. 2–10.
- (И: Старовойтова 2007) Галина Старовойтова: «Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции, они будут расстреливать на месте на этот раз» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 2–7.
- (И: Столович 2010) Столович Л. Н.: «Не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня» // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 113–135.
- (И: Тарусин 2007) Тарусин М.: «Мы формировались во времена отрицания» // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 55–79.
- (И: Толстова 2012) Толстова Ю. Н.: «Некорректно говорить о том, что математика “прикладывается” к социологии» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 1. С. 2–16.
- (И: Тощенко 2007) Тощенко Ж. Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149–170.
- (И: Травин 2008) Травин И. И.: «В социологию я пришел совершенно сознательно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 2–11.
- (И: Тукумцев 2009) Тукумцев Б. Г.: «То, что я оказался в социологии, связано со счастливой случайностью и с моим интересом к проблемам управления» // Там же. 2009. № 5. С. 11–23.

- (И: Фирсов 1999) Интервью с доктором философских наук Б. М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 4. С. 5–22.
- (И: Фирсов 2005) Фирсов Б. М.: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12.
- (И: Чесноков 2001) Чесноков С. В.: «Мне интересен человек как человек» // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 63–123.
- (И: Чирикова 2010) Чирикова А. Е.: «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13.
- (И: Шереги 2007а) Шереги Ф.: «У нас был “генетический” иммунитет недоверия к любым формам власти» // Социальная реальность. 2007. № 9. С. 65–83.
- (И: Шереги 2007б) Шереги Ф. Э.: «Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14.
- (И: Шкаратан 2002) Шкаратан О. И.: «Рутинные интеллигентные проблемы...» // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 151–172.
- (И: Шкаратан 2008) Шкаратан О. И.: «Академические исследования требуют спокойствия» // Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008. С. 53–81.
- (И: Шляпентох 2006) Шляпентох В. Э.: «Только эмпирическая социология в СССР была ареной творчества для гуманитариев» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 6. С. 1–13.
- (И: Ядов 1999) Ядов В. А.: «Мы все — самоучки в социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Яромлюк. М.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1999. С. 42–63.
- (И: Ядов 2005а) Ядов В. А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 3. С. 2–11.
- (И: Ядов 2005б) Ядов В. А.: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Ч. 2 // Там же. № 4. С. 2–10.
- (И: Ядов 2008) Ядов В. А.: «Социология труда начала умирать, потому что появился рынок...» // Экономическая социология в России: поколение учителей / Сост., отв. ред. В. В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008. С. 82–98.
- (И: Ядов В. 2009) Как возникла социология в СССР. Беседа с В. Ядовым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polit.ru/analytics/2009/06/17/video_n_yadov_lb.html
- (И: Ядов Н. 2009) Ядов Н. В.: «Хочется жить в нормальной либеральной стране» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 2. С. 12–19.

Именной указатель

- Абрамкин В. Ф. 251
Абрамова Л. П. 516
Авен П. О. 337
Аверинцев С. С. 85, 278
Аганбегян А. Г. 133, 224, 227, 358–359, 362, 382–383
Аджубей А. И. 346–347
Аитов Н. А. 379
Александров А. Д. 262, 514
Александров Г. Ф. 37, 48
Алексеев А. Н. 8, 45–47, 53, 57, 127, 154, 178, 187, 193, 232, 239–241, 280, 291, 373–376, 418, 447, 451–455, 517
Алексеев Б. К. 394–396, 518
Алесина М. А. 153, 182
Аллик Я. 90
Альтшуллер А. Я. 517
Ананьев Б. Г. 60, 183, 236, 263, 367, 511–512, 516–517
Андреев Н. Н. 184–185
Андреев Э. П. 263
Андреева Г. М. 121, 181, 211, 246, 248, 260, 276, 476
Андроников И. Л. 508
Андропов Ю. В. 398, 445
Ансберг О. Н. 474
Армстронг Н. 447–448
Артёмов В. А. 122–123, 132–133, 154, 174–175, 187, 232, 246–247, 281, 377
Арутюнян Л. А. 460
Архангельский Л. М. 90
Асеев Ю. А. 210–211
Асмус В. Ф. 278, 299
Афанасьев В. Г. 242
Афанасьев Ю. Н. 192
Ахматова А. А. 41, 201, 277, 508
Ахутин А. В. 60
Ашин Г. К. 318
Багатурия Г. А. 299
Баранов А. В. 101, 153–154, 172, 182, 184, 196–197, 200–201, 213, 232–234, 250, 290–291, 438, 462, 466
Барбакова К. Г. 232, 247–248, 479, 481, 523
Барбой Ю. М. 517
Баринова Г. И. 443
Бартон Б. 510–511
Барулин В. Н. 379
Баскин М. П. 33, 37
Баскин Ю. Я. 451, 516
Баткин Л. М. 60
Батыгин Г. С. 22, 32–37, 39–40, 43, 55, 63, 115, 153, 155, 157, 179, 214, 273, 292, 297–301, 305–306, 309, 317, 323, 326–327, 330, 333–334, 478, 493, 497–498
Бауман З. 312
Бахтин М. М. 12, 278
Бачинин В. А. 60, 70, 77–78, 83–84, 87, 108, 125–126, 155, 297, 302–306, 309
Башкирова Е. И. 256, 275–276, 330, 473
Беккер Г. 119, 239
Беликов Б. Д. 454–455
Беляев А. Н. 463

- Беляев С. Т. 436
Беляев Э. В. 92, 94–101, 122, 154, 169, 186, 211, 256, 260, 270, 519
Беляева Н. Ю. 444
Бергер П. 272
Бердяев Н. А. 21, 28, 107, 186, 188
Бернштейн Н. А. 514
Берталанфи (фон) Л. 350
Беспалова Ю. М. 81, 155, 297, 309–311
Бестужев-Лада И. В. 289, 291
Бехтерев В. М. 164, 285
Библер В. С. 60
Бине А. 113
Бляхман Л. С. 290, 396
Бобров И. А. 442
Божков О. Б. 92–93, 95, 154, 256, 279, 280, 291–292, 517
Бойко В. И. 379
Болдырев Ю. Ю. 355
Большаков А. А. 496
Боннэр Е. Г. 447
Бор Н. 52, 344
Бороноев А. О. 256, 286–287
Борщевский М. В. 271
Босков А. 119, 239
Браун У. 113–114
Брежнев Л. И. 142, 148, 337, 397, 403, 405
Бродский И. А. 202
Бруно Д. 367, 512
Бруцкус Б. Д. 106, 109, 119–120
Буало А.-М. 479
Булгаков М. А. 105, 364–365
Булгаков С. Н. 28, 106
Бунге М. 61
Бунин И. А. 84
Буравой М. 46, 327
Бурдые П. 272
Бурлацкий Ф. М. 34, 436
Бурмыкина О. Н. 518
Бутенко И. А. 428
Бухарин Н. И. 38, 108
Валандер С. В. 514
Вальденфельс Б. 364
Василенко И. В. 38–39
Васьковская Е. И. 9
Вебер М. 186, 271, 284, 483, 511
Вейхер А. А. 469
Веккер Л. М. 514
Величкин В. И. 131
Вересаев В. В. 508
Винокурова У. А. 507
Вите О. Т. 475
Вихалемм П. 90
Водзинская В. В. 96, 100
Волынский Н. 442
Вольтер Ф. М. А. 176
Вооглайд Ю. 90, 235, 385–386, 460
Воронков В. М. 154, 256, 270–272, 313, 445, 451, 474–476
Воронков М. Г. 270
Воронов Ю. П. 346
Вудворт Р. 113–114
Вундт В. 112–113
Выгодский Л. С. 122
Высоцкий В. С. 85, 148
Габиани А. А. 379
Гагарин Ю. А. 147
Гайденко П. П. 90
Галактионов А. А. 43, 185
Галилей Г. 16, 79, 367, 512
Галич А. А. 148, 264
Галуа Э. 10, 513–514
Гальперин В. Я. 299
Гальтон Ф. 16, 112–113, 367, 502
Гарфинкель Г. 283, 365
Гастев А. К. 43, 106, 108, 120–121
Гастев Ю. А. 106
Гвишиани Д. М. 288, 423
Гельман В. Я. 474
Гельмгольц Г. 112–113
Геодокян В. А. 350
Герасимов А. Н. 355, 442
Гершензон М. О. 508
Гёте И.-В. 16
Гидденс Э. 312
Гилбер Д. Н. 62
Гилинский Я. И. 14–15, 68, 154, 164, 232, 238–239, 304, 377, 414, 426, 499
Гиртлер Р. 272

- Гитлер А. 384
Гоббс Т. 118
Гоголь Н. В. 172
Голдуотер Б. 450
Голенкова З. Т. 149, 150, 170–171, 256, 287–288
Головин Н. А. 139
Голод С. И. 101, 256, 281, 284–286, 290, 435
Голосенко И. А. 31–32, 35, 109–110, 117, 158, 187, 256, 281–282, 287, 327, 447
Голофаст В. Б. 52, 154, 203–204, 256, 274–275, 291, 314, 391–392, 399, 523
Горбачёв М. С. 46, 338–339, 369, 403, 405, 439, 458, 490, 518
Гордон Л. А. 232, 248–250, 432
Гороховский В. С. 469–470
Горшков М. К. 412
Горячев Ф. С. 436
Готлиб А. С. 256, 272–273
Гофман А. Б. 69, 154, 173, 256, 281–283, 291
Гребенщиков Б. Б. 148, 202, 205
Гречихин В. Г. 181
Григорьев С. И. 379
Григорьева Е. И. 9
Гридчин Ю. В. 110
Гришаев В. В. 192
Грушин Б. А. 13–14, 53, 55, 83, 86, 90, 103–105, 116–117, 121, 125, 143, 153, 187–189, 200, 209, 220–222, 226, 228–229, 261, 264–265, 279, 291, 295, 312, 320, 330, 338, 340, 346–349, 352, 354, 379, 387–388, 390, 403–408, 418, 422–424, 488, 491, 498, 501, 505, 521
Губерман И. М. 92
Гувер Г. 510
Гуд У. 93–95, 97, 104, 210–211
Гудков Л. Д. 256, 276–279
Гуковский М. А. 183
Гумилев Н. 299
Гурвич Г. Д. 106
Гурвич И. Н. 469
Гуревич А. Я. 60
Гус М. 240
Гуссерль Э. 284
Гэллп Д. 11–12, 16, 80, 86, 111–114, 367, 504–506, 508–512
Давидюк Г. П. 30, 379
Давыдов А. А. 155, 176–177, 297, 312, 324–326, 330, 333
Давыдов Ю. Н. 90
Давыдова Е. В. 333
Данин Д. С. 12, 16, 344, 508
Деятко И. Ф. 273
Демидова А. И. 181
Демичев П. Н. 381, 428
Деррида Ж. 126
Джемс У. 112–114
Дидро Д. 176
Дмитриев А. В. 327
Дмитриев Ю. А. 101
Дмитриевский В. Н. 517
Добренёв В. И. 46
Довлатов С. Д. 202
Докторов Б. З. 1, 9, 11, 13–15, 26, 46, 50–53, 56, 58, 81, 83–84, 86–87, 92–93, 97, 99, 102, 104, 109, 111, 116, 125–126, 149–150, 154, 158, 184–185, 187, 217–218, 256, 274, 295, 306, 325, 340, 347, 368, 371, 388, 393–398, 412, 417, 447, 451, 477, 481, 491, 496–524
Докторов З. Л. 513
Долгий-Рапопорт В. М. 446–447
Долинин В. Э. 204
Достоевский Ф. М. 302–303, 306
Дридзе Т. М. 45
Дубин Б. В. 79, 256, 276, 278–279
Дука А. В. 474
Дукальский С. В. 335
Дьюи Д. 113
Дьяченко Т. Б. 341
Евладов Б. В. 436
Ельмеев В. Я. 43, 153, 156, 184–186, 209, 212–213, 215, 290, 477, 484–486

- Ельцин Б. Н. 148, 339–341, 370, 405, 458, 460, 462, 465, 495, 521
 Есенин С. А. 299
- Жуков В. И.** 26, 46, 116
- Зайков Л. Н.** 462
 Замошкин Ю. А. 30
 Заславская Т. И. *см. также* Карпова Т. 21, 24–25, 51, 55, 82, 101–103, 107, 117, 125, 153, 156, 166, 178, 193–196, 200, 209, 212, 217, 223–224, 227, 229, 251, 261, 264, 279, 337–339, 358–370, 379–380, 382–383, 424–425, 430–433, 461–462, 518
 Зверев В. М. 109
 Звоницкая А. С. 109
 Здравомыслов А. Г. 8, 36–37, 39–44, 49, 63, 65–66, 93–99, 102–105, 109, 116, 121–123, 125, 127, 132, 134, 136, 153, 156, 164, 167, 182, 184, 200, 209–210, 212, 214, 216, 219, 222, 229, 240, 242, 250, 261–262, 286, 338, 378, 380–381, 385, 430, 432, 438–439, 445–446, 448–451, 484, 502, 515–516, 518
 Здравомыслова Е. А. 155, 186, 189, 204–205, 295–297, 313–314, 474, 484–485
 Зиммель Г. 284, 511
 Зиммерман Б. 473
 Зиновьев А. А. 105, 188, 294
 Знанецкий Ф. 251
 Зубов В. П. 60, 508
 Зюганов Г. А. 340
- Иванов В. Н.** 430
 Иконникова С. Н. 233, 289
 Илле М. Е. 9, 13, 15, 155, 186–187, 297, 328–331, 336, 469, 499–500
 Ильенков Э. В. 299
 Ильин В. И. 118–119, 155, 167, 201, 297, 303, 311–314, 322, 327–328, 330, 336, 377
 Ильин И. А. 107
- Илюшин В. В. 340
 Ингерсол Р. 347
 Инглхарт Р. 473
 Инфельд Л. 10, 513
 Иовчук М. Т. 33, 37, 129, 131–132, 323
 Ионин Л. Г. 76–77, 110, 119–120, 154, 180–181, 256, 272, 281, 283–284, 291, 363–366, 419, 440–441, 475, 483
- Каган В. Ф.** 16
 Каган М. С. 176, 234
 Калинин О. М. 514–515
 Каллистов Д. П. 183
 Каммари М. Д. 182
 Канаев И. И. 16, 60
 Канетти Э. 76, 364
 Кант И. 164, 377
 Канторович В. Л. 354
 Капелюш Я. С. 15, 153–154, 175, 256, 291, 387–390, 399
 Капитонов И. В. 428
 Кареев Н. И. 28, 106
 Карпенко Б. И. 270
 Карпова Т. *см.* Заславская Т. И.
 Карсавин Л. П. 28
 Кастельс М. 312
 Касьянова К. *см.* Чеснокова В. Ф.
 Каюрова В. Н. 95–96
 Квасов Г. Г. 436
 Квачахия В. М. 426
 Кедров Б. М. 344, 390
 Кеммерер М. 113
 Кенкман П. 90
 Кесельман Л. Е. 56, 68, 154, 175–176, 192–193, 256, 261, 268, 291, 330, 355–357, 442–444, 468, 499, 517
 Ким Ю. Ч. 264
 Кириенко С. В. 466
 Киш Л. 473
 Кларк С. 312
 Клейман Н. 364
 Клопов Э. В. 250, 432
 Клушин В. И. 110
 Князев Б. В. 181

- Ковалевский М. М. 25, 47, 187, 287, 326, 511
Коган В. З. 90
Коган Л. Н. 129–132, 379–380
Козлова Л. А. 9, 57, 64, 109, 136, 155, 181, 297, 322–323, 327
Козлова Н. Н. 273
Козловский В. В. 119, 363–365
Кокарев А. А. 434
Колбановский В. В. 102, 229–230
Кон И. С. 8, 25, 28, 30, 34, 41, 49, 52–53, 60, 90, 93–94, 97–101, 103, 108, 122, 125, 129, 153, 156, 176, 178, 182, 189–190, 209–211, 217, 222, 228–229, 239, 248, 260, 264, 281–286, 288, 291, 352, 375, 420–422, 424, 447, 502
Кондратьев Н. Д. 87, 106, 108–109
Кондратьева М. Ю. 9
Константиновский Д. Л. 154, 156, 256, 266, 291, 410–411
Конт О. 48, 124
Конюс А. А. 109
Коптюг В. А. 362
Кордюков А. Н. 480
Корниенко А. Н. 518
Костюшев В. В. 271, 474
Кривулин В. Б. 202
Кроссли А. 86, 506, 509, 511
Кружков В. С. 33, 37, 323
Крыштановская О. В. 317
Кугель С. А. 52, 168, 215–216, 219
Кудрин А. Л. 466
Кудрявцев Б. Н. 517
Кузнецов Б. Г. 12, 16, 60, 79, 366, 482, 508
Кузьминский К. К. 203–204
Кузьмичев В. 240
Кукушкина Е. И. 126
Кули Ч. 251, 284
Кулидж К. 510
Кун Т. 58–59, 61
Курехин С. А. 202
Кучкина О. А. 349
Кэбин И. 426
Кэнтрил Х. 505–506
Кэттелл Д. 113
Лаврентьев М. А. 425
Ладд Д. 112–113
Лазарсфельд П. 511
Лайдмяз В.-И. 235
Лакатос И. 61
Лапин Н. И. 104, 111, 118, 125, 153, 156, 173, 187, 209, 221–223, 225, 227–229, 276, 326, 380–382, 399–403, 432–433, 484
Лаппо-Данилевский А. С. 28, 281
Ласкер А. 86, 510–511
Лауристин М. 90, 235, 392–393, 460
Лебедев П. Н. 426
Левада Ю. А. 49, 55, 86, 89–90, 116, 121, 153, 164, 187, 209, 222–223, 227–229, 260, 264, 276–279, 283, 320, 330, 383–384, 418, 424, 426, 430, 434, 446, 518
Левин Б. М. 249–250
Левин К. 118
Левинская И. А. 474
Левинсон А. Г. 86, 257, 276–279
Левыкин И. Т. 379
Ленин В. И. 42, 49–50, 123, 125, 145, 184, 213, 282, 287, 319, 337, 413, 438
Леонтьев А. Н. 60
Леонтьев В. В. (ст.) 367
Леонтьев К. Н. 188
Лермонтов М. Ю. 172
Лесохина Л. Н. 334, 350, 449
Лехциер В. Л. 273
Линник Ю. В. 514
Лисовский В. Т. 290, 384
Лобанов Н. А. 391
Лобачевский Н. И. 16
Логинов В. 442
Лондон Д. 365
Лосский Н. О. 28–29, 106–107
Лотман Ю. М. 12, 90, 426
Лотти Л. 471
Лукман Т. 59–60
Люс Г. 347
Магун В. С. 350
Мазлумянова Н. Я. 9, 64, 298, 510

- Мак-Ивер Р. М. 123
Мак-Лиш А. 347
Маклюэн М. 392
Макогоненко Г. П. 183
Максимов Б. И. 70, 102, 154, 177, 232, 237–238, 250, 440, 463–465
Малиновский Б. 251
Малкей М. 62
Мамардашвили М. К. 105, 188, 206–207, 222, 295
Мангейм К. 137, 195, 313
Мандельштам Н. Я. 455
Мандельштам О. Э. 365
Мансуров В. А. 473, 479–480
Манфред А. З. 60, 508
Маркс К. 49, 111, 118, 123, 125, 132, 184, 220–222, 287, 299, 337, 438, 449, 483–484
Маслов С. С. 106
Матвеева Н. Н. 264
Матвиенко В. И. 466
Мацкевич М. Г. 442
Мейер Н. 113
Мельников Г. И. 379
Менделеев Д. И. 344, 390
Мендель Г. 16, 87, 502
Мертон Р. 58–59, 61, 108, 313, 351, 420
Мерфи Д. 521
Мид Д. 284
Милтс А. 90
Мильтон Д. 190
Могилевский Р. С. 154, 290–291, 331, 426, 459, 469–472, 521
Модзалевский Б. Л. 508
Молевич Е. Ф. 245, 272–273, 379
Момджян Ф. Н. 429
Монсон П. 61
Мордкович В. Г. 379
Моржанская Е. Д. 30
Москвичев Л. Н. 47
Мундер А. С. 173
Мур Д. 511
Муругар А. 90
Мучник И. Б. 263–264, 337–338
Мэйо Д. Э. 118
Мягков А. Ю. 83, 155, 194–195, 297, 331–334, 336, 441
Мясищев В. Н. 183, 285
Надирашвили Ш. А. 351
Найт Ф. 113–114
Нарышкина А. 223
Наумова Н. Ф. 36, 222
Нейгольдберг В. Я. 353
Некрасов Н. А. 172–173
Нечаева Н. А. 518
Никандров П. Ф. 186
Никитина А. М. 443
Новикова С. С. 37–39, 124
Ньютон И. 79, 353, 367, 512
Овчинский В. С. 304
Окуджава Б. Ш. 42
Оранский С. А. 48, 184–185
Орнатский 96
Осипов Г. В. 34, 46–49, 55, 101, 103, 107–108, 110, 117–118, 127, 132, 150, 187, 209, 223, 227–230, 246, 249, 263, 275, 277, 285, 288, 379, 427–430
Ослон А. А. 9, 297, 336–341, 468, 521
Палей И. М. 63, 502, 515–516
Панков Б. Д. 346–347
Панова Л. В. 155, 194, 201, 257, 268, 440
Парамонова В. А. 38–39
Парсонс Т. 77, 108, 118, 123, 212, 420
Парыгин Б. Д. 391–393
Пастернак Б. Л. 41, 76, 364–365, 455
Патрик Д. 113–114
Пашков А. С. 426
Петренко Е. С. 9, 257, 263–264, 281, 291, 319, 330, 338, 521
Петровская И. Ф. 78, 80
Петропавловский Д. И. 173
Пиаже Ж. 60
Пирсон К. 10, 367, 502, 511
Платонов А. П. 414
Плеханов Г. В. 43, 251
Подмарков В. Г. 121

- Позднякова М. Е. 171, 257, 288–289
Пойя Д. 61
Полозов В. Р. 242, 268
Поляхов Н. Н. 514
Понамарёв Б. Н. 428
Пономарев И. 202
Пригожин А. И. 175, 387
Прокопович С. Н. 106, 109, 367
Прокопович Ф. 37
Протасенко Т. З. 101–102, 149, 155, 203, 257, 288–291, 466–467
Пруденский Г. А. 132–133, 210
Путин В. В. 148, 466
Пушинская А. С. 513
Пушкин А. С. 12, 172, 418, 508
- Радаев В. В.** 64, 214, 358
Радищев А. Н. 418
Разин В. И. 181
Райх В. 364
Ракмик К. 113
Раппопорт А. 122
Рач Д. 113
Резерфорд Э. 12, 16, 52
Рейснер И. М. 249
Рогозин Д. М. 507
Рожин В. П. 98–100, 102, 210, 234
Романов Г. В. 398
Роупер Э. 86, 506, 509, 511, 522
Рузвельт Ф. 510
Румянцев А. М. 34, 399
Русалинова А. А. 154, 164, 173, 200, 213, 232, 235–236, 250, 486
Руткевич М. Н. 21, 34, 55, 121, 384, 401–402, 412, 422, 429
Рывкина Р. В. 55, 102, 182, 251, 358, 379
Рященко Б. Р. 242
- Саар А.** 93
Саганенко Г. И. 100, 257, 261–262, 291, 351–352, 515
Садовский В. Н. 324–325
Салтыков-Щедрин М. Е. 206
Салуцкий А. С. 462
Сандлер Г. М. 200
Санина А. В. 360
- Сапов В. В. 110, 327
Сартр Ж.-П. 303
Сатаров Г. А. 340, 521
Сафронов В. В. 518
Сахаров А. Д. 85, 148, 447
Северюхин Д. Я. 204
Северянин И. 299
Седов Л. А. 90
Семенов А. А. 350
Семенова В. В. 140, 149, 155, 218–219, 297, 314–317
Серебряков М. В. 31–32, 183, 219
Сечке Т. 391, 393
Сигов И. И. 313
Сишор К. 113–114
Скойбеда В. В. 463
Скрипчур Э. 113
Слепенков И. М. 181
Смирнов Б. С. 280
Смирнов Г. Л. 242, 402
Смирнова Е. Э. 155, 257, 268–270, 291, 425–426, 434–435, 499
Собчак А. А. 462–466, 478
Соколов В. С. 240
Соколов Э. В. 283
Соловьев В. С. 188
Соловьев Ю. Ф. 442, 444
Сонин А. С. 324
Сорокин П. А. 21, 28–29, 31, 36, 42–43, 106–107, 117, 119–120, 184, 187–188, 281–282, 287, 447, 511
Сорос Д. 327–328, 403, 479
Спекторский Е. В. 106
Спенсер Г. 365
Спиноза Б. 164, 377
Спирмэн Ч. 367, 502
Сталин И. В. 33, 124, 142, 146–147, 161, 166, 195–197, 208, 238, 384, 446, 484
Старбук Э. 113–114
Старовойтова Г. В. 203–204, 268–269, 460
Стоддарт Д. 113
Столович Л. Н. 90–93, 154, 182–184, 213, 232, 234–235, 289, 379
Стриго В. В. 434
Струве П. 28

- Струмилин С. Г. 119–120, 123, 214
Суриков В. И. 344
Суслов М. А. 428
Суслов Ю. А. 426
Сухарев А. И. 379
- Тарусин М. А. 85, 155, 188, 194, 294–295, 297, 319–322, 330, 441
Тёмкина А. А. 474–475
Темплтон Д. 520–521
Теплов Б. М. 60, 233
Терман Л. 113
Тили Ч. 314
Тимак Р. 92–93
Тимашев Н. С. 106
Титма М. 90, 315, 460
Титченер Э. 113
Ткач А. С. 480
Тойнби А. 281
Толстиков В. С. 435, 486
Толстова Ю. Н. 155, 171–172, 257, 266–267, 281, 291
Толстой Л. Н. 172–173, 344
Торндайк Э. 113
Тощенко Ж. Т. 25, 117, 154, 156, 169, 170, 174, 191–192, 232, 241–244, 330, 379, 427, 431, 433–434
Травин И. И. 155–156, 201, 257, 268–269, 271, 291
Трубецкой Е. 28
Туган-Барановский М. И. 25, 32, 367
Тугаринов В. П. 100, 233–234, 286–287
Тукумцев Б. Г. 154, 170, 232, 244–246, 435–436, 487
Тяжельников Е. М. 285
- Узунова В. Г. 289, 474
Уледов А. К. 101
Урланис Б. Ц. 271
Успенский Г. И. 173
- Файнбург З. И. 21, 379, 433
Фатеев А. М. 442
Федосеев П. Н. 102, 384
Федотова Л. Н. 92
- Фетисов Э. Н. 461
Фехнер Г. 112–113
Филиппченко Ю. А. 16
Фирсов Б. М. 8–9, 13–14, 37, 44, 68, 86, 124, 128, 154, 166–168, 185, 190–191, 199, 201, 232, 243–244, 291–292, 330, 369–372, 391–398, 432, 478–479, 496–524
Фишер Р. 10, 367
Флоренский П. А. 21, 106
Фокс С. 511
Фомин Э. А. 474–475
Франк С. Л. 28–29, 36, 106–107
Франкфурт У. И. 60
Францев Ю. П. 33, 228, 242, 427, 429
Фридлиндер Г. М. 302
Фролов С. Ф. 379
- Хальман Л. 473
Хардинг У. 510
Харчев А. Г. 34, 90, 101, 103, 209, 216–219, 241, 275, 285–286, 291, 317, 326, 411
Хатт П. 93–95, 97, 104, 210–211
Хаф Д. 312
Херцберг Ф. 98, 449–450
Химмельвайт Х. 211
Химмельstrand У. 430
Хмара Г. И. 280, 291
Холин И. 302
Холл С. 112–113
Холли М. 510
Хоманс Д. К. 118
Хромченко М. С. 105, 188
Хрущёв Н. С. 24, 347, 380, 403, 405
Хурья Э. 509–510
- Цвейг С. 344
Цветаева М. И. 454, 508
Цепилова О. Д. 475
Цой В. Р. 202
Цявловский М. А. 508
- Чагин Б. И. 27–32, 41, 110
Чангли И. И. 411
Чаянов А. В. 106, 108–109

- Черемисина М. И. 55
Черния Ж.-Ф. 473
Черных А. И. 110
Чернышевский Н. Г. 43, 190
Чесноков Д. И. 30
Чесноков С. В. 175, 252, 257, 264–265, 352–355
Чеснокова В. Ф. *см. также* Касьянова К. 232, 250–252
Чижевский А. Л. 87
Чикин В. В. 346
Чирикова А. Е. 83, 155, 194, 297, 317–318, 322
Чубайс А. Б. 340–341
Чупров А. И. 270
- Шалаев** С. А. 461
Шалин Д. Н. 9, 16, 46–47, 124–125, 519
Шампань П. 272
Шанин Т. 327, 478
Шарко Ж.-М. 112–113
Шаталин С. С. 354
Шафранник Ю. К. 480
Шахрай С. М. 340
Шелер М. 313
Шемякин М. М. 202
Шереги Ф. Э. 9, 15, 109, 117–118, 155, 218, 257, 265–266, 281, 291, 330, 408–413, 432, 436–437, 472–473, 524
Шестов Л. И. 186
Шибутани Т. 176
Шкаратан О. И. 101, 209, 214, 219, 222, 240, 250, 290, 312, 396
Шляпентох В. Э. 44–45, 49–50, 115, 117, 125, 127–128, 134, 153, 156, 167, 193, 197, 209, 223–226, 241, 261, 264–265, 289, 291, 330, 403, 410, 425, 432, 436, 439, 519
Шоен М. 113
Шпенглер О. 281
Шубкин В. Н. 55, 133, 168, 209, 222, 225–227, 229, 241, 264, 266, 275, 291, 410–411, 425, 430, 432
- Шуман** Г. 473
Шюц А. 284
- Щедровицкий** Г. П. 90, 295
Щелищ П. Б. 460
- Эйдельман** Н. Я. 508
Эйзенштейн С. М. 364
Эйнштейн А. 12, 16, 79, 137, 367, 512–513
Энгельс Ф. 32, 49–50, 284, 438, 484
Эренбург И. Г. 440
Эткинд А. М. 474
- Юмашев** В. Б. 341
Юрченко А. Ф. 374
- Ягодкин** В. Н. 388
Ядов В. А. 8, 13–15, 25–27, 32, 34, 39, 42–43, 50, 55, 58, 61–63, 68–69, 81, 83, 90, 92–99, 101–103, 117, 121–123, 125, 127–128, 132, 153, 156–157, 168–169, 176, 179, 182, 184–185, 189–191, 196, 206, 209–217, 219, 222, 229, 236–242, 244, 246, 250, 254, 261–262, 264, 270, 273–277, 284–286, 289, 291–292, 301, 305, 312, 315–318, 325, 327, 338, 349–352, 357, 379–381, 385, 396, 399, 411, 426, 430–432, 435, 448–450, 478, 483, 498–499, 501, 515, 517–519, 524
Ядов Н. В. 155, 297, 334, 336, 468
Яковлев А. Н. 431, 439
Яковлев В. А. 466
Яковлев В. П. 466
Якуба Е. А. 379
Яновская С. А. 267
Яновский Р. Г. 106
Яров Ю. Ф. 463
Ярошевский М. Г. 508

Список сокращений

<i>АН СССР</i>	— Академия наук СССР
<i>АОН</i>	— Академия общественных наук (при ЦК КПСС)
<i>АСУ</i>	— автоматическая система управления
<i>ВАК</i>	— Высшая аттестационная комиссия
<i>ВГУ</i>	— Волгоградский государственный университет
<i>ВНИСИ</i>	— Всероссийский научно-исследовательский проектно-конструкторский светотехнический институт им. С. И. Вавилова
<i>Всесоюз.</i>	— всесоюзный
<i>ВЦ</i>	— вычислительный центр
<i>ВЦИОМ</i>	— Всесоюзный (Всероссийский) центр изучения общественного мнения
<i>ВЦСПС</i>	— Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
<i>ГОЭЛРО</i>	— Государственная комиссия по электрификации России
<i>ГУ-ВШЭ</i>	— Государственный университет-Высшая школа экономики
<i>ГЭС</i>	— гидроэлектростанция
<i>Европ. ун-т в С.-Петербурге</i>	— Европейский университет в Санкт-Петербурге
<i>ЕС ЭВМ</i>	— Единая система электронных вычислительных машин
<i>ЗАО</i>	— Закрытое акционерное общество
<i>ИАТ</i>	— Институт автоматики и телемеханики
<i>ИД</i>	— Издательский дом
<i>ИКСИ АН СССР</i>	— Институт конкретных социальных исследований АН СССР (РАН)
<i>ИМЛ</i>	— Институт марксизма — ленинизма
<i>ИНИОН АН СССР</i>	— Институт научной информации по общественным наукам АН СССР (РАН)
<i>ИОМ</i>	
<i>«Комсомольской правды»</i>	— Институт общественного мнения «Комсомольской правды»
<i>ИПУ</i>	— Институт проблем управления АН СССР (РАН)

<i>ИС РАН</i>	— Институт социологии РАН
<i>ИСЭП</i>	— Институт социально-экономических проблем
<i>ИТР</i>	— инженерно-технический работник
<i>ИЭИ</i>	— Ивановский энергетический институт (до 1994 г.; ныне ИГЭУ — Ивановский государственный энергетический университет)
<i>ИЭиОПП СО АН СССР (РАН)</i>	— Институт экономики и организации промышленного производства АН СССР (РАН)
<i>КПСС</i>	— Коммунистическая партия Советского Союза
<i>Л.</i>	— Ленинград
<i>ЛВППШ</i>	— Ленинградская высшая партийная школа
<i>ЛГК</i>	— Ленинградский городской комитет (КПСС)
<i>ЛГУ</i>	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
<i>ЛИТО</i>	— Литературное объединение
<i>ЛЭТИ</i>	— Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова-Ленина
<i>М.</i>	— Москва
<i>МГИМО</i>	— Московский государственный институт международных отношений
<i>МГУ</i>	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
<i>МИД</i>	— министерство иностранных дел
<i>МИФИ</i>	— Московский инженерно-физический институт
<i>Моск.</i>	— Московский
<i>НГУ</i>	— Новосибирский государственный университет
<i>НИИКСИ</i>	— Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (при ЛГУ)
<i>НЛО</i>	— Новое литературное обозрение
<i>НПО</i>	— научно-производственное объединение
<i>О. Г. И.</i>	— Объединенное гуманитарное издательство
<i>ОК КПСС</i>	— Областной комитет КПСС
<i>ПИФ</i>	— паевые инвестиционные фонды
<i>ППП</i>	— пакет прикладных программ
<i>РАН</i>	— Российская академия наук
<i>РГГУ</i>	— Российский государственный гуманитарный университет
<i>С.-Петербург.</i>	— Санкт-Петербургский
<i>СИ РАН</i>	— Социологический институт РАН
<i>СНИЦ</i>	— Социологический научно-исследовательский центр
<i>СО АН СССР</i>	— Сибирское отделение АН СССР
<i>СПб.</i>	— Санкт-Петербург
<i>ССР</i>	— Союз социологов России
<i>ТГУ</i>	— Тюменский государственный университет
<i>ТЮМИЭП</i>	— Тюменский международный институт экономики и права

УВД	— Управление внутренних дел
УМЛ	— Университет марксизма—ленинизма
Ф. И. О.	— фамилия, имя и отчество
Физтех	— Физико-технический институт
ФОМ	— Фонд «Общественное мнение»
ЦК ВЛКСМ	— Центральный комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи
ЦСП	— Центр социального прогнозирования
ЦСПиМ	— Центр социального прогнозирования и маркетинга
ЦСУ	— Центральное статистическое управление
ЦЭМИ	— Центральный экономико-математический институт АН СССР
<i>авт.</i>	— автор
<i>автореф.</i>	— автореферат
<i>апр.</i>	— апрель
<i>б/с</i>	— без степени
<i>бюл.</i>	— бюллетень
<i>в.</i>	— век
<i>вв.</i>	— века
<i>высш.</i>	— высший
<i>г.</i>	— год
<i>г. (гг.) р.</i>	— год (годы) рождения
<i>гг.</i>	— годы
<i>гор.</i>	— городской
<i>гос.</i>	— государственный
<i>гуманитар.</i>	— гуманитарный
<i>д. с. н.</i>	— доктор социологических наук
<i>д. ф. н.</i>	— доктор философских наук
<i>д. э. н.</i>	— доктор экономических наук
<i>д. ю. н.</i>	— доктор юридических наук
<i>дис.</i>	— диссертация
<i>докл.</i>	— доклад
<i>докт.</i>	— доктор, докторский
<i>др.</i>	— другие
<i>журфак</i>	— факультет журналистики
<i>издат.</i>	— издатель, издательский
<i>изд-во</i>	— издательство
<i>им.</i>	— имени
<i>иностр.</i>	— иностранный
<i>ин-т</i>	— институт
<i>информ.</i>	— информационный
<i>истфак</i>	— исторический факультет
<i>к. п. н.</i>	— кандидат психологических наук
<i>к. с. н.</i>	— кандидат социологических наук
<i>к. ф. н.</i>	— кандидат философских наук

<i>к. э. н.</i>	— кандидат экономических наук
<i>канд.</i>	— кандидат, кандидатский
<i>кн.</i>	— книга
<i>конф.</i>	— конференция
<i>лит.</i>	— литература
<i>междунар.</i>	— международный
<i>науч.</i>	— научный
<i>нояб.</i>	— ноябрь
<i>общ.</i>	— общий
<i>о-во</i>	— общество
<i>окт.</i>	— октябрь
<i>отв.</i>	— ответственный
<i>отд-ние</i>	— отделение
<i>п. л.</i>	— печатный лист
<i>полит.</i>	— политический
<i>практ.</i>	— практический
<i>предисл.</i>	— предисловие
<i>проч.</i>	— прочее
<i>ред.</i>	— редакция, редактор
<i>рук.</i>	— руководитель
<i>рус.</i>	— русский
<i>сб.</i>	— сборник
<i>сельхозинститут</i>	— сельскохозяйственный институт
<i>сент.</i>	— сентябрь
<i>собр.</i>	— собрание
<i>сост.</i>	— составитель
<i>социол.</i>	— социологический
<i>соч.</i>	— сочинение
<i>спецхран</i>	— отдел специального хранения в библиотеках
<i>т.</i>	— том
<i>тез.</i>	— тезисы
<i>ун-т</i>	— университет
<i>учеб.</i>	— учебный
<i>филос.</i>	— философский
<i>христиан.</i>	— христианский
<i>худож.</i>	— художественный
<i>ч.</i>	— часть
<i>шк.</i>	— школа

Summary

In the monograph by Boris Z. Doktorov explores a wide range of issues concerning the formation and development of sociology in the USSR and new Russia. The author proposes and argues the point of view according to which Russia's modern sociology is not a sequel or «revival» of pre-Revolutionary one, but is the result of the second birth of this science in the context of Khrushchev's political «thaw».

The central theoretical construct of historical analysis that is carried out in the book, is the concept of generations of Soviet/Russian sociologists. In particular, it considers the «stairway of generations», which covers all occupational cohorts working in Russian sociology at this moment. As the empirical base of this project, B. Doktorov uses a large number of deep and detailed biographical interviews with sociologists, many of which he himself conducted. He interviewed sociologists by e-mail.

Attention is mostly paid to the study of biographies and works of scientists who represent the first four generations of sociologists. In general, B. Doktorov introduced and justified the new «biography focused» paradigm for the study of history of contemporary Russian sociology. This approach allows to significantly extend the problem field of historical research and to respond to challenges that lie outside the traditional institutional study of the past of Soviet/Russian sociology.

The book can be useful to researchers working in different areas of sociology, to teachers of the history of Russian sociology, and to students that learn sociology. At the same time, it's addressed to a broader circle of readers — historians, cultural scientists, and journalists, as well as anyone interested in the life of the Soviet/Russian society during the second half of the concluded century and the beginning of the new one.

Contents

Author's Preface	8
Introduction: How this Study Began	10
Part I. HISTORIC PROBLEMS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIOLOGY	18
<i>Chapter 1.</i> Biographies for History	18
The History Exists only if it is Written	18
Continuity or Revival?	26
Biography as a Source of Information for Research on History and Sociology of Science	50
<i>Chapter 2.</i> Methodological Aspects of this Research	63
Biographical Interviews by e-mail	63
Biography and Fate	76
About the Historical Search. How it was	90
<i>Who's in the Picture? The Problem with 42 Unknowns</i>	90
<i>Who Did Translate the Book of W. Goode, and P. Hutt?</i>	93
<i>How our Word will Echo Back</i>	98
<i>The First All-Union Forum of Sociologists. How to Recreate the Past</i> ...	100
<i>Chapter 3.</i> The Genesis of the Contemporary Soviet/Russian Sociology ...	104
In Search of Evidence of «Revival»	104
The Trajectories of Continuity: the Challenge of the Future	110
Not the Continuity and Not the Renewal. The Second Birth	115
The Second Birth. Refinement of the Chronology of Contemporary Russian Sociology	126
<i>Chapter 4.</i> The Stairs of the Generations of Russian Sociologists	135
The Model of Generational Stratification of the Russian Sociological Community	135
From the Model to Reality: Sociological Generations	143
The Matrix of Biographies	152

Part II. BIOGRAPHIES IN HISTORY	162
Chapter 5. The Beginning of Biographies	162
About Before Biography and Early Biography	162
Everyone Remembers the War, but Each — in Different Ways	166
The War is Still in Our Memories... ..	167
Memories of Schools and Teachers. Reading	172
Self-teaching and Learning From Mentors	179
Out of the Ordinary, the Banal Komsomol Activis	188
The Death of Stalin	195
The Sphere of Freedom	197
Chapter 6. Generated by History. One Age But Two Generations	206
They Were Destined to Begin	207
This Strange the Second Generation: the First Disciples of the First Teachers	230
Chapter 7. Designed to Help	254
Functions of the Generations: General Positions	255
The Realization of the Functions of the Third Generation	261
«Mathematicians»	261
«Philologists»	273
«Philosophers»	280
Chapter 8. Saved by Perestroika	292
Perestroika Opened up Perspective in Front of Them	294
Elements of the New Space of Activity	309
The New Challenge: Polling and Market Research	329
Part III. THE HISTORY IN BIOGRAPHIES	343
Chapter 9. Prompted by Personal Lives and Experience	343
The Spontaneous Birth of Ideas	344
<i>B. A. Grushin: The Concept of Mass Consciousness</i>	346
<i>V. A. Yadov: The Hierarchy of Values</i>	349
<i>S. V. Chesnokov. Determinacy Analysis</i>	352
<i>L. E. Kesselman. A Street Survey</i>	355
The Inevitability of Research Topics	357
<i>Economic consciousness. The Novosibirsk manifest</i>	358
<i>Webs, as if They Cover Life as a Whole</i>	363
<i>Don't Lose Continuity</i>	366
<i>Boris Firsov About His Differentiating Thoughts and the Difference of</i> <i>Opinions in the USSR</i>	369
<i>Dramatic Sociology</i>	373

Chapter 10. The Story Is True Only if it Is Full	378
The Problem Still Exists	380
Books that Didn't Come Out in Their Own Time	386
<i>About a Book That No Longer There</i>	387
<i>The Anatomy of Closing</i>	390
<i>40 Years Later</i>	393
<i>Published in Thirty Years</i>	398
«Russia's Four Lives in the Mirror» By Boris Grushin	403
Concerns About Preserving the Past	408
 Chapter 11. Everyday Life	414
Methodological Notes	415
Some of the Faces of Everyday Life	424
<i>A Bit About the Soviet Sociological Association</i>	427
<i>The Presence of the CPSU in the Everyday Life of Sociologists</i>	431
<i>The Presence of the KGB in the Everyday Life of Sociologists</i>	444
 Chapter 12. Perestroika in Fates of Sociologists and Sociology	456
Methodological Considerations of Time and Events	457
Ways to Power	460
The Emergence of Independent Sociological Research Organizations	467
The Independent Sociological Education	476
Changes in the Methodology of Sociology as Well as in the Subject and the Object of Research	481
Conclusion	491
 <i>Appendix. B. Z. Doktorov. «I am Most Interested in Methods of Researching and Scientists as People...»</i>	496
 Bibliography	525
List of Cited Interviews with Russian Sociologists	537
Author Index	543
List of Abbreviations	552
 Summary	556

Научное издание

Борис Зусланович Докторов
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
История в биографиях и биографии в истории

Редактор, корректор *Е. И. Васьковская*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*
Дизайн *А. Ю. Ходот*

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 3А
тел.: +7 812 386 7627
факс: +7 812 386 7639
e-mail: books@eu.spb.ru
Интернет-магазин Издательства:
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 01.03.2012. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28
тел./факс (812) 388-9000
e-mail: beresta@mail.wplus.net